33(08)
163

N 20

Перевірено
33(09
Л63

НАЦІОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Д-ра Фридриха Листа.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. В. Трубникова,

съ его Вступленіемъ, примѣчаніями и біографическимъ очеркомъ Фр. Листа.

Et la patrie et l'humanité!

Киевский ... Финансово-экономический институт
24.8 1948
2146 № 8. 239

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская, № 16.
1891.
Изданіе А. Э. Мертенсъ.

БИБЛИОТЕКА
Киевский институт
№
195 г.
59

Оглавленіе.

стр.
Вступленіе. К. В. Трубникова. I
Біографія Фридриха Листа XXI

Національная система политической экономіи.

Содержаніе.

Предисловіе 1
Введеніе 37

КНИГА ПЕРВАЯ.

Исторія.

Глава I. Итальянцы. 61
Глава II. Ганзейцы 69
Глава III. Нидерландцы. 82
Глава IV. Англичане 89
Глава V. Испанцы и португальцы 110
Глава VI. Французы 119
Глава VII. Нѣмцы 126
Глава VIII. Русскіе 139
Глава IX. Сѣверо-американцы. 148
Глава X. Уроки исторіи 161

КНИГА ВТОРАЯ.

Теорія.

Глава XI. Политическая и космополитическая экономія . . 171
Глава XII. Теорія производительныхъ силъ и теорія цѣнностей. 184
Глава XIII. Національное раздѣленіе труда и ассоціація производительныхъ силъ страны 198

стр.

Глава XIV. Частная экономія и политическая экономія. 212
Глава XV. Національность и экономія націй 223
Глава XVI. Народная и государственная экономія, политическая и національная экономія 243
Глава XVII. Фабрично-заводская промышленность и личныя, соціальныя и политическія національныя производительныя силы 245
Глава XVIII. Фабрично-заводская промышленность и естественныя производительныя силы націи . . 257
Глава XIX. Фабрично-заводская промышленность и инструментальныя силы и матеріальные капиталы страны 270
Глава XX. Фабрично-заводская промышленность и земледѣльческіе интересы 280
Глава XXI. Фабрично-заводская промышленность и торговля 302
Глава XXII. Фабрично-заводская промышленность, торговое мореходство, морскія силы и колонизація. 311
Глава XXIII. Фабрично-заводская промышленность и орудія денежнаго обращенія 313
Глава XXIV. Фабрично-заводская промышленность и принципъ самосохраненія и прогресса 335
Глава XXV. Мануфактурная промышленность и средства, возбуждающія производство и потребленіе . 342
Глава XXVI. Таможни, какъ главныя средства для насажденія и упроченія внутренней фабрично-заводской промышленности. 347
Глава XXVII. Таможни и господствующая экономическая школа 354

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Системы.

Глава XXVIII. Италіанскіе экономисты 363
Глава XXIX. Промышленная система (ошибочно названая школою меркантильною) 370
Глава XXX. Школа физіократовъ или система земледѣлія. 375
Глава XXXI. Система мѣновыхъ цѣнностей (ошибочно называемая школою системою промышленною). Адамъ Смитъ 378
Глава XXXII. (Продолженіе) Жанъ Баптистъ Сэй и его школа 383

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Политика.

		стр.
Глава XXXIII.	Островное господство и континентальныя государства—Сѣверная Америка и Франція. .	392
Глава XXXIV.	Островное господство и германскій торговый союзъ	411
Глава XXXV.	Континентальная политика	430
Глава XXXVI.	Торговая политика германскаго таможеннаго союза	443

Вступленіе.

„Не надобно вести людей путемъ крайнимъ".
Екатерина Великая.

Голодъ, самый сильный въ мірѣ стимулъ, далъ въ Англіи, странѣ *мануфактурно-коммерческой*, побѣду принципамъ свободы торговли и привелъ къ уничтоженію протекціонной системы. Чудовищный голодъ, нынѣ нами переживаемый, дастъ Россіи, странѣ *земледѣльческой*, но вкусившей уже европейской культуры, при помощи которой весь ея экономическій строй подвергся огромной перемѣнѣ,—рѣшительную побѣду принципамъ протекціонной системы. Когда-же, благодаря упроченію возстановляемой нынѣшнимъ министромъ финансовъ *дѣйствительной* протекціонной системы, а не мнимой, которую рекомендовали намъ наши фритредеры,—Россія возвысится на степень самаго могущественнаго *земледѣльческо-мануфактурно-коммерческаго* государства, слѣдовательно независимаго отъ внѣшнихъ вліяній, то она придетъ къ тому-же, къ чему пришла и Англія, т. е. къ побѣдѣ принциповъ свободы торговли и къ постепенному устраненію покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ. Вотъ къ какому заключенію придетъ русскій читатель, познакомившись съ „Національною системою политической экономіи" Фр. Листа.

Россія является какимъ-то новымъ міромъ, который въ концѣ XIX столѣтія, находясь въ составѣ цивилизованныхъ

націй Европы, будучи всесторонне ознакомленъ съ классической (космополитической) системой политической экономіи и разными школами экономической науки, равно съ многочисленными ихъ фракціями, не исключая и демагогическихъ, смѣло скажемъ—не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о цѣльной національной системѣ политической экономіи, создателемъ которой былъ Фридрихъ Листъ, профессоръ политическихъ наукъ въ Тюбингенѣ и докторъ правъ Іенскаго университета, всемірно-извѣстный самостоятельный экономистъ и двигатель науки. Между тѣмъ не только ученые труды Фр. Листа, но и самъ онъ, въ качествѣ политическаго, ученаго, дипломатическаго, практическаго общественнаго дѣятеля и депутата германскаго парламента, извѣстенъ былъ при жизни своей въ высшихъ государственныхъ, ученыхъ и общественныхъ сферахъ всей Германіи, Австріи, Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ Америки, гдѣ онъ лично принималъ участіе въ ученой экономической литературѣ. Сочиненія его, послѣ его кончины, выдержали на нѣмецкомъ языкѣ нѣсколько изданій и появились впослѣдствіи въ переводахъ на французскій языкъ въ Парижѣ въ двухъ изданіяхъ, кромѣ того, въ переводѣ на англійскій языкъ — въ Филадельфіи. Къ сожалѣнію, „Національная система политической экономіи“ Фр. Листа, имѣющая всемірную извѣстность, не только не была переведена до настоящаго момента на русскій языкъ, и слѣдовательно неизвѣстна русскому образованному обществу, но даже весьма мало извѣстна большей части нашихъ ученыхъ экономистовъ.

Фр. Листъ былъ пророкомъ настоящаго величія Германіи, созданной княземъ Бисмаркомъ по началамъ его ученія. Все, что дѣлалъ князь Бисмаркъ для Германіи, было замѣчательно точно указано Листомъ, а чего онъ не дѣлалъ для Германіи и что разрушительно отзывалось на Россіи, а именно примѣненіе къ послѣдней отжившихъ свой вѣкъ, односторонніхъ или ложныхъ экономическихъ доктринъ, то германскій канцлеръ обязательно старался, черезъ посредство своихъ Gelehr-

ter'овъ, внушить нашимъ вліятельнымъ ученымъ экономистамъ, а чрезъ ихъ посредство и нашимъ виднымъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ. Въ данномъ случаѣ кн. Бисмаркъ стремился примѣнить къ Россіи, въ видахъ обезсиленія ея производительныхъ силъ, тотъ-же самый экономическій экспериментъ, какой въ первую половину текущаго столѣтія Англія примѣняла въ тѣхъ-же эгоистическихъ побужденіяхъ сначала къ Франціи, а потомъ къ Германіи.

Противъ такой эксплоатаціи Германіи со стороны дружественной державы и выступилъ въ свое время Листъ со всею энергіею геніальнаго человѣка, оставивъ въ наслѣдіе потомству великое твореніе, какъ результатъ борьбы цѣлой его жизни съ превратными экономическими ученіями, которыя считались послѣднимъ словомъ науки и до него назывались „аксіомами, которыя также безусловно вѣрны и всеобщи, какъ положенія астрономіи", а все, несогласное съ Смито-рикардовскимъ экономическимъ направленіемъ признавалось вздорною ересью. Судя по печатнымъ отзывамъ, „Національная система политической экономіи" Фр. Листа была одною изъ настольныхъ книгъ князя Бисмарка. Основательное знакомство съ этимъ сочиненіемъ въ цѣломъ его составѣ и въ переводѣ на русскій языкъ составляетъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, въ особенности въ настоящее время кореннымъ у насъ экономическихъ реформъ и чудовищнаго голода, какъ прямаго слѣдствія господства въ теченіе десятковъ лѣтъ экономическихъ заблужденій, настоятельную необходимость для всякаго образованнаго русскаго человѣка.

Ученія Фр. Листа составили эпоху не только въ научной, но и практической жизни Германіи и Соединенныхъ Штатовъ, и были путеводною звѣздою, приведшею финансы, сельское хозяйство, промышленность и торговлю въ этихъ государствахъ въ цвѣтущее положеніе.

Лучшіе ученые экономисты всѣхъ экономическихъ школъ признаютъ, что „Національная система" доктора Фр. Листа есть произведеніе самое замѣчательное въ нынѣшнемъ столѣтіи

по вопросу о международной торговлѣ и можетъ быть разсматриваема „какъ самое высшее научное выраженіе протекціонной системы“. Не мудрено, что послѣ его смерти, въ качествѣ творца политической и экономической эмансипаціи своей родины, онъ былъ зачисленъ въ рядъ тѣхъ великихъ умовъ, которые составляютъ гордость націи и отмѣчаютъ въ исторіи новую эру. Дѣло дошло до того, что его начали сравнивать съ Лютеромъ. Съ людьми, подобными Листу, обыкновенно оправдывается поговорка: divus dum ne sit vivus.

„Національная система“ Листа является для теоріи Адама Смита — теоріи, которая десятки лѣтъ считалась „политическою математикою“, а въ дѣйствительности была ничѣмъ инымъ, какъ отрицаніемъ таможеннаго покровительства,—рѣшительнымъ, всестороннимъ и окончательнымъ опроверженіемъ. Послѣдователи либеральной экономической школы повсюду явились съ энергическими протестами противъ его ученій, по ихъ мнѣнію, чуть не революціонныхъ.

На самомъ дѣлѣ „Національная система“ Листа представляетъ собою лишь основы для *примиренія* того и другого принципа, осуждая только абсолютное преобладаніе принципа laissez faire, laissez passer. Листъ вовсе не выступаетъ, подобно протекціонистамъ quand même, съ антилиберальными и ретроградными доктринами. Его доводы отличаются настолько-же мудростью государственной реформы, насколько и сопротивленіемъ неосторожнымъ и безразсуднымъ нововведеніямъ.

Прочитавши сочиненіе Фр. Листа съ тѣмъ вниманіемъ, котораго оно заслуживаетъ, всякій придетъ къ убѣжденію, что имѣетъ передъ глазами свободу торговли, какъ великую цѣль. Различіе между ученіями классической политической экономіи, которую Листъ называетъ „школою Адама Смита“, и ученіями національной экономіи заключается въ томъ, что идея первой—будущее, идея второй—настоящее. Философія—далекое будущее; политика — настоящее со всѣми ея нуждами и потребностями. Таможенныя ограниченія, говоритъ Листъ—средство, а свобода—цѣль. Листъ не противопостав-

ляетъ одну идею другой, не устанавливаетъ между ними антагонизмъ, а указываетъ, какимъ образомъ идеи эти *примиряются*.

Извѣстный государственный человѣкъ и германскій мыслитель, творецъ науки о финансахъ, Лоренцъ Штейнъ говоритъ, примѣняясь къ точкѣ зрѣнія Листа, что „протекціонизмъ и свобода торговли составляютъ противоположности, которыя, развиваясь діалектически, находятъ *примиряющій* синтезъ въ охранительной таможенной пошлинѣ для вполнѣ обработанныхъ произведеній“. Даже извѣстный экономистъ Д. С. Милль признаетъ, что „покровительственныя пошлины съ цѣлію пробужденія новой отрасли промышленности оправдываются какъ временный экспериментъ“.

И Листъ не считаетъ, что протекціонизмъ полезенъ для народовъ во всѣхъ стадіяхъ его развитія, а также для всѣхъ безъ исключенія странъ. Онъ является необходимымъ только тогда, когда экономическое, интеллектуальное и политическое воспитаніе *земледѣльческой* страны, подъ вліяніемъ свободы торговли, достигло предѣла, при которомъ ввозъ иностранныхъ фабрично-заводскихъ издѣлій и недостатокъ рынковъ препятствуетъ дальнѣйшему развитію ея до степени земледѣльческо-мануфактурно-коммерческаго государства.

Къ „національной системѣ“ Фр. Листа отнесутся съ предвзятою невѣрною идеею, если захотятъ увидѣть въ ней монографію, широкую монографію по обширному вопросу о международной торговлѣ. Заслуга Листа заключается не въ одномъ только опроверженіи доктринъ космополитической системы политической экономіи о неограниченной свободѣ торговли. Онъ говоритъ и о другихъ частяхъ экономической науки, которыя имѣютъ связь съ этимъ вопросомъ, и говоритъ о нихъ съ тою же силою жизненной правды и оригинальности, которыми дышетъ все его знаменитое сочиненіе.

Листъ рельефно выставляетъ идею *національности*, которою пренебрегли его предшественники. Они выбросили изъ своихъ ученій, какъ негодную ветошь, національности, съ ихъ

интересами и особенными условіями, и не хотѣли согласить ихъ съ идеалами всего человѣчества. Они не хотѣли знать и самаго человѣчества, какъ оно нынѣ существуетъ съ націями, неравномѣрно развитыми и недостаточно цивизизованными.

Листъ находитъ тѣсную связь между явленіями экономическими и явленіями политическими, между которыми отвлеченная экономическая теорія видѣла цѣлую бездну. Какъ будто не дѣло правительства и его политики возбудить, увеличить, поддержать и обезпечить производительныя силы націи въ выгодахъ ея цивилизаціи, благосостоянія, устойчивости и независимости!

Листъ доказываетъ съ исторіею всѣхъ странъ и народовъ въ рукахъ, что земледѣліе находится въ тѣснѣйшей связи съ національною фабрично-заводскою промышленностію и что оно не можетъ достигнуть значительнаго совершенства при слабомъ развитіи этой послѣдней. Классическая политическая экономія полна заблужденій, когда противопоставляетъ интересы земледѣльческіе интересамъ мануфактурнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ преуспѣяніе земледѣлія возможно только при цвѣтущей фабрично-заводской промышленности.

Листъ утверждаетъ, что дѣйствительное богатство націи заключается не въ массѣ мѣновыхъ цѣнностей, а вообще въ степени развитія производительныхъ силъ и въ частности умственныхъ и нравственныхъ силъ.

Онъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ подвергаетъ критикѣ ученія Ад. Смита и Ж. Б. Сэя, посколько они касались доктрины о раздѣленіи труда и теоріи цѣнностей. Ж. Б. Сэй, а за нимъ и либеральная экономическая школа доказывали, что религія, христіанская нравственность и законы не могутъ создавать богатства, а на это Листъ отвѣчаетъ „конечно, они не могутъ ихъ создавать, но они создаютъ производительныя силы, которыя гораздо важнѣе богатства или обладанія мѣновыми цѣнностями“.

Политическая экономія, говоритъ Листъ, основывается на философіи, политикѣ и исторіи.

Словомъ, сочиненіе Листа, при всѣхъ его нѣкоторыхъ недостаткахъ, о которыхъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своемъ введеніи, является научнымъ трудомъ наиболѣе оригинальнымъ и драгоцѣннымъ, которое когда-либо Германія давала въ этомъ родѣ. Эта оригинальность въ связи съ шириною взгляда, глубиною знанія, силою діалектики и воодушевленія и блескомъ стиля даетъ особенную живучесть этому произведенію великаго ума.

Живучесть идей Листа обезпечивается тѣмъ, что въ ней изложена жизненная правда, а старая истина — вѣчная истина!

Вслѣдствіе этого нѣтъ, конечно, у Листа недостатка въ защитникахъ его ученій и въ послѣдователяхъ ихъ и его единомышленникахъ въ государственныхъ, ученыхъ и общественныхъ сферахъ всего образованнаго міра. Гр. Канкринъ, Тіеръ, Л. Штейнъ, кн. Бисмаркъ, И. А. Вышнеградскій, американскіе ученые экономисты: Кэре, Пестинъ Смитъ и Робертъ Томпсонъ, давшій наибольшее развитіе ученіямъ Фр. Листа, и Кольвелль, (подъ редакціею котораго сдѣланъ переводъ сочиненій Листа на англійскій языкъ);—германскіе извѣстные экономисты: Рошеръ, Книсъ, Гильдебрантъ, Шэфле;—русскіе профессора политической экономіи: А. Антоновичъ, И. Тарасовъ, И. Кауфманъ, равно М. Н. Катковъ и С. Ю. Витте (первый познакомившій недавно русское общество, хотя и въ небольшой брошюрѣ, съ жизнію и сочиненіями Фр. Листа),—французскіе экономисты: Казо, Лестибудуа, Димесниль-Мариньи, Ришело (подъ редакціею котораго переведено сочиненіе Листа на французскій языкъ)—всѣ эти или великіе умы, или извѣстные люди науки, вмѣстѣ съ Фр. Листомъ, не были солидарны съ тремя эфемерными и фальшивыми доктринами экономистовъ-классиковъ или выставляли на видъ эту фальшь и эфемермость, а именно: *космополитизмъ*, *индивидуализмъ* и *матеріализмъ*.

Теорія Фр. Листа, служащая путеводительницей германской политики и въ короткое время поднявшая Германію въ политическомъ и экономическомъ отношеніи на невѣроятную

высоту, должна быть принята къ руководству всѣми націями и ихъ правительствами, а въ томъ числѣ и Россіею, если она не желаетъ снова подпасть подъ англійское, германское и иное какое нибудь чужеземное экономическое вліяніе.

Впрочемъ, это могло быть весьма легко въ прежнее время, когда наши экономисты дружно ударились въ фальсификацію науки, въ пропаганду всяческихъ экономическихъ и соціальныхъ утопій чужеземной фабрикаціи. Нынѣ наши экономисты фритредеры или утописты поняты и оцѣнены по достоинству. Голосъ ихъ замолкъ. Но, le roi est mort, vive le roi!

Явились замѣстители ихъ на поприщѣ философіи, пропагандирующіе атеистическій реализмъ германскихъ философовъ, повергая такимъ образомъ жизнь массы русскаго общества въ мертвящій формализмъ, изъ котораго исчезаетъ христіанская идея. Пропаганда эта, отличаясь бездушнымъ направленіемъ, порождаетъ умственное броженіе и ведетъ быстрыми шагами русское общество къ отупѣнію, производя въ то же время великое множество атеистовъ.

Между тѣмъ въ философскихъ убѣжденіяхъ образованнаго міра, какъ извѣстно, совершился также переворотъ, который долженъ имѣть большое вліяніе на развитіе экономической науки. Но, демократизація у насъ при помощи газетъ односторонней филосовской мысли, порождающей смуту въ умахъ и развратъ въ сердцахъ, филосовскихъ мудрствованій, идущихъ въ разрѣзъ съ дѣйствующею у насъ въ послѣдніе годы экономическою политикою, для упроченія которой принимаются самыя энергическія мѣры, можетъ имѣть самое гибельное вліяніе на финансы и народное хозяйство.

Какъ далекій ураганъ, сломившій на мѣстѣ своего зарожденія всѣ преграды, отражается въ самихъ далекихъ мѣстностяхъ неожиданною перемѣною воздуха, точно такъ же умственное движеніе и научное направленіе, перемѣнивъ совершенно характеръ и складъ мысли руководящихъ сферъ въ печати въ сторону невѣрія, химеръ и утопій, волнами разливается въ обществѣ, захватывая людей изъ высшихъ

и среднихъ его классовъ, а также отчасти и изъ народныхъ массъ, которыя совершенно ей непричастны.

Дѣятельная пропаганда ложныхъ экономическихъ и соціальныхъ ученій и системъ за послѣдніе тридцать лѣтъ имѣла послѣдствіемъ Высочайшее повелѣніе отъ 5 января 1884 года, на основаніи котораго съ того времени нѣсколько ограничено обращеніе въ обществѣ органовъ этой пропаганды. Воспрещено допускать въ обращеніе, хотя только въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ, 125 отдѣльныхъ сочиненій и переводовъ и 850 выпусковъ ежемѣсячныхъ журналовъ, а всего въ количествѣ одной тысячи книжныхъ изданій, составляющихъ въ сложности около *трехъ милліоновъ* экземпляровъ. Excusez du peu!

Въ числѣ этихъ изданій оказываются главнымъ образомъ переводы иностранныхъ авторовъ по вопросамъ экономическимъ, соціальнымъ и философскимъ, а именно: Адама Смита (о богатствѣ народовъ и теорія нравственныхъ чувствъ), Прудона, Лассаля, К. Маркса, Спенсера, Д. С. Милля, Луиса, Огюстъ-Конта, К. Фогта, Моллешота, Бюхнера, Луи Блана и т. д.; равно русскихъ авторовъ: Бибикова, де-Роберти, Михайлова, Шелгунова, Чернышевскаго, Суворина и др.

Въ настоящее время умами русскаго общества овладѣла наша больная, одряхлѣвшая и разочарованная ежедневная печать, книжники и фарисеи, лицемѣры. Это — „слѣпые вожди слѣпыхъ, а если слѣпой ведетъ слѣпаго, то оба упадутъ въ яму“. Въ самомъ дѣлѣ, въ прессѣ нашей мы встрѣчаемъ нынѣ неустанную популяризацію ученій атеитическаго реализма или китайскаго матеріализма съ Шопенгауеромъ и его послѣдователемъ гр. Л. Толстымъ во главѣ, перетолковывающихъ Христово ученіе посвоему и отвергающихъ идеалистическую мораль, построенную на идеѣ долга. Они проповѣдуютъ китайскій буддизмъ, ничего общаго не имѣющій съ евангельскимъ идеализмомъ. По истинѣ—это ядъ, съ которымъ можно познакомить лишь немногихъ.

Такая демократизація односторонихъ философскихъ док-

тринъ направлена къ тому, чтобы увѣрить русское общество и высшія его сферы, что между вѣрою и знаніемъ союзъ расторгнутъ.

Странно, что никто не замѣчаетъ здѣсь плутни, скрывающейся въ раздѣленіи вѣры и знанія,— плутни, въ которой въ концѣ концовъ провозглашается чувственность—единственнымъ источникомъ знанія, миръ вещественный — единственною реальностью, теорія свободы торговли — единственнымъ источникомъ народнаго богатства, матеріализмъ, отвергающій Бога—обладателемъ всякаго вѣдѣнія и знанія! На самомъ дѣлѣ вѣра является источникомъ и органомъ всякаго знанія; а въ философскихъ вопросахъ противоположность можетъ быть только между вѣрою и невѣріемъ, но не можетъ быть противоположности между вѣрою и знаніемъ, о которомъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ всеобщую обязательную силу имѣетъ положеніе: кто ни во что не вѣритъ, тотъ ничего не знаетъ.

Между тѣмъ экономическое развитіе общества всегда идетъ рядомъ съ его умственнымъ и нравственнымъ движеніемъ и столько же отъ него зависитъ, сколько и отъ духовныхъ способностей націи. Пропаганда у насъ въ прошедшее царствованіе односторонніхъ и ложныхъ экономическихъ ученій и превратныхъ философскихъ доктринъ шла рядомъ съ финансовымъ разстройствомъ, раззореніемъ сельскаго хозяйства, съ періодически повторяющимися голодовками, съ промышленными, торговыми и финансовыми кризисами, окончательно разстроившими денежную систему. Куда приведетъ насъ пропаганда невѣрія и буддійскихъ міровоззрѣній — это дѣло будущаго. Но никто не можетъ отрицать, что эта стихійная сила назрѣла до того, что можетъ принести огромный вредъ возрождающимся хорошимъ финансамъ и здравой экономической политикѣ.

Экономическая наука не обладаетъ и никогда не будетъ обладать секретомъ построить финансовую систему и экономическую политику на иныхъ основаніяхъ, какъ на началахъ

христіанской нравственности, точно также, какъ медицина никогда не откроетъ секрета обезпечить человѣку пользованіе хорошимъ здоровьемъ, не взирая на дурную жизненную обстановку.

Въ прошедшее царствованіе въ нашей литературѣ получилъ господство пантеистическій натурализмъ—наго́й, безъ иллюзій, словомъ атеизмъ безъ фразъ, а нынѣ преобладаетъ пантеистическій натурализмъ экзальтированный, старающійся обмануть самого себя. Послѣднимъ натурализмомъ былъ зараженъ нашъ извѣстный ученый натуралистъ, попечитель учебнаго округа, покойный Пироговъ, который въ своихъ посмертныхъ запискахъ говоритъ, какъ онъ изъ пантеиста сдѣлался вѣрующимъ христіаниномъ и пришелъ, между прочимъ, къ слѣдующему заключенію: „Подлецъ въ моихъ глазахъ передъ Богомъ и передъ собою тотъ, кто, отвергнувъ всѣ идеалы вѣры и ставъ въ ряды атеизма, въ бѣдѣ измѣняетъ на время свои убѣжденія, а всего хуже, если дѣлаетъ еще тайкомъ, а убѣжденія свои разглашаетъ открыто. А такихъ господъ не мало. Къ нимъ принадлежалъ нѣкогда и я самъ, пока не познакомился съ собой хорошенько. Да, трудно простить себѣ такую подлость, хотя бы временную и невольную!“

Радоначальникомъ пессимистическаго пантеизма является нѣмецкій мыслитель Шопенгауеръ; его доктрина построена на религіи Конфуція, т. е. на началахъ рѣзко реалистическихъ и откровенно матеріалистическихъ. Графъ Левъ Толстой, русскій человѣкъ, обладающій высокою степенью европейскаго образованія, зараженъ тѣмъ-же пессимизмомъ, такъ какъ для поясненія своего философскаго міровоззрѣнія называетъ Будду, Конфуція и Зароастра. Отождествляя свои міровоззрѣнія съ буддизмомъ, они становятся двигателями народныхъ страстей и источникомъ общественной опасности.

Шопенгауеръ свое основное начало называетъ не Богомъ, а „Волею“. Изъ переписки Шопенгауера съ его друзьями видно, что въ Франкфуртѣ, гдѣ онъ неутомимо сосредоточенно отдавался своимъ занятіямъ философіей, въ его кабинетѣ, на столѣ

передъ нимъ находилась золотая статуя Будды, и онъ обыкновенно въ бесѣдахъ съ друзьями, указывая на нее, говорилъ: „вотъ Богъ!“ Цинизмъ его доктринъ будетъ совершенно понятенъ, если прибавить, что Шопенгауеръ мечталъ о гаремахъ для ученыхъ людей и о введеніи многоженства... Ученія этого мечтателя, психическая ненормальность котораго бросается въ глаза, встрѣчаетъ *систематическую* апологію въ нашихъ наиболѣе распространенныхъ органахъ печати. Не далѣе какъ въ настоящій моментъ, когда мы пишемъ эти строки, горячіе апологисты Шопенгауера, философы „Новаго Времени“, въ тысячный разъ повторяютъ, что „Шопенгауеръ *геній* вѣка“, „истинный поработитель нашей эпохи“. „Наша эпоха всевозможныхъ удрученій какъ нельзя болѣе благопріятна для Шопенгауера. Его любятъ, въ него вѣрятъ, съ нимъ *носятся*. Это буквально то самое, что было въ свое время съ Боклемъ, Спенсеромъ и др. Онъ—*модный мыслитель*“. „Молодежь *именно этимъ* ученіемъ живетъ, считаетъ его *правдой жизни* и ничего другаго знать не хочетъ“. („Новое Время“, № 5605 отъ 6 октября 1891 г.).

Буддійское міровоззрѣніе Шопенгауера даетъ горькій и наглядный урокъ тѣмъ, которые внѣ христіанства ищутъ основъ для обновленія умственной и экономической жизни человѣчества, а мертвый сонъ Китая и Индіи наглядно показываетъ результатъ этихъ древне-восточныхъ міровоззрѣній.

Но доказанъ ли пессимистическій пантеизмъ Шопенгауера? Ученіе гр. Л. Толстого есть ли истина?

Если всѣ эти философскія системы, пропагандируемыя у насъ нынѣ на просторѣ, ошибочны или злонамѣренны, если руководящія идеи ихъ авторовъ логичны, но не нравственны, если они стремятся подкопаться подъ слово Божіе, а доказать это не трудно, то какую цѣну они могутъ имѣть въ глазахъ непредубѣжденнаго русскаго государственнаго человѣка или экономиста?

Вообще главный софизмъ приведенныхъ выше модныхъ у насъ философскихъ ученій заключается въ мнѣніи, что вся-

кому образованному человѣку предстоитъ — или отказаться отъ употребленія собственнаго разума, если онъ хочетъ оставаться при вѣрѣ, или отказаться отъ вѣры, если онъ хочетъ называться мыслящимъ человѣкомъ. Иными словами: лозунгъ современныхъ намъ моралистовъ: „Гоните Христа и его ученіе!“

Поэтому не пора ли нашимъ здровомыслящимъ экономистамъ и моралистамъ приняться за улучшеніе у насъ репутаціи экономической науки и тѣсно связанныхъ съ нею философскихъ системъ и снять съ нихъ „mauvais odeur“ — этотъ мракъ, безбожіе и что-то искусственное и напускное, которое окружаетъ эти отрасли знанія, имѣющія громадное вліяніе на умственное, моральное и экономическое развитіе русской народности, цивилизаціи и государственнаго могущества.

Laissez faire и Адамъ Смитъ, Адамъ Смитъ и laissez faire, Будда-богъ и Шопенгауеръ, Шопенгауеръ и Будда - богъ, не пора ли ужь имъ убраться изъ нашей компаніи? Нельзя ли допустить, что они уже достаточно исполнили свою миссію и что теперь могли бы удалиться?

Въ самомъ дѣлѣ, человѣческая душа есть безконечно цѣнное въ себѣ, передъ чѣмъ блѣднѣетъ значеніе всѣхъ другихъ вещей. Христосъ сказалъ: „Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ?“ А наши моралисты вредятъ именно душѣ русскаго человѣка. Всѣ человѣческія дѣянія, а въ томъ числѣ и народное хозяйство, имѣютъ цѣль, а христіанская нравственность обнимаетъ всѣ цѣли жизни. Безъ проникновенія ею государственныхъ и общественныхъ сферъ невозможно обосновать экономическій прогрессъ на промышленномъ возрожденіи, на которомъ построена вся національная система Листа, которая даетъ научное освѣщеніе нынѣ дѣйствующей у насъ экономической политики.

Но какъ назвать нашихъ экономистовъ, которые погрѣшили запамятованіемъ существованія національной системы политической экономіи Фр. Листа?! Не очевидно ли, что они обладаютъ высокимъ довѣріемъ только къ одностороннимъ уче-

ніямъ Адама Смита и къ собственнымъ отсюда проистекающимъ личнымъ умозрѣніямъ? Не очевидно ли, что свои рецепты отъ экономическихъ у насъ золъ, ими же созданныхъ, они почерпали изъ ученій экономистовъ враждебныхъ Листу? Они продолжаютъ утверждать, что теорія свободы торговли при всѣхъ обстоятельствахъ есть наивыгоднѣйшая, тогда какъ довѣріе къ *абсолютному* значенію этой теоріи въ основаніи поколеблено еще Фр. Листомъ, и вслѣдствіе того оказалось, что въ экономической наукѣ все *относительно* и только относительное абсолютно. Они не хотѣли слышать упрековъ, относившихся къ ихъ бездѣйствію, праздномыслію и къ тому, что изучать и преподавать экономическую науку было для нихъ очень легко, если, какъ они полагаютъ, она заключается въ отвлеченностяхъ, а не основана на фактахъ, на исторіи, статистикѣ, политикѣ и философіи.

О существованіи кризиса въ политической экономіи возымѣлъ смѣлость во всеуслышаніе провозгласить у насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ московскій профессоръ Янжулъ, въ своемъ сочиненіи „Англійская свободная торговля".

„Всякое лицо, говоритъ онъ, даже поверхностно знакомое съ исторіей науки, знаетъ, что политическая экономія въ настоящее время переживаетъ *весьма серьезный* кризисъ. Вѣра во многія, наиболѣе существенныя положенія и принципы этой науки, какъ они были установлены въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка ея первыми основателями, вѣра эта является въ значительной степени подорванною или поколебленною: и въ тоже время новые принципы, новые законы, которые могли бы замѣнить собою старые, потерявшіе общее довѣріе, *еще не созданы и пребываютъ in spe*".

Судя по этому отзыву г. Янжула, можно полагать, что не только поколеблены самыя существенныя положенія Смитовскаго направленія, но не существуетъ нынѣ политической экономіи, какъ науки. Но ничего подобнаго нѣтъ. Это послѣднее направленіе дѣйствительно дискредитовано, но не теперь, а чуть не полстолѣтія тому назадъ Фр. Листомъ, ко-

торый и противопоставилъ положеніямъ и выводамъ Ад Смита и Ж. Б. Сэя абстрактнаго характера, чуждымъ наблюденій дѣйствительности экономической жизни различныхъ націй, — положенія и выводы, основанные на исторіи народовъ, словомъ на фактахъ, и начерталъ національную систему политической экономіи. Эта система и получила въ послѣднее время значеніе въ государственной практикѣ всѣхъ странъ подъ вліяніемъ разныхъ перипетій въ хозяйственной жизни различныхъ народовъ.

Слѣдовательно поколеблено и подорвано Смито-рикардовское направленіе, но отсюда еще далеко до отрицанія научнаго значенія политической экономіи. Листъ, критикуя космополитическую систему политической экономіи Ад. Смита и Ж. Б. Сэя, равно ихъ предшественниковъ и послѣдователей, касается лишь *національныхъ* и *международныхъ* отношеній и оставляетъ въ покоѣ ихъ значеніе по отношенію къ разработкѣ подчиненныхъ вопросовъ. Ясно, что идеи и дедукціи извѣстнаго автора, касающіяся отдѣльныхъ частей науки, могутъ быть замѣчательными, и въ то-же время основаніе его системы можетъ быть вполнѣ ошибочно.

Г. Янжулъ не привелъ, въ подтвержденіе своихъ доводовъ, доказательствъ, иначе онъ убѣдился бы, что съ словомъ наука невозможно связать опредѣленнаго понятія, а причина этого заключается въ *непрерывности развитія знанія*. Точно также и гр. Л. Толстой, называя свой принципъ не Богомъ, а „Разумомъ", отрицающимъ жизнь, не принялъ во вниманіе того, что если бы разсудку, само по себѣ, была присуща истина, то истина наравнѣ съ разсудкомъ должна была бы быть общимъ достояніемъ всѣхъ людей,—и тогда не могло бы возникнуть никакихъ споровъ о томъ, что истинно и что ложно, что разумно и что неразумно. Однако же этому противорѣчитъ *непрерывный опытъ*. Разумъ или logos, мудрость, слово, какъ называетъ его гр. Л. Толстой терминами давно извѣстными, не можетъ быть опредѣляемъ, ибо онъ самъ служитъ для опредѣленія всего остальнаго.

Признаніе науки политической экономіи за Nichts — это ересь, а умственная автономія гр. Л. Толстого — это дѣло діавола!

Вотъ къ какому кульминаціонному пункту заблужденій можетъ повести односторонность направленія экономической и философской мысли, когда ударяются въ крайности. „Не надобно вести людей путемъ крайнимъ".

Дай Богъ, чтобы замѣчательный трудъ Фр. Листа, который мы предлагаемъ здѣсь въ переводѣ на русскій языкъ, произвелъ отрезвляющее вліяніе на нашихъ экономистовъ, моралистовъ и публицистовъ на тотъ конецъ, чтобы при помощи ихъ Россія могла выйти изъ-подъ экономической зависимости чужеземцевъ, возстановить и увеличить свои умственныя, нравственныя и физическія производительныя силы и упрочить свое могущество на незыблемыхъ основаніяхъ, какъ это сдѣлали опередившія насъ націи, благодаря примѣненію къ своей политикѣ ученій Фридриха Листа. Благодаря этимъ ученіямъ, заговорили о кризисѣ въ политической экономіи въ то именно время, какъ этотъ кризисъ, вслѣдствіе примѣненія ученій Фр. Листа къ государственной практикѣ всѣхъ великихъ націй, знаменовалъ собою рѣшительный **прогрессъ** въ экономической наукѣ.

Хроническое разстройство русскаго сельскаго хозяйства, которое министерство государственныхъ имуществъ невѣрно называло кризисомъ, и нынѣ переживаемый во многихъ областяхъ Россіи страшный голодъ, или дѣйствительный земледѣльческій кризисъ, суть прямыя и неизбѣжныя послѣдствія пропаганды въ теченіе десятковъ лѣтъ и примѣненія у насъ къ жизни одностороннихъ или ложныхъ экономическихъ доктринъ, отъ которыхъ, какъ отъ чумы, отшатнулись всѣ цивилизованныя государства Европы и Америки. Поэтому въ этихъ государствахъ даже въ самые неурожайные годы не бываетъ ничего подобнаго тѣмъ ужасающимъ проявленіямъ голодовокъ, которыя періодически переживаетъ Россія, и быть не можетъ, вслѣдствіе достигнутой ими экономической независи-

мости и положенія одновременно земледѣльческо-мануфактурно-коммерческихъ націй.

Призваніе къ широкому развитію, рядомъ съ земледѣліемъ, фабрично-заводской промышленности, находящейся у насъ еще только въ зародышѣ, имѣютъ всѣ страны, конечно, умѣреннаго пояса, если только матеріальныя, умственныя, политическія и соціальныя условія на ихъ сторонѣ. Верхомъ насмѣшки является у насъ проповѣдь нынѣ въ органахъ печати того, что Россія можетъ достигнуть богатства, благосостоянія, независимости и могущества,—оставаясь исключительно страною земледѣльческою. Пусть прочитаютъ наши фритредеры и публицисты предлагаемое сочиненіе Фр. Листа, конечно, отъ первой до послѣдней главы, тогда они поймутъ свою сугубую, или, вѣрнѣе сказать, трегубую скудость: экономическихъ знаній, опыта и идей.

Не учрежденіе министерства земледѣлія спасетъ Россію отъ сельско-хозяйственныхъ періодическихъ кризисовъ и голодовокъ, а полное единомысліе и солидарность въ дѣйствіяхъ всѣхъ органовъ государственнаго управленія въ направленіи народнаго хозяйства по тому пути, котораго держится въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ наше министерство финансовъ, сопровождаемое горячимъ сочувствіемъ и огромнымъ довѣріемъ не только всей благомыслящей Россіи, но и всего образованнаго міра. Отсюда понятно, почему число партизановъ дѣйствующей у насъ нынѣ національной системы экономической политики быстро увеличивается, а число партизановъ космополитической системы также быстро уменьшается.

Въ общественномъ сознаніи выяснится и самая цѣль, къ которой стремится дѣйствующая нынѣ финансовая и экономическая политика, та разумная *національная идея*, которая лежитъ въ ея основаніи и которая всѣхъ насъ должна привести къ согласію и дружному дѣйствію умственныхъ и нравственныхъ силъ, когда здравыя ученія Фр. Листа будутъ оцѣнены по достоинству нашими экономистами и печатью

и когда онѣ облегчатъ задачу самаго правительства. Нужно же когда нибудь и русскую націю освободить изъ-подъ искусственно созданнаго гнетущаго вліянія извѣстныхъ органовъ печати, навязывающихъ ему китайскій матеріализмъ или смутный космополитизмъ, и дать ей возможность основать свое экономическое благосостояніе и независимость на національной почвѣ, на природѣ вещей, на христіанской нравственности, на урокахъ исторіи и дѣйствительныхъ *практическихъ нуждахъ* русскаго народа.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что причины переживаемаго нами нынѣ страшнаго голода и вообще періодически возникающихъ у насъ кризисовъ, равно разстройства сельскаго хозяйства, этой силы и богатства Россіи, заключаются въ дряблости русскаго образованнаго общества, допускающаго у себя *систематическую* пропаганду односторонних, ложныхъ или превратныхъ экономическихъ и философскихъ ученій, порождающихъ смуту въ умахъ и жизни. Это большое зло!

Пусть русское общество, отложивъ всякій стыдъ, почувствуетъ свою обязанность обезсилить дерзкихъ безбожниковъ и злонамѣренныхъ болтуновъ. Пусть оно пристыдитъ глубоко испорченный духъ нашей публицистики, представители которой наживаются отъ общихъ бѣдствій, разжигая страсти. Пусть просвѣщенные представители этого общества возвратятъ нашей литературѣ вѣру, юность и благородныя мечты... Пусть они заставятъ нашихъ экономистовъ понять, что настоящій моментъ народныхъ бѣдствій обязываетъ ихъ стоять на стражѣ *національныхъ*, а не космополитическихъ интересовъ.

Помилосердуйте! Одна треть Россіи съ населеніемъ въ $32^1/_2$ милліона объята голодомъ. Ужасное положеніе бѣдствующаго населенія станетъ понятнымъ, когда принято будетъ въ соображеніе, что губерніи, постигнутыя голодомъ, исключительно заняты земледѣліемъ, а фабрично-заводская промышленность, какъ подспорье въ моменты недоборовъ хлѣбовъ,

тамъ существуетъ въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Чѣмъ-же кормиться въ такомъ случаѣ массѣ населенія въ неурожайные года за отсутствіемъ мѣстной обработывающей промышленности, которая только недавно могла быть двинута правительствомъ на путь возрожденія, при помощи пересмотра общаго таможеннаго тарифа,—какъ не народными подаяніями? Отчего-же только въ такихъ земледѣльческихъ націяхъ, какъ Россія и Остъ-Индія, проявляется подобное бѣдствіе, а ихъ не бываетъ ни въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, ни въ другихъ цивилизованныхъ европейскихъ земледѣльческихъ націяхъ, гдѣ дѣйствительно отъ неурожаевъ бываютъ *недоборы* хлѣбовъ, но не *голодъ*?

Разрѣшеніе этого вопроса, первой нынѣ государственной важности въ Россіи, читатели найдутъ въ „Національной системѣ политической экономіи“ Фр. Листа.

К. В. Трубниковъ.

6 октября 1891 г.

Выпуская въ свѣтъ „*Національную систему политической экономіи*“ Фридриха Листа, смѣемъ высказать надежду, что могущія встрѣтиться къ русскомъ переводѣ этого сочиненія неточности, или даже промахи и ошибки не будутъ поставлены намъ въ вину, такъ какъ мы напередъ увѣрены, что не избѣгли этихъ ошибокъ, въ особенности при трудности перевода, не имѣющаго вообще значенія популярнаго сочиненія, предназначеннаго для легкаго чтенія, а серьезнаго изслѣдованія, требующаго внимательнаго изученія. Намъ оставалось лишь имѣть въ виду одну цѣль—вѣрную передачу подлинника по возможности яснымъ и болѣе или менѣе точнымъ языкомъ науки, хотя эта цѣль составляетъ идеалъ каждаго перевода подобнаго труда, котораго даже экономисты по профессіи, вслѣдствіе неустановившейся у насъ въ экономической наукѣ однообразной терминологіи, до сихъ поръ не достигли.

Пользуемся случаемъ принести нашу живѣйшую благодарность г. В. М. Изергину, который облегчилъ нашъ трудъ первоначальнымъ переводомъ настоящаго сочиненія Фр. Листа.

К. В. Трубниковъ.

Біографія Фридриха Листа.

Фридрихъ Листъ родился въ 1789 году, въ Рейтлингенѣ, вольномъ городѣ Швабіи, образованіе получилъ въ Тюбингенѣ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ получилъ видное мѣсто въ центральной администраціи Виртенберга и оказалъ чрезвычайно ревностное содѣйствіе главѣ кабинета, министру Вагенгейму, пользовавшемуся особеннымъ расположеніемъ короля Виртенбергскаго.

Съ цѣлію приготовить для своей страны болѣе просвѣщенныхъ дѣятелей, министръ Вагенгеймъ основалъ въ 1817 году въ Тюбингенѣ факультетъ политическихъ наукъ и предложилъ въ немъ каѳедру своему молодому сотруднику Листу. Одновременно Листъ основалъ было журналъ „Другъ швабскаго народа“. Но министръ скоро потерялъ свое мѣсто и Листъ прекратилъ изданіе своего журнала. Рейтлингенъ выбралъ Листа своимъ представителемъ, но выборъ этотъ былъ кассированъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Листу не было тогда 30 лѣтъ.

Въ 1819 году Листъ сталъ во главѣ нѣмецкаго торговаго союза, которымъ онъ былъ избранъ въ консультанты; онъ сопровождалъ въ томъ же году депутатовъ союза, отправившихся представиться нѣмецкимъ дворамъ и министерскому конгрессу въ Вѣнѣ. Виртенбергская администрація по этому случаю обвинила его въ томъ, что, состоя на виртенбергской государственной службѣ, онъ не имѣлъ права принять безъ законнаго разрѣшенія должности за границей; чтобы покончить разомъ со всѣми подобными придирками и посвятить себя всецѣло великой національной миссіи, Листъ рѣшился отказаться отъ каѳедры, что и сдѣлалъ, обратившись съ замѣчательнымъ письмомъ къ Виртенбергскому королю.

Шесть недѣль спустя послѣ выхода Листа въ отставку, его

родной городъ Рейтлингенъ во второй разъ избралъ его своимъ представителемъ въ Виртенбергскую палату депутатовъ.

Въ первые же дни своей парламентской жизни, онъ внесъ въ палату предложеніе объ отмѣнѣ внутреннихъ таможенъ и о торговомъ союзѣ германскихъ государствъ. Нѣсколько дней спустя онъ потребовалъ учрежденія комиссіи для облегченія страны отъ тяжести повинностей и изысканія способовъ справедливаго распредѣленія налоговъ; наконецъ, третьимъ предложеніемъ онъ потребовалъ отъ палатъ ежегоднаго бюджета.

Одновременно онъ велъ агитацію для организаціи парламентерской оппозиціи, министерство же съ своей стороны, на основаніи конституціи, требуетъ удаленія его изъ парламента. Удаленіе это, не смотря на энергическую и прекрасную рѣчь Листа, принимается большинствомъ членовъ парламента. Независимо сего, судъ приговариваетъ Листа къ десятимѣсячному тюремному заключенію. Тогда онъ бѣжитъ во Францію. Черезъ два года, разсчитывая на монаршую милость, онъ возвращается въ Виртенбергъ. Здѣсь его арестуютъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выпускаютъ съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ предѣловъ отечества.

Онъ уѣзжаетъ въ Швейцарію, а въ 1825 году въ Америку. Въ Америкѣ Листъ напечаталъ на англійскомъ языкѣ рядъ экономическихъ статей, произведшихъ значительную сенсацію. Въ этихъ статьяхъ уже содержится зерно, развившееся въ „національную систему“. Тамъ случайно Листъ открываетъ значительную залежь каменнаго угля. Онъ немедленно образуетъ компанію для ея эксплоатаціи. Предпріятіе это пошло хорошо и въ будущемъ обѣщаетъ значительные барыши. Для удобнаго сбыта угля, по проекту Листа, строится желѣзная дорога, соединяющая эти копи съ каналомъ. Листъ дѣлается состоятельнымъ человѣкомъ. Но онъ думаетъ только о своей родинѣ, хотя онъ и имѣлъ всѣ основанія оставаться въ Америкѣ, въ которой онъ пріобрѣлъ состояніе и пользовался почетомъ, но ему хотѣлось снова видѣть Европу.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ французской іюльской революціи, онъ получилъ отъ президента Джексона порученіе, касающееся сношеній между Соединенными Штатами и Франціей, вмѣстѣ съ тѣмъ федеральное правительство назначило его на мѣсто консула Соединенныхъ Штатовъ въ Гамбургѣ, которое должно было проложить ему путь къ почетному возвращенію на родину.

Въ Парижъ онъ прибылъ въ концѣ 1830 года новымъ человѣкомъ на обновленной почвѣ. Духъ иниціативы, пылъ новатора, непокидавшій его никогда, онъ проявилъ и во Франціи. Онъ бесѣдовалъ о своихъ планахъ съ современными политическими дѣятелями; въ особенности же онъ обращалъ вниманіе находившихся въ то время въ Парижѣ бельгійцевъ Рожье и Жандебьена на выгоды соединенія желѣзною дорогою Антверпенскаго порта съ Рейномъ; въ «Revue encyclopédique» онъ писалъ объ «экономическихъ, коммерческихъ и политическихъ реформахъ во Франціи», обращая при этомъ преимущественное вниманіе на желѣзныя дороги.

Листъ почти тотчасъ же отказался по собственному почину отъ мѣста консула въ Гамбургѣ, содержаніе котораго, какъ онъ узналъ, было крайне необходимо для лица, занимавшаго это мѣсто до того времени, да къ тому же это назначеніе въ скоромъ времени подало поводъ къ протесту со стороны Гамбурга, вызванному, какъ онъ полагалъ, виртенбергскимъ правительствомъ, и назначеніе его не было ратификовано Американскимъ сенатомъ. Въ концѣ октября 1831 года Листъ возвратился въ Соединенные Штаты, но лишь съ тѣмъ, чтобы покончить тамъ съ своими дѣлами. Въ слѣдующемъ году, владѣя капиталомъ, обезпечивавшимъ ему независимость, и получивъ назначеніе консуломъ въ Лейпцигѣ—на постъ бездоходный, но избавлявшій его отъ преслѣдованій въ качествѣ американскаго гражданина, онъ снова со всѣмъ своимъ семействомъ отправился въ старую Европу, не смотря на всѣ ея вины по отношенію къ нему, и больше уже не покидалъ ея.

Едва лишь высадившись въ Германіи, онъ тотчасъ же принялся за осуществленіе проэктовъ, заставившихъ его перебраться чрезъ Атлантическій океанъ. Еще во время недавняго пребыванія въ Парижѣ онъ задумалъ планъ изданія маленькой энциклопедіи политическихъ наукъ, которая должна была распространить здравыя понятія объ этой отрасли знанія; теперь онъ съ жаромъ принялся за исполненіе этого плана, обезпечивъ себѣ содѣйствіе двухъ наилучшихъ политическихъ писателей Германіи, Роттека и Велькера, и вступилъ въ сношеніе съ однимъ книгопродавцемъ. Въ это изданіе—«Государственный лексиконъ», онъ вложилъ какъ свои деньги, такъ и свой талантъ и трудъ и всякаго рода хлопоты, послужившія для него источникомъ огорченій; не осуществивъ всѣхъ его надеждъ, оно, тѣмъ не менѣе, увѣнчалось успѣхомъ.

Съ неменьшею энергіею онъ преслѣдовалъ свою любимую идею о созданіи германской сѣти желѣзныхъ дорогъ; въ Гамбургѣ эта мысль была отвергнута какъ химерическая; въ Лейпцигѣ въ началѣ она нашла не лучшій пріемъ; но мало по малу она пріобрѣла тамъ почву, а изданная Листомъ блестящая брошюра о „Саксонской системѣ желѣзныхъ дорогъ, какъ основѣ нѣмецкой системы, и въ частности о проложеніи линіи изъ Лейпцига въ Дрезденъ", въ которой мастерски указаны были всѣ линіи, впослѣдствіи построенныя въ Германіи, произвела чрезвычайную сенсацію. Саксонское правительство и палаты, лейпцигскія городскія власти выразили благодарность автору; къ нему обратились представители торговли въ этомъ городѣ; подъ его руководствомъ образовалось общество для постройки желѣзной дороги изъ Лейпцига въ Дрезденъ; состоя членомъ комитета, онъ далъ сильный толчекъ предпріятію, но самъ имѣлъ отъ него лишь непріятности.

Въ 1837 г. Листъ получилъ извѣстіе, что промышленный кризисъ въ Америкѣ его окончательно раззорилъ. Для наведенія справокъ по этому дѣлу онъ отправился въ Парижъ. Здѣсь онъ былъ отлично принятъ и по представленію бельгійскаго короля представленъ Луи-Филиппу. Листъ былъ очарованъ бесѣдою съ этимъ государемъ, разсуждалъ съ нимъ о Германіи, Сѣверной Америкѣ, о нѣмецкихъ земледѣльцахъ въ Пенсильваніи и говорилъ съ нимъ то по французски, то по нѣмецки, то по англійски, смотря по тому, о какой изъ трехъ странъ шла рѣчь въ ихъ бесѣдѣ.

Въ это время парижская академія наукъ назначила конкурсъ на мемуаръ по вопросу о международной торговлѣ. Онъ принялъ участіе въ этомъ конкурсѣ, и его мемуаръ, поданный по этому вопросу и получившій премію, снова обратилъ его мысли къ національной экономіи. Вернувшись въ Германію, онъ началъ преимущественно заниматься „Національной системой политической экономіи", которая и появилась въ 1841 г. Появленіе этого сочиненія произвело фуроръ. Іенскій университетъ присудилъ ему дипломъ доктора правъ. Имя Листа начало гремѣть во всей Германіи и, какъ обыкновенно бываетъ, одни расточали похвалы, а другіе— порицанія. Наконецъ, онъ достигъ своей цѣли: вслѣдствіе аудіенціи, которую ему предоставилъ король виртембергскій, судъ уничтожилъ свой приговоръ. Тогда онъ еще съ большею силою возвращается къ идеѣ объ уничтоженіи внутреннихъ таможенъ и обра-

зованіи германскаго таможеннаго союза. Съ 1843 года онъ началъ издавать „Газету таможеннаго союза“, которая имѣла сильное вліяніе на объединеніе экономической жизни Германіи. Объединеніе это, конечно, было всего опаснѣе для Англіи. Тамъ слѣдили за каждымъ словомъ, сказаннымъ Листомъ въ его газетѣ. Англійскій министръ-резидентъ доносилъ въ Лондонъ, что Листъ является самымъ опаснымъ человѣкомъ для интересовъ Англіи. Листъ долженъ былъ безпрерывно бороться съ своими иностранными противниками и отечественными фритредерами.

Предисловіе къ его „Національной системѣ“ отличается рѣзкостью и страстностью, но лишь оттого (какъ объяснялъ авторъ въ послѣдствіи въ письмѣ къ одному другу), что оно было написано подъ впечатлѣніемъ извѣстія о начатыхъ съ Англіей переговорахъ о заключеніи торговаго договора на раззорительныхъ для Германіи основаніяхъ. „Не будь этого, прибавляетъ онъ, зачѣмъ я бы сталъ превозносить до небесъ, какъ я сдѣлалъ это, молодаго Марвица?“

Оставшись съ весьма скудными средствами, потерявъ все свое состояніе и разстроивъ свое здоровье подъ вліяніемъ постояннаго умственнаго труда, онъ ищетъ успокоенія въ путешествіяхъ. Послѣднее свое путешествіе онъ совершилъ въ Лондонъ въ 1846 г. Во время этого пребыванія въ Лондонѣ, продолжавшагося около трехъ мѣсяцевъ, Листъ, поощренный прусскимъ посланникомъ Бунзеномъ, составилъ записку о выгодахъ и условіяхъ союза между Англіей и Германіей. Въ Лондонѣ жаловался онъ на упадокъ духа и усталость отъ повседневныхъ трудовъ и постоянныхъ хлопотъ; жизнь и климатъ Англіи были ему вредны, онъ почти постоянно чувствовалъ себя нездоровымъ. Въ ноябрѣ 1846 г. болѣзнь усилилась. Чтобы найти облегченіе своимъ страданіямъ, онъ отправился въ Мюнхенъ, затѣмъ въ Меранъ, гдѣ онъ полагалъ, что мягкій климатъ принесетъ ему пользу. Но 30 ноября 1846 года онъ скончался въ Кувстейнѣ, въ гостинницѣ, на 57-мъ году жизни.

Какъ только распространилась вѣсть о его смерти, во всѣхъ концахъ Германіи начали воздавать ему честь, которую далеко не такъ единодушно ему воздавали при жизни. Тогда только его соотечественники поняли, какую они понесли потерю!

Листъ былъ человѣкъ геніальнаго ума, съ значительной науч-

ной эрудиціей, пріобрѣтенной преимущественно посредствомъ самообразованія.

Въ 1850 году ему былъ воздвигнутъ памятникъ въ Рейтлингенѣ. Промышленное общество въ Прагѣ постановило воздвигнуть надгробный памятникъ въ маленькомъ австрійскомъ городкѣ, въ которомъ угасла его яркая звѣзда.

Профессоръ Гейдельбергскаго университета Гейсеръ собралъ наиболѣе важныя изъ сочиненій Листа и издалъ собраніе его сочиненій въ 1850 году въ Штудгардѣ.

К. В. Тр—въ.

НАЦІОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Предисловіе.

Если предисловіе книги, какъ говорятъ, должно заключать въ себѣ ея начало или происхожденіе, то мнѣ придется разсказать въ немъ почти половину моей жизни; потому что прошло болѣе двадцати трехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ у меня возникло первое сомнѣніе въ правдивости господствующей теоріи политической экономіи, съ тѣхъ поръ, какъ я посвятилъ себя изслѣдованію ея заблужденій и ихъ коренныхъ причинъ. Достойно было бы сожалѣнія въ самомъ дѣлѣ, если бы наконецъ оказалось, что я такъ долго гонялся за мечтою; такъ какъ вовсе не самоувѣренность въ своихъ силахъ и не излишнее самолюбіе побудили меня намѣтить себѣ столь возвышенную цѣль и упорно ее преслѣдовать. Это было мое призваніе, которое и подало первый поводъ; сама судьба настойчиво и съ непреодолимою силою влекла меня по разъ избранному пути къ разъясненію сомнѣнія и къ изслѣдованію.

Мои современники въ Германіи помнятъ, что тяжелый ударъ былъ нанесенъ благосостоянію этой страны въ 1818 году. Я долженъ былъ тогда готовить курсъ политической экономіи. Я изучилъ не хуже другихъ все, что тогда думали и писали объ этомъ предметѣ, но я не хотѣлъ ограничиться тѣмъ, чтобы ознакомить юношество съ современнымъ состояніемъ науки; я стремился научить его тому, какимъ образомъ національно-экономическій путь долженъ способствовать благосостоянію культуры и могуществу Германіи. Теорія указывала на принципъ свободы торговли. Въ самомъ дѣлѣ, принципъ этотъ представлялся мнѣ разумнымъ и испытаннымъ, когда я обращался къ разсмотрѣнію результатовъ уничтоженія провинціальныхъ таможень во Франціи и объединенія трехъ государствъ Великобританскихъ острововъ. Но изумительные результаты *континентальной системы* и гибельныя по-

слѣдствія ея отмѣны были еще слишкомъ свѣжи для того, чтобы возможно было дать себѣ въ нихъ ясный отчетъ, они являлись для меня разительнымъ противорѣчіемъ установившейся доктринѣ и, стремясь разъяснить себѣ это противорѣчіе, я пришелъ къ заключенію, *что тогда только эта доктрина окажется истинною, когда всѣ націи взаимно согласятся послѣдовать принципу свободы торговли, какъ-то было сдѣлано относительно указанныхъ провинцій.* Это привело меня къ извѣстному взгляду на природу національности; мнѣ казалось, что для теоріи существовали лишь человѣчество и индивидуумы, но не націи. Для меня было ясно, что для двухъ очень развитыхъ націй свободная конкурренція только тогда можетъ быть благодѣтельна, когда обѣ онѣ стоятъ на одной и той же приблизительно ступени промышленнаго развитія, и что нація, вслѣдствіе какихъ либо неблагопріятныхъ условій, далеко отставшая въ промышленности, торговлѣ и въ дѣлѣ мореходства, если только она обладаетъ моральными и матеріальными средствами, потребными для собственнаго преуспѣянія, должна направлять всѣ свои силы къ тому, чтобы быть способною поддержать свободную конкурренцію съ опередившими ее народностями. Однимъ словомъ, я находилъ различіе между экономіей космополитической и экономіей политической, а это привело меня къ мысли, что Германія должна отмѣнить провинціальныя таможни, и при помощи общей международной торговой системы должна стремиться достигнуть той-же системы промышленнаго и коммерческаго развитія, какой другія націи достигли посредствомъ ихъ собственной торговой политики. Но вмѣсто того, чтобы настойчивымъ изслѣдованіемъ послѣдовательно разъяснить свою идею, мой практическій умъ стремился провести его въ жизнь,—во мнѣ сказывалась еще молодость.

Необходимо перенестись въ періодъ 1819 года, чтобы разъяснить мои послѣдующія стремленія. Правители и подданные, дворянство и мѣщанство, администраторы и ученые—всѣ въ то время въ Германіи носились съ проектами и предложеніями новой политической системы. Германія походила на раззоренное войною имѣніе, прежніе владѣльцы котораго возстановили свои права и, вступивъ въ качествѣ хозяевъ въ управленіе своимъ имуществомъ, собрались снова заняться своимъ хозяйствомъ. Одни домогались возстановленія прежняго обычнаго порядка со всѣмъ его старымъ инвента-

ремъ и хламомъ, другіе—разумныхъ нововведеній и совершено новыхъ орудій производства. Люди, привыкшіе полагаться на здравый смыслъ и опытъ, желали согласить старыя начала съ потребностями новаго времени. Повсюду господствовало противорѣчіе и слышались споры между различными мнѣніями, всюду организовались союзы и общества, ставившіе своею задачею патріотическія цѣли. Самое федеральное устройство было новою, поспѣшно созданною формою, и эта форма даже просвѣщеннымъ и мыслящимъ дипломатическимъ дѣятелямъ представлялась лишь зародышемъ, развитія котораго въ хорошо организованное тѣло желали сами виновники новаго устройства, но предоставляли это развитіе теченію времени.

Одинъ пунктъ (девятнадцатый) очевидно давалъ мѣсто установленію *національной торговой системы*. Этотъ пунктъ представлялся для меня фундаментомъ, на которомъ должно было создаваться будущее промышленное и коммерческое значеніе моего отечества, и это убѣжденіе дало мнѣ идею объ основаніи союза нѣмецкихъ коммерсантовъ и фабрикантовъ *), который поставилъ

*) Въ прежнемъ изданіе *Энциклопидическаго Словаря* (Conversations lexison) основателемъ такого союза названъ И. М. Эльхъ изъ Кауфбейрена, мнѣ же не только отведено лишь второстепенное мѣсто при его организаціи и въ дальнѣйшей его разработкѣ, но даже дѣлается упрекъ въ томъ, будто я отнесся съ большою небрежностью къ развитію этаго дѣла. Когда я, возвратившись на родину, навелъ справки объ авторѣ указанной статьи, мнѣ назвали имя, которое разъяснило для меня все; оно принадлежало человѣку, который былъ очень многимъ обязанъ г. И. М. Эльху и роль котораго въ этомъ дѣлѣ пріобрѣтала тѣмъ большее значеніе, чѣмъ сильнѣе было бы уменьшено мое вліяніе. Не считая это особеннымъ ударомъ своему самолюбію, я не находилъ тогда нужнымъ возражать противъ сообщенныхъ свѣдѣній. Но теперь я поставленъ въ необходимость разъяснить этотъ вопросъ передъ публикою. Извѣстно, что недавно юридическій факультетъ Іенскаго университета удостоилъ меня званія доктора, и Іенскій корреспондентъ Аугсбургской Всеобщей газеты (Allgemeine Zeitung von Agsburg) по этому поводу замѣтилъ, что мною первымъ была выражена идея объ объединеніи государствъ Германскаго союза съ цѣлію устройства обще-германской таможенной системы. Теперь же въ названной газетѣ появляется слѣдующаго рода замѣтка:

«Сообщеніе корреспондента изъ Іены отъ 1 Дек. 1840 г. во „Всеобщей Газетѣ“ № 344 о томъ, что г. Фридрихъ Листъ первый подалъ мысль о свободной торговлѣ внутренней и противъ заграничной требуетъ поправки, такъ какъ честь первенства въ этомъ случаѣ принадлежитъ крупному коммерсанту И. М. Эльху изъ Кауфбейрена, который во время пасхальной ярмарки во Франкфуртѣ

бы себѣ цѣлью отмѣну провинціальныхъ таможень и осуществованіе общей германской торговой системы. Какъ организовался этотъ союзъ и какое вліяніе оказалъ онъ на состоявшееся соглашеніе между просвѣщенными и великодушными правителями Баваріи и Виртемберга, а затѣмъ и на германскій таможенный союзъ,—хорошо извѣстно.

Мое положеніе въ качествѣ защитника торговаго союза было очень затруднительно. Всѣ научно-образованные государственные люди, редакторы газетъ и повременныхъ изданій и всѣ писатели по предмету политической экономіи, воспитанные или взращенные, какъ то было, школою космополитическою, высказывали какое-то доктринерское отвращеніе къ системѣ таможеннаго покровительства. Присовокупите къ этому еще интересы Англіи и приверженцевъ англійской промышленности въ нѣмецкихъ приморскихъ городахъ и на ярмаркахъ. Извѣстно, что англійскій кабинетъ, не привык-

---

въ 1819 году обратился съ циркуляромъ къ большинству негоціантовъ всѣхъ германскихъ государствъ предлагая подписать съ этою цѣлію петицію въ высшій совѣтъ членовъ союза. Случайно, спустя нѣсколько дней, прибылъ въ Франкфуртъ изъ Тюбингена профессоръ Листъ и, увлеченный этою идеею, принялъ на себя трудъ составленія самой петиціи, что и было имъ исполнено съ замѣчательнымъ искусствомъ знатока дѣла и сдѣлало извѣстнымъ его имя. Когда союзъ осуществился, профессоръ Листъ былъ избранъ его представителемъ и въ сопровожденіи теперь умершаго уже г. Шнелля изъ Нюренберга совершилъ путешествіе, чтобы исходатайствовать при дворахъ германскихъ государствъ одобренія высказаннымъ въ петиціи союза желаніямъ».

Для меня достаточно въ нѣсколькихъ словахъ изложить исторію возникновенія означеннаго союза, чтобы показать настоящую цѣну притязаній г. Эльха или его литературнаго защитника. Что весною 1819 года я пріѣхалъ въ Франкфуртъ на Майнѣ по дѣлу совершенно частному—это справедливо, тѣмъ не менѣе также вѣрно и то, что мысль о подобномъ союзѣ зародилась у меня уже давно, еще прежде нежели я вздумалъ предпринять это путешествіе. Еще живы тѣ лица, съ которыми я говорилъ объ этомъ какъ до поѣздки во Франкфуртъ, такъ и во время ея, и въ числѣ писемъ покойнаго барона Котты можно указать письменныя тому доказательства. Пріѣхавъ въ Франкфуртъ я сообщилъ свой планъ г. Шнеллю изъ Нюренберга, котораго я зналъ какъ коммерсанта образованнаго и патріота. Шнелль съ жаромъ ухватился за него, указалъ мнѣ на Бауерейса въ Нюренбергѣ, Вебера въ Герѣ, Арнольди въ Готѣ, которые ему высказывали свои сѣтованія на новые прусскіе таможенные тарифы, и высказалъ мысль, что дѣло это найдетъ среди негоціантовъ и фабрикантовъ, собравшихся на ярмарку въ Франкфуртѣ, полное сочувствіе тѣмъ болѣе, что г. Эльхъ изъ Кауфбейрена, ведущій торговлю полотномъ,

шій скрытничать, когда дѣло идетъ о коммерческихъ интересахъ Англіи, обладаетъ секретнымъ фондомъ (secret service money), какъ средствомъ для того, чтобы повсюду за границей держать въ своихъ рукахъ общественное мнѣніе. Появилось безчисленное количество корреспонденцій и брошюръ изъ Гамбурга и Бремена изъ Лейпцига и Франкфурта, направленныхъ противъ безразсуд, наго стремленія нѣмецкихъ фабрикантовъ къ установленію общаго покровительственнаго таможеннаго тарифа и противъ его защитника; по адресу послѣдняго посылались упреки въ самыхъ рѣзкихъ и язвительныхъ выраженіяхъ въ незнаніи самыхъ основъ политической экономіи, признанныхъ всѣмъ ученымъ міромъ, или же въ неспособности понимать ихъ. Этимъ органамъ англійскихъ инте-

---

высказываетъ готовность собрать ко дню собранія германскаго совѣта подписи для петиціи съ ходатайствомъ о принятіи мѣръ къ ограниченію стѣсненій внутренней торговли въ Германіи. По моему желанію Шнелль познакомилъ меня съ г. Эльхомъ, который и сообщилъ мнѣ свой планъ петиціи или скорѣе матеріалы для нея, которые, если не ошибаюсь, еще и теперь сохранились въ моихъ бумагахъ. Рѣчь здѣсь шла о стѣсненіяхъ, незадолго передъ тѣмъ появившихся въ Австріи относительно вывоза льна изъ верхней Швабіи въ Италію,—все это изложено просто, въ конторскомъ стилѣ. По взаимному нашему соглашенію мы привлекли на наши совѣщанія еще другихъ фабрикантовъ, а именно гг. Лейслера и Блахізра изъ Ганау, Гартманна изъ Гейденгейма, Геррозе изъ Аурау и т. д. Но объ основаніи торговаго союза и рѣчи еще не было. Только когда петиція была уже редактирована и проектъ ея былъ восторженно принятъ, тогда только началъ я излагать свои дальнѣйшія предложенія. Никто не найдетъ возможнымъ оспаривать, что всѣ предложенія, касающіяся основаній и организаціи союза, исходили исключительно отъ меня, и краткость времени, которымъ я ограничивался при обработкѣ проектовъ, уже достаточно говоритъ за то, что я обдумалъ ихъ прежде.

Перечитавъ теперь снова вышеприведенную корреспонденцію въ пользу г. Эльха, нельзя съ удивленіемъ не замѣтить, что противорѣчіе между мною и г. Эльхомъ касается не самой сущности дѣла, а зависитъ лишь отъ совершенно противоположнаго способа нашего изложенія. Такъ защитникъ г. Эльха заявляетъ, что онъ первый высказалъ мысль о свободѣ торговли внутренней и противъ заграничной, заявленіе, котораго я не дѣлаю и не могу сдѣлать, такъ какъ эта идея задолго до того времени, когда мы собрались въ Франкфуртѣ, была уже выражена гг. Гурнеемъ, Кене и Адамомъ Смитомъ, и такъ какъ я никогда не защищалъ полной свободы въ примѣненіи ея въ внѣшней торговлѣ, а напротивъ былъ постояннымъ защитникомъ разумной національной торговой политики. Далѣе защитникъ г. Эльха утверждаетъ, что послѣдній обратился къ собравшимся на ярмарку во Франкфуртѣ коммерсантамъ, съ циркуляромъ, которымъ приглашалъ ихъ присоединиться къ составленной имъ для предъявленія со-

ресовъ было тѣмъ легче вести игру, что господствующая теорія и убѣжденія нѣмецкихъ ученыхъ были на ихъ сторонѣ. Въ средѣ самого союза сказывалось большое разногласіе во взглядахъ. Одни желали лишь внутренней свободы торговли, которая очевидно безъ ввознаго покровительственнаго тарифа при господствующихъ отношеніяхъ была бы гибельнѣе сохранія внутреннихъ таможенъ—это были тѣ, которыхъ интересъ сосредоточивался въ ярмарочной и колоніальной торговлѣ, Другіе, а именно нѣмецкіе фабриканты, напротивъ, настаивали на принципѣ реторсіи, какъ наиболѣе благоразумной, выгодной и справедливой. Послѣднихъ было меньшинство, которое частью или совсѣмъ было уже раззорено конкурренціею со стороны Англіи. Какъ бы то ни было, но защитнику ихъ необходимо было слѣдовать за послѣдними, чтобы имѣть возможность составить свою

вѣту петиціи о свободѣ торговли. Этого факта я не отрицаю. Но для всякаго будетъ очевидно, что даже въ томъ случаѣ, если-бы г. Эльхъ дѣйствительно представилъ въ совѣтъ составленную имъ петицію, если дѣйствительно собралъ для нея массу подписей, и если даже г. Эльхъ въ самомъ дѣлѣ составилъ петицію, обратившую на себя всеобщее вниманіе, все-таки эта петиція не могла привести ни къ какому результату. Именно это самое я и хотѣлъ выяснить подписавшимъ мой проектъ петиціи, когда послѣ подписанія говорилъ: «И такъ, петиція готова. Несомнѣнно она произведетъ сильное впечатлѣніе, такъ какъ опирается на національную точку зрѣнія и составлена основательно, но она останется лежать въ совѣтѣ, какъ остались сотни другихъ петицій. А чтобы она могла привести къ какому нибудь результату, всѣмъ намъ нѣмецкимъ фабрикантамъ необходимо соединиться для преслѣдованія общей цѣли, склонить къ нашей системѣ германское правительство и его органы, послать депутаціи къ дворамъ, къ мѣстнымъ представительнымъ собраніямъ и конгрессамъ, собирать и публиковать все, что будетъ высказываться въ нашу пользу, обезпечить положеніе талантливыхъ писателей, которые пожелали бы работать для насъ, привлечь на себя вниманіе общественнаго мнѣнія постояннымъ изданіемъ брошюръ и журналовъ, и здѣсь—во время ярмарки—собираться ежегодно для того, чтобы вновь и вновь подавать въ совѣтъ петиціи». Для всего этого г. Эльхъ не сдѣлалъ ровно ничего. И однако, согласно вышеприведенной корреспонденціи, я лишь случайно попалъ во Франкфуртъ; воодушевившись высокою идеею, высказанною г. Эльхомъ, счелъ за честь дать этой идеѣ словесное выраженіе и послѣ того ничего другаго не сдѣлалъ, и лишь принялъ участіе въ путешествіи г. Шнелля къ дворамъ германскихъ государствъ. То, что я для этого дѣла пожертвовалъ своимъ положеніемъ, своею карьерою, моимъ спокойствіемъ, что я вложилъ значительный капиталъ на покрытіе первыхъ издержекъ, что до 1821 года составленіе и редакція всѣхъ актовъ союза лежали на мнѣ, и наконецъ, какимъ образомъ все это мною выполнялось,—все это пройдено полнымъ молчаніемъ.

партію. Политическая, какъ и общественная дѣятельность возможна только при условіи взаимнаго соглашенія разногласій, оказывающихся въ средѣ лицъ, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль. Ближайшею цѣлію въ данномъ случаѣ представлялось уничтоженіе провинціальныхъ таможенъ и установленіе національнаго таможеннаго тарифа. Разъ будутъ разрушены внутреннія заставы, никакая сила ихъ снова не возстановитъ. Разъ будетъ установленъ національный таможенный тарифъ, всегда будетъ время исправить ошибочно принятое для него основаніе, и въ этомъ случаѣ тѣмъ легче, что принципъ реторсіи въ данное время соотвѣтствовалъ потребности въ принципѣ протекціонизма.

Борьба, очевидно, велась не равнымъ оружіемъ: съ одной стороны теорія, разработанная во всѣхъ частяхъ и опирающаяся на общепризнанный авторитетъ, прочно сложившаяся школа, могущественная партія, въ лицѣ ораторовъ имѣющая своихъ защитниковъ во всѣхъ законодательныхъ учрежденіяхъ и совѣщаніяхъ, и главнымъ образомъ располагающая большою двигательною силою— деньгами *); съ другой стороны бѣдность и нужда, различіе во мнѣніяхъ, внутреннее разногласіе и полное отсутствіе теоретическихъ основъ Эта борьба была хорошимъ проводникомъ моихъ идей, но за то крайне невыгодно отражалась на моей репутаціи. Среди этой ежедневной борьбы, которую мнѣ приходилось поддерживать, я усмотрѣлъ различіе между *теоріею цѣнностей* и теоріею *производительныхъ силъ* и замѣтилъ, какъ школа **) злоупотребляетъ

---

*) Сантиментализмъ и романтизмъ также играли немаловажную роль въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, гдѣ естественныя проявленія подавлены искусственными. Для извѣстнаго рода людей пара воловъ, проводящая борозду на нивѣ, доставляетъ болѣе пріятное зрѣлище, нежели паровой плугъ, и при взглядѣ на культурное развитіе, чѣмъ болѣе обращаются они вспять, тѣмъ благороднѣе кажется имъ ихъ положеніе. Съ ихъ точки зрѣнія они вполнѣ правы. Насколько живописнѣе въ самомъ дѣлѣ кажется картинка пастушеской жизни въ сравненіи ея съ прозаическою картиною быта земледѣльца, и насколько романтичнѣе пастуха голоногій дикарь со своимъ лукомъ и стрѣлами! Всего пятнадцадцать лѣтъ тому назадъ, когда возникъ вопросъ о присоединеніи Бадена къ германскому таможенному союзу, одинъ сантиментальный депутатъ въ Баденской палатѣ говорилъ о зеленѣющихъ коврахъ, утренней росѣ и ароматѣ цвѣтовъ и переливахъ красокъ.

**) Подъ названіемъ «школы» Фр. Листъ разумѣетъ школу классической политической экономіи въ періодѣ ея организаціи. *Прим. К. В. Тр—ва.*

словомъ *капиталъ*. Я обратилъ вниманіе на то *различіе*, которое существуетъ между мануфактурною промышленностію и земледѣліемъ; я выяснилъ себѣ ложность того способа доказательства, когда требуютъ свободы торговли продуктами мануфактурнаго производства по причинамъ, которыя могутъ имѣть значеніе только въ примѣненіи къ продуктамъ сельскаго хозяйства. Я постарался дать болѣе точное, чѣмъ было сдѣлано школою, представленіе о *принципѣ раздѣленія труда* и видѣлъ, насколько принципъ этотъ *примѣнимъ по отношенію къ цѣлымъ націямъ*. Но свою мысль я выяснилъ лишь очень несовершенно и своими добросовѣстными стараніями пріобрѣлъ себѣ славу настолько незначительную, что редакція Энциклопедическаго Словаря (Conversations-Lexicon), во время моего отсутствія изъ Германіи, позволила себѣ представить всю мою дѣятельность въ качествѣ консультанта торговаго союза въ свѣтѣ очень неблагопріятномъ, и даже утверждать, что я воспользовался чужими трудами *).

Въ послѣдствіи я посѣтилъ Австрію, Сѣверную Германію, Венгрію и Швейцарію, Францію и Англію и всюду старался знакомиться съ современнымъ состояніемъ этихъ странъ и съ литературой. Но когда затѣмъ обстоятельства забросили меня въ Сѣверную Америку, я отказался отъ знакомства съ книжною литературою, которая могла бы меня ввести лишь въ заблужденіе. Лучшею книгою, изъ которой я могъ знакомиться съ политическою экономіею въ этой новой странѣ, была сама жизнь. Пустыни превращаются здѣсь въ богатые и могущественные штаты. Здѣсь въ первый разъ получилось у меня ясное представленіе о народной экономіи въ ея постепенномъ развитіи. Процессъ, который совершался въ Европѣ въ теченіе вѣковъ, развертывается здѣсь передъ нашими глазами—здѣсь можно прослѣдить переходъ отъ дикаго состоянія къ пастушескому и затѣмъ къ земледѣльческому быту и изъ этого послѣдняго къ мануфактурной промышленности и торговлѣ. Здѣсь можно наблюдать, какъ изъ ничего доходность постепенно достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Здѣсь простой землевладѣлецъ обладаетъ лучшимъ практическимъ пониманіемъ средствъ къ поддержанію сельскаго хозяйства и его доходности, нежели остроум-

*) Выше въ примѣчаніи я уже указалъ на эту интригу и приглашалъ автора статьи заявить свое мнѣніе открыто и подъ своимъ именемъ.

нѣйшіе ученые стараго свѣта—*онъ старается привлечь въ свое сосьдство заводчиковъ и фабрикантовъ.*

Здѣсь рѣзко сказывается разница между странами земледѣльческими и мануфактурными и выражается особенно сильными явленіями. Нигдѣ не умѣютъ лучше цѣнить значеніе путей сообщенія и ихъ вліяніе на умственную и матеріальную жизнь народовъ. Жадно и старательно читалъ я эту книгу, стараясь извлеченные изъ нея уроки согласить съ результатами моихъ прежнихъ изысканій, опыта и размышленій. Отсюда извлечена мною система, которая, если и можетъ иногда представляться еще несовершенною, то во всякомъ случаѣ, надѣюсь, не опирается на пустой космополитизмъ, а зиждется на самой сущности явленій, на урокахъ исторіи и народныхъ потребностяхъ. Эта система даетъ возможность согласовать теорію съ практикой и дѣлаетъ доступнымъ для всякаго образованнаго человѣка предметъ политической экономіи, которая до сихъ поръ, вслѣдствіе ея схоластической замкнутости, массы противорѣчій и неточности терминологіи, представлялась непредубѣжденному уму какимъ-то заблужденіемъ—вопросъ, который я задавалъ себѣ еще до основанія торговаго союза и въ возможности разрѣшенія котораго я нерѣдко отчаивался.

Судьбѣ угодно было, чтобы я въ Сѣверной Америкѣ нашелъ неожиданную поддержку своимъ идеямъ. Вслѣдствіе моихъ сношеній съ выдающимися людьми Соединенныхъ Штатовъ, въ особенности же съ президентомъ Пенсильванскаго общества поощренія мануфактуры и искусствъ, г. Ингерзоллемъ, здѣсь была извѣстна уже моя прежняя дѣятельность въ области политической экономіи.

Итакъ, когда въ 1827 году послѣдователи принципа свободы торговли начали притѣснять американскихъ фабрикантовъ и защитниковъ національной промышленности изъ-за тарифнаго вопроса, г. Ингерзолль пригласилъ меня высказаться по этому вопросу. Я исполнилъ это и не безъ успѣха, какъ показываетъ приведенный здѣсь документъ*). Двѣнадцать писемъ, въ которыхъ я изло-

*) Извлеченіе изъ протоколовъ Общества поощренія мануфактуръ и искусствъ въ Филадельфіи:

Постановлено:

а) опубликовать во всеобщее свѣдѣніе, что проф. Фридрихъ Листъ установилъ основанное на самой сущности явленій различіе между политической экономіей и космополитической, между теоріей производительныхъ силъ и тео-

жилъ мою систему, были не только напечатаны въ Національной Филадельфійской газетѣ, но и были перепечатаны болѣе чѣмъ въ пятидесяти провинціальныхъ газетахъ, а затѣмъ на счетъ Общества поощренія мануфактуръ были изданы отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: *outlines of a new system of political economy* и разошлись во многихъ тысячахъ экземпляровъ. Мною получены были также письма съ выраженіемъ признательности отъ выдающихся лицъ страны, каковы, напр., престарѣлый глубоко уважаемый Джемсъ Мадисонъ, г. Генри Эле (Elay), Эдвардъ Ливингстонъ и т. д.

Въ то время какъ я, по желанію Общества поощренія мануфактуръ и искусствъ въ Филадельфіи, съ увлеченіемъ работалъ надъ составленіемъ обширнаго сочиненія по политической экономіи, и послѣ того какъ введеніе къ этому труду было уже напечатано, мнѣ было предложено участіе въ одномъ предпріятіи, и это обстоятельство на долгое время принудило меня покинуть литературную работу. Политика и литературный трудъ — занятія невыгодныя въ Соединенныхъ Штатахъ; желающій посвятить себя литературной дѣятельности и не имѣющій собственнаго состоянія принужденъ тамъ заботиться объ обезпеченіи своего состоянія и своей будущности посредствомъ участія въ разныхъ предпріятіяхъ. Я также счелъ за лучшее подчиниться обычному порядку. Поводомъ къ этому послужило пріобрѣтенное мною знакомство съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ, которое я предварительно изучилъ въ Англіи, счастливое открытіе новыхъ залежей каменнаго угля и

ріей цѣнностей, и опираясь на извлеченныя такимъ путемъ доказательства, положилъ основаніе новой натуральной системы политической экономіи и тѣмъ оказалъ важную услугу Соединеннымъ Штатамъ;

б) предложить профессору Листу издать два сочиненія: одно научное, въ которомъ основательно была бы изложена его теорія, и другое популярное для распространенія его системы въ школахъ;

в) подписаться на счетъ Общества на 50 экземпляровъ этого сочиненія, предложить законодателямъ Штатовъ, интересующихся американскою (промышленною) системою послѣдовать примѣру Общества и употребить всѣ возможныя средства къ распространенію этого сочиненія;

г) для публичнаго засвидѣтельствованія заслуги, оказанной проф. Листомъ, устроить на счетъ Общества въ отелѣ Гидъ (Head) обѣдъ, пригласивъ на него нашихъ важнѣйшихъ согражданъ.

Президентъ Ingenrsoll.
Секретарь Fisher.

не менѣе удачная покупка въ томъ мѣстѣ значительнаго участка земли.

Новое дѣло, характера чисто матеріальнаго, не имѣвшее отношенія къ моимъ прежнимъ литературнымъ занятіямъ, расширило мою дѣятельность и мой кругозоръ въ области политической экономіи. До сихъ поръ я понималъ значеніе путей сообщенія только съ точки зрѣнія *теоріи цѣнностей;* до сихъ поръ я наблюдалъ дѣйствіе путей сообщенія только въ отдѣльности и примѣнительно къ тому, какое вліяніе оказываютъ они на расширеніе рынка и на уменьшеніе цѣнности матеріальныхъ богатствъ. Теперь же я началъ наблюдать ихъ съ точки зрѣнія теоріи производительныхъ силъ и ихъ *дѣйствіе въ совокупности, какъ національной системы путей сообщенія*, оцѣнивая, слѣдовательно, ихъ по тому вліянію, какое они оказываютъ на всю умственную и политическую жизнь, на соціальныя отношенія, на производительную силу и могущество націй. Въ первый разъ только понялъ я теперь то, въ какомъ соотношеніи находятся *мануфактурная промышленность* и *національная система путей сообщенія*, а также и то, что одно безъ другаго никогда не можетъ достигнуть полнаго развитія. Поэтому я былъ въ состояніи,—осмѣливаюсь это утверждать — взлянуть на этотъ предметъ шире, чѣмъ какой либо другой изъ предшествовавшихъ мнѣ экономистовъ, и въ особенности съ очевидностью показать необходимость и пользу *національной желѣзнодорожной системы* прежде, чѣмъ кому либо изъ экономистовъ Англіи, Франціи или Сѣверной Америки пришло въ голову взглянуть на этотъ предметъ съ указанной возвышенной точки зрѣнія. Утверждая это, я долженъ былъ бы упрекнуть самого себя въ излишней хвастливости, если бы не чувствовалъ себя вынужденнымъ къ тому массою клеветъ и нареканій, обрушившихся на меня за пропаганду германской желѣзнодорожной системы. Предъ публикою меня выставили человѣкомъ, который, предлагая и защищая новость, стремится лишь возвыситься, пріобрѣсть значеніе, вліяніе и средства.

Такъ одна очень уважаемая сѣверо-германская газета, послѣ довольно поверхностнаго обзора моей статьи въ Staatslexicon подъ заглавіемъ: „*Каналы и желѣзныя дороги*“, назвала меня энтузіастомъ, для пылкой фантазіи котораго все представляется въ увеличенномъ размѣрѣ, и который видитъ массу такихъ вещей,

которыя совершенно незамѣтны для людей, одаренныхъ обыкновеннымъ зрѣніемъ. Года четыре или пять тому назадъ въ газетахъ Нюренберга и Франкфурта были напечатаны статьи, помѣченныя изъ Лейпцига, содержанія еще болѣе оскорбительнаго *); невѣжество и безстыдство дошло до такой степени, что меня не стѣснялись объявить предъ нѣмецкою публикою въ политической экономіи шарлатаномъ и прожектеромъ. Статья подъ словомъ *Желѣзныя дороги* въ Энциклопедическомъ словарѣ новѣйшаго времени и литературы (Conversations-Lexicon der neuesten Zeit und Literatur) дѣлаетъ мнѣ упрекъ въ томъ, будто бы по моей главнымъ образомъ винѣ произошла та злосчастная биржевая игра, которая, послѣ удавшейся вполнѣ лейпцигской подписки, такъ сильно дискредитировала это предпріятіе, между тѣмъ какъ, наоборотъ, именно своимъ рѣшительнымъ протестомъ противъ биржевой игры я навлекъ на себя неудовольствіе биржевыхъ маклеровъ. Въ упомянутой выше моей статьѣ все это достаточно разъяснено и потому здѣсь я не считаю нужнымъ защищаться отъ этой гнусной клеветы и униженія. Замѣчу только одно, что въ борьбѣ противъ меня прибѣгли къ самому непозволительному способу потому, что я всталъ поперекъ дороги нѣкоторымъ лицамъ и личнымъ интересамъ, что, какъ бы въ придачу къ этому, изъ боязни разоблаченія съ моей стороны направленной противъ меня интриги, сочли за лучшее обезславить меня, чтобы распространить въ нѣмецкомъ обществѣ предубѣжденіе къ моей личности. Мои противники, въ большинствѣ скорѣе введенные въ заблужденіе, чѣмъ сознательно лгавшіе, не были знакомы ни съ моимъ образомъ мыслей, ни съ моимъ положеніемъ, ни съ тѣми средствами, которыми я располагалъ. Не имѣя ни малѣйшаго желанія докучать нѣмецкому об-

*) Не могу пройти здѣсь молчаніемъ того обстоятельства, что тѣ, чьи предразсудки и личные интересы я, какъ защитникъ торговаго союза, долженъ былъ затронуть въ 1821 году, еще въ 1833 году, когда я пріѣхалъ въ Лейпцигъ, помнили меня настолько хорошо, что я снова подвергся тѣмъ же оскорбленіямъ, какія мнѣ пришлось вынести при прежней борьбѣ съ большею частію вліятельныхъ лицъ этого города и были причиною тѣхъ несогласій, которыя возникли между мною и представителями мѣстнаго купечества. Особенно памятно будетъ это, если припомнить, что большой германскій торговый союзъ организовался какъ разъ въ то время, какъ я былъ въ Лейпцигѣ, и слѣдовательно при моемъ первомъ появленіи было еще сомнительно, хорошее или дурное вліяніе окажетъ этотъ союзъ на мѣстную ярмарку.

ществу этою злосчастною борьбой совершенно частнаго характера, я въ самомъ началѣ интриги принялъ твердое рѣшеніе молча переносить всякую публичную и частную клевету, во первыхъ, чтобы не повредить тому доброму дѣлу, которому я посвятилъ уже столько лѣтъ моей жизни, и для котораго пожертвовалъ значительною суммою своего трудами нажитаго состоянія, во вторыхъ, чтобы обезпечить для себя то спокойствіе духа, которое необходимо для преслѣдованія поставленной мною себѣ цѣли; наконецъ я твердо вѣрилъ и вѣрю въ то, что въ концѣ концовъ все-таки воздадутъ мнѣ справедливость по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ нечего бояться обвиненія въ самохвальствѣ, когда я въ подтвержденіе моихъ словъ, могу сослаться на экономическіе аргументы и положенія, напечатанныя въ Лейпцигскихъ отчетахъ, за исключеніемъ имѣющихъ чисто мѣстный характеръ, такъ какъ они принадлежатъ исключительно мнѣ; когда я утверждаю, что только я—я одинъ—съ самаго начала далъ дѣятельности лейпцигскаго желѣзнодорожнаго комитета то національное направленіе, которое нашло такой сочувственный откликъ во всей Германіи и которое дало такіе хорошіе результаты; что я въ теченіе восьми послѣднихъ лѣтъ дни и ночи проводилъ за работой, стараясь предложеніями, письмами и сочиненіями двинуть впередъ желѣзнодорожный вопросъ во всѣхъ частяхъ Германіи. Я съ полною увѣренностію утверждаю все это, такъ какъ увѣренъ, что ни одинъ добросовѣстный человѣкъ въ Саксоніи не будетъ въ состояніи и не пожелаетъ въ этомъ отношеніи возразить мнѣ открыто и за своею подписью.

Въ разоблаченной здѣсь интригѣ и лежитъ причина того, что нѣмецкіе экономисты до сихъ поръ такъ мало отдавали справедливости моимъ работамъ по желѣзнодорожному вопросу, что въ своихъ сочиненіяхъ вмѣсто того, чтобы указать, что новаго и оригинальнаго было въ моихъ сочиненіяхъ, они или обходили меня полнымъ молчаніемъ или же цитировали лишь въ общихъ чертахъ *).

Мои усилія создать желѣзнодорожную сѣть въ Германіи—цѣль, которая одна только могла принудить меня отказаться на много

*) Я долженъ указать однако на статскаго совѣтника Небеніуса, который составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе. Скромность однако не позволяетъ мнѣ передать печатно то, что онъ говорилъ мнѣ на словахъ по этому поводу

лѣтъ отъ блестящаго положенія въ Сѣверной Америкѣ и возвратиться въ Германію — эти усилія и моя прежняя практическая дѣятельность въ Сѣверной Америкѣ лишили меня возможности продолжать мои литературныя занятія, и можетъ быть, эта книга никогда не появилась бы на свѣтъ, если бы, вслѣдствіе указанной выше интриги, я не лишился занятій и не видѣлъ бы себя вынужденнымъ оградить свое имя.

Необходимость позаботиться о возстановленіи своего здоровья, разстроеннаго усиленною работою и всевозможными непріятностями, побудила меня къ поѣздкѣ въ исходѣ 1837 года въ Парижъ. Здѣсь я случайно узналъ, что обсуждавшійся уже прежде вопросъ о свободѣ торговли и объ ограниченіяхъ въ торговлѣ снова поднятъ академіею политическихъ наукъ въ Парижѣ въ видѣ темы на премію. Это обстоятельство побудило меня рѣшиться на письменное изложеніе сущности моей системы. Но, не имѣя подъ руками моихъ прежнихъ работъ, я долженъ былъ писать обо всемъ на память, и такъ какъ кромѣ того я долженъ былъ окончить мою работу въ слишкомъ краткій срокъ—всего въ двѣ недѣли, то конечно трудъ мой долженъ былъ выйти *очень несовершеннымъ*. Не смотря однако на это обстоятельство, комиссія академіи поставила мою работу въ числѣ первыхъ трехъ изъ двадцати семи, которыя ей были представлены *).

Такой результатъ долженъ былъ меня удовлетворить, особенно въ виду краткости времени, употребленнаго на работу и того обстоятельства, что премія вообще не была присуждена, главнымъ же образомъ потому, что члены комиссіи всѣ безъ исключенія по своимъ убѣжденіямъ принадлежали къ школѣ космополитической. И въ самомъ дѣлѣ съ вопросомъ о теоріи политической экономіи въ ея отношеніи *къ международной торговлѣ и торговой политикѣ* во Франціи дѣло обстоитъ пожалуй хуже еще, нежели въ Германіи.

Г. Росси, человѣкъ, оказавшій значительныя услуги наукамъ политическимъ вообще и разработавшій въ частности нѣкоторые отдѣлы политической экономіи, но получившій образованіе въ маленькихъ городахъ Италіи и Швейцаріи, гдѣ нѣтъ возможности ознакомиться и оцѣнить значеніе промышленности съ національ-

*) Сочиненію моему предпосланъ девизъ, въ которомъ выражается характеръ моей системы «Et la patrie et l'humanité».

ной точки зрѣнія и въ соотвѣтственныхъ этому размѣрахъ, гдѣ поневолѣ приходится сосредоточить всѣ надежды на осуществленіи идеи всеобщей свободы торговли, какъ тѣ, которые, не находя болѣе утѣшенія на этомъ свѣтѣ, обращаютъ всѣ свои надежды къ жизни будущей, — этотъ г. Росси нисколько еще не сомнѣвается въ истинности космополитическаго принципа, ему даже не приходитъ на мысль, что исторія въ этомъ отношеніи можетъ дать совсѣмъ другое освѣщеніе, нежели то, которое было дано Адамомъ Смитомъ. Бланки, извѣстный въ Германіи своею „Исторіею политической экономіи", ограничилъ съ тѣхъ поръ свои претензіи лишь тѣмъ, что разбавилъ водой сочиненіе Ж. Б. Сэй, который въ свою очередь сдѣлалъ тоже самое съ Адамомъ Смитомъ. Тотъ, кто взглянулъ уже свободнымъ отъ партійныхъ мнѣній, испытующимъ взглядомъ на исторію торговли и промышленности народовъ, найдетъ въ ихъ книгахъ цѣлые потоки чистѣйшей воды. Конечно не эти два писателя оказали вліяніе на благопріятную оцѣнку моего сочиненія, я приписываю ее вліянію барона Дюпена, который вообще предубѣжденный противъ всякихъ теорій, но человѣкъ глубокаго образованія и опытности, никогда не стремился къ выработкѣ системы; тѣмъ не менѣе ему именно обязана Франція фактическими и статистическими данными о своихъ національныхъ производительныхъ силахъ, а потому онъ необходимо долженъ бы былъ прійти къ теоріи производительныхъ силъ, если бы только былъ въ состояніи побѣдить свое отвращеніе къ теоріи, которое онъ такъ откровенно высказываетъ въ предисловіи къ своему только что указанному труду. Тамъ же, имѣя въ виду г. Сэй, онъ язвительно замѣчаетъ, что у него нѣтъ никакого празднаго стремленія къ созиданію системъ и къ оцѣнкѣ отношеній всѣхъ народовъ на основаніи *одного*. Однако для меня не понятно, какимъ образомъ возможно быть послѣдовательнымъ на практикѣ, не имѣя раціональной системы. Конечно можно замѣтить, что англійскіе государственные люди въ теченіе столѣтій безъ всякихъ теорій были довольно хорошими практическими дѣятелями; однако на это можно возразить, что въ Англіи обычай *продавать предметы мануфактурнаго производства и покупать сырье* въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ замѣнялъ всякую теорію. Хотя и это справедливо только отчасти, потому что указанный обычай, какъ извѣстно, не предохранилъ Англію отъ крупной ошибки запрещать въ различ-

ное время ввозъ хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Какъ бы тамъ ни было, но отъ проницательнаго взора Дюпена, какъ я могу заключить и изъ нѣкоторыхъ сказанныхъ имъ мнѣ словъ, не могло ускользнуть близкое родство его статистическихъ данныхъ съ моею теоріею—отсюда и его благопріятный приговоръ о моемъ сочиненіи. Кромѣ названныхъ писателей въ комиссіи были еще и друія лица, которыя также писали о политической экономіи; но если пересмотрѣть ихъ сочиненія съ тѣмъ, чтобы извлечь изъ нихъ какую либо оригинальную мысль, то въ нихъ не окажется ничего кромѣ *political economy made easy*, какъ говорятъ англичане,—вещи, достойныя дамъ, занимающихся политикою парижскихъ щеголей и другихъ диллетантовъ,—все это перифразы прежнихъ перифразовъ сочиненій Адама Смита. Ни одной собственной мысли—просто жалость беретъ!

Эта работа на французскомъ языкѣ не была, однако, для меня безполезна, какъ и прежнія работы на англійскомъ языкѣ. Она не только еще больше укрѣпила мое убѣжденіе въ томъ, что дѣльная система необходимо должна опираться на достовѣрные историческіе факты, но я пришелъ къ заключенію, что мои историческія изысканія еще далеко недостаточны. Такъ, когда я, расширивъ историческое изученіе, перечиталъ затѣмъ мои сочиненія на англійскомъ языкѣ и въ частности пять уже отпечатанныхъ листовъ историческаго предисловія, они показались мнѣ плохими. Быть можетъ благосклонному читателю такими же покажутся и тѣ, которыя я выпускаю на нѣмецкомъ языкѣ. Откровенно и безъ всякой аффектаціи признаюсь,—и въ этомъ, можетъ быть, нѣкоторые мнѣ охотно повѣрятъ,—что они мнѣ показались снова такими же. Такъ, когда я, по окончаніи всего труда, снова перечиталъ первыя главы, я былъ готовъ осудить ихъ такъ-же, какъ и прежнія свои англійскія и французскія сочиненія. Однако я рѣшилъ иначе. Кто работаетъ, тотъ идетъ впередъ, а обработка должна же когда нибудь закончиться. Итакъ, я рѣшаюсь явиться предъ обществомъ, съ скромнымъ убѣжденіемъ, что быть можетъ многое въ моей работѣ будетъ достойно порицанія, такъ какъ теперь, оканчивая свое введеніе, я самъ вижу, что многое можно бы было обработать основательнѣе и выразить яснѣе, но меня поддерживаетъ лишь мысль, что быть можетъ все таки въ моей книгѣ найдется что либо новое и вѣрное, и хотя одно какое либо положеніе ока-

жется дѣйствительно полезнымъ для моего нѣмецкаго отечества. Этимъ же стремленіемъ быть полезнымъ своей родинѣ объясняется и то, что я часто можетъ быть слишкомъ смѣло и слишкомъ рѣшительно произносилъ строгій приговоръ надъ мнѣніями и сочиненіями нѣкоторыхъ авторовъ и даже цѣлыхъ школъ. На самомъ дѣлѣ это зависитъ не отъ самонадѣянности, а изъ опасенія, чтобы достойныя порицанія взгляды не сдѣлались общимъ достояніемъ, и изъ убѣжденія, что противоположное имъ и искреннее мнѣніе должно выражаться самымъ энергичнымъ образомъ. Безъ сомнѣнія, ошибаются тѣ, которые думаютъ, что люди, оказавшіе значительныя услуги наукѣ, имѣютъ право на уваженіе даже въ томъ случаѣ, когда они заблуждаются. Напротивъ, писатели, получившіе извѣстность и пользующіеся авторитетомъ, своими ошибками причиняютъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ писатели незначительные, а потому и требуютъ болѣе рѣшительнаго опроверженія. Что критика болѣе мягкая, болѣе умѣренная и скромная, съ различными оговорками и комплиментами направо и налѣво, была бы гораздо выгоднѣе лично для меня, мнѣ очень хорошо извѣстно; я знаю также и то, что кто судитъ, самъ подвергнется осужденію. Но что за бѣда? Самъ я воспользуюсь строгими приговорами моихъ противниковъ для исправленія своихъ ошибокъ, если, на что я едва осмѣливаюсь питать надежду, эта книга потребуетъ втораго изданія. Такимъ образомъ я принесу двойную пользу,—если и не себѣ самому. Для судей справедливыхъ и снисходительныхъ, если они пожелаютъ принять въ расчетъ мое извиненіе, замѣчу, что на составленіе этой книги я употребилъ гораздо менѣе времени, нежели на изысканія и размышленія; что отдѣльныя главы были обработаны въ разное время и часто поспѣшно, и что я далеко не считаю себя отъ природы одареннымъ выдающимися способностями. Эти замѣчанія были необходимы для того, чтобы предупредить излишнія ожиданія отъ тяжкихъ родовъ послѣ столь продолжительной беременности, чтобы было ясно, почему я иногда то тамъ, то здѣсь говорю о времени на половину или даже совершенно прошедшемъ, какъ о настоящемъ, и чтобы не слишкомъ упрекали меня за частыя повторенія и иногда даже противорѣчія. Что касается повтореній, то всякому, хотя сколько нибудь знакомому съ политическою экономіею, извѣстно, какъ часто въ этой наукѣ различные предметы переплетаются между собою, и что несравненно лучше *десять разъ* повторить одно и то-же,

96314

БИБЛИОТЕКА
№
19 г.

нежели хотя *одинъ вопросъ* оставить въ темнотѣ. Какого мнѣнія я самъ о моихъ собственныхъ силахъ, можно лучше, нежели изъ моихъ словъ, видѣть изъ того вышеуказаннаго обстоятельства, что мнѣ пришлось употребить такъ много лѣтъ прежде, нежели я былъ въ силахъ создать что либо сносное. Великіе умы создаютъ быстро и легко—для обыкновенныхъ необходима масса времени и тяжелаго труда. Однако и они могутъ при благопріятныхъ условіяхъ создать что либо замѣчательное, разъ они встрѣчаются съ теоріею, изжившею свои силы, и если только они одарены нѣсколько здравымъ смысломъ и настойчивостью въ разрѣшеніи своихъ сомнѣній. И бѣднякъ можетъ сдѣлаться богачемъ, если онъ станетъ откладывать копѣйку за копѣйкой, рубль за рублемъ.

Чтобы предупредить упрекъ въ плагіатѣ, я долженъ замѣтить, что развитыя въ этой книгѣ положенія давно уже были мною выражены въ нѣмецкихъ и французскихъ журналахъ, равно въ газетахъ, а именно въ Allgemeine Zeitung, частію однако въ видѣ бѣглыхъ очерковъ и корреспонденцій. Не могу здѣсь не воспользоваться случаемъ выразить публично мою признательность моему остроумному и ученому другу Д-ру Кольбу за то, что онъ не побоялся дать мѣсто въ своемъ уважаемомъ журналѣ моимъ, казавшимся сначала столь смѣлыми, заявленіямъ и доказательствамъ. Такую же признательность считаю своимъ долгомъ выразить барону Коттѣ, который съ такою похвальною энергіею слѣдуетъ по стопамъ своего знаменитаго отца, оказавшаго столь важныя услуги нѣмецкой промышленности и литературѣ. Я чувствую себя обязаннымъ публично заявить здѣсь, что собственникъ извѣстнѣйшей въ мірѣ книгопродавческой фирмы оказалъ мнѣ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ Германіи болѣе услугъ, чѣмъ какой либо изъ нѣмецкихъ издателей, и что по его именно побужденію я рѣшился опубликовать какъ очеркъ моей системы въ Vierteljahrsschrift, такъ и настоящій свой трудъ.

Для предотвращенія упрека въ недостаткѣ полноты, позволю замѣтить, что по намѣченному плану въ этомъ первомъ томѣ я намѣренъ былъ лишь соединить все, что могъ сказать новаго и оригинальнаго о международной торговлѣ и о торговой политикѣ, и въ особенности, что можетъ послужить къ созданію національной германской торговой системы. Я полагалъ, что такой способъ для разрѣшенія вопроса о нѣмецкой промышленности въ настоящій

рѣшительный моментъ будетъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ если бы я перемѣшалъ въ своей книгѣ старое съ новымъ, несомнѣнныя истины съ сомнительными положеніями и сталъ бы снова повторять сто разъ сказанное. Поэтому же я считалъ необходимымъ умолчать о томъ, что мнѣ, на основаніи моихъ наблюденій и опыта, а также во время путешествій и изслѣдованій удалось, какъ я думаю, открыть въ другихъ областяхъ политической экономіи. Такъ, я былъ занятъ, между прочимъ, изслѣдованіями о поземельномъ устройствѣ и объ опредѣленіи правъ поземельной собственности, о средствахъ къ поднятію рабочихъ силъ и къ оживленію въ Германіи духа предпріимчивости, о недостаткахъ, сопровождающихъ фабричную промышленность и о средствахъ къ ихъ устраненію и предупрежденію, объ эмиграціи и колонизаціи, о созданіи нѣмецкаго мореходства и о средствахъ къ расширенію внѣшней торговли, о вліяніи рабовладѣнія и средствахъ къ его уничтоженію, о положеніи и дѣйствительныхъ интересахъ нѣмецкаго дворянства и т. д. Результаты этихъ изслѣдованій, хотя и не увеличили бы чрезмѣрно объемъ этой книги, здѣсь все-таки не должны имѣть мѣста.

Помѣщая упомянутый выше очеркъ въ Vierteljahrsschrift *) я хотѣлъ, такъ сказать, спросить общественное мнѣніе въ Германіи о томъ, позволено ли будетъ и не покажется ли страннымъ изложеніе взглядовъ и началъ, противорѣчащихъ по самой своей сущности положеніямъ господствующей политико-экономической школы. Я хотѣлъ также дать приверженцамъ этой школы случай указать мнѣ мои ошибки и тѣмъ направить меня на истинный путь. Однако очеркъ этотъ два года уже остается на глазахъ читающей публики, и до сихъ поръ не раздалось еще ни одного голоса ни за, ни противъ. Мое самолюбіе подсказываетъ мнѣ, что мои положенія неопровержимы; съ другой стороны моей скептицизмъ нашептываетъ мнѣ, что, вѣроятно, работа моя слишкомъ ничтожна для того, чтобы вызвать возраженіе. Чему же вѣрить?— Я не знаю; знаю только, что въ вопросѣ о благосостояніи или бѣдствіи, о жизни или смерти націи, и тѣмъ болѣе нашей — *нѣ-*

*) Die Nationalökonomie aus dem historischen Gesichtspunkt betrachtet (національная политическая экономія съ исторической точки зрѣнія), Vierteljahrsschrift, вып. 5, и «Ueber das Wesen und den Werth einer *nationalen* Gewerbs-Productivkraft (о сущности и достоинствахъ національной мануфактурной промышленности), Vierteljahrsschrift, вып. 9.

мецкой — даже мнѣніе самаго незамѣтнаго дѣятеля заслуживаетъ разсмотрѣнія или по крайней мѣрѣ опроверженія.

„Но,—скажутъ представители школы, какъ было ими не разъ уже говорено,—такъ называемая меркантильная система была уже нами блестяще опровергнута въ сотняхъ и сотняхъ сочиненій, статей и рѣчей, обязаны ли мы въ тысячный разъ опровергать вновь трактующее о ней сочиневіе?“ Это было бы конечно доводомъ неотразимымъ, если бы я старался возстановить только *такъ называемую меркантильную систему.* Достаточно будетъ прочесть только это введеніе, чтобы убѣдиться, что я изъ этой, заслужившей столь дурную славу, системы взялъ только хорошее и отбросилъ всѣ ея ошибки; что это хорошее я утвердилъ на совершенно другомъ основаніи, а именно на исторіи и на самой сущности вещей, что я также поступалъ съ земледѣльческою системою и съ такъ называемою промышленною системою, ошибочно называемою именемъ, которое можетъ относиться только къ такъ называемой меркантильной системѣ; что я сдѣлалъ еще больше, *я первый разъ* сопоставилъ тысячи разъ повторявшіяся космополитической школою доказательства съ природою вещей и съ уроками исторіи, и *въ первый разъ* выяснилъ значеніе безпочвеннаго космополитизма, игру двусмысленною терминологіею и ложность системы доказательствъ. Все это, безъ сомнѣнія, должно бы было обратить вниманіе школы и заслуживало основательнаго возраженія! По меньшей мѣрѣ *тотъ*, кѣмъ непосредственно вызваны всѣ эти замѣчанія, не долженъ бы былъ оставлять лежать перчатку, которую я ему бросилъ.

Чтобы были понятны всѣ эти замѣчанія, мнѣ необходимо припомнить предшествующія обстоятельства. Въ своемъ отчетѣ о Парижской промышленной выставкѣ 1839 года, напечатанномъ во „Всеобщей Газетѣ“, я позволилъ себѣ сдѣлать бѣглый очеркъ современнаго состоянія теоріи, а именно французской школы. По этому случаю въ корреспонденціи „Съ Рейна“ въ той же газетѣ мнѣ былъ данъ урокъ въ такомъ тонѣ и съ такими аргументами, которые мнѣ ясно показали, что я имѣлъ дѣло съ однимъ изъ первыхъ ученыхъ авторитетовъ Германіи *). Мнѣ былъ сдѣланъ

*) Нужно думать, что здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстномъ профессорѣ Гейдельбергскаго университета Рау,— авторѣ курса политической экономіи, выдержавшаго нѣсколько изданій.

Прим. К. В. Тр—ва.

упрекъ въ томъ, что я, говоря о господствующей теоріи, назвалъ лишь Адама Смита и Сэй, и давалось понять, что въ Германіи также есть теоретики, заслужившіе всемірную извѣстность. Каждое слово этой корреспонденціи дышетъ тою самоувѣренностію, какую вселяетъ теорія, получившая непререкаемый авторитетъ, своимъ юнымъ послѣдователямъ, въ особенности по отношенію къ скептикамъ, въ которыхъ они совершенно не признаютъ знакомства съ выученною ими наизустъ теоріею. Повторивъ извѣстные доводы школы противъ такъ называемой меркантильной системы и высказавъ недовольство по поводу того, что приходится еще разъ повторять сто разъ выраженную и признанную цѣлымъ свѣтомъ истину, онъ восклицаетъ: „Самъ Жанъ-Поль гдѣ-то сказалъ, что ошибочная теорія можетъ быть *замѣнена* только лучшею“.

Мнѣ неизвѣстно, гдѣ и по какому поводу Жанъ-Поль высказалъ подобную мысль, однако, думается, я могу замѣтить, что эта мысль — въ томъ видѣ, въ какомъ она приводится корреспондентомъ „Съ Рейна“,—очень похожа на общее мѣсто. Дурное, конечно, вездѣ съ успѣхомъ можетъ быть *замѣняемо* только чѣмъ либо лучшимъ. Отсюда однако еще никакъ не слѣдуетъ, что дурное, считавшееся до сихъ поръ хорошимъ и дѣльнымъ, не слѣдуетъ выставлять въ его истинномъ свѣтѣ. Еще менѣе слѣдуетъ отсюда, что нѣтъ необходимости преждевременно отвергнуть признанную ложную теорію, чтобы очистить мѣсто дли лучшей или указать на необходимость въ созданіи лучшей теоріи. Я, съ своей стороны, не ограничился тѣмъ, что показалъ ошибочность и неосновательность господствующей теоріи, я въ указанной выше статьѣ въ Vierteljahrsschrift предложилъ публикѣ, въ видѣ опыта, очеркъ новой теоріи, которую считаю лучшею; я слѣдовательно выполнилъ именно то, что требуется приведеннымъ изъ Жанъ-Поля выраженіемъ, понимаемымъ въ тѣсномъ смыслѣ. Однако этотъ выдающійся авторитетъ космополитической школы цѣлыхъ два года хранитъ упорное молчаніе.

Впрочемъ, строго говоря, это не совсѣмъ вѣрно, будто ни одинъ голосъ не отозвался на обѣ предшествовавшія моей книгѣ статьи. Если я не ошибаюсь, авторъ статьи въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ пользующагося высокимъ уваженіемъ журнала намекаетъ на меня, говоря, что, извнѣ („не со стороны людей науки“) дѣлаются на господствующую экономическую систему нападки,

людьми, „обнаруживающими полное незнакомство съ оспариваемою ими системою, которую они понимаютъ какъ въ ея цѣломъ, такъ и въ частностяхъ совершенно невѣрно“ и т. д.

Эта высокодоктринерская полемика выражена фразами настолько схоластическими и въ такихъ темныхъ изреченіяхъ, что едва ли кому нибудь, кромѣ меня, можетъ притти мысль, что она направлена противъ меня и моихъ сочиненій. Поэтому и вслѣдствіе того, что я въ самомъ дѣлѣ не вполнѣ увѣренъ въ томъ, что здѣсь дѣло идетъ обо мнѣ, я, желая остаться вѣрнымъ своему намѣренію не называть именъ, возражая или вызывая на полемику, не хочу дѣлать болѣе яснаго указанія на своего противника или его сочиненіе. Однако я не считаю себя въ правѣ пройти его и молчаніемъ, чтобы и самому автору, если онъ разумѣлъ меня, не дать повода думать, что имъ сказано нѣчто неопровержимое. Въ этомъ случаѣ, и безъ болѣе точнаго указанія ему должно быть совершенно ясно, что я о немъ думаю. Откровенно заявляю этому противнику, что я посвященъ въ глубокія тайны науки, думаю, не менѣе его; что изреченія и, кажущіяся глубокомысленными, но на самомъ дѣлѣ ничего не говорящія, фразы, нагроможденныя другъ на друга въ началѣ его статьи, имѣютъ въ политической экономіи столько же значенія, сколько фальшивая монета въ денежномъ обращеніи; что общія мѣста и претензія на исключительное знаніе указываютъ только на сознаніе собственнаго безсилія; что теперь совсѣмъ не время приписывать Адаму Смиту мудрость Сократа и объявлять свѣтиломъ Лоца, который въ Германіи только разбавлялъ водой сочиненія перваго; что если бы онъ, мой противникъ, въ состояніи былъ освободиться отъ вліянія этихъ большею частію непримѣнимыхъ къ жизни авторитетовъ, онъ необходимо пришелъ бы къ печальному выводу, что его собственныя сочиненія требуютъ значительнаго пересмотра; что такая геройская рѣшимость принесла бы ему гораздо больше чести и славы, если бы онъ позаботился разъяснить вновь выступающимъ практическимъ дѣятелямъ въ области политической экономіи истинные интересы ихъ родины, вмѣсто того, чтобы ихъ забивать различными доктринерскими соображеніями.

Подобное обращеніе принесло бы не маловажную пользу націи: извѣстно, какое сильное вліяніе профессора политической экономіи, если они занимаютъ каѳедры въ извѣстныхъ и отли-

чающихся многочисленностію слушателей университетахъ, оказываютъ на общественное мнѣніе не только современнаго, но и послѣдующаго поколѣній. Я не могу удержаться, чтобы не помочь, насколько это возможно въ предѣлахъ настоящаго введенія, тому, о комъ здѣсь идетъ рѣчь, освободиться отъ его теоретическихъ мечтаній. Онъ безпрестанно говоритъ *о мірѣ богатствъ*. Въ этомъ словѣ цѣлый міръ заблужденій—*міра богатства* не существуетъ! Только представленіе о духовномъ или живомъ можетъ быть соединено съ понятіемъ о мірѣ, будетъ ли то жизнь твари или духъ твари. Развѣ возможно говорить, напр., о мірѣ минераловъ? Устраните духовное начало, и все, что называется *богатствомъ*, превратится лишь въ мертвую матерію.—Что сталось съ сокровищами Тира и Карѳагена, съ богатствомъ Венеціанскихъ дворцовъ, когда духъ отлетѣлъ отъ этихъ каменныхъ массъ? — Съ вашимъ міромъ богатствъ вы хотите возвысить матерію на степень самостоятельнаго начала—и въ этомъ вся ваша ошибка. Вы разсѣкаете мертвое тѣло и показываете намъ строеніе и составъ его членовъ, но связать эти члены снова съ тѣломъ, вдохнуть въ нихъ жизнь, сообщить имъ движеніе, вы не въ силахъ. Вашъ міръ богатствъ—химера!..

Этихъ замѣчаній, я думаю, достаточно для убѣжденія въ томъ, что не страхъ заставляетъ меня избѣгать въ этой книгѣ разсужденій объ ученыхъ работахъ нѣмецкихъ экономистовъ. Я желаю избѣгнуть лишь безполезной и вредной полемики; ибо только со времени основанія таможеннаго союза для нѣмцевъ явилась возможность разсматривать политическую экономію съ *національной* точки зрѣнія; и послѣ того какъ нѣкоторые изъ прежнихъ ярыхъ защитниковъ космополитической системы измѣнили свой взглядъ было бы явнымъ упорствомъ, при такомъ положеніи дѣла, посредствомъ личнаго порицанія препятствовать бесѣдѣ съ такими людьми.

Конечно, эти соображенія могутъ имѣть значеніе лишь для живыхъ еще писателей, но, откровенно говоря, не будетъ ничего страннаго, если ихъ направить и противъ умершихъ, такъ какъ они повторили ошибки Смита и Сэй и на самомъ дѣлѣ ничего новаго и существеннаго не внесли отъ себя. Считаю необходимымъ замѣтить, что здѣсь, какъ и въ остальной части этой книги, наша задача ограничивается изложеніемъ ученія о международной торговлѣ и о торговой политикѣ—вездѣ слѣдовательно мы признаемъ тѣ заслуги, которыя могли быть оказаны какъ умершими, такъ и

современными писателями въ другихъ областяхъ политической экономіи. Читайте для этого сочиненія Лода, Пелица, Роттека, Содена и т. д.,—не говорю о второстепенныхъ, каковы Краузе, Фульда и т. д.,—и вы увидите, что они въ данномъ вопросѣ являются слѣпыми послѣдователями Смита и Сэй, и что тамъ, гдѣ они отступаютъ отъ своихъ учителей, ихъ разсужденія не имѣютъ никакой цѣны. Тоже нужно сказать даже о Вейтцелѣ, одномъ изъ лучшихъ политическихъ писателей Германіи; и даже у опытнѣйшаго и проницательнаго Рудгарта по этому важному вопросу можно найти лишь нѣкоторыя то тамъ то здѣсь разбросанныя блестящія замѣчанія.

Мнѣ очень больно, что въ тотъ самый моментъ, *когда организуется подписка на памятникъ *) Роттеку*, я принужденъ открыто высказать заключеніе, что онъ не имѣлъ яснаго представленія ни о международной торговлѣ, ни о торговой политикѣ, ни о системахъ, ни о практическомъ примѣненіи политической экономіи. По справедливости однако меня извинятъ въ этомъ, если обратятъ вниманіе на то, что въ приводимомъ здѣсь изъ одного изъ послѣднихъ его сочиненій мѣстѣ Роттекъ не только строго, но и совершенно невѣрно осудилъ меня и мою дѣятельность **) и тѣмъ поставилъ меня въ необходимость защищаться.

Упрекъ Роттека въ томъ, что я вмѣсто того, чтобы указать на отливъ звонкой монеты и на обѣднѣніе государства, выражаю сѣтованія лишь на бѣдственное положеніе фабрикантовъ, что система германскаго торговаго союза частью невыполнима, частью связана съ *нѣкоторыми* невыгодами,—этотъ упрекъ носитъ тѣ же слѣды, какія замѣтны на всемъ почти, что говоритъ Роттекъ въ своей главѣ о государственномъ хозяйствѣ, — слѣды незнанія. Если прочтутъ мою книгу и потомъ приступятъ къ чтенію указанной главы, то, надѣюсь, не признаютъ такой приговоръ несправедливымъ. Пусть прочтутъ только то, что сказано въ моей XXVII главѣ о принципѣ реторсіи, и прослѣдятъ затѣмъ выводы Роттека, тогда убѣдятся, что Роттекъ неправильно переноситъ на почву права чистый вопросъ *о промышленномъ воспитаніи націй*, что онъ

---

*) Подъ наименованіемъ памятника Листъ имѣлъ, очевидно, въ виду предстоявшее изданіе собранія сочиненій Роттека. *Прим. К. В. Тр—ва.*

**) См. Staatsrecht der constitutionellen Monarchie, angefangen von Frhrn. v. Aretin, fortgesetzt von Karl v. Rottek. Leipzig 1839. Стр. 300.

разсматриваетъ его не какъ экономъ-націоналистъ, а какъ профессоръ государственнаго права. Это полное незнакомство съ моею дѣятельностью и съ моимъ значеніемъ какъ экономиста, это нападеніе даетъ мнѣ полное право сказать въ свое оправданіе слѣдующее: было бы гораздо благоразумнѣе, если бы Роттекъ въ своихъ сочиненіяхъ и въ своихъ депутатскихъ рѣчахъ великодушно признался, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго практическаго опыта въ вопросахъ международной торговли и торговой политики, и что политическая экономія для него составляетъ совершенно неизвѣстную область, вмѣсто того, чтобы позволять себѣ о томъ и другомъ предметѣ такія разсужденія, которыя наносятъ явный ущербъ его авторитету въ другихъ областяхъ. Пусть вспомнятъ, что гг. Роттекъ и Велькеръ, не смотря на прежнее заявленіе, что они ничего не понимаютъ въ торговлѣ, всетаки въ Баденской палатѣ сильнѣйшимъ образомъ протестовали противъ вступленія Бадена въ большой германскій торговый союзъ. Хорошо знакомый съ тѣмъ и другимъ, я, услышавъ, что они перешли на ту сторону, позволилъ себѣ обратиться къ нимъ по этому случаю съ настойчивыми убѣжденіями, на что и получилъ довольно колкій публичный отвѣтъ. Имѣли ли вліяніе или нѣтъ эти убѣжденія на недоброжелательный приговоръ Роттека, вопросъ этотъ я оставляю открытымъ.

Пелицъ, который ни въ какомъ случаѣ не былъ самостоятельнымъ мыслителемъ и во всемъ обнаружилъ недостатокъ опыта, въ данномъ случаѣ былъ лишь компиляторомъ. Какія мнѣнія высказывалъ по вопросамъ политической экономіи этотъ бездарный ученый, занимавшій первую въ Германіи каѳедру политическихъ наукъ, можно судить по одному примѣру.—Въ то время какъ въ Лейпцигѣ *умные люди* поднимали меня на смѣхъ за предложенную мною лейпцигско-дрезденскую желѣзную дорогу и за мою германскую желѣзнодорожную систему, я обратился къ г. Пелицу за помощью и совѣтомъ и получилъ такой отвѣтъ: теперь еще невозможно съ увѣренностью сказать, насколько полезно и необходимо это предпріятіе, такъ какъ невозможно предвидѣть, въ какую сторону направится на будущее время товарное движеніе. Этотъ глубокомысленный теоретическій выводъ перешелъ затѣмъ, если не ошибаюсь, и въ его печальной памяти ежегодники.

Когда я въ первый разъ встрѣтился съ Лотцемъ, я позволилъ

себѣ скромно изложить ему нѣкоторые новые взгляды на политическую экономію, съ цѣлью вызвать его на сообщеніе его воззрѣній и тѣмъ исправить мои собственныя. Г. Лотцъ не пожелалъ входить въ объясненія, но лицо его приняло смѣшанное не то важное, не то ироническое выраженіе, и это ясно показало мнѣ, что онъ считалъ свое положеніе настолько высокимъ, что не находилъ возможнымъ вступать со мною въ какія бы то ни было разсужденія. Онъ сказалъ, впрочемъ, нѣсколько словъ, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что разсужденія о научныхъ предметахъ между диллетантами въ наукѣ и глубокомысленными учеными не могутъ привести ни къ чему. Въ то время я уже цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ не пересматривалъ сочиненій Лотца, и мое уваженіе къ ихъ автору, такимъ образомъ, восходило къ давнему времени. Такой пріемъ показалъ мнѣ ясно истинное достоинство сочиненій Лотца— прежде еще, чѣмъ я снова ихъ перечелъ. Какъ можетъ, думалъ я, человѣкъ, избѣгающій опыта, создать что нибудь дѣльное въ опытной наукѣ, какою является политическая экономія?

Когда я затѣмъ снова взялъ въ руки его толстые томы, пріемъ г. Лотца для меня пересталъ быть загадкой. Ничего нѣтъ естественнѣе того, что авторы, которые только переписываютъ и перетолковываютъ своихъ предшественниковъ и все свое знаніе почерпаютъ изъ книгъ, приходятъ въ совершенное смущеніе и становятся въ тупикъ, когда имъ приходится встрѣтиться съ данными опыта, противорѣчащими ихъ школьному знанію, или съ совершенно новыми идеями.

Графъ Соденъ, котораго я хорошо зналъ, былъ гораздо интереснѣе въ разговорѣ, чѣмъ въ своихъ сочиненіяхъ, и былъ необыкновенно либераленъ по отношенію къ высказываемымъ ему сомнѣніямъ и возраженіямъ. Новостью въ его сочиненіяхъ, главнымъ образомъ, нужно признать методъ и терминологію. Къ сожалѣнію, эта послѣдняя у него еще напыщеннѣе прежней и завлекла бы науку въ схоластическую трясину еще глубже терминологіи Смита и Сэй.

Вейтцель въ своей исторіи политическихъ наукъ о всѣхъ экономистахъ судитъ вполнѣ съ точки зрѣнія космополитической школы.

Если я, по приведеннымъ выше основаніямъ, воздерживаюсь отъ всякаго упрека еще живымъ экономистамъ Германіи, то

это не мѣшаетъ мнѣ отдать справедливость всему хорошему и замѣчательному въ сочиненіяхъ Небеніуса, Германа, Моля и другихъ.

Я большею частію, какъ видно будетъ ниже, соглашаюсь съ идеями Небеніуса въ его сочиненіи о германскомъ таможенномъ союзѣ, касающимися системы, которой слѣдуетъ держаться теперь этимъ союзамъ.

Такъ какъ это сочиненіе, очевидно, написано съ цѣлію повліять *въ данный моментъ* на дальнѣйшее развитіе союза, то вполнѣ цѣлесообразно, что остроумный и оказавшій столь важныя услуги нѣмецкой промышленности авторъ, совершенно пренебрегаетъ теоріею и исторіею. Потому книга его и отличается всѣми достоинствами и недостатками сочиненія, написаннаго на случай. И если такое сочиненіе въ данную минуту въ состояніи оказать сильное вліяніе, то на будущее время оно не предохранитъ отъ заблужденій. Предположимъ, напримѣръ, что англичане и французы отмѣнили всѣ пошлины на нѣмецкіе продукты сельскаго хозяйства и лѣсоводства—тогда, на основаніи соображеній Небеніуса, не оказалось бы болѣе никакихъ основаній къ поддержанію германской таможенной системы. Въ сочиненіи „Наука о полиціи“ Моля высказано очень много вѣрныхъ взглядовъ на таможенную систему; извѣстно также и о Германѣ, какое сильное вліяніе оказываетъ онъ практически на усовершенствованіе германскаго таможеннаго союза и въ особенности на развитіе баварской промышленности.

При этомъ случаѣ не могу не припомнить того обстоятельства, что нѣмцы, въ противность всѣмъ другимъ націямъ, раздѣляютъ предметы политической экономіи на двѣ различныя категоріи ученій: подъ названіемъ національной экономіи, политической экономіи, государственнаго хозяйства и т. д. они преподаютъ теорію космополитической системы по Смиту и Сэй; а въ наукѣ о полиціи они разсматриваютъ, насколько государственная власть имѣетъ призванія проявлять вмѣшательство въ производство, распредѣленіе и потребленіе матеріальныхъ богатствъ. Сэй, выражающійся тѣмъ положительнѣе, чѣмъ меньше онъ знакомъ съ тѣмъ, о чемъ говоритъ, извительно замѣчаетъ нѣмцамъ, что они смѣшиваютъ политическую экономію съ ученіемъ о государственномъ управленіи. Такъ какъ Сэй не знаетъ нѣмецкаго языка и такъ какъ ни одного нѣмецкаго сочиненія по предметамъ политической эконо-

міи не переведено на французскій языкъ, то онъ долженъ былъ узнавать объ этомъ предметѣ отъ кого нибудь изъ путешествующихъ замѣчательныхъ людей Парижа. Но такое раздѣленіе науки, дававшее до сихъ поръ во всякомъ случаѣ поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ и противорѣчіямъ, въ сущности показываетъ, что нѣмцы гораздо ранѣе французовъ почувствовали, что существуетъ экономія *космополитическая* и *политическая*, и они назвали первую національною экономіею, а вторую полицейскою наукою.

Въ то время, когда я писалъ вышеизложенное, мнѣ попалась подъ руки книга, которая побуждаетъ меня сознаться въ томъ, что я высказался объ Адамѣ Смитѣ гораздо снисходительнѣе, чѣмъ долженъ былъ то сдѣлать по своему убѣжденію. Это—вторая часть „Галлереи портретовъ по разговорамъ и перепискѣ Раэля", изданная Варгагеномъ фонъ-Энзе. Мнѣ хотѣлось знать, что здѣсь сказано объ Адамѣ Мюллерѣ и Фридрихѣ Гентцѣ, которыхъ я лично зналъ *), но я нашелъ перлы совершенно не тамъ, гдѣ ихъ искалъ, а именно въ перепискѣ между Раэлемъ и Александромъ Марвитцомъ. Этотъ образованный молодой человѣкъ, готовясь къ экзамену, читалъ и въ тоже время критиковалъ Адама Смита. Въ помѣщенной здѣсь выноскѣ читатель увидитъ, что именно во время своихъ занятій онъ писалъ объ Адамѣ Смитѣ и о его нѣмецкой школѣ **).

---

*) Позже можетъ быть представится мнѣ случай дать нѣкоторыя объясненія по предмету идей о замѣчательныхъ произведеніяхъ этихъ лицъ, насколько онѣ касаются нѣмецкой торговой политики. Я зналъ того и другаго лично въ бытность мою на вѣнскомъ конгрессѣ въ 1820 г. Мюллеръ, съ которымъ я часто встрѣчался у покойнаго герцога Ангальтъ-Готскаго, находившагося тогда въ оппозиціи къ Пруссіи, и который пользовался его довѣріемъ. Генцъ былъ менѣе доступенъ вслѣдствіе занимаемой имъ должности и отношеній къ Англіи; мои неоднократныя бесѣды съ нимъ, хотя и не лишенные интереса, не привели меня однако съ нимъ къ взаимному соглашенію, такъ какъ тотчасъ же послѣ отъѣзда моего изъ Вѣны онъ началъ противъ меня во «Всеобщей газетѣ» анонимную полемику, которую я поддержалъ для себя съ успѣхомъ.

**) См. стр. 57. «Все свое знаніе черпали они изъ Адама Смита, ограниченнаго, но въ своей ограниченной сферѣ остроумнаго человѣка, котораго основныя положенія они при всякомъ случаѣ проповѣдуютъ, давая имъ, подобно школьной болтовнѣ, нелѣпое развитіе. Его наука весьма удобна, такъ какъ она независимо отъ всякой идеи, не принимая въ соображеніе различныхъ направленій человѣческой жизни, строитъ «одну общую для всѣхъ»—для всѣхъ націй и *для всѣхъ положеній* «одинаково примѣнимую коммерческую систему», мудрость которой состоитъ въ томъ, чтобы «*людямъ предоставлено было дѣлать то*,

И этотъ приговоръ,—приговоръ, который содержитъ въ двадцати строкахъ *все—все* рѣшительно что можно сказать объ Адамѣ Смитѣ и его школѣ, произнесъ Марвитцъ послѣ того, какъ прочелъ Адама Смита въ первый разъ. Онъ, юноша двадцати четырехъ лѣтъ, окруженный учеными, поклонявшимися, какъ Богу, Адаму Смиту, онъ одинъ сильною и вѣрною рукою низвергаетъ и въ дребезги разбиваетъ ихъ идола и смѣется надъ глупостію его обожателей. И его, призваннаго открыть глаза своей родинѣ, всему свѣту, сбили окончательно глупѣйшими вопросами на экзаменѣ, окончаніе котораго доставило бы ему столько радости. И онъ долженъ былъ умереть, еще прежде, чѣмъ успѣлъ понять свое призваніе.

Величайшій экономистъ Германіи—единственный мыслящій въ извѣстномъ направленіи—долженъ былъ умереть на чужбинѣ. Напрасно будете искать его могилу. Раэль былъ единственною его публикою, и три мимоходомъ брошенныхъ замѣтки въ его интимныхъ письмахъ являются единственными его трудами. Однако—что-жъ я говорю? Развѣ Марвитцемъ не были посланы Раэлю цѣлыхъ шесть кругомъ исписанныхъ листовъ объ Адамѣ Смитѣ? Можетъ быть

чего они пожелаютъ». Его точка зрѣнія исходитъ изъ частнаго интереса; онъ не сомнѣвается, что государство должно руководиться инымъ взглядомъ высшаго порядка, и вслѣдствіе того національная промышленность должна слѣдовать другому направленію, чѣмъ то, которое желаетъ тотъ, кто пользуется наслажденіями *вульгарными*. На сколько такая мудрость, развиваемая съ проницательностію, глубина которой одна можетъ ее одолѣть, и при томъ съ знаніемъ и ученостію, должна прельщать нашъ вѣкъ, который весь руководится подобною точкою зрѣнія. Я читаю и критикую его. Его книга читается только медленно, такъ какъ онъ ведетъ васъ чрезъ *лабиринтъ пустыхъ отвлеченностей* среди искусственной путанницы его производительныхъ силъ, гдѣ слѣдовать за нимъ оказывается болѣе утомительно, чѣмъ трудно».

Стр. 61. «Къ моему великому удовольствію я скоро кончу читать Адама Смита, такъ какъ, въ концѣ, когда онъ говоритъ о дѣлахъ государственныхъ, войнѣ, судѣ, просвѣщеніи, онъ *оказывается совсѣмъ глупымъ*... Я буду говорить о немъ подробно, это стоитъ того, такъ какъ на ряду съ Наполеономъ, онъ нынѣ въ Европѣ монархъ наиболѣе могущественный». (Буквально вѣрно).—Стр. 73. «Я нахожусь на шестомъ листѣ сочиненія Адама Смита и завтра его кончу. Я привезу мой трудъ въ Берлинъ».—Стр. 56. «Экономистъ Краузе копируетъ Адама Смита, пользуясь самыми пошлыми и самыми наглыми пріемами настолько прямо, что дошелъ до приведенія тѣхъ-же самыхъ примѣровъ; впрочемъ, когда Адамъ Смитъ говоритъ о суконномъ фабрикантѣ, то онъ говоритъ о шелковомъ; гдѣ Адамъ Смитъ говоритъ: Калькутта и Лондонъ—онъ ставитъ: Транкебаръ и Копенгагенъ». (Буквально вѣрно).

они найдутся въ оставленныхъ Раэлемъ бумагахъ и можетъ быть г. фонъ Варнгагенъ не откажется подѣлиться ими съ нѣмецкою публикою.

По правдѣ, никогда я не чувствовалъ себя столь малымъ, какъ при чтеніи этихъ писемъ Марвитца. Ему—безбородому юношѣ—достаточно было двухъ недѣль для того, чтобы сорвать покрывало, скрывавшее кумира космополитической школы, а мнѣ для этого потребовался цѣлый рядъ годовъ зрѣлаго возраста. Особенно поразительна параллель между Наполеономъ и Адамомъ Смитомъ, которую онъ очертилъ двумя словами: *„они оба могущественнѣйшіе монархи земли“* — „опустошители земли“ сказалъ бы онъ безъ сомнѣнія, если бы такое выраженіе не было опаснымъ въ 1810 году. Какой широкій взглядъ на великія міровыя отношенія!— какой умъ!

Послѣ такихъ сообщеній я хочу откровенно сознаться, что я перечеркалъ совершенно уже обработанную для этой книги главу объ Адамѣ Смитѣ единственно во вниманіе къ тому преувеличенному уваженію, которымъ пользуется его имя, и изъ боязни, чтобы мой откровенный приговоръ не объяснили моею заносчивостью.

То, что я сказалъ въ этомъ первомъ трудѣ, я не могу повторить здѣсь вполнѣ, не увеличивъ предисловія до объема цѣлой книги, такъ какъ я по крайней мѣрѣ шесть печатныхъ листовъ свелъ на *одинъ* листъ; я долженъ поэтому ограничиться лишь краткимъ извлеченіемъ. Я сказалъ, что политическая экономія въ *важнѣйшихъ своихъ отдѣлахъ*, а именно въ тѣхъ, которые касаются международной торговли и торговой политики, благодаря Адаму Смиту, сдѣлала огромный попятный шагъ; что, благодаря ему, въ эту науку проникъ духъ софистики, схоластики—темноты—лжи и лицемѣрія, что теорія сдѣлалась ареною сомнительныхъ талантовъ и пугаломъ для большинства людей даровитыхъ, опытныхъ, съ здравымъ пониманіемъ и правильнымъ сужденіемъ; что онъ далъ въ руки софистовъ доказательства, которыми они вводятъ въ заблужденіе націи относительно ихъ современнаго состоянія и будущаго. Біографъ его Dugald Stewards, какъ я помню, сообщаетъ, что этотъ великій умъ не могъ покойно умереть прежде, чѣмъ всѣ его бумаги не были сожжены, что невольно вызываетъ у меня какъ бы сильное подозрѣніе въ томъ, что въ этихъ бумагахъ имѣ-

лись доказательства противъ его искренности *). Я показалъ, какъ со времени Питта и до Мельбурна англійскіе министры пользовались его теоріею для того, чтобы въ интересахъ Англіи пускать пыль въ глаза другимъ націямъ. Я назвалъ его наблюдателемъ, глазъ котораго замѣчаетъ лишь отдѣльныя песчинки, комки земли, стебли травы или кусты, но не можетъ охватить всей мѣстности; я сравнилъ его съ живописцемъ, который хотя и умѣетъ съ поразительною вѣрностію передавать частности, но не въ силахъ соединить ихъ въ одно гармоническое цѣлое, и нарисовалъ чудовище, различные члены котораго, превосходно переданные, принадлежатъ различнымъ тѣламъ.

Какъ на характерическое отличіе созданной мною системы я указываю на *національзмъ*. На сущности *національзма*, какъ средняго члена между понятіями *индивидуализма* и *человѣчества* зиждется все мое зданіе. Долго думалъ я о томъ, не слѣдуетъ ли мнѣ назвать свою систему *натуральною системою* политичестой экономіи, названіе, которое также было бы правильнымъ и можетъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было бы даже лучше того, на которомъ я остановился, тѣмъ болѣе, что я всѣ предшествовавшія системы представлялъ основанными не на сущности вещей и стоящими въ противорѣчіи съ уроками исторіи. Но отъ этого намѣренія я былъ удержанъ замѣчаніемъ одного изъ моихъ друзей, что люди поверхностные, привыкшіе судить о книгахъ по ихъ заглавіямъ, могутъ принять мое сочиненіе за простое изложеніе системы физіократовъ.

При этой работѣ у меня вовсе не было желанія подслужиться къ какой либо ученой партіи, или получить право на занятіе каѳедры политической экономіи, или заслужить извѣстность автора руководства, принятаго всѣми факультетами, или дать доказательство моей годности для занятія какой либо государственной должности; я имѣю въ виду лишь нѣмецкіе національные интересы, и эта цѣль настойчиво требовала отъ меня свободнаго выраженія моихъ убѣжденій безъ при-

*) Такая непріязнь къ А. Смиту со стороны Листа и преувеличенія недостатковъ ученій англійскаго экономиста объясняется тѣмъ, что настоящее «введеніе» написано было (какъ это замѣчаетъ позже Листъ въ письмѣ къ своему другу) подъ впечатлѣніемъ извѣстія, что съ Великобританіей заключается коммерческій трактатъ на основаніяхъ, разорительныхъ для Германіи. «Безъ этого, прибавляетъ Листъ, какимъ образомъ рѣшился бы я превознести до небесъ, какъ я это сдѣлалъ, молодаго Марвитца?» *Прим. К. В. Тр-ва.*

мѣси составныхъ частей, которые хотя и не были бы пріятными для вкуса и обонянія, но за то оказали бы надлежащее дѣйствіе,—и прежде всего—*популярнаго* изложенія. Если теорія политической экономіи должна преслѣдовать въ Германіи національные интересы, то она должна изъ кабинетовъ ученыхъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ и съ профессорскихъ каѳедръ перейти въ конторы фабрикантовъ, оптовыхъ негоціантовъ, кораблехозяевъ, капиталистовъ и банкировъ, въ бюро всѣхъ чиновниковъ и адвокатовъ, въ дома собственниковъ, въ особенности же въ палаты земскихъ собраній, однимъ словомъ она должна сдѣлаться общественнымъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей націи. Только при этомъ условіи торговая система германскаго таможеннаго союза получитъ ту устойчивость, безъ которой, даже при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, даровитѣйшіе государственные люди будутъ приносить лишь зло и вредъ. Настоятельная потребность въ такой устойчивости и важность общественнаго мнѣнія, просвѣщеннаго и укрѣпленнаго свободою преній, нигдѣ не проявляются съ такою очевидностію, какъ въ вопросахъ о торговыхъ договорахъ. Метуенскіе договоры (Methuen-Verträge) могутъ заключаться только въ такихъ странахъ, гдѣ кабинетное мнѣніе — все, а общественное мнѣніе — нуль. Новѣйшая исторія германской торговой политики ставитъ вѣрность этого замѣчанія внѣ всякаго сомнѣнія. Если гдѣ гласность является гарантіею для трона (а такою она является вездѣ, гдѣ она возбуждаетъ національныя силы, расширяетъ общественный кругозоръ и контролируетъ администрацію въ интересахъ націи), то это въ вопросахъ промышленности и торговой политики. Нѣмецкіе князья никакимъ другимъ способомъ не могутъ лучше охранить свои династическіе интересы, какъ предоставивъ и, по силѣ возможности, возбуждая и поддерживая свободу открытому обсужденію вопросовъ, касающихся матеріальныхъ интересовъ націи. Но чтобы это обсужденіе было вполнѣ разумно, особенно необходимо, чтобы теорія политической экономіи и практическій опытъ другихъ народовъ сдѣлались общимъ достояніемъ всѣхъ мыслящихъ людей страны.

Поэтому, при обработкѣ настоящаго сочиненія, я главнымъ образомъ старался быть яснымъ и понятнымъ, даже въ ущербъ стилистической выработкѣ и рискуя показаться не ученымъ и не глубокимъ. Я былъ пораженъ поэтому, когда одинъ изъ моихъ дру-

зей, прочитавъ нѣкоторыя главы, сказалъ, что „онъ встрѣтилъ тамъ прекрасныя мѣста“. Я не *желалъ*, чтобы въ моей книгѣ были такія мѣста. Красота стиля не составляетъ потребности для національной экономіи—это не только не достоинство, напротивъ, это недостатокъ въ національно-экономическомъ трудѣ, такъ какъ къ красотѣ стиля нерѣдко прибѣгаютъ для того, чтобы прикрыть недостатокъ или слабость логики и выдать софистическія доказательства за основательныя и глубокомысленныя. Ясность, общедоступность — вотъ главная потребность въ изложеніи этой науки. Глубокомысленные, повидимому, силлогизмы, напыщенныя фразы и изысканныя выраженія необходимы только тѣмъ, у которыхъ не хватаетъ проницательности, чтобы понимать сущность вещей, тѣмъ, которые плохо понимаютъ самихъ себя и потому не имѣютъ средствъ сдѣлать себя понятными для другихъ.

Не слѣдовалъ я также модѣ, требующей массы цитатъ. Я прочелъ сочиненій въ сто разъ больше, нежели у меня ихъ указано. Но, кажется, я замѣтилъ, что большинство читателей, которые изъ науки не дѣлаютъ профессіи, и можетъ быть изъ нихъ самые умные и любознательные, испытываютъ страхъ и робость, когда имъ приводятъ цѣлые легіоны литературныхъ свидѣтелей и авторитетовъ. Поэтому я не желалъ безполезно занимать мѣсто, въ которомъ я такъ нуждался. Я вовсе однако не хочу утверждать, что обильныя цитаты въ руководствахъ, трудахъ историческихъ и т. д. не составляютъ ихъ большаго достоинства, я хочу только дать понять, что я не имѣлъ намѣренія писать руководство.

Нужно думать, что я оказываю не маловажную услугу нѣмецкой *бюрократіи*, представляя ей соотвѣтствующую ея практикѣ теорію и разъясняя ошибки тѣхъ, которые никогда не относились къ ней съ особеннымъ уваженіемъ. Конечно, разногласіе, господствующее между теоріей и практикой, никогда не было особенно благосклонно къ авторитету канцелярій. Неопытнѣйшій студентъ, космополитическія тетрадки котораго едва успѣли высохнуть, считалъ непремѣнною обязанностію изобразить на своемъ лицѣ презрительную улыбку всякій разъ, когда богатый опытомъ совѣтникъ или дѣльный и мыслящій дѣлецъ говорилъ о покровительственныхъ *таможенныхъ пошлинахъ*.

Неменѣе, думается, имѣемъ мы право на одобреніе и со стороны нѣмецкаго какъ богатаго, такъ и бѣднаго дворянства, которому мы

показали, что оно, благодаря своимъ собственнымъ собратамъ въ Англіи—торіямъ—частью обѣднѣло, обанкрутилось и раззорилось, и что мы—промышленники и ихъ органы—нашими усиліями въ теченіе истекшаго десятилѣтія поправили его положеніе; мы ему доказали, что на его долю поступаетъ значительнѣйшая и лучшая часть меду, который мы носимъ въ улей, потому что мы прилежно работаемъ для увеличенія его арендной платы и цѣнности его помѣстій; что мы ему отдаемъ дочерей богатѣйшихъ нашихъ промышленниковъ и такимъ образомъ богато вознаграждаемъ изсякшіе послѣ упраздненія аббатствъ, епископствъ и архіепископствъ въ нѣмецкомъ государствѣ источники его благосостоянія и средства для воспитанія его младшихъ сыновей и остающихся безъ наслѣдства дочерей—его родословное дерево мы дѣятельно возращаемъ. Нѣмецкому дворянству достаточно бросить одинъ только взглядъ на знать англійскую, чтобы понять, сколько пользы могутъ и должны ему приносить богатство страны, обширная вывозная торговля, мореходство, флоты и колоніи. А къ чему ведутъ запущенное сельское хозяйство, нищенское и безправное состояніе городскаго сословія, закрѣпощеніе крестьянъ, возвышеніе знати надъ закономъ, феодализмъ и вся та пышность, о которой даже въ самое послѣднее время вздыхали высокородные *laudatores temporisacti* *), можетъ выяснить одинъ лишь взглядъ на польскую знать и на ея современное положеніе. Пусть не смотритъ поэтому нѣмецкое дворянство на наши старанія съ завистію или враждою. Пусть дворянство сдѣлается *парламентарнымъ*, а прежде всего вполнѣ *національнымъ*; пусть оно становится не противъ насъ, а во главѣ нашего національнаго стремленія: въ этомъ заключается ея дѣйствительное назначеніе. Всюду и всегда счастливѣйшимъ временемъ для націй было то, когда дворянство и городское сословіе, соединившись, становились опорою національнаго величія; всюду печальнѣйшею эпохою была та, когда они вели между собою борьбу не на животъ, а на смерть. Съ давнихъ поръ военная служба является основаніемъ къ образованію аристократическаго сословія, и много ли времени пройдетъ еще до тѣхъ поръ, когда физика, механика и химія замѣнятъ всякое личное мужество—и уничтожатъ быть можетъ самую войну? Короче сказать, мы показали, что

*) Поклонники временъ прошедшихъ.

безъ національнаго преуспѣянія въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ, безъ искренняго сочувствія ихъ интересамъ, для нѣмецкой аристократіи нѣтъ спасенія.

Считаемъ нужнымъ предпослать еще нѣсколько замѣчаній для вѣрнаго пониманія двухъ словъ, которые встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой книги—а именно словъ: *свобода и національное единство*.

Ни одинъ благоразумный человѣкъ не будетъ отстаивать для Германіи иной *свободы* и иной формы правленія, кромѣ той, которая династіямъ и дворянству гарантируетъ не только высшую степень благосостоянія, но, что несравненно больше, прочность. На нашъ взглядъ иная, чѣмъ конституціонно-монархическая форма правленія принесла бы Германіи не менѣе бѣдствій, чѣмъ монархическая—Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америкѣ, или конституціонная—Россіи. На нашъ взглядъ та форма правленія должна быть признана наилучшею, которая больше всего соотвѣтствуетъ генію и состоянію націи, и въ особенности той степени культуры, на которой она стоитъ. Но если для насъ представляется пагубнымъ и безумнымъ всякое стремленіе подкопать монархическое начало и существованіе дворянства, то еще болѣе опасными кажутся намъ ненависть, недовѣріе и зависть къ развитію свободнаго промышленнаго и богатаго городскаго сословія и къ господству закона, такъ какъ въ нихъ заключается главная гарантія благосостоянія династіи и дворянства. Не желать въ странѣ развитія по законному пути такого городскаго сословія, значитъ поставить націю въ необходимость выбирать между чужеземнымъ игомъ или внутренними волненіями. Такимъ образомъ, не менѣе грустно слышать, что зло, которымъ въ наше время сопровождается промышленность, считаютъ достаточнымъ мотивомъ для устраненія самой промышленности. Есть гораздо большія бѣдствія, чѣмъ пролетаріатъ: пустое казначейство—національное безсиліе—національное рабство—національная смерть.

Ни одинъ честный и разумный человѣкъ не пожелаетъ въ Германіи другаго *національнаго единства*, какъ то, которое каждому отдѣльному государству и племени гарантируетъ самостоятельность, свободное движеніе и дѣятельность въ своемъ собственномъ кругу и только въ отношеніи національныхъ интересовъ и національныхъ цѣлей подчиняетъ его общей волѣ,—единство, которое далекое отъ

подавленія или уничтоженія ихъ, можетъ обезпечить каждой изъ нихъ въ отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ существованіе и прочность,— единство, которое зиждется на исконномъ геніи сыновей Тевта—на геніи, остающемся въ этомъ отношеніи однимъ и тѣмъ же и при республиканской формѣ правленія (Швейцарія, Сѣверная Америка), и при монархической.

Не всѣмъ еще понятно, куда ведетъ *раздробленная національность*, которая относится къ національности нераздробленной такъ-же, какъ куски разбитой вазы по отношенію къ цѣлому. Еще не прошло время жизни человѣка до старости, какъ всѣ нѣмецкія побережья носили названія французскихъ департаментовъ, съ тѣхъ поръ, какъ священная рѣка Германіи давала злосчастной конфедераціи вассаловъ имя чужеземнаго завоевателя, съ тѣхъ поръ, какъ сыны Германіи на палящихъ пескахъ юга и на снѣжныхъ равнинахъ сѣвера проливали свою кровь для славы и завоевательныхъ стремленій чужеземца. Только *національное единство*, а не другое какое либо, думаемъ мы, можетъ предохранить и насъ, и нашу промышленность, и наши династіи, и наше дворянство отъ возобновленія подобной эпохи.

Но вы, такъ протестующіе противъ возвращенія галльскаго владычества, находите-ли терпимымъ и доблестнымъ, чтобы ваши рѣки и гавани, ваши берега и моря продолжали находиться подъ британскимъ вліяніемъ?

Введеніе.

Ни въ одной части политической экономіи не господствуетъ такого разногласія между теоретиками и практиками, какъ относительно *международной торговли и торговой политики*. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ области этой науки не существуетъ другаго вопроса, который бы имѣлъ столь важное значеніе какъ по отношенію къ благосостоянію и цивилизаціи страны, такъ и по отношенію къ ея самостоятельности, могуществу и устойчивости. Бѣдныя, слабыя и дикія страны сдѣлались державами, преисполненными богатства и могущества главнымъ образомъ вслѣдствіе ихъ мудрой торговой политики, другіе, наоборотъ, вслѣдствіе противоположной причины, съ высоты своего національнаго величія опустились на степень незначительности; можно указать даже на такіе примѣры, когда націи теряли свою самостоятельность и даже переставали политически существовать главнымъ образомъ потому, что ихъ торговая система не способствовала развитію и укрѣпленію ихъ національности.

Въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо, изъ всѣхъ другихъ вопросовъ, относящихся къ политической экономіи, указанный выше вопросъ пріобрѣлъ преобладающій интересъ. Ибо чѣмъ быстрѣе развивается духъ промышленной изобрѣтательности и усовершенствованій, духъ соціальнаго и политическаго развитія, тѣмъ больше будетъ разстоянія между неподвижно остановившимися и идущими впередъ націями, и тѣмъ опаснѣе будетъ оставаться назади. Когда-то цѣлыя столѣтія необходимы были для того, чтобы забрать въ свои руки монополію самой значительной въ прежнее время отрасли мануфактурной промышленности—*шерстяной*, позднѣе достаточно было десятилѣтій для монополизаціи несравненно важнѣйшей мануфактуры—*хлопчатобумажной*, а въ наше время періодъ нѣсколькихъ лѣтъ былъ достаточенъ для того, чтобы сосре-

доточить льняную промышленность всего европейскаго континента въ рукахъ англичанъ.

Никогда еще не видалъ свѣтъ такой *мануфактурнаго и торговаго верховенства*, которое, обладая необыкновенными силами нашего времени, слѣдовало бы столь выдержанной системѣ и съ такою энергіею стремилось бы забрать въ свои руки всѣ отрасли мануфактурной промышленности, всякую обширную торговлю, мореходство, всѣ значительныя колоніи, всякое господство на морѣ, и подчинить себѣ въ промышленномъ и торговомъ отношеніи всѣ прочія націи, какъ то сдѣлано съ индусами.

Испуганная результатами этой политики,—мало того—принужденная тѣми волненіями, какія были ею вызваны въ новѣйшее время, одна континентальная страна, мало еще подготовленная вслѣдствіе культурныхъ условій къ мануфактурной промышленности, а именно Россія, рѣшилась искать спасенія въ такъ осуждаемой теоріею протекціонной системѣ, и что же является результатомъ этого?—Благосостояніе націи. *)

Съ другой стороны, возвеличившаяся, благодаря таможенной системѣ, Сѣверная Америка, подкупленная обѣщаніями теоріи, рѣшается открыть свои гавани англійскимъ мануфактурнымъ товарамъ,—какіе же плоды принесла тамъ свободная конкурренція?—Волненія и раззореніе.

Опыты такого рода невольно вызывали сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли теорія такъ непогрѣшима, какъ она заявляетъ, дѣйствительно ли практика настолько безсмысленна, какъ то утверждаетъ теорія,—они возбудили опасенія, чтобы наша національность въ концѣ концовъ не подверглась опасности погибнуть вслѣдствіе какой нибудь теоретической ошибки, подобно паціенту, который, слѣдуя данному ему рецепту, умираетъ вслѣдствіе вкравшейся въ него описки,—они возбудили, наконецъ, подозрѣніе, не для того ли собственно эта теорія воздвигнута такъ широко и такъ высоко, чтобы, на подобіе извѣстнаго греческаго коня, скрыть оружіе и людей и тѣмъ принудить насъ своими собственными руками разрушить защищающія насъ стѣны.

По крайней мѣрѣ выяснено-ли сколько нибудь то обстоятель-

---

*) Фр. Листъ говоритъ здѣсь о времени управленія русскими финансами графа Канкрина. *Прим. К. В. Тр—ва.*

ство, что съ тѣхъ поръ какъ въ теченіе болѣе полустолѣтія великій вопросъ торговой политики служитъ предметомъ изслѣдованія для проницательнѣйшихъ умовъ какъ въ печати, такъ и законодательныхъ учрежденіяхъ, пропасть, отдѣляющая теорію и практику со времени Кене и Смита, не только не замкнулась, а напротивъ годъ отъ года все болѣе и болѣе раздвигается? Что же это за наука въ самомъ дѣлѣ, если она не освѣщаетъ того пути, по которому должна слѣдовать практика? И разумно-ли предполагать, что пониманіе однихъ настолько безконечно велико, что для нихъ всюду вѣрно выясняется сущность вещей, а пониманіе другихъ, напротивъ, настолько безконечно мало, что они, не въ состояніи будучи понять открытыхъ и разъясненныхъ первыми истинъ, въ теченіе ряда поколѣній продолжаютъ принимать очевидныя ошибки за истины?

Не слѣдуетъ-ли скорѣе предположить, что практики, можетъ быть вообще слишкомъ пристрастные къ тому, что существуетъ на самомъ дѣлѣ, не вооружались-бы такъ долго и такъ рѣшительно противъ теоріи, если бы сама теорія не стояла въ противорѣчіи съ сущностію вещей.

Въ дѣйствительности мы надѣемся показать, что въ противорѣчіи между теоріею и практикою виноваты столько же теоретики, сколько и практики.

Политическая экономія въ отношеніи къ международной торговлѣ должна основывать свое ученіе на опытѣ, соображать предлагаемыя ею мѣры съ потребностями настоящаго времени и съ своеобразнымъ положеніемъ каждой отдѣльной націи, не упуская въ тоже время изъ вида требованій будущаго и всего человѣчества. Она опирается слѣдовательно на *философію, политику и исторію.*

Въ интересахъ будущаго и всего человѣчества *философія* требуетъ: все бо̀льшаго и бо̀льшаго сближенія между собою различныхъ націй, избѣжанія насколько возможно войны, укрѣпленія и развитія международнаго права, перехода того, что мы теперь называемъ народнымъ правомъ въ государственно-федеральное право, свободы въ сношеніяхъ между собою народовъ—какъ въ области умственной, такъ и матеріальной, наконецъ, объединенія всѣхъ націй подъ верховенствомъ закона—однимъ словомъ—всемірнаго союза.

Въ интересахъ каждой отдѣльной націи въ частности *политика* напротивъ требуетъ: гарантіи для ея самостоятельности и долговременности существованія, особенныхъ мѣръ къ поощренію ея

успѣховъ въ культурѣ, благосостояніи и могуществѣ и къ улучшенію ея соціальнаго строя, чтобы она являлась политическимъ организмомъ, полно и гармонически развитымъ во всѣхъ частяхъ, совершеннымъ въ самомъ себѣ и политически независимымъ.

Исторія съ своей стороны говоритъ рѣшительно въ пользу требованій будущаго, такъ какъ она въ тоже время учитъ, что всегда матеріальное и интеллектуальное благополучіе возрастало пропорціонально расширенію политической ассоціаціи и торговыхъ связей. Съ другой стороны она оправдываетъ также и требованія политики и національности, показывая, какъ погибали тѣ націи, которыя не охраняли въ теченіе долгаго времени интересы собственной культуры и могущества; какъ съ одной стороны для каждаго народа на первыхъ ступеняхъ его развитія была выгодна полная свобода торговыхъ сношеній съ опередившими его націями, но какъ съ другой стороны каждая страна, которая уже совершила извѣстный путь, могла итти далѣе только посредствомъ извѣстныхъ ограниченій въ ея международныхъ торговыхъ сношеніяхъ и такимъ образомъ, возвышаясь, стать въ уровень съ другими опередившими ее націями. Исторія такимъ образомъ указываетъ средства къ согласованію взаимныхъ требованій философіи и политики.

Но практика и теорія, въ ихъ современномъ состояніи, являются окончательно односторонними, одна—подчиняясь частнымъ требованіямъ національности, другая—защищая требованія исключительно космополитическія.

Практика, или другими словами такъ называемая *меркантильная система*, впадаетъ въ большую ошибку, настаивая на абсолютной и всеобщей полезности и необходимости ограниченій, потому что эти ограниченія въ извѣстныхъ странахъ и въ извѣстные періоды ихъ развитія оказались полезными и необходимыми. Она не видитъ того, что ограниченіе является лишь средствомъ, свобода же—цѣлью. Имѣя къ виду только націю и никакъ не человѣчество, только настоящее и никакъ не будущее, она преслѣдуетъ исключительно политическіе и національные интересы, ей недостаетъ философскаго взгляда—космополитической тенденціи.

Господствующая *теорія*, напротивъ, въ томъ видѣ, какъ она представлялась Кене и какъ была затѣмъ обработана Адамомъ Смитомъ, имѣетъ въ виду исключительно космополитическія требованія будущаго, и даже *самаго отдаленнаго* будущаго. Универ-

сальный союзъ и абсолютная свобода международной торговли— космополитическія идеи, которыя можетъ быть только черезъ цѣлыя столѣтія въ состояніи будутъ получить реальное примѣненіе,— эти идеи она принимаетъ за примѣнимыя въ настоящее время. Не понимая требованій настоящаго и природы національности, она игнорируетъ даже самое существованіе націй, а вмѣстѣ съ тѣмъ и принципъ *воспитанія націи для самостоятельности*. Исключительно космополитическая, теорія эта признаетъ лишь все человѣчество, благосостояніе лишь всего рода человѣческаго, и ни въ какомъ случаѣ не націю или національное благосостояніе; она чурается политики, а опытъ и практику объявляетъ пошлой рутиной. Наблюдая исторію лишь насколько она соотвѣтствуетъ ея одно сторонней тенденціи, она игнорируетъ или извращаетъ ея уроки въ томъ случаѣ, когда они оказываются въ противорѣчіи съ ея системой, она видитъ себя поставленною въ необходимость отвергнуть результаты англійскаго навигаціоннаго акта, Метуэнскаго договора и англійской торговой политики вообще, и поддерживать положеніе, противорѣчащее всякой правдѣ, что Англія достигла богатства и могущества *не благодаря* своей торговой политикѣ, а *не смотря на нее*.

Понявъ, такимъ образомъ, односторонность той и другой системы, мы можемъ не удивляться больше тому, что практика, не смотря на свои крупныя ошибки, не желала и не могла позволить теоріи произвести въ ней реформу; намъ ясно будетъ также и то, почему теорія не желала ничего знать ни объ исторіи или опытѣ, ни о политикѣ или національности. Если, однако, не смотря на то, эта безпочвенная теорія проповѣдуется на всѣхъ переулкахъ и со всѣхъ крышъ, и притомъ особенно усердно въ тѣхъ странахъ, національной самобытности которыхъ, благодаря этой теоріи, грозила наибольшая опасность, то объясненія этому можно искать лишь въ исключительной склонности эпохи къ филантропическимъ экспериментамъ и къ разрѣшенію философскихъ проблемъ.

Но въ жизни націй, такъ-же какъ и въ жизни индивидуумовъ противъ иллюзій идеологіи есть два могущественныя средства: опытъ и необходимость. Если мы не ошибаемся, всѣ націи, которыя въ новѣйшее время думали найти свое спасеніе въ свободныхъ сношеніяхъ съ страною, завоевавшею мануфактурное и торговое верховенство, скоро должны будутъ подвергнуться важнымъ испытаніямъ.

Совершенно невозможная вещь, чтобы Сѣверо-Американскіе

Соединенные Штаты, упорно сохраняя свою настоящую торговую политику, могли достигнуть должнаго порядка въ ихъ народномъ хозяйствѣ. Имъ безусловно необходимо возвратиться къ ихъ прежнему таможенному тарифу. Пусть рабовладѣльческіе Штаты противодѣйствуютъ этому, пусть господствующія партіи поддерживаютъ ихъ, сила вещей превозможетъ надъ политикою партій. Мы опасаемся, что рано или поздно пушкамъ придется разрѣшать вопросъ, который былъ гордіевымъ узломъ для законодательства, что Америка заплатитъ Англіи остатокъ по счету свинцомъ и порохомъ, что фактическая запретительная система войны уврачуетъ недостатки американскаго таможеннаго законодательства, что завоеваніе Канады положитъ навсегда конецъ возвѣщенной Гускиссономъ обширной контрабандной системѣ Англіи.

Мы можемъ ошибаться! Но если наши предсказанія исполнятся, виновницею этой войны мы должны будемъ признать теорію свободы торговли. Странная иронія судьбы: теорія, опирающаяся на великую идею вѣчнаго міра, должна возжечь войну между двумя державами, которыя, по словамъ теоретиковъ, созданы для производства торговли другъ съ другомъ—это почти такъ же странно, какъ и результаты филантропической отмѣны торговли рабами, вслѣдствіе чего теперь тысячи негровъ потоплены въ морской глубинѣ *).

*) Не было ли бы благоразумнѣе принудить рабовладѣльческіе Штаты издать сначала законы, по которымъ землевладѣльцы обязаны были бы уступить рабамъ въ собственность извѣстную часть земли въ той самой мѣстности, которую они обработываютъ, предоставивъ имъ извѣстную степень и личной свободы, однимъ словомъ ввести снисходительное крѣпостное состояніе съ надеждою на будущее освобожденіе, и такимъ образомъ подготовить и воспитать негровъ къ полной свободѣ? Были-ли негры у рабовладѣльцевъ въ Африкѣ менѣе невольниками, нежели въ плантаціяхъ американцевъ? Возможенъ ли-бы былъ переходъ отъ естественной свободы къ цивилизованной безъ того, чтобы дикій народъ прошелъ школу строгаго повиновенія? Развѣ возможно было парламентскими актами внезапно создать изъ негровъ Вестъ-Индіи свободныхъ рабочихъ? Развѣ не тѣмъ же самымъ путемъ весь родъ человѣческій пріучался къ труду и свободѣ? Англичанамъ, конечно, не настолько незнакома исторія человѣческой культуры, чтобы они давно уже не разрѣшили для себя удовлетворительно всѣ эти вопросы. Очевидно то, что ими сдѣлано уже и что дѣлается въ настоящее время относительно освобожденія отъ рабства негровъ, обусловливается, какъ это покажемъ въ другомъ мѣстѣ, совершенно другими, а не филантропическими мотивами.

Франція въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ (или собственно послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, такъ какъ едва ли можно принимать въ расчетъ время революціи и войны) произвела огромный опытъ въ примѣненіи системы ограниченій со всѣми ея ошибками, недостатками и преувеличеніями. Результаты этого опыта всякому непредубѣжденному должны бросаться въ глаза. Если теорія не признаетъ ихъ, то, конечно, чтобы не нарушить послѣдовательности въ системѣ. Если она въ состояніи уже была выставить сомнительное положеніе и увѣрить въ немъ свѣтъ, что Англія достигла богатства и могущества *не благодаря* своей торговой политикѣ, а *не смотря на нее*, то какъ могла она затрудниться установить положеніе, которое гораздо легче выразить, а именно, что Франція, безъ покровительства своей внутренней промышленности, была несравненно богаче и цвѣтущѣе, чѣмъ въ настоящее время? Достаточно, чтобы проницательные практики оспорили такое положеніе, и оно будетъ принято лицами, слывущими учеными и умными за чистую монету, и конечно въ настоящее время во Франціи довольно обще ожиданіе благословеннаго времени свободы торговли съ Англіей. Трудно, конечно, также утверждать,—и мы поговоримъ объ этомъ обстоятельнѣе въ другомъ мѣстѣ —чтобы большее развитіе взаимныхъ торговыхъ сношеній между обѣими націями послужило въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ пользѣ той и другой. Со стороны, однако, Англіи очевидно замѣтно стремленіе къ обмѣну не только сырыхъ матеріаловъ, какъ напр. желѣза, но главнымъ образомъ и большаго количества мануфактурныхъ издѣлій всеобщаго потребленія на французскіе предметы сельскаго хозяйства и роскоши. Насколько французское правительство и законодательство склонно раздѣлять эти взгляды, или насколько оно ихъ раздѣлитъ, въ настоящее время невозможно еще предвидѣть *). Но если дѣйствительно Англіи дано будетъ удовлетвореніе въ желаемомъ ею объемѣ, то міръ будетъ имѣть еще одинъ примѣръ за или противъ великаго вопроса: насколько при современныхъ міровыхъ отношеніяхъ было бы возможно и полезно вступить въ свободную конкурренцію на собственныхъ внутреннихъ рынкахъ *двумъ великимъ мануфактурнымъ странамъ*, изъ которыхъ

*) Извѣстно, что открытые тогда переговоры между Англіей и Франціей о заключеніи торговаго трактата, остались безъ послѣдствій.

Прим. К. В. Тр—ва.

одна рѣшительно превосходитъ другую относительно издержекъ производства и объема своего внѣшняго рынка для сбыта мануфактурныхъ издѣлій, и къ какимъ результатамъ приведетъ такая конкурренція? Въ Германіи указанные вопросы только что пріобрѣли значеніе практически-національныхъ лишь вслѣдствіе таможеннаго союза. Если во Франціи вино является для Англіи лакомымъ кускомъ для заключенія торговаго договора, то въ Германіи тѣмъ же является хлѣбъ и лѣсъ. Здѣсь между прочимъ все только однѣ гипотезы, такъ какъ въ настоящее время невозможно еще знать, образумятся ли изобличенные во лжи торіи настолько, чтобы разрѣшить правительству даровать на облегченіе ввоза нѣмецкаго хлѣба и лѣса концессіи, которыя бы превозмогли надъ интересами таможеннаго союза, ибо въ Германіи такъ далеко зашли уже въ торговой политикѣ, что нашли бы смѣшнымъ, если не дерзкимъ, предположеніе, что вмѣсто платы можно удовлетвориться иллюзіями и надеждами, какъ будто бы это было настоящее золото и серебро. Предположимъ, что парламентъ разрѣшитъ подобныя концессіи, въ такомъ случаѣ важнѣйшіе вопросы торговой политики немедленно должны быть отданы на судъ общественнаго мнѣнія. Новѣйшій отчетъ д-ра Беринга даетъ намъ уже возможность предвкусить, какова будетъ тактика Англіи въ такомъ случаѣ. Англія, конечно, не признаетъ эти концессіи эквивалентомъ тѣхъ преимущественныхъ выгодъ, которыми она владѣетъ на нѣмецкомъ мануфактурномъ рынкѣ—ни залогомъ того, что они воспрепятствуютъ Германіи выучиться самой прясть бумагу для удовлетворенія внутренняго потребленія, и выписывать необходимое для того сырье непосредственно изъ экваторіальныхъ странъ, оплачивая его предметами своего собственнаго мануфактурнаго производства,— ни средствомъ къ уравненію все еще существующаго огромнаго несоотвѣтствія между взаимнымъ ввозомъ и вывозомъ обѣихъ странъ;—нѣтъ!—Англія будетъ смотрѣть на право снабжать Германію бумажною пряжею, какъ на jus quaesitum (т. е. право, которымъ она можетъ пользоваться), и для своихъ концессій потребуетъ новаго эквивалента, который выразится самое меньшее принесеніемъ въ жертву нѣмецкой бумажной и шерстяной промышленности и т. д.; эти концессіи она предложитъ Германіи какъ блюдо чечевицы и будетъ торговаться за отказъ отъ своего старшинства. Если д-ръ Берингъ не обманулся насчетъ своего пребыванія

въ Германіи, если онъ—что мы сильно подозрѣваемъ—не принялъ вполнѣ серьезно Берлинскую любезность, то въ тѣхъ странахъ, гдѣ создается политика нѣмецкаго торговаго союза, значительно еще придерживаются пути космополитической теоріи, т. е. до сихъ поръ не дѣлаютъ различія между вывозомъ мануфакурныхъ товаровъ и вывозомъ продуктовъ сельскаго хозяйства; полагаютъ, что служатъ національнымъ цѣлямъ, стараясь расширить послѣдній на счетъ перваго; до сихъ поръ еще принципъ *промышленнаго воспитанія націи* не признаютъ основнымъ принципомъ таможеннаго союза; не задумываются принести въ жертву иностранной конкурренціи тѣ отрасли промышленности, которыя, вслѣдствіе многолѣтняго покровительства, развились настолько, что внутренняя конкурренція сильно уже понизила цѣны и тѣмъ подрѣзала въ корнѣ нѣмецкій духъ предпріимчивости, такъ какъ каждая фабрика, погибшая вслѣдствіе пониженія таможенныхъ пошлинъ или правительственныхъ распоряженій, производитъ впечатлѣніе повѣшеннаго трупа, который на всякое живое существо того же рода производитъ въ даль и въ ширь ужасъ. Мы, какъ можно было замѣтить, далеки отъ того, чтобы эти увѣренія считать вполнѣ основательными, но то, что они были и могли быть опубликованы,—не особенно хорошо, такъ какъ этимъ самымъ уже былъ нанесенъ чувствительный ударъ увѣренности въ устойчивости таможеннаго тарифа, а слѣдовательно и духу промышленной предпріимчивости Германіи. Указанный отчетъ даетъ возможность намъ предугадать, въ какой формѣ нѣмецкому мануфактурному производству долженъ быть приподнесенъ смертоносный ядъ, хотя причина раззоренія и не выражается особенно ясно и тѣмъ вѣрнѣе поражаетъ самый первый источникъ жизни. Пошлины по вѣсу слѣдуетъ лишь замѣнить взиманіемъ пошлинъ съ цѣны (ad valorum) товаровъ, чтобы открыть двери англійской контрабандной торговлѣ и таможенному укрывательству, и это особенно по отношенію къ предметамъ всеобщаго потребленія, представляющимъ наименьшую спеціальную цѣнность и наибольшую общую массу — слѣдовательно, относительно тѣхъ предметовъ, которые являются основою мануфактурной промышленности.

Ясно, какую практическую важность имѣетъ именно въ настоящее время великій вопросъ о свободѣ торговли между однимъ и другимъ государствомъ, и насколько необходимо наконецъ, разъ

навсегда основательно и безпристрастно изслѣдовать насколько дѣйствительно повинны теорія и практика въ допущенныхъ въ этомъ отношеніи ошибкахъ, на тотъ конецъ, чтобы разрѣшить задачу о примиреніи той и другой стороны или по меньшей мѣрѣ выдвинуть задачу этого примиренія самымъ серьезнымъ образомъ.

По истинѣ не излишняя скромность, а дѣйствительная неувѣренность въ своихъ силахъ заставляетъ автора утверждать, что только послѣ многолѣтней борьбы съ самимъ собою, только послѣ того, какъ сотни разъ онъ приходилъ въ сомнѣніе относительно правильности своихъ взглядовъ и послѣ того, какъ сотни разъ находилъ ихъ снова вѣрными, только послѣ того, какъ противоположные взгляды столько же разъ признавались имъ доказанными и столько же разъ опровергнутыми, осмѣлился онъ взяться за разрѣшеніе такой задачи. Онъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ безполезныхъ стараній оспаривать старые авторитеты и создавать новую теорію. Будь авторъ англичаниномъ, едва ли бы онъ подвергъ сомнѣнію основной принципъ теоріи Адама Смита. Состояніе родной страны — вотъ та причина, которая болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ возбудила въ немъ первыя сомнѣнія въ непогрѣшимости теоріи; состояніе родной страны — вотъ что могло заставить его съ тѣхъ поръ въ массѣ анонимныхъ статей, а затѣмъ и подъ своимъ именемъ въ большихъ сочиненіяхъ выражать свои противорѣчащіе господствующей теоріи взгляды. И теперь еще главнымъ образомъ интересы Германіи дали ему смѣлость выступить съ настоящимъ сочиненіемъ, хотя онъ и не можетъ отрицать, что при этомъ имѣло значеніе и личное соображеніе, а именно разъ признанная имъ необходимость показать въ крупномъ произведеніи, что онъ вполнѣ компетентенъ высказывать свое мнѣніе по вопросамъ политической экономіи.

Авторъ, *въ прямую противоположность теоріи*, прежде всего будетъ обращаться къ исторіи, на которой и заложитъ свои основныя положенія; развивъ ихъ, онъ подвергнетъ критикѣ предшествовавшія системы, и въ виду чисто практическихъ стремленій, установитъ новый фазисъ торговой политики.

Для большей ясности авторъ позволяетъ себѣ предложить здѣсь очеркъ главнѣйшихъ результатовъ своихъ изслѣдованій и размышленій.

Ассоціація индивидуальныхъ силъ для преслѣдованія общей цѣли является могущественнѣйшимъ средствомъ для обезпеченія счастія каждаго человѣка. Одинокій и отдѣленный отъ себя онъ слабъ и безпомощенъ. Чѣмъ больше число тѣхъ, съ которыми онъ находится въ сообществѣ, тѣмъ совершеннѣе ассоціація, тѣмъ значительнѣе и совершеннѣе результатъ, заключающійся въ интеллектульномъ и матеріальномъ его благополучіи.

Высочайшая—своевременно *осуществившаяся*—ассоціація индивидуумовъ подъ знаменемъ закона является *государство* или *нація*; самая высокая, которую только можно себѣ представить, будетъ *объединенное человѣчество*. Подобно тому какъ отдѣльный человѣкъ въ государствѣ или націи можетъ достигать своихъ индивидуальныхъ цѣлей несравненно легче, нежели въ одиночествѣ, точно также всѣ націи несравненно легче достигали бы своихъ цѣлей, если бы они были соединены правомъ, вѣчнымъ миромъ и свободою сношеній.

Сама природа постепенно ведетъ націи къ этой совершеннѣйшей ассоціаціи, побуждая ихъ, вслѣдствіе различія климатовъ-почвы и производительности къ обмѣну, а по причинѣ переполненія народонаселенія, избытка капиталовъ и дарованій—къ эмиграціи и къ основанію колоній.

Международная торговля, возбуждая созданіемъ новыхъ потребностей дѣятельность и энергію и, перенося новыя идеи, открытія и силы отъ одной націи къ другой, является однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій цивилизаціи и народнаго благосостоянія.

Но пока единеніе народностей посредствомъ *международной торговли* еще очень несовершенно, такъ какъ оно прерывается или по крайней мѣрѣ ослабляется войнами или эгоистическими мѣрами отдѣльныхъ націй.

Вслѣдствіе *войны* нація можетъ быть лишена самостоятельности, собственности, свободы, независимости, своего государственнаго устройства и законодательства, національной самобытности и главнымъ образомъ той степени культуры и благосостоянія, котораго она уже достигла; она можетъ подпасть подъ чужеземное владычество. Эгоистическими мѣрами чужеземцы могутъ задержать экономическое совершенствованіе націи или же отодвинуть его назадъ.

Сохраненіе, развитіе и совершенствованіе *національныхъ* особен-

ностей является въ настоящее время главнымъ предметомъ стремленій отдѣльныхъ народностей и должно быть такимъ. Въ этомъ нѣтъ ничего неправильнаго и эгоистичнаго; напротивъ, это стремленіе разумно, и находится въ полномъ согласіи съ интересами всего человѣчества; ибо оно естественно ведетъ подъ покровительствомъ законодательства къ *міровому объединенію*, которое можетъ быть полезно человѣчеству только въ томъ случаѣ, если многіе націи достигнутъ одинаковой степени культуры и могущества и если это міровое объединеніе осуществится на почвѣ *федеративнаго* устройства.

Міровое объединеніе, имѣющее источникомъ *преобладаніе политической силы* и преобладаніе богатства одной націи, слѣдовательно, ведущая къ *подчиненности и зависимости другой національности*,—имѣла бы напротивъ слѣдствіемъ гибели всякой національной самобытности и всякаго соревнованія между народами; такое объединеніе противорѣчило бы какъ интересамъ, такъ и стремленіямъ тѣхъ націй, которыя чувствуютъ себя призванными къ независимости и къ достиженію высокой степени богатства и политическаго могущества; оно было бы въ такомъ случаѣ повтореніемъ того, что разъ уже существовало,—повтореніемъ попытки римлянъ совершить посредствомъ мануфактуръ и торговли то, что было уже осуществлено посредствомъ холоднаго оружія,—но что снова не менѣе прежняго привело бы къ варварству.

Цивилизація, политическое усовершенствованіе и *могущество націй* находятся въ зависимости главнымъ образомъ отъ *ихъ экономическаго положенія* и наоборотъ. Чѣмъ больше развивается и совершенствуется народное хозяйство націи, тѣмъ она цивилизованнѣе и могущественнѣе, тѣмъ больше возвышается ея цивилизація и могущество, тѣмъ сильнѣе можетъ развиваться экономическое образованіе.

Въ національно-экономическомъ поступательномъ движеніи націи нужно различать слѣдующіе *главные стадіи развитія: состояніе дикости, состояніе пастушеское, земледѣльческое, земледѣльческо-мануфактурное*, наконецъ, *земледѣльческо-мануфактурное и коммерческое*.

Очевидно нація, обладающая обширнѣйшею территоріею, снабженною разнообразными естественными источниками богатства, и съ значительнымъ народонаселеніемъ, которая соединяетъ земле-

дѣліе, мануфактурную промышленность, мореходство, внутреннюю и внѣшнюю торговлю,—такая нація будетъ несравненно цивилизованнѣе, политически развитѣе и могущественнѣе, чѣмъ народъ только земледѣльческій. Но, мануфактуры служатъ основами внутренней и внѣшней торговли, мореходства и усовершенствованнаго земледѣлія, а слѣдовательно цивилизаціи и политическаго могущества; и нація, которой удалось бы *монополизировать мануфактурную силу всего земнаго шара* и задержать прочія націи въ экономическомъ развитіи настолько, что они оказались бы способными лишь къ производству земледѣльческихъ продуктовъ и сырыхъ матеріаловъ и ограничились бы лишь необходимыми мѣстными промыслами, должна необходимо достигнуть міроваго господства.

Каждая нація, для которой самостоятельность и самосохраненіе имѣетъ какую либо цѣну, обязана поэтому сколько возможно скорѣе подняться съ низшей ступени культуры на высшую, насколько возможно скорѣе создать въ предѣлахъ своей территоріи земледѣліе, мануфактурную промышленность, мореходство и торговлю.

Переходъ народа изъ состоянія *дикости* въ *пастушеское* и изъ *пастушескаго* въ *земледѣльческое* и первые успѣхи въ землѣделіи совершаются лучше всего черезъ свободу торговли съ болѣе цивилизованными, т. е. мануфактурными и торговыми націями.

Переходъ *земледѣльческихъ* народовъ въ классъ *земледѣльческо-мануфактурно-торговыхъ націй* можетъ совершиться подъ вліяніемъ свободнаго обмѣна не иначе, какъ въ предположеніи, что у всѣхъ націй, призванныхъ къ развитію мануфактурной жизни, въ одно и тоже время совершался одинаковый процессъ развитія, и въ такомъ только случаѣ, если бы націи не полагали другъ другу различныхъ препятствій на пути ихъ экономическаго преуспѣянія и если-бы онѣ не мѣшали ихъ поступательному движенію войнами и таможенными ограниченіями.

Но такъ какъ отдѣльныя націи, вслѣдствіе особенныхъ благопріятныхъ условій, опередили другія націи въ мануфактурной промышленности, торговлѣ и мореходствѣ, такъ какъ ранѣе другихъ они усмотрѣли въ этомъ важнѣйшее средство къ пріобрѣтенію и укрѣпленію политическаго перевѣса надъ другими націями, то онѣ приняли такія мѣры, которыя были направлены къ тому (а это замѣчается и теперь еще), чтобы захватить въ свои руки *ма-*

нуфактурную и торговую монополію и задержать поступательное движеніе менѣе развитыхъ націй. Всѣ эти мѣры въ совокупности, (запрещеніе ввоза, ввозныя пошлины, ограниченіе мореплаванія, отпускныя пошлины и т. д.) называются таможенною системою.

Націи, менѣе другихъ развитыя, вслѣдствіе болѣе *раннихъ успѣховъ* другихъ націй и вслѣдствіе *чужеземныхъ таможенныхъ системъ* и *войнъ*, принуждены въ самихъ себѣ отыскивать средства для осуществленія перехода изъ земледѣльческаго состоянія въ мануфактурное и, насколько это для нихъ доступно, для ограниченія, посредствомъ собственной таможенной системы, торговли съ націями, опередившими ихъ и стремящимися къ мануфактурной монополіи.

Таможенная система поэтому не есть, какъ утверждали, изобрѣтеніе спекулятивныхъ головъ, а *естественно* вызвана *стремленіемъ народовъ къ самосохраненію и къ обезпеченію своего благосостоянія и преуспѣянія или къ установленію преобладанія ихъ надъ другими націями.*

Это стремленіе однако только въ такомъ случаѣ *законно* и разумно, когда оно не препятствуетъ, а способствуетъ экономическому развитію самой націи, въ которой замѣчается такое стремленіе, и когда оно не находится въ противорѣчіи съ важнѣйшею общечеловѣческою цѣлію созданія міровой конфедераціи.

Подобно тому какъ человѣческое общество можетъ быть разсматриваемо съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, а именно: съ *космополитической*, обнимающей весь родъ человѣческій, и *политической*, принимающей въ расчетъ лишь частные національные интересы и національныя положенія, точно такъ-же и всякая экономія, какъ частная, такъ и общественная, должна быть разсматриваемая съ двухъ точекъ зрѣнія, а именно: или по отношенію къ *индивидуальнымъ, соціальнымъ и матеріальнымъ силамъ*, при помощи которыхъ создаются богатства, или же по отношенію къ *матеріальнымъ имуществамъ, имѣющимъ мѣновую цѣнность.*

Есть поэтому экономія *космополитическая* и *политическая*, *теорія имуществъ, имѣющихъ мѣновую цѣнность, и теорія производительныхъ силъ*—ученія различныя по существу, но которыя должны развиваться самостоятельно.

Производительныя силы народовъ зависятъ не только отъ труда, сбереженій, нравственности и способностей людей или отъ обла-

данія естественными сокровищами и матеріальными капиталами, но также отъ соціальныхъ, политическихъ и гражданскихъ учрежденій и законовъ, а главнымъ образомъ отъ обезпеченности ихъ бытія, самостоятельности и ихъ національной мощи. Какъ бы ни были отдѣльные люди прилежны, бережливы, искусны, предпріимчивы, разумны и нравственны, однако *безъ національнаго единства, безъ національнаго раздѣленія труда* и *безъ національной кооперації производительныхъ силъ* нація никогда не въ состояніи будетъ достигнуть высокой степени благосостоянія и могущества или обезпечить себѣ прочное обладаніе своими интеллектуальными, соціальными и матеріальными богатствами.

Принципъ раздѣленія труда вполнѣ не былъ понятъ до сихъ поръ. Производительность находится въ зависимости не только отъ раздѣленія различныхъ операцій какого либо предпріятія между нѣсколькими лицами, она еще болѣе зависитъ *отъ моральной и матеріальной ассоціаціи нѣсколькихъ лицъ для достиженія какой либо общей цѣли.*

Этотъ принципъ примѣнимъ не только къ отдѣльной фабрикѣ или къ сельскому хозяйству, но онъ примѣнимъ и ко всей земледѣльческой, промышленной и торговой дѣятельности націи.

Раздѣленіе труда и *кооперація производительныхъ силъ въ національномъ объемѣ* являются тогда, когда въ странѣ умственная производительность находится въ правильномъ соотношеніи съ производительностію матеріальной, когда въ странѣ сельское хозяйство, мануфактурная промышленность и торговля равномѣрно и гармонично развиты.

Въ странѣ *чисто земледѣльческой*, если даже она поддерживаетъ свободныя сношенія съ мануфактурными и торговыми націями, значительная часть *производительныхъ силъ* и *естественныхъ вспомогательныхъ средствъ* лежитъ *праздно и безполезно.* Ея интеллектуальное и политическое развитіе и ея оборонительныя средства ограничены. Она не въ состояніи развить ни значительнаго мореходства, ни широкой торговли. Все ея благосостояніе, насколько оно является результатомъ международныхъ сношеній, можетъ быть чужеземными мѣрами или войною прервано, разстроено, уничтожено.

Мануфактурная промышленность напротивъ благопріятствуетъ наукамъ, искусствамъ и политическому совершенствованію, увели-

чиваетъ народное благосостояніе, народонаселеніе, государственные доходы и государственное могущество, доставляетъ націи средства къ расширенію торговыхъ сношеній со всѣми частями свѣта и къ основанію колоній, развиваетъ мореходство и военный флотъ. Только благодаря международной промышленности земледѣліе страны въ состояніи подняться до высокой степени развитія.

Земледѣліе и мануфактурная промышленность одной и той же страны, подъ одною и тою же политическою властью, живутъ въ вѣчномъ мирѣ; ни война, ни торговыя мѣры другихъ странъ не въ состояніи смутить ихъ развитія; а слѣдовательно они и для націи обезпечиваютъ безпрерывное поступательное движеніе въ развитіи благосостоянія, цивилизаціи и могущества.

Сельское хозяйство и фабрично-заводская промышленность по природѣ своей подчинены особеннымъ условіямъ, но эти условія различны.

Къ *развитію фабрично-заводской промышленности* по отношенію къ естественнымъ источникамъ богатствъ *предназначены по преимуществу страны пояса умѣреннаго*, такъ какъ умѣренный климатъ образуетъ поясы, требующіе умственнаго и физическаго напряженія.

Если *страны жаркаго пояса* мало благопріятны для развитія фабрикъ и заводовъ, то съ другой стороны имъ принадлежитъ естественная монополія относительно драгоцѣнныхъ—столь необходимыхъ для странъ умѣреннаго пояса—продуктовъ земледѣлія. Въ обмѣнѣ мануфактурныхъ продуктовъ умѣреннаго пояса на продукты земледѣльческіе жаркаго пояса (колоніальные товары) и заключается главнымъ образомъ *космополитическое раздѣленіе труда и кооперація производительныхъ силъ*, или великая международная торговля.

Для страны жаркаго пояса было бы крайне вредною попыткою, если бы она пожелала развить у себя самостоятельное мануфактурное производство. Не предназначенная къ такой роли природою, она сдѣлаетъ гораздо больше успѣховъ въ обогащеніи себя и въ своей культурѣ, если будетъ вымѣнивать мануфактурные продукты умѣреннаго пояса на продукты земледѣльческіе своего пояса.

Правда, такимъ образомъ страны жаркаго пояса приходятъ въ зависимость отъ странъ пояса умѣреннаго. Но эта зависимость будетъ безвредною или даже исчезнетъ, если нѣсколько странъ умѣ-

реннаго пояса уравняются въ отношеніи мануфактуръ, торговли, мореходства и политическаго могущества,—если, слѣдовательно, нѣсколько мануфактурныхъ странъ не только изъ-за интереса, но и силою будутъ препятствовать каждой изъ этихъ націй злоупотреблять своимъ превосходствомъ по отношенію къ слабѣйшимъ странамъ жаркаго пояса. Такое преобладаніе будетъ опасно и вредно лишь въ такомъ случаѣ, когда вся мануфактурная промышленность, вся великая торговля, мореплаваніе и морское могущество сдѣлаются монополіею одной какой либо націи.

Напротивъ, націи, которыя владѣютъ въ умѣренномъ поясѣ большою территоріею, снабженною разнообразными естественными источниками богатствъ, не воспользовались бы однимъ изъ богатѣйшихъ источниковъ благосостоянія, цивилизаціи и могущества, если бы онѣ не употребили усилій къ осуществленію въ національныхъ размѣрахъ принципа раздѣленія труда и кооперації производительныхъ силъ, разъ только у нихъ достаточно потребныхъ для этого экономическихъ, моральныхъ и соціальныхъ средствъ.

Подъ *экономическими* условіями мы разумѣемъ достаточно развитое земледѣліе, которое не можетъ уже значительно развиться посредствомъ вывоза его продуктовъ. Подъ *моральными* средствами мы понимаемъ высокое образованіе отдѣльныхъ лицъ. Подъ *соціальными* средствами мы разумѣемъ учрежденія и законы, обезпечивающіе гражданамъ личную и имущественную неприкосновенность, свободное примѣненіе своихъ умственныхъ и физическихъ силъ,—установленія, которыя регулируютъ и облегчаютъ сношенія,—равно какъ въ то-же время упраздненіе такихъ, которыя гибельно отражаются на промышленности, свободѣ, умственномъ и нравственномъ развитіи, каково, напримѣръ, феодальное устройство.

Въ собственныхъ интересахъ такая нація должна стремиться къ тому, чтобы прежде всего снабдить свои рынки собственными фабрично-заводскими издѣліями, и затѣмъ все болѣе и болѣе входить въ *непосредственныя* сношенія съ странами жаркаго пояса, доставляя имъ мануфактурныя издѣлія на своихъ собственныхъ корабляхъ и получая въ обмѣнъ продукты того пояса.

Въ сравненіи съ этимъ обмѣномъ между мануфактурными странами умѣреннаго пояса и странами земледѣльческими пояса жаркаго вся остальная международная торговля имѣетъ уже второсте-

пенное значеніе, за исключеніемъ лишь немногихъ статей, какъ, напримѣръ, вино.

Производство сырыхъ и зерновыхъ продуктовъ для большей части странъ умѣреннаго пояса можетъ имѣть большое значеніе лишь по отношенію къ внутренней торговлѣ. Посредствомъ вывоза хлѣба, вина, льна, конопли, шерсти и т. д. необразованная и бѣдная страна при возникновеніи цивилизаціи можетъ, конечно, поднять значительно свое земледѣліе, но никогда еще великая нація такимъ образомъ не могла достичь богатства, цивилизаціи и могущества.

Можно принять за правило, что нація тѣмъ богаче и могущественнѣе, чѣмъ болѣе ея отпускъ мануфактурныхъ произведеній, чѣмъ болѣе ввозъ сырыхъ продуктовъ и чѣмъ болѣе потребляетъ она продуктовъ жаркаго пояса.

Продукты жаркаго пояса для мануфактурныхъ странъ пояса умѣреннаго служатъ не только матеріаломъ производства или предметомъ потребленія, но главнымъ образомъ являются также и средствомъ, возбуждающимъ земледѣльческую и мануфактурную производительность. Всегда поэтому можно замѣтить, что въ тѣхъ странахъ, которыя потребляютъ наибольшее количество продуктовъ жаркаго пояса, производится и потребляется пропорціонально и наибольшее количество продуктовъ собственнаго мануфактурнаго и сельскохозяйственнаго производства.

Въ національно-экономическомъ развитіи страны, посредствомъ международной торговли, можно различить *четыре* періода: *первый* — когда внутреннее земледѣліе развивается подъ вліяніемъ ввоза чужеземныхъ мануфактурныхъ издѣлій и подъ вліяніемъ вывоза туземныхъ сельско-хозяйственныхъ и сырыхъ продуктовъ; во *второмъ* періодѣ внутренняя фабрично-заводская промышленность развивается вмѣстѣ съ ввозомъ чужеземныхъ мануфактурныхъ издѣлій; въ *третьемъ* періодѣ фабрики и заводы страны снабжаютъ главнымъ образомъ внутренній рынокъ; въ *четвертомъ* періодѣ вывозится большое количество туземныхъ мануфактурныхъ издѣлій, а ввозится большое количество чужеземныхъ сырыхъ матеріаловъ и продуктовъ земледѣлія.

Таможенная система, какъ средство, способствующее экономическому развитію націи при помощи регулированія иностранной торговли, должна постоянно имѣть въ виду *принципъ промышленнаго воспитанія націи*.

Желать *поднятія земледѣлія посредствомъ таможенныхъ пошлинъ — задача безсмысленная*, такъ какъ внутреннее земледѣліе можетъ быть экономически поднято лишь туземною же фабрично-заводскою промышленностію, и такъ какъ запрещеніе ввоза чужеземныхъ сырыхъ матеріаловъ и продуктовъ земледѣлія задержитъ развитіе мануфактурной промышленности страны.

Національно-экономическое воспитаніе націи, которая находится еще на низкой ступени развитія и культуры или недостаточно населена пропорціонально объему и плодородности территоріи, лучше всего совершается посредствомъ свободы торговли съ странами высоко цивилизованными, очень богатыми и промышленными. Въ такой странѣ всякое ограниченіе торговли, съ цѣлью насажденія собственнаго мануфактурнаго производства,— преждевременно и оказываетъ невыгодное вліяніе не только на благосостояніе всего человѣчества, но и на развитіе самой націи. Только тогда, когда интеллектуальное, политическое и экономическое воспитаніе націи подъ вліяніемъ свободы торговли сдѣлаетъ успѣхи настолько значительные, что ввозъ чужеземныхъ мануфактурныхъ издѣлій и недостатокъ необходимаго сбыта для своихъ продуктовъ будутъ и задерживать мѣшать ея дальнѣйшему развитію его,—тогда только мѣры таможеннаго покровительства будетъ полезны.

Страна, территорія которой недостаточно обширна и не заключаетъ въ себѣ разнообразныхъ естественныхъ источниковъ богатствъ, которая не обладаетъ устьями своихъ рѣкъ или не достаточно округлена, совершенно не можетъ пользоваться таможенной системой или, по крайней мѣрѣ, не можетъ пользоваться ею съ полнымъ успѣхомъ. Такая страна прежде всего должна восполнить подобные недостатки или посредствомъ завоеваній или посредствомъ торговыхъ трактатовъ.

Мануфактурная промышленность обнимаетъ такъ много отдѣловъ наукъ и искусствъ, предполагаетъ такъ много опыта, практики и навыка, что промышленное развитіе націи можетъ совершаться лишь постепенно. Всякое преувеличеніе и преждевременность въ примѣненіи принципа протенціонизма наказываетъ націю самое себя уменьшеніемъ ея благосостоянія.

Ничего не можетъ быть вреднѣе и хуже внезапнаго и полнаго огражденія страны *запретительными пошлинами*. Однако

и онѣ могутъ имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, когда нація, разобщенная съ другими странами вслѣдствіе продолжительной войны, будетъ лишена возможности ввоза мануфактурныхъ произведеній иныхъ странъ и принуждена будетъ удовлетворять сама себя.

Въ такомъ случаѣ постепенный переходъ отъ *системы запретительной къ системѣ протекціонной долженъ совершиться при помощи гораздо ранѣе установленныхъ и постепенно ослабляющихся таможенныхъ мѣръ*. Напротивъ, страна, которая пожелала бы перейти изъ состоянія, выражающагося въ отсутствіи таможеннаго покровительства, къ протекціонизму, должна отправляться отъ самыхъ слабыхъ таможенныхъ пошлинъ, которыя возвышаются постепенно и въ заранѣе опредѣленной послѣдовательности.

Установленныя такимъ способомъ таможенныя пошлины должны *выдерживаться* государственною властью *ненарушимо*. Она должна остерегаться преждевременно уменьшать ихъ, а напротивъ можетъ ихъ усиливать, если онѣ окажутся недостаточными.

Слишкомъ возвышенныя ввозныя пошлины, которыя совершенно исключаютъ иностранную конкурренцію, вредны для той самой страны, которая ихъ вводитъ, такъ какъ вслѣдствіе этого исчезаетъ у заводчиковъ и фабрикантовъ стремленіе къ соревнованію съ другими странами и появляется равнодушіе.

Если при *значительныхъ* и *постепенно усиливающихся таможенныхъ пошлинахъ* внутренняя фабрики и заводы не преуспѣваютъ,— то это служитъ доказательствомъ, что нація еще не обладаетъ достаточными вспомогательными средствами для того, чтобы насадить собственную мануфактурную промышленность.

Таможенныя пошлины, разъ примѣненныя къ одной отрасли промышленности, никогда не должны быть *уменшаемы настолько*, чтобы ея существованію угрожала опасность со стороны иностранной конкурренціи. *Поддержаніе того, что уже существуетъ*, защита корней и ствола національной промышленности должны быть несокрушимымъ принципомъ.

Иностранная конкурренція должна поэтому быть допускаема лишь *къ участію въ увеличеніи ежегоднаго потребленія*. Таможенныя пошлины должны возвышаться, какъ только иностранная конкурренція захватитъ большую часть или даже весь ежегодный приростъ.

Такая нація, какъ англійская, мануфактурная промышленность

которой далеко опередила промышленность другихъ странъ, *поддерживаетъ и расширяетъ свое мануфактурное и торговое верховенство лучше всего при помощи наивозможно свободной торговли.* Для нея принципъ космополитическій и политическій—одно и тоже.

Этимъ и объясняется пристрастіе наиболѣе просвѣщенныхъ экономистовъ и государственныхъ людей Англіи къ абсолютной свободѣ торговли и отвращеніе дальновидныхъ экономистовъ и государственныхъ людей другихъ странъ отъ примѣненія этого принципа при современныхъ міровыхъ отношеніяхъ.

Уже четверть столѣтія дѣйствуетъ англійская запретительная и покровительственная система противъ самой Англіи и въ выгодахъ рядомъ съ нею возвышающихся націй.

Вреднѣе всего отражается на англійскихъ интересахъ стѣсненіе ввоза чужеземныхъ сырыхъ матеріаловъ и пищевыхъ продуктовъ

Торговые союзы и торговые трактаты являются дѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ облегченію сношеній между различными націями.

Но *торговые трактаты* законны и дѣйствительны только при условіи обоюдныхъ выгодъ. Вредными незаконными торговыми договорами должны быть признаны такіе, посредствомъ которыхъ *мануфактурная промышленность, стоящая уже на пути къ развитію*, приносится въ жертву тому, чтобы достичь концессій на вывозъ продуктовъ земледѣльческихъ—каковъ Метуэнскій договоръ или, выражаясь однимъ словомъ, львиный.

Такой львиный договоръ былъ заключенъ между Англіей и Франціей въ 1786 году. Всѣ предложенія, которыя дѣлались Франціи и другимъ странамъ со стороны Англіи, были того-же свойства.

Если таможенныя пошлины на извѣстное время возвышаютъ цѣны на туземные мануфактурные товары, то они за то обезпечиваютъ на будущее время уменьшеніе цѣнъ, въ силу внутренней конкурренціи; ибо промышленность, достигшая полнаго развитія, можетъ понижать цѣны на свои издѣлія настолько, восколько обойдется провозъ вывозимыхъ сырыхъ продуктовъ и съѣстныхъ припасовъ и ввозъ фабричныхъ издѣлій, считая расходы на фрахтъ и торговую прибыль.

Потеря, причиненная націи таможенными пошлинами, заключается во всякомъ случаѣ въ цѣнности, за то нація выигрываетъ

силы, при посредствѣ которыхъ она становится навсегда способною производить неисчислимое количество цѣнностей. Эта потеря въ цѣнности должна быть разсматриваема однако лишь какъ *стоимость промышленнаго воспитанія націи.*

Таможенныя пошлины на мануфактурные издѣлія не падаютъ бременемъ на земледѣліе охраняемой страны. Вслѣдствіе развитія туземной мануфактурной промышленности особенно увеличивается богатство страны, населеніе, а потому и спросъ на сельско-хозяйственные продукты, что возвышаетъ ренту и продажную цѣну земельной собственности, между тѣмъ какъ съ теченіемъ времени цѣнность фабрично-заводскихъ издѣлій необходимыхъ для земледѣльцевъ, уменьшается. Эти выгоды въ десять разъ превосходятъ прежнія потери, которыя причиняло земледѣльцамъ предшествовавшее увеличеніе стоимости мануфактурныхъ товаровъ.

Такимъ образомъ вслѣдствіе протекціонной системы выигрываетъ какъ внѣшняя, такъ и внутренняя торговля, ибо только у націй которыя снабжаютъ мануфактурными издѣліями свой собственный рынокъ, потребляютъ свои собственные сельскохозяйственные продукты и обмѣниваютъ лишь избытокъ своихъ собственныхъ мануфактурныхъ издѣлій на чужеземные пищевые продукты и сырье, только у такихъ націй внѣшняя и внутренняя торговля представляетъ выгоды. У странъ же чисто земледѣльческихъ и та и другая незначительны, и внѣшняя торговля такихъ странъ обыкновенно находится въ рукахъ находящихся съ ними въ сношеніи странъ мануфактурныхъ и торговыхъ.

Цѣлесообразная протекціонная система не представляетъ *монополіи* туземнымъ фабрикантамъ и заводчикамъ, а даетъ только гарантіи отъ потерь для тѣхъ, которые жертвуютъ своими капиталами и посвящаютъ свои способности и труды для новыхъ, еще неизвѣстныхъ отраслей промышленности.

Она не предоставляетъ монополіи, потому что на смѣну иностранной является *внутренняя конкуренція*, и потому, что она даетъ возможность всякому гражданину страны свободно воспользоваться преміями, предоставляемыми для всѣхъ и каждаго.

Она обезпечиваетъ только монополію *лицамъ, принадлежащимъ къ своей націи*, противъ лицъ, принадлежащихъ чужимъ націямъ, которыя пользуются у себя подобною монополіею.

Но такая монополія полезна, такъ какъ она не только будитъ въ странѣ бездѣйствующія и лежащія непроизводительно силы, но привлекаетъ еще въ свою страну и чужія производительныя силы, равно какъ матеріальныя, такъ и умственныя капиталы, (предпринимателей, техниковъ, рабочихъ).

Напротивъ отсутствіе собственной мануфактурной промышленности въ странѣ со старою культурою, производительныя силы которой не могутъ болѣе значительно развиваться вслѣдствіе вывоза сырья и земледѣльческихъ продуктовъ, и вслѣдствіе ввоза чужеземныхъ мануфактурныхъ издѣлій, наноситъ ей безчисленный и великій вредъ.

Земледѣліе такихъ странъ по необходимости *уродуется*, такъ какъ при ростѣ народонаселенія, которое при развитіи собственной разнообразной мануфактурной промышленности найдетъ себѣ средства къ существованію на заводахъ и фабрикахъ и заявитъ спросъ на продукты сельскаго хозяйства, а слѣдовательно доставитъ выгоды земледѣлію и поддержитъ его, все обращается только къ земледѣлію, а отсюда *раздробленіе земельныхъ участковъ* и *мелкое сельское хозяйство*, которыя наносятъ вредъ могуществу цивилизаціи страны, а равно и ея богатствамъ.

Земледѣльческій народъ, состоящій изъ мелкихъ хлѣбопашцевъ, не въ состояніи ни доставлять большаго количества продуктовъ для внутренней торговли, ни предъявлять значительнаго спроса на фабрично-заводскія произведенія; каждый здѣсь ограниченъ по-большей части какъ въ своей собственной производительности, такъ и въ своемъ потребленіи. При такихъ отношеніяхъ въ странѣ никогда не можетъ развиться совершенно система путей сообщенія, и нація не въ состояніи извлекать связанныхъ съ такою системою громадныхъ выгодъ.

Національная слабость матеріальная, умственная и политическая является необходимымъ слѣдствіемъ этого. Такіе результаты могутъ быть особенно опасными въ томъ случаѣ, когда сосѣднія народности слѣдуютъ другому пути, когда они идутъ во всѣхъ отношеніяхъ впередъ, тогда, когда мы идемъ назадъ; если тамъ надежды на лучшее будущее возбуждаютъ въ гражданахъ бодрость, силы и духъ предпріимчивости, то здѣсь напротивъ умъ и бодрость при взглядѣ на ничего не обѣщающее будущее все болѣе и болѣе замираютъ.

Исторія представляетъ даже примѣры гибели цѣлыхъ націй, которые не умѣли въ благопріятное время разрѣшить великую задачу обезпеченія умственной, экономической и политической самостоятельности посредствомъ созданія собственныхъ фабрикъ и заводовъ и прочнаго промышленнаго и торговаго положенія *).

---

*) Читатель, который бы пожелалъ вывести изъ этой системы Листа извѣстное заключеніе, найдетъ для этого лучшій матеріалъ, когда познакомится съ слѣдующими отдѣлами этой книги, гдѣ принципы, которые создали эту систему, получили наибольшее развитіе. *Прим. К. В. Тр—ва.*

Книга первая.

ИСТОРІЯ.

ГЛАВА I.

Итальянцы.

Во время возрожденія цивилизаціи въ Европѣ ни одна страна не находилась въ столь особенно благопріятномъ коммерческомъ и промышленномъ положеніи, какъ Италія. Варвары не въ состояніи были до основанія разрушить древне-римскую культуру. Благодатное небо и плодородная почва, даже при безыскусственныхъ способахъ земледѣлія, обезпечивали богатыя средства для пропитанія густаго населенія. Наиболѣе необходимые искусства и промыслы настолько же мало поддались разрушенію, какъ и римскій муниципалитетъ. Богатое береговое рыболовство повсюду служило школою для воспитанія мореходцевъ, и мореплаваніе вдоль растянутаго морскаго побережья съ избыткомъ вознаграждало недостатокъ внутреннихъ путей сообщенія. Близость греческаго королевства, Малой Азіи и Египта, съ которыми соединяло Италію море, обезпечивала странѣ рѣшительные успѣхи въ восточной торговлѣ, которая прежде, хотя и не въ большихъ размѣрахъ, велась съ сѣверными странами черезъ Россію. Вслѣдствіе этихъ сношеній въ Италію необходимо должны были перейти тѣ самыя науки, искусства и отрасли мануфактурной промышленности, которыя были спасены Греціею, какъ наслѣдіе античной цивилизаціи.

Послѣ освобожденія итальянскихъ городовъ Оттономъ Великимъ,

здѣсь должна была также подтвердиться истина, для которой исторія представляетъ такъ много доказательствъ, а именно, что свобода и промышленность идутъ рука объ руку, хотя не рѣдко одна изъ нихъ прежде вызывается къ жизни. Если гдѣ либо зарождается торговля или промышленность, это уже показываетъ, что не далека и свобода; поднимаетъ ли гдѣ свобода свое знамя, это служитъ уже вѣрнымъ признакомъ того, что рано или поздно промышленность откроетъ туда путь. Ибо ничего нѣтъ естественнѣе того, что человѣкъ, овладѣвъ матеріальнымъ и умственнымъ богатствомъ, стремится обезпечить его за своимъ потомствомъ, или что онъ, обезпечивъ себѣ свободу, направляетъ всѣ свои силы къ тому, чтобы улучшить свое физическое и интеллектульное состояніе.

Въ первый разъ со времени гибели свободныхъ государствъ древности, итальянскіе города предстали предъ взоромъ міра въ видѣ свободной и богатой общины. Города и страны постепенно возвышаются и въ этомъ стремленіи получаютъ сильную поддержку въ крестовыхъ походахъ. Перевозка крестоносцевъ и снабженіе ихъ провіантомъ не только способствуетъ развитію мореплаванія этихъ городовъ, но даютъ поводъ и случай къ возникновенію обильныхъ послѣдствіями торговыхъ сношеній съ Востокомъ, къ введенію новыхъ отраслей промышленности, новыхъ пріемовъ въ акклиматизаціи новыхъ растеній, къ знакомству съ новыми удовольствіями жизни. Съ другой стороны гнетущее феодальное устройство въ разнообразныхъ отношеніяхъ слабѣетъ, благопріятствуя такимъ образомъ развитію свободнаго земледѣлія и городовъ.

Рядомъ съ Венеціею и Ганзою выдѣляется особенно Флоренція по своей мануфактурной промышленности и по своей торговлѣ деньгами. Уже въ XII и XIII вѣкахъ ея шелковое и шерстяное производство стоитъ на высокой степени процвѣтанія; корпораціи, занимающіяся этими производствами, принимаютъ участіе въ государственномъ управленіи; подъ ихъ вліяніемъ создается республика. Одна шерстяная промышленность имѣетъ 200 фабрикъ; ежегодно выработываются 80.000 кусковъ сукна, матеріалъ для котораго получается изъ Испаніи.

Сверхъ того изъ Испаніи, Франціи, Бельгіи и Германіи ежегодно ввозится на 300.000 гульденовъ невыдѣланнаго сукна (rohe Tuch), которое послѣ отдѣлки его вывозится затѣмъ въ Левантъ.

Флоренція является банкомъ всей Италіи; здѣсь насчитывается до 80 банкирскихъ конторъ *).

Ежегодный доходъ государства простирался до 300.000 золотыхъ гульденовъ (15 милліоновъ франковъ), слѣдовательно былъ гораздо больше доходовъ современнаго Неаполитанскаго королевства и Аррагоніи и больше доходовъ Великобританіи и Ирландіи временъ королевы Елизаветы **).

Такимъ образомъ мы видимъ, что уже въ XII и XIII столѣтіяхъ Италія располагаетъ всѣми элементами національно-экономическаго благосостоянія, и въ коммерческомъ и въ промышленномъ отношеніи стоитъ далеко впереди всѣхъ другихъ націй. Ея земледѣліе и фабрики служатъ для прочихъ странъ примѣромъ и предметомъ соревнованія. Ея дороги и каналы — совершеннѣйшіе въ Европѣ. Ей обязанъ цивилизованный міръ банками, компасомъ, усовершенствованіемъ постройки кораблей, векселями и множествомъ торговыхъ порядковъ и узаконеній, равно какъ большимъ количествомъ установленій городскихъ и государственныхъ. Ея флоты, торговый и военный, безъ сравненія значительнѣйшіе въ южныхъ моряхъ. Въ ея рукахъ всемірная торговля; ибо, за исключеніемъ незначительныхъ еще сношеній съ сѣверными морями, вся торговля сосредоточена въ моряхъ Средиземномъ и Черномъ. Она снабжаетъ всѣ страны предметами мануфактурнаго производства, предметами роскоши и продуктами жаркаго пояса, сама-же отъ нихъ получаетъ сырые матеріалы. Ей недостаетъ только одного, что-бы быть тѣмъ, чѣмъ является въ настоящее время Англія, и не имѣя этого одного, она теряетъ все: ей недостаетъ національнаго единства и вытекающаго отсюда могущества.

Итальянскіе города и магнаты не считали себя членами одного организма, но воевали между собой, разграбляли другъ друга какъ независимыя силы и государства. Рядомъ съ этою внѣшнею войною, каждая община была раздираема взаимною внутреннею борьбою демократіи, аристократіи и единодержавія. Эту гибельную борьбу поддерживали и усиливали чужеземныя силы и нашествія, а также туземная духовная іерархія съ ея отлученіемъ отъ церкви, что дѣлило отдѣльные города еще на два враждебные лагеря.

---

*) De e'Ecluse, *Florense et ses vicissitudes*, и т. д. стр. 23, 26, 32, 103, 213

**) Pechio, *Histoire de e'Economie politique en Italie.*

Какъ Италія подкапывалась сама подъ себя,—показываетъ исторія ея морскаго могущества. Прежде всего (съ восьмаго по одиннадцатый вѣкъ) выдается своимъ величіемъ и могуществомъ Амальфи *). Его корабли покрываютъ моря, и всѣ обращающіяся въ Италіи и въ Левантѣ деньги—амальфійскія. Амальфи устанавливаетъ самые разнообразные законы о мореплаваніи, и во всѣхъ средиземныхъ гаваняхъ дѣйствуетъ амальфійское право. Въ XII вѣкѣ это морское могущество сламывается *Пизою*; но сама Пиза падаетъ подъ ударами *Генуи*, а это послѣдняя въ свою очередь послѣ столѣтней войны должна преклониться предъ *Венеціею*.

Гибель Венеціи также является непосредственнымъ результатомъ этой узкой политики. Союзу итальянскихъ морскихъ силъ не трудно было-бы не только поддержать преобладающее вліяніе Италіи въ Греціи, въ архипелагѣ, въ Малой Азіи и Египтѣ, но даже расширить его и укрѣпить, противопоставить преграду успѣхамъ турокъ и ихъ пиратамъ и даже оспорить у португальцевъ путь къ мысу Доброй Надежды. Но при современномъ положеніи дѣла Венеція не только была предоставлена своимъ собственнымъ силамъ, но она оказалась парализованною стараніями другихъ итальянскихъ государствъ и сосѣднихъ европейскихъ державъ.

Хорошо организованный союзъ итальянскихъ государствъ безъ труда могъ бы оградить самостоятельность Италіи противъ великихъ монархій. Опытъ организаціи такого союза былъ сдѣланъ въ 1526 году, но лишь въ моментъ опастности и вслѣдствіе лишь временной настоятельной нужды. Равнодушіе и измѣна его членовъ и вождей обусловили Миланское иго и гибель Тосканской республики. Съ этаго времени начинается упадокъ промышленности и торговли Италіи **).

---

*) Амальфи во время своего расцвѣта насчитывалъ 50,000 жителей. Флавіо Гіойа, изобрѣтатель компаса, былъ гражданиномъ этого города. При разграбленіи Амальфи пизанцами (1135 или 1137 г.) была найдена та древняя книга, которая оказалась затѣмъ столь гибельною для свободы и энергіи Германіи,—Пандекты.

**) Сокрушилъ торговлю и промышленность Италіи Карлъ V, точно такъ же, какъ онъ это сдѣлалъ въ Нидерландахъ и въ Испаніи. Къ его времени относится возникновеніе жалованнаго дворянства и идеи, что для дворянства предосудительны занятія торговлею и промыслами, — идеи, оказавшей гибельное вліяніе на національную промышленность. Прежде господствовало

До этого времени и послѣ Венеція выказывала стремленіе стать отдѣльною націею. Пока она имѣла дѣло лишь съ раздробленными національностями или съ угасающею Греціею, ей не было трудно поддерживать свое мануфактурное и торговое верховенство въ прибрежныхъ странахъ Средиземнаго и Чернаго морей. Но какъ только выступили на политическую арену цѣльныя и полныя жизни націи, оказалось, что Венеція была лишь городомъ, и что Венеціанская аристократія не больше, какъ городская аристократія. Хотя ею было завоевано много острововъ и обширныхъ провинцій, но этими провинціями всегда управляли какъ завоеванными, и такимъ образамъ, по свидѣтельству всѣхъ историковъ, каждое завоеваніе лишь ослабляло ее, вмѣсто того чтобы усиливать.

Въ то-же самое время постепенно вымиралъ въ республикѣ тотъ духъ, которому она обязана была своимъ величіемъ. Могущество и благосостояніе Венеціи, плодъ патріотической и мужественной аристократіи, происшедшей отъ энергической и свободолюбивой демократіи, сохранялись и возрастали до тѣхъ поръ, пока свобода поддерживала энергію демократіи, руководимой патріотизмомъ, мудростію и геройскимъ духомъ аристократіи; но чѣмъ болѣе аристократія вырождалась въ деспотическую олигархію, убивавшую всякую свободу и энергію въ народѣ, тѣмъ болѣе исчезали корни могущества и благосостоянія, хотя вѣтви и листва и зеленѣли еще нѣкоторое время *).

„Нація, впавшая въ рабство“, — говоритъ Монтескье,—„стремится болѣе сохранять пріобрѣтенное, нежели работать для того, чтобы пріобрѣтать; свободная-же, напротивъ, стремится болѣе пріобрѣтать, чѣмъ сохранять **). Къ этому наблюденію, совершенно справедливому, онъ могъ бы добавить: „и такъ какъ стремятся лишь сохранять, но не пріобрѣтать, то идутъ по пути къ раззоренію“; ибо каждая нація, не идущая впередъ, опускается все

противоположное убѣжденіе; Медичисы продолжали вести торговлю даже послѣ того, какъ сдѣлались суверенами.

*) Quand les nobles, au lieu de verser leur sang pour la patrie, au lieu d'illustrer l'état par des victoires et de l'agrandir par des conquêtes, n' eurent plus qu'à jouir des honneurs et à se partager des impôts, on dut se demender pourquoi il avait huit ou neuf cents habitants de Venise, qui se disaient propriétaires de toute la republique. Daru, Histoire de Venise. Vol. IV. c. XVIII.

**) Montesquieu, *Esprit des lois*, p. 192.

ниже и ниже и должна наконецъ потонуть. Далекіе отъ стремленія расширять свою торговлю и дѣлать новыя открытія, венеціанцы ни разу не пытались извлечь пользы изъ чужихъ открытій. Что они могли бы быть отстранены отъ торговли съ Ость-Индіею чрезъ открытіе новаго торговаго пути, это имъ ни разу не приходило на мысль прежде, чѣмъ этотъ путь не былъ открытъ. Они не хотѣли вѣрить въ то, что было видимо всему міру. И когда они начали ощущать убыточныя послѣдствія совершившагося переворота, тогда они старались поддержать значеніе стараго пути, вмѣсто того, чтобы воспользоваться выгодами новаго,—они прибѣгали къ низкимъ интригамъ для сохраненія и пріобрѣтенія того, чего можно было добиться лишь умѣніемъ искусно воспользоваться вновь создавшимися отношеніями, предпріимчивостію и мужествомъ. И когда они утратили то, чѣмъ владѣли, и когда сокровища восточной и западной Индіи потекли вмѣсто ихъ гаваней къ Кадиксу и Лиссабону, они, какъ глупцы или расточители, схватились за алхимію, въ которой хотѣли найти спасеніе *).

Во времена развитія и расцвѣта республики занесеніе въ золотую книгу считалось наградою за особенные труды въ торговлѣ или промышленности, или за государственныя или военныя заслуги. Такая почесть оказывалась даже чужеземцамъ; таковы, напримѣръ, были знатнѣйшіе изъ фабрикантовъ шелка, переселившіеся изъ Флоренціи **). Но эта книга была закрыта, когда началъ устанавливаться взглядъ на почетныя мѣста и на государственные доходы, какъ на фамильное наслѣдственное имущество патриціевъ. Позднѣе, когда почувствовалась необходимость освѣжить обѣднѣвшую и выродившуюся аристократію, эта книга была снова открыта. Но теперь не заслуги государству, какъ въ прежнее время, а богатство, древняя благородная родовитость сочтены были главною заслугою, дававшею право на почетную запись. Между тѣмъ значеніе золо-

*) Народный шарлатанъ, Марко Бризодино, выдававшій себя за человѣка, обладавшаго искусствомъ дѣлать золото, былъ принятъ аристократіею за спасителя. Daru, *Histoire de Venise*, Vol. III, c. XIX.

**) Венеція, какъ позднѣе Голландія и Англія, пользовалась всякимъ случаемъ для привлеченія къ себѣ разныхъ отраслей искусствъ и капиталовъ. Также изъ Лукки, гдѣ уже въ XIII столѣтіи стояли на высокой степени бархатное и парчевое производства, значительное число этихъ фабрикантовъ, вслѣдствіе притѣсненій со стороны тиранна Каструччіо Кастракани, перешло въ Венецію. Sandu, *Histoire de Venise*, Vol. I, p. 247—256.

той книги такъ упало, что она оставалась напрасно открытою въ теченіе цѣлаго столѣтія.

Если вопросить исторію о причинахъ упадка этой республики и ея торговли, то отвѣтъ будетъ таковъ: онѣ лежатъ прежде всего въ безуміи, разслабленіи и малодушіи выродившейся аристократіи и въ апатіи народа, погруженнаго въ рабство. Торговля и мануфактуры Венеціи должны были погибнуть, если бы даже не былъ открытъ путь чрезъ мысъ Доброй Надежды.

Этотъ упадокъ, какъ и вообще упадокъ всѣхъ прочихъ итальянскихъ республикъ, зависѣлъ отъ недостатка національнаго единства, отъ чужеземнаго вліянія, отъ господства туземнаго духовенства и отъ возникновенія въ Европѣ великихъ, сильныхъ и объединенныхъ національностей.

Если въ частности разсмотримъ венеціанскую торговую политику, то съ перваго взгляда придемъ къ убѣжденію, что торговая политика новѣйшихъ торговыхъ и мануфактурныхъ государствъ представляетъ ни что иное, какъ копію венеціанской въ увеличенномъ, т. е. національномъ, масштабѣ: ограниченіе мореплаванія и ввозныя пошлины въ интересахъ туземныхъ мореходцевъ и внутреннихъ фабрикъ противъ чужеземныхъ и рано установившійся обычай ввозить чужеземные сырые матеріалы по преимуществу и вывозить мануфактурные товары *).

Въ новѣйшее время, для подтвержденія принципа свободы торговли, старались доказать, что причинъ паденія Венеціи нужно искать въ ограниченіяхъ. Но въ этомъ мнѣніи только малая доля правды, а больше ошибочнаго. Если мы безъ предубѣжденія будемъ изслѣдовать исторію Венеціи, то найдемъ, что здѣсь, какъ позднѣе и въ великихъ государствахъ, свобода и ограниченія международныхъ сношеній въ различное время были или благопріятны, или вредны для могущества и благосостоянія націи. Неограниченная свобода торговли была полезна республикѣ въ первое время ея развитія. Какимъ образомъ иначе могла бы она изъ рыбачьей деревни быстро возвыситься на степень торговой державы? Полезны ей были также и ограниченія, когда она достигла уже извѣстной степени могущества и богатства, ибо посредствомъ этихъ ограниченій завоевала она себѣ мануфактурное и торговое верховенство.

*) Sismondi, *Histoire des républiques italiennes*. P. I, p. 285.

Но послѣ того, какъ ея мануфактурное и торговое могущества сдѣлались преобладающими, ограниченія оказались для нея гибельными; ибо это поставило преграду къ соревнованію съ другими націями и явилась безпечность. Такимъ образомъ не *введеніе* ограниченій, а сохраненіе ихъ послѣ того какъ исчезли причины, ихъ вызвавшія, было вредно для венеціанцевъ.

Затѣмъ этотъ аргументъ страдаетъ большимъ недостаткомъ потому, что упускается изъ вида возникновенія великихъ національностей подъ управленіемъ наслѣдственныхъ династій. Венеція (хотя и обладательница провинцій, однако ни что иное какъ итальянскій городъ) при быстромъ развитіи своего мануфактурнаго и торговаго могущества должна была бороться съ другими итальянскими городами, и исключительность ея торговой политики могла имѣть значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока противъ нея не выступали цѣльныя, объединенныя въ своихъ силахъ націи. Но какъ скоро это совершилось, Венеція могла поддержать свое верховенство въ такомъ только случаѣ, если бы ей удалось стать во главѣ объединенной Италіи и привлечь къ своей торговой политикѣ всю итальянскую націю. Иначе никакая торговая политика, какъ бы ни была она остроумна, не въ состояніи была поддержать торговое преобладаніе отдѣльнаго города среди объединенныхъ націй.

Изъ примѣра Венеціи, на основаніи котораго въ такое время, какъ наше, хотятъ извлечь доказательство противъ торговой политики ограниченій, нельзя вывести другаго заключенія, какъ только то, что одинъ городъ, или маленькое государство, среди великихъ державъ, не можетъ вводить и поддерживать съ успѣхомъ эту систему, и что государство, достигшее мануфактурнаго и торговаго верховенства при помощи ограниченій, разъ оно достигло своей цѣли, возвращается снова съ успѣхомъ къ принципу свободы торговли.

Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ спорахъ о свободѣ международной торговли, мы встрѣчаемся съ употребленіемъ слова *свобода*, которое даетъ поводъ къ смѣшенію понятій, бывшему уже причиною великихъ заблужденій. О свободѣ торговли разсуждаютъ, какъ о религіозной или гражданской свободѣ. Друзья и подвижники свободы вообще считаютъ себя обязанными защищать свободу во всѣхъ ея формахъ, такимъ образомъ и свобода торговли пріобрѣла популярность, причемъ не обращается вниманія на различіе, су-

ществующее между *свободою внутренней торговли* и *свободою торговли внѣшней*, между тѣмъ какъ та и другая по своей сущности и по результатамъ совершенно различны. Такъ ограниченія внутренней торговли только въ рѣдкихъ случаяхъ совпадаютъ съ индивидуальною свободою гражданъ, между тѣмъ какъ во внѣшней торговлѣ высочайшая степень индивидуальной свободы можетъ существовать рядомъ съ очень значительными ограниченіями. Возможно даже, что слѣдствіемъ высочайшей степени свободы внѣшней торговли будетъ національное порабощеніе, какъ это мы покажемъ позднѣе на примѣрѣ Польши. Въ этомъ смыслѣ говоритъ уже Монтескье: „Въ странахъ свободы негоціантъ встрѣчаетъ безчисленныя стѣсненія, и нигдѣ онъ не бываетъ менѣе стѣсненъ законами, какъ въ странахъ порабощенныхъ“ *).

ГЛАВА II.

Ганзейцы.

Достигнувъ господства въ Италіи, геній промышленности, торговли и свободы, перешагнувъ Альпы, прошелъ Германію и воздвигъ себѣ новый тронъ на берегахъ Сѣвернаго моря.

Уже Генрихъ I, отецъ освободителя итальянскихъ муниципалитетовъ, заботился объ основаніи новыхъ и о расширеніи старыхъ городовъ, которые основались уже отчасти въ мѣстахъ прежнихъ римскихъ колоній и императорскихъ доменъ.

Подобно послѣдующимъ королямъ Франціи и Англіи, онъ и его преемники видѣли въ городахъ надежный противовѣсъ аристократіи, богатый источникъ государственныхъ доходовъ и новое средство для защиты страны. Вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ итальянскими городами, соревнованія въ промышленности съ итальянцами и своихъ свободныхъ установленій, эти города скоро достигли высокой степени благосостоянія и цивилазаціи. Развитіе общественной жизни вызвало успѣхи въ искусствахъ и промышленности и стремленіе выдвинуться богатствомъ и предпріятіями.

*) *Espris des lois*, liv. XX, ch. XII.

въ то-же время матеріальное богатство имѣло своимъ послѣдствіемъ стремленіе къ образованію и улучшенію политическаго положенія.

Сильные юношескою свободою и цвѣтущею промышленностію, но тѣснимые разбойниками съ суши и съ моря, сѣверо-нѣмецкіе города скоро почувствовали необходимость въ тѣсномъ объединеніи для своей защиты и обезпеченія. Съ этою цѣлью Гамбургъ и Любекъ въ 1241 году заключили союзъ, который, еще въ теченіе того же столѣтія, соединилъ всѣ сколько нибудь значительные города, въ числѣ восьмидесяти пяти, на берегу Сѣвернаго и Балтійскаго морей, Одера и Эльбы, Везера и Рейна. Эта конфедерація получила названіе: *Ганза* — слово нижне-нѣмецкое и обозначаетъ союзъ.

Скоро почувствовавъ, какими успѣхами можетъ быть обязана частная промышленность объединенію силъ, Ганза не замедлила создать и развить торговую политику, приведшую къ такому благосостоянію, которое до сихъ не имѣло себѣ примѣра. Убѣдившись, что тотъ, кто желаетъ создать и упрочить обширную морскую торговлю, долженъ владѣть средствами для ея защиты, ганзейцы создали могущественный военный флотъ; понявъ, что морское могущество страны усиливается или ослабляется въ зависимости отъ ея торговаго мореходства и развитія рыбнаго промысла, они издали законъ, на основаніи котораго ганзейскія богатства должны были перевозиться лишь на ганзейскихъ корабляхъ, и позаботились о широкомъ развитіи рыбныхъ морскихъ промысловъ. Англійскій навигаціонный актъ созданъ по образцу ганзейскаго, для котораго въ свою очередь служилъ образцомъ венеціанскій *).

Англія въ этомъ случаѣ слѣдовала примѣру тѣхъ, кому до нея принадлежало морское верховенство. Во время даже Долгаго Парламента предложеніе объ изданіи навигаціоннаго акта было не менѣе, какъ новостью. Адамъ Смитъ при обсужденіи этой мѣры **), повидимому, не зналъ или хотѣлъ умолчать о томъ, что еще за нѣсколько вѣковъ было уже сдѣлано нѣсколько попытокъ ввести подобнаго рода ограниченія. Предложенныя парламентомъ 1461 года, они были отвергнуты Генрихомъ VI; предложенныя Іако-

*) Anderson, *Origin of commerce*. Part. 1, p. 46.

**) *Weath of Nations*, book IV, ch. 2.

вомъ I, они снова затѣмъ были отвергнуты парламентомъ 1622 г. *); но еще задолго до этихъ двухъ предложеній (1381) они были на самомъ дѣлѣ введены Ричардомъ II, но скоро снова были оставлены безъ послѣдствій и забыты. Очевидно, страна тогда не была еще готова къ принятію такой мѣры. Навигаціонные акты, какъ вообще протекціонныя таможенныя мѣры, настолько естественны для націй, которыя предчувствуютъ свое будущее торговое и промышленное величіе, что не успѣли Соединенные Штаты Сѣверной Америки отстоять свою независимость, какъ по предложенію Мадисона ввели уже у себя ограниченія въ мореплаваніи, и даже, какъ увидимъ изъ одной послѣдующей главы, съ гораздо большимъ успѣхомъ, нежели Англія за полтора вѣка предъ тѣмъ.

Сѣверные князья, побуждаемые выгодами, которыя имъ обѣщала торговля съ ганзейцами, давая случай не только сбывать избытокъ продуктовъ своей страны и обмѣнивать ихъ на фабрикаты несравненно высшаго достоинства, нежели тѣ, которые давала собственная страна, но и пополнять свое казначейство посредствомъ ввозныхъ и отпускныхъ пошлинъ **) и пріучить къ трудолюбію своихъ подданныхъ, преданныхъ праздности, пьянству и раздорамъ,—князья эти считали за счастье для себя, что ганзейцы основали у нихъ конторы, и потому они поощряли ихъ привиллегіями и оказывали покровительство всякаго рода. Прежде всего заявили себя съ этой стороны англійскіе короли.

„Англійская торговля", говоритъ Гумъ „была прежде вся въ рукахъ чужеземцевъ, и преимущественно Эстерлинговъ ***),

*) Hume, *Geschichte von England.* IV. Theil. Cap. XXI, p. 330.

**) Доходы англійскихъ королей въ эту эпоху были значительнѣе съ отпускныхъ товаровъ, нежели съ привозныхъ. Свобода отпуска и ограниченіе ввоза, въ особенности обработанныхъ произведеній, предполагаетъ уже извѣстное развитіе промышленности и просвѣщенную государственную администрацію. Правительства и народы Сѣвера стояли въ то время на той же примѣрно ступени культуры и государственныхъ знаній, на какой въ наши дни находится Высокая Порта. Извѣстно, что султанъ недавно заключилъ торговые договоры, на основаніи которыхъ онъ обязался облагать при вывозѣ сырые матеріалы и фабрикаты не выше 14%, при ввозѣ же не выше 5%. Тамъ, слѣдовательно, является въ полномъ расцвѣтѣ таможенная система, которая главнымъ образомъ имѣетъ въ виду государственные доходы. Государственные люди и писатели, слѣдующіе такой системѣ или защищающіе ее, должны поэтому отправиться въ Турцію, гдѣ они будутъ стоять на высотѣ эпохи.

***) Эстерлингами или восточными купцами вазывались тогда ганзейцы въ

которымъ Генрихъ III далъ корпоративное устройство, предоставилъ имъ привиллегіи и освободилъ отъ ограниченія и ввозныхъ пошлинъ, которымъ были подчинены другіе иностранные купцы. Англичане въ то время были такъ неопытны въ торговлѣ, что со времени Эдуарда II ганзейцы, извѣстные подъ именемъ „Штальгофскихъ купцовъ“ захватили въ свои руки монополію всей отпускной торговли королевства. А такъ какъ они при этомъ пользовались только своими собственнымъ кораблями, то и англійское мореходство находилось въ самомъ жалкомъ положеніи“ *).

Затѣмъ нѣкоторые изъ нѣмецкихъ купцовъ, именно изъ Кельна, которые задолго передъ тѣмъ установили торговыя связи съ Англичанами, основали въ 1250 году по предложенію короля въ столицѣ Лондонѣ подъ названіемъ *Штальгофъ* (steel-yard) знаменитую контору, которая оказывала большое вліяніе на развитіе англійской культуры и промышленности, и которая затѣмъ скоро возбудила такую страшную національную зависть и въ теченіе 375 лѣтъ, протекшихъ со времени возникновенія и до ея уничтоженія, была причиною столь частыхъ и сильныхъ споровъ.

Англія въ то время для ганзейцевъ была тѣмъ же, чѣмъ въ послѣдствіи Польша для голландцевъ или Германія для англичанъ; она доставляла имъ шерсть, олово, кожи, масло и другіе продукты горныхъ промысловъ и земледѣлія, получая отъ нихъ мануфактурные товары. Сырые матеріалы, которые ганзейцы покупали въ Англіи и въ другихъ сѣверныхъ государствахъ, перевозились ими въ контору, основанную ими въ Брюгге (1252 г.), и здѣсь обмѣнивались на бельгійскія сукна и мануфактурные товары и на идущіе изъ Италіи восточные продукты и фабрикаты, которые затѣмъ снова слѣдовали во всѣ страны, расположенныя по берегамъ Сѣвернаго моря.

Третья контора, основанная въ 1272 году въ Россіи—въ Новгородѣ, вымѣнивала мѣха, ленъ, коноплю и другіе сырые матеріалы на мануфактурные товары.

Для четвертой конторы, учрежденной въ 1278 году въ Бергенѣ,

противоположность западнымъ, или бельгійцамъ и голландцамъ; отсюда также слово стерлингъ или фунтъ стерлинговъ, сокращеніе слова Эстерлингъ, такъ какъ всѣ обращавшіяся въ то время въ Англіи деньги были ганзейскими.

*) Hume, *Geschichte von England.* Cap. XXXV.

въ Норвегіи, предметами занятій служили рыбная ловля и торговля ворванью и рыбою *).

Опытъ всѣхъ странъ и временъ показываетъ, что народы, находящіеся въ положеніи варварства, извлекаютъ неисчислимыя выгоды изъ неограниченной свободы торговли, вслѣдствіе которой они, отпуская продукты скотоводства, звѣроловныхъ, лѣсныхъ и земледѣльческихъ промысловъ, вообще сырые матеріалы всякаго рода, получаютъ взамѣнъ ихъ болѣе совершенную одежду, домашнюю утварь, машины, сельскохозяйственныя орудія и главное средство обмѣна — благородные металлы, — въ началѣ все это ихъ привлекаетъ. Этотъ опытъ показываетъ также, что чѣмъ болѣе народы дѣлаютъ успѣховъ въ промышленности и культурѣ, тѣмъ болѣе уменьшается ихъ благосклонное отношеніе къ торговлѣ подобнаго рода, и что наконецъ они доходятъ до того, что считаютъ такую торговлю вредною и видятъ въ ней препятствіе своимъ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Тоже самое случилось и съ торговлею англичанъ съ ганзейцами. Едва успѣло истечь столѣтіе со времени учрежденія конторы въ Штальгофѣ, какъ Эдуардъ Ш пришелъ къ мысли, что нація могла бы обратиться къ чему либо болѣе полезному и выгодному для нея, чѣмъ вывозъ необработанной шерсти и ввозъ сукна. Онъ началъ привлекать въ свою страну разными льготами суконныхъ мастеровъ изъ Фландріи, и послѣ того какъ значительное число ихъ начало свои дѣйствія въ странѣ, онъ запретилъ одѣваться въ чужеземныя сукна **).

Рядомъ съ мудрыми мѣрами этого короля нужно отмѣтить безсмысленное поведеніе другихъ правительствъ, какъ это не рѣдко случается въ исторіи промышленности. Въ то время какъ прежніе правительства Фландріи и Брабанта дѣлали все возможное для того, чтобы привести промышленность своей страны въ цвѣтущее состояніе, позднѣйшіе сдѣлали все, чтобы возбудить недовольство негоціантовъ и промышленниковъ и толкнуть ихъ на путь эмиграціи ***).

Въ 1413 году шерстяная промышленность сдѣлала въ Англіи уже настолько значительные успѣхи, что Гумъ могъ сказать объ этомъ періодѣ слѣдующее: „сильная зависть къ иностраннымъ

*) Sartorius, *Geschichte der Hansa.*

**) 11. Edward Ш. chap. V.

***) Rymer's Foed. p. 496 de Witte, Interest of Holland, p. 45.

купцамъ господствовала въ это время—и масса препятствій полагалась на пути иностранной торговлѣ; такъ напримѣръ, они обязаны были всѣ деньги, вырученныя ими за ввезенные продукты, употребить на покупку товаровъ туземнаго производства“ *).

Во время Эдуарда IV эта зависть достигла такой степени, что ввозъ чужеземнаго сукна, такъ-же какъ и ввозъ другихъ предметовъ, былъ совершенно воспрещенъ.

Хотя король въ послѣдствіи и принужденъ былъ Ганзейцами къ возстановленію ихъ прежнихъ привиллегій, однако по видимому англійское шерстяное фабричное производство вслѣдствіе этого сдѣлало значительные успѣхи; ибо Гумъ о времени Генриха VII, который царствовалъ полстолѣтія спустя послѣ Генриха IV, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

„Успѣхи въ промышленности и искусствахъ гораздо дѣйствительнѣе строгихъ законовъ ограничиваютъ привычку дворянства держать большое число прислуги. Вмѣсто того, чтобы соперничать другъ съ другомъ числомъ и храбростію своихъ слугъ, дворянство теперь стремится къ другаго рода соревнованію, которое болѣе отвѣчаетъ духу цивилизованной эпохи, теперь каждый старается отличиться передъ другимъ богатствомъ дома, изяществомъ экипажей, роскошью обстановки. Такъ какъ народъ теперь не могъ уже предаваться праздности на службѣ у начальниковъ и господъ, то онъ принужденъ былъ изучать различныя ремесла, чтобы быть полезнымъ себѣ и государству. Съ другой стороны были изданы законы, препятствовавшія вывозу благородныхъ металловъ, какъ въ монетѣ, такъ и въ слиткахъ. Чтобы однако эти законы не оказались недѣйствительными, иностраннымъ купцамъ вновь вмѣнено было въ обязанность на всю сумму, вырученную за привезенные товары, покупать туземныхъ“ **).

При Генрихѣ VIII уже въ Лондонѣ, вслѣдствіе постояннаго пребыванія большаго числа иностранныхъ фабрикантовъ, всѣ съѣстные припасы значительно возвысились въ цѣнѣ,—вѣрный признакъ большихъ выгодъ, которыми пользовалось туземное сельское хозяйство вслѣдствіе развитія внутренней мануфактурной промышленности.

---

*) Hume, History of England, chap. XXV.

**) Hume, chap. XXVI.

Король, не понимая истинныхъ причинъ и послѣдствій подобнаго явленія, далъ вѣру англійскимъ промышленникамъ, которые жаловались на иностранныхъ, еще далеко превосходившихъ ихъ дѣловитостью, прилежаніемъ и бережливостью, и издалъ постановленіе объ изгнаніи пятнадцати тысячъ бельгійскихъ фабрикантовъ, *„такъ какъ благодаря имъ возвысились въ цѣнѣ всѣ жизненные припасы и можно опасаться въ странѣ голода“*.

Чтобы уничтожить вредъ до корня, были тотчасъ же изданы законы, ограничивающіе роскошь, уставы о ношеніи платья, таксы на жизненные припасы и на поденную плату. Такая политика естественно получила полное одобреніе со стороны ганзейцевъ, которые съ тою-же готовностью, какую оказывали они всѣмъ прежнимъ благоволившимъ къ нимъ королямъ Англіи и какую въ наши дни англичане оказывали португальскимъ королямъ,—предоставили въ распоряженіе Генриха VIII свои военные корабли. Въ теченіе всего этого царствованія торговля ганзейцевъ съ Англіею велась еще очень оживленно. Въ ихъ рукахъ еще были корабли и деньги, и они съ такимъ-же искусствомъ, какъ въ наши дни англичане, съумѣли обезпечить себѣ вліяніе на тѣ народы и правительства, которые не понимали своихъ національныхъ интересовъ. Только ихъ доказательства имѣли совсѣмъ другое основаніе, нежели у современныхъ торговыхъ монополистовъ. Ганзейцы основывали на трактатахъ свое право снабжать чужія страны фабричными издѣліями и принадлежащемъ имъ съ незапамятныхъ временъ правѣ собственности, между тѣмъ какъ современные намъ англичане желаютъ основать свое право на теоріи, которую создалъ одинъ изъ ихъ таможенныхъ чиновниковъ. Они желаютъ во имя мнимой науки пріобрѣсть то, чего ганзейцы требовали во имя трактатовъ и права.

Во время правленія Эдуарда VI тайный совѣтъ нашелъ предлогъ для отнятія привиллегій у *купцовъ Штальгофа*: „Ганзейцы дѣлали сильныя возраженія противъ этого нововведенія. Однако тайный совѣтъ настоялъ на своемъ рѣшеніи, и благодѣтельные для націи результаты не замедлили обнаружиться. Англійскіе купцы, какъ туземцы, вслѣдствіе ихъ отношеній, пользовались рѣшительными выгодами предъ иностранцами при закупкѣ сукна, шерсти и другихъ товаровъ,—выгодами, которыя до сихъ поръ не казались имъ достаточными для того, чтобы вступить въ конкурренцію съ такою

богатою компаніею. Но съ того времени, какъ всѣ иностранные купцы были подчинены одинаковымъ ограниченіямъ, англичане почувствовали въ себѣ достаточно энергіи для торговыхъ предпріятій, и духъ предпріимчивости тотчасъ возбудился во всемъ королевствѣ“ *).

Послѣ того, какъ ганзейцы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ были совершенно вытѣснены съ рынка, на которомъ они неограниченно господствовали въ теченіе трехъ столѣтій, подобно тому какъ въ наше время англичане господствуютъ на рынкахъ Америки и Германіи, по предложенію германскаго императора всѣ ихъ старыя привеллегіи были снова возстановлены королевою Маріею **).

Но радость ихъ на этотъ разъ была непродолжительна. „Стремясь не только сохранить эти привеллегіи, но и расширить ихъ, они въ началѣ царствованія королевы Елизаветы выразили сильныя сѣтованія на то отношеніе къ нимъ, какое существовало во время Эдуарда и Маріи. Королева благоразумно отвѣтила имъ, что она не въ силахъ ничего измѣнить, но охотно желала бы предоставить имъ тѣ самыя привиллегіи и льготы, которыми они уже пользуются. Этотъ отвѣтъ ихъ однако ничуть не удовлетворилъ. Чрезъ нѣсколько времени торговля имъ была снова воспрещена къ великой выгодѣ англійскихъ купцовъ, которые ждали лишь случая показать, что̀ они въ состояніи сдѣлать; они взяли въ свои руки всю отпускную торговлю, и ихъ усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ; они раздѣлились на два класса — живущихъ въ странѣ и путешествующихъ купцовъ; первые занимались торговлею дома, вторые пытали счастья въ чужихъ городахъ и странахъ, торгуя сукномъ и другими англійскими товарами. Этотъ успѣхъ возбудилъ такую зависть въ ганзейцахъ, что они не пренебрегали никакими средствами для того, чтобы въ другихъ странахъ подорвать довѣріе къ англійскимъ купцамъ. Они добились императорскаго эдикта, которымъ воспрещалась англійскимъ купцамъ всякая торговля внутри Германской имперіи. Королева прибѣгла къ репрессаліямъ противъ указаннаго эдикта и приказала задержать 60 ганзейскихъ кораблей, на которыхъ они вмѣстѣ съ испанцами вели котрабандную торговлю. Сначала однако она имѣла въ виду лишь склонить

*) Hume, chap. XXXV.

**) Hume, chap. XXVII. Heylen, p. 108. Heyward, p. 224.

ганзейцевъ къ миролюбивому соглашенію. Но получивъ извѣстіе, что въ Любекѣ собрано ганзейское собраніе для обсужденія мѣръ, которыми могла бы быть стѣснена торговля англичанъ, она приказала эти корабли съ ихъ грузомъ конфисковать; только два изъ нихъ были освобождены и посланы въ Любекъ съ сообщеніемъ, что королева питаетъ глубокое презрѣніе къ Ганзѣ, ея договорамъ и мѣрамъ“ *).

Такъ обошлась Елизавета съ тѣми купцами, которые ссужали ея отца и столь многихъ королей Англіи своими корабляли для ихъ сраженій, за которыми ухаживали всѣ монархи Европы, которые въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ относились къ королямъ Даніи и Швеціи, какъ къ своимъ вассаламъ, возводя ихъ на тронъ и низлагая по своему желанію, колонизировали всѣ страны по юго-восточноту берегу Балтійскаго моря, насадили тамъ цивилизацію и освободили всѣ моря отъ пиратовъ, которые еще незадолго передъ тѣмъ съ мечемъ въ рукѣ принудили одного изъ королей Англіи признать ихъ привиллегіи, которымъ не однажды англійскіе короли отдавали въ залогъ подъ займы свою корону, и которые однажды свое безчеловѣчіе и дерзость по отношенію къ Англіи довели до того, что умертвили сто англійскихъ рыбаковъ, осмѣлившихся приблизиться къ ихъ рыбнымъ ловлямъ. Хотя ганзейцы имѣли достаточно еще силъ, чтобы отомстить англійской королевѣ, но прежнее мужество, замѣчательный духъ предпріимчивости, сила, воспитанная свободою и общею дѣятельностію,—уже исчезли. Они все болѣе и болѣе слабѣли, пока, наконецъ, ихъ союзъ не былъ разрушенъ формально въ 1630 году, послѣ чего они начали выпрашивать при всѣхъ дворахъ Европы привиллегій для ввозной торговли, но должны были удалиться отовсюду съ позоромъ.

Различныя внѣшнія причины, помимо внутреннихъ, о которыхъ мы будемъ говорить позднѣе, вызвали ихъ паденіе. Данія и Швеція, желая отомстить за ту зависимость, въ которой такъ долго держалъ ихъ Ганзейскій союзъ, создавали всевозможныя препятствія торговлѣ ганзейцевъ. Русскіе цари предоставили привиллегіи одной англійской компаніи. Орденъ рыцарей, ихъ вѣковыхъ союзниковъ и какъ бы воспитанниковъ, отпалъ отъ нихъ и разорвалъ связь съ ними. Голландцы и англичане вытѣснили ихъ со всѣхъ

*) Lives et the Admirals, vol. I, p. 410.

рынковъ и заняли ихъ мѣсто при всѣхъ дворахъ. Наконецъ и открытіе пути чрезъ мысъ Доброй Надежды въ Индію оказало значительно невыгодное вліяніе на нихъ.

Они, во дни могущества и счастія почти не обращавшіе вниманія на ихъ связь съ нѣмецкою имперіею, теперь въ бѣдственное время обратились къ нѣмецкому рейхстагу съ предложеніемъ такого рода: ежегодный отпускъ сукна изъ Англіи достигаетъ 200.000 кусковъ, изъ которыхъ значительная часть идетъ въ Германію, поэтому единственнымъ средствомъ возвратить имъ въ Англіи прежнія привиллегіи является воспрещеніе ввоза въ Германію англійскаго сукна. По увѣренію Андерсона, рѣшеніе рейхстага должно было послѣдовать дѣйствительно въ этомъ смыслѣ или даже состоялось; но тотъ же писатель увѣряетъ, что Гильпенъ, бывшій англійскимъ посланникомъ при германскомъ рейхстагѣ, съумѣлъ помѣшать приведенію въ исполненіе этого постановленія.

Сто пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ формальнаго распаденія Ганзейскаго союза, въ ганзейскихъ городахъ исчезла даже самая память о ихъ прежнемъ величіи. Юстусъ Мозеръ въ одномъ изъ своихъ сочиненій увѣряетъ, что когда онъ, пріѣзжая въ ганзейскіе города, разсказывалъ тамошнимъ купцамъ о могуществѣ и величіи ихъ предковъ, то ему почти не вѣрили. Гамбургъ—въ былое время гроза пиратовъ всѣхъ морей и славный во всемъ христіанскомъ мірѣ по тѣмъ заслугамъ, которыя онъ оказалъ при преслѣдованіи морскихъ разбойниковъ,—палъ такъ низко, что принужденъ былъ ежегодною данью выкупать безопасность для себя и своихъ кораблей. Ибо когда морской скипетръ перешелъ въ руки голландцевъ, другая политика была принята по отношенію къ морскому разбойничеству. Во времена морскаго господства ганзейцевъ на пиратовъ смотрѣли, какъ на враговъ, и преслѣдовали ихъ всюду. Голландцы напротивъ видѣли въ берберійскихъ пиратахъ полезныхъ союзниковъ, благодаря которымъ, къ ихъ выгодѣ, торговля другихъ странъ и во время міра была затруднена. Приводя, по одному поводу, замѣчаніе Де-Витта, касающееся этой политики, Андерсонъ съ своей стороны дѣлаетъ слѣдующее лаконическое замѣчаніе: fas est et ab hoste doceri *),—совѣтъ, который, не смотря на его лаконизмъ, такъ хорошо былъ понятъ и усвоенъ его соотечествен-

*) Позволительно учиться и у враговъ.—Anderson, vol. II, pag. 385.

никами, что англичане, къ стыду христіанской эпохи, до послѣдняго времени терпѣли постыднѣйшій промыселъ морскаго разбоя на сѣверномъ африканскомъ берегу, пока французы не оказали услуги цивилизаціи, истребивъ его окончательно.

Торговля ганзейскихъ городовъ не была національною; она не была основана на равновѣсіи и совершенномъ развитіи внутреннихъ производительныхъ силъ и не имѣла опоры въ достаточно развившемся политическомъ могуществѣ. Основаніе, соединявшее отдѣльные члены конфедераціи въ одно цѣлое, было слишкомъ слабо, стремленіе къ частнымъ преимуществамъ и частнымъ выгодамъ (или, какъ выразился бы швейцарецъ и американецъ, духъ кантона, духъ отдѣльнаго государства) было господствующимъ и не давало мѣста саюзному патріотизму, который одинъ только и могъ дать перевѣсъ общему интересу конфедераціи надъ частными интересами отдѣльныхъ городовъ. Этимъ объясняется зависть и не рѣдко даже измѣна; такъ Кельнъ пользовался для своихъ личныхъ выгодъ враждебнымъ отношеніемъ Англіи къ союзу; такъ Гамбургъ старался извлечь выгоды изъ спора Даніи и Любека.

Ганзейскіе города основывали свою торговлю не на производствѣ и потребленіи, не на земледѣліи и промышленности той страны, которая была отечествомъ купцовъ. Они не заботились поддерживать земледѣліе въ своемъ отечествѣ, между тѣмъ земледѣліе чужихъ странъ, вслѣдствіе ихъ торговли, значительно возвысилось; они находили болѣе удобнымъ покупать фабричныя произведенія въ Бельгіи, нежели основывать фабрики въ своей собственной странѣ; они оказали вліяніе на развитіе земледѣлія въ Польшѣ, овцеводства въ Англіи, желѣзнаго производства въ Швеціи и фабрикъ въ Бельгіи. Они цѣлые вѣка дѣлали то, что теоретики нашего времени совѣтуютъ дѣлать націямъ: *они покупали товары тамъ, гдѣ ихъ можно было купить дешевле всего.* Но когда страны, въ которыхъ они покупали, и тѣ, въ которыхъ они продавали, закрыли для нихъ свои рынки, оказалось, что ихъ собственное земледѣліе и собственная фабрично-заводская промышленность не сдѣлали настолько значительныхъ успѣховъ, чтобы ихъ огромные капиталы могли найти здѣсь примѣненіе; эти капиталы перешли въ Голландію и Англію и увеличили промышленность, богатство и могущество ихъ враговъ. Разительное доказательство того, что частная промышленность, пре-

доставленная самой себѣ, не всегда обезпечиваютъ странѣ благосостояніе и могущество.

Преслѣдуя исключительно матеріальныя цѣли, ганзейскіе города совершенно пренебрегли своими политическими интересами. Во время своего могущества они, казалось, вовсе не имѣли связи съ нѣмецкимъ государствомъ. Этимъ недальновиднымъ, самолюбивымъ и надменнымъ гражданамъ льстило то, что за ними ухаживаютъ князья, короли и императоры, и что они разыгрываютъ роль господъ на морѣ. А какъ легко было бы имъ во время ихъ морскаго могущества вмѣстѣ съ нижне-нѣмецкими городскими союзами образовать сильную нижнюю палату, создать противовѣсъ нѣмецкой аристократіи, достигнуть національнаго объединенія при посредствѣ императорской власти, объединить подъ однимъ національнымъ знаменемъ всѣ берега отъ Дюнкиркена до Риги, и этимъ способомъ добиться и поддержать верховенство германской націи въ промышленности, торговлѣ и морскомъ могуществѣ. Напротивъ, аристократія дѣлала все, чтобы довести до конца ихъ униженіе. Внутренніе города мало-по-малу подпали совершенно подъ власть князей, а у городовъ приморскихъ слабѣла ихъ взаимная связь.

Всѣхъ этихъ ошибокъ избѣгла Англія. Тамъ мореходство и внѣшняя торговля находила прочную опору въ земледѣліи и промышленности страны; тамъ развивались внутреннія сношенія въ правильномъ соотвѣтствіи съ внѣшними, и индивидуальная свобода не наносила ущерба національному единству и національному могуществу; тамъ въ солидарности и въ единеніи счастливо уживались интересы короны, аристократіи и народа.

Если принять во вниманіе эти историческія явленія, то неужели возможно будетъ утверждать, что англичане въ состояніи были такъ широко развить свою фабрично-заводскую промышленность или овладѣть безмѣрно широкою торговлею и пріобрѣсть такое преобладаніе въ морскомъ могуществѣ помимо той политики, которую они преслѣдовали? Нѣтъ; убѣжденіе, что англичане достигли современнаго торговаго могущества не посредствомъ своей торговой политики, а помимо ея, кажется намъ однимъ изъ величайшихъ заблужденій нашего столѣтія. Если бы англичане весь порядокъ вещей предоставляли самому себѣ, послѣдовали бы принципу laissez passez, какъ рекомендуетъ господствующая школа, *купцы Штальгофа* до сихъ поръ дѣйствовали бы въ Лондонѣ, боль-

гійцы до сихъ поръ занимались бы производствомъ сукна для Англіи; Англія до сихъ поръ была бы пастбищемъ для ганзейскихъ овецъ, какъ Португалія, вслѣдствіе хитрости лукаваго дипломата, сдѣлалась англійскимъ виноградникомъ и оставалась такою до послѣдняго времени. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Англія безъ своей торговой политики никогда бы не достигла той степени гражданской свободы, какою она пользуется въ настоящее время, такъ какъ эта свобода—дочь промышленности и богатства.

Послѣ такихъ историческихъ соображеній нельзя не удивляться, что Адамъ Смитъ не далъ себѣ труда прослѣдить промышленную и коммерческую барьбу Ганзы съ Англіей съ начала ея возникновенія до конца. Нѣкоторые однако мѣста его книги достаточно доказываютъ, что причины упадка Ганзы и слѣдствія его не были ему неизвѣстны.

„Купецъ, говоритъ онъ, въ своихъ интересахъ не связанъ ни съ какою страною въ отдѣльности. Для него почти безразлично, откуда ведетъ онъ свое торговое предпріятіе; ничтожной причины къ неудовольствію достаточно для того, чтобы онъ перешелъ изъ одной страны въ другую и перевелъ съ собою свои капиталы, а вмѣстѣ съ ними и ту отрасль промышленности, которой его капиталы даютъ жизнь. Никакая часть этихъ капиталовъ не можетъ считаться принадлежностью какой либо отдѣльной страны до тѣхъ поръ, пока они не будутъ, такъ сказать, приращены къ землѣ въ видѣ сооруженій и т. д. Отъ огромныхъ богатствъ, которыми *должны были* владѣть ганзейскіе города, *не осталось и слѣдовъ*, кромѣ кое какихъ свѣдѣній въ *туманныхъ* хроникахъ XIII и XIV столѣтій; теперь невозможно даже указать на тѣ мѣста, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ находились, или сказать, какимъ городамъ принадлежатъ тѣ латинскія имена, которыя приписываются имъ хрониками *).

Какъ странно, что Адамъ Смитъ, при столь ясномъ освѣщеніи второстепенныхъ причинъ упадка Ганзы, не почувствовалъ необходимости изслѣдовать главныя причины его. Ему не было для этого никакой надобности въ изслѣдованіи того, гдѣ находились исчезнувшіе ганзейскіе города, и какіе города разумѣются туманными хрониками подъ ихъ латинскими названіями. Ему не было ни-

*) Smith, Weatth of Nations. b. III. chap. II.

какой нужды даже пересматривать эти хроники. Его собственные соотечественники—Андерсонъ, Макферсонъ, Кингъ и Гумъ—могли дать ему по этому предмету совершенно удовлетворительныя разъясненія.

Какимъ образомъ и почему этотъ глубокій и пытливый умъ могъ воздержаться отъ столь интереснаго и обильнаго результатами изслѣдованія? Мы не видимъ другой причины, кромѣ той, что такое изслѣдованіе привело бы его къ выводамъ, которые едва ли могли бы подтвердить его принципъ абсолютной свободы торговли. Безъ сомнѣнія самые факты привели бы его къ заключенію, что послѣ того, какъ свобода торговли съ ганзейцами извлекла англійское земледѣліе изъ его варварскаго состоянія, покровительственная торговая политика доставила англійской націи промышленное владычество за счетъ ганзейцевъ, бельгійцевъ иголландцевъ, и что отсюда при посредствѣ протекціонной системы для мореходства развилось ихъ торговое владычество.

Этихъ-то фактовъ, повидимому, Адамъ Смитъ не желалъ ни знать, ни замѣчать. Они принадлежали, конечно, къ категоріи тѣхъ назойливыхъ фактовъ, по поводу которыхъ Ж. Б. Сэй сознается, что „они приводятъ его къ мятежу противъ собственной системы“.

ГЛАВА III.

Нидерландцы.

По духу и нравамъ, по происхожденію и языку жителей, также какъ по политической связи и географическому положенію, Голландія, Фландрія и Брабантъ принадлежали къ нѣмецкому государству. Частыя посѣщенія и близость резиденціи Карла Великаго могли оказывать на культуру этихъ странъ несравненно большее вліяніе, нежели на отдаленныя страны Германіи. Затѣмъ самыя естественныя условія Фландріи и Брабанта были благопріятны для развитія тамъ земледѣлія и промышленности, точно также какъ въ Голландіи они благопріятствовали развитію скотоводства и торговли. Нигдѣ въ Германіи внутреннія сношенія не облегчались такимъ широкимъ развитіемъ морскаго и рѣчнаго судоходства, какъ въ этихъ прибрежныхъ странахъ. Благодѣтельное вліяніе пу-

тей сообщенія на усовершенствованіе сельскаго хозяйства и на расширеніе городовъ уже необходимо должно было своевременно вызвать заботы объ удаленіи препятствій для этихъ путей и о разработкѣ каналовъ.

Расцвѣту Фландріи особенно содѣйствовало то, что ея графы лучше всѣхъ другихъ князей Германіи понимали значеніе общественной безопасности, дорогъ, фабрикъ и цвѣтущихъ городовъ. Сама природа страны способствовала тому, что ихъ любимымъ занятіемъ сдѣлалось искорененіе дворянства, занимавшагося грабежомъ, и истребленіе дикихъ животныхъ. Оживленныя сношенія между городами и страною, возникновеніе скотоводства, въ особенности же разведеніе льна и конопли, были естественнымъ послѣдствіемъ этого. А гдѣ оказываются въ изобиліи сырые матеріалы и обезпечены собственность и сношенія, тамъ скоро находятся руки и способность къ ихъ обработкѣ. Между тѣмъ графамъ Фландріи не пришлось долго ждать случая, который привелъ къ нимъ ткачей шерсти; исторія сообщаетъ, что они *привлекли* ихъ изъ-за границы.

Вслѣдствіе торговыхъ сношеній Ганзейцевъ съ Голландцами, Фландрія, благодаря своимъ шерстянымъ фабрикамъ, скоро возвысилась до центральнаго положенія сѣверной всемірной торговли, подобно тому какъ Венеція, благодаря своей промышленности и мореходству, заняла центральное положеніе во всемірной торговлѣ юга. Мореходство и взаимныя торговыя сношенія Ганзы и Голландіи вмѣстѣ съ фабриками Фландріи образовали одно цѣлое, создали одну національную промышленность. О таможенныхъ ограниченіяхъ однако здѣсь еще не можетъ быть и рѣчи—тѣмъ болѣе, что Фландрія не встрѣчала еще никакого соперничества въ ея мануфактурномъ верховенствѣ. Графы Фландріи, не читавъ Адама Смита, отлично понимали, что при такихъ условіяхъ фабрично-заводская промышленность можетъ развиваться лучше всего при свободѣ торговли. Совершенно въ духѣ современной теоріи графъ Робертъ III далъ отвѣтъ Англійскому королю, который потребовалъ удаленія шотландцевъ съ Фландрскаго рынка: Фландрія всегда считала свою страну свободнымъ рынкомъ для всѣхъ націй и ея интересы не позволяютъ ей отступить отъ этого правила.

Послѣ того, какъ Фландрія въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій

была первою мануфактурною страною, а Брюгге первымъ рынкомъ сѣверной Европы, — фабрики и торговля перешли въ сосѣдній Брабантъ, такъ какъ графы не съумѣли дать тѣхъ концессій, которыхъ первые, достигнувъ процвѣтанія, постоянно требовали. Первымъ торговымъ рынкомъ былъ тогда Антверпенъ, первымъ мануфактурнымъ городомъ въ сѣверной Европѣ былъ Левенъ (Löwen). Вслѣдствіе этого переворота и сельское хозяйство въ Брабантѣ достигло цвѣтущаго состоянія. Успѣхамъ послѣдняго содѣйствовала въ особенности рано состоявшаяся замѣна натуральной повинности денежнымъ налогомъ, а главнымъ образомъ ограниченіе феодольной системы.

Между тѣмъ голландцы, выдвигаясь все болѣе и болѣе соединенными силами какъ соперники Ганзы, закладывали фундаментъ для своего будущаго морскаго господства. Неблагопріятныя и благопріятныя естественныя условія служили одинаково къ благополучію этого народца. Вѣчная борьба съ моремъ необходимо должна была развить въ немъ духъ предпріимчивости, трудолюбіе, стремленіе къ экономіи, а завоеванная невыразимыми усиліями и требующая ревностной защиты почва должна была казаться ему такимъ имуществомъ, для котораго не можетъ быть достаточной жертвы. Вслѣдствіе естественныхъ условій принужденные ограничиться мореплаваніемъ, рыболовствомъ, производствомъ мясныхъ продуктовъ, масла и сыра, голландцы должны были заботиться о восполненіи недостатка въ хлѣбѣ, строительныхъ матеріалахъ, топливѣ и матеріи для одеждъ, посредствомъ ввоза и обмѣна на отпускаемые ими молочные и мясные продукты.

Въ этомъ лежитъ главная причина того, что въ послѣдствіи голландцы мало по-малу взяли верхъ надъ ганзейцами въ торговлѣ съ сѣверовосточными государствами. Голландцы нуждались въ гораздо-большемъ количествѣ земледѣльческихъ и лѣсныхъ продуктовъ— нежели ганзейцы, потребности которыхъ въ этомъ отношеніи удовлетворялись большею частію сосѣдними странами. Не менѣе затѣмъ благопріятна была для нихъ близость бельгійскихъ фабрикъ и Рейна съ его обширнымъ, богатымъ виноградниками бассейномъ и съ его рѣчнымъ судоходствомъ, достигающимъ швейцарскихъ горъ.

Необходимо принять за общее правило, что торговля и благосостояніе приморскаго края обусловливаются большею или меньшею

значительностью ихъ водяныхъ бассейновъ, съ которыми они имѣютъ водяное сообщеніе *). Достаточно бросить взглядъ на карту Италіи, чтобы понять, что естественная причина преимущественнаго развитія торговли Венеціи сравнительно съ торговлею Генуи и Пизы лежитъ именно въ обширности и плодородіи долины рѣки По. Корни голландской торговли углубляются также въ бассейнѣ Рейна и связанныхъ съ нимъ рѣкъ; и насколько этотъ бассейнъ богаче и плодороднѣе въ сравненіи съ бассейнами Везера и Эльбы, настолько больше должна была торговля голландцевъ превзойти торговлю ганзейскихъ городовъ.

Къ указаннымъ выгоднымъ условіямъ нужно еще присоединить одну счастливую случайность, а именно, открытіе Петромъ Бекелемъ способа соленія сельдей. Способы ловли сельдей и бекелеваніе (соленіе, названное такъ по имени изобрѣтателя) долго оставались секретомъ голландцевъ, которые умѣли придавать своему продукту такія качества, которыхъ недоставало продуктамъ другихъ рыболововъ, а это повсюду обезпечивало имъ преимущественный сбытъ и лучшія цѣны **). Андерсонъ увѣряетъ, что нѣсколько столѣтій спустя послѣ введенія въ Голландіи этого способа, англійскіе и шотландскіе рыболовы, несмотря на значительныя вывозныя пошлины и несравненно низшія цѣны, не могли найти покупателей на заграничныхъ рынкахъ, на которыхъ были голландскія сельди. Если принять въ соображеніе, какое значеніе имѣло потребленіе рыбы во всѣхъ странахъ до возникновенія реформаціи, то будетъ понятно, что въ то время, когда ганзейское мореходство начало клониться къ упадку, голландцы ежегодно строили до 2.000 новыхъ судовъ.

Со времени соединенія бельгійскихъ и батавійскихъ провинцій подъ бургундскимъ владычествомъ, они стали пользоваться благотворными послѣдствіями *національнаго единства*,—обстоятельство, которое при обсужденіи счастливой конкурренціи голландцевъ въ морской торговлѣ съ сѣверо-нѣмецкими городами не должно быть

---

*) Искусственные пути сообщенія и желѣзныя дороги новаго времени значительно измѣняютъ это правило.

**) Въ послѣднее время увѣряютъ, что выгоды голландцевъ, помимо урегулированія рыбныхъ ловель, зависятъ отъ того, что они для боченковъ, въ которыхъ закупориваются и перевозятся сельди, употребляютъ еловое дерево.

оставлено безъ вниманія. Во время правленія Карла V соединенные Нидерланды образовали комплекцію власти и силъ, которая ихъ повелителю должна была обезпечить міровое господство на сушѣ и на морѣ лучше, нежели золотые пріиски всего свѣта, всѣ благоволенія и всѣ буллы папы, если бы только онъ зналъ сущность этихъ силъ и съумѣлъ ими управлять и пользоваться.

Если бы Карлъ V отстранилъ отъ себя корону, какъ отбрасываютъ камень, который грозитъ увлечь въ бездну, — насколько судьба Нидерландовъ и Германіи была бы иная! Повелитель соединенныхъ Нидерландовъ, нѣмецкій императоръ и глава реформаціи— Карлъ обладалъ всѣми умственными и матеріальными средствами для созданія могущественнѣйшаго промышленнаго и коммерческаго государства, обширнѣйшаго морскаго и континентальнаго владычества, какое когда либо существовало—морскаго владычества, которое соединило бы всѣ суда отъ Дюнкиркена до Риги подъ *однимъ* флагомъ.

Достаточно было тогда одной идеи, одной воли для того, чтобы возвысить Германію на степень богатѣйшаго и важнѣйшаго государства на землѣ, распространить ея мануфактурное и торговое господство на весь міръ и, можетъ быть, обезпечить ей это положеніе на цѣлыя столѣтія.

Карлъ V и его мрачный сынъ направились по другому пути; вставъ во главѣ фанатиковъ, они желали передѣлать Нидерландцы на испанскій ладъ. Послѣдствія извѣстны. Сѣверныя провинціи, защищавшіяся элементомъ, которому они рабски преклонялись, лишили ихъ независимости; въ южныхъ же провинціяхъ промышленность, искусство и торговля, если только не успѣвали спасаться бѣгствомъ, гибли отъ руки палача. Амстердамъ заступилъ мѣсто Антверпена и сдѣлался центромъ всемірной торговли. Города Голландіи, привлекшіе къ себѣ значительное число шерстяныхъ ткачей изъ Брабанта вслѣдствіе происшедшихъ тамъ волненій, не имѣли теперь достаточно мѣста для помѣщенія всѣхъ бельгійскихъ бѣглецовъ, большая часть которыхъ поэтому должна была переселиться въ Англію и Саксонію. Борьба за свободу въ Голландіи родила тотъ духъ морскаго геройства, для котораго, казалось, не существовало препятствій и опасностей, между тѣмъ какъ съ другой стороны фанатизмъ разслаблялъ всю нервную систему Испаніи. Голландія обогащалась въ Испаніи каперствомъ, особенно

захватывая, въ видѣ добычи, ея корабли, нагруженныя серебромъ. При этомъ она вела огромную контрабандную торговлю съ полуостровомъ и съ Бельгіей. Послѣ соединенія Португаліи съ Испаніей, она овладѣла лучшими португальскими колоніями въ Остъ-Индіи и завоевала часть Бразиліи. До первой половины XVII столѣтія, какъ видимъ, голландцы настолько же стоятъ выше англичанъ по фабрикамъ и колоніямъ, по торговлѣ и мореходству, насколько въ настоящее время англичане превосходятъ въ этомъ отношеніи французовъ.

Но революція въ Англіи вызвала сильныя перемѣны. Духъ свободы проникъ въ Голландію. Какъ во всѣхъ аристократіяхъ купцовъ, разъ дѣло шло о спасеніи жизни и имущества, разъ матеріальныя выгоды были передъ глазами,—здѣсь способны были на великія дѣла; соображеній государственныхъ не существовало. Того не понимали, что пріобрѣтенное владычество можетъ быть прочнымъ лишь въ томъ случаѣ, если оно опирается на широкую идею національности и поддерживается сильнымъ національнымъ воодушевленіемъ. Съ другой стороны, въ тѣхъ государствахъ, которые, благодаря монархической формѣ правленія, развили свое національное самосознаніе, но въ торговлѣ и промышленности стояли еще на низкой ступени, пробуждалось чувство стыда изъ за того, что такой ничтожный уголокъ земли разыгрываетъ роль господина въ промышленности и торговлѣ, въ рыбныхъ промыслахъ и мореплаваніи. Рядомъ съ этимъ чувствомъ выдвигалось въ Англіи энергія вновь народившейся республики. Навигаціонный актъ былъ перчаткою, которую бросило грядущее владычество Англіи въ лицо дѣйствительному владычеству Голландіи, и когда дѣло дошло до борьбы, оказалось, что значеніе Англіи, какъ націи, далеко выше Голландіи. Въ исходѣ борьбы сомнѣній быть не могло.

Примѣръ Англіи нашелъ подражаніе во Франціи. Кольберъ разсчиталъ, что всю транспортную работу на морѣ выполняютъ приблизительно 20.000 судовъ, изъ которыхъ на долю однихъ голландцевъ приходится 16.000, что безъ всякаго сравненія для столь незначительной націи было слишкомъ много. Вслѣдствіе восшествія Бурбоновъ на испанскій престолъ, Франція распространила свои торговыя сношенія и на Испанію къ явной невыгодѣ голландцевъ. Тоже самое было и съ Левантомъ. При этомъ покрови-

тельство во Франціи внутреннимъ фабрикамъ, собственному мореходству и рыбнымъ промысламъ причинило неисчислимый ущербъ торговлѣ и промышленности голландцевъ.

Благодаря Англіи, Голландія должна была прекратить большую часть своихъ сношеній съ сѣверными государствами, контрабандную торговлю съ Испаніей и ея колоніями, значительную часть своей торговли съ восточной и западной Индіями и лишилась большей части своихъ рыбныхъ промысловъ. Самый чувствительный ударъ нанесенъ былъ ей въ 1703 году Метуэнскимъ договоромъ. Вслѣдствіе этого послѣдовало окончательное разстройство ея торговли съ Португаліей и ея колоніями и съ восточной Индіей.

Когда Голландія начинала упускать изъ своихъ рукъ столь значительную часть внѣшней торговли, здѣсь случилось то же самое, что случилось прежде съ ганзейскими городами и съ Венеціей: та часть матеріальныхъ и умственныхъ капиталовъ, которые теперь не находили примѣненія въ странѣ, перешла или посредствомъ эмиграціи, или въ формѣ займовъ въ тѣ страны, которыя были преемниками голландскаго владычества.

Если бы Голландія, соединившись съ Бельгіей, съ Рейнскимъ бассейномъ и сѣверной Германіей, образовала одну національную территорію, трудно было бы для Англіи и Франціи нанести, посредствомъ войны и торговой политики, ея морскому могуществу, ея внѣшней торговлѣ и внутренней промышленности тотъ ударъ, который былъ ей нанесенъ. Такая нація могла бы торговой системѣ тѣхъ государствъ противопоставить свою собственную торговую систему. Если бы, вслѣдствіе возникновенія фабрикъ въ тѣхъ государствахъ, нѣмецкая промышленность понесла ущербъ, то естественныя богатства страны и иноземная колонизація съ избыткомъ возмѣстили бы эти убытки. Но Голландія пала, потому что населеніе, обитавшее на узкой приморской полосѣ земли, заселенной небольшимъ числомъ нѣмецкихъ рыболововъ, моряковъ, купцовъ и пастуховъ, стремилось изъ себя самого создать національное государство, и часть континента, съ которымъ Голландія составляла одно географическое цѣлое, принималась голландцами въ соображеніе какъ страна чужеземная, съ которою они такъ и обращались.

Такимъ образомъ примѣръ Голландіи, также какъ и Бельгіи, ганзейскихъ городовъ и итальянскихъ республикъ ясно показываетъ, что частные промышленники не въ состояніи непосред-

ственно поддержать торговлю, промышленность и богатство цѣлыхъ государствъ и странъ въ томъ случаѣ, когда общественныя условія не благопріятствуютъ этому, и что отдѣльныя лица большею частію своихъ производительныхъ силъ обязаны политической организаціи управленія и силѣ націи. Послѣ присоединенія къ Франціи ея фабрично-заводская промышленность снова достигла своего древняго исполинскаго развитія. Голландія сама по себѣ рядомъ съ великими державами никогда не была бы въ состояніи развить и поддержать собственную самостоятельную торговую систему. Но послѣ соединенія съ Бельгіею, когда установился всеобщій міръ, какъ только развились ея естественныя средства, увеличилось народонаселеніе и расширилась территорія настолько, что она могла стать въ рядъ съ великими націями и въ самой себѣ найдти огромное количество разнообразныхъ производительныхъ силъ,—и въ Голландіи, какъ видимъ, устанавливается протекціонная система, подъ вліяніемъ которой замѣчается значительный подъемъ въ земледѣліи, фабрично-заводской промышленности и торговлѣ. Это соединеніе по причинамъ, разсмотрѣніе которыхъ не входитъ въ задачу нашего труда, снова распалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ подорвана была для Голландіи и протекціонная система, которая до сихъ поръ еще однако-же прочно держится въ Бельгіи.

Въ настоящее время Голландія живетъ своими колоніями и своею международною торговлею съ Германіей. Но первая война можетъ лишить Голландію ея владѣній, и чѣмъ болѣе германскій таможенный союзъ будетъ направляться къ обезпеченію собственныхъ интересовъ и къ лучшему управленію своими силами, тѣмъ болѣе она будетъ сознавать необходимость присоединить къ себѣ Голландію.

ГЛАВА IV.

Англичане.

При изложеніи исторіи ганзейскихъ городовъ мы видѣли, какъ въ Англіи земледѣліе и овцеводство развилось благодаря внѣшней торговлѣ, какъ позднѣе, вслѣдствіе переселенія въ Англію иностранныхъ фабрикантовъ, подвергавшихся преслѣдованію на своей родинѣ, и благодаря поощрительнымъ мѣрамъ правительства, шер-

стяное фабричное производство страны достигло цвѣтущаго состоянія, какъ вслѣдствіе этихъ успѣховъ въ промышленности, а также мудрой и энергичной политики королевы Елизаветы внѣшняя торговля страны, которая до сихъ поръ почти исключительно велась иностранцами, перешла въ руки туземныхъ купцовъ.

Прибавивъ еще нѣсколько замѣчаній относительно возникновенія англійской промышленности, мы продолжимъ изложеніе развитія англійской національной экономіи съ того момента, на которомъ мы остановились во второй главѣ.

Начала промышленнаго и коммерческаго величія Англіи нужно искать преимущественно въ овцеводствѣ и шерстяномъ производствѣ. Когда ганзейцы явились въ Англію, земледѣліе и овцеводство здѣсь не были значительны. Зимняго корма для скота не было; вслѣдствіе недостатка въ кормѣ, приходилось большую часть скота осенью убивать. Поэтому чувствовался недостатокъ въ стадахъ и въ удобреніи. Подобно тому, какъ во всѣхъ дѣвственныхъ странахъ, какъ прежде въ Германіи, а теперь въ пустыняхъ Америки, главною мясною пищею было свиное мясо—по причинамъ вполнѣ понятнымъ. Свиньи требуютъ самаго незначительнаго ухода, сами себѣ разыскиваютъ кормъ, находя его въ изобиліи въ лѣсахъ и на не воздѣланныхъ поляхъ; кромѣ того, достаточно сохранить за зиму ничтожное число матокъ, для того, чтобы на будущій годъ имѣть значительныя стада.

Но съ появленіемъ иностранныхъ купцовъ свиноводство начало уменьшаться, увеличилось овцеводство, и вообще начало быстро улучшаться земледѣліе и разведеніе рогатаго скота.

Гумъ въ своей Исторіи Англіи *) сообщаетъ очень интересныя данныя относительно сельскаго хозяйства въ Англіи въ началѣ XIV столѣтія. Въ 63 имѣніяхъ лорда Спенсера въ 1327 году было 28.000 овецъ, 1.000 быковъ, 1.200 коровъ, 560 лошадей и 2.000 свиней, слѣдовательно, на одно имѣніе приходилось приблизительно 450 овецъ, 35 головъ рогатаго скота, 9 лошадей и 32 свиньи. Изъ этого можно видѣть, въ какомъ выгодномъ отношеніи стояло уже въ то время въ Англіи число овецъ въ сравненіи съ числомъ скота другихъ породъ. Большія выгоды, которыя извлекались аристократіею изъ овцеводства, возбуждали въ ней интересъ къ про-

*) Hume, vol. II, p. 143.

мышленности и къ улучшенію сельскаго хозяйства уже въ то время, когда аристократія большей части странъ континента не знала лучшаго употребленія своихъ имуществъ, какъ на содержаніе въ помѣстьяхъ огромнаго количества дикихъ звѣрей; когда она не знала болѣе славнаго занятія, какъ вредить городамъ и ихъ торговлѣ всякаго рода враждебными дѣйствіями.

Теперь же, какъ въ послѣднее время въ Венгріи, овцеводство настолько развилось, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ насчитывалось отъ 10.000 до 24.000 овецъ. При такихъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе принятыхъ королевою Елизаветою мѣръ, шерстяная промышленность, которая сдѣлала уже значительные успѣхи при ея предшественникахъ, необходимо должна была быстро достигнуть цвѣтущаго состоянія *).

Въ петиціи ганзейцевъ, на которую мы указывали выше, и въ которой они ходатайствовали предъ германскимъ рейхстагомъ о принятіи реторсіонныхъ мѣръ, вывозъ сукна изъ Англіи опредѣленъ въ 200.000 кусковъ, а во время уже правленія Іакова Перваго цѣнность всего вывозимаго изъ Англіи сукна достигла невѣроятной суммы въ 2 милліона фунтовъ стерлинговъ, между тѣмъ, какъ стоимость всего вывезеннаго изъ Англіи сукна въ 1354 году равнялась только 277.000 фунтовъ, стоимость же прочихъ вывезенныхъ товаровъ всего 16.400 фунтамъ. До царствованія только что названнаго короля большая часть сукна вывозилась въ невыдѣланномъ видѣ въ Бельгію, гдѣ оно получало окончательную выработку и отдѣлку, но благодаря охранительнымъ и поощрительнымъ мѣрамъ Іакова I и Карла I англійская отдѣлка сукна достигла такого совершенства, что теперь ввозъ тонкаго сукна почти прекратился и впредь вывозилось лишь сукно обработанное и отдѣланное.

Чтобы оцѣнить важность этихъ результатовъ англійской торговой политики, необходимо замѣтить, что прежде чѣмъ достигло такихъ огромныхъ размѣровъ развитіе льнянаго, хлопчатобумажнаго, шелковаго и желѣзнаго производства, наибольшую часть мѣновыхъ средствъ доставляло производство суконъ какъ для тор-

*) Запрещеніе вывоза шерсти и ограниченіе торговли шерстью на прибережьѣ для того, чтобы помѣшать ея вывозу, были мѣрами стѣснительными и несправедливыми, тѣмъ не менѣе они оказали сильное вліяніе на поднятіе англійской промышленности и паденіе французской.

говли со всѣми европейскими государствами, такъ и въ сношеніяхъ съ Левантомъ, съ восточною и западною Индіями. О значеніи этого производства можно судить потому, что уже со времени Іакова I шерстяные издѣлія составляли девять десятыхъ всего отпуска Англіи *).

Такая мануфактурная промышленная обезпечила Англіи возможность вытѣснить ганзейцевъ съ рынковъ Россіи, Швеціи, Норвегіи и Даніи и привлечь къ себѣ лучшую долю выгодъ въ торговлѣ съ Левантомъ и обѣими Индіями. Она поставила на прочное основаніе развитіе каменоугольнаго производства, что въ свою очередь обезпечило широкій каботажъ и рыбныя ловли; а то и другое послужило основаніемъ морскаго могущества и дало возможность обнародовать навигаціонный актъ и положить тѣмъ начало англійскому морскому господству. Отъ него, какъ отъ общаго ствола, раскинулись вѣтви всѣхъ другихъ производствъ, и онъ такимъ образомъ является фундаментомъ, на которомъ зиждется промышленное, торговое и морское величіе Англіи.

Между тѣмъ и другія отрасли англійской промышленности не остались въ пренебреженіи. Уже при королевѣ Елизаветѣ былъ воспрещенъ ввозъ металлическихъ и кожевенныхъ издѣлій и массы другихъ продметовъ фабрично-заводской промышленности **), съ другой стороны оказывалось покровительство эмиграціи нѣмецкихъ горнопромышленниковъ, желѣзозаводчиковъ; прежде корабли покупались у ганзейцевъ, или же ихъ заказывали строить въ гаваняхъ Балтійскаго моря; Елизавета посредствомъ охранительныхъ и поощрительныхъ мѣръ создала собственное кораблестроеніе. Необходимые для этого лѣсные матеріалы получались изъ сѣверо-восточныхъ государствъ, а это опять чрезвычайно расширило вывозъ англійскихъ произведеній въ эти страны. Изучивъ сельдяной промыселъ у голландцевъ, китоловный—у жителей Бискайской бухты, Англія способствовала развитію его посредствомъ премій. Особенно заботился о развитіи кораблестроенія и рыбныхъ промысловъ Іаковъ I. Хотя настойчивыя увѣщанія ѣсть рыбу, съ которыми этотъ король постоянно обращался къ своимъ подданнымъ, и могутъ показаться намъ смѣшными, однако необходимо отдать

*) Hume 1603 г.—Macpherson, *Historie du commerce*, 1651 г.

**) Anderson, Jahrgang. 1564.

ему справедливость въ томъ, что онъ совершенно вѣрно понялъ, на чемъ должно покоиться будущее величіе Англіи. Безмѣрно повысились въ Англіи промышленная опытность и фабрично-заводскій капиталъ вслѣдствіе переселенія протестантскихъ фабрикантовъ, изгнанныхъ Филиппомъ II и Людовикомъ XIV изъ Бельгіи и Франціи. Имъ обязана Англія выдѣлкою тонкихъ шерстяныхъ матерій, своими успѣхами въ производствѣ шляпъ, бумаги, часовъ, стеклянныхъ, льняныхъ и шелковыхъ издѣлій, равно какъ и частію своихъ заводовъ для металлургическихъ производствъ; всѣ эти отрасли промышленности она съумѣла быстро поднять посредствомъ запрещенія ввоза или высокихъ таможенныхъ пошлинъ *).

Этотъ островъ заимствовалъ у всѣхъ странъ континента, ихъ спеціальныя искусства и насаждалъ ихъ у себя подъ охраною своей таможенной системы. Венеція должна была уступить ему между другими отраслями производства предметы роскоши и свое искусство въ обработкѣ хрусталя и даже Персія—въ тканьѣ ковровъ.

Разъ овладѣвъ какою либо отраслью промышленности, Англія въ теченіе столѣтій окружала ее своимъ попеченіемъ и лелѣяла ее, какъ молодое деревцо, которое требуетъ опоры и заботъ. Тотъ, кому неизвѣстно, что при трудолюбіи, прилежаніи и бережливости можно всякую отрасль промышленности сдѣлать выгодною, и что въ странѣ, сдѣлавшей уже успѣхи въ земледѣліи и въ культурѣ вообще, новыя фабрики, при соотвѣтственномъ покровительствѣ, какъ бы несовершенны и дороги ни были въ началѣ ихъ произведенія, скоро, вслѣдствіе навыка и опыта, достигаютъ того положенія, на которомъ они могутъ во всѣхъ отношеніяхъ сравняться съ старыми иностранными фабриками; тотъ, кто не знаетъ, что успѣхъ какой либо отдѣльной вѣтви фабричнаго производства обусловливается успѣхомъ многихъ другихъ, и кто не знаетъ, до какой степени въ состояніи страна развить свои производительныя силы, когда она съ постоянствомъ заботится о томъ, чтобы каждое поколѣніе двигало дѣло промышленности впередъ, начиная съ того, до чего довело его предыдущее поколѣніе, тотъ пусть изучаетъ исторію англійской промышленности прежде, нежели рѣшиться на построеніе системы и на преподаніе совѣтовъ полити-

*) Anderson. *Jahrgang. 1685.*

ческимъ и государственнымъ дѣятелямъ, въ рукахъ которыхъ находится благосостояніе или бѣдствіе народа.

Англійскимъ государственнымъ людямъ временъ Георга I, положившимъ основаніе величію страны, давно все это было извѣстно. „Несомнѣнно", говорили этому королю министры при открытіи парламента въ 1721 году, „несомнѣнно, ничто не содѣйствуетъ такъ сильно возвышенію общественнаго благосостоянія, какъ *отпускъ своихъ мануфактурныхъ издѣлій и привозъ иноземныхъ сырыхъ продуктовъ* *).

Положеніе это сдѣлалось руководящимъ принципомъ для торговой политики Англіи на цѣлыя столѣтія, каковымъ прежде оно было для Венеціи. Такимъ же этотъ принципъ остается и теперь, какъ во времена царствованія Елизаветы. Плоды такой политики находятся предъ взорами всего свѣта.

Позднѣе доктринеры доходили до утвержденія, что Англія *не благодаря* торговой политикѣ сдѣлалась государствомъ богатымъ и могущественнымъ, *а вопреки ей*. Можно было бы съ такимъ же правомъ утверждать, что деревья возрастаютъ прямо и плодоносно не благодаря, а на перекоръ подпоркамъ, поддерживавшимъ ихъ правильный ростъ въ нѣжномъ возрастѣ.

Исторія Англіи указываетъ и на то, въ какой тѣсной связи стоитъ тамъ общая политика съ политической экономіей. Очевидно, основаніе фабрикъ въ Англіи и происшедшее отсюда приращеніе народонаселенія вызвало огромный спросъ на соленую рыбу и каменный уголь, вслѣдствіе чего потребовалось сильное увеличеніе количества судовъ, предназначенныхъ для рыбной ловли и каботажа. То и другое находилось въ рукахъ голландцевъ. Поощряемые высокими пошлинами и преміями, англичане теперь сами взялись за рыбные промыслы, а навигаціонный актъ обезпечилъ за ними перевозку каменнаго угля и морскую транспортировку вообще. Вызванное этимъ увеличеніе числа торговыхъ кораблей Англіи дало въ результатѣ пропорціональное увеличеніе ея морскихъ силъ, и флотъ Англіи теперь могъ уже помѣряться съ голланд-

*) Ustaritz. *Théorie du commerce*, гл. 28. Ясно, что Георгъ I вовсе не желалъ покупать и привозить только золота, что выставляютъ основнымъ принципомъ такъ называемой меркантильной системы, и что во всякомъ случаѣ является безсмыслицей; но онъ желалъ вывозить мануфактурные издѣлія, и ввозить сырые матеріалы.

скимъ. Вскорѣ послѣ обнародованія навигаціоннаго акта между Англіей и Голландіей открылась морская война, вслѣдствіе которой торговля Голландіи со странами по ту сторону канала была почти совершенно прервана, и ея корабли были почти истреблены англійскими каперами. По свѣдѣніямъ Гума число кораблей, захваченныхъ англичанами у голландцевъ, простиралось до 1.600, а Давенанъ увѣряетъ, что въ теченіе 28 лѣтъ со времени изданія навигаціоннаго акта англійскій торговый флотъ удвоился *).

Важнѣйшими результатами изданія навигаціоннаго акта слѣдуетъ признать:

1) Расширеніе англійскихъ торговыхъ сношеній со всѣми сѣверными государствами, съ Германіей и Бельгіей (вывозъ фабрично-заводскихъ издѣлій и привозъ сырья), изъ которыхъ, по свидѣтельству Андерсона, относящемуся къ 1603 году, англичане были почти совершенно вытѣснены голландцами.

2) Необыкновенное развитіе контрабандной торговли съ Испаніей и Португаліей и ихъ вестъ-индскими колоніями.

3) Сильное развитіе сельдяныхъ и китоловныхъ промысловъ, которые были почти монополіею Голландіи.

4) Завоеваніе важнѣйшихъ англійскихъ колоній въ Западной Индіи и Ямайкѣ (1665) и пріобрѣтеніе торговли вестъ-индскимъ сахаромъ, въ особенности же:

5) Заключеніе съ Португаліей Метуэнскаго договора (1703 г.), который заставляетъ насъ коснуться Испаніи и Португаліи. Вслѣдствіе этого договора голландцы и нѣмцы были совершенно отстранены отъ важнѣйшей торговли съ Португаліей и ея колоніями; Португалія попала въ полную политическую зависимость отъ Англіи, и благодаря золоту и серебру, которое давала торговля съ Португаліей, Англія пріобрѣтала средства къ расширенію своей торговли съ Восточною Индіею и Китаемъ, къ основанію за тѣмъ великой Остъ-Индской имперіи и къ устраненію голландцевъ съ ихъ главныхъ станціонныхъ пунктовъ.

Два послѣдніе результата стоятъ въ тѣсной связи другъ съ другомъ. При этомъ въ особенности замѣчательна та ловкость, съ которою англичане съумѣли сдѣлать обѣ эти страны, Испанію и Португалію, своими орудіями. Испанія и Португалія могли до-

*) *Hume*, т. V, стр. 39.

ставлять преимущественно благородные металлы; Востокъ, кромѣ суконъ, требовалъ преимущественно только благородныхъ металловъ. До сихъ поръ все шло отлично. Но Востокъ въ обмѣнъ предлагалъ преимущественно хлопчатобумажные и шелковые товары. Но это не соотвѣтствовало приведенному нами выше правилу англійскихъ министровъ ввозить только сырые продукты и вывозить только фабрикаты. Что же дѣлать теперь? Могли ли они удовлетвориться выгодами, которыя имъ обѣщала торговля сукномъ съ Португаліей и торговля шелковыми и хлопчатобумажными товарами съ Восточною Индіею? Ни въ какомъ случаѣ. Англійскіе министры видѣли дальше.

Если бы они разрѣшили привозъ въ Англію остъ-индскихъ хлопчатобумажныхъ и шелковыхъ издѣлій, то англійская хлопчатобумажная и шелковая промышленность немедленно прекратила бы свое существованіе. Остъ-Индія имѣла за себя не только бо́льшую дешевизну сырыхъ матеріаловъ и рабочихъ рукъ, но также и исконную привычку, трудолюбіе и практику. Результаты этихъ преимуществъ при свободной конкурренціи не замедлили бы сказаться. Но Англія не имѣла желанія основывать колоніи въ Азіи съ тѣмъ, чтобы поставить отъ нихъ въ зависимость свою мануфактурную промышленность. Она стремилась къ торговому господству и понимала, что изъ двухъ странъ, при взаимной свободѣ торговли, будетъ господствовать та, которая продаетъ фабрикаты, и въ подчиненномъ положеніи окажется та, которая въ состояніи предложить лишь сельско-хозяйственные продукты. Англія уже относительно своихъ сѣверо-американскихъ колоній приняла основное правило, чтобы тамъ не выдѣлывалось ни одного гвоздя для подковы, а тѣмъ болѣе, чтобы ни одинъ гвоздь, выдѣланный тамъ, не ввозился въ Англію. Возможно ли было поэтому ожидать, чтобы Англія дозволила народу, столь извѣстному своею древнею промышленностію, столь многочисленному, столь экономному, каковы индусы,—имѣть свой собственный мануфактурный рынокъ—основу ихъ будущаго величія?

Англія *воспретила* привозъ къ себѣ товаровъ даже *своихъ собственныхъ факторій* и остъ-индскихъ шелковыхъ и хлопчатобумажныхъ тканей! *) Она запретила ихъ ввозъ вполнѣ и строжайшимъ образомъ, она не желала потреблять ни одной нитки изъ Индіи;

*) Anderson, beim Jahrgang 1721.

она не хотѣла воспользоваться ни чѣмъ изъ этихъ превосходныхъ и дешевыхъ издѣлій; она предпочитала потребленіе дурныхъ и дорогихъ тканей собственной фабрикаціи; она съ удовольствіемъ продавала континентальнымъ странамъ несравненно лучшія остъ-индскія ткани за болѣе дешевыя цѣны; она имъ желала предоставить всѣ выгоды этой дешевизны, себѣ-же не желала ничего изъ всего этого.

Не безсмысленно ли поступала въ этомъ случаѣ Англія? Конечно, если судить съ точки зрѣнія теоріи Адама Смита и Ж. Б. Сэй, съ точки зрѣнія *теоріи цѣнностей*. Ибо по этой теоріи все необходимое нужно покупать тамъ, гдѣ можно купить лучше всего и дешевле всего; безсмысленно было бы въ самомъ дѣлѣ устроить болѣе дорогое собственное производство вмѣсто дешевой покупки, и дешевые товары, такъ сказать, дарить континенту.

Совсѣмъ иначе выходитъ по нашей теоріи, которую мы называемъ *теоріею производительныхъ силъ*, и которую, не изслѣдуя ея основаній, признавали англійскіе министры, придерживаясь правила: *покупать сырье, продавать фабрикаты*. Министры англійскіе *заботились не о пріобрѣтеніи очень дешевыхъ, но преходящихъ мануфактурныхъ издѣлій, а о созданіи съ пожертвованіями дорогой и постоянной мануфактурной силы*.

Они достигли своей цѣли блистательнѣйшимъ образомъ. Теперь Англія производитъ на 70 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ хлопчато-бумажныхъ и шелковыхъ издѣлій, снабжаетъ всю Европу, весь свѣтъ — самую Остъ-Индію — своими фабрикатами. Ея собственная производительность въ настоящее время въ 50—100 разъ значительнѣе той торговли, которую она вела въ былое время остъ-индскими товарами.

Что выиграла бы Англія, если бы сто лѣтъ тому назадъ начала покупать дешевые остъ-индскіе издѣлія?

Что выиграли тѣ, которые покупали эти издѣлія такъ дешево? Англичане пріобрѣли силу, невѣроятную силу; другіе — то, что противополагается силѣ.

Какимъ образомъ, не взирая на такіе историческіе, внѣ сомнѣнія доказанные результаты, Адамъ Смитъ могъ высказать такое превратное сужденіе объ англійскомъ навигаціонномъ актѣ, какъ это было имъ сдѣлано? Это объясняется тѣмъ же, чѣмъ объясняются и сужденія этого знаменитаго писателя, полныя заблужденій,

относительно вообще таможенныхъ ограниченій, какъ это мы увидимъ въ другой главѣ нашего труда. Эти факты становятся поперекъ дороги его излюбленной идеѣ о неограниченной свободѣ торговли, и онъ долженъ для устраненія тѣхъ возраженій, которые могли бы быть сдѣланы противъ его принципа на основаніи тѣхъ результатовъ, къ которымъ привелъ навигаціонный актъ, выставить положеніе, что политическія и экономическія цѣли различны, и утверждать, что навигаціонный актъ, хотя въ политическомъ отношеніи и былъ необходимъ и полезенъ, но въ экономическомъ отношеніи былъ убыточенъ и вреденъ. Какъ мало такое раздѣленіе соотвѣтствуетъ сущности вещей и оправдывается опытомъ, ясно изъ нашего изложенія. Ж. Б. Сэй, не смотря на то, что опытъ Сѣверной Америки могъ бы ему лучше разъяснить дѣло, въ этомъ случаѣ, какъ и всюду, гдѣ принципъ свободы торговли сталкивается съ принципомъ ограниченій, идетъ еще дальше своего предшественника. Сэй вычисляетъ, сколько стоитъ Франціи матросъ, благодаря преміямъ для рыболовныхъ промысловъ, чтобы доказать невыгодность подобныхъ премій. Вообще вопросъ объ ограниченіи мореплаванія для защитниковъ неограниченной свободы торговли является камнемъ преткновенія, который ими охотно обходится даже молчаніемъ, въ особенности если они принадлежатъ къ торговому сословію приморскихъ городовъ.

Истина одна: относительно ограниченія судоходства дѣло обстоитъ такъ-же, какъ относительно всякихъ торговыхъ сношеній. Свобода судоходства и свобода торговля иностранцевъ кажется всякой странѣ полезною и желательною въ началѣ ея культурнаго развитія, пока у нея не разовьется собственное земледѣліеи и не возникнутъ собственныя фабрики. За недостаткомъ капиталовъ и опытныхъ моряковъ такія страны охотно предоставляютъ внѣшнюю торговлю чужеземцамъ. Позднѣе, когда онѣ разовьютъ до извѣстной степени свои производительныя силы, и мало по малу пріобрѣтутъ свѣдѣнія въ кораблестроеніи и мореплаваніи, у нихъ пробуждается желаніе расширить свою внѣшнюю торговлю, вести ее на собственныхъ корабляхъ и создать собственный флотъ. Постепенно ихъ собственное мореплаваніе достигаетъ значительныхъ размѣровъ, и тогда онѣ чувствуютъ уже себя въ силахъ отказаться въ этомъ отношеніи отъ чужой помощи и вести свою расширяющуюся торговлю на собственныхъ корабляхъ. Тогда наступаетъ время для

успѣшнаго примѣненія извѣстныхъ ограниченій въ видахъ удаленія отъ этихъ операцій богатыхъ, опытныхъ и могущественныхъ чужеземцевъ. Но на высшей ступени развитія ихъ мореплаванія и флота снова наступаетъ другой моментъ, о которомъ док. Пристлей выразился: нужно быть настолько же благоразумнымъ для отмѣны навигаціонныхъ ограниченій, насколько и для ихъ примѣненія *). Тогда онѣ, посредствомъ заключенія трактатовъ о мореплаваніи на равномъ правѣ, съ одной стороны пріобрѣтаютъ несомнѣнныя выгоды въ сношеніяхъ съ націями, отставшими отъ нихъ въ мореплаваніи, съ другой—предохраняютъ своихъ собственныхъ моряковъ отъ апатіи и принуждаютъ ихъ развивать кораблестроеніе и мореплаваніе наравнѣ съ другими націями **). Венеція въ періодъ своего поступательнаго движенія безъ сомнѣнія много была обязана ограниченіямъ въ мореплаваніи; достигнувъ же верховенства въ торговлѣ, промышленности и мореплаваніи, она сдѣлала величайшую ошибку, сохранивъ эти ограниченія. Благодаря именно этому обстоятельству, она далеко отстала въ кораблестроеніи, равно какъ и въ искусствѣ мореплаванія и въ пригодности своихъ матросовъ—отъ тѣхъ морскихъ и торговыхъ державъ, которыя развивались рядомъ съ нею. Такъ, Англія своею политикою увеличила свой флотъ и, благодаря флоту, развила свою фабрично-заводскую и торговую промышленность, а изъ развитія послѣдней должно опять возникнуть новое усиленіе ея флота и увеличеніе колоніальныхъ владѣній.

Адамъ Смитъ, хотя онъ и утверждаетъ, что навигаціонный актъ не былъ полезенъ для Англіи въ коммерческомъ отношеніи, добавляетъ тѣмъ не менѣе, что этотъ актъ во всякомъ случаѣ увеличилъ ея могущество, и что *могущество* ***) *важнѣе, нежели богатство.*

И это такъ на самомъ дѣлѣ: могущество важнѣе, нежели богатство. Почему оно важнѣе? Потому, что могущество націи есть сила, способность открывать новые источники средствъ, и потому, что производительныя силы суть то дерево, на которомъ возра-

*) Priestley, *lectures on history and general policy.* P. II. p. 289.

**) Англія въ 1849 г. приняла именно эту политику, хотя примѣняла ее съ извѣстною постепенностію. *Прим. К. В. Тр—ва.*

***) Ад. Смитъ говоритъ *безопасность* или обезпеченность государства, а не могущество. *Прим. К. В. Тр—ва.*

стаютъ богатства, потому наконецъ, что дерево, приносящее плодъ, несравненно цѣннѣе, чѣмъ самый плодъ. Могущество важнѣе богатства потому, что могущественная нація не только открываетъ себѣ новые производительные источники, но и сохраняетъ старыя и прежде ею пріобрѣтенныя богатства, и потому, что, напротивъ, нація, противоположная таковой—нація слабая; не только то, чѣмъ она владѣетъ, но и свои производительныя силы, свою культуру, свою свободу, даже свою національную самостоятельность отдаетъ она въ руки тѣхъ, которыя превосходятъ ее могуществомъ, какъ ясно показываетъ исторія итальянскихъ республикъ, Ганзейскаго союза, Бельгіи, Голландіи, Испаніи и Португаліи.

Какимъ же образомъ при такомъ развитіи могущества, производительныхъ силъ и богатства Адамъ Смитъ могъ утверждать, что Метуэнскій договоръ и навигаціонный актъ въ коммерческомъ отношеніи были невыгодны для Англіи?

Мы показали, какимъ образомъ Англія, благодаря своей политикѣ, достигла могущества, благодаря могуществу—развила свои производительныя силы и благодаря послѣднимъ—пріобрѣла богатство; теперь увидимъ, какъ у нея, благодаря ея политикѣ, громоздилось могущество на могущество, производительныя силы на новыя производительныя силы.

Англія захватила ключи ко всѣмъ морямъ и всюду разставила стороженые посты; для Германіи — Гельголандъ, для Франціи — Гвернезей и Іерзей, для Сѣверной Америки—новую Шотландію и Бермудскіе острова, для Средней Америки — Ямайку, для всѣхъ прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря—Гибралтаръ, Мальту и Іонійскіе острова; она овладѣла всѣми этапными пунктами по обоимъ путямъ въ Индію, исключая Суэцкаго перешейка, къ обложенію которыхъ стремится; она заперла Средиземное море Гибралтаромъ, Красное море—Аденомъ, и Персидскій заливъ—Буширомъ Карракомъ. Ей не хватаетъ только Дарданеллъ, Зунда, перешейковъ Суэцкаго и Панамскаго для того, чтобы всѣ моря запирать и открывать по своему желанію.

Ея морскія силы выше морскихъ силъ всѣхъ другихъ націй, если не по количеству кораблей, то по опытности моряковъ.

Ея фабрично-заводская промышленность по своему значенію превосходитъ таковую же всѣхъ другихъ націй. Не смотря на то, что со времени Іакова I ея суконная мануфактурная промышлен-

ность болѣе чѣмъ удесятерилась (44½ милліона фунт. стерл.), другая *новая развившаяся* въ теченіе послѣдняго столѣтія отрасль промышленности, хлопчатобумажная достигли еще большихъ размѣровъ, а именно 52½ мил. ф. ст. *).

Не удовлетворившись этимъ, она вознамѣрилась и свою льняную промышленность, въ которой она издавна отстала отъ другихъ націй, поднять на такую же высоту, если еще не болѣе, какъ обѣ вышеуказанныя отрасли промышленности; теперь производительность ея въ этомъ отношеніи достигаетъ уже 15½ мил. ф. стерл.

Еще въ XIV вѣкѣ настолько бѣдная желѣзомъ, что считала нужнымъ запретить вывозъ этого необходимаго металла, Англія въ XIX столѣтіи выработываетъ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій больше, нежели всѣ прочія націи всего свѣта, а именно на 31 милл., а производительность каменнаго угля и другихъ матеріаловъ достигаетъ суммы 34 милл. фунтовъ стерлинговъ. Эти обѣ суммы (1.620 милл. франковъ) въ семь разъ превосходятъ стоимость всего золота и серебра, добываемаго другими странами земнаго шара (приблизительно 220 милліоновъ франковъ).

Она въ настоящее время выдѣлываетъ шелковыхъ матерій больше, чѣмъ всѣ итальянскія республики среднихъ вѣковъ вмѣстѣ взятыя, именно на 13½ мил. фунтовъ стерл.

Отрасли промышленности, которыхъ названіе во времена Генриха VIII и Елизаветы едва было извѣстно, достигли теперь огромнаго развитія, напримѣръ, стеклянное, фарфоровое и фаянсовое производства—11 милліоновъ, мѣдное и латунное—4½ мил., бумажное и книжное, красочное и мебельное — 14 милліоновъ фунтовъ. Она производитъ на 16 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ кожевенныхъ товаровъ, и на 10 милліоновъ непоименованныхъ товаровъ; ея только пивное и винокуренное производства достигаютъ несравненно большей цѣнности, нежели производство всей страны временъ Іакова I, а именно 47 милліоновъ фунтовъ.

---

*) Мы заимствуемъ эти и слѣдующія цифры, касающіяся Англіи, изъ сочиненія извѣстнаго англійскаго статистика Макъ-Кинга, помѣщенныя въ Tait's Edinburgh Magazine, іюль 1839. Возможно, что онѣ преувеличены. Возможенъ, однако, и тотъ случай, и это болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ теченіе настоящаго столѣтія онѣ окажутся вѣрными.

Вся фабрично-заводская промышленность трехъ соединенныхъ королевствъ въ новѣйшее время достигаетъ 259½ фунтовъ стерлинговъ.

Вслѣдствіе *главнымъ образомъ* такой невѣроятной фабрично-заводской промышленности, продуктивная сила земледѣлія достигла такой энергіи, что цѣнность ея продуктовъ *больше чѣмъ вдвое превышаетъ* только что приведенную сумму (539 милліоновъ).

Правда, этимъ развитіемъ могущества и производительныхъ силъ Англія обязана не только ограниченіямъ торговли, ея навигаціонному и торговымъ договорамъ, но и тѣмъ завоеваніямъ, которыя ею сдѣланы въ области наукъ и искусствъ.

Отчего зависитъ то, что въ наше время милліонъ англійскихъ фабричныхъ рабочихъ въ состояніи исполнять работу сотенъ милліоновъ? Это зависитъ отъ огромнаго спроса на продукты фабрично-заводской промышленности, который былъ созданъ разумною и энергическою англійскою политикою за границею и главнымъ образомъ въ ея колоніяхъ; отъ мудраго и сильнаго таможеннаго покровительства, которое оказывалось Англіею своей внутренней промышленности; отъ высокихъ премій, которыя она при помощи своихъ законовъ о привиллегіяхъ устанавливала за каждое новое изобрѣтеніе; отъ чрезвычайнаго развитія ея внутреннихъ путей сообщенія вслѣдствіе устройства шоссе, каналовъ и желѣзныхъ дорогъ.

Англія доказала міру, какое сильное вліяніе оказываютъ пути сообщенія на развитіе производительныхъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на увеличеніе богатствъ, народонаселенія и политическаго могущества; она доказала, чего можетъ достигнуть во время войнъ, въ короткое время полустолѣтія, свободная, трудолюбивая и хорошо управляемая нація. Что такое въ сравненіи съ нею дѣятельность итальянскихъ республикъ въ этомъ отношеніи? — дѣтская игра. Цѣнность этого великаго аппарата національныхъ производительныхъ силъ Англіи равняется суммѣ въ 118 милліоновъ фунтовъ *).

*) Эта сумма возросла до огромныхъ размѣровъ съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ. Еще въ 1848 году стоимость всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, построенныхъ съ разрѣшенія парламента, простиралось до шести милліардовъ франковъ.
Прим. К. В. Тр—ва.

когда ея фабрично-заводская промышленность начала упрочиваться. Съ тѣхъ поръ стало очевидно для всякаго, что такихъ результатовъ могла достигнуть только такая нація, фабрично-заводская промышленность которой начинаетъ развертываться въ широкихъ размѣрахъ; что только у такой націи, которая равномѣрно развиваетъ внутри страны заводско-фабричную промышленность и земледѣліе, огромныя выгоды, отсюда проистекающія, покрываютъ затраченныя на нихъ издержки, что только у такой націи эти драгоцѣнныя орудія прогресса какъ слѣдуетъ выполняютъ свою работу.

Безъ сомнѣнія, невѣроятная сила производительности, колосальное богатство Англіи не есть результатъ только физической мощи націи и корыстолюбія отдѣльныхъ личностей; исконное чувство свободы и права, энергія, религіозность и нравственность народа много этому содѣйствовали; внесли сюда свою долю вліянія и конституція страны, государственныя установленія, мудрость и сила правительства и аристократіи; имѣли значеніе и географическое положеніе, исторія страны, даже счастливыя случайности.

Трудно сказать, что оказываетъ болѣе могущественное вліяніе, матеріальныя ли силы на умственныя, или умственныя на матеріальныя—общественныя ли силы на индивидуальныя, или индивидуальныя на общественныя. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что и тѣ и другія находятся въ сильномъ взаимодѣйствіи, что развитіе однихъ вызываетъ развитіе другихъ, и что ослабленіе однихъ постоянно влечетъ за собою ослабленіе другихъ.

Тѣ, которые ищутъ основныхъ причинъ возвышенія Англіи единственно въ смѣшеніи англо-саксонской крови съ нормандскою, пусть бросятъ взглядъ на состояніе этой страны до Эдуарда III. Гдѣ тогда было прилежаніе и трудолюбіе націи? Тѣ, кто отыскиваетъ ихъ въ конституціонной свободѣ страны, пусть припомнитъ, какъ Генрихъ VIII и Елизавета обходились съ своими парламентами. Гдѣ была тогда конституціонная свобода? Въ то время Германія и Италія въ ихъ городахъ пользовались несравненно большею долею индивидуальной свободы, нежели Англія *).

*) Взглядъ Листа на форму государственнаго управленія для того или другаго государства высказанъ имъ въ предисловіи къ этому сочиненію: «Иная, говоритъ онъ, чѣмъ конституціонно-монархическая форма правленія принесла бы Германіи не менѣе бѣдствій, чѣмъ монархическая Соединеннымъ Штатамъ

Только одинъ драгоцѣнный цвѣтокъ свободы сохранила англо-саксонско-норманская вѣтвь среди другихъ народовъ германскаго происхожденія—цвѣтокъ этотъ былъ зерномъ, изъ котораго выросло все чувство свободы и права Англіи,—это судъ присяжныхъ.

Когда въ Италіи выкопали изъ земли Панденты, и этотъ трупъ (во всякомъ случаѣ великаго мертвеца, мудреца при жизни) распространилъ кровавую заразу на континентѣ, англійскіе бароны рѣшили: *„никакихъ измѣненій въ англійскихъ законахъ!“* Какую сумму моральныхъ силъ обезпечили они будущимъ поколѣніямъ! Какое дѣйствіе оказывала позднѣе эта моральная сила на силы матеріальной производительности!

Латинскій языкъ былъ своевременно исключенъ изъ общества и литературы, изъ административныхъ и судебныхъ учрежденій. Какъ отразилась эта мѣра на развитіи націи, на ея законодательствѣ и судебныхъ установленіяхъ, на ея литературѣ и промышленности? Какое вліяніе оказало болѣе продолжительное употребленіе этого языка въ Германіи въ связи съ чужеземнымъ правомъ? Какое вліяніе оказывалъ латинскій языкъ до нашего времени въ Венгріи? Какъ отозвались въ Англіи на свободѣ и цивилизаціи и на промышленности изобрѣтеніе пороха и книгопечатанія, реформація, открытіе новаго пути въ Остъ-Индію и открытіе Америки? Изучите послѣдствія этихъ событій на Германіи и Франціи и сравните. Въ Германіи: смуты въ государствѣ и въ провинціяхъ вплоть до городскихъ стѣнъ, несчастные раздоры, варварство въ литературѣ, въ государственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ; междоусобная война, преслѣдованія и ссылки, чужеземныя нашествія, опустошенія и раззоренія; раззореніе городовъ, промышленности, земледѣлія и торговли, упадокъ свободы и городскаго самоуправленія; суверенитетъ высшей аристократіи; ослабленіе императорской власти и національныхъ особенностей; отпаденіе лучшихъ частей имперіи. Во Франціи: безусловное подчиненіе городовъ и аристократіи абсолютизму; союзъ послѣдняго съ клерикализмомъ противъ свободы мысли; но при этомъ національное единство и могущество; завоеваніе съ его выгодами и проклятіями, въ то же

или конституціонная Россія. Та форма правленія должна быть признана наилучшею, которая болѣе всего соотвѣтствуетъ генію и состоянію націи и въ особенности той степени культуры, на которой она стоитъ».

Прим. К. В. Тр—ва.

время упадокъ свободы и промышленности. Въ Англіи: развитіе городовъ, земледѣлія, торговли и промышленности; подчиненіе аристократіи законамъ; съ другой стороны преимущественное участіе ея въ законодательствѣ, въ государственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ и въ выгодахъ отъ промышленности; развитіе внутреннее и увеличеніе могущества внѣшняго; внутренній міръ; вліяніе на всѣ менѣе цивилизованныя страны; ограниченіе королевской власти, но къ выгодѣ короны, которая выигрываетъ въ доходахъ, блескѣ и прочности; однимъ словомъ: высокая степень благосостоянія, цивилизаціи и свободы внутри и преобладающее могущество внѣ страны.

Кто однако можетъ сказать, какую долю изъ этихъ благотворныхъ результатовъ слѣдуетъ принять на счетъ интеллектуальнаго развитія націи и ея конституціи, или какую на счетъ ея географическаго положенія и предшествующаго состоянія, или какую, наконецъ, на счетъ простаго случая, судьбы или счастія?

Поставьте на мѣсто Карла V — Генриха VIII, и вслѣдствіе возбужденнаго жалкаго бракоразводнаго процесса *быть можетъ* — (понятно, почему мы говоримъ: быть можетъ) изъ Германіи и Нидерландовъ вышло бы то же, что изъ Англіи, а изъ Англіи то, что вышло изъ Испаніи. Поставьте на мѣсто Елизаветы слабую женщину, которая вышла бы за мужъ за Филиппа II, что сталось бы съ могуществомъ, культурою и свободою Великобританіи?

Если бы въ этихъ переворотахъ дѣла рѣшалъ народный геній, не выпала ли бы лучшая часть этихъ благодѣтельныхъ результатовъ на долю той націи, въ которой этотъ геній зародился—нѣмецкой? Ноэта нація отъ этихъ успѣховъ получила лишь несчастіе и слабость.

Ни въ одной странѣ Европы не встрѣчаемся мы съ столь мудрымъ устройствомъ дворянства, какъ въ Англіи. Это устройство обезпечиваетъ здѣсь аристократіи, по отношенію къ коронѣ, такъ-же какъ и въ буржуазіи, индивидуальную независимость, достоинство и прочность, предоставляетъ ей парламентарное воспитаніе и положеніе, чтобы дать ея усиліямъ направленіе патріотическое и національное, равно способы къ привлеченію въ свой составъ изъ избранныхъ членовъ буржуазіи всякаго, кто въ ней особенно выдается по уму, огромному богатству или блестящимъ заслугамъ на тотъ конецъ, чтобы избытокъ своего потомства снова возвращать буржуазіи и такимъ образомъ аристократія и буржуазія въ послѣдую-

щихъ поколѣніяхъ сливаются другъ съ другомъ. Такимъ образомъ аристократія получаетъ отъ буржуазіи постоянный притокъ свѣжихъ силъ, поддерживающій въ ней гражданственность и патріотическую бодрость, просвѣщеніе, умственныя и матеріальныя богатства; аристократія-же сообщаетъ буржуазіи извѣстную долю своего, ей присущаго образованія и независимости мысли, предоставляя своихъ младшихъ сыновей своимъ собственнымъ силамъ и возбуждая въ буржуазіи стремленія на великіе подвиги. У англійскаго лорда, какъ бы много онъ ни имѣлъ дѣтей, за столомъ сидитъ лишь одинъ благородный; его остальныя дѣти— участники общаго стола, они обезпечиваютъ себя или ученою профессіею, или государственною службою, или посвящаютъ себя торговлѣ, промышленности, земледѣлію. Разсказываютъ, что нѣсколько времени тому назадъ одинъ изъ первыхъ англійскихъ герцоговъ возымѣлъ намѣреніе пригласить на праздникъ всѣхъ родственниковъ своего дома, но онъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, потому что этихъ родственниковъ былъ легіонъ, не смотря на то, что его родъ восходилъ лишь за нѣсколько столѣтій. Нужно написать цѣлую книгу, чтобы показать вліяніе этого института на развитіе духа предпріимчивости, колонизаціи, могущества и свободы, а главное производительныхъ силъ націи.

Географическое положеніе Англіи имѣло также безмѣрное вліяніе на самостоятельное развитіе націи. Англія, въ противоположность Европѣ, *всегда была цѣлымъ міромъ для самой себя*, всегда была свободна отъ вліянія зависти, предразсудковъ, эгоизма, страстей и несчастій прочихъ государствъ и націй. Этой изолированности положенія, большею частію, обязана она свободнымъ и безпримѣснымъ развитіемъ своихъ установленій,—спокойнымъ введеніемъ реформаціи и столь плодотворною для ея промышленности секуляризаціею церковныхъ имуществъ; ей обязана она счастіемъ, что въ теченіе столѣтій пользовалась, за исключеніемъ междоусобныхъ воинъ, непрерывнымъ миромъ; эта изолированность сдѣлала ненужнымъ *для нея* содержаніе постоянной арміи и облегчила ей раннее развитіе послѣдовательной таможенной системы.

Вслѣдствіе этой изолированности Англія не только была свободна отъ невыгоднаго вліянія войны, но извлекала еще изъ континентальныхъ войнъ огромныя выгоды для своего мануфактурнаго верховенства. Раззореніе вслѣдствіе войнъ всегда наноситъ разно-

образный вредъ фабрикамъ тѣхъ странъ, въ которыхъ они велись,— во первыхъ косвенно—тѣмъ, что онѣ, прерывая и разстраивая сельское хозяйство, лишаютъ земледѣльцевъ возможности пріобрѣтать фабрикаты и продавать фабрикантамъ сырые матеріалы; во вторыхъ непосредственно, такъ какъ во время войнъ фабрики часто подвергались разрушенію, или же прекращался подвозъ къ нимъ сырыхъ продуктовъ и отправка товаровъ, что затрудняло находить капиталы и занимать рабочихъ, между тѣмъ какъ тѣ же фабрики должны были платить огромныя контрибуціи и налоги. Наконецъ, войны даже и послѣ ихъ окончанія продолжали оказывать невыгодное вліяніе на промышленность, такъ какъ капиталы и рабочія руки послѣ войны всегда отъ фабрикъ стремятся къ земледѣлію настолько, насколько нанесенъ былъ послѣднему вредъ опустошеніями войны, и насколько для капиталовъ и рабочихъ рукъ по заключеніи мира является выгоднѣе занятіе земледѣліемъ, сравнительно съ фабричною работою. Въ то время какъ фабрики и заводы Германіи въ теченіе одного столѣтія два раза должны были пережить подобное состояніе, англійскія фабрики продолжали развиваться безпрерывно. Англійскія фабрики, въ противоположность континентальнымъ, получали двойныя и тройныя выгоды всякій разъ, какъ Англія принимала участіе во внѣшнихъ войнахъ или посредствомъ снаряженія флота и арміи, или посредствомъ субсидій, или тѣмъ и другимъ способомъ одновременно.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые защищаютъ безполезные расходы, а въ особенности расходы, вызываемыя войною и необходимостію содержанія огромныхъ армій, или къ числу тѣхъ, которые поддерживаютъ безусловную пользу значительныхъ государственныхъ долговъ; но съ другой стороны мы не думаемъ также, что господствующая школа совершенно права, когда она считаетъ безусловно вредными всѣ тѣ издержки, которыя непосредственно не оказываются производительными, какъ наприм. на войны. Вооруженіе армій, войны и проистекающіе отсюда государственные долги могутъ, какъ показываетъ примѣръ Англіи, при извѣстныхъ обстоятельствахъ вызывать замѣчательно сильное увеличеніе производительныхъ силъ націи. Матеріальные капиталы могутъ всетаки быть употреблены въ тѣсномъ смыслѣ слова непроизводительно, но это употребленіе, тѣмъ не менѣе можетъ вызвать необычайное напряженіе, новыя открытія и усо-

вершенствованія, какъ и вообще увеличеніе производительныхъ силъ Эти производительныя силы въ такомъ случаѣ дѣлаются постоянными; онѣ крѣпнутъ больше и больше, между тѣмъ какъ расходъ на войну имѣетъ мѣсто только однажды *). И такимъ образомъ при благопріятныхъ условіяхъ, какъ это было въ Англіи, можетъ оказаться, что нація, вслѣдствіе тѣхъ расходовъ, которые теоретиками считаются непроизводительными, выиграетъ больше, нежели потеряетъ. Что это въ Англіи дѣйствительно такъ, можно доказать цифрами. Эта нація, за время войны, пріобрѣла для одной только хлопчато-бумажной промышленности производительную силу, которая даетъ ежегодно сумму богатства, далеко превышающую тѣ проценты, которые нація уплачиваетъ по своему государственному долгу **), не говоря уже о безмѣрномъ развитіи всѣхъ прочихъ отраслей промышленности и объ увеличеніи ея колоніальныхъ богатствъ.

Особенно очевидны были выгоды, которыя извлекала Англія, когда она, благодаря своему промышленному преобладанію, принимала участіе въ континентальныхъ войнахъ, или когда поддерживала на континентѣ арміи или давала субсидіи. Всѣ эти издержки производились на мѣстѣ военныхъ дѣйствій въ формѣ англійскихъ

---

*) Государственный долгъ Англіи не былъ бы такимъ зломъ, какимъ онъ кажется намъ въ настоящее время, если бы англійская аристократія согласилась, чтобы онъ своею тяжестью упалъ на тѣхъ, кому послужили въ пользу военныя издержки, т. е. на богатыхъ. Согласно Макъ-Кингу, капиталъ трехъ королевствъ достигаетъ 4 милліардовъ фунтовъ стерл. (100 милліардовъ франковъ), а Мартинъ полагаетъ размѣръ капиталовъ, сосредоточенныхъ въ колоніяхъ, равнымъ приблизительно 2 милліардамъ 600 милліонамъ ф. с. (60 милліардовъ франковъ). Отсюда слѣдуетъ, что девятая часть капиталовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ въ состояніи была бы покрыть весь государственный долгъ. Ничего не было бы справедливѣе подобнаго погашенія долга или по крайней мѣрѣ того, чтобы проценты по государственнымъ займамъ покрывались подоходнымъ налогомъ. Но англійская аристократія находитъ, однако, болѣе удобнымъ покрывать ихъ налогомъ на предметы потребленія, вслѣдствіе чего существованіе рабочихъ классовъ доведено до невозможнаго положенія. *Прим. автора.*

— Извѣстно, что Робертъ Пиль въ 1842 году заставилъ принять законъ о налогѣ съ доходовъ—первое условіе его извѣстныхъ реформъ.

Прим. К. В. Тр—ва.

**) Изреченіе Ричарда Арквригта, что доходъ, получаемый съ однихъ только хлопчато-бумажныхъ мануфактуръ Англіи, покроетъ весь ея государственный долгъ, сдѣлалось народною поговоркою. *Прим. К. В. Тр—ва.*

фабрикатовъ, и этотъ сбытъ рѣшительно велъ къ тому, что во-первыхъ окончательно подавлялъ и безъ того уже находящихся въ тягостномъ положеніи иностранныхъ фабрикантовъ, а во-вторыхъ—завоевывалъ иностранный рынокъ навсегда для англійской промышленности; эти издержки дѣйствовали такъ же, какъ вывозныя преміи — въ пользу собственныхъ и къ невыгодѣ иностранныхъ предметовъ производства.

Такимъ образомъ континентальная промышленность всегда страдала больше отъ дружбы, нежели отъ враждебности Англіи. Мы припомнимъ здѣсь только семилѣтнюю войну, войну противъ Французской республики и имперіи.

Какъ ни были велики вышеуказанныя выгоды, ихъ результаты еще усиливались тѣми выгодами, какія извлекала Англія изъ эмиграціи, обусловленной политическимъ, религіознымъ и географическимъ положеніемъ. Уже въ XII вѣкѣ политическія отношенія принудили фландрскихъ ткачей шерстяныхъ матерій переселиться въ Валлисъ. Нѣсколько столѣтій спустя, итальянскіе изгнанники явились въ Лондонъ, чтобы открыть здѣсь банкирскія конторы. О томъ, что изъ Фландріи и Брабанта въ разное время переселилась цѣлая масса фабрикантовъ, было уже сообщено во 2-й главѣ. Изъ Испаніи и Португаліи являлись подвергавшіеся преслѣдованію евреи, изъ ганзейскихъ городовъ и изъ клонившейся уже къ упадку Венеціи купцы съ своими кораблями, своею торговою опытностью и капиталами, съ своимъ духомъ предпріимчивости. Эмиграція капиталовъ и фабрикантовъ особенно усилилась вслѣдствіе реформаціи и религіозныхъ преслѣдованій въ Испаніи, Португаліи, Бельгіи, Германіи и Франціи; а затѣмъ—эмиграція купцовъ и фабрикантовъ изъ Голландіи, вслѣдствіе застоя въ торговлѣ и промышленности, вызваннаго навигаціоннымъ актомъ и Метуэнскимъ договоромъ. При всякомъ политическимъ движеніи, при всякой войнѣ на континентѣ Англія привлекала къ себѣ массу капиталовъ и способностей, такъ какъ она пользовалась какъ бы привиллегіею свободы и убѣжища, внутренняго покоя и мира, защиты закона и благосостоянія; то же самое произвела, наконецъ, революція и войны имперіи; то же самое—политическія движенія и революціонныя и реакціонныя движенія и войны въ Испаніи, Мексикѣ и Южной Америкѣ. Долго Англія, благодаря своимъ законамъ о привиллегіяхъ, пользовалась монополіею на изобрѣтенія всѣхъ націй.

Поэтому справедливо, конечно, что Англія въ настоящее время, достигнувъ наибольшей высоты своего промышленнаго развитія, возвращаетъ континентальнымъ націямъ часть производительныхъ силъ, которыя она у нихъ заимствовала.

ГЛАВА V.

Испанцы и португальцы.

Въ то время какъ англичане въ теченіе вѣковъ старались утвердить на прочномъ основаніи зданіе ихъ національнаго благосостоянія, испанцы и португальцы, благодаря, своимъ открытіямъ, быстро достигли благосостоянія и въ короткое время пріобрѣли огромныя богатства. Но это богатство было подобно богатству расточителя, который выигралъ его въ лотерею, между тѣмъ какъ богатство Англіи походило на имущество трудолюбиваго и экономнаго отца семейства. Положеніе перваго, благодаря его тратамъ и роскоши, могло казаться нѣкоторое время завиднымъ въ сравненіи со вторымъ; но для перваго это богатство является лишь средствомъ для мотовства и временнаго удовольствія, между тѣмъ какъ послѣдній смотритъ на богатство главнымъ образомъ, какъ на средство обезпеченія умственнаго и матеріальнаго существованія своихъ потомковъ.

Испанцы такъ рано владѣли стадами тонкорунныхъ овецъ, что уже Генрихъ I, король Англіи (1772), чувствовалъ необходимость въ запрещеніи ввоза въ Англію испанской шерсти, а итальянскія шерстяныя фабрики уже въ десятомъ и одиннадцатомъ столѣтіяхъ для своей дѣятельности большую часть шерсти вывозили изъ Испаніи. Уже за два вѣка предъ тѣмъ жители Бискайской бухты были извѣстны желѣзодѣлательнымъ производствомъ, мореплаваніемъ и рыбными промыслами.

Они главнымъ образомъ занимались ловлею китовъ и еще въ 1619 году настолько стояли въ этомъ отношеніи выше англичанъ, что послѣдніе должны были посылать къ нимъ своихъ рыбаковъ для изученія этой отрасли рыбныхъ промысловъ *)

Уже въ десятомъ столѣтіи при Абдулрахманѣ III (912—950)

*) Anderson, Vol. 1 p. 126.—Vol. 2 p. 350.

мавры на плодоносныхъ равнинахъ Валенціи имѣли плантаціи хлопка, сахарнаго тростника и риса и занимались тамъ шелководствомъ. Въ Кордовѣ, Севильѣ и Гренадѣ во время владычества мавровъ существовали значительныя хлопчато-бумажныя и шелковыя фабрики *). Геренція, Сеговія, Толедо и много другихъ городовъ Кастиліи извѣстны были своими шерстяными фабриками. Одна Севилья въ прежнее время насчитывала 16.000 ткацкихъ станковъ, а на шерстяныхъ фабрикахъ Сеговіи еще въ 1552 году работало до 13.000 человѣкъ. Въ такомъ же отношеніи развиты были и прочія отрасли промышленности, каковы оружейные заводы и бумажныя фабрики. Еще во времена Кольбера Испанія снабжала своимъ сукномъ Францію **). Испанскія гавани оживлены были обширною торговлею и большими рыбными промыслами, и до временъ Филиппа II государство обладало могущественнѣйшимъ флотомъ. Однимъ словомъ, Испанія владѣла всѣми элементами величія и благосостоянія, когда фанатизмъ въ союзѣ съ деспотизмомъ начали подавлять великій духъ націи. Это движеніе темной силы открылось изгнаніемъ евреевъ и закончилось изгнаніемъ мавровъ, вслѣдствіе чего два милліона трудолюбивѣйшихъ и богатѣйшихъ жителей промышленниковъ были выброшены изъ Испаніи вмѣстѣ съ ихъ капиталами. Въ то время какъ инквизиція прилагала всѣ старанія къ изгнанію изъ страны туземной промышленности, она такъ же рѣшительно препятствовала водворенію въ странѣ иностранныхъ фабрикантовъ. Открытіе Америки и пути чрезъ мысъ Доброй Надежды лишь повидимому, и при томъ временно, увеличило богатство обѣихъ странъ. Ихъ національной промышленности и могуществу былъ нанесенъ смертельный ударъ. Ибо вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, обмѣнивать продукты Восточной и Западной Индіи на произведенія своей фабрично-заводской промышленности, онѣ покупали эти товары у другихъ націй на то золото и серебро, которое онѣ вымогали въ своихъ колоніяхъ ***), онѣ своихъ трудолюбивыхъ и полезныхъ гражданъ пре-

*) M. G. Simon, *Recucil d'observations sur l'Angleterre.* Mémoires et considirations sur le commerce et les finances d'Espagne. Ustaritz, *Théovie et pratique du commerce.*

**) Chaptal, *De l'industrie française.* Vol. II. p. 245.

***) Главный предметъ вывоза португальцевъ изъ Средней и Южной Америки заключался въ благородныхъ металлахъ. Съ 1748 по 1753 годъ ежегодно

образовали въ стражей рабовъ и колоніальныхъ деспотовъ, онѣ давали пищу промышленности, торговлѣ и морскимъ силамъ голландцевъ и англичанъ, возбуждая въ нихъ зависть, а тѣ скоро пріобрѣли достаточно силы для того, чтобы разбить ихъ флоты и лишить ихъ источниковъ обогащенія. Напрасно короли Испаніи издавали законы, воспрещавшіе вывозъ золота и ввозъ издѣлій чужеземнаго фабричнаго производства; духъ предпріимчивости, трудолюбія и торговли пускаетъ корни лишь на почвѣ политической и религіозной свободы; золото и серебро остаются тамъ, гдѣ промышленность ихъ умѣетъ привлекать и употреблять въ дѣло.

Португалія все-таки подъ руководствомъ мудраго и энергичнаго министра сдѣлала попытку къ поднятію своей фабрично-заводской промышленности, результаты которой насъ поражаютъ. Эта страна, подобно Испаніи, также съ незапамятныхъ временъ владѣла стадами овецъ. Уже у Страбона мы находимъ извѣстіе, что Португалія получила своихъ овецъ изъ Азіи, при чемъ цѣна ихъ доходила до таланта за штуку. Когда въ 1681 году графъ Эрецейра сдѣлался въ Португаліи министромъ, онъ составилъ особый планъ устройства въ странѣ суконныхъ фабрикъ для переработки собственныхъ сырыхъ матеріаловъ съ цѣлію снабженія метрополіи и колоній собственными фабрикатами. Для этого выписали мастеровъ суконъ изъ Англіи, и суконныя фабрики въ Португаліи, благодаря оказанной имъ поддержкѣ, такъ быстро достигли процвѣтанія, что уже черезъ три года (1684) нашли возможнымъ воспретить ввозъ иностраннаго сукна. Съ этого времени Португалія начала снабжать свою страну и свои колоніи собственными фабрикатами, приготовленными изъ своихъ же сырыхъ матеріаловъ, и находилась, по собственному признанію англійскихъ писателей *), въ теченіе 19 лѣтъ въ отличномъ положеніи. Правда, тогда уже англичане выказали ту ловкость, которую они позднѣе довели до такого совершенства; чтобы обойти ограниченія торговли въ Португаліи, они начали выдѣлывать шерстяныя матеріи, которыя имѣли нѣкоторое отличіе отъ сукна, но въ сущности были того же са-

---

ихъ вывозилось на 18.000.000 піастровъ. См. *Humboldt* Essai politique sur le royaume de la nouvelle Espagne, Vol. 2 p. 650. Торговля какъ съ этими странами, такъ и съ Западною Индіею стала особенно значительною, благодаря разведенію сахарныхъ, кофейныхъ и хлопковыхъ плантацій.

*) British Merchant. Vol. III. p. 69

маго достоинства и провозили ихъ въ Португалію подъ именемъ саржи, или шерстянаго драгета. Эта хитрость однако скоро была открыта, и вредъ ея былъ уничтоженъ запрещеніемъ ввоза этихъ издѣлій *). Успѣхъ этой мѣры былъ тѣмъ замѣчательнѣе, что страна недавно еще лишилась большаго количества капиталовъ вслѣдствіе изгнанія евреевъ и страдала вообще отъ всякихъ золъ фанатизма, дурнаго управленія и отъ феодальной аристократіи, подавлявшей всякое проявленіе народной свободы и даже развитіе земледѣлія **).

Но въ 1703 году, послѣ смерти графа Ерецейра, знаменитому англійскому министру Метуэну удалось убѣдить португальское правительство въ томъ, что Португалія пріобрѣтетъ огромныя выгоды, если Англія уменьшитъ на одну треть пошлину на ввозимыя изъ Португаліи вина, а Португалія въ свою очередь согласится разрѣшить ввозъ англійскаго сукна по той пошлинѣ, какая существовала до 1684 года (23%). Кажется, что главными мотивами для заключенія этого договора были со стороны короля надежды на увеличеніе таможенныхъ доходовъ, а со стороны аристократіи перспектива увеличенія ея земельныхъ рентъ. Вслѣдствіе заключенія договора, король Англіи назвалъ короля Португаліи своимъ старѣйшимъ «*Другомъ и Союзникомъ*», совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ Римскій сенатъ, который давалъ этотъ титулъ тѣмъ изъ правителей, которые имѣли несчастіе быть съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ.

Непосредственно за приведеніемъ въ дѣйствіе этого торговаго договора, Португалія была наводнена англійскими мануфактурными издѣліями, и первымъ результатомъ этого наводненія было внезапное и полное разрушеніе португальскихъ фабрикъ—результатъ, подобный тому, который былъ слѣдствіемъ позднѣе заключеннаго такъ называемаго Эденскаго трактата съ Франціею и отмѣны континентальной системы въ Германіи.

По свидѣтельству Андерсона англичане уже тогда настолько были опытны въ умѣніи показать цѣнность товара далеко ниже его дѣйствительной стоимости, что *на самомъ дѣлѣ платили не болѣе половины назначенной тарифомъ пошлины* ***).

*) Ibid. p. 71.

**) British Merchant. Vol. III p. 76.

***) Anderson, vol. III. p. 67.

„Какъ только запрещеніе было снято", говоритъ British Merchant, мы увезли отъ нихъ такую массу серебра, что имъ осталось лишь самое ничтожное количество для ихъ собственныхъ потребностей (very little for their necessary occasions). Потомъ мы принялись за вывозъ ихъ золота". *) Эту операцію они продолжали до самаго послѣдняго времени; они вывозили всѣ благородные металлы, которые Португалія получала изъ своихъ, колоній и препровождали большую часть ихъ въ Остъ-Индію и Китай, гдѣ, какъ мы знаемъ уже изъ исторіи Англіи, они обмѣнивали ихъ на товары, которые затѣмъ продавали на европейскомъ континентѣ въ обмѣнъ на сырье. Ежегодный привозъ англійскихъ произведеній въ Португалію превышалъ ея вывозъ тамошнихъ продуктовъ приблизительно на милліонъ фунтовъ стерлинговъ. Этотъ благопріятный торговый балансъ понизилъ вексельный курсъ Португаліи на 15%. „Мы пользуемся по отношенію къ Португаліи торговымъ балансомъ болѣе выгоднымъ, нежели по отношенію ко всякой другой странѣ", говоритъ издатель British Merchant въ своемъ посвященіи сэру Полю Метуэну, сыну знаменитаго министра, „мы вывозимъ оттуда золота на полтора милліона стерлинговъ, между тѣмъ какъ прежде этотъ вывозъ достигалъ лишь 300.000 фунтовъ". **)

Съ тѣхъ поръ этотъ договоръ въ глазахъ всѣхъ купцовъ, экономистовъ и всѣхъ государственныхъ людей Англіи является верхомъ искусства англійской торговой политики. Андерсонъ, который довольно ясно освѣщаетъ все, что касается англійской торговой политики и въ этомъ отношеніи вообще отличается большою откровенностію, называетъ этотъ договоръ „*въ высшей степени справедливымъ и выгоднымъ*", и при этомъ не можетъ удержаться отъ наивнаго восклицанія: „о, если бы онъ могъ существовать всегда и вѣчно!" ***) Только Адамъ Смитъ не остановился предъ выраженіемъ взгляда совершенно противоположнаго общепризнанному и утверждалъ, что Метуэнскій договоръ ни въ какомъ случаѣ не оказалъ особеннаго содѣйствія англійской торговлѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если что-либо доказываетъ слѣпое уваженіе, съ которымъ общественное мнѣніе относилось къ высшей степени пародоксальнымъ иногда воззрѣніямъ этого знаменитаго лица, такъ это то

*) British Merchant, vol. III. pag. 267.

**) British Merchant, vol. III. p. 15, 20, 33, 38, 110, 253, 254.

***) Anderson, beim Jahrgang 1703.

обстоятельство, что сейчасъ приведенное мнѣніе до сихъ поръ оставалось безъ опроверженій.

Въ 4-й главѣ VI-й книги своего сочиненія Смитъ говоритъ, что португальцы, вслѣдствіе того, что пошлина на ввозимыя ими вина была уменьшена на одну треть сравнительно съ пошлиною на вина другихъ странъ, получили извѣстную привиллегію, между тѣмъ какъ англичане за свои сукна принуждены были платить такую же пошлину, какъ и другія страны, слѣдовательно не получали никакой привиллегіи взамѣнъ предоставленной португальцамъ. Но развѣ португальцы до этого не получали большую часть необходимыхъ имъ иностранныхъ товаровъ изъ Франціи, Голландіи, Германіи и Бельгіи? Развѣ не захватили, напротивъ, теперь англичане исключительно въ свои руки для своихъ мануфактурныхъ издѣлій португальскій рынокъ, изъ котораго они сами получали сырые матеріалы? Развѣ не нашли они способа уменьшить португальскую пошлину на половину? Развѣ не содѣйствовалъ потребленію въ Англіи португальскаго вина вексельный курсъ, стоявшій ниже на 15%? Развѣ не прекратился почти совершенно въ Англіи спросъ на французскія и нѣмецкія вина? Развѣ португальское золото и серебро не доставило англичанамъ средства для вывоза массы товаровъ изъ Остъ-Индіи и для наводненія ими всего континента? Развѣ не потерпѣли краха португальскія суконныя фабрики къ выгодѣ англійскихъ? Развѣ вслѣдствіе этого, всѣ португальскія колоніи, въ особенности богатая Бразилія, не сдѣлались фактически англійскими колоніями? Во всякомъ случаѣ, этотъ договоръ доставилъ португальцамъ *привиллегію*, но только *на словахъ*; англичанамъ же, напротивъ, онъ доставилъ *привиллегію на самомъ дѣлѣ*. Подобная же тенденція лежитъ въ основѣ и всѣхъ другихъ торговыхъ трактатовъ Англіи. На словахъ они всегда были космополитами и филантропами, по своимъ же стремленіямъ всегда— монополистами.

По второму соображенію Адама Смита этотъ договоръ не былъ особенно выгоденъ для англичанъ потому, что они были принуждены то золото, которое они получали отъ португальцевъ за свое сукно, большею частію снова отправлять въ другія страны и тамъ покупать на него товары, между тѣмъ какъ для нихъ было бы неравненно выгоднѣе, если бы они свои сукна обмѣнивали непосредственно на тѣ предметы, которые имъ были нужны, и такимъ

образомъ посредствомъ одного обмѣна достигали бы той же цѣли, какой они, благодаря торговлѣ съ Португаліею, достигали лишь посредствомъ двухъ обмѣновъ. Дѣйствительно, не смотря на высокое мнѣніе, которое мы имѣемъ о характерѣ и проницательности этого знаменитаго писателя, намъ при обсужденіи этого соображенія, приходится усомниться или въ его искренности, или въ его великомъ умѣ. Для спасенія и того и другого намъ не остается ничего болѣе, какъ жаловаться на слабость человѣческой природы, которой вмѣстѣ съ другими заплатилъ богатую дань и Адамъ Смитъ своими парадоксами и своими доходящими почти до смѣшнаго аргументами — очевидно ослѣпленный своимъ въ сущности благороднымъ стремленіемъ доказать необходимость абсолютной свободы торговли.

Въ этомъ разсужденіи не больше здраваго смысла и логики, какъ и въ утвержденіи, что пекарь, который продаетъ своимъ покупателямъ хлѣбъ за деньги, и на эти деньги затѣмъ покупаетъ у мельника муку, ведетъ невыгодную торговлю, такъ какъ если бы онъ свой хлѣбъ обмѣнивалъ непосредственно на муку, то онъ могъ бы достигнуть своей цѣли посредствомъ одного обмѣна вмѣсто двухъ. Не нужно большаго ума для того, чтобы на такое соображеніе возразить, что быть можетъ мельникъ не нуждается въ потребленіи такого количества хлѣба, какое можетъ ему предложить пекарь, что быть можетъ мельникъ самъ умѣетъ печь хлѣбъ и въ самомъ дѣлѣ печетъ его, и что слѣдовательно торговля пекаря безъ этихъ двухъ обмѣновъ могла бы и вовсе не пойти. Въ такомъ именно положеніи находились торговыя отношенія между Португаліей и Англіей во время дѣйствія трактата. Португалія получала золото и серебро изъ Южной Америки за мануфактурные издѣлія, которыя она туда доставляла; но слишкомъ-ли лѣнивая или слишкомъ недальновидная для того, чтобы производить эти товары самой, она получала ихъ отъ англичанъ въ обмѣнъ на благородные металлы. Послѣдніе препровождали эти благородные металлы, если они не могли ихъ употребить для обращенія въ собственной странѣ, въ Остъ-Индію и Китай и тамъ покупали на нихъ товары, которые они опять продавали на Европейскомъ континентѣ, откуда привозили сельско-хозяйственные продукты, сырье или же опять благородные металлы.

Теперь мы, во имя здраваго смысла, спрашиваемъ: кто-бы сталъ

покупать у англичанъ все то сукно, которое они доставляли въ Португалію въ томъ случаѣ, если бы португальцы предпочли выдѣлываеть его сами или покупать въ другомъ мѣстѣ? Въ Португалію они сбывать его не стали-бы, а другія націи покупали его уже столько, сколько были въ состояніи. Слѣдовательно англичанамъ пришлось бы сократить производство сукна какъ разъ настолько, сколько они продавали Португаліи; имъ пришлось бы вывозить благородныхъ металловъ въ Остъ-Индію настолько-же менѣе насколько уменьшилось бы полученіе ихъ изъ Португаліи; настолько-же меньше они были бы принуждены привозить въ Европу остъ-индскихъ товаровъ и продавать на Европейскомъ материкѣ, слѣдовательно настолько же меньше привозить оттуда и сырыхъ матеріаловъ.

Не менѣе ошибочно и третье соображеніе Адама Смита, когда онъ думаетъ, что англичане, если бы у нихъ не было притока золота изъ Португаліи, удовлетворили бы свою потребность въ немъ другими путями. Португалія, какъ онъ полагаетъ, отпускала за границу лишь избытокъ своихъ благородныхъ металловъ, которые такъ или иначе все равно стали бы притекать въ ту же Англію. Но предположимъ случай, что португальцы сами начали бы выдѣлывать сукно, сами свой избытокъ въ благородныхъ металлахъ начали бы вывозить въ Китай и Остъ-Индію, а обратный грузъ—продавать въ другихъ странахъ,—и затѣмъ позволимъ себѣ спросить: много ли португальскихъ денегъ увидѣли бы англичане въ данномъ случаѣ? Равнымъ образомъ могъ быть и такой случай, что Португалія заключила бы Метуэнскій договоръ съ Голландіей или Франціей. Въ обоихъ этихъ случаяхъ извѣстное количество денегъ притекало бы въ Англію, но никакъ не больше того, что̀ Англія въ состояніи была бы выручить за свою сырую шерсть. Короче сказать: фабрики, торговля и мореходство Англіи безъ Метуэнскаго договора никогда не достигли бы того развитія, какого они достигли въ дѣйствительности.

Но, какъ бы ни оцѣнивать результаты Метуэнскаго договора по отношенію къ Англіи, несомнѣннымъ представляется одно: по отношенію къ Португаліи результаты эти вовсе не такого рода, чтобы могли побудить другія націи, въ видахъ развитія вывоза своихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, предоставить свой внутренній мануфактурный рынокъ англійской конкурренціи. Сельское

хозяйство и промышленность, торговля и мореплаваніе, вмѣсто того, чтобы подниматься вслѣдствіе сношеній съ Англіею, будутъ падать все ниже и ниже. Напрасно Помбаль стремился поддержать мануфактурный рынокъ, англійская конкурренція всѣ его старанія сводила на нуль. Нельзя, впрочемъ, не признать и того, что въ такой странѣ, какъ Португалія, гдѣ весь общественный строй стоитъ поперекъ дороги развитію земледѣлія, промышленности и торговли, торговая политика могла достигнуть лишь весьма немногаго. Однако и то немногое, чего достигъ Помбаль, показываетъ, какъ много для блага промышленности можетъ быть достигнуто заботливымъ правительствомъ, если только будутъ удалены препятствія, зависящія отъ общественной организаціи.

Подобный опытъ былъ сдѣланъ въ Испаніи во время правленія Филиппа V и его ближайшихъ преемниковъ. Какъ ни было недостаточно покровительство, оказанное туземной промышленности во время господства Бурбоновъ, и какъ ни было мало рѣшимости для примѣненія въ полной силѣ таможенной системы,— значительный подъемъ *) во всѣхъ отрасляхъ промышленности и во всѣхъ провинціяхъ страны, вслѣдствіе перехода изъ Франціи въ Испанію торговой политики Кольбера, былъ очевиденъ. Если читать Устарица и Уллоа **), то эти результаты при господствовавшихъ въ то время отношеніяхъ нужно признать въ такомъ государствѣ поразительными. Повсюду отвратительныя грунтовыя дороги, по которымъ могли проходить только мулы; полное отсутствіе порядочныхъ постоялыхъ дворовъ; нигдѣ — ни мостовъ, ни каналовъ, ни рѣчнаго судоходства, каждая провинція отдѣлена отъ прочей Испаніи таможенною линіею; у воротъ каждаго города коронные сборы; грабежи и вищенство являются промыслами; контрабандная торговля въ полномъ расцвѣтѣ, наконецъ, подавляющая система налоговъ: все это—указанные выше писатели выставляютъ первоначальными причинами упадка промы-

*) Macpherson, *Annals of Commerce*, 1771 и 1774.—Особенно выгодное вліяніе на развитіе испанскихъ фабрикъ имѣло ограниченіе ввоза иностранныхъ фабрикатовъ. Прежде Испанія $^{19}/_{20}$ своей потребности въ фабричныхъ издѣліяхъ удовлетворяла привозомъ ихъ изъ Англіи. *Brougham*, Inquiry into the colonial policy of the European powers. Ч. I, стр. 241.

**) *Ustaritz*, Théorie du commerce. *Ulloa*, Rétablissement des manufactures d'Espagne.

шленности и земледѣлія. Но они не осмѣливаются указать на главныя причины этого плачевнаго состоянія: фанатизмъ, алчность и порочность духовенства, привиллегіи аристократіи, деспотизмъ правительства, недостатокъ просвѣщенія и свободы въ народѣ.

Достойнымъ двойникомъ Метуэнскаго трактата является Асіентскій трактатъ (Assiento-Vertrag) 1713 года, вслѣдствіе котораго англичанамъ было предоставлено право ежегодно доставлять въ испанскую Америку извѣстное количество африканскихъ негровъ и являться ежегодно на одномъ кораблѣ въ гавань Портобелло, что имъ дало случай ввозить контрабаднымъ путемъ въ эту страну массу фабрикатовъ.

Такимъ образомъ во всѣхъ торговыхъ трактатахъ Англіи мы замѣчаемъ постоянную тенденцію завоевывать для своей фабрично-заводской промышленности тѣ страны, съ которыми они договариваются, предоставляя кажущіяся выгоды ихъ земледѣльческимъ и сырымъ продуктамъ. Англіи повсюду стремится дешевизною своихъ издѣлій и предоставленіемъ кредита раззорить туземную фабрично-заводскую промышленность этихъ странъ. Если англичане не могутъ добиться низкихъ таможенныхъ тарифовъ, они стараются обмануть таможенный надзоръ или же организовать въ широкихъ размѣрахъ контрабандную торговлю. Первое, какъ мы видѣли, имъ удалось въ Португаліи, послѣднее—въ Испаніи. Въ этомъ случаѣ имъ сослужило службу введеніе пошлинъ съ цѣнности товаровъ; вслѣдствіе того и теперь они употребляютъ такъ много стараній, чтобы доказать нецѣлесообразность пошлинъ, взимаемыхъ съ вѣса товаровъ, какъ это было введено въ Пруссіи.

ГЛАВА VI.

Французы.

Франція также унаслѣдовала нѣкоторые остатки римской культуры. Но эти остатки, подъ вліяніемъ германцевъ, которые любили только охоту и обратили снова въ лѣса и дикія пастбища обработывавшіяся дотолѣ поля,—большею частію исчезли.

Напротивъ монастырямъ, которые въ послѣдствіи сдѣлались такимъ препятствіемъ для развитія культуры, обязана Франція, какъ и всѣ прочія европейскія страны, большею частію своихъ успѣ-

ховъ въ земледѣліи въ теченіе среднихъ вѣковъ. Между жителями монастырей не было той распри, какая существовала между представителями высшаго сословія, они не обременяли своихъ вассаловъ военною службою и ихъ поля и стада мелѣе были подвержены грабежу и расхищенію. Духовенство любило довольство жизни, ненавидѣло раздоры и старалось заслужить уваженіе помощію нуждающемуся населенію. Отсюда и поговорка: „хорошо живется подъ епископскимъ посохомъ“.

Крестовые походы, основаніе Людовикомъ Святымъ городскихъ общинъ и цеховъ, затѣмъ близость Испаніи и Фландріи рано вызвали во Франціи развитіе промышленности. Уже въ четырнадцатомъ столѣтіи норманны и жители Бретани поставляли шерстяныя и полотняныя матеріи для внутренняго потребленія и для вывоза въ Англію. Около того же времени вывозъ винъ и соли, преимущественно при посредствѣ ганзейскихъ торговцевъ достигъ уже значительныхъ размѣровъ. Благодаря Францу I, въ южной Франціи водворились шелковыя фабрики. Генрихъ IV поощрялъ эту отрасль промышленности, такъ-же какъ и стеклянное, полотняное и шерстяное производства; Ришелье и Мазарини оказывали покровительство фабрикамъ шелковыхъ, бархатныхъ и шерстяныхъ издѣлій Руана и Седана, такъ-же какъ рыбнымъ ловлямъ и мореходству.

Ни на одну страну открытіе Америки не оказало столь благотворнаго вліянія, какъ на Францію. Изъ западной Франціи шло много хлѣба въ Испанію. Масса поселянъ изъ области Пиринеевъ уходила въ сѣверо-восточную Испанію на заработки. Огромное количество вина и соли вывозилось въ испанскіе Нидерланды, а шелковыя и бархатныя издѣлія, какъ и вообще предметы роскоши французскаго производства, находили значительный сбытъ въ Нидерландахъ, Англіи, Испаніи и Португаліи. Вслѣдствіе этого рано во Франціи начало обращаться большое количество испанскаго золота и серебра.

Однако блестящій періодъ французской промышленности начался лишь съ Кольбера.

Въ годъ смерти Мазарини не были еще значительны ни фабричное производство, ни торговля, ни мореплаваніе, ни рыболовство; финансы же были въ самомъ безотрадномъ положеніи. Кольберъ имѣлъ достаточно рѣшимости одинъ предпринять тотъ трудъ,

который выполненъ былъ англичанами лишь въ теченіе трехъ столѣтій напряженнаго труда и послѣ двухъ революцій. Изъ всѣхъ странъ выписывалъ онъ самыхъ искусныхъ фабрикантовъ и рабочихъ, покупалъ промышленные секреты, доставалъ самыя лучшія машины и орудія. Посредствомъ общей хорошо задуманной таможенной системы онъ обезпечилъ для туземной промышленности внутренній рынокъ; при помощи упраздненія или наивозможнаго сокращенія провинціальныхъ таможенъ, проложеніемъ дорогъ и каналовъ онъ содѣйствовалъ развитію внутренней торговли. Эти мѣры давали земледѣлію выгодъ еще больше, чѣмъ фабрикамъ, такъ какъ число потребителей продуктовъ сельскаго хозяйства удвоилось, утроилось, облегчая и удешевляя сообщенія производителей съ потребителями.

Кромѣ того, онъ оказывалъ покровительство земледѣлію уменьшеніемъ прямыхъ поземельныхъ налоговъ, смягченіемъ способа ихъ взиманія, которое до него было очень сурово, посредствомъ справедливаго распредѣленія податей и, наконецъ, путемъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлію уменьшеніе ссуднаго процента. Вывозъ зернового хлѣба онъ запрещалъ только въ періоды недостатка въ немъ и дороговизны. Особенные заботы прилагалъ онъ о расширеніи внѣшней торговли, покровительствовалъ развитію рыбныхъ промысловъ; онъ снова оживилъ торговлю съ Левантомъ, расширилъ торговыя сношенія съ колоніями и началъ торговлю съ сѣверомъ. Во всѣхъ отрасляхъ администраціи требовалъ онъ строгой экономіи и порядка. Въ годъ смерти его Франція насчитывала на фабрикахъ до 50.000 ткацкихъ станковъ, шелковыхъ издѣлій выработывалось на 50 милліоновъ франковъ, государственные доходы Франціи достигали 28 милліоновъ франковъ, государство владѣло превосходными рыбными ловлями, обширнымъ торговымъ и могущественнымъ военнымъ флотами *).

Столѣтіе спустя, экономисты строго порицали Кольбера и утверждали, что этотъ государственный человѣкъ стремился довести до процвѣтанія фабрично-заводскую промышленность на счетъ земледѣлія— упрекъ, который ничего больше не доказываетъ какъ то, что они сами

---

*) Eloge de Jean Baptiste Colbert par Necker 1773, oeuvres complétes Vol. 15.

не въ состояніи понять существа мануфактрурной промышленности *).

Было конечно, со стороны Кольбера, ошибкою періодически препятствовать вывозу сырыхъ произведеній; за то, развивая туземную промышленность, онъ вызывалъ спросъ на сельско-хозяйственные продукты и тѣмъ вдесятеро вознаграждалъ земледѣліе за тотъ вредъ, который оно терпѣло отъ указанныхъ выше стѣсненій. Если Кольберъ, противно всякой просвѣщенной политикѣ, вводилъ новые способы и посредствомъ принудительныхъ законовъ заставлялъ фабрикантовъ слѣдовать имъ, то нужно припомнить во-первыхъ то, что эти способы въ его время во всякомъ случаѣ были наилучшими, а во-вторыхъ то, что онъ имѣлъ дѣло съ народомъ, который вслѣдствіе продолжительнаго деспотизма впалъ въ апатію и потому противился всякимъ нововведеніямъ, хотя бы они и были улучшеніемъ.

Что касается упрека въ томъ, что покровительственная система Кольбера уничтожила большую часть туземной промышленности Франціи, то онъ можетъ быть сдѣлалъ Кольберу только тою школою, которая совершенно игнорируетъ отмѣну Нантскаго эдикта съ ея гибельными послѣдствіями. Вслѣдствіе этой несчастной мѣры, послѣ смерти Кальбера, въ теченіе трехъ лѣтъ изъ Франціи было удалено полмилліона трудолюбивѣйшихъ, опытнѣйшихъ и состоятельнѣйшихъ жителей, которые теперь, къ сугубому вреду страны, которую они обогатили, пересадили свою промышленность и перевели свои капиталы въ Швейцарію, во всѣ протестантскія страны Германіи, особенно въ Пруссію, затѣмъ въ Голландію и Англію. Такъ интриги метрессы-святоши въ три года разрушили геніальное созда-

*) См. сочиненіе Кенэ: *Physiocratie ou du gouvernement le plus avantageux au genre humain*, 1768. Note 5 sur le maxime VIII, гдѣ всѣ возраженія противъ Кольбера и судъ надъ нимъ произведены Кенэ на двухъ страницахъ, между тѣмъ какъ Некеръ посвящаетъ 100 страницъ разъясненію его системы и его мѣръ. Не знаемъ, чему больше удивляться, невѣжеству ли Кенэ въ предметахъ, касающихся промышленности, исторіи и финансовъ, или смѣлости, съ которою онъ, не приводя никакихъ доказательствъ, бросаетъ обвиненіе въ лицо такого человѣка, какъ Кольберъ. Притомъ же этотъ невѣжественный мечтатель ни разу не былъ постоянно чистосердеченъ, чтобы хоть упомянуть объ изгнаніи Гугенотовъ; онъ не поцеремонился даже, въ противность всякой справедливости, утверждать, что Кольберъ посредствомъ полицейскихъ стѣсненій препятствовалъ торговлѣ хлѣбомъ между провинціями.

ніе цѣлой генераціи и снова ввергли Францію въ ея прежнюю апатію, между тѣмъ какъ Англія, подъ охраною своего государственнаго устройства и воодушевленная энергіей націи во время государственнаго переворота, безостановочно и съ возростающимъ рвеніемъ продолжала воздвигать зданіе, заложенное Елизаветою и ея предшественниками.

Печальное состояніе промышленности и финансовъ, въ которое повергло Францію бездарное управленіе страною и зрѣлище высокаго благосостоянія Англіи, возбудило незадолго передъ французскою революціею соревнованіе французскихъ государственныхъ людей. Проникнутые мечтательными доктринами экономистовъ, они, вопреки ученіямъ Кольбера, искали спасенія въ возстановленіи свободы торговли. Думали однимъ почеркомъ пера возстановить народное благосостояніе, предоставивъ французскимъ винамъ и водкамъ болѣе обширный рынокъ въ Англіи и разрѣшивъ ввозъ англійскимъ фабрикантамъ на условіяхъ болѣе выгодныхъ (12 проц.). Въ восторгѣ отъ такихъ предложеній, Англія охотно даровала французамъ второе изданіе Метуэнскаго торговаго договора, заключавшееся въ такъ называемомъ Эденскомъ трактатѣ (1786)—этой копіи, которая скоро сказалась въ не менѣе гибельныхъ послѣдствіяхъ, нежели ея португальскій оригиналъ.

Въ Англіи, привыкшей къ крѣпкимъ винамъ полуострова, спросъ на французскія вина увеличился совсѣмъ не такъ сильно, какъ того ожидали. Напротивъ, во Франціи съ ужасомъ замѣтили, что Англія нуждается лишь въ предложеніи предметовъ роскоши и моды, общая сумма которыхъ не была значительною, между тѣмъ какъ англійскіе фабриканты брали рѣшительный перевѣсъ надъ французскими фабрикантами какъ дешевизною, такъ и доброкачественностію своихъ издѣлій и предложеніемъ долгосрочнаго кредита, продавая французамъ предметы первой необходимости, общая стоимость которыхъ достигала огромныхъ размѣровъ. Когда, послѣ кратковременной конкурренціи, французскія фабрики оказались на краю гибели, между тѣмъ какъ французское винодѣліе получило лишь незначительныя выгоды, французское правительство попыталось отмѣною трактата *) задержать успѣхи раззоренія, но это привело

*) Трактатъ этотъ существовалъ до войны съ Англіей.
Прим. К. В. Тр—ва.

лишь къ убѣжденію, что гораздо легче раззорить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ цвѣтущія фабрики, нежели цѣлому поколѣнію раззоренныя фабрики снова поднять. Англійская конкурренція возбудила во Франціи вкусъ къ англійскимъ издѣліямъ, что имѣло послѣдствіемъ развитіе на долгое время обширной контрабандной торговли, которую трудно было уничтожить. Англичанамъ же не было труда, послѣ отмѣны трактата, снова пріучить свои вкусы къ винамъ полуострова.

Не смотря на то, что смутное время революціи и безпрерывныя войны Наполеона не могли особенно выгодно отразиться на благосостояніи французской промышленности, не смотря на то, что французы за это время потеряли большую часть своей морской торговли и лишились всѣхъ своихъ колоній,—французскія фабрики во времена имперіи, единственно благодаря господству своему на внутреннемъ рынкѣ и вслѣдствіе упраздненія феодальной системы, достигли бо́льшаго процвѣтанія, нежели во время предшествовавшаго образа правленія. Къ тѣмъ же результатамъ привели наблюденія какъ въ Германіи, такъ и во всѣхъ другихъ странахъ, на которыя распространялась континентальная система.

Наполеонъ на своемъ лапидарномъ языкѣ выразился: „государство, которое при современныхъ міровыхъ отношеніяхъ слѣдовало бы принципу свободной торговли, было бы обращено въ порошекъ“. Здѣсь относительно торговой политики Франціи выражается больше мудрости, нежели во всѣхъ сочиненіяхъ современныхъ Наполеону экономистовъ. Нужно изумляться той проницательности, которая дозволила этому великому уму, никогда не изучавшему системы политической экономіи, понять сущность и все значеніе фабрично-заводской промышленности *). Благо ему и Франціи, что онъ не изучалъ ея! „Когда-то, говорилъ Наполеонъ, извѣстенъ былъ лишь одинъ видъ собственности—земельная собственность; теперь явился новый видъ—промышленность“. Наполеонъ такимъ образомъ видѣлъ и выражалъ ясно то, чего современные ему экономисты не видѣли, или не могли опредѣлить съ точностію, а именно

*) Извѣстно, однако, что по приказанію Наполеона, когда онъ властвовалъ въ Италіи, на его счетъ издано было собраніе сочиненій италіанскихъ экономистовъ въ количествѣ 50 томовъ; слѣдовательно, про Наполеона никакъ нельзя сказать, что онъ не былъ знакомъ съ политической экономіей.

Прим. К. В. Тр—ва.

того, что нація, соединяющая въ себѣ заводско-фабричную промышленность и земледѣліе, является болѣе совершенною и богатою, нежели страны чисто земледѣльческія. Что сдѣлалъ Наполеонъ для упроченія и распространенія промышленнаго воспитанія Франціи, для поднятія кредита страны, для введенія новыхъ изобрѣтеній и открытій и для ихъ усовершенствованій, для улучшенія путей сообщенія — слишкомъ хорошо извѣстно для того, чтобы все это возобновлять въ памяти. Интереснѣе припомнить то, какимъ страннымъ и несправедливымъ обвиненіямъ подвергался этотъ просвѣщенный и мощный правитель со стороны современныхъ ему доктринеровъ.

Съ паденіемъ Наполеона англійская конкурренція, до сихъ поръ ограниченная въ своихъ дѣйствіяхъ контрабандною торговлею, снова возстановила свое вліяніе на европейскомъ континентѣ и въ Америкѣ. Тогда въ первый разъ узнали, что англичане осуждаютъ протекціонную систему и прославляютъ теорію свободной торговли Адама Смита, теорію, которую эти практическіе островитяне считали до того за утопію. Однако спокойный наблюдатель могъ бы легко замѣтить, что филантропическій энтузіазмъ чуждъ былъ этому превращенію, такъ какъ аргументы космополитическаго характера приводились только тамъ, гдѣ дѣло шло объ облегченіи вывоза англійскихъ фабрикатовъ на европейскій или американскій материкъ; разъ же вопросъ возникалъ о свободномъ ввозѣ хлѣба или даже о конкурренціи иноземныхъ фабрикатовъ на англійскомъ рынкѣ, направленіе мыслей получало совсѣмъ другой характеръ *). Къ сожалѣнію, говорили, продолжительное

*) Высокообразованный американскій ораторъ, г. Бальдвинъ, въ послѣдствіи состоявшій во главѣ судебныхъ учрежденій въ Соединенныхъ Штатахъ, удивительно остроумно опредѣлилъ характеръ системы свободной торговли Каннинга и Гускинсона, сказавъ, что «она тоже, что большая часть англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, которыя выработываются гораздо менѣе для внутренняго потребленія, нежели для вывоза за границу».

Не знаемъ, нужно-ли радоваться или плакать, когда припомнишь, съ какимъ этузіазмомъ либералы Франціи и Германіи, въ особенности же приверженцы космополитическихъ доктринъ и между ними Ж. Б. Сэй,—привѣтствовали возвѣщенную реформу Каннинга и Гускинсона. Это было торжество, какъ будто исполнилось тысячелѣтіе государства. Послушаемъ, что говоритъ біографъ Каннинга о мнѣніяхъ этого министра по вопросу о свободѣ торговли:

«Каннингъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ истинѣ отвлеченнаго принципа, что

примѣненіе противоестественной системы создало въ Англіи искусственное положеніе, внезапное измѣненіе котораго могло вызвать опасныя и вредныя послѣдствія; принуждены были дѣйствовать съ большою осторожностью и предусмотрительностью; Англія въ этомъ случаѣ была достойна сожалѣнія; тѣмъ пріятнѣе должно было быть для націй европейскаго и американскаго континента то, что ихъ положеніе позволяло имъ безъ замедленія воспользоваться благами свободной торговли.

Во Франціи эти аргументы не долго имѣли нѣкоторое значеніе, хотя древняя династія Франціи и была возведена на тронъ подъ флагомъ Англіи или по крайней мѣрѣ при помощи ея золота. Свободная торговля съ Англіею вызвала такія страшныя колебанія во французской промышленности, окрѣпшей во время континентальной системы, что приходилось немедленно искать убѣжища въ запретительной системѣ, при помощи которой во Франціи съ 1815 по 1827 годъ, по свидѣтельству Дюпена *), фабрично-заводская производительность удвоилась.

ГЛАВА VII.

Нѣмцы.

Мы видѣли при обзорѣ исторіи ганзейскихъ городовъ, что Германія вслѣдъ за Италіею гораздо прежде всѣхъ прочихъ европейскихъ государствъ достигла благоденствовія, благодаря своей обширной торговлѣ; мы теперь продолжимъ исторію промышленности этой страны, но прежде однако бросимъ взглядъ на ея первичное промышленное положеніе и его развитіе.

торговля преуспѣваетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе она подвергается стѣсненіямъ; но такъ какъ подобнаго мнѣнія не держались ни наши предки, ни націи, насъ окружающія, и такъ какъ, вслѣдствіе этого, ограниченія примѣнялись ко всякимъ коммерческимъ операціямъ, то отсюда слѣдовало такое положеніе вещей, необдуманное примѣненіе къ которому отвлеченной доктрины, какъ бы ни казалась она истинною въ теоріи, можетъ имѣть гибельныя послѣдствія. (Vie politique de M. Canning, par M. Stapleton).

Въ 1828 году эта англійская практика снова проявилась съ такою очевидностью, что либеральный г. Гумъ въ парламентѣ безъ стѣсненія говорилъ о задушеніи фабрикъ на континентѣ.

*) Dupin. Forces productives de la France.

Въ древней Германіи наибольшая часть земли находилась подъ пастбищами и пустошами. Незначительное и первобытное земледѣліе находилось въ рукахъ рабовъ и женщинъ. Люди свободные занимались исключительно войною и охотою. Таково происхожденіе всего германскаго дворянства.

Нѣмецкое дворянство не переставало въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ угнетать земледѣліе, враждебно относиться къ мануфактурной промышленности и закрывать глаза передъ выгодами, которыя оно въ качествѣ владѣльца поземельной собственности могло извлекать изъ того и другого.

Такъ глубоко вкоренилось въ нѣмецкое дворянство пристрастіе къ своимъ любимымъ занятіямъ, что оно и теперь, когда уже сыздавна его обогатилъ ткацкій челнокъ и плугъ, все еще мечтаетъ въ законодательныхъ собраніяхъ объ охотничьихъ паркахъ и о правѣ свободной охоты, какъ будто волкъ и овца, медвѣдь и пчела могутъ жить въ мирѣ другъ около друга, какъ будто земля въ одно и тоже время можетъ быть употреблена и для садоводства, и для разведенія деревьевъ, и для облагороженнаго полеводства, и для содержанія кабановъ, оленей и зайцевъ.

Хлѣбопашество нѣмцевъ долго оставалось въ варварскомъ положеніи, не взирая на несомнѣнное вліяніе, которое производили на нихъ находившіеся въ сосѣдствѣ города и монастыри.

Города возникали въ древнихъ римскихъ колоніяхъ, близъ резиденцій духовныхъ и свѣтскихъ князей и господъ, рядомъ съ монастырями, и подъ покровительствомъ императоровъ отчасти на собственныхъ владѣніяхъ послѣднихъ или вокругъ ихъ дворцовъ, или тамъ, гдѣ они вызывались рыбными ловлями, сухопутными и водяными путями сообщенія. Они развивались только подъ вліяніемъ мѣстныхъ потребностей и вслѣдствіе посреднической торговли съ иноземцами. Зарожденіе значительной внутренней промышленности съ цѣлью вывоза обусловилось лишь развитіемъ овцеводства и успѣхами въ льноводствѣ. Льноводство предполагаетъ уже высокую степень состоянія земледѣлія, а овцеводство въ большихъ размѣрахъ указываетъ уже на обезпеченность отъ волковъ и разбойниковъ. И то и другое не могло бы возникнуть при вѣчной междоусобной враждѣ дворянъ, князей и городовъ. Пасущійся скотъ всегда былъ первымъ предметомъ грабежа. Съ другой стороны, въ обширныхъ лѣсахъ, охраняемыхъ съ большою заботливостію

дворянствомъ вслѣдствіе его страсти къ охотѣ, нечего было и думать о полномъ уничтоженіи дикихъ животныхъ. Ничтожное количество скота, отсутствіе законной обезпеченности, недостатокъ капиталовъ и свободы у тѣхъ, въ чьихъ рукахъ былъ плугъ, и отсутствіе интереса къ сельскому хозяйству у землевладѣльцевъ должно было сильно задерживать земледѣліе и развитіе городовъ.

Въ виду всего этого будетъ понятно, почему Фландрія и Брабантъ, при совершенно другихъ обстоятельствахъ, рано уже достигли высокой степени свободы и благосостоянія.

Не смотря на эти препятствія, нѣмецкіе города на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ процвѣтали подъ вліяніемъ рыбныхъ промысловъ, мореплаванія и транзитной морской торговли; въ верхней Германіи и у подножія Альпъ—подъ вліяніемъ Италіи и Греціи и транзитной сухопутной торговли; на Рейнѣ, Эльбѣ и Дунаѣ—вслѣдствіе винодѣлія и торговли виномъ, особеннаго плодородія почвы и рѣчнаго судоходства, которое въ теченіе среднихъ вѣковъ, вслѣдствіе дурнаго и небезопаснаго состоянія грунтовыхъ дорогъ, имѣло еще больше значенія, нежели въ наши дни.

Отъ этого различія въ производствахъ зависѣла разнохарактерность городскихъ союзовъ, каковы: Ганзейскій, Рейнскій, Швабскій, Голландскій и Швейцарскій.

Этимъ союзамъ, сильнымъ духомъ юношеской свободы, которая ихъ одушевляла, не доставало внутренней гарантіи прочности—принципа единства,—такъ сказать, цемента. Отдѣленные другъ отъ друга дворянскими помѣстьями и сельскимъ крѣпостнымъ населеніемъ, они рано или поздно должны были распасться, вслѣдствіе постепеннаго возрастанія земледѣльческаго населенія, среди котораго принципъ единства поддерживался княжескою властью. Города, которые естественнымъ образомъ вызывали возникновеніе земледѣлія, не умѣя привлечь къ своему союзу сельское населеніе и дворянство, работали для собственной погибели. Для этого имъ недоставало широкаго политическаго взгляда и знаній; ихъ политическій взглядъ рѣдко проникалъ дальше ихъ стѣнъ.

Только два союза осуществили это объединеніе, хотя не вслѣдствіе политическихъ соображеній, а подъ давленіемъ и вслѣдствіе благопріятно сложившихся обстоятельствъ, а именно: Швейцарскій союзъ и семь соединенныхъ провинцій; вслѣдствіе этого ихъ союзы существуютъ и до сихъ поръ. Швейцарскій союзъ есть

ничто иное, какъ конгломератъ нѣмецкихъ имперскихъ городовъ, основанный и скрѣпленный свободнымъ народонаселеніемъ лежащихъ между ними деревень.

Прочіе нѣмецкіе городскіе союзы распались вслѣдствіе ихъ пренебреженія къ сельскому населенію, вслѣдствіе безсмысленной городской гордости, такъ какъ имъ нравилось держать это населеніе въ подчиненіи, вмѣсто того, чтобы поднять его.

Города могли бы достигнуть единства лишь при посредствѣ наслѣдственной королевской власти. Но эта власть въ Германіи находилась въ рукахъ князей, которые, боясь ограниченія собственнаго произвола и стремясь къ подчиненію мелкаго дворянства заинтересованы были въ томъ, чтобы не допустить наслѣдственной монархіи.

Этимъ объясняется непоколебимость идеи римской имперіи у германскихъ королей. Только во главѣ войска они являлись могущественными, только при внѣшней войнѣ могли они соединять подъ своимъ знаменемъ князей и города. Этимъ объясняется ихъ покровительство въ Германіи городскому самоуправленію, къ которому они относились враждебно и которое подавляли въ Италіи.

Но римскіе походы не только мало по-малу ослабляли авторитетъ королевской власти въ Германіи, но истребляли тѣ династіи, которыя могли бы создать въ центрѣ Европы сосредоточенныя силы націи. Съ прекращеніемъ дома Гогенштауфеновъ, это ядро разбилось на тысячи кусковъ.

Чувство невозможности сплотить эти обломки націи побудило домъ Габсбурговъ, по своему происхожденію слабый и бѣдный, воспользоваться національными силами для основанія сплоченной наслѣдственной монархіи, подчинивъ ей чужеземныя племена, на юго-восточныхъ границахъ имперіи. Эта политика нашла себѣ подражаніе на сѣверо-востокѣ, въ лицѣ маркграфовъ Бранденбургскихъ. Такимъ образомъ на юго-востокѣ и сѣверо-востокѣ возникли двѣ наслѣдственныя монархіи, основанныя на порабощеніи чужихъ племенъ, между тѣмъ какъ въ обоихъ западныхъ углахъ образовались двѣ республики, которыя все болѣе и болѣе отдѣлялись отъ Германіи, внутри же—въ самомъ сердцѣ націи—раздробленіе, безсиліе и распаденіе все болѣе увеличивалось.

Окончательно довершило несчастіе нѣмецкой націи изобрѣтеніе пороха и книгопечатанія, преобладаніе римскаго права и

реформаціи, наконецъ открытіе Америки и новаго пути въ Индію.

Происшедшая вслѣдствіе этого умственная, соціальная и экономическая революція вызвала расколъ и разладъ въ имперіи, несогласія между князьями, споры между городами, даже раздоры между гражданами отдѣльныхъ городовъ и ихъ сосѣдями изъ всѣхъ сословій. Энергія націи теперь отклонилась отъ промышленности, земледѣлія, торговли и мореплаванія, отъ пріобрѣтенія колоній, отъ усовершенствованія учрежденій страны, и вообще отъ всѣхъ основательныхъ реформъ; спорили о догматахъ и о наслѣдствѣ церкви.

Въ то же самое время начался упадокъ Ганзы и Венеціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣмецкой обширной торговли, равно силы и свободы нѣмецкихъ городовъ на сѣверѣ и на югѣ.

Затѣмъ слѣдовала тридцатилѣтняя война, распространяя опустошенія во всѣхъ деревняхъ и городахъ. Голландія отдѣлилась отъ Швейцаріи, и наилучшія части государства были завоеваны Франціей. Между тѣмъ какъ прежде отдѣльные города, каковы Страсбургъ, Нюренбергъ, Аугсбургъ, превосходили своимъ могуществемъ цѣлыя курфюршества, теперь, вслѣдствіе возникновенія постоянныхъ армій, упали до полнаго ничтожества.

Если бы до этой революціи города и королевская власть тѣснѣе сплотнились, если бы король, исключительно принадлежащій нѣмецкой національности, сталъ во главѣ реформаціи и направилъ ее въ пользу объединенія, могущества и свободы націи, то земледѣліе, промышленность и торговля получили бы совершенно иное развитіе. Въ виду этихъ соображеній какою жалкою и непримѣнимою къ жизни является экономическая теорія, которая благосостояніе націй выводитъ изъ усилій отдѣльныхъ лицъ, не принимая во вниманіе того, что производительная сила всѣхъ индивидуумовъ большею частью зависитъ отъ соціальнаго и политическаго положенія страны.

Введеніе римскаго права ни на одну націю не оказало такого ослабляющаго вліянія, какъ на нѣмецкую. Невѣроятное замѣшательство, внесенное имъ въ частныя правовыя отношенія, еще не было самымъ худшимъ изъ гибельныхъ его результатовъ. Еще большее зло причинило оно, создавъ отдѣленную отъ народа по духу и языку касту ученыхъ и юристовъ, которая третировала

народъ, какъ незнающую закона и невѣжественную массу, не признавая въ немъ обладанія здравымъ смысломъ, касту, которая всюду на мѣсто гласности устанавливали таинственность, и находясь въ тѣсной зависимости отъ власти, всюду являлась ея органомъ и защищала ея интересы, всюду подтачивая корни свободы. Такъ еще въ началѣ XVIII вѣка въ Германіи мы видимъ: варварство въ литературѣ и языкѣ, варварство въ законодательствѣ, администраціи и судѣ; варварство въ земледѣліи; упадокъ промышленности и крупной торговли; недостатокъ въ національномъ единствѣ и силѣ; безсиліе и слабость во всемъ сравнительно съ иностранными государствами.

Одно только спасли нѣмцы: ихъ первоначальный характеръ; ихъ любовь къ труду, порядку, бережливости и умѣренности, ихъ настойчивость и выдержку въ изслѣдованіяхъ и дѣлахъ; ихъ искреннее стремленіе къ лучшему; великій запасъ нравственности, умѣренности и разсудительности.

Этимъ характеромъ одинаково отличаются и правительства, и подданные. Послѣ почти полнаго упадка національности, когда спокойствіе водворилось, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ округахъ приступили къ органическимъ мѣрамъ, къ улучшеніямъ; стало замѣтно движеніе впередъ. Нигдѣ воспитаніе, нравственность, религіозное чувство, искусство и науки не были предметомъ такой же заботливости; нигдѣ абсолютная власть не примѣнялась съ большею умѣренностію и не дѣйствовала лучше въ интересахъ народнаго просвѣщенія, порядка и нравственности, въ видахъ искорененія злоупотребленій и увеличенія народнаго благосостоянія. Починъ къ возрожденію нѣмецкой національности, очевидно, сдѣлали сами правительства, когда они добросовѣстно употребляли доходы съ секуляризованныхъ имѣній на пользу народнаго воспитанія и просвѣщенія, на поощреніе искусствъ и наукъ, на развитіе нравственности и вообще на общеполезныя цѣли. Этимъ путемъ началъ проникать свѣтъ въ администрацію и суды, въ школу и литературу, въ земледѣліе, въ промышленность и торговлю, и вообще въ массы. Такимъ образомъ, Германія достигла цивилизаціи совершенно инымъ путемъ, нежели прочія націи. Здѣсь болѣе высокое умственное образованіе не было, какъ въ другихъ странахъ, результатомъ развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ, напротивъ въ Германіи развитіе матеріальныхъ производительныхъ силъ возра-

стало главнымъ образомъ на почвѣ предшествующаго умственнаго развитія.

Такимъ образомъ вся современная образованность Германіи является какъ бы теоретическою. Отсюда также масса непрактичности и неуклюжести, поражающей въ наше время въ Германіи иностранцевъ. Теперь нѣмцы находятся въ положеніи лица, которое, бывъ до сихъ поръ лишено возможности пользоваться своими членами, сначало выучилось теоретически стоять и ходить, ѣсть и пить, смѣяться и плакать, и потомъ уже перешло къ практическимъ упражненіямъ. Этимъ объясняется пристрастіе нѣмцевъ къ философскимъ системамъ и космополитическимъ мечтаніямъ. Умъ, который не могъ приспособиться къ обстоятельствамъ этого міра, стремился перейти въ область умозрительнаго мышленія. Нигдѣ поэтому также ученіе Адама Смита и его учениковъ не находило столько послѣдователей, какъ въ Германіи; нигдѣ не было дано столько вѣры космополитическимъ благодѣяніямъ Каннинга и Гускиссона.

Первыми промышленными успѣхами Германія обязана отмѣнѣ Нантскаго эдикта и многочисленнымъ эмигрантамъ, которыхъ эта безсмысленная мѣра привела почти во всѣ страны Германіи и которые всюду дали толчекъ фабрикамъ шерстяныхъ, шелковыхъ, шляпныхъ издѣлій, драгоцѣнныхъ вещей, стекляннымъ, фарфоровымъ, перчаточнымъ и многимъ другимъ отраслямъ мануфактурной промышленности.

Первыя правительственныя мѣропріятія для поддержанія фабрикъ были приняты въ Австріи и Пруссіи; въ Австріи—въ правленіе Карла VI и Маріи Терезіи, и еще больше во время Іосифа II. Австрія прежде особенно сильно пострадала вслѣдствіе изгнанія протестантовъ, своихъ трудолюбивѣйшихъ гражданъ; нужно однако сказать, что непосредственно затѣмъ она отличалась покровительствомъ просвѣщенію и умственному образованію. Кромѣ того, вслѣдствіе протекціонныхъ пошлинъ, развитія овцеводства, улучшенія путей сообщенія и другихъ поощрительныхъ мѣръ успѣхи промышленности уже при Маріи Терезіи двинулись значительно впередъ.

Энергичнѣе было поведено это дѣло при Іосифѣ II, и съ несравненно большимъ успѣхомъ. Правда, въ началѣ эти успѣхи не были значительны, такъ какъ императоръ по своему обыкновенію

слишкомъ быстро началъ приводить въ исполненіе какъ этотъ, такъ и всѣ другіе проекты реформъ, и потому еще, что Австрія далеко отстала отъ другихъ государствъ. Здѣсь подтвердилось то, что не слѣдуетъ и добра оказывать слишкомъ много за-разъ, и что протекціонныя таможенныя пошлины, для того, чтобы они отвѣчали требованію естественныхъ условій и не произвели замѣшательства въ установившемся порядкѣ, не должны быть въ самомъ началѣ слишкомъ высоки. Но чѣмъ продолжительнѣе дѣйствовала эта система, тѣмъ больше оправдывалась ея полная цѣлесообразность. Австрія обязана ей своею блестящею въ настоящее время промышленностію и цвѣтущимъ состояніемъ своего земледѣлія.

Промышленность Пруссіи пострадала отъ опустошеній во время тридцатилѣтней войны больше, нежели промышленность всѣхъ другихъ странъ. Ея главная отрасль промышленности—суконное производство Бранденбургской марки была почти уничтожена. Большая часть мастеровъ суконъ эмигрировала въ Саксонію, и ввозъ англійскихъ фабрикатовъ уже тогда оказывалъ препятствія къ возстановленію всякой туземной отрасли фабричной промышленности. Къ счастію для Пруссіи послѣдовало уничтоженіе Нантскаго эдикта и преслѣдованіе протестантовъ въ Пфальцѣ и Зальцбургѣ.

Великій курфюрстъ съ перваго взгляда увидѣлъ то, что такъ ясно до него видѣла Елизавета. Вслѣдствіе принятыхъ имъ мѣръ большая часть этихъ бѣглецовъ направилась въ Пруссію, и они возвысили земледѣліе этой страны, возстановили множество отраслей промышленности, и возбудили охоту къ занятіямъ, наукамъ и искусствамъ. Всѣ его преемники шли по его слѣдамъ, но никто этого не дѣлалъ съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ великій король—великій по своимъ мѣропріятіямъ во время мира болѣе, нежели своими успѣхами во время войны. Здѣсь не мѣсто говорить подробно о безчисленныхъ мѣропріятіяхъ, посредствомъ которыхъ Фридрихъ II привлекалъ въ страну иноземныхъ агрономовъ, воздѣлывалъ необработанныя поля, поощрялъ разработку луговъ, разведеніе кормовыхъ и продовольственныхъ растеній, введеніе культуры картофеля и табака, разведеніе лучшихъ породъ овецъ, рогатаго скота и лошадей, примѣненіе минеральнаго удобренія и т. д., и доставлялъ сельскимъ хозяевамъ капиталы и кредитъ.

Если этими непосредственными мѣрами онъ поднялъ земледѣліе,

то онъ еще болѣе принесъ ему пользы косвенно при помощи фабрикъ, которыя,—вслѣдствіе введенія усовершенствованной имъ таможенной системы, предпринятаго имъ улучшенія путей сообщенія и учрежденія банка,—достигли наибольшаго развитія въ Пруссіи, сравнительно съ остальной Германіей; однако, географическое положеніе страны и ея раздробленіе на разныя провинціи, отдѣленныя другъ отъ друга, были далеки отъ оказанія помощи означеннымъ мѣропріятіямъ, а вредъ отъ установленія таможенъ, т. е. отъ гибельныхъ послѣдствій контрабанды, былъ здѣсь гораздо ощутительнѣе, нежели въ большихъ государствахъ, хорошо округленныхъ и ограниченныхъ морями, рѣками и цѣпями горъ.

Выражая эту похвалу, мы вовсе не намѣрены защищать ошибокъ его системы, каково, напр., запрещеніе вывоза сырыхъ произведеній; но того что, не смотря на эти ошибки, благодаря его системѣ, промышленность возвысилась,—не рѣшится отрицать ни одинъ просвѣщенный и непредубѣжденный историкъ. Для всякаго ума, чуждаго предразсудковъ и не омраченнаго ложными доктринерскими соображеніями, должно быть ясно, что не столько вслѣдствіе своихъ завоеваній, сколько вслѣдствіе своихъ мудрыхъ мѣропріятій для поощренія земледѣлія, промышленности и торговли, вслѣдствіе успѣховъ въ литературѣ и наукахъ, Пруссія оказалась въ состояніи занять мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ. И все это было дѣломъ исключительно одного великаго генія!

И при этомъ корона встрѣчала поддержку не въ энергіи свободныхъ учрежденій, а лишь въ хорошо организованной и добросовѣстной администраціи, хотя, конечно, заключенной въ мертвый механизмъ іерархической бюрократіи.

Между тѣмъ, вся остальная Германія въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій находилась подъ вліяніемъ свободной торговли, то-есть: весь свѣтъ считалъ нужнымъ ввозить въ Германію свои фабрикаты и продукты, но никто не желалъ привозить въ свои страны нѣмецкихъ продуктовъ и фабрикатовъ. Это правило имѣло свои исключенія, но ничтожныя.

Напрасно ссылаться на опытъ этой страны для доказательства доктринъ экономической школы и ея обѣщаній большихъ выгодъ отъ свободной торговли; здѣсь все скорѣе шло назадъ, нежели впередъ. Такіе города, какъ Аугсбургъ, Нюренбергъ, Майнцъ, Кельнъ и т. д., не насчитывали болѣе трети или четверти ихъ прежняго населенія, и

нерѣдко желали войны для того лишь, чтобы освободиться отъ избытка неимѣвшихъ цѣнности продуктовъ.

Возникли войны вслѣдствіе французской революціи, а вмѣстѣ съ ними явились англійскія субсидіи и англійская конкурренція, но уже въ широкихъ размѣрахъ; а отсюда новое раззореніе фабрикъ при успѣхахъ земледѣлія, но *кажущихся* и преходящихъ.

Затѣмъ слѣдовала Наполеоновская блокада континента, составившая эпоху въ германской и французской промышленности, не смотря на то, что Ж. Б. Сэй, знаменитѣйшій ученикъ Адама Смита, объявилъ ее бѣдствіемъ. Что-бы ни говорили противъ этой системы теоретики, и именно англійскіе, всѣмъ извѣстно—и знакомые съ нѣмецкою промышленностію могутъ подтвердить это, и во всѣхъ статистическихъ данныхъ того времени можно найти тому доказательство, — что вслѣдствіе этой системы нѣмецкія фабрики всякаго рода въ первый разъ начали значительно развиваться *), что теперь только получило дѣйствительный толчекъ начавшееся ранѣе разведеніе высшихъ породъ овецъ, что только теперь съ усердіемъ принялись за улучшеніе путей сообщенія. Правда, что Германія лишилась большей части своей прежней отпускной торговли, въ особенности же вывоза льняныхъ издѣлій. Однако, выигрышъ былъ значительно больше, нежели потеря для прусскихъ и австрійскихъ фабрикъ, которыя и прежде уже шли впереди фабрикъ остальной Германіи.

Съ возстановленіемъ мира англійскіе фабриканты снова вступили съ нѣмцами въ страшную конкурренцію: ибо во время обоюдной замкнутости, фабрики Великобританіи, вслѣдствіе новыхъ изобрѣтеній и почти исключительнаго господства на рынкахъ всего свѣта, значительно возвысились сравнительно съ фабриками нѣмецкими; вслѣдствіе этого, и обладая большими капиталами, англійскія фабрики были въ состояніи назначать болѣе низкія цѣны за продукты лучшаго достоинства, предлагая при этомъ болѣе долгосрочный кредитъ, нежели фабрики нѣмецкія, которыя принуждены были въ началѣ бороться съ препятствіями. Слѣдствіемъ этого было общее раззореніе и громкія жалобы послѣднихъ, въ особен-

*) Эта система должна была оказывать различное дѣйствіе во Франціи и Германіи, такъ какъ Германія была большею частію устранена съ французскихъ рынковъ, между тѣмъ какъ нѣмецкіе рынки были открыты для французской промышленности.

ности на нижнемъ Рейнѣ—въ тѣхъ принадлежавшихъ прежде къ Франціи, странахъ, для которыхъ былъ закрытъ рынокъ этой страны. Прежде прусскій таможенный тарифъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ въ духѣ абсолютной свободы торговли и не могъ поэтому служить достаточною защитою противъ англійской конкурренціи. И однако прусская бюрократія долго оставалась глухою къ этому призыву на помощь. Она слишкомъ прониклась въ университетахъ теоріею Адама Смита, для того, чтобы быть въ состояніи понять потребности времени. Въ то время въ Пруссіи можно было также найти такихъ экономистовъ, которые не останавливались предъ смѣлою мыслію воскресить такъ давно умершую систему физіократовъ. Между тѣмъ и здѣсь сущность вещей была сильнѣе, не жели теорія. Нерѣшились долго оставаться глухими къ призыву фабрикантовъ, такъ какъ онъ раздавался въ той странѣ, которая стремилась къ возстановленію своей прежней связи съ Франціею, завоевать симпатіи которой было очень важно. Въ это время болѣе и болѣе начало распространяться мнѣніе, что англійское правительство поощряетъ всѣми возможными средствами переполненіе континентальныхъ рынковъ своими мануфактурными товарами, желая тѣмъ самымъ убить европейскія фабрики въ самомъ ихъ зародышѣ. Это мнѣніе представили съ смѣшной стороны; но было довольно естественно, что такое мнѣніе распространилось, во-первыхъ потому, что переполненіе это было дѣйствительно такого рода, какъ будто оно было организовано именно съ этою цѣлію, а во-вторыхъ потому, что знаменитый членъ парламента, Генрихъ Бругамъ (въ настоящее время лордъ Бругамъ) выразился напрямикъ въ 1815 году: „that it was well worth while to incur a loss on the exportation of english manufactures in order to stifle in the cradle the foreign manufactures *).

Эта идея столь знаменитаго съ тѣхъ поръ лорда, какъ филантропа, космополита и либерала, лѣтъ десять позднѣе была повторена почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ не менѣе знаменитымъ членомъ парламента Гумомъ, онъ также желалъ, «чтобы континентальныя фабрики были задушены въ пеленкахъ».

*) «Можно рискнуть потерять на вывозѣ англійскихъ товаровъ для того, чтобы въ колыбели задушить контентальныя фабрики». Report of the committee of commerce and manufactures to the House of Representatives of the Congress of the United States Febr. 13. 1816.

Наконецъ, просьба нѣмецкихъ мануфактуристовъ была исполнена—правда, поздно—этого нельзя отрицать, особенно если принять во вниманіе, какъ трудно бороться цѣлые годы со смертью—и исполнена мастерской рукой. Таможенный тарифъ 1818 года отвѣчалъ всѣмъ потребностямъ промышленности Пруссіи того времени, для котораго былъ предназначенъ, не оказывая излишняго покровительства въ какомъ-бы то ни было отношеніи, и не затрудняя развитія полезныхъ внѣшнихъ сношеній страны. Онъ по своимъ ставкамъ былъ несравненно умѣреннѣе, нежели англійскій и французскій таможенные тарифы, и долженъ былъ быть такимъ. Ибо здѣсь вопросъ шелъ не о постепенномъ переходѣ отъ запретительной системы къ протекціонной, а о переходѣ отъ такъ называемой свободной торговли къ протекціонной системѣ. Другое важное преимущество этого тарифа, разсматриваемаго въ его цѣломъ, состояло въ томъ, что большая часть его пошлинъ была установлена съ вѣса, а не съ цѣнности.

Вслѣдствіе этого не только устранялась контрабанда и слишкомъ низкая оцѣнка товаровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ достигалась и та важная цѣль, что предметы общаго потребленія, которые каждая страна легче всего можетъ производить сама и собственное производство которыхъ является очень важнымъ—вслѣдствіе значительной стоимости ихъ общаго количества, облагались особенно высокою пошлиною, и что покровительственная таможенная пошлина уменьшалась пропорціонально съ возрастаніемъ достоинства товаровъ и ихъ цѣнности, слѣдовательно вызывала затрудненіе въ собственномъ производствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отнимала желаніе и возможность организаціи контрабандной торговли.

Такое назначеніе пошлинъ съ вѣса товаровъ по причинамъ, весьма понятнымъ, должно было гораздо сильнѣе отозваться на сношеніяхъ съ сосѣдними нѣмецкими странами, нежели на сношеніяхъ съ другими чужеземными народностями. Эти среднія и маленькія нѣмецкія государства, устраненныя уже съ рынковъ австрійскихъ, французскихъ и англійскихъ, подверглись почти совершенному исключенію и съ прусскаго рынка, и это было для нихъ настолько чувствительно, что нѣкоторыя изъ нихъ или совсѣмъ или въ значительной части обратились просто въ прусскія провинціи.

Успокоивъ прусскихъ фабрикантовъ, мѣры эти вмѣстѣ съ тѣмъ

вызвали вопли и жалобы со стороны фабрикантовъ другихъ нѣмецкихъ странъ. Какъ нарочно, незадолго передъ тѣмъ Австрія затруднила ввозъ нѣмецкихъ фабрикатовъ въ Италію, а именно ворхне-швабскаго полотна. Принуждаемые со всѣхъ сторонъ ограничиться отпускомъ только своихъ фабрикатовъ и лишь въ маленькія территоріи и даже между собою раздѣленныя крохотными таможенными линіями, фабриканты этихъ странъ готовы были впасть въ отчаяніе.

Эти именно крайности и вызвали тотъ частный союзъ отъ пяти до шести тысячъ фабрикантовъ и торговцевъ, который организовался въ 1819 году на весенней ярмаркѣ во Франктуртѣ на Майнѣ, и который имѣлъ цѣлью съ одной стороны добиться отмѣны всѣхъ германскихъ внутреннихъ таможенъ, съ другой—установленія общей германской торговой и таможенной системы.

Этому союзу дана была формальная организація. Уставы союза были предложены на утвержденіе германскаго союзнаго сейма и всѣхъ князей и правительствъ нѣмецкихъ государствъ. Въ каждомъ германскомъ городѣ былъ избранъ мѣстный корреспондентъ, въ каждомъ округѣ—провинціальный корреспондентъ. Всѣ члены союза обязались содѣйствовать по мѣрѣ силъ достиженію цѣли союза. Центральнымъ пунктомъ союза былъ назначемъ городъ Нюренбергъ съ полномочіемъ избирать центральный комитетъ, который долженъ былъ завѣдывать дѣлами союза съ помощію агента, для исполненія обязанностей котораго былъ призванъ авторъ этого сочиненія. Въ еженедѣльномъ органѣ союза, озаглавленномъ: *Журналъ нѣмецкой торговли и фабричной промышленности* (Organ des deutschen Handels-und Fabricantenstandes) публиковались во всеобщее свѣдѣніе пренія и распоряженія центральнаго комитета, такъ-же какъ и мысли, предложенія, записки и статистическія свѣдѣнія, соотвѣтствующія цѣли союза. Каждый годъ во-время ярмарки во Франкфуртѣ собиралось общее собраніе союза, которому докладывался отчетъ центральнаго комитета.

Послѣ того какъ этотъ союзъ представилъ въ германскій сеймъ петицію, въ которой доказывалась необходимость и полезность предлагаемыхъ имъ мѣръ,—центральный комитетъ въ Нюренбергѣ открылъ свои дѣйствія. Онъ немедленно снарядилъ депутацію ко всѣмъ германскимъ дворамъ и къ конгрессу министровъ въ Вѣнѣ (1820). На этомъ конгрессѣ достигли по крайней мѣрѣ того, что

большая часть среднихъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ пришла къ соглашенію о созваніи по этому предмету отдѣльнаго конгресса въ Дармштадтѣ. Происходившія здѣсь пренія привели сначала къ соглашенію между Виртембергомъ и Баваріей; затѣмъ къ объединенію нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствъ съ Пруссіей; далѣе къ объединенію средне-нѣмецкихъ государствъ; наконецъ, и главнымъ образомъ, благодаря стараніямъ барона Котты, къ общему объединенію этихъ трехъ таможеннькъ конфедерацій, такъ что теперь, за исключеніемъ Австріи, обоихъ Мекленбурговъ, Ганновера и ганзейскихъ городовъ, вся Германія примкнула къ одному таможенному союзу, который уничтожилъ между частями союза внутреннія таможни и установилъ общую на границѣ линію таможенъ, поступленія съ которой дѣлились между всѣми государствами пропорціонально количеству населенія въ каждой.

Тарифъ этого союза въ сущности былъ прусскимъ тарифомъ 1818 года, т. е. умѣреннымъ протекціоннымъ тарифомъ.

Подъ вліяніемъ этого таможеннаго союза мануфактурная промышленность, торговля и земледѣліе германскихъ союзныхъ государствъ сдѣлали уже громадные успѣхи.

ГЛАВА VIII.

Русскіе.

Россія своими первыми успѣхами въ культурѣ и промышленности обязана сношеніямъ съ Греціей, затѣмъ торговлѣ съ Ганзою черезъ Новгородъ, наконецъ, послѣ покоренія этого города царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, равно какъ и, вслѣдствіе открытія воднаго пути черезъ Бѣлое море,—торговлѣ съ англичанами и голландцами.

Значительное развитіе русской промышленности, равно какъ главнымъ образомъ смягченіе нравовъ началось однако лишь съ царствованія Петра Великаго. Исторія Россіи, начиная съ XVII до сороковыхъ годовъ XVIII столѣтія, представляетъ поразительное доказазельство того, какое могущественное вліяніе оказываетъ національное единство и политическое устройство странъ на экономическое преуспѣяніе народа. Царскому авторитету, установившему и упрочившему единство между безчисленнымъ множествомъ варварскихъ ордъ, обязана Россія созданіемъ своей промышленно-

сти, своими невѣроятными успѣхами въ земледѣліи и ростомъ населенія, развитіемъ внутренней торговли посредствомъ каналовъ и грунтовыхъ дорогъ, обширной внѣшней торговли и своимъ коммерческимъ значеніемъ.

Возникновеніе самостоятельной торговой системы относится къ 1821 году.

Правда, уже въ царствованіе Екатерины II, благодаря льготамъ, предоставленнымъ иностраннымъ мастеровымъ и фабрикантамъ, ремесла и фабрики сдѣлали нѣкоторые успѣхи, но нація въ культурномъ отношеніи была еще настолько отсталою, что промышленность не могла подняться выше первоначальныхъ пріемовъ въ фабрикаціи полотенъ, желѣза, стекла и т. п., а главнымъ образомъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, развитію которыхъ особенно благопріятствуютъ земледѣльческія и минеральныя богатства страны.

Дальнѣйшіе успѣхи фабричнаго производства тогда еще не отвѣчали экономическимъ интересамъ страны. Если бы иностранцы принимали въ уплату пищевые продукты и сырье, а также грубыя фабричныя издѣлія, которыя Россія могла поставлять, если бы не было войнъ и внѣшнихъ осложненій, то Россія считала бы долго еще для себя болѣе выгоднымъ свободный обмѣнъ съ странами, ее опередившими, такъ какъ ея культура вообще вслѣдствіе этихъ сношеній сдѣлала бы гораздо больше успѣха, нежели при протекціонной системѣ. Но войны, блокада кантинента и ограничительныя мѣры другихъ странъ принуждали Россію попытать счастія на иномъ пути, а не въ отпускѣ сырья и привозѣ иностранныхъ фабричныхъ издѣлій. Этими мѣрами нарушались прежнія торговыя морскія связи Россіи. Сухопутная же торговля съ Западной Европой не могла вознаградить ей этой потери. Поэтому она видѣла себя вынужденною взяться за самостоятельную переработку своего сырья.

Съ водвореніемъ всеобщаго мира хотѣли снова возвратиться къ старой системѣ. Правительство и самъ императовъ были настроены въ пользу свободной торговли. Ученія Шторха *) пользовались въ Россіи не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ сочиненія Сэй

*) Cours d'économie politique ou exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. p. Henri Storch. Этотъ курсъ политической экономіи, изданный въ 1815 г., былъ прочитанъ Шторхомъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ. *Прим. К. В. Тр—ва.*

въ Германіи. Не испугали даже первые удары, которымъ вслѣдствіе англійской конкурренціи подверглись возникшія во время континентальной системы фабрики.

Если бы только эти первые удары были перенесены, утверждали теоретики, то Россія вкусила бы сладчайшіе плоды благодѣянія свободной торговли.

Въ самомъ дѣлѣ торговыя коньюнктуры были необыкновенно благопріятны для такого перехода. Неурожай въ Западной Европѣ былъ причиною огромнаго вывоза за границу земледѣльческихъ продуктовъ, вслѣдствіе чего Россія въ теченіе извѣстнаго времени пріобрѣла богатыя средства для уплаты за иностранныя мануфактурныя издѣлія, которыя привезены были въ большомъ количествѣ.

Но когда этотъ необычайный спросъ на русскіе земледѣльческіе продукты прекратился, когда, напротивъ, Англія въ интересахъ своей аристократіи ограничила ввозъ хлѣба, и въ интересахъ Канады—ввозъ дерева, тогда раззореніе фабрикъ и заводовъ и чрезмѣрный ввозъ въ Россію иностранныхъ издѣлій дали себя почувствовать вдвойнѣ. До этого времени вмѣстѣ съ Шторхомъ торговый балансъ считали мечтой, вѣра въ существованіе котораго для человѣка разумнаго и просвѣщеннаго не менѣе была постыдна и смѣшна, чѣмъ вѣра въ существованіе колдовства въ XVII столѣтіи, но теперь съ ужасомъ увидѣли, что между независимыми странами должно существовать нѣчто въ родѣ торговаго баланса. Просвѣщеннѣйшій и проницательнѣйшій государственный мужъ Россіи, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Несельроде, не поколебался въ этомъ признаться.

Въ 1821 г. онъ засвидѣтельствовалъ въ циркулярѣ къ русскимъ представителямъ при западно-европейскихъ дворахъ: „Россія видитъ себя принужденной прибѣгнуть къ системѣ торговли независимой, такъ какъ продукты ея не находятъ себѣ болѣе сбыта на заграничныхъ рынкахъ, туземные фабрики сильно угнетены; звонкая монета уходитъ быстро за границу, опасность грозитъ самымъ солиднымъ купеческимъ домамъ, а селькое хозяйство и фабричная промышленность не только пришли въ разстройство, но близки къ банкротству“ *).

*) Данныя, заключающіяся въ этой главѣ, могутъ быть дополнены слѣдующими историческими свѣдѣніями:

Благодѣтельныя послѣдствія возстановленія протекціонной системы не менѣе, чѣмъ вредныя послѣдствія возстановленія свободы торговли, способствовали тому, что принципы и увѣренія

Въ своихъ запискахъ императрица Екатерина II [1]), при вступленіи своемъ на престолъ въ 1762 году, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее о промышленности и торговлѣ Россіи: «почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ лицамъ въ монополію. Таможни всей имперіи даны были въ откупъ за два милліона».

Согласно финансовому плану Сперанскаго [2]), приведенному въ исполненіе 17 Августа 1810 г., таможенныя дѣла перешли въ вѣдѣніе министерства финансовъ изъ упраздненнаго министерства коммерціи, равно дѣла по внѣшней торговлѣ, по транзитной торговлѣ, вообще, балансы привозной и вывозной торговли, тарифныя измѣненія и, наконецъ, всѣ дѣла прежней коммерцъ-коллегіи; въ тоже время дѣла по торговлѣ, промышленности и земледѣлію, главное управленіе манафактуръ и все относящіеся къ внутренней торговлѣ отошли въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ наказѣ министерству финансовъ сказано: «Во всѣхъ министерствахъ, особливо же въ тѣхъ, коихъ предметомъ есть государственное хозяйство и общая промышленность, должно наблюдать, чтобы мѣрами излишняго надзора и многосложностью правилъ не стѣснить частной предпріимчивости. Истинные способы сего управленія должны состоять болѣе въ отвращеніи препятствій, нежели въ точномъ и понудительномъ предписаніи путей, коими должна шествовать промышленность. Здѣсь скорѣе найти и указать ихъ можетъ частная польза, нежели законъ» (ст. 225) [3]).

19 Декабря 1810 г. изданъ былъ манифестъ о новомъ таможенномъ тарифѣ. Тарифъ этотъ былъ принятъ вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ и не столько по видамъ торговымъ, сколько по видамъ политическимъ, вслѣдствіе принятаго правительствомъ обязательства примкнуть къ такъ называемой континентальной системѣ, введенной Наполеономъ I на материкѣ Европы и исключавшей привозъ всякихъ товаровъ и произведеній англійскаго и колоніальнаго производствъ. Но тѣмъ не менѣе, благодаря Сперанскому, тарифъ далъ сильный толчекъ русской фабричной промышленности и возбудилъ надежды на возможность конкурренціи русскихъ производствъ съ заграничными. Англія, прежде требовавшая болѣе другихъ странъ сырыхъ матеріаловъ должна была прекратить этотъ спросъ, а такой внезапный поворотъ въ торговлѣ не могъ не отразиться на всѣхъ промышленныхъ операціяхъ и государственномъ кредитѣ.

До введенія новаго тарифа, вексельный курсъ пришелъ въ совершенный упадокъ, и публика приписывала это паденіе исключительно общему ходу по-

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общества Т. XXVIII. „*Финансовые документы царствованія Екатерины II*“, А. Куломзина.

[2]) Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго.

[3]) Пол. собр. закон. № 23688.

теоретиковъ были окончательно дискредитированы. Иностранные капиталы, умственныя и рабочія силы устремились изъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ, а именно изъ Англіи и Германіи, чтобы

литическихъ событій и новымъ финансовымъ операціямъ. Но Сперанскій хорошо понималъ, что причина зла кроется въ невыгодной торговлѣ и балансѣ и, чтобы улучшить таковой, онъ прибѣгнулъ къ двумъ важнымъ средствамъ: 1) къ возможно большему сокращенію привоза иностранныхъ товаровъ и 2) къ возможно большему облегченію вывоза русскихъ произведеній. На этихъ основаніяхъ была построена новая система тарифа, облегчавшая доступъ въ Россію болѣе необходимыхъ произведеній, облагавшая болѣе высокою пошлиною менѣе необходимыя и даже запрещавшая совсѣмъ ненужныя (предметы роскоши). Съ другой стороны, въ такой же,—но только въ обратномъ отношеніи,—постепенности были распредѣлены вывозы, и въ виду недостатка русскихъ судовъ, признано было необходимымъ по возможности облегчить доступъ нейтральнымъ кораблямъ. Всѣ эти предположенія были утверждены государственсовѣтомъ на одинъ годъ (1811), а потомъ распространены еще на годъ (1812). По свидѣтельству современниковъ, введеніе тарифа 1810 года было единственною мѣрою, которая не вызвала ни отъ кого нареканій. «Открывъ снова сѣверные порты для колоніальныхъ товаровъ, давъ истокъ нашимъ произведеніямъ, наконецъ поразивъ запрещеніемъ лишь одни предметы высшей роскоши, отъ которыхъ многіе у насъ, при общей уже тогда ненависти ко всему французскому, и сами охотно отказывались,—положеніе 1810 года явилось въ то время мѣрою популярною», замѣчаетъ гр. Корфъ [1]). Въ глазахъ русскихъ это было первымъ заявленіемъ независимости со стороны правительства относительно Наполеона, послужившимъ потомъ однимъ изъ предлоговъ къ войнѣ. Наполеонъ увидѣлъ въ этомъ актѣ нарушеніе союза, расположеніе къ Англіи и подрывъ французской торговлѣ. Между тѣмъ болѣе двухсотъ англійскихъ судовъ подъ тенерифскимъ флагомъ вошли въ русскіе порты, и на первыхъ же порахъ оказали вліяніе на умноженіе капиталовъ, посредствомъ вывоза изъ Россіи значительнаго количества сырыхъ произведеній [2]).

Вексельный курсъ сталъ постепенно улучшаться, какъ видно изъ стоимости ассигнаціоннаго рубля, который въ 1811 г. стоилъ 22 к., а въ 1812 г.—38 коп.

Государственный канцлеръ, графъ Румянцевъ, благосклонный къ Наполеону, совѣтовалъ было конфисковать десятка два этихъ судовъ, чтобы прекратить допущенное нарушеніе прежнихъ условій съ Наполеономъ. Но его настоянія вызвали различныя возраженія, въ особенности со стороны предсѣдателя департамента государственной экономіи—графа Н. С. Мордвинова.

Мнѣнія графа Мордвинова [3]), въ отношеніи къ современнымъ событіямъ

---

[1]) Корфъ. «Жизнь графа Сперанскаго». Т. I, 232. и

[2]) И. С. Бліохъ. *Финансы Россіи XIX столѣтія.*

[3]) В. С. Иконниковъ. «Графъ Н. С. Мордвиновъ», 109.

принять участіе въ выгодахъ, предоставленныхъ русской промышленной предпріимчивости новымъ таможеннымъ тарифомъ. Дворянство брало примѣръ съ правительства.

въ особенности о тогдашнихъ экономическихъ невзгодахъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія.

«Хотя по стеченію обстоятельствъ, писалъ Н. С. Мордвиновъ въ особомъ письмѣ къ Государю,—Россія и заставлена принять участіе въ континентальной системѣ, но согласіе ея на это участіе не могло быть иное, какъ только условное и имѣющее въ виду единственно вредъ Англіи для усмиренія владычества ея на моряхъ. Обстоятельства наши не могли тогда быть иныя, какъ только временныя, и предѣлъ ихъ не долженъ простираться далѣе достиженія ослабленія Англіи. Но когда опытъ доказалъ, что совсѣмъ противное тому сбылось и что весь вредъ, вмѣсто Англіи, обратился на самую Россію, то естественно слѣдуетъ, что съ обращеніемъ цѣли и сущность обязательствъ сама по себѣ уничтожается... Справедливость требуетъ признать, что учредитель континентальной системы долженъ имѣть весьма проницательное предусмотрѣніе, ибо онъ, конечно, предвидѣлъ все, что въ будущіе годы совершиться должно. Онъ, безъ сомнѣнія, напередъ зналъ, что водвореніемъ этой системы англичанамъ доставлено будетъ преобладаніе всѣми морями и нераздѣльное надъ тремя частями свѣта владычество; но такая жертва ему нужна была, чтобы достичь ему самому владычества надъ всей Европой... Въ установленіи системы этой онъ поставляетъ безпрестанно Англію, но только для одного наружнаго призрака; въ тайныхъ же мысляхъ его, Англія ничто иное значитъ какъ Россія»...

Мнѣніе гр. Мордвинова имѣло полный успѣхъ, найдя поддержку въ другихъ сторонникахъ нейтралитета, съ которымъ согласился Императоръ. Тарифъ 1810 года по внѣшней торговлѣ составилъ новую эру въ движеніи русской промышленности, и съ этого собственно времени должно полагать начало у насъ манафактуръ и фабрикъ [1]).

Поощренія къ устройству частныхъ фабрикъ, съ цѣлью уменьшенія ввоза иностранныхъ товаровъ, нашло въ лицѣ Н. С. Мордвинова неутомимаго ходатая. Планъ Мордвинова состоялъ въ томъ, чтобы правительство составило капиталъ для пособія частнымъ лицамъ, желающимъ содѣйствовать распространенію разныхъ рукодѣлій въ Россіи и особый капиталъ для устройства фабрикъ, чтобы устранить зависимость русскихъ предпринимателей отъ иностранныхъ промышленниковъ.

21 Января 1811 года изданъ былъ манифестъ «О внѣшней нейтральной торговлѣ на 1812 годъ» [2]). По этому манифесту «по соображеніямъ внутренней промышленности, на нѣкоторыя части къ привозу прежде дозволенныя», пошлина была возвышена.

20 Ноября 1819 г. изданъ былъ «общій тарифъ для всѣхъ портовыхъ и

---

[1]) Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. I, 233.

[2]) Полн. собр. законовъ, № 24960.

Не находя внѣшнихъ рынковъ, для своихъ произведевій, дворянство постаралось разрѣшить обратную задачу, а именно приблизить къ себѣ рынки; оно устроило фабрики въ своихъ имѣніяхъ. Вслѣдствіе спроса на тонкую шерсть со стороны вновь возникшихъ шерстяныхъ фабрикъ начало быстро улучшаться овцеводство страны. Заграничная торговля вмѣсто того, чтобы уменьшиться, возрасла, въ особенности же торговля съ Персіею, Китаемъ и другими сосѣдними странами Азіи. Торговые кризисы совершенно прекратились, и достаточно лишь просмотрѣть послѣдніе отчеты русскаго

сухопутныхъ таможенъ Россійской имперіи и Царства Польскаго, по европейской торговлѣ» [1]), а 14 Декабря послѣдовало изданіе «таможеннаго устава по европейской торговлѣ» [2]). Вступленіе въ дѣйствіе новаго тарифа должно было начаться съ 1 Января 1820 года, причемъ пошлины уменьшены были для заграничныхъ издѣлій всякаго рода. Нечего и говорить, что этотъ новый, благопріятный для иностранныхъ продуктовъ, тарифъ отозвался на первыхъ же порахъ весьма плачевнымъ образомъ на отечественныхъ фабрикахъ; многія отрасли фабричнаго производства, не будучи въ состояніи выдержать конкурренціи съ иностранными издѣліями, вынуждены были или сократиться, или со всѣмъ прекратиться. Совершенно справедливо Е. Ф. Канкринъ выразился по поводу этого тарифа, что онъ «убилъ» отечественное фабричное дѣло [3]). Къ счастью, созданное тарифомъ покровительство для иностранныхъ продуктовъ длилось не долго. Убійственное вліяніе тарифа не могло не проявиться на первыхъ же порахъ, и 1822 года въ немъ произведены были различныя перемѣны, клонившіеся къ поправленію учиненнаго зла. Но тѣмъ не менѣе, тарифомъ нанесены были громадныя потери фабричному производству, отъ которыхъ оно поправилось не скоро [4]).

Назначенный въ 1823 году министромъ финансовъ Е. Ф. Канкринъ, авторъ извѣстныхъ сочиненій по государственному хозяйству, свидѣтельствовалъ, что таможенный тарифъ 1819 года убилъ многія фабричныя производства, едва лишь съ 1822 года начавшія снова оживать. Однимъ изъ основныхъ началъ его финансовой системы, было между прочимъ: «усилить всѣми способами внутреннюю и внѣшнюю торговлю, фабрики и всѣ вообще вѣтви народной производительности, по колику сіе послѣднее зависитъ отъ министерства финан-

[1]) Полн. собр. законовъ, № 27988.

[2]) Полн. собр. законовъ, № 28030.

[3]) Въ 1820 году привозъ иностранныхъ товаровъ увеличился почти въ два раза, въ сравненіи съ 1816 годомъ (съ 129 на 254 милл. руб.).

[4]) Въ какой мѣрѣ постановленія новаго тарифа по европейской торговлѣ 12 Марта 1822 года, стѣснившія прежній свободный ввозъ иностранныхъ товаровъ, оказали выгодное вліяніе на уменьшеніе количества привоза, видно изъ данныхъ о привозѣ иностранныхъ товаровъ съ 1821 по 1825 годъ, а именно съ 218 на 185 милл. руб. (Бліохъ. Фин. Россіи XIX стол.).

министерства финансовъ, чтобы убѣдиться, что Россія, благодаря этой системѣ, достигла высокой степени благосостоянія, и что она гигантскими шагами подвигается по пути національнаго богатства и могущества.

Нѣтъ смысла въ томъ, что въ Германіи хотятъ умѣрить эти успѣхи и жалуются на тѣ убытки, которые были причинены русскою системою сѣверовосточнымъ провинціямъ Германіи. Всякая нація, какъ и всякій человѣкъ, не имѣетъ болѣе дорогихъ интересовъ, какъ свои собственные. Россіи нечего заботиться о благосостояніи Германіи. Пусть Германія занимается Германіею, а Россія—

совъ, ибо министерство финансовъ упустило бы самое высшее свое занятіе, если бы, ограничиваясь пользованіемъ обыкновенными плодами народной дѣятельности, на часть государства причитающимися, не думало объ умноженіи самыхъ источниковъ общаго богатства».

Затѣмъ 20 Августа 1826 г. послѣдовало новое изданіе общаго тарифа [1]), въ которомъ сохранены были основанія запретительнаго тарифа 1822 г. Одна изъ важнѣйшихъ особенностей новаго тарифа заключалась въ повышеніи всѣхъ таможенныкъ пошлинъ на 12½% и въ установленіи довольно высокой пошлины на привозный сахаръ.

12 Декабря 1833 года [2]) изданъ новый общій таможенный тарифъ по европейской торговлѣ. Тарифъ этотъ не только сохранилъ въ себѣ безъ измѣненія основанія запретительнаго тарифа 1822 года, но въ немъ еще осязательнѣе выразились основныя начала по развитію внутренней торговли и промышленности, которыми руководствовался графъ Канкринъ. «Начала эти,—говоритъ Канкринъ,—были слѣдующія: постоянство системы таможенной защиты, усиленіе капитала познаній и техническаго искусства, облегченіе пріѣзда полезныхъ иностранцевъ, мѣры, могущія сдѣлать общее впечатлѣніе на классъ промышленниковъ, какъ-то: наружныя отличія наиболѣе выказавшихся, учрежденіе ближайшей связи по фабричному дѣлу вообще, приближеніе нашего купечества къ европейскому направленію и другія распоряженія».

Въ оффиціальномъ обзорѣ финансовъ за 1837 годъ графъ Канкринъ резюмируетъ свой взглядъ на значеніе теоріи въ государственномъ хозяйствѣ: «Нельзя даже и предполагать, чтобы благоразумное управленіе могло имѣть въ виду слѣдовать всегда какой либо непремѣнной системѣ, ибо истинное искусство управленія, по дѣламъ финансовъ, которыя, по нынѣшнимъ понятіямъ, объемлютъ всѣ матеріальные интересы народовъ, не состоитъ въ томъ, чтобы упорно держаться какого либо доктринернаго направленія, а въ томъ, чтобы правила теорій, подкрѣпленныя опытами, прилагать ко всѣмъ дѣламъ, по мѣрѣ обстоятельствъ, времени и сообразно народности каждой земли».

Прим. К. В. Тр—ва.

---

[1]) Втор. полн. собр. зак. № 536.

[2]) Втор. полн. собр. зак. № 6624.

Россіей. Вмѣсто того, чтобы жаловаться, надѣяться и ждать Мессію будущей свободы торговли, было бы гораздо лучше бросить космополитическія системы въ огонь и поучиться на примѣрѣ Россіи.

Если Англія относится съ завистью къ торговой политикѣ Россіи, то это совершенно естественно. Россія, благодаря этой политикѣ, эмансипировалась отъ Англіи. Благодаря этой политикѣ, она будетъ въ состояніи явиться соперницей Англіи въ Азіи. Если Англія имѣетъ преимущество дешевизны своихъ издѣлій, то эта выгода, при торговлѣ въ средней Азіи, будетъ уравновѣшиваться сосѣдствомъ съ Азіей и политическимъ вліяніемъ Имперіи. Если сравнительно съ Европою Россія является еще мало образованною страною, то по отношенію къ Азіи она страна цивилизованная.

Между тѣмъ, нельзя не сознаться, что недостатокъ образованія и цѣлесообразныхъ государственныхъ учрежденій долженъ будетъ задерживать Россію въ ея дальнѣйшемъ промышленномъ и коммерческомъ поступательномъ движеніи, если только императорскому правительству не удастся согласовать общее состояніе страны съ потребностями промышленности посредствомъ созданія разумныхъ городскихъ и земскихъ учрежденій, посредствомъ постепенныхъ таможенныхъ ограниченій и затѣмъ отмѣны крѣпостнаго права, посредствомъ созданія образованнаго средняго сословія и свободнаго крестьянства и при помощи усовершенствованныхъ путей сообщенія, что облегчитъ сношенія Россіи съ внутреннею Азіею. Вотъ тѣ завоеванія, которыя предстоятъ Россіи въ теченіе настоящаго столѣтія, и это послужитъ основаніемъ дальнѣйшихъ успѣховъ ея въ земледѣліи и промышленности, равно какъ въ торговлѣ, въ развитіи торговыхъ и военныхъ морскихъ силъ. Но чтобы реформы подобнаго рода стали возможными и могли быть выполнены, необходимо прежде всего, чтобы русское дворянство поняло, что его матеріальные интересы непосредственно связаны съ этими реформами *).

*) Если эти реформы, приведенные въ исполненіе, не вполнѣ достигли своей цѣли, въ особенности относительно интересовъ дворянства, такъ это потому, что независимо отъ закрытія кредита подъ поземельную собственность и стѣсненій сельскаго винокуренія, одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости допущена была пропаганда односторонннхъ и ложныхъ экономическихъ дакторинъ космополитической политической экономіи въ школахъ, въ литературѣ и на улицѣ посредствомъ газетъ, не

ГЛАВА IX.

Сѣверо-американцы.

Освѣтивъ исторически торговую политику европейскихъ народовъ, за исключеніемъ тѣхъ, у которыхъ было нечему особенно научиться, мы хотимъ также бросить взглядъ по ту сторону Атлантическаго океана на народъ—колонизатора, который почти на нашихъ глазахъ изъ положенія полной зависимости отъ своей метрополіи, отъ положенія раздробленности на массу колоніальныхъ провинцій, не имѣвшихъ между собою никакой политической связи, возвысился до положенія націи объединенной, хорошо организованной, свободной, могущественной, промышленной, богатой и независимой, и можетъ быть уже на глазахъ нашихъ внуковъ встанетъ въ рядъ первыхъ морскихъ и торговыхъ державъ всего свѣта. Торговая и промышленная исторія Сѣверной Америки поучительнѣе для нашей цѣли, нежели всякая другая, такъ какъ здѣсь развитіе совершается съ быстротою, періоды свободны и ограниченій и стѣсненій быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, результаты ихъ видны съ ясностію и опредѣленностію, и вся система національной промышленности и государственной администраціи открыто развертывается передъ глазами наблюдателя.

Сѣверо-американскія колоніи по отношенію къ издѣльной промышленности были въ такомъ рабствѣ у метрополіи, что тамъ не переносили никакого вида фабрично-заводскаго производства, кромѣ домашнихъ и обыкновенныхъ промысловъ. Еще въ 1750 году основанная въ городѣ Массачузетѣ шляпная фабрика обратила на себя вниманіе и возбудила такую зависть Парламента, что онъ объявилъ колоніальныя фабрики всякаго рода учрежденіями вредными для

исключая и лекцій, читаемыхъ нашими профессорами и академиками въ университетахъ. Пропаганда фритредерства и введеніе таможеннаго тарифа, продиктованнаго идеями свободы торговли, привели къ окончательному разстройству русскіе финансы, а промышленность, торговля и сельское хозяйство Россіи вынесли послѣдовательно нѣсколько самыхъ тяжкихъ искусственныхъ кризисовъ. Нынѣшній министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій, подобно графу Канкрину, круто повернулъ экономическую политику Россіи въ сторону *дѣйствительной* протекціонной системы, которая находитъ себѣ научное освѣщеніе въ національной системѣ политической экономіи Фр. Листа. *Прим. К. В. Тр—ва.*

общаго блага страны (common nuisances), не исключая и желѣзодѣлательныхъ заводовъ, не смотря на огромный избытокъ въ странѣ всѣхъ потребныхъ для желѣзнаго производства матеріаловъ. Еще въ 1770 году великій Чатамъ, опечаленный первыми попытками новой Англіи въ фабричномъ производствѣ, объявилъ, что невозможно допустить въ колоніяхъ выдѣлки даже одного гвоздя для подковъ.

Адаму Смиту принадлежитъ та заслуга, что онъ первый указалъ на несправедливость такой политики.

Монополизація всякаго рода мануфактурной промышленности со стороны метрополіи является одною изъ главныхъ причинъ американской революціи; такса на чай была лишь поводомъ къ вспышкѣ.

Освободившись отъ наложенныхъ на нихъ оковъ, владѣя всѣми матеріальными и интеллектуальными средствами для мануфактурной промышленности и отдѣленныя отъ тѣхъ націй, отъ которыхъ онѣ получали фабрикаты и которымъ продавали свои продукты, такимъ образомъ, во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ предоставленныя лишь собственнымъ своимъ силамъ, фабрики всякаго рода въ сѣверо-американскихъ свободныхъ штатахъ во время войны за независимость сдѣлали огромные успѣхи, которые оказали такое благодѣтельное вліяніе также и на земледѣліе, что цѣнность земли, равно какъ и заработная плата, не смотря на тяжесть податей и опустошенія въ военное время, всюду достигла значительныхъ размѣровъ. Но такъ какъ послѣ Парижскаго мира неудачная конституція свободныхъ штатовъ не позволила осуществить общую торговую систему, вслѣдствіе чего англійскіе фабрикаты снова получили свободный доступъ, а вновь возникшія фабрики Сѣверной Америки не были въ состояніи выдержать ихъ конкурренціи, то благосостояніе страны, получившее начало во время войны, исчезло еще быстрѣе, чѣмъ возникло. „Мы покупали, говорилъ позднѣе въ конгрессѣ одинъ ораторъ, — по совѣту новыхъ теоретиковъ, тамъ, гдѣ мы могли купить дешевле всего, и наши рынки были переполнены иностранными товарами; въ нашихъ приморскихъ городахъ англійскіе товары можно было купить дешевле, чѣмъ въ Ливерпулѣ и Лондонѣ. Наши фабриканты были раззорены; наши купцы, даже тѣ, которые думали обогатиться посредствомъ вывоза, обанкротились, а всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, такъ невыгодно отражались на нашемъ земледѣліи, что стало замѣчаться общее

обезцѣненіе земельной собственности, а вслѣдствіе этого несостоятельность и среди землевладѣльцевъ стала явленіемъ заурядным“. Но это положеніе во всякомъ случаѣ было лишь переходнымъ; оно продолжалось отъ Парижскаго мира до установленія федеральной конституціи и болѣе всѣхъ другихъ причинъ содѣйствовало скрѣпленію политической связи между разными штатами и тому, что конгрессу были представлены достаточныя полномочія для установленія общей системы торговой политики. Отъ всѣхъ штатовъ, не исключая Нью-Іорка и Южной Каледоніи, конгрессъ былъ осаждаемъ просьбами о принятіи протекціонныхъ мѣръ для внутренней промышленности, и Вашингтонъ въ день своего избранія былъ одѣтъ въ платье изъ туземнаго сукна, „чтобы“, какъ сказалъ одинъ современный нью-іоркскій журналъ, „просто и выразительно, какъ было свойственно этому великому человѣку, дать своимъ преемникамъ и всѣмъ будущимъ законодателямъ памятный урокъ того, какимъ образомъ развивать благосостояніе страны“. Не смотря на то, что по первому американскому тарифу (1789 г.) значительнѣйшія мануфактурныя произведенія были обложены лишь слабою ввозною пошлиною, тарифъ этотъ, уже въ первые года, далъ настолько благотворные результаты, что Вашингтонъ въ своемъ посланіи 1791 года могъ поздравить націю съ цвѣтущимъ состояніемъ, котораго достигли фабрики, земледѣліе и торговля.

Скоро, однако, это покровительство оказалось недостаточнымъ, такъ какъ англійскіе фабриканты, улучшивъ способы производства, легко обезоружили вліяніе этихъ пошлинъ. Конгрессъ возвысилъ пошлину на важнѣйшіе мануфактурные предметы до 15%, но лишь въ 1804 г., когда, вслѣдствіе незначительности таможеннаго сбора, онъ вынужденъ былъ увеличить государственные доходы. Между тѣмъ давно уже туземные фабриканты истощали свои силы, жалуясь на недостатокъ покровительства, а защитники противоположныхъ интересовъ изощрялись въ доказательствахъ выгодности свободы торговли, во вредъ протекціонизма.

Контрастъ съ незначительными успѣхами, которые вообще выпали на долю заводско-фабричной промышленности, представляло развитіе торговаго флота, которому уже въ 1789 г., по предложенію Джемса Маддисона, было оказано достаточное покровительство. Вмѣсто 200.000 тоннъ (1789 г.) уже въ 1801 году онъ вмѣщалъ болѣе милліона тоннъ.

Подъ защитою тарифа 1804 года мануфактурная промышленность сѣверо-американцевъ лишь съ трудомъ могла противостоять фабрикамъ Англіи, которыя получали поддержку въ постоянныхъ улучшеніяхъ и умножались въ колоссальномъ размѣрѣ. Безъ сомнѣнія новая промышленность пала бы подъ давленіемъ этой конкурренціи, если бы ей не пришли на помощь амбарго и объявленіе войны 1812 года, вслѣдствіе чего, какъ во время войны за независимость, американскія фабрики достигли такого необычайнаго развитія, что не только удовлетворяли внутренней потребности, но скоро приступили даже къ вывозу произведеній своихъ мануфактуръ. Только на хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ, согласно представленнымъ конгрессу отчетамъ торговаго и мануфактурнаго комитетовъ, въ 1815 году работало 100.000 человѣкъ, ежегодная производительность которыхъ достигала суммы болѣе,чѣмъ 60 милліоновъ долларовъ. Теперь, какъ и во время войны за независимость, какъ необходимое слѣдствіе развитія мануфактурной промышленности, замѣтно было быстрое повышеніе всѣхъ цѣнъ на жизненные продукты и заработной платы, равно какъ и цѣнъ на недвижимую собственность, а слѣдовательно и общаго благосостоянія землевладѣльцевъ, рабочихъ и внутренней торговли.

Послѣ Гентскаго мира, конгрессъ, наученный опытомъ 1786 года, въ первый годъ удвоилъ прежнія таможенныя пошлины, и всетаки въ это время благосостояніе страны продолжало увеличиваться. Но подъ давленіемъ перевѣса частныхъ интересовъ, находившихся въ противорѣчіи съ интересами мануфактуръ, и подъ вліяніемъ теоретическихъ аргументовъ, онъ рѣшился въ 1816 году на значительное уменьшеніе ввозныхъ пошлинъ, и это снова возбудило иностранную конкурренцію, которая привела къ тѣмъ же самымъ результатамъ, какія далъ уже опытъ съ 1786 по 1789 годъ, а именно: раззореніе фабрикъ, обезцѣненіе жизненныхъ продуктовъ, паденіе цѣнности недвижимыхъ имуществъ и общее бѣдствіе въ средѣ сельскихъ хозяевъ. Послѣ того страна во второй разъ во время войны испытала блага мира, ей пришлось во второй разъ во время мира пережить больше бѣдствій, чѣмъ во время самой опустошительной войны. Въ первый разъ въ 1824 году, послѣ того какъ вліяніе англійскаго хлѣбнаго билля на американское земледѣліе развернулось во всей широтѣ его безсмысленной тенденціи, и вслѣдствіе этого земледѣльческій интересъ среднихъ, сѣверныхъ и

западныхъ штатовъ принудилъ ихъ присоединиться къ интересамъ фабрикантовъ, въ конгрессѣ прошелъ нѣсколько повышенный тарифъ, который однако скоро оказался недостаточнымъ, такъ какъ Гускиссонъ для того, чтобы парализовать имъ послѣдствіе съ точки зрѣнія англійской конкурренціи, немедленно принялъ мѣры дополнить его тарифомъ, установленнымъ послѣ сильной борьбы въ 1828 году.

Вновь опубликованныя оффиціальныя статистическія данныя *) штата Массачузетъ даютъ приблизительное понятіе о томъ развитіи, которое получили мануфактуры въ Соединенныхъ Штатахъ, особенно въ среднихъ и сѣверныхъ штатахъ, вслѣдствіе протекціонной системы, не смотря на позднѣйшее смягченіе тарифа 1828 года. Въ 1837 году въ этомъ штатѣ было 282 хлопчатобумажныя мануфактуры съ 565.031 веретенами въ дѣйствіи, и въ нихъ состояло рабочихъ 4.997 мужчинъ и 14.757 женщинъ; на нихъ переработано 37.275.917 фунтовъ хлопка и приготовлено 126 милліоновъ ярдъ (метровъ) пряжи, стоимостью въ 13.056.659 долларовъ, при посредствѣ капитала въ 14.369.719 долларовъ.

Шерстяное производство имѣло 192 мануфактуры съ 501 машиною, гдѣ было занято 3.612 мужчинъ и 3.485 женщинъ; переработано было шерсти 10.858.988 фунтовъ и приготовлено 11.313.426 ярдъ ткани, цѣнностію въ 10.399.807 долларовъ, при посредствѣ капиталовъ въ 5.770.750 долларовъ.

Башмаковъ и сапогъ было выработано 16.689.877 паръ (большое количество башмаковъ было вывезено въ западные штаты), цѣнностію на 14.642.520 долларовъ.

Прочія отрасли производства находились въ пропорціальномъ съ указанными развитіи.

Общее фабрично-заводское производство штатовъ (не считая постройки кораблей) превышало 86 милліоновъ съ капиталомъ приблизительно въ 60 милліоновъ долларовъ.

---

*) Statistical Table ot Massachussett for the year ending 1 April 1837, by J. P. Bigelon, secretary ot the Commonwealth. Boston 1838. Кромѣ штата Моссачузета ни одинъ другой изъ американскихъ штатовъ не владѣетъ подобными статистическими обзорами. Приведенными здѣсь данными обязаны мы губернатору Еверетту, извѣстному столько же какъ ученому и литератору, какъ и государственному человѣку.

Число рабочихъ достигало 117.352 на общее число жителей штата (1837) въ 701.331.

О несчастіяхъ, грубости и порокахъ не было и помина среди промышленнаго населенія; наоборотъ, среди многочисленныхъ фабричныхъ рабочихъ мужескаго и женскаго пола господствовала самая строгая нравственность, чистота и изящество въ одеждѣ; библіотеки были наполнены полезными и поучительными книгами; работа не превышала силъ, пища была обильна и хороша. Большинство дѣвицъ скапливали себѣ приданое *).

Послѣднее является очевидно результатомъ дешевыхъ цѣнъ на пищевые продукты, невысокихъ налоговъ и равномѣрнаго ихъ распредѣленія. Пусть Англія отмѣнитъ свои ограниченія ввоза земледѣльческихъ продуктовъ, уменьшитъ существующіе налоги на предметы потребленія на половину или на двѣ трети, пусть покроетъ дефицитъ подоходнымъ налогомъ, и ея фабричные рабочіе окажутся въ такомъ же положеніи **).

Ни одна страна, относительно ея будущаго назначенія и ея національной экономіи, не была такъ мало понята и осуждена такъ несправедливо, какъ Америка, и со стороны теоретиковъ, и со стороны практиковъ. По выраженію Адама Смита и Ж. Б. Сэя, Соединенные Штаты „*подобно Польшѣ*“ предназначены для земледѣлія. Сравненіе это не было особенно лестно для конфедераціи дюжины республикъ, полныхъ честолюбивыхъ стремленій и юношескихъ силъ, и открывавшаяся имъ такимъ образомъ перспектива ихъ будущаго ни въ какомъ случаѣ не была особенно утѣшительною. Названные теоретики доказывали, что сама природа предназначила сѣверо-американцевъ для земледѣлія до тѣхъ поръ, пока земля, самая плодородная, будетъ пріобрѣтаться тамъ почти задаромъ. Они удостоились великой похвалы за то, что такъ охотно подчинялись требованіямъ природы и съумѣли подтвердить теорію столь чуднымъ примѣромъ замѣчательныхъ результатовъ свободы торговли; но теоретики скоро почувствовали непріятность потерять и это важное доказательство правильности и

*) Американскіе газеты за Іюль 1839 года сообщали, что въ фабричномъ мѣстечкѣ Левель насчитывается до ста работницъ, которыя имѣютъ въ сберегательныхъ кассахъ по тысячѣ долларовъ сбереженій.

**) Очевидно, Листъ предчувствовалъ, что Англія находилась наканунѣ финансовыхъ и экономическихъ реформъ. *Прим. К. В. Тр—ва.*

примѣнимости ихъ теоріи и дожить до того, что Соединенные Штаты для обезпеченія своего благосостоянія пошли по направленію діаметрально противоположному неограниченной свободѣ торговли.

Какъ прежде эта юная нація была дорога для господствующей экономической школы, какъ зеница ока, такъ теперь она является предметомъ жесточайшаго порицанія для теоретиковъ всѣхъ европейскихъ націй. Это, говорятъ они, доказываетъ, какіе ничтожные успѣхи сдѣлалъ новый свѣтъ въ политическихъ наукахъ; въ то время, какъ европейскія націи съ искреннимъ увлеченіемъ стремились осуществить принципъ всеобщей свободы торговли, въ то время, какъ въ частности Англія и Франція готовы были сдѣлать рѣшительные шаги къ этой великой филантропической цѣли, Соединенные Штаты Сѣверной Америки пожелали основать свое національное благосостояніе, возвратившись къ меркантильной системѣ, уже устарѣвшей и такъ ясно опровергнутой экономической наукою. Но такая страна, какъ Америка, въ которой лежатъ еще необработанными столь необятныя пространства плодороднѣйшей земли, а заработная плата стоитъ такъ высоко, не можетъ найти лучшаго употребленія для своихъ капиталовъ и лучшаго занятія для своего возростающаго населенія, какъ земледѣліе; разъ послѣднее достигнетъ своего полнаго развитія, то заводы и фабрики возникнутъ естественнымъ образомъ сами собой, безъ всякихъ искусственныхъ вспомогательныхъ средствъ; вызвавъ же де искусственно мануфактурную промышленность, Соединенные Штаты нанесли бы вредъ не только странамъ стараго свѣта, но больше всего самимъ себѣ.

У американцевъ, однако, здравый смыслъ и непосредственное пониманіе того, что необходимо для страны, было сильнѣе вѣры въ правила теоріи. Основательный разборъ доказательствъ теоретиковъ привелъ къ сильному сомнѣнію въ непогрѣшимости доктрины, которой его собственные адепты ни разу не желали послѣдовать.

На аргументъ относительно огромнаго количества невоздѣланныхъ плодородныхъ пространствъ возражали, что въ штатахъ, отличающихся уже населенностію, значительною культурою и зрѣлостію къ фабричному дѣлу, такія пространства столь же рѣдки, какъ въ Великобританіи; что возростающее населеніе этихъ штатовъ должно съ большими для себя потерями передвигаться на

западъ, чтобы обработывать подобныя пространства, вслѣдствіе чего западные штаты не только лишаются огромной суммы матеріальныхъ и умственныхъ капиталовъ, но такъ какъ вслѣдствіе этихъ переселеній потребители превращаются въ конкуррентовъ, то ихъ земельная собственность и земледѣльческіе продукты необходимо обезцѣниваются. Не могло быть особенной выгоды для союза въ томъ, что принадлежащія ему пустыни вплоть до береговъ Тихаго океана были обработаны прежде, чѣмъ достаточно развилось населеніе, цивилизація и военныя силы старыхъ штатовъ; напротивъ, западные штаты не прежде оказались въ силахъ извлечь изъ обработки отдаленныхъ пустынь пользу для своего собственнаго преуспѣянія, какъ взявшись за фабричное производство съ цѣлію имѣть возможность обмѣнивать свои фабрикаты на продукты востока. Здѣсь пошли еще дальше и спрашивали, не находится ли сама Англія въ совершенно такомъ же положеніи; развѣ Англія не располагаетъ также въ Канадѣ, въ Австраліи и въ другихъ частяхъ свѣта массою еще необработанныхъ, но плодороднѣйшихъ пространствъ; развѣ не могли бы англичане почти съ такою же легкостію переселить избытокъ своего населенія, подобно сѣверо-американцамъ, съ береговъ Атлантическаго океана на берега Миссури; почему же, не смотря на это, Англія не только продолжаетъ покровительствовать туземнымъ фабрикамъ, но стремится еще расширять ихъ все болѣе и болѣе?

Аргументы экономической школы, заключающіеся въ томъ, что тамъ, гдѣ плата рабочимъ за обработку земли высока, фабрики не могутъ возникнуть естественнымъ образомъ, а могутъ развиваться лишь какъ тепличныя растенія, казались основательными только отчасти, а именно лишь по отношенію къ тѣмъ фабричнымъ издѣліямъ и произведеніямъ мануфактуръ, которыя, благодаря ихъ небольшому объему и вѣсу сравнительно съ цѣнностію, большею частію выполняются ручною работою; но они не вѣрны въ томъ случаѣ, когда цѣна заработной платы оказываетъ лишь незначительное вліяніе или когда невыгодность высокой заработной платы возмѣщается примѣненіемъ машинъ или гидравлическихъ двигателей, дешевизною сырыхъ произведеній и пищевыхъ продуктовъ, избыткомъ дешеваго топлива и строительныхъ матеріаловъ, наконецъ, незначительностію государственныхъ налоговъ и энергіею рабочихъ силъ.

Затѣмъ изъ долгаго опыта американцы убѣдились, что земледѣліе только тогда можетъ развиться вполнѣ и обезпечить благосостояніе страны, когда будетъ гарантированъ на все время обмѣнъ продуктовъ земледѣлія на фабрикаты; но что если земледѣлецъ живетъ въ Сѣверной Америкѣ, а фабрикантъ въ Англіи, то этотъ обмѣнъ не рѣдко можетъ быть прерванъ или войною, или торговымъ кризисомъ, или ограничительными таможенными мѣрами другихъ странъ, и что слѣдовательно, для того, чтобы благосостояніе націи покоилось на незыблемомъ основаніи, „мануфактуристъ“— по выраженію Джефферсона, — „долженъ селиться рядомъ съ земледѣльцемъ“.

Сѣверо-американцы поняли наконецъ, что великая нація не можетъ исключительно преслѣдовать ближайшія матеріальныя выгоды, что цивилизація и могущество — блага, наиболѣе драгоцѣнныя и болѣе желательныя, чѣмъ матеріальное богатство, какъ въ томъ признается и самъ Адамъ Смитъ, — могутъ быть достигнуты и упрочены лишь при помощи собственной фабрично-заводской промышленности; что нація, которая чувствуетъ себя призванною занять мѣсто въ ряду образованнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ націй и удержать его, не должна щадить никакихъ жертвъ для того, чтобы овладѣть условіями, обезпечивающими эти блага, и что при-атлантическіе штаты во-время пріобрѣли ихъ.

Европейское населеніе и европейская культура встали твердою ногою на берегахъ Атлантическаго океана; здѣсь прежде всего основались населенные, обработанные и богатые штаты; здѣсь колыбель ихъ морскихъ рыболовныхъ промысловъ, ихъ каботажа и морскихъ силъ; здѣсь была добыта ихъ независимость и получила основаніе ихъ федерація; при посредствѣ прибрежныхъ штатовъ возникла ихъ внѣшняя торговля и сношенія съ цивилизованнымъ міромъ, чрезъ нихъ получается въ Соединенныхъ Штатахъ Европы избытокъ населенія, матеріальные капиталы и умственныя силы; на цивилизаціи, могуществѣ, богатствѣ этихъ прибрежныхъ штатовъ покоится будущая цивилизація, могущество, богатство, независимость цѣлой націи и ея вліяніе на менѣе образованныя страны.

Предположимъ, что населенность этихъ прибрежныхъ штатовъ будетъ падать вмѣсто того, чтобы расти, ихъ рыбные промыслы, ихъ каботажъ, ихъ мореплаваніе въ другія страны, ихъ внѣшняя

торговля будутъ слабѣть или оставаться въ одномъ и томъ же положеніи, вмѣсто того чтобы развиваться,—въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы наблюдать пропорціональное ослабленіе средствъ цивилизаціи цѣлой націи и гарантіи ея самостоятельности и ея внѣшняго могущества. Можно себѣ представить даже всю территорію Соединенныхъ Штатовъ обработанною на всемъ пространствѣ отъ одного моря до другого, состоящею изъ земледѣльческихъ штатовъ и переполненною населеніемъ, и все таки, не смотря на это, нація можетъ остаться на низкой степени цивилизаціи, независимости и внѣшняго могущества. И дѣйствительно, есть много націй, которыя находятся въ такомъ положеніи и при огромномъ населеніи лишены торговаго и военнаго флотовъ.

Если бы явилась такая держава, которая бы задалась цѣлію задержать американскую націю въ ея развитіи и подчинить ее навсегда себѣ въ промышленномъ, коммерческомъ и политическомъ отношеніи, то для достиженія этой цѣли ей стоило бы лишь постараться обезлюдить при-атлантическіе штаты и загнать внутрь страны весь избытотъ населенія, капитала и умственныхъ силъ. Тогда она не только задержала бы дальнѣйшее возрастаніе морскихъ силъ, но она смѣло могла бы разсчитывать подчинить со временемъ своей власти главнѣйшіе пункты обороны на атлантическомъ побережьи и при устьяхъ рѣкъ. Средство для достиженія этой цѣли не далеко, стоитъ лишь помѣшать подъему въ при-атлантическихъ штатахъ мануфактурной промышленности, стоитъ лишь заставить Америку водворить у себя принципъ абсолютной свободы торговли.

Ибо если бы при-атлантическіе штаты не сдѣлались мануфактурными, то они не только не были бы въ состояніи удержаться на той степени культуры, которой они достигли въ настоящее время, но они принуждены были бы отставать отъ другихъ и при томъ отставать во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ стали бы безъ мануфактуръ развиваться города вдоль береговъ Атлантическаго океана? Не посредствомъ же, въ самомъ дѣлѣ, вывоза туземныхъ продуктовъ въ Европу и ввоза англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ, такъ какъ для выполненія подобной работы было бы достаточно нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Что сталось бы съ рыбными промыслами?—большая часть населенія, перешедшего внутрь страны, предпочитаетъ соленой рыбѣ свѣжее мясо и рѣчную рыбу; оно

не нуждается въ китовомъ жирѣ, а если и требуетъ его, то лишь въ самомъ незначительномъ количествѣ. Какимъ образомъ сталъ бы развиваться каботажъ вдоль прибережья при-атлантическихъ штатовъ? Такъ какъ большая часть прибрежныхъ штатовъ населена земледѣльцами, которые сами удовлетворяютъ свои потребности въ пищевыхъ продуктахъ, въ строительныхъ матеріалахъ и топливѣ, то вдоль береговъ нечего было бы перевозить. Какимъ образомъ стала бы расширяться внѣшняя торговля и мореходство въ другія государства? Страна не въ состояніи предложить ничего, кромѣ того, чѣмъ въ изобиліи обладаютъ страны мало цивилизованныя, а тѣ страны, которымъ она сбываетъ свои произведенія, покровительствуютъ развитію собственнаго мореплаванія. Что сталось бы съ военнымъ флотомъ при упадкѣ въ при-атлантическихъ штатахъ рыбныхъ промысловъ, каботажа, мореплаванія, внѣшней торговли? Какимъ образомъ безъ военнаго флота эти штаты будутъ защищаться противъ иноземнаго вторженія? Какимъ образомъ можетъ развиться въ этихъ штатахъ земледѣліе, когда продукты болѣе плодородныхъ и гораздо болѣе дешевыхъ земель штатовъ запада, не нуждающихся ни въ какомъ удобреніи, будучи доставлены на востокъ по каналамъ, желѣзнымъ дорогамъ и т. д., могутъ здѣсь продаваться дешевле, чѣмъ стоитъ ихъ производство въ восточныхъ штатахъ на давно уже истощенной почвѣ? Какъ при такихъ условіяхъ станетъ развиваться цивилизація въ восточныхъ штатахъ и возрастать ихъ населеніе, когда очевидно, что при свободной торговлѣ съ Англіею всякій избытокъ населенія и земледѣльческаго капитала будетъ отливать на западъ? Теперешнее положеніе Виргиніи даетъ лишь слабое понятіе о томъ положеніи, въ какомъ очутились бы при-атлантическіе штаты съ постепеннымъ исчезновеніемъ тамъ мануфактуръ; ибо Виргинія, какъ и всѣ южные штаты атлантическаго побережья, принимала иногда значительное участіе въ снабженіи мануфактурныхъ штатовъ земледѣльческими продуктами.

Но дѣло совершенно измѣняется при существованіи мануфактурной промышленности въ при-атлантическихъ штатахъ. Тогда изъ всѣхъ европейскихъ странъ стекается народонаселеніе, капиталы, техническія и умственныя силы; тогда съ подвозомъ пищевыхъ продуктовъ и сырыхъ матеріаловъ съ запада возвышается спросъ на продукты издѣльной и мануфактурной промышленности при-ат-

лантическихъ штатовъ; тогда ихъ народонаселеніе, число и обширность ихъ городовъ возрастаютъ пропорціонально развитію культуры западныхъ пустынь; тогда вслѣдствіе возрастанія народонаселенія развивается ихъ собственное земледѣліе, благодаря увеличенію спроса на рыбу, масло, сыръ, молоко, овощи, продукты маслянистыхъ растеній, плоды и т. д.; тогда возвышается спросъ на соленую рыбу и рыбій жиръ, добываемые посредствомъ рыбныхъ промысловъ; тогда вдоль береговъ, при помощи каботажнаго судоходства, перевозится масса пищевыхъ продуктовъ, строительныхъ матеріаловъ, каменнаго угля и т. д. для удовлетворенія нуждъ промышленнаго населенія; тогда мануфактуры производятъ многочисленные предметы вывозной торговли для странъ всего свѣта, что предоставляетъ имъ выгоды обратнаго фрахта; тогда вслѣдствіе существованія каботажа, рыбныхъ промысловъ и мореходства въ другія страны развиваются морскія силы, чѣмъ обезпечивается самостоятельность націи и ея вліяніе на другіе народы, въ особенности же на южно-американскіе; тогда искусства и науки, цивилизація и литература двигаются впередъ въ восточныхъ штатахъ и отсюда распространяются на западъ.

Вотъ обстоятельства, вынудившіе Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты ограничивать привозъ произведеній иностранныхъ мануфактуръ и оказывать покровительство собственнымъ фабрикамъ. Мы выше показали, какимъ увѣнчалось это успѣхомъ. Что безъ этихъ мѣръ заводско-фабричная промышленность никогда не возникла бы въ при-атлантическихъ штатахъ, показываетъ ихъ собственный опытъ и исторія промышленности другихъ странъ.

Такъ часто являющіеся въ Америкѣ торговые кризисы пытались объяснить вліяніемъ указанныхъ ограниченій торговли, но безъ всякаго основанія. Какъ прежніе, такъ и новѣйшіе опыты Сѣверной Америки показываютъ, напротивъ, что эти кризисы никогда не были столь часты и столь гибельны, какъ въ то время, когда сношенія съ Англіей были наименѣе ограничены. Торговые кризисы въ земледѣльческихъ штатахъ, которые удовлетворяютъ свои потребности въ мануфактурныхъ произведеніяхъ извнѣ, зависятъ отъ несоразмѣрности привоза по отношенію къ вывозу. Промышленные штаты, болѣе богатые капиталами, нежели земледѣльческіе, въ постоянныхъ заботахъ о расширеніи своего сбыта, отпускаютъ свои товары въ кредитъ и поощряютъ потребленіе.

Это какъ бы задатокъ въ обезпеченіе будущей жатвы. Но если урожай настолько слабъ, что его цѣнность далеко не достигаетъ цѣнности прежняго потребленія, или же если урожай будетъ настолько обиленъ, что продукты не находятъ достаточнаго спроса и падаютъ въ цѣнѣ, если при этомъ еще рынокъ переполненъ иностранными мануфактурными товарами, то вслѣдствіе отсутствія равновѣсія между платежными средствами и прежнимъ употребленіемъ, такъ же какъ по причинѣ отсутствія равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ земледѣльческихъ продуктовъ и фабричныхъ издѣлій, — происходитъ кризисъ. Этотъ кризисъ увеличивается и усложняется операціями иностранныхъ и туземныхъ банковъ, но не вызывается ими *). Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы разберемъ ближе эти отношенія.

---

*) Извѣстный американскій экономистъ Г. К. Кэре въ своихъ «Политико-экономическихъ письмахъ къ президенту американскихъ Соединенныхъ Штатовъ» (переводъ съ англійскаго, изд. 1869 г.) выводитъ слѣдующій законъ, на основаніи данныхъ объ ихъ торговой политикѣ за 50-лѣтній періодъ: «Подъ владычествомъ системы, имѣющей цѣлію сблизить потребителя съ производителемъ, страна преуспѣваетъ въ силѣ, богатствѣ и могуществѣ, тогда какъ подъ господствомъ противоположной системы, извѣстной подъ названіемъ *свободы торговли*, потребитель раздѣляется съ производителемъ, все приходитъ въ упадокъ, и страна дѣлается ежедневно бѣднѣе, слабѣе и зависимѣе».

Настоящій трудъ Ф. Листа напечатанъ былъ въ 1844 году, а упомянутые письма Кэре написаны были чрезъ 13—14 лѣтъ послѣ того, т. е. 1857 и 1858 гг. Вотъ что пишетъ онъ въ нихъ, между прочимъ, относительно вліянія экономической политики на положеніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ: «Свобода торговля нашла страну въ 1816 г. на высшей степени благоденствія и оставила ее разоренною. Въ 1824 году произошла частная перемѣна, за которою послѣдовала въ 1828 г. болѣе обширная перемѣна: измѣнивъ свою торговую политику, правительство перешло отъ свободной торговли къ покровительственной системѣ. И тутъ послѣдствія не долго заставили себя ждать и обнаружились возобновленіемъ мануфактуръ, спросомъ на произведенія земли, привозомъ звонкой монеты, увеличеніемъ государственныхъ доходовъ, столь значительнымъ, что пришлось избавить чай, кофе и многіе другіе товары отъ всякой пошлины, окончательнымъ погашеніемъ государственнаго долга и чувствомъ силы и могущества, разлившимся по всей странѣ и далеко превышающимъ то, которое послѣдовало за возстановленіемъ мира въ 1815 г. Но въ 1834 году таможенная система центральнаго правительства опять перемѣнилась, уже въ 1833 г. рѣшено было о постепенномъ переходѣ отъ охранительнаго къ чисто фискальному тарифу, послѣдняя степень котораго была достигнута въ 1842 г. Снова начали учреждаться многочисленные банки, опять страна обременилась большими иностранными долгами и въ этотъ разъ явились тѣ же

ГЛАВА X.

Уроки исторіи.

Во всѣ времена и повсюду умственное развитіе, нравственность и дѣятельность гражданъ находилась въ полномъ соотношеніи съ благосостояніемъ націи, и богатство увеличивалось или уменьшалось пропорціонально этимъ качествамъ; но нигдѣ трудъ и бережливость, духъ изобрѣтательности и предпріимчивости отдѣльныхъ лицъ не создавали ничего великаго тамъ, гдѣ они не находили

послѣдствія: несостоятельность банковъ, разореніе торговцевъ, стѣсненное положеніе фермеровъ и плантаторовъ, вывозъ звонкой монеты, отказъ штатовъ платить свои долги, наконецъ банкротство государственнаго казначейства, которое принуждено было выпустить неразмѣнныя бумажныя деньги, какъ единственное средство, которымъ можно было поддержать дѣйствіе правительственной машины. Въ 1842 г. новая перемѣна въ системѣ центральнаго правительства: фискальный тарифъ 1841 и 1842 гг. опять былъ замѣненъ высокимъ покровительственнымъ. И вотъ опять новые банки почти совсѣмъ перестали учреждаться, иностранные долги были уплачены, прежніе банки возобновили платежи, торговля опять пришла въ цвѣтущее положеніе, звонкая монета привозилась въ изобиліи, штаты получили снова возможность собирать налоги и смыть съ себя пятно несостоятельности, государственные доходы быстро увеличивались, между тѣмъ какъ мирная политика страны дозволяла уменьшать суммы, требуемыя отъ казначейства. Спокойное и тихое благосостояніе было характеристической чертой этого періода. Не было никакого стремленія къ спекуляціямъ, а слѣдовательно къ увеличенію числа кредитныхъ учрежденій, занимающихся денежными операціями. Ни въ одинъ періодъ исторіи этой страны не было такого довѣрія къ будущности, какъ въ году, предшествовавшемъ принятію фискальнаго закона, вышедшаго въ августѣ 1846 года, — закона, въ которомъ система центральнаго правительства была снова измѣнена и положенія тарифа опредѣлены единственно по отношенію къ таможенному доходу. Съ тѣхъ поръ прошли одиннадцать лѣтъ, которые ознаменовались непостоянствомъ и непрочностью всѣхъ коммерческихъ дѣлъ, какія мы находимъ только въ періодъ секвестра, прекращенія морскихъ сообщеній и войны. Снова были учреждены безчисленные банки, цѣны то понижались, то повышались въ такой мѣрѣ, въ какой прежде почти и невидывали. Опять повторяются тѣ-же факты: фабриканты и купцы разоряются, число людей, остающихся безъ работы, достигаетъ до неслыханной цифры, цѣны нашихъ главнѣйшихъ товаровъ быстро упадаютъ, корабли наши остаются безъ дѣла, банки снова принуждены прекратить платежи, государственные доходы падаютъ, а правительство, не смотря на полученіе нѣсколькихъ сотъ милліоновъ калифорнійскаго золота, принуждено опять прибѣгнуть къ бумажнымъ деньгамъ». *Примѣч. К. В. Тр—ва.*

опоры въ гражданской свободѣ, учрежденіяхъ и законахъ, въ государственной администраціи и внѣшней политикѣ, а главнымъ образомъ въ національномъ единствѣ и могуществѣ.

Исторія всѣхъ странъ указываетъ на рѣшительное взаимодѣйствіе соціальныхъ и индивидуальныхъ силъ. Въ итальянскихъ и ганзейскихъ городахъ, въ Голландіи и Англіи, во Франціи и Америкѣ мы наблюдаемъ, какъ производительныя силы, а слѣдовательно и богатства отдѣльныхъ лицъ возрастаютъ пропорціонально съ свободою и усовершенствованіемъ политическихъ и общественныхъ учрежденій, и какъ, съ другой стороны, эти послѣднія въ возрастаніи матеріальныхъ богатствъ и производительныхъ силъ индивидуумовъ получаютъ новыя силы для своего дальнѣйшаго совершенствованія. Самостоятельное развитіе англійской промышленности и могущества восходитъ ко времени зарожденія англійской національной свободы, а промышленность и могущество венеціанцевъ, ганзейцевъ, испанцевъ и португальцевъ начинаетъ падать вмѣстѣ съ ихъ свободою. Какъ ни были трудолюбивы, бережливы, изобрѣтательны и развиты умственно отдѣльныя лица, они не были въ состояніи восполнить недостатокъ свободныхъ учрежденій. Исторія учитъ такимъ образомъ, что отдѣльныя лица большую часть своихъ производительныхъ силъ почерпаютъ изъ общественныхъ учрежденій и общественнаго устройства.

Нигдѣ съ такою ясностію, какъ въ мореходствѣ, не обнаруживается вліяніе свободы, умственнаго развитія и просвѣщенія на могущество, а слѣдовательно и на производительныя силы и на богатство націи. Среди различныхъ отраслей труда мореходство больше всего способно возбудить энергію, личное мужество, духъ предпріимчивости и настойчивость — качества, которыя очевидно могутъ развиваться лишь въ атмосферѣ свободы. Ни въ какой другой отрасли промышленности невѣжество, суевѣрія и предразсудки, равнодушіе, малодушіе, изнѣженность и слабость не сопровождаются столь гибельными послѣдствіями, нигдѣ чувство личной самостоятельности не является столь настоятельно необходимымъ. Поэтому исторія не указываетъ ни одного примѣра, гдѣ бы порабощенный народъ отличался въ мореходствѣ. Индусы, китайцы и японцы искони ограничивались лишь плаваніемъ по каналамъ, рѣкамъ и вдоль морскихъ береговъ. Въ древнемъ Египтѣ мореходство было въ презрѣніи, вѣроятно потому, что жрецы и фараоны

боялись такимъ образомъ воспитать духъ свободы и независимости. Свободнѣйшія и просвѣщеннѣйшія государства Греціи были въ то же время и самыми сильными на морѣ; вмѣстѣ съ свободою и морскія силы прекращаютъ существованіе, и какъ ни много исторія разсказываетъ о побѣдахъ македонскихъ царей на сушѣ, она умалчиваетъ объ ихъ морскихъ побѣдахъ.

Когда римляне были сильны на морѣ и когда прекращаются извѣстія объ ихъ флотѣ? Когда Италія предписываетъ законы на Средиземномъ морѣ, и когда ея собственный каботажъ попадаетъ въ руки чужеземцевъ? Надъ испанскимъ флотомъ инквизиція произнесла смертельный приговоръ прежде, нежели онъ былъ приведенъ въ исполненіе флотами Англіи и Голландіи. Съ образованіемъ купеческой олигархіи въ ганзейскихъ городахъ сила и духъ предпріимчивости исчезаютъ изъ Ганзы. Въ древнихъ Нидерландахъ только мореходцы завоевали себѣ свободу; тѣ же, кто подчиняется инквизиціи, должны были терпѣть даже прекращеніе судоходства на своихъ рѣкахъ. Англійскій флотъ, побѣдивъ голландскій въ Ламаншѣ, овладѣлъ лишь морскимъ господствомъ которому Англія давно уже обезпечила духъ свободы. Голландія, однако, до нашихъ дней сохранила большую долю своихъ морскихъ силъ, между тѣмъ, какъ флоты Испаніи и Португаліи почти уничтожены.—Напрасны были стремленія отдѣльныхъ администраторовъ Франціи создать флотъ при деспотическихъ корольхъ, онъ всегда исчезалъ. И, наоборотъ, какъ въ настоящее время усиливаются на нашихъ глазахъ торговый и военный флоты Франціи? Едва успѣла зародиться независимость Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, и они уже со славою борются съ гигантскимъ флотомъ метрополіи. Но что представляетъ изъ себя мореходство Средней и Южной Америки? Пока ихъ флаги не развѣваются во всѣхъ моряхъ, до тѣхъ поръ дѣйствительность ихъ государственнаго режима можетъ быть еще оспариваема. Взгляните, напротивъ, на Техасъ: едва пробудившись къ жизни, онъ стремится уже захватить свою часть въ царствѣ Нептуна.

Мореходство составляетъ лишь часть промышленной силы націи,—часть, которая можетъ развиваться и пріобрѣтать большее значеніе лишь вмѣстѣ съ цѣлымъ и посредствомъ цѣлаго. Всюду, какъ показываетъ опытъ, и во всѣ времена мореходство, внутренняя и внѣшняя торговля, даже самое земледѣліе процвѣтаютъ

лишь тамъ, гдѣ достигаютъ процвѣтанія мануфактуры. Но если свобода главнымъ образомъ обусловливаетъ развитіе мореходства, то насколько же больше должна она обусловливать мощь мануфактурныхъ силъ, ростъ всѣхъ производительныхъ силъ націи? Исторія не знаетъ ни одного богатаго, ни одного торговаго и промышленнаго народа, который бы въ то же время не былъ и народомъ свободнымъ.

Всюду на ряду съ развитіемъ мануфактуръ усовершенствовались пути сообщенія, улучшалось рѣчное судоходство, пролагались каналы, усовершенствовались грунтовыя дороги, являлись желѣзныя дороги и пароходство,—необходимыя условія для развитія земледѣлія и цивилизаціи.

Исторія учитъ, что искусства и промыслы странствуютъ изъ города въ городъ, изъ страны въ страну. Преслѣдуемые и угнетаемые на родинѣ, они спасаются въ тѣ города и страны, которыя имъ обезпечиваютъ свободу, покровительство и поддержку. Такъ переходили они изъ Греціи и Азіи въ Италію, оттуда въ Германію, Фландрію и Брабантъ, и изъ этихъ послѣднихъ въ Голландію и Англію. Всюду безразсудство и деспотизмъ изгоняли ихъ, а духъ свободы привлекалъ. При отсутствіи недомыслія континентальныхъ правительствъ трудно было бы Англіи завоевать себѣ промышленное верховенство. Но что разумнѣе, ждать ли намъ того, когда другіе націи будутъ настолько безразсудны, что изгонятъ собственную промышленность, вслѣдствіе чего мы заставимъ ихъ искать у насъ убѣжища, или же, не разсчитывая на подобныя случайности, привлечь ихъ къ намъ, предложивъ имъ извлекать отсюда извѣстныя выгоды? Правда, опытъ учитъ, что вѣтеръ переноситъ сѣмена изъ одной мѣстности въ другую и что такимъ образомъ голыя степи превратились въ густые лѣса; но было ли бы, однако, разумно, со стороны лѣсохозяина, ждать, пока вѣтеръ въ теченіе столѣтій произведетъ эти культурныя улучшенія? Было ли бы съ его стороны безсмысленно, если бы онъ посредствомъ обсѣмененія голыхъ пространствъ постарался достичь этой цѣли въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій? Исторія показываетъ, что цѣлые народы съ успѣхомъ поступали такъ, какъ долженъ былъ-бы, очевидно, поступить лѣсовладѣлецъ.

Нѣкоторые свободные города, или небольшія республики съ ограниченною территоріею, съ незначительнымъ населеніемъ, и

незначительныя въ военномъ отношеніи, или же союзы такихъ городовъ и государствъ, благодаря энергіи ихъ юношеской свободы, ихъ географическому положенію и счастливымъ обстоятельствамъ, гораздо ранѣе великихъ монархій достигали процвѣтанія въ промышленности и торговлѣ. Установивъ съ этими послѣдними монархіями свободныя сношенія, онѣ доставляли имъ свои мануфактурныя произведенія въ обмѣнъ на сельскохозяйственные продукты, и такимъ образомъ достигали высокой степени богатства и могущества. Такъ было съ Венціей, съ Ганзой, съ Бельгіей и Голландіей.

Не менѣе выгодна была сначала свобода торговли для тѣхъ великихъ державъ, съ которыми онѣ находились въ сношеніяхъ. При богатствѣ ихъ естественныхъ источниковъ и грубости ихъ общественнаго состоянія, свободный ввозъ иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ и вывозъ ихъ земледѣльческихъ продуктовъ были самымъ вѣрнымъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ развить ихъ производительныя силы, пріучить къ труду ихъ жителей, склонныхъ къ лѣни и ссорамъ, заставить землевладѣльцевъ и аристократію интересоваться промышленностію, возбудить въ ихъ купцахъ спящій духъ предпріимчивости, и главнымъ образомъ поднять ихъ культуру, промышленность и могущество.

Подобные результаты въ особенности выпали на долю Великобританіи вслѣдствіе торговыхъ и промышленныхъ ея сношеній съ итальянцами, ганзейцами, бельгійцами и голландцами. Но достигнувъ при помощи свободныхъ торговыхъ сношеній извѣстной степени развитія, великія держаны поняли, что могущество и богатство пріобрѣтается лишь тогда, когда фабрики и торговля будутъ въ единеніи съ земледѣліемъ, онѣ поняли, что новыя туземныя фабрики не въ силахъ выдерживать конкурренціи со старыми, давно существующими заграничными фабриками, что ихъ собственные рыбные промыслы и собственный торговый флотъ—основа флота военнаго—никогда не создадутся безъ особеннаго покровительства, и что духъ предпріимчивости туземныхъ купцовъ всегда будетъ парализоваться дѣйствіями иностранныхъ купцовъ, благодаря ихъ огромнымъ капиталамъ, большей опытности и образованію. Тогда онѣ стремились посредствомъ ограниченій, покровительства и поощреній аклиматизировать на собственной почвѣ капиталы, ловкость и духъ предпріимчивости иностранцевъ, съ

большимъ или меньшимъ успѣхомъ, съ большею или меньшею быстротой, смотря по тому, насколько цѣлесообразны были избранныя ими средства и съ какою энергіею и настойчивостью преслѣдовалась намѣченная цѣль.

Прежде всѣхъ прибѣгла къ этой политикѣ Англія. Но необразованность или страстность правителей, внутреннія волненія или внѣшнія войны были причиною того, что эта политика часто прерывалась, и лишь благодаря Эдуарду VI, Елизаветѣ и революціямъ Англія усвоила прочную и цѣлесообразную систему. Ибо какимъ образомъ могли оказывать надлежащее дѣйствіе мѣры Эдуарда III, когда только при Генрихѣ VI въ первый разъ разрѣшено было перевозить зерновой хлѣбъ изъ одного графства въ другое или вывозить его за границу? Когда еще во времена Генриха VII и Генриха VIII всякая прибыль, даже торговые проценты или дисконтъ, равно барышъ отъ разницы денежнаго курса считалось ростовщичествомъ, и когда думали, что возможно покровительствовать промышленности посредствомъ низкой таксировки шерстяныхъ товаровъ и заработной платы, а производство хлѣба—посредствомъ уменьшенія большихъ стадъ овецъ? И насколько ранѣе достигла бы Англія высокой степени развитія шерстянаго производства и мореплаванія, если бы Генрихъ VIII не сочелъ за бѣдствіе повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, если бы онъ, вмѣсто того, чтобы изгнать изъ страны массу иностранныхъ рабочихъ, постарался, по примѣру своихъ предшественниковъ, увеличить ихъ число посредствомъ эмиграціи, и если бы Генрихъ VII не отвергъ предложеннаго ему парламентомъ навигаціоннаго акта?

Во Франціи мы видимъ туземныя фабрики, свободу внутреннихъ сношеній, внѣшнюю торговлю, рыбные промыслы, торговый и военный флоты, словомъ всѣ атрибуты великой, могущественной и богатой націи, и все это, стоившее Англіи вѣковыхъ усилій, было создано однимъ великимъ геніемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, но за то все это еще быстрѣе было уничтожено желѣзною рукою фанатизма и деспотизма.

Безуспѣшно, на нашихъ глазахъ, принципъ свободы торговли вступаетъ въ борьбу, при неблагопріятныхъ условіяхъ, съ ограниченіями, облеченными могуществомъ; Ганза уничтожается и Голландія падаетъ подъ ударами Англіи и Франціи.

Что торговая политика ограниченій только тогда можетъ оказать надлежащее дѣйствіе, когда она поддерживается успѣхами культуры и свободными учрежденіями страны, доказываетъ упадокъ Венеціи, Испаніи и Португаліи, ретроградное движеніе Франціи вслѣдствіе отмѣны Нантскаго эдикта и исторія Англіи, въ которой свобода всегда развивалась параллельно съ успѣхами промышленности, торговли и національнаго обогащенія.

Напротивъ, сильно развитая культура, при свободныхъ ли учрежденіяхъ или безъ нихъ, если только она не встрѣчаетъ поддержки въ цѣлесообразной торговой политикѣ, является плохимъ обезпеченіемъ экономическихъ успѣховъ страны. Это достаточно ясно доказывается исторіею Сѣверо-Американскихъ Соединонныхъ Штатовъ и опытомъ Германіи.

Новѣйшая Германія, при отсутствіи энергичной и общей торговой политики, предоставленная на собственномъ рынкѣ конкурренціи иностранной промышленности, превосходящей ее во всѣхъ отношеніяхъ, напротивъ, устраненная съ иностранныхъ рынковъ произвольными, частію даже прихотливыми ограниченіями, далекая отъ того, чтобы ея культура дѣлала успѣхи параллельно съ развитіемъ ея промышленности, — эта Германія не въ состояніи была ни разу возвыситься до своего прежняго положенія и походитъ теперь на колонію и эксплоатируется тою самою страною, которую нѣсколько столѣтій предъ тѣмъ такимъ же образомъ эксплоатировали нѣмецкіе купцы, такъ что наконецъ нѣмецкіе города рѣшились посредствомъ общей и энергичной торговой политики обезпечить внутренній рынокъ для своей собственной промышленности.

Свободные штаты Сѣверной Америки, будучи въ состояніи болѣе всѣхъ другихъ націй до нихъ извлечь пользу изъ принципа свободы торговли и уже въ колыбели своей самостоятельности взлелѣянные уроками космополитической школы, больше всѣхъ другихъ націй старались провести въ жизнь этотъ принципъ. Но, какъ мы видѣли, эта нація дважды вынуждена была, вслѣдствіе войны съ Великобританіею, выработывать сама себѣ тѣ мануфактурные издѣлія, которыя она при свободѣ торговли пріобрѣтала изъ другихъ странъ; послѣ же заключенія мира она дважды была доведена свободною заграничною конкурренціею на край погибели, что и привело ее къ убѣжденію, что при настоящихъ міровыхъ отношеніяхъ каждая

великая нація должна искать обезпеченія своего благосостоянія и независимости въ самостоятельномъ и равномѣрномъ развитіи ея собсвенныхъ силъ.

Такимъ образомъ исторія учитъ, что ограничительныя мѣры являются не столько изобрѣтеніемъ глубокомысленныхъ умовъ, сколько результатомъ развитія интересовъ и стремленія націй къ независимости и верховенству, слѣдовательно, результатомъ національнаго соперничества и войны, и что эти ограниченія могутъ исчезнуть только при согласованіи всѣхъ національныхъ интересовъ, т. е. при общемъ объединеніи всѣхъ народовъ подъ знаменемъ права. Вопросъ: какимъ образомъ объединить народы въ образѣ федеративнаго устройства и какимъ образомъ при разрѣшеніи возникающихъ между независимыми націями разногласій поставить власть закона на мѣсто военной силы, вопросъ этотъ сливается съ другимъ: какимъ образамъ національныя системы торговли могутъ быть замѣнены свободою всемірной торговли?

Опыты нѣкоторыхъ странъ, примѣнившихъ у себя эту свободу—по отношенію къ націи, превосходящей ихъ промышленностію, богатствомъ и могуществомъ или ограничительною торговою системою, какъ это было сдѣлано въ 1703 году Португаліею, въ 1786—Франціею, въ 1786 и 1816 г. Сѣверною Америкою, съ 1815 по 1821 годъ Россіею и въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ Германіею,—подобные опыты показываютъ намъ, что такимъ образомъ приносится лишь въ жертву благосостояніе отдѣльныхъ странъ безъ всякой пользы для всего человѣчества и только для выгодъ той страны, которая господствуетъ въ промышленности и торговлѣ. Швейцарія, какъ мы выяснимъ позднѣе, является исключеніемъ и представляетъ такъ-же много, какъ и мало доказательствъ какъ за, такъ и противъ той или другой системы.

Кольберъ не является предъ нами создателемъ той системы, которую итальянцы назвали его именемъ; какъ мы видѣли, она была еще задолго до него развита англичанами. Кольберъ только провелъ въ жизнь то, что должна была рано или поздно провести Франція, если она желала выполнить свое назначеніе. Если и можно поставить что-либо въ вину Кольберу, такъ лишь то, что онъ пытался выполнить подъ покровомъ деспотическаго правленія то, что могло получить прочность послѣ лишь кореннаго преобразованія имъ политическаго строя.

На этотъ упрекъ можно однако возразить слѣдующее: система Кольбера, если бы благоразумные короли и просвѣщенные министры ей слѣдовали, удалила бы съ пути преобразованія тѣ препятствія, которыми задерживалось развитіе промышленности, сельскаго хозяйства, торговли, равно какъ и общественной свободы, и Франціи не пришлось бы переживать революціи, но даже гораздо болѣе, успѣвъ въ своемъ развитіи, благодаря взаимодѣйствію промышленности и свободы, Франція бы уже цѣлыхъ полтора вѣка счастливо соперничала съ Англіею въ промышленности, развитіи внутреннихъ сношеній, во внѣшней торговлѣ и колонизаціи, равно какъ въ рыбныхъ промыслахъ, въ торговомъ и военномъ флотахъ.

Исторія, наконецъ, учитъ насъ, какимъ образомъ народы, обладающіе отъ природы всѣми средствами для достиженія высшей степени богатства и могущества, могутъ и должны, безъ того, чтобы не стать въ противорѣчіе съ самими собою, мѣнять свою торговую систему по мѣрѣ того, какъ идутъ впередъ. Сначала, дѣйствительно, посредствомъ свободы торговли съ народами, ихъ опередившими, они выходятъ изъ варварства и улучшаютъ свое земледѣліе; потомъ, посредствомъ ограниченій, они заставляютъ цвѣсти ихъ фабрики, флотъ и внѣшнюю торговлю; наконецъ, послѣ достиженія высшей степени богатства и могущества, посредствомъ постепеннаго перехода къ принципамъ свободы торговли и свободной конкурренціи иностранцевъ на ихъ собственныхъ рынкахъ, они предохраняютъ отъ равнодушія своихъ земледѣльцевъ, фабрикантовъ и своихъ купцовъ, и возбуждаютъ въ нихъ энергію для поддержанія верховенства, котораго они достигли. На первой ступени развитія находится Испанія, Португалія и Неаполь, на второй Германія и Сѣверная Америка, недалеко отъ границы послѣдней ступени находится, по нашему мнѣнію, Франція; достигла послѣдней ступени пока еще только Великобританія.

Книга вторая.

ТЕОРІЯ.

ГЛАВА XI.

Политическая и космополитическая экономія.

До Кенэ и французскихъ экономистовъ не существовало другой политической экономіи кромѣ той, которая практиковалась государственнымъ управленіемъ. Администраторы и писатели, которые трактовали о предметахъ административныхъ, обращали вниманіе исключительно на земледѣліе, фабрики, торговлю и мореплаваніе тѣхъ странъ, которымъ они принадлежали, не заботясь объ анализѣ причинъ богатства и не возвышаясь до интересовъ цѣлаго человѣчества.

Кенэ, у котораго впервые зародилась идея всеобщей свободы торговли, расширилъ объемъ своихъ изслѣдованій на все человѣчество, не имѣя представленія объ отдѣльной націи. Заглавіе его сочиненія таково: „Physiocratie, ou de gouvernement le plus avantageux *au genre humain*“; онъ хотѣлъ бы, чтобы *„купцы всѣхъ народовъ образовали одну торговую республику“*. Очевидно, Кенэ имѣлъ въ виду *космополитическую* экономію, т. е. ту науку, которая учитъ, какъ весь человѣческій родъ можетъ обезпечить себѣ благосостояніе, въ противоположность политической экономіи, или такой наукѣ, которая ограничивается изученіемъ того, какимъ образомъ данный народъ при извѣстныхъ міровыхъ отношеніяхъ, при помощи земледѣлія, промышленности и торговли, достигаетъ благосостоянія, цивилизаціи и могущества.

Тотъ же широкій смыслъ придаетъ и Адамъ Смитъ своему ученію, такъ какъ онъ поставилъ себѣ задачею доказать справедливость космополитической идеи абсолютной свободы всемірной торговли, не смотря на грубыя ошибки физіократовъ противъ сущности вещей и противъ логики. Адамъ Смитъ такъ же, какъ и Кенэ, не думалъ составлять трактата о предметѣ политической экономіи, т. е. той политики, которой должны слѣдовать отдѣльныя націи, чтобы достигать прогресса въ своемъ экономическомъ положеніи. Онъ далъ слѣдующее заглавіе своему сочиненію: „Природа и причины богатства народовъ“, т. е. всѣхъ народовъ, всего рода человѣческаго. Онъ говоритъ о различныхъ системахъ политической экономіи въ особенной части своего труда, съ единственною и исключительною цѣлію представить ихъ полное ничтожество и доказать, что политическая или *національная* экономіи должны уступить мѣсто *всемірной* экономіи. Если онъ говоритъ также иногда и о войнѣ, то по видимому только мимоходомъ. Идея *внѣшняго мира* лежитъ въ основаніи всѣхъ его доказательствъ. Такъ, по выразительному замѣчанію его біографа Дугалдъ-Стеварта, точкою отправленія всѣхъ его изслѣдованій было убѣжденіе, что „большинство государственныхъ мѣропріятій для развитія общественнаго благосостоянія безполезно, и что для націи, стремящейся перейти изъ низшаго состоянія варварства въ состояніе наивозможно высшаго благосостоянія, необходимы лишь умѣренные налоги, хорошее судопроизводство и *миръ*“. Подъ словомъ миръ Адамъ Смитъ, очевидно, разумѣнія вѣчный миръ аббата Saint Pierre'а.

Ж. Б. Сэй ставитъ ясный вопросъ: не должно-ли допустить существованіе *всемірной республики* для того, чтобы ясно представить себѣ идею всеобщей свободы торговли? Этотъ писатель, который въ сущности воздвигнулъ зданіе своего ученія изъ матеріаловъ, преподанныхъ Адамомъ Смитомъ, въ шестомъ томѣ, стр. 288, своей èconomie politique pratique говоритъ буквально слѣдующее: „Мы можемъ разсматривать экономическіе интересы семьи съ отцомъ дома во главѣ; принципы и воззрѣнія, касающіеся такихъ интересовъ, составляютъ предметъ *частной экономіи*. Тѣ же принципы, которые имѣютъ отношеніе къ интересамъ цѣлой націи въ частности и по отношенію ея къ другимъ націямъ, образуютъ *государственную экономію* (l'économie publique). *Политическая* экономія,

наконецъ, разсматриваетъ интересы всѣхъ націй, *все человѣчество въ совокупности*".

При этомъ нужно замѣтить, во-первыхъ, что Сэй, подъ именемъ государственной экономіи (économie publique) разумѣетъ національную или политическую экономію и что онъ нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ объ ней не говоритъ; во-вторыхъ, что онъ ученію, очевидно, характера *космополитическаго*, усвоиваетъ названіе *политической экономіи*, и что онъ въ этомъ ученіи всюду трактуетъ лишь о той экономіи, которая имѣетъ въ виду исключительно интересы всего человѣческаго рода безъ всякаго отношенія къ интересамъ отдѣльныхъ націй.

Этого смѣшенія наименованій не существовало бы, если бы Сэй, предупредивъ о томъ, что онъ называетъ политической экономіей и что на самомъ дѣлѣ есть ничто иное, какъ космополитическая или міровая экономія, познакомилъ насъ также и съ принципами того ученія, которое онъ называетъ государственной экономіей (économie publique), но которое на самомъ дѣлѣ есть ничто иное, какъ экономія въ отношеніи къ націямъ или политическая экономія. При опредѣленіи и развитіи этого ученія, онъ едва ли могъ исходить изъ представленія и существа націи и выяснить, какія существенныя измѣненія должна потерпѣть экономія человѣческаго общества, такъ какъ человѣческое общество раздѣлено на отдѣльныя національности, которыя представляютъ союзъ силъ и интересовъ и въ своей естественной свободѣ стоятъ лицомъ къ лицу съ другими обществами подобнаго рода. Но, придавъ своей *міровой* экономіи наименованіе *политической* экономіи, онъ избавилъ себя отъ такого изложенія; смѣшавъ слова, онъ произвелъ смѣшеніе понятій и замаскировалъ массу грубѣйшихъ теоретическихъ ошибокъ. Всѣ позднѣйшіе писатели повторили ту же ошибку. Сисмонди также называетъ свою политическую экономію: „la science qui se charge du bonheur de *l'espèce humaine*". Такъ Адамъ Смитъ и его ученики излагали въ сущности то же ученіе, которое излагали до нихъ Кенэ и его ученики, потому что въ статьѣ „Revue méthodique", трактующей о школѣ физіократовъ, почти тѣми же словами выражается мысль, что „*благосостояніе отдѣльныхъ лицъ зависитъ вообще отъ благосостоянія всего рода человѣческаго*". Первый изъ сѣверо-американскихъ корифеевъ свободы торговли въ томъ видѣ, какъ ее понимаетъ Адамъ Смитъ,—Ѳома Куперъ

президентъ коллегіума въ Колумбіи, отрицаетъ даже существованіе національныхъ особенностей; онъ называетъ націю „грамматическимъ изобрѣтеніемъ, вызваннымъ необходимостью избѣжанія перифразовъ, не-сущимъ (a non-entity), которое не имѣетъ никакого реальнаго значенія и пригрезилось лишь политикамъ". Впрочемъ, Куперъ при этомъ совершенно послѣдователенъ, даже гораздо послѣдовательнѣе своихъ предшественниковъ и учителей, ибо очевидно, что, разъ признано существованіе націй съ ихъ условіями бытія и ихъ интересами, необходимо допустить и измѣненіе экономіи человѣческаго общества согласно этимъ частнымъ интересамъ и что, если признается это измѣненіе ошибкою, то совершенно разумно опровергнуть прежде всего существованіе націй.

Мы съ своей стороны далеки отъ того, чтобы отвергать *космополитическую* теорію въ томъ видѣ, какъ она выработана школою *); мы думаемъ только, что и *политическая* экономія, или, какъ ее называетъ Сэй, économie publique, также должна быть научно разработана, и что во всякомъ случаѣ лучше называть вещи ихъ дѣйствительными именами, нежели придавать имъ названія, противорѣчащія смыслу словъ.

Если желаютъ остаться вѣрными логикѣ и сущности вещи, необходимо противопоставить частную экономію соціальной экономіи и въ этой послѣдней различать: экономію политическую или національную, которая, исходя изъ представленія и сущности національзма, учитъ, какимъ образомъ данная нація при современномъ положеніи всего свѣта и при наличности особыхъ національныхъ отношеній, можетъ сохранять и улучшать свое экономическое положеніе, и экономію космополитическую или міровую, которая исходитъ изъ гипотезы, что націи всего земнаго шара образуютъ собою одно общество, пребывающее въ вѣчномъ мирѣ.

Предположите, какъ того желаетъ школа, міровую ассоціацію или федерацію всѣхъ націй, какъ гарантію вѣчнаго мира, и принципъ международной свободы торговли будетъ совершенно установленъ. Чѣмъ менѣе каждый человѣкъ ограниченъ въ достиженіи своей личной цѣли — благосостоянія, тѣмъ значительнѣе число и богатство тѣхъ, которые находятся съ нимъ въ свободныхъ сношеніяхъ, тѣмъ шире поле его дѣятельности, тѣмъ легче

*) Т. е. классическою политическою экономіею. *Прим. В. К. Тр—ва.*

ему для увеличенія своего благосостоянія пользоваться данными ему отъ природы способностями, пріобрѣтенными познаніями и талантами, равно находящимися въ его распоряженіи естственными силами. Что сказано объ отдѣльномъ лицѣ, примѣнимо и къ общинамъ, и къ провинціямъ, и къ государствамъ. Только глупецъ можетъ утверждать, что торговое объединеніе для Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, для провинцій Франціи, для нѣмецкихъ союзныхъ государствъ вреднѣе провинціальныхъ таможенъ.

Объединеніе трехъ соединенныхъ королевствъ (Великобританіи и Ирландіи) представляютъ міру разительный и рѣшительный примѣръ громадныхъ результатовъ свободы торговли между объединенными народами. Стоитъ лишь представить себѣ подобную ассоціацію между всѣми націями земнаго шара — и самое живое воображеніе не въ силахъ будетъ начертать себѣ размѣры благосостоянія и могущества, которыхъ достигло бы человѣчество.

Безспорно, идея всемірной федераціи всѣхъ народовъ и вѣчнаго міра диктуется какъ разумомъ, такъ и религіею *). Если уже поединокъ между двумя индивидуумами является безсмыслицею, то насколько же больше долженъ быть такимъ поединокъ между двумя націями? Доказательства изъ культурной исторіи человѣчества, приводимыя соціальною экономіею въ защиту объединенія всѣхъ націй подъ знаменемъ закона, являются, быть можетъ, самыми очевидными для здраваго разума. Исторія показываетъ, что тамъ, гдѣ индивидуумы находятся въ постоянной борьбѣ между собою, благосостояніе націй находится на самой низкой степени и что оно возвышается вполнѣ пропорціонально съ развитіемъ человѣческихъ ассоціацій. Въ первоначальномъ состояніи человѣчества мы отмѣчаемъ лишь семейный союзъ, затѣмъ слѣдуютъ города, далѣе городскія федераціи, затѣмъ союзы цѣлыхъ странъ, наконецъ объединеніе многихъ государствъ подъ знаменемъ закона. Если природа вещей была достаточно могущественна для того, чтобы распространить на сотни милліоновъ то объединеніе, которое началось въ семьѣ, то необхо-

*) Христіанская религія требуетъ вѣчнаго мира. Но пока не исполнилось пророчество: «и будетъ *едино* стадо и *единъ* пастырь»,—принципъ квакеровъ, вѣрный абсолютно, трудно провести въ жизнь. Нѣтъ лучшаго доказательства божественности христіанскаго ученія, какъ то, что это ученіе и его пророчества находятся въ полномъ согласіи съ успѣхами матеріальнаго и моральнаго преуспѣянія человѣческаго общества.

димо предположить въ ней достаточно силы и для осуществленія объединенія цѣлыхъ націй. Если человѣческій умъ былъ способенъ оцѣнить выгоду этихъ великихъ союзовъ, то нужно считать его достаточно способнымъ постигнуть выгоды и общаго объединенія всего человѣчества. Масса признаковъ указываетъ на это стремленіе міроваго ума. Припомнимъ лишь успѣхи въ наукахъ, искусствахъ и изобрѣтеніяхъ, въ промышленности и въ соціальной организаціи. Теперь уже съ увѣренностію можно предвидѣть, что чрезъ нѣсколько десятилѣтій, благодаря усовершенствованію путей сообщенія, цивилизованнѣйшіе народы въ своихъ матеріальныхъ и умственныхъ отношеніяхъ будутъ связаны также тѣсно и даже еще тѣснѣе, чѣмъ были связаны столѣтіе тому назадъ разныя графства Англіи. И теперь уже телеграфъ даетъ правительствамъ континентальныхъ странъ такое средство, которое позволяетъ имъ вступать въ переговоры такъ, какъ будто бы всѣ они находились въ одномъ и томъ же мѣстѣ. До сихъ поръ совершенно неизвѣстныя могущественныя силы подняли промышленность на такую высоту, какой нельзя было и подозрѣвать, и несомнѣнно обнаружатся другія силы, еще болѣе могущественныя. Но чѣмъ болѣе развивается промышленность, тѣмъ равномѣрнѣе она распространяется по земному шару и тѣмъ сильнѣе будетъ уменьшаться возможность войны. Два одинаково развитые въ промышленномъ отношеніи народа въ состояніи уже въ одну недѣлю нанести другъ другу болѣе вреда, чѣмъ въ состояніи его исправить цѣлое поколеніе. Прибавьте къ этому, что тѣ же самыя новыя силы, которыя до сихъ поръ созидали производство, не откажутся воздѣйствовать на его разрушеніе и что они преимущественно пригодны для обороны въ особенности континентальныхъ странъ, между тѣмъ какъ они угрожаютъ лишить Великобританію тѣхъ преимуществъ, которыя давало положеніе острова для защиты этой страны. Конгрессъ великихъ державъ Европы есть уже зародышъ будущаго конгресса народовъ. Теперь уже ясно сказывается стремленіе устранять международныя распри преимущественно посредствомъ трактатовъ, вмѣсто того, чтобы разрѣшать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ на правѣ сильнаго. Вслѣдствіе болѣе правильныхъ взглядовъ на сущность богатства и промышленности, лучшіе умы всѣхъ цивилизованныхъ націй пришли къ тому убѣжденію, что цивилизующее вліяніе на варварскія и полуварварскія страны или на

страны, отставшія въ культурномъ отношеніи, или на основанныя колоніи оказываютъ націи, ихъ опередившія, заботящіяся о развитіи ихъ производительныхъ силъ, а такое поле дѣятельности обѣщаетъ дать несравненно болѣе богатые и прочные результаты, нежели война или враждебныя торговыя ограниченія. По мѣрѣ того, какъ будетъ упрочиваться подобное убѣжденіе, и развитіе путей сообщенія откроетъ образованнымъ народамъ такія страны, которыя лишены цивилизаціи; эти націи будутъ все болѣе и болѣе понимать, что цивилизація народовъ варварскихъ и народовъ, раздираемыхъ анархіею или стоящихъ подъ гнетомъ дурнаго правительства, — является миссіею, выполненіе которой одинаково выгодно для всѣхъ ихъ и одинаково для всѣхъ ихъ обязательна, — миссіею, выполненіе которой и возможно лишь посредствомъ ассоціаціи.

Что цивилизація всѣхъ странъ, культура всего земнаго шара является задачею человѣчества, ясно показываетъ тотъ неизмѣнный законъ природы, который съ непреодолимою силою заставлялъ цивилизованныя націи направлять свои производительныя силы на страны мало культурныя. Всюду, какъ мы видимъ, подъ вліяніемъ цивилизаціи народонаселенія, умственныя силы и матеріальныя богатства поднимаются до той высоты, когда онѣ необходимо должны переливаться въ страны менѣе культивированныя. Если почва страны не въ состояніи уже болѣе пропитать населеніе, и земледѣльческое населеніе не находитъ примѣненія для своего труда, то избытокъ его ищетъ доступныхъ культурѣ пространствъ въ отдаленныхъ странахъ; если таланты и техническія знанія становятся въ странѣ настолько обильными, что ихъ трудъ не вознаграждается болѣе, они переселяются въ страны, гдѣ въ нихъ чувствуется недостатокъ; если вслѣдствіе накопленія капиталовъ размѣръ процентовъ на нихъ падаетъ такъ низко, что незначительный капиталистъ не получаетъ достаточныхъ средствъ для жизни, то онъ старается обезпечить себя въ этомъ отношеніи въ странахъ менѣе богатыхъ.

Итакъ школа (классическая политическая экономія) основывается на вѣрной идеѣ, которая должна быть признана и разработана наукою, если послѣдняя хочетъ выполнить свое назначеніе служить свѣточемъ для практики,—идеѣ, знакомство съ которою обязательно для практики, если она не желаетъ сбиться съ надлежащаго пути. Школа упустила только изъ вида сущность

національностей, ихъ интересы и ихъ особыя условія и не старалась согласить ихъ съ идеею всемірной ассоціаціи и вѣчнаго міра.

Школа признала положеніе вещей, которое должно осуществиться только въ будущемъ, какъ уже реализованное. Она предполагаетъ существованіе всемірной ассоціаціи и вѣчнаго мира и отсюда выводитъ великія выгоды отъ свободы торговли. Она смѣшиваетъ, такимъ образомъ, слѣдствіе съ причиною. Между объединившимися провинціями и государствами уже существуетъ постоянный миръ и отсюда произошло объединеніе ихъ торговли. Благодаря установившемуся между ними постоянному миру, онѣ пользуются тѣми выгодами, которыя достигаются торговымъ объединеніемъ. Всѣ примѣры, которые намъ даетъ исторія, показываютъ, что политическое единеніе предшествуетъ торговому, которое является слѣдствіемъ перваго. Исторія не знаетъ ни одного примѣра, гдѣ бы торговое единеніе предшествовало и обусловливало политическое. Но при настоящихъ міровыхъ отношеніяхъ всеобщая свобода торговли дала бы въ результатѣ не всеобщую республику, а всеобщее подчиненіе отставшихъ націй верховенству націй, являющихся наиболѣе сильными въ промышленности, торговлѣ и мореплаваніи,—для этого есть очень вѣскія основанія и, съ нашей точки зрѣнія, неопровержимыя.

Міровая республика, какъ ее понимали Генрихъ IV и аббатъ Saint Pierre, т. е. такая ассоціація, въ которой всѣ націи признавали-бы надъ собою легальное управленіе и отказались-бы отъ самосуда, можетъ осуществиться лишь въ такомъ случаѣ, если многія націи достигнутъ по возможности одинаковой степени промышленности и цивилизаціи, политическаго воспитанія и могущества. Только путемъ постепеннаго расширенія такой ассоціаціи можетъ развиваться и свобода торговли; только вслѣдствіе организаціи такого союза можно обезпечить всѣмъ націямъ великія выгоды, примѣромъ чего могутъ служить провинціи и государства, уже объединившіяся. Протекціонная система является единственнымъ средствомъ для поднятія отставшихъ странъ до уровня опередившихъ ихъ націй, которыя отъ природы не получили никакой вѣчной монополіи мануфактурной промышленности, а лишь выиграли во времени передъ другими націями; поэтому протекціонная система является, съ указанной точки зрѣнія, могущественною силою, влекущею націи къ конечной цѣли—ассоціаціи народовъ,

а слѣдовательно къ истинной свободѣ торговли. Съ этой же точки зрѣнія и національная (политическая) экономія является такою наукою, которая, признавая существующіе интересы и индивидуальныя условія націй, учитъ, какимъ образомъ каждая изъ нихъ можетъ возвыситься до той же степени экономическаго развитія, при которой ея ассоціація съ другими націями равной культуры на основаніи свободы торговли становится возможной и выгодной.

Школа однако оба эти ученія перемѣшала; она впадаетъ въ крупную ошибку, примѣняя къ положенію различныхъ націй чисто космополитическіе принципы, въ то же время не признавая, по соображеніямъ политическимъ, космополитическихъ тенденцій производительныхъ силъ.

Только вслѣдствіе непониманія космополитической тенденціи производительныхъ силъ могъ Мальтусъ впасть въ такую ошибку, какъ желаніе ограничить приростъ населенія,—или въ новѣйшее врямя Шальмеръ и Торренсъ—выразить странную мысль, что увеличеніе капиталовъ и ограниченное производство составляетъ зло, которому общій интересъ долженъ положить границы,—или, наконецъ, Сисмонди—объявить фабрики явленіемъ вреднымъ для общества. Теорія здѣсь подобна Сатурну, глотающему собственныхъ дѣтей. Эта теорія, согласно которой результатомъ увеличенія народонаселенія, капиталовъ и машинъ является раздѣленіе труда, а этимъ послѣднимъ объясняется благосостояніе общества, начинаетъ въ концѣ концовъ считать производительныя силы чудищемъ, угрожающимъ благосостоянію народовъ, потому что она, устремивъ вниманіе на положеніе отдѣльныхъ націй, упускаетъ изъ вида положеніе всего земнаго шара и будущіе успѣхи человѣчества.

Несправедливо то, что населеніе увеличивается въ большей пропорціи, нежели производство предметовъ продовольствія; по меньшей мѣрѣ не имѣетъ смысла допущеніе такой непропорціональности или стремленіе доказать его искусственными выкладками и софистическими аргументами, до тѣхъ поръ пока на земномъ шарѣ лежитъ мертвымъ капиталомъ масса естественныхъ богатствъ, которыя въ состояніи будутъ пропитать въ десять разъ, а можетъ быть и во сто разъ больше людей, нежели теперь.

Только узкая точка зрѣнія можетъ признавать настоящіе раз-

мѣры производительныхъ силъ основою того, сколько людей можетъ питаться на данномъ пространствѣ земли. Дикарь, охотникъ, рыболовъ, вычисляя по своему, не нашли бы на землѣ достаточно мѣста для милліона людей, пастухъ—для десяти милліоновъ, земледѣлецъ—для сотни милліоновъ,—и однако въ одной Европѣ въ настоящее время живетъ двѣсти милліоновъ. Культура картофеля и кормовыхъ травъ и новѣйшія улучшенія въ земледѣліи вообще вдесятеро увеличили производительныя силы людей въ добываніи средствъ существованія. Въ средніе вѣка въ Англіи выходъ пшеницы съ одного акра земли былъ самъ-четыре, теперь же самъ-десять и самъ-двадцать, не говоря уже о томъ, что теперь въ пять разъ больше обработывается земли. Во многихъ европейскихъ странахъ, въ которыхъ естественное плодородіе почвы то-же, что и въ Англіи, выходъ зерна и въ настоящее время не превышаетъ самъ-четыре. Кто можетъ указать границы открытій, изобрѣтеній и прогресса человѣчества? Земледѣльческая химія еще въ зародышѣ; кто рѣшится стоять за то, что завтра новое изобрѣтеніе или открытіе не увеличитъ производительность почвы въ пять или десять разъ?

Артезіанскіе колодцы даютъ уже возможность превращать безплодныя пустыни въ плодоносныя поля. А сколько силъ можетъ быть заключено еще въ нѣдрахъ земли? Предположите лишь случай, что вслѣдствіе новаго открытія окажется возможность получать теплоту безъ помощи горючихъ матеріаловъ; какія пространства земли будутъ вслѣдствіе этого обработаны, и въ какихъ невѣроятныхъ размѣрахъ возрастетъ производительная способность извѣстнаго даннаго пространства земли? Если теорія Мальтуса кажется намъ узкою по своей тенденціи, то по своимъ средствамъ она представляется противоестественною, гибельною для нравственности и энергіи, наконецъ, чудовищною. Она стремится уничтожить побужденіе, которое по своей природѣ является дѣйствительнѣйшимъ средствомъ, которое возбуждаетъ въ людяхъ напряженіе тѣла и духа, будитъ и вызываетъ благороднѣйшія чувства—побужденіе, которому человѣчество должно быть обязано большею частью своихъ успѣховъ. Она стремится возвести въ законъ бессердечнѣйшій эгоизмъ; она требуетъ, чтобы сердце наше оставалось глухо къ страданіямъ голоднаго, такъ какъ, если мы снабдимъ его пищей и питьемъ, то быть можетъ лѣтъ черезъ 30 дру-

гой вмѣсто него будетъ голодать. Она желаетъ расчетъ поставить на мѣсто состраданія. Эта доктрина въ состояніи превратить въ камни сердца людей. Но чего можно ожидать отъ страны, у гражданъ которой въ груди камни вмѣсто сердецъ? Чего—кромѣ полнаго упадка нравственности, а вмѣстѣ съ нею и всѣхъ производительныхъ силъ, а затѣмъ всего богатства и всей цивилизаціи и могущества націй?

Если въ странѣ численность населенія возрастаетъ сильнѣе, нежели производство пищевыхъ продуктовъ, если капиталовъ, наконецъ, накопляется столько, что они въ странѣ не находятъ болѣе помѣщенія, если машины оставляютъ безъ дѣла массу людей, и если фабрикаты обнаруживаютъ перепроизводство, то это служитъ лишь доказательствомъ того, что природа не желаетъ, чтобы промышленность, цивилизація, богатство и могущество были національнымъ удѣломъ какой либо одной націи, чтобы огромная часть способной къ культурѣ земли была обитаема лишь звѣрями и чтобы наибольшая часть человѣческаго рода оставалась погруженною въ грубость, невѣжество и бѣдность.

Мы показали, въ какія ошибки впала школа вслѣдствіе того, что разсматривала производительныя силы человѣчества съ политической точки зрѣнія; намъ необходимо теперь указать на тѣ ошибки, которыя зависятъ отъ космополитической точки зрѣнія на частные интересы націй.

Если бы дѣйствительно осуществилась такая федерація націй, какую мы встрѣчаемъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, то избытокъ населенія, талантовъ, способностей и матеріальныхъ капиталовъ изъ Англіи устремился бы въ континентальныя государства, какъ онъ теперь стремится изъ восточныхъ штатовъ Сѣверной Америки въ южные, конечно лишь при условіи, что въ континентальныхъ странахъ настолько же будетъ обезпечена личность и имущество, будетъ установлена такая же конституція и тѣ-же общіе законы, и что англійское правительство будетъ подчинено общей волѣ всей міровой федераціи. При такомъ предположеніи, чтобы поднять всѣ эти страны на ту же степень богатства и цивилизаціи, на какой находится Англія, нѣтъ лучшаго средства, какъ свобода торговли. Это аргументъ школы. Но къ какимъ результатамъ привела бы свобода торговли при существующихъ всемірныхъ отношеніяхъ?

Для англичанъ, какъ націи независимой и изолированной, національные интересы послужили бы, конечно, руководящею нитью въ ихъ политикѣ. Англичанинъ изъ пристрастія къ своему языку, къ своему законодательству и конституціи, къ своимъ привычкамъ, напрягалъ бы всѣ свои силы и употреблялъ всѣ капиталы для развитія туземной промышленности, въ чемъ ему помогала бы свобода торговли, которая открыла бы для англійскихъ мануфактуръ рынки всѣхъ странъ; ему бы и на мысль не могло придти основывать фабрики во Франціи или въ Германіи. Всякій избытокъ капитала Англія обращала бы на торговлю съ другими частями свѣта. Если бы англичанину пришлось эмигрировать и помѣстить свои капиталы гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не въ Англіи, то онъ, какъ и въ настоящее время, сосѣднимъ континентальнымъ странамъ предпочелъ бы тѣ отдаленныя мѣстности, въ которыхъ онъ нашелъ бы свой языкъ, свои законы и учрежденія. Вся Англія такимъ образомъ обратилась бы въ одинъ необъятный мануфактурный городъ. Азія, Африка, Австралія были бы ею цивилизованы и усѣяны государствами по англійскому образцу. Такимъ образомъ создался бы въ послѣдствіи, подъ главенствомъ метрополіи, цѣлый міръ англійскихъ государствъ, въ которомъ европескія континентальныя націи затерялись бы, какъ незначительныя и безплодныя расы. Франція съ Испаніею и Португаліею несли бы миссію поставлять въ этотъ англійскій міръ превосходныя вина, оставляя себѣ наихудшія; самое большее, если бы Франціи удалось сохранить производство нѣкоторыхъ предметовъ моды. Германія не имѣла бы другого назначенія, какъ доставлять этому англійскому міру дѣтскія игрушки, деревянные стѣнные часы, филологическіе трактаты и иногда вспомогательныя войска для расширенія въ пустыняхъ Азіи или Африки англійскаго мануфактурнаго и торговаго господства, англійской литературы и языка. Немного прошло бы столѣтій, какъ въ этомъ англійскомъ мірѣ стали бы о нѣмцахъ и французахъ говорить съ такимъ же уваженіемъ, съ какимъ мы говоримъ теперь объ азіатскихъ народахъ.

Политика однако признаетъ такое развитіе при помощи свободы торговли вполнѣ неестественнымъ; если-бы, разсуждаетъ она, во времена ганзейцевъ была примѣнена всеобщая свобода торговли, то, вмѣсто англійской, нѣмецкая нація опередила-бы въ торговлѣ и промышленности всѣ прочія націи. Было-бы въ высшей

степени несправедливо, на основаніи космополитическихъ принциповъ, присудить теперь англичанамъ всѣ богатства и все могущество земли; только потому, что ими прежде всѣхъ другихъ была развита торговая система и потому, что космополитическій принципъ наименѣе признавался ими. Для того, чтобы дѣйствіе свободы торговли было естественнымъ, необходимо, чтобы отставшія націи посредствомъ искусственныхъ мѣропріятій поднялись до той-же степени развитія, какой достигла искусственнымъ образомъ Англія. Поэтому изъ опасенія, чтобы, вслѣдствіе указанной выше космополитической тенденціи производительныхъ силъ, страны другихъ частей свѣта не завоевали себѣ даннаго положенія прежде континентальныхъ европейскихъ странъ, тѣ націи, которыя благодаря своему нравственному, умственному, соціальному и политическому состоянію чувствуютъ себѣ способными къ развитію фабрично-заводской промышленности, — должны-бы были обратиться къ протекціонной системѣ, какъ самому дѣйствительному средству для достиженія этой цѣли. Результаты этой системы для данной цѣли были-бы двоякіе: во-первыхъ, постепенное исключеніе иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій съ нашего рынка вызвало-бы въ другихъ странахъ избытокъ рабочихъ силъ, промышленныхъ дарованій и капиталовъ, которые будутъ принуждены искать ихъ примѣненія и помѣщенія за границею, и во-вторыхъ, посредствомъ премій, которыя предоставляла-бы наша система эмигрирующимъ рабочимъ, промышленнымъ дарованіямъ и капиталамъ, мы привлекали-бы къ себѣ такой избытокъ производительныхъ силъ, которыя безъ этого эмигрировали-бы въ страны болѣе отдаленныя или въ колоніи.

Политика ссылается на исторію и говоритъ: развѣ Англія въ прежнее время не привлекла, благодаря именно этому средству, массу производительныхъ силъ изъ Германіи, Италіи, Голландіи, Бельгіи, Франціи, Испаніи и Португаліи? Она спрашиваетъ: почему космолитическая школа, сравнивъ выгоды и невыгоды протекціонной системы, почему она совершенно умалчиваетъ объ этихъ замѣчательныхъ результатахъ примѣненія такой системы?

ГЛАВА XII.

Теорія производительныхъ силъ и теорія цѣнностей.

Адамъ Смитъ озаглавилъ свое знаменитое сочиненіе: „О природѣ и причинахъ богатства народовъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ основатель господствующей экономической школы правильно указалъ двоякую точку зрѣнія, съ которой можно разсматривать экономію націй, равно какъ и экономію частныхъ лицъ. *Причины богатства* суть нѣчто совершенно другое, нежели *само богатство*. Если человѣкъ можетъ владѣть богатствомъ, т. е. мѣновою цѣнностію, но если онъ не обладаетъ способностію производить цѣнныхъ предметовъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ потребляетъ, то онъ будетъ бѣднѣть. Съ другой стороны человѣкъ можетъ быть бѣднымъ, но если онъ въ силахъ производить количество цѣнностей, превышающихъ его потребленіе, то онъ сдѣлается богатымъ.

Способность создавать богатство безконечно важнѣе *самаго богатства;* она не только обезпечиваетъ владѣніе пріобрѣтеннымъ и его увеличеніе, но и вознаграждаетъ потерянное. Это еще болѣе, чѣмъ для частныхъ лицъ, примѣнимо къ цѣлымъ націямъ, которыя не могутъ жить рентою. Германія каждое столѣтіе была опустошаема моромъ, голодомъ или внутренними и внѣшними войнами; но она всегда спасала большую часть своихъ производительныхъ силъ, и такимъ образомъ снова достигала благосостоянія, между тѣмъ какъ богатая и могущественная Испанія, среди полнаго внутренняго мира, но подавленная деспотизмомъ и духовенствомъ, погружалась все глубже въ нищету и бѣдствія. До сихъ поръ то же солнце освѣщаетъ Испанію, до сихъ поръ у нея та же почва, ея рудники такъ-же богаты, до сихъ поръ въ ней живетъ тотъ же народъ, который населялъ ее до открытія Америки и введенія инквизиціи; и однако этотъ народъ постепенно утрачивалъ свои производительныя силы; поэтому онъ обѣднѣлъ и несчастенъ. Сѣверо-американская война за освобожденіе стоила націи сотенъ милліоновъ, но ея производительныя силы, благодаря пріобрѣтенію національной самостоятельности, усилились неимовѣрно, вслѣдствіе чего она въ теченіе немногихъ лѣтъ по заключеніи мира была въ состояніи пріобрѣсти несравненно большія богатства, чѣмъ владѣла прежде. Сравните положеніе Франціи въ

1809 году и въ 1839 г.; какая разница! И однако съ тѣхъ поръ Франція утратила свое господство надъ большею частію европейскаго материка, подверглась двумъ опустошительнымъ нашествіямъ и заплатила милліарды военныхъ контрибуцій и вознагражденій.

Не можетъ быть, чтобы такой проницательный умъ, какимъ владѣлъ Адамъ Смитъ, совершенно не признавалъ различія между богатствомъ и его причинами и рѣшительнаго вліянія этихъ причинъ на состояніе націй. Во введеніи къ своему сочиненію онъ говоритъ совершенно ясно: „Трудъ есть тотъ источникъ, изъ котораго каждая нація извлекаетъ свои богатства, а увеличеніе богатствъ зависитъ главнымъ образомъ отъ *производительной силы* труда, именно отъ той степени знанія, искусства и цѣлесообразности, съ какою трудъ націи примѣняется, и отъ отношенія между числомъ силъ, занятыхъ производительнымъ трудомъ, и числомъ силъ непроизводительныхъ“. Мы видимъ отсюда, какъ ясно вообще Смитъ понималъ, что положеніе націй зависитъ главнымъ образомъ отъ суммы ихъ *производительныхъ силъ*.

Кажется, это не въ порядкѣ природы, чтобы цѣлая наука выходила изъ головы одного мыслителя вполнѣ совершенною. Космополитическая идея *физіократовъ*, *„всеобщая свобода торговли“* и открытое имъ самимъ *„раздѣленіе труда“* слишкомъ овладѣли Адамомъ Смитомъ для того, чтобы онъ въ состояніи былъ изслѣдовать и идею *„производительныхъ силъ“*. Какъ ни много должна быть обязана ему наука въ ея прочихъ отдѣлахъ, но идея о *„раздѣленіи труда“* ему представлялась самою блестящею. Она должна была обезпечить извѣстность его книгѣ, а его имени—славу. Слишкомъ умный для того, чтобы не понять, что тотъ, кто хочетъ продать драгоцѣнный камень, не понесетъ на рынокъ алмаза въ мѣшкѣ съ пшеницею,—какъ бы зерна пшеницы ни были полезны,—но, конечно, выставитъ его на видномъ мѣстѣ; слишкомъ опытный для того, чтобы не знать, что дебютанта,—а такимъ онъ былъ въ политической экономіи при обнародованіи своего труда,—который въ первомъ актѣ уже имѣлъ счастіе вызвать фуроръ, легко получаетъ снисхожденіе, если въ слѣдующихъ актахъ онъ хотя немного возвышается надъ посредственностію, — Адамъ Смитъ счелъ нужнымъ начать свой трудъ ученіемъ о раздѣленіи труда. Онъ не ошибся въ расчетѣ, первая слава обезпечила его судьбу и послужила основаніемъ для его авторитета.

Мы, съ своей стороны, кажется, можемъ утверждать, что именно это желаніе представить важнѣйшее свое открытіе „*раздѣленіе труда*“ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ—помѣшало Адаму Смиту изслѣдовать полнѣе идею „*производительной силы*“, которая была имъ выражена во введеніи, и затѣмъ часто выражалась, хотя и мимоходомъ, и представить свое ученіе въ гораздо болѣе совершенномъ видѣ. Вслѣдствіе большаго значенія, придаваемаго имъ своей идеѣ „*раздѣленія труда*“, онъ, очевидно, былъ склоненъ считать трудъ основаніемъ (фондомъ) всякихъ богатствъ націй, не смотря на то, что онъ самъ отлично видѣлъ, и это онъ даже высказываетъ, что *производительность труда* зависитъ главнымъ образомъ отъ степени умѣнія и цѣлесообразности, съ которыми трудъ примѣняется. Мы спрашиваемъ: будетъ ли научнымъ раздѣленіемъ, когда причину извѣстнаго явленія видятъ въ результатѣ множества глубже лежащихъ причинъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что всякое богатство создается посредствомъ работы тѣла и ума (труда); этимъ, однако, не обозначена еще причина, изъ которой можно было бы вывести полезныя слѣдствія, ибо исторія показываетъ, что цѣлыя страны, не смотря на усердіе и бережливость ихъ гражданъ, были осуждены на бѣдность и нищету. Если бы кто пожелалъ узнать и изслѣдовать, какимъ образомъ одна нація, находившаяся въ положеніи бѣдности и варварства, достигла богатства и цивилизаціи, и какимъ образомъ другая нація, владѣвшая богатствомъ и благоденствіемъ, впала въ бѣдность и нужду, и отвѣтилъ бы на это, что трудъ есть причина богатства, а праздность причина бѣдности (истина, которую, во всякомъ случаѣ, царь Соломонъ высказалъ гораздо раньше Адама Смита), то, все-таки, принужденъ бы былъ спросить далѣе: въ чемъ же лежитъ причина трудолюбія и въ чемъ причина праздности? Еще правильнѣе можно было бы указать, какъ на причину богатства, на члены человѣческаго тѣла (голова, руки и ноги), это было бы по крайней мѣрѣ значительно ближе къ истинѣ; тогда по крайней мѣрѣ можно было бы поставить ясный вопросъ: что влечетъ эту голову и эти ноги и руки къ производству и въ чемъ ихъ усилія плодотворны? Можетъ ли быть что-либо иное, какъ не духъ, оживляющій людей, какъ не соціальное устройство, обезпечивающее плодотворность ихъ дѣятельности, какъ не естественныя силы, которыя находятся въ ихъ распоряженіи? Чѣмъ больше понимаетъ человѣкъ, что онъ долженъ

заботиться о своемъ будущемъ, чѣмъ болѣе его взгляды и чувства заставляютъ его обезпечивать будущность и счастіе близкихъ ему лицъ, чѣмъ болѣе онъ съ юношескихъ лѣтъ привыкъ къ размышленію и дѣятельности, чѣмъ болѣе воспитывались его благородныя чувства и развивалось его тѣло, чѣмъ болѣе онъ видѣлъ въ юности хорошихъ примѣровъ, чѣмъ болѣе привыкъ онъ пользоваться своими силами для улучшенія собственнаго положенія, чѣмъ менѣе ограниченъ онъ въ своей законной дѣятельности, чѣмъ плодотворнѣе его усилія и чѣмъ болѣе обезпечены результаты его усилій, чѣмъ болѣе онъ въ состояніи, благодаря порядку и дѣятельности, обезпечить себѣ уваженіе и общественное значеніе, чѣмъ менѣе замѣчается въ немъ предразсудковъ, суевѣрій, ложныхъ взглядовъ и невѣжества,—тѣмъ болѣе будетъ онъ напрягать свои умъ и тѣло, тѣмъ выше будетъ его прозводство, тѣмъ болѣе онъ совершитъ, тѣмъ лучше распорядится онъ плодами своего труда. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ главное значеніе имѣетъ соціальное положеніе, среди котораго человѣку приходиться воспитываться и дѣиствовать; тутъ важно, процвѣтаютъ ли науки и искусства, вызываются ли государственными учрежденіями и законодательствомъ религіозныя чувства, нравственность и умственное развитіе, личная и имущественная обезпеченность, свобода и право, развиваются ли въ странѣ равномѣрно и гармонически всѣ факторы матеріальнаго благосостоянія — земледѣліе, промышленность и торговля, достаточно ли могущество націи для того, чтобы изъ поколѣнія въ поколѣніе обезпечивать населенію успѣхи въ благосостояніи и образованіи и дать имъ возможность не только пользоваться естественными силами страны во всемъ ихъ объемѣ, но посредствомъ внѣшней торговли и колонизаціи заставить служить имъ естественныя силы и другихъ странъ.

Адамъ Смитъ такъ мало понималъ вообще сущность этихъ силъ, что онъ нигдѣ не признаетъ производительнаго значенія за умственнымъ трудомъ тѣхъ, кто завѣдуетъ судомъ и администраціей, въ чьихъ рукахъ образованіе и религіозное воспитаніе, кто двигаетъ науку, работаетъ въ области искусствъ и т. д. Его изслѣдованія ограничиваются тою человѣческою дѣятельностію, результатомъ которой являются матеріальныя цѣнности. Относительно этой дѣятельности онъ признаетъ даже, что ея производство зависитъ отъ ловкости и цѣлесообразности, съ которыми она при-

мѣняется, но въ своихъ изслѣдованіяхъ о причинахъ этой ловкости и цѣлесообразности онъ не идетъ дальше раздѣленія труда и послѣднее объясняетъ единственно обмѣномъ, увеличеніемъ матеріальныхъ богатствъ и расширеніемъ рынковъ. Затѣмъ его ученіе все глубже и глубже погружается въ матеріализмъ, партикуляризмъ и индивидуализмъ. Если бы онъ преслѣдовалъ идею *„производительной силы“*, не отдавая преимущества идеѣ *„цѣнности и мѣновой цѣнности“*, то онъ необходимо пришелъ бы къ убѣжденію, что для выясненія экономическихъ явленій рядомъ съ *теоріею цѣнностей* необходимо должна стоять самостоятельная *теорія производительныхъ силъ*. Онъ настолько уклонился съ истиннаго пути, что моральныя силы началъ объяснять изъ чисто матеріальныхъ отношеній, и въ этомъ лежитъ причина всѣхъ абсурдовъ и противорѣчій, которыми, какъ мы покажемъ, его школа страдаетъ до сихъ поръ, и которымъ единственно нужно приписать то, что уроки политической экономіи менѣе всего дѣлались достояніемъ именно лучшихъ умовъ. Что школа Смита излагаетъ только теорію цѣнностей, ясно не только изъ того, что она всюду основываетъ свою доктрину на представленіи о мѣновой цѣнности, но также и изъ опредѣленія, которое школа даетъ своему ученію. Это, по мнѣнію Сэй, та наука, которая указываетъ, какимъ образомъ производятся, распредѣляются и потребляются богатства или мѣновыя цѣнности. Очевидно, это не та наука, которая учитъ, какимъ образомъ пробуждаются и поддерживаются *производительныя силы* и какъ онѣ подавляются и уничтожаются. Макъ Кюллохъ правильно называетъ ее *наукою о цѣнности*, а новѣйшіе англійскіе писатели называютъ—*наукою объ обмѣнѣ*.

Различіе между теоріею производительныхъ силъ и теоріею цѣнностей лучше всего можетъ быть выяснено на примѣрѣ, взятомъ изъ частной экономіи.

Если изъ двухъ отцовъ семейства,—собственниковъ,—каждый ежегодно сберегаетъ по 1.000 талеровъ, при чемъ каждый имѣетъ по пяти сыновей, но одинъ изъ нихъ свои сбереженія помѣщаетъ на проценты, принуждая своихъ сыновей къ тяжелой работѣ, а другой свои сбереженія употребляетъ на то, чтобы изъ двухъ сыновей сдѣлать интеллигентныхъ сельскихъ хозяевъ, а остальнымъ троимъ дать профессіональное образованіе соотвѣтственно ихъ способностямъ,—то первый изъ нихъ поступаетъ по теоріи цѣнности,

второй по теоріи производительныхъ силъ. Въ моментъ ихъ смерти первый будетъ гораздо богаче второго въ мѣновыхъ цѣнностяхъ, но что касается производительныхъ силъ, то произойдетъ совершенно обратное. Собственность одного изъ нихъ будетъ раздѣлева на двѣ части, и каждая изъ нихъ, благодаря улучшенному хозяйству, будетъ давать чистый доходъ, равный общему чистому доходу, ранѣе получавшемуся; въ то-же время, три остальные сына пріобрѣли богатый широкій источникъ для существованія въ своихъ профессіональныхъ знаніяхъ. Собственность другого будетъ раздѣлена на 5 частей, и каждое хозяйство будетъ управляемо такъ-же дурно, какъ ранѣе было это во всей собственности въ совокупности. Въ одной семьѣ будетъ пробуждаться и развиваться масса разнообразныхъ моральныхъ силъ и талантовъ, которые будутъ увеличиваться изъ поколѣнія въ поколѣніе, и каждое слѣдующее поколѣніе будетъ обладать бо́льшимъ запасомъ силъ для пріобрѣтенія матеріальныхъ богатствъ, чѣмъ поколѣніе предшествующее; между тѣмъ какъ въ другой семьѣ тупость и бѣдность будутъ возрастать по мѣрѣ того, какъ собственность будетъ все болѣе раздробляться Такимъ образомъ плантаторъ, при помощи рабовъ, увеличиваетъ сумму своихъ мѣновыхъ цѣнностей, но онъ разрушаетъ производительныя силы будущихъ поколѣній. Всякія издержки на воспитаніе юношества, на правосудіе, на оборону страны и. т. д. являются тратою цѣнностей въ пользу производительныхъ силъ *). Наибольшая часть потребленія націи идетъ на воспитаніе будущихъ поколѣній, на возбужденіе будущихъ національныхъ производительныхъ силъ.

Христіанство, единоженство, уничтоженіе рабства и крѣпостнаго права, престолонаслѣдіе, изобрѣтеніе книгопечатанія, пресса, почта, монетная система, мѣры вѣса и длины, календарь и часы, полиція безопасности, введеніе свободнаго землевладѣлія и пути сообщенія — вотъ богатые источники производительныхъ силъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить состояніе европейскихъ государствъ съ состояніемъ государствъ азіатскихъ. Для того, чтобы понять вліяніе свободы мысли и свободы совѣсти на

*) Всѣ эти расходы, по мнѣнію господствующей экономической школы, считаются непроизводительными, потому что они не создаютъ непосредственно цѣнностей, а, наоборотъ, ихъ уничтожаютъ. *Прим. К. В. Тр—ва.*

развитіе производительныхъ силъ націй, достаточно лишь прочесть исторію Англіи, а затѣмъ исторію Испаніи. Гласность судебныхъ преній, судъ присяжныхъ, парламентарное законодательство, общественный контроль государственнаго управленія, самоуправленіе городское и корпоративное, свобода печати, учрежденіе обществъ для общеполезныхъ цѣлей—все это обезпечиваетъ для гражданъ конституціонныхъ государствъ и для государственной власти массу энергіи и силъ, пріобрѣтеніе которыхъ при другихъ средствахъ затруднительно. Трудно представить себѣ законъ или государственное учрежденіе, которое не оказывало-бы большаго или меньшаго вліянія на увеличеніе или уменьшеніе производительныхъ силъ *).

Если считать только физическій трудъ единственною причиною богатства, то какимъ образомъ объяснить то, что новыя страны безъ сравненія богаче, населеннѣе, могущественнѣе и счастливѣе странъ древности? У древнихъ народовъ, сравнительно со всею массою населенія, было занято гораздо болѣе рабочихъ рукъ, работа была тяжелѣе, каждый человѣкъ владѣлъ большимъ количествомъ земли, и однако массы питались и одѣвались гораздо хуже, чѣмъ у новыхъ народовъ. Чтобы объяснить это явленіе, необходимо обратить вниманіе на сдѣланные въ теченіе истекшихъ вѣковъ успѣхи въ наукахъ и искусствахъ, въ домашнемъ и общественномъ устройствѣ, въ умственномъ образованіи и производительной способности. Современное состояніе народовъ является результатомъ накопившейся массы всевозможныхъ открытій, изобрѣтеній, улучшеній, усовершенствованій и усилій всѣхъ жившихъ до насъ поколѣній; все это образуетъ *умственный капиталъ живущаго человѣчества*, и каждая отдѣльная нація является производительною настолько, насколько она съумѣла усвоить это наслѣдіе отъ прежнихъ поколѣній и увеличить его собственными пріобрѣтеніями, насколько естественные источники, пространство и географическое положеніе ея территоріи, количество населенія и ея политическое могущество даютъ ей возможность развивать въ высокой степени и гармонично всѣ отрасли труда и распространять свое нравственное, умственное,

*) Сэй въ своей «Economie politique pratique» (Vol. III. p. 242) говоритъ les lois ne peuvent pas créer des richesses. (Законы не могутъ создавать богатствъ). Конечно, этого они не могутъ, но они создаютъ производительную силу, которая важнѣе богатства, т. е. обладаніе мѣновыми цѣнностями.

промышленное, торговое и политическое вліяніе на другія отставшія націи и вообще на весь свѣтъ.

Школа хочетъ непремѣнно увѣрить насъ, что политика и могущество не могутъ имѣть никакого отношенія къ политической экономіи. Пока она предметами своихъ изысканій ставитъ лишь цѣнности и обмѣнъ ихъ, она можетъ быть права; можно опредѣлять понятія цѣнности и капитала, выгоды заработной платы, доходности земли, разлагать эти понятія на составныя части, разсуждать о причинахъ ихъ увеличенія или упадка и т. д., не обращая при этомъ вниманія на политическія отношенія націй. Но все это, очевидно, одинаково составляетъ предметъ какъ частной экономіи, такъ и экономіи цѣлыхъ націй. Достаточно обратить вниманіе лишь на исторію Венеціи, Ганзейскаго союза, Португаліи, Голландіи и Англіи, чтобы убѣдиться, въ какомъ взаимодѣйствіи находятся матеріальное богатство и политическое могущество. И всюду, гдѣ обнаруживается это взаимодѣйствіе, школа впадаетъ въ самыя странныя противорѣчія. Достаточно припомнить для этого странное сужденіе Адама Смита о навигаціонномъ актѣ.

Школа, не обращая вниманія на существо производительныхъ силъ, не обнимая совокупности цивилизаціи народовъ, не въ состояніи была оцѣнить важности параллельнаго развитія земледѣлія, промышленности и торговли, политическаго могущества и національнаго богатства страны, а болѣе всего вполнѣ самостоятельной мануфактурной промышленности и ея развитія во всѣхъ отрасляхъ. Она ошибочно причисляетъ къ одной категоріи заводско-фабричную промышленность и земледѣліе, говоритъ вообще о трудѣ, естественныхъ силахъ, капиталѣ и т. д., не обращая вниманія на существующее между ними различіе. Она не замѣчаетъ, что между государствами только земледѣльческими и государствами земледѣльческо-мануфактурными существуетъ еще большее различіе, нежели между народами пастушескими и земледѣльческими. Въ государствахъ чисто земледѣльческихъ господствуютъ произволъ и рабство, суевѣрія и невѣжество, недостатокъ культуры, путей сообщенія, бѣдность и политическое безсиліе. Въ государствѣ чисто земледѣльческомъ возбуждена и развита лишь незначительная часть покоящихся въ народѣ умственныхъ и физическихъ силъ, оно пользуется лишь незначительною частію находящихся въ его распоряженіи естественныхъ силъ и бо-

гатствъ, а капиталы или вовсе не создаются или же создаются лишь незначительные. Сравните Польшу съ Англіей: обѣ націи сначала стояли на одной ступени культуры, а теперь — какое различіе! Фабрики и заводы — это матери и дѣти гражданской свободы, просвѣщенія, искусствъ и наукъ, внутренней и внѣшней торговли, мореходства, усовершенствованныхъ путей сообщенія, цивилизаціи, политическаго могущества. Они служатъ главнымъ средствомъ для освобожденія земледѣлія отъ его оковъ и для поднятія его на степень промышленности, искусства, науки, для увеличенія сельско-хозяйственной доходности и заработной платы и для возвышенія цѣнности земли. Школа, приписывая эту цивилизующую силу внѣшней торговлѣ, смѣшиваетъ посредника съ производителемъ. Иностранныя фабрики—вотъ что снабжаетъ внѣшнюю торговлю тѣми товарами, которые она доставляетъ намъ, эти же фабрики и потребляютъ продукты и сырыя произведенія, которые мы предоставляемъ въ обмѣнъ. Но если сношенія съ отдаленнѣйшими фабриками и заводами оказываютъ такое благодѣтельное вліяніе на наше земледѣліе, то во сколько разъ значительнѣе должно быть вліяніе тѣхъ фабрикъ и заводовъ, которые находятся въ близкой мѣстной, коммерческой и политической связи, которые предъявляютъ намъ не только незначительный, но огромный спросъ для удовлетворенія своихъ потребностей въ пищевыхъ продуктахъ и сырыхъ матеріалахъ, произведенія которыхъ не возвышаются въ цѣнѣ вслѣдствіе дальней перевозки, сношенія съ которыми не могутъ быть прерваны ни открытіемъ для чужихъ промышленныхъ націй новыхъ рынковъ, ни войною, ни запрещеніями ввоза.

Очевидно теперь, какъ странно заблуждалась школа, дѣлая предметомъ своихъ изслѣдованій лишь матеріальныя богатства или мѣновыя цѣнности и считая производительною силою лишь физическій трудъ.

По ея мнѣнію тотъ, кто воспитываетъ свиней — производительный членъ общества, а кто воспитываетъ людей—не производительный. Тотъ, кто изготовляетъ для продажи балалайки и гармоніи—производитель, а величайшіе виртуозы—только потому, что они не могутъ исполняемаго ими вынести на рынокъ—не производители. Врачъ, спасающій жизнь своего паціента, не принадлежитъ къ классу производителей; но принадлежитъ къ нему апте-

карскій мальчикъ, хотя изготовляемыя имъ мѣновыя цѣнности или пилюли существуютъ лишь нѣсколько минутъ, а затѣмъ совершенно уничтожаются. Производительность Ньютона, Уатта, Кеплера уступаетъ производительности осла, лошади, вьючнаго вола, которые недавно были поставлены Макъ Куллохомъ въ рядъ производительныхъ членовъ человѣческаго общества.

Не думайте, что Сэй своимъ измышленіемъ *нематеріальныхъ имуществъ* или продуктовъ устранилъ этотъ недостатокъ ученія Адама Смита; онъ только замаскировалъ безсмыслицу неизбѣжныхъ выводовъ изъ этого ученія и не извлекъ его изъ матеріализма, которымъ проникнута система Адама Смита. Для него умственное или матеріальное производство является таковымъ лишь потому, что оно вознаграждается мѣновыми цѣнностями и что знаніе пріобрѣтается мѣновыми-же цѣнностями, а вовсе не потому, что производители сами создаютъ *производительныя силы* *). Для него это лишь накопленный капиталъ.

Макъ Куллохъ идетъ еще дальше; онъ говоритъ, что человѣкъ такой же продуктъ, какъ машина, которую онъ создаетъ, и ему кажется, что при всѣхъ экономическихъ изслѣдованіяхъ нужно смотрѣть на человѣка съ этой точки зрѣнія. Смитъ, говоритъ онъ, вѣрно понялъ этотъ принципъ, но не сдѣлалъ лишь изъ него правильныхъ выводовъ. Одинъ изъ такихъ выводовъ, который онъ самъ приводитъ, заключается въ томъ, что ѣсть и пить—занятія производительныя. Томасъ Куперъ оцѣниваетъ дѣльнаго американскаго юриста въ 3.000 долларовъ, т. е. приблизительно втрое дороже хорошаго раба-пахаря.

Указанныя ошибки и противорѣчія школы могутъ быть легко доказаны съ точки зрѣнія *теоріи производительныхъ силъ*. Тѣ, кто воспитываетъ свиней или изготовляетъ балалайки и пилюли, конечно, производительны, но въ несравненно большей еще степени производительны воспитатели юношества и учителя взрослыхъ людей, виртуозы, врачи, судьи и администраторы. Первые *произ-*

*) Изъ массы тѣхъ мѣстъ, гдѣ Сэй выражаетъ этотъ выводъ, приводимъ лишь новѣйшее изъ его 6-й книги «Economie politique pratique», стр. 307: «Le talent d'un avocat, d'un médecin, qui a été acquis au prix de quelques sacrifices et qui produit un revenu, est une valeur capitale, non transmissible, à la vérité, mais qui réside néanmoins dans un corps visible, celui de la personne qui le possède».

водятъ мѣновыя цѣнности, вторые *создаютъ производительныя силы;* одинъ изъ этихъ послѣднихъ подготовляетъ слѣдующее поколѣніе къ производству, другой развиваетъ нравственность и религіозное чувство современнаго поколѣнія, третій содѣйствуетъ облагороженію и возвышенію человѣческаго духа, четвертый спасаетъ производительныя силы своихъ паціентовъ, пятый обезпечиваетъ правовое положеніе, шестой—общественный порядокъ, седьмой, наконецъ, своимъ исусствомъ и тѣми удовольствіями, которыя онъ доставляетъ, возбуждаетъ производительность мѣновыхъ цѣнностей. Въ ученіи о цѣнностяхъ эти *производители производительной силы* могутъ быть приняты въ разсужденіе, во всякомъ случаѣ, лишь настолько, насколько ихъ услуги могутъ быть возмѣщены мѣновыми цѣнностями, и такой способъ оцѣнки ихъ дѣятельности могъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣть свое практическое значеніе, какъ напр. въ ученіи о налогахъ, насколько онѣ должны выражаться въ мѣновыхъ цѣнностяхъ. Но тамъ, гдѣ дѣло касается международныхъ отношеній или совокупности національныхъ отношеній, такой взглядъ оказывается недостаточнымъ и приводитъ къ узкимъ и фальшивымъ воззрѣніямъ.

Благосостояніе націи *обусловливается не количествомъ богатствъ, т. е. мѣновыхъ цѣнностей*, какъ думаетъ Сэй, а *степенью развитія производительныхъ силъ*. Если законы и государственныя учрежденія и не производятъ непосредственно цѣнностей, то они создаютъ производительныя силы, и Сэй ошибается, когда утверждаетъ, что народы обогащаются при всякомъ образѣ правленія и что законы не могутъ создавать богатствъ.

На внѣшнюю торговлю нельзя смотрѣть только какъ на торговлю отдѣльныхъ коммерсантовъ, исключительно съ точки зрѣнія теоріи цѣнностей, т. е. съ одной только точки зрѣнія получаемой въ данный моментъ чистой прибыли отъ матеріальныхъ имуществъ; нація должна при этомъ имѣть въ виду всѣ тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ ея будущее существованіе, благосостояніе и могущество

Нація должна жертвовать матеріальными богатствами и переносить эти лишенія для пріобрѣтенія умственныхъ и соціальныхъ силъ, она должна жертвовать выгодами въ настоящемъ, чтобы обезпечить себѣ выгоды въ будущемъ. Итакъ, если развитая во всѣхъ отрасляхъ мануфактурная промышленность является главнымъ условіемъ всего дальнѣйшаго развитія цивилизаціи, мате-

ріальнаго благосостоянія и политическаго могущества каждой націи, что нами, смѣемъ думать, исторически доказано, если справедливо, какъ мы можемъ доказать, что при современныхъ міровыхъ отношеніяхъ молодая, необезпеченная покровительствомъ, промышленность не въ состояніи развиться при свободной конкурренціи съ промышленностію, давно уже окрѣпшею, покровительствуемою на своей собственной территоріи,—то какимъ образомъ посредствомъ аргументовъ, извлеченныхъ изъ теоріи цѣнностей можно рѣшиться доказывать, что нація съ такимъ же успѣхомъ, какъ отдѣльный коммерсантъ, можетъ покупать свои товары тамъ, гдѣ ихъ можно пріобрѣсть дешевле всего, что безсмысленно производить самой націи то, что она можетъ купить дешевле за границей, что нужно національную промышленность предоставить на попеченіе частныхъ лицъ, что протекціонная система есть монополія, выдаваемая отдѣльнымъ промышленникамъ въ ущербъ націи?

Вѣрно, что ввозныя пошлины сначала вызываютъ вздорожаніе мануфактурныхъ издѣлій; но также вѣрно и то, какъ признаетъ и сама школа, что нація, способная къ значительному развитію промышленности, съ теченіемъ времени можетъ вырабатывать эти произведенія сама дешевле той цѣны, по какой они могутъ ввозиться изъ за-границы. Если ввозныя пошлины требуютъ *жертвъ* въ цѣнности, то эти жертвы уравновѣшиваются пріобрѣтеніемъ *производительной силы*, которая обезпечиваетъ націи на будущее время не только безконечно бо̀льшую сумму матеріальнаго богатства, но кромѣ того и промышленную независимость на случай войны. Промышленная же независимость и проистекающее отсуда благосостояніе страны даютъ націи средства къ внѣшней торговлѣ и расширенію мореходства; вслѣдствіе этой независимости развивается ея цивилизація, совершенствуются ея учрежденія, укрѣпляется ея внѣшнее могущество.

Такимъ образомъ нація, которая имѣетъ призваніе къ развитію мануфактурной промышленности, прибѣгая къ протекціонной системѣ, поступаетъ точно такъ-же, какъ собственникъ, который жертвуетъ своими матеріальными цѣнностями для того, чтобы обучить своихъ дѣтей какой нибудь производительной промышленности.

На какой фальшивый путь попадаетъ школа, оцѣнивая съ точки зрѣнія теоріи цѣнностей тѣ условія, которыя могутъ быть оцѣнены лишь съ точки зрѣнія теоріи производительныхъ силъ,—яснѣйшимъ образомъ доказываетъ приговоръ Сэй о преміяхъ, которыя

устанавливаютъ чужія націи для расширенія своего вывоза; онъ утверждаетъ, что „это *подарки*, которые эти націи *дѣлаютъ нашей странѣ*“. Предположимъ, что Франція считаетъ достаточнымъ для своихъ еще неокрѣпшихъ фабрикъ ввозную пошлину въ 25%, Англія-же устанавливаетъ вывозную премію въ 30%: каковы будутъ результаты подарка, который такимъ образомъ Англія сдѣлала-бы Франціи? Французскіе потребители въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ будутъ удовлетворять свои нужды въ фабрикатахъ гораздо дешевле, чѣмъ прежде, но французскія фабрики будутъ раззорены, и милліоны людей будутъ доведены до нищенства, или будутъ принуждены эмигрировать или же приняться за земледѣліе. Въ наилучшемъ случаѣ прежніе потребители земледѣльцы превратятся въ ихъ конкуррентовъ, производительность земледѣлія увеличится, а потребленіе уменьшится. Необходимыми слѣдствіями этого во Франціи будутъ: обезцѣненіе продуктовъ, паденіе цѣнности земли, національное обѣднѣніе и національная дряблость. Англійскій подарокъ въ цѣнности нанесетъ громадный ущербъ производительнымъ силамъ; это походитъ на подарокъ султана, когда онъ посылаетъ своимъ пашамъ цѣнный шелковый шнуръ.

Послѣ того какъ троянцы получили въ подарокъ отъ грековъ деревяннаго коня, всякой націи подарки другихъ странъ должны казаться подозрительными. Англичане дѣлали континенту подарки огромной цѣнности въ видѣ субсидій, но континентальныя страны платили дорого за нихъ, теряя силы. Эти субсидіи были тѣми-же вывозными преміями, дѣйствовавшими въ пользу англійскихъ и въ убытокъ французскихъ фабрикъ. Если-бы Англія обязалась доставлять Германіи безплатно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ потребныя ей мануфактурныя издѣлія, то мы не могли-бы посовѣтывать соглашаться на такой подарокъ. Если Англія, благодаря новому изобрѣтенію, будетъ въ состояніи выдѣлывать полотно на 40% дешевле, чѣмъ Германія старымъ способомъ, и если она примѣненіемъ этого изобрѣтенія воспользуется на нѣсколько лѣтъ ранѣе, нежели имъ воспользуется Германія, то одна изъ важнѣйшихъ и древнѣйшихъ отраслей промышленности, безъ соотвѣтственнаго покровительства, будетъ раззорена — это было-бы тоже самое, какъ если-бы нѣмецкая нація очутилась въ положеніи человѣка, потерявшаго часть своего тѣла. Но кто можетъ утѣшится, потерявъ одну руку, тѣмъ, что его рубашка стала на 40% дешевле?

Очень часто у англичанъ бываютъ случаи для предложенія подарковъ другимъ націямъ; очень различны бываютъ и формы, въ которыхъ это выражается, нерѣдко эти подарки дѣлаются какъ-бы противъ воли; однако націямъ все таки необходимо подумать о томъ, возможно ли принять подарокъ. Вслѣдствіе того, что англичане являются монополистами всемірной промышленности и всемірной торговли, ихъ фабрики отъ времени до времени попадаютъ въ такое положеніе, которое они называютъ *glut* (переполненіе)—и которое происходитъ отъ того, что они опредѣляютъ словами *overtrading* (перепроизводство или избытокъ спекуляціи). Тогда каждый сваливаетъ на корабли запасы товаровъ. Черезъ восемь дней эти товары уже предлагаются съ уступкою 50% противъ стоимости въ Гамбургѣ, Берлинѣ и Франкфуртѣ, черезъ три недѣли въ Нью-Іоркѣ. Англійскіе фабриканты терпятъ временный убытокъ, но они спасены и возмѣщаютъ свои убытки позднѣе при лучшихъ цѣнахъ. А нѣмецкіе и американскіе фабриканты расплачиваются за промахи англійскихъ и, наконецъ, раззоряются. Англійская нація видитъ только огонь, слышитъ трескъ взрыва, но обломки летятъ на другія страны, и если жители этихъ странъ стонутъ отъ полученныхъ кровавыхъ ранъ,—посредники международной торговли заявляютъ, что все зло заключается въ коньюнктурахъ. Если подумать о томъ, какъ часто, благодаря такимъ коньюнктурамъ, оказываются въ основаніи поколебленными мануфактурная промышленность въ ея цѣломъ составѣ, кредитная система, даже земледѣліе и вообще все экономическое положеніе тѣхъ странъ, которыя находятся въ свободной конкурренціи съ Англіей, и если подумаютъ о томъ, что эти страны въ послѣдствіи съ избыткомъ вознаграждаютъ англійскихъ фабрикантовъ, платя имъ за тѣ же издѣлія самыя высокія цѣны, то не позволительно-ли усомниться въ томъ, что теорія цѣнностей и космополитическіе принципы должны служить руководящимъ началомъ для международной торговли? Школа не заблагоразсудила разъяснить причины и слѣдствія подобныхъ торговыхъ кризисовъ.

Великіе государственные люди всѣхъ новѣйшихъ странъ, почти безъ исключенія, поняли то огромное вліяніе, которое оказываетъ фабрично-заводская промышленность на богатство, цивилизацію и могущество націи, а также и необходимость покровительства послѣднимъ: какъ Эдуардъ II, такъ и Елизавета, какъ Фридрихъ Великій, такъ и Іосифъ II, какъ Вашингтонъ, такъ и Напо-

леонъ. Не погружаясь въ глубину теоретическихъ соображеній, ихъ проницательный взоръ проникъ въ сущность промышленности во всемъ ея объемѣ и вѣрно оцѣнилъ ее. Удѣломъ школы физіократовъ *), вслѣдствіе софистическихъ настроеній, была оцѣнка ея съ иной точки зрѣнія. Воздушный замокъ ея исчезъ, новая школа сама его разрушила, но послѣдняя не освободилась отъ основныхъ ошибокъ своей предшественницы, а еще болѣе сбилась съ пути. Такъ какъ ей не было извѣстно различіе между производительною силою и мѣновою цѣнностію, и такъ какъ она, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать отдѣльно каждую изъ нихъ, и то и другое подчинила теоріи мѣновыхъ цѣнностей, то она не въ силахъ была уяснить себѣ, какъ велико различіе между земледѣльческою производительною силою и промышленною производительною силою. Она не замѣчаетъ, что, съ возникновеніемъ въ земледѣльческомъ государствѣ мануфактурной промышленности, выступаетъ и получаетъ полезное примѣненіе масса силъ умственныхъ, физическихъ, естественныхъ и инструментательныхъ (послѣднія школа называетъ капиталами), которыя до сихъ поръ не дѣйствовали и, безъ возникновенія внутренней мануфактурной промышленности, никогда не стали бы дѣйствовать; школа воображаетъ, будто при насажденіи мануфактурной промышленности эти силы отнимаются отъ земледѣлія и переносятся на фабричную промышленность, между тѣмъ какъ большею частію это совершенно новая сила, которая не отнимается отъ земледѣлія, а, напротивъ того, помогаетъ болѣе широкому его развитію.

ГЛАВА XIII.

Національное раздѣленіе труда и ассоціація производительныхъ силъ страны.

Своему знаменитому основателю обязана школа открытіемъ того естественнаго закона, который она называетъ *раздѣленіемъ труда*, но ни Адамъ Смитъ и ни одинъ изъ его послѣдователей не вникли въ сущность этого закона и не прослѣдили его въ его важнѣйшихъ послѣдствіяхъ.

---

*) Т. е. школы классической политической экономіи въ періодъ ея образованія. *Прим. К. В. Тр—ва.*

Уже самое выраженіе „*раздѣленіе труда*“ неудовлетворительно и должно вызывать неправильное или по крайней мѣрѣ неточное представленіе.

Раздѣленіе труда будетъ тогда, когда дикарь въ одинъ и тотъ же день идетъ на охоту и на рыбную ловлю, рубитъ дрова, поправляетъ свой шалашъ и готовитъ стрѣлы, неводъ и одежду; но будетъ также *раздѣленіе труда* и въ случаѣ, указываемомъ самимъ Адамомъ Смитомъ, когда десять различныхъ лицъ раздѣляютъ между собою различную работу при выдѣлкѣ одной и той же иглы. Первое—объективное раздѣленіе труда, второе — субъективное; первое вредно отражается на производствѣ; второе отражается полезно. Существенное различіе заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ *одно* лицо дѣлитъ свой трудъ для производства *разнообразныхъ* предметовъ, между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ *нѣсколько лицъ* участвуютъ въ производствѣ *одного* и того-же предмета.

Обѣ операціи съ другой стороны могутъ быть съ одинаковымъ правомъ названы *объединеніемъ труда:* дикарь объединяетъ различные роды труда въ своемъ лицѣ; при выдѣлкѣ иглы различныя лица образуютъ ассоціацію для общаго производства.

Сущность того естественнаго закона, которымъ школа объясняетъ важнѣйшія явленія въ соціальной экономіи, состоитъ не въ простомъ *раздѣленіи труда*, но въ *подраздѣленіи между нѣсколькими лицами различныхъ операцій какой либо промышленности*, и въ то же время въ *ассоціаціи различнаго рода дѣятельностей, знаній и различныхъ силъ для достиженія общаго производства.* Значеніе производительности такихъ операцій не зависитъ только отъ *раздѣленія*, но также существенно и отъ *ассоціаціи.* Адамъ Смитъ самъ чувствовалъ это, такъ какъ онъ говоритъ: „предметы жизненной необходимости низшихъ членовъ общества суть продукты *объединеннаго* труда (joint labour) и общей дѣятельности (cooperation) массы индивидуумовъ“. Какъ жаль, что онъ не остановился на изслѣдованіи такъ ясно выраженной имъ идеи *общиннаго труда!*

Если мы остановимся на примѣрѣ игольной фабрики, который приводится Адамомъ Смитомъ для выясненія выгодъ раздѣленія труда, и изслѣдуемъ причины того явленія, что десять лицъ, соединившись на фабрикѣ, въ состояніи выдѣлать несравненно большее количество иголокъ, нежели въ томъ случаѣ, когда каждый изъ нихъ самостоятельно занялся бы этимъ производствомъ, то мы

замѣтимъ, что раздѣленіе операцій труда, безъ ассоціаціи производительныхъ силъ съ одною общею цѣлію, лишь въ незначительной степени содѣйствуетъ этому производству. Чтобы достичь совершенныхъ результатовъ, необходимо, чтобы различные индивидуумы были объединены умственно и матеріально и находились во взаимодѣйствіи. Тотъ, кто дѣлаетъ головки иголъ, долженъ принимать въ расчетъ работу того, кто выдѣлываетъ остріе, если онъ не желаетъ, чтобы его головки пропали даромъ. Работа каждаго изъ нихъ должна быть соображена съ работою прочихъ, рабочіе должны находиться наивозможно ближе другъ къ другу, ихъ взаимодѣйствіе должно быть обезпечено. Предположимъ, напримѣръ, что каждый изъ этихъ десяти рабочихъ живетъ въ другой странѣ: какъ часто ихъ взаимодѣйствіе будетъ прерываться войнами, разрушеніемъ путей сообщенія, торговыми кризисами и т. д.! Какъ сильно будетъ возвышаться цѣнность продукта, а слѣдовательно и уменьшаться выгода раздѣленія операцій труда! Исчезновеніе или отдѣленіе отъ ассоціаціи одного изъ рабочихъ развѣ не остановитъ работы всѣхъ прочихъ?

Школа, указывая на раздѣленіе труда какъ на существенный признакъ этого естественнаго закона, допустила ту ошибку, что указала на приложеніе его лишь къ отдѣльной фабрикѣ или отдѣльному сельскому хозяйству; она не видѣла того, что дѣйствіе того же самаго закона распространяется на *всю совокупность мануфактурныхъ и земледѣльческихъ силъ и вообще на все экономическое положеніе страны.*

Подобно тому, какъ игольная фабрика можетъ развиваться лишь благодаря комбинаціи производительныхъ силъ индивидуумовъ, такъ и каждая фабрика какого бы то ни было рода *) можетъ разви-

*) Машинные заводы служатъ разительнымъ доказательствомъ этого соображенія. Машинное производство ни въ какомъ случаѣ не можетъ достигнуть высокой степени совершенства тамъ, гдѣ одна фабрика вынуждена бываетъ для поддержанія своего существованія изготовлять всевозможныя машины и орудія. Для наивозможнаго усовершенствованія и удешевленія производства необходимъ въ странѣ настолько значительный спросъ, чтобы каждый машинный заводъ могъ посвятить себя или исключительно одной какой либо отрасли, или только немногимъ изъ нихъ, напр., чтобы онъ вырабатывалъ машины только для хлопчатобумажнаго производства или для льняной пряжи, или паровыя машины и т. д., ибо только въ такомъ случаѣ машино-заводчикъ въ состояніи обзавестись инструментами высокаго качества, примѣнять каждое

ваться лишь посредствомъ комбинаціи своихъ производительныхъ силъ съ производительными силами всѣхъ другихъ фабрикъ всякаго рода. Для обезпеченія успѣха машиннаго завода, напримѣръ, необходимо, чтобы горное производство и металлическіе заводы доставляли ему необходимые матеріалы, и чтобы другія многочисленныя фабрики, работающія при помощи машинъ, предъявляли спросъ на его произведенія. Безъ машинныхъ заводовъ нація во время войны подвергается опасности лишиться наибольшей части своей фабричной промышленности.

Точно также успѣхъ промышленности въ ея цѣломъ зависитъ отъ успѣха сельскаго хозяйства вообще, а успѣхъ этого послѣдняго отъ успѣха промышленности; и то и другое тѣмъ болѣе развивается, чѣмъ тѣснѣе они сближаются, чѣмъ менѣе препятствій ихъ взаимодѣйствію. Выгоды ихъ объединенія подъ одною и тою же политическою властію во время войны, національныхъ раздоровъ, торговыхъ кризисовъ и т. д. не менѣе очевидны, какъ и выгоды объединенія подъ одною и тою же крышею лицъ въ игольной фабрикѣ.

Смитъ утверждаетъ, что раздѣленіе труда менѣе примѣнимо въ сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ на фабрикахъ и заводахъ; но онъ имѣлъ въ виду только отдѣльную фабрику или заводъ и отдѣльное только земельное хозяйство. Онъ упустилъ изъ вида расширеніе своего принципа на цѣлыя страны и провинціи. Нигдѣ раздѣленіе операцій труда и ассоціація производительныхъ силъ не оказываютъ столь сильнаго вліянія, какъ тамъ, гдѣ каждая отдѣль-

---

новое улучшеніе, подготовить себѣ за умѣренное жалованіе опытнѣйшихъ рабочихъ и наилучшихъ техниковъ. Въ недостаткѣ этого то именно раздѣленія труда и заключается причина того, что нѣмецкіе машинные заводы до сихъ поръ еще въ своемъ развитіи не достигли совершенства, которыми отличаются англійскіе заводы. А почему это раздѣленіе труда до сихъ поръ еще не примѣняется въ Германіи, зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что различные роды прядильныхъ мануфактуръ, заявляющія наибольшій спросъ на машины, не достигли еще цвѣтущаго состоянія. Посредствомъ же ввоза иностранной пряжи никогда не поддержать этой важнѣйшей отрасли фабричнаго производства, такъ сказать фабрикъ создающихъ фабрики.

Не менѣе важно раздѣленіе труда и для всякаго другого вида фабрикъ Такъ напр., прядильни, ткацкія, красильныя фабрики могутъ тогда только довести свою работу до полнаго совершенства и достигнуть дешевизны, когда спросъ дастъ имъ возможность заняться исключительно выработкою одного сорта пряжи, тканей или набивного полотна.

ная страна и каждая отдѣльная провинція чувствуютъ себя способными посвятить себя исключительно, или по крайней мѣрѣ преимущественно той отрасли сельско-хозяйственной промышленности, которая обусловливается самими естественными условіями мѣстности. Въ одной мѣстности можетъ преимущественно развиваться культура хлѣба и хмѣля, въ другой—винодѣліе и плодоводство, въ третьей—лѣсоводство и скотоводство и т. д. Если каждая мѣстность станетъ развивать всѣ эти отрасли производства, то очевидно ея трудъ и ея почва не окажутся настолько производительными, какъ если бы каждая мѣстность посвятила себя преимущественно развитію той отрасли производства, которая болѣе всего вызывается ея естественными условіями, и если бы каждая провинція стала избытокъ въ продуктахъ, преимущественно ей свойственныхъ, обмѣнивать на избытокъ тѣхъ провинцій, которыя поставлены въ болѣе выгодныя естественныя условія для производства другихъ пищевыхъ продуктовъ и сырыхъ произведеній. Это раздѣленіе операцій труда, это ассоціація проявляющихся въ сельскомъ хозяйствѣ производительныхъ силъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ всѣ отрасли фабрично-заводской промышленности достигли наивысшаго развитія; ибо лишь въ такой странѣ существуетъ большой спросъ на различные продукты, и спросъ на избытокъ сельско-хозяйственной производительности настолько обезпеченъ и настолько значителенъ, что производитель можетъ быть увѣренъ въ сбытѣ въ томъ же или по крайней мѣрѣ въ слѣдующемъ году всего количества избытка въ производствѣ по подходящимъ цѣнамъ; только въ такой странѣ значительные капиталы могутъ затрачиваться на спекуляціи продуктами земли и на устройство складовъ этихъ продуктовъ, могутъ быть съ пользою примѣнены для ихъ перевозки усовершенствованныя пути сообщенія, каковы каналы и желѣзныя дороги, пароходныя линіи, хорошія шоссейныя дороги, и только при такой усовершенствованной транспортной системѣ въ состояніи каждая мѣстность или провинція доставлять избытокъ ей преимущественно свойственныхъ продуктовъ въ другія, даже самыя отдаленныя, провинціи, обмѣнивая ихъ на избытокъ продуктовъ, свойственныхъ этимъ послѣднимъ провинціямъ. Гдѣ каждый производитъ то, что потребляетъ, тамъ мало случаевъ для обмѣна, тамъ не существуетъ потребности въ затратахъ на облегченіе перевозочныхъ средствъ.

Замѣтьте, какъ увеличеніе производительныхъ силъ, вслѣдствіе раздѣленія операцій промышленныхъ и комбинаціи индивидуальныхъ силъ, начинается съ отдѣльной фабрики и затѣмъ распространяется до національной ассоціаціи. Фабрика будетъ работать тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе въ ней подраздѣлены занятія, чѣмъ болѣе рабочіе связаны между собою и чѣмъ болѣе обезпечено содѣйствіе цѣлому со стороны каждаго отдѣльнаго лица. Производительная сила каждой отдѣльной фабрики тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе развиты промышленныя силы страны во всѣхъ ея отрасляхъ, и чѣмъ тѣснѣе эта фабрика связана съ другими отраслями промышленности. Производительная сила земледѣлія тѣмъ значительнѣе, чѣмъ тѣснѣе сельское хозяйство соединено посредствомъ мѣстныхъ, коммерческихъ и политическихъ отношеній съ развитой во всѣхъ отрасляхъ фабрично-заводской промышленностію. По мѣрѣ развитія фабричной промышленности въ земледѣліи усиливается раздѣленіе операцій труда и комбинація производительныхъ силъ, поэтому сельское хозяйство достигаетъ высшей степени совершенства. Такимъ образомъ та нація будетъ обладаеть наибольшею производительною силою, слѣдовательно будетъ самою богатою, которая развила на своей территоріи до совершенства всѣ отрасли фабричной промышленности, и въ которой территорія и сельскохозяйственная производительность достаточно велики для того, чтобы обезпечить фабричному населенію наибольшую часть потребныхъ ему пищевыхъ продуктовъ и сырья.

Разсмотримъ обратную сторону этого аргумента. У націи, которая располагаетъ только земледѣліемъ и самыми необходимыми промыслами, не достаетъ перваго и важнѣйшаго раздѣленія операцій труда между ея жителями и самой видной половины ея производительныхъ силъ; такъ ей недостаетъ даже полезнаго раздѣленія операцій труда въ отдѣльныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства. Столь несовершенная нація будетъ даже не на половину только менѣе производительна, чѣмъ нація совершенная; при одинаковой и даже при гораздо обширнѣйшей территоріи, при одинаковомъ и даже при гораздо большемъ количествѣ населенія ея производительная сила будетъ въ состояніи создать едва пятую, можетъ быть даже едва десятую долю тѣхъ матеріальныхъ богатствъ, которыя въ состояніи создать нація совершенная, и это по той же самой причинѣ, по какой на хорошо устроенной

фабрикѣ десять человѣкъ производятъ не въ десять разъ, а можетъ быть въ тридцать разъ больше, чѣмъ *одинъ* человѣкъ; по той же самой причинѣ, по которой человѣкъ съ *одною* рукою можетъ сработать не вдвое, а несравненно меньше, чѣмъ *одинъ* человѣкъ съ *двумя* руками. Эта потеря въ производительной силѣ будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе усиливается фабричная производительность при помощи машинъ, и чѣмъ менѣе примѣнимы машины къ земледѣлію. Часть производительныхъ силъ, которыя такимъ образомъ теряетъ нація земледѣльческая, составятъ выигрышъ той націи, которая обмѣниваетъ свои фабрикаты на земледѣльческіе продукты. Однако потеря этихъ силъ оказывается дѣйствительною лишь тогда, когда земледѣльческая нація достигла уже необходимой для созданія фабрично-заводской промышленности степени цивилизаціи и политическаго роста. Но если она этой степени еще не достигла, если она находится еще въ варварскомъ или полуцивилизованномъ состояніи, если ея сельскохозяйственная производительная сила не вышла еще изъ первобытнаго состоянія, если ввозъ чужеземныхъ фабрикатовъ и вывозъ сырыхъ продуктовъ еще можетъ значительно увеличивать съ года на годъ ея благосостояніе, возбуждая и развертывая ея умственныя и соціальныя силы вообще, если эти сношенія не прерваны иностраннымъ запрещеніемъ ввоза сырыхъ продуктовъ или войною, или если территорія этой земледѣльческой страны лежитъ въ жаркомъ поясѣ,—тогда выгоды съ обѣихъ сторонъ будутъ одинаковы и естественны, такъ какъ, подъ вліяніемъ такого обмѣна туземныхъ продуктовъ на чужеземные фабрикаты, подобная нація достигнетъ цивилизаціи и развитія ея производительныхъ силъ гораздо скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ если бы она была предоставлена исключительно самой себѣ. Но если земледѣльческая нація достигла кульминаціоннаго пункта своего сельско-хозяйственнаго развитія, того пункта, до котораго она могла дойти подъ вліяніемъ внѣшней торговли, или же если мануфактурная нація отказывается принимать продукты земледѣльческой націи въ уплату за свои фабрикаты и если при этомъ, вслѣдствіе счастливой конкурренціи мануфактурной націи на рынкахъ націи земледѣльческой, послѣдней полагаются препятствія къ созданію своихъ фабрикъ, то производительной силѣ націи земледѣльческой грозитъ опасность быть изуродованною.

Изуродованнымъ земледѣліемъ мы называемъ такое состояніе, при которомъ, вслѣдствіе недостатка цвѣтущей или постепенно развивающейся фабрично-заводской промышленности, весь приростъ населенія обращается къ сельскому хозяйству, потребляя избытокъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, а достигая зрѣлаго возраста, или эмигрируетъ, или раздѣляетъ земеленые участки съ существующими уже земледѣльцами до тѣхъ поръ, пока эти участки на каждую семью не уменьшатся до того, что населеніе въ состояніи будетъ прозводить пищевыхъ продуктовъ и сырья лишь въ мѣрѣ своей потребности, не производя избытка, который бы оно могло обмѣнивать на потребныя ему издѣлія фабрично-заводской промышленности. При нормальномъ развитіи прозводительныхъ силъ большая часть избытка населенія земледѣльческой націи, разъ она достигла извѣстной степени развитія, должна переходить на фабрики, а избытокъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ съ одной стороны долженъ служить для удовлетворенія потребностей фабричнаго населенія въ пищевыхъ продуктахъ и сырыхъ произведеніяхъ, съ другой стороны для потребленія земледѣльческаго населенія и для увеличенія ихъ производительности посредствомъ пріобрѣтенія на этотъ избытокъ необходимыхъ для нихъ фабрикатовъ, машинъ и сельско-хозяйственныхъ орудій.

Если эти отношенія установятся своевременно, то сельско-хозяйственныя и промышленныя производительныя силы будутъ поддерживать одна другую и развиваться безконечно (in infinitum). Спросъ на сельско-хозяйственные продукты со стороны промышленнаго населенія будетъ при этомъ настолько значителенъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ не будетъ ощущаться избытка въ рабочихъ силахъ и раздробленіе земельныхъ участковъ не пойдетъ дальше того, сколько нужно для производства необходимаго избытка продуктовъ. Населеніе, занятое сельскимъ хозяйствомъ, будетъ въ состояніи предъявлять спросъ на продукты фабричнаго труда соразмѣрно съ этимъ избыткомъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.

Дальнѣйшее увеличеніе избытка сельско-хозяйственныхъ продуктовъ вызоветъ дальнѣйшее увеличеніе спроса на фабрикаты. Излишекъ сельско-хозяйственнаго населенія такимъ образомъ постоянно будетъ находить себѣ занятія на фабрикахъ, и фабричное населеніе наконецъ не только сравняется по количеству съ сельско-хозяйственнымъ, но далеко превыситъ его. Послѣднее замѣ-

чается въ Англіи, первое въ части Франціи и Германіи. Англія достигла такого нармальнаго раздѣленія операцій труда между обѣими основными вѣтвями промышленности, главнымъ образомъ благодаря овцеводству и шерстяной промышленности, которая возникла у нея въ огромныхъ размѣрахъ гораздо ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ другихъ странахъ земледѣліе было изуродовано преимущественно вслѣдствіе господства феодолизма и кулачнаго права. Земельная собственность обезпечивала почетъ и могущество лишь настолько, насколько сюзернъ могъ поддерживать своихъ вассаловъ, обязанныхъ принимать участіе въ его распряхъ. Чѣмъ больше вассаловъ, тѣмъ больше ратниковъ. Кромѣ того, при грубости эпохи среднихъ вѣковъ, земледѣлецъ долженъ былъ тратить свои доходы на содержаніе огромнаго числа слугъ, которыхъ онъ могъ имѣть и удержать при себѣ только раздачею имъ земельныхъ участковъ для обработки подъ условіемъ личной службы и самыхъ незначительныхъ натуральныхъ повинностей. Такимъ образомъ произошло искусственное чрезмѣрное раздробленіе земельныхъ пространствъ, и если въ настоящее время государственная власть пытается измѣнить это положеніе искусственными мѣрами, то она возстановляетъ лишь естественный порядокъ вещей.

Чтобы задержать дальнѣйшее изуродованіе земледѣльческой промышленности націи, обусловленное прежними учрежденіями, помимо поощренія эмиграціи, нѣтъ лучшаго средства, какъ созданіе внутренней фабрично-заводской промышленности, которая постепенно будетъ отвлекать приростъ населенія на фабрики и создавать большій спросъ на продукты земледѣлія, а слѣдовательно возвыситъ выгодность эксплоатаціи поземельной собственности и будетъ побуждать землевладѣльца къ извлеченію изъ своей земли возможно большаго избытка продуктовъ.

Производительная сила землевладѣльца и земледѣльца будетъ тѣмъ больше или меньше, чѣмъ больше или меньше будетъ облегченъ обмѣнъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на фабрикаты и продукты различнаго рода. Въ этомъ отношеніи внѣшняя торговля оказывается особенно полезною для отставшей націи, какъ мы это доказали въ одной изъ предшествующихъ главъ на примѣрѣ Англіи. Но нація, сдѣлавшая уже значительные успѣхи въ цивилизаціи, владѣющая капиталами и значительнымъ населеніемъ, признаетъ развитіе свойствен-

ной ей промышленности безконечно болѣе выгоднымъ для своего земледѣлія, чѣмъ самую цвѣтующую внѣшнюю торговлю безъ собственныхъ фабрикъ и заводовъ, потому что это обезпечиваетъ ее отъ всякихъ потрясеній, которыя могутъ быть вызваны войною или иностранными торговыми ограниченіями и торговыми кризисами, такъ какъ при этомъ условіи она сберегаетъ наибольшую часть перевозочныхъ издержекъ и торговыхъ прибылей, происходящихъ вслѣдствіе вывоза своихъ продуктовъ и привоза фабрикатовъ; она, въ такомъ случаѣ, пріобрѣтаетъ огромныя выгоды изъ усовершенствованныхъ путей сообщенія, которыя необходимо вызываются возникающею фабричною промышленностію, ибо этимъ способомъ возбуждается масса дремавшихъ до сихъ поръ личныхъ и естественныхъ силъ; наконецъ, *вообще взаимодѣйствіе фабрично-заводской и земледѣльческой промышленности тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ближе другъ къ другу живутъ земледѣлецъ и фабрикантъ, и чѣмъ менѣе обмѣнъ ихъ разнообразныхъ продуктовъ подвергается остановкѣ отъ случайностей всякаго рода.*

Въ своихъ письмахъ въ 1828 г. къ г. Ингерзолль, президенту общества поощренія искусствъ и промышленности въ Филадельфіи, я слѣдующимъ образомъ старался выяснить выгоды соединенія фабрично-заводской промышленности съ земледѣліемъ въ одной и той же странѣ, подъ одною и тою же политическою властію: „Предположите, что вамъ неизвѣстно искусство размалывать зерно, что въ свое время навѣрное было большимъ искусствомъ; предположите далѣе, что вы незнакомы съ искусствомъ печенія хлѣба, подобно тому, какъ, по свидѣтельству Андерсона, англичане еще въ XVII вѣкѣ не были знакомы съ дѣйствительными способами соленія сельдей; предположите, поэтому, что вы должны посылать свое зерно въ Англію для размола въ муку и для печенія хлѣба: сколько этого зерна станутъ удерживать англичане въ вознагражденіе за размолъ и печеніе? Сколько этого зерна потребятъ перевозчики, моряки, купцы, которые займутся вывозомъ зерна и привозомъ хлѣба? Какое количество зерна будетъ попадать обратно въ руки тѣхъ, которые сѣяли его? Нѣтъ словъ, внѣшняя торговля при этомъ будетъ очень оживлена, но сомнительно, чтобы такія торговыя сношенія были особенно выгодны для благосостоянія и независимости націи. Вообразите только себѣ, въ какомъ положеніи, при вспыхнувшей между этою страною (Сѣверная Америка)

и Великобританіей войнѣ, окажутся тѣ производители, которые поставляли зерно на англійскія мельницы и въ англійскія пекарни, и каково будетъ положеніе тѣхъ, которые привыкли уже къ вкусу англійскаго хлѣба. Но какъ экономическая выгода производителя зерна требуетъ, чтобы мельникъ жилъ вблизи его, такъ и выгода земледѣльца вообще требуетъ, чтобы близъ него жилъ фабрикантъ или заводчикъ; и какъ выгоды мѣстности, представлявшей равнину, требуютъ, чтобы въ срединѣ ея находился богатый промышленный городъ, такъ и выгоды земледѣлія вообще въ странѣ требуютъ, чтобы ея собственная фабрично-заводская промышленность достигала „наивозможно высшаго развитія“.

Сравнимъ состояніе сельскаго хозяйства вблизи многолюднаго города съ состояніемъ его въ отдаленнѣйшей провинціи. Сельскій хозяинъ этой послѣдней занимается культурою лишь тѣхъ продуктовъ, которые выносятъ дальнюю перевозку и которые не могутъ быть доставлены ближайшими мѣстностями по болѣе дешевымъ цѣнамъ и уступаютъ въ качествѣ его продуктамъ. Большая часть вырученной имъ суммы будетъ поглощаться перевозкою. Ему трудно отыскивать капиталы, которые онъ могъ бы употребить съ пользою для своего хозяйства. Вслѣдствіе недостатка въ хорошихъ примѣрахъ и въ средствахъ образованія, здѣсь съ трудомъ прививаются новые способы обработки земли, усовершенствованныя сельскохозяйственныя орудія, новыя культуры. Производительная сила самого рабочаго, вслѣдствіе отсутствія хорошаго примѣра и недостатка средствъ, возбуждающихъ его энергію и соревнованіе, развивается слабо, и онъ дѣлается вялымъ и лѣнивымъ.

Вблизи города, напротивъ, сельскій хозяинъ имѣетъ возможность пользоваться каждымъ кускомъ земли для той культуры, которая наиболѣе отвѣчаетъ свойствамъ почвы. Производство самыхъ разнообразныхъ продуктовъ даетъ ему доходъ. Овощи, птица, яйца, молоко, масло, плоды, и вообще всѣ тѣ предметы, на которые сельскій хозяинъ отдаленной мѣстности смотритъ, какъ на незначительные, побочные продукты, приносятъ пригородному землевладѣльцу значительный доходъ. Въ то время, какъ перваго занимаетъ лишь обыкновенное скотоводство, второй извлекаетъ несравненно большія выгоды изъ откармливанія скота, что побуждаетъ его совершенствовать разведеніе кормовыхъ травъ. Масса предметовъ, которые для сельскаго хозяина, живущаго въ отдаленной

мѣстности, не имѣютъ никакой цѣны, или имѣютъ самое малое значеніе, каковы камни, песокъ, сила воды и т. д., имѣютъ для послѣдняго огромную цѣнность. Большинство лучшихъ машинъ и земледѣльческихъ орудій, равно какъ и средствъ къ образованію, у него подъ руками. Ему легко находить капиталы, потребные для усовершенствованія его сельскаго хозяйства. Благодаря удовольствіямъ, которыя представляетъ городъ въ распоряженіе землевладѣльца и рабочаго, благодаря соревнованію, которое онъ въ нихъ возбуждаетъ, благодаря легкости, съ которою достигаются барыши, въ томъ и въ другомъ постоянно поддерживается стремленіе прилагать всѣ свои умственныя и физическія силы къ улучшенію своего положенія. Совершенно такое же различіе существуетъ между націею, которая соединяетъ на своей территоріи земледѣліе и фабрично-заводскую промышленность, и націею, которая обмѣниваетъ собственные земледѣльческіе продукты на иностранные мануфактурныя издѣлія.

Вся общественная экономія націи вообще должна быть разсматриваема съ точки зрѣнія *принципа раздѣленія операцій труда* и *комбинаціи производительныхъ силъ*. Національное благосостояніе для громаднаго общества, называемаго націею, является тѣмъ же, чѣмъ для игольной фабрики—игла. Высшее *раздѣленіе труда* въ странѣ составляетъ раздѣленіе труда *умственнаго* и труда *физическаго*. Они находятся въ тѣсномъ взаимодѣйствіи. Чѣмъ болѣе умственное производство содѣйствуетъ развитію нравственности, религіознаго чувства, просвѣщенію, увеличенію знаній, расширенію свободы и политическому совершенствованію, развитію личной и имущественной безопасности гражданъ и внѣшнему могуществу націи, тѣмъ обширнѣе будетъ и матеріальное производство; чѣмъ болѣе матеріальное производство производитъ богатства, тѣмъ болѣе *успѣховъ достигаетъ умственное производство*.

Наисовершеннѣйшее раздѣленіе труда и наилучшая комбинація производительныхъ силъ въ *матеріальномъ произвоствѣ оказывается* въ *земледѣліи и фабрично-заводской промышленности*. То и другое, какъ мы показали, находится во взаимодѣйствіи.

Какъ на игольной фабрикѣ, такъ и въ странѣ производительная способность каждаго человѣка, каждой отдѣльной отрасли производства, и наконецъ вся совокупность производства зависитъ отъ точной пропорціональности въ дѣятельности однихъ по отношенію къ

другимъ. Это то, что мы называемъ *равновѣсіемъ* или *гармоніею производительныхъ силъ*. Въ странѣ можетъ быть слишкомъ много философовъ, филологовъ и писателей, но слишкомъ мало техниковъ, купцовъ и моряковъ. Это является слѣдствіемъ быстрыхъ успѣховъ въ научномъ образованіи, которое не было параллельно поддержано успѣхами фабрично-заводской промышленности и развитіемъ внутренней и внѣшней торговли; это тоже самое, какъ если бы на игольной фабрикѣ выдѣлывалось гораздо больше игольныхъ головокъ, чѣмъ самыхъ иглъ. Излишними игольными головками въ такой націи будутъ: масса безполезныхъ книгъ, хитроумныя системы и ученые споры, которые скорѣе затемняютъ въ странѣ умы, чѣмъ просвѣщаютъ, отвлекаютъ націю отъ полезныхъ занятій, а слѣдовательно задерживаютъ развитіе производительныхъ силъ, подобно тому какъ если бы въ странѣ было слишкомъ много священниковъ и слишкомъ мало воспитателей юношества, слишкомъ много солдатъ и слишкомъ мало государственныхъ людей, слишкомъ много чиновниковъ и слишкомъ мало судей и защитниковъ закона.

Нація, занимающаяся исключительно земледѣліемъ, подобна человѣку, у котораго не хватаетъ одной руки для занятія матеріальнымъ производствомъ. Торговля представляетъ только посредника между земледѣліемъ и фабрично-заводскою промышленностію и ихъ различными отраслями. Нація, обмѣнивающая свои земледѣльческіе продукты на иностранныя мануфактурныя издѣлія, представляетъ собою человѣка безъ руки, который опирается на чужую руку. Эта опора полезна для него, но она не замѣняетъ собою недостающей руки — уже потому, что ея дѣятельность находится въ зависимости отъ чужой воли. Обладая собственною фабрично-заводскою промышленностію, нація можетъ производить столько пищевыхъ продуктовъ и сырья, сколько будутъ потреблять собственные фабрики и заводы; находясь же въ зависимости отъ иностранныхъ фабрикъ и заводовъ, она можетъ производить лишь такой излишекъ, котораго не въ состояніи производить другія націи и который они принуждены покупать въ другихъ государствахъ.

Между отдѣльными странами существуетъ то же самое раздѣленіе труда и ассоціація производительныхъ силъ, какія существуютъ и между отдѣльными мѣстностями одной и той же страны. Посредникомъ между ними въ послѣднемъ случаѣ служитъ внутрен-

няя или національная торговля, въ первомъ же—международная Международная ассоціація производительныхъ силъ является очень несовершенною въ томъ отношеніи, что она часто нарушается войнами, политическими ограниченіями, торговыми кризисами и т. д. Хотя международная ассоціація производительныхъ силъ представляется наивысшимъ ея проявленіемъ, такъ какъ она соединяетъ различные народы земнаго шара, тѣмъ не менѣе для благосостоянія націй, сдѣлавшихъ большіе успѣхи въ цивилизаціи, она имѣетъ менѣе всего значенія, и это признано школою и выражается въ правилѣ, что внутренній рынокъ націи несравненно важнѣе ея внѣшняго рынка. Отсюда слѣдуетъ, что интересъ каждой великой націи заключается въ томъ, чтобы главнымъ предметомъ ея стремленій была *національная* ассоціація производительныхъ силъ и подчиненіе этой послѣдней ассоціаціи *международной*.

Международное, какъ и національное раздѣленіе труда большею частію зависитъ отъ климата и естественныхъ условій. Не можетъ во всѣхъ странахъ возникнуть производство чая, какъ въ Китаѣ,— пряностей, какъ на островѣ Ява, — хлопка, какъ въ Луизіанѣ, или хлѣба, шерсти, овощей, мануфактурныхъ товаровъ, какъ въ странахъ умѣреннаго пояса. Было бы безсмысленно, если бы страна вознамѣрилась посредствомъ національнаго раздѣленія труда, т. е. при помощи внутренняго производства, получить тѣ продукты, для производства которыхъ въ ней не имѣется благопріятныхъ естественныхъ условій и которые она лучшаго качества и дешевле можетъ получить при посредствѣ международнаго раздѣленія труда, т. е. посредствомъ внѣшней торговли, точно также, съ другой стороны, страна обнаружила бы недостатокъ національной культуры или національной дѣятельности, если бы она не воспользовалась всѣми находящимися въ ея распоряженіи естественными силами для удовлетворенія своихъ внутреннихъ потребностей, и для пріобрѣтенія избытка производства тѣхъ продуктовъ, въ производствѣ которыхъ на собственной почвѣ ей отказала природа.

Странами съ наиболѣе благопріятными естественными условіями относительно національнаго и международнаго раздѣленія труда будутъ очевидно тѣ, которыхъ почва производитъ продукты первой необходимости наилучшаго качества и въ наибольшемъ количествѣ, и которыхъ климатъ болѣе всего поддерживаетъ умственное и физическое напряженіе, т. е. *страны умѣреннаго пояса*. Ибо въ

этихъ преимущественно странахъ развивается фабрично-заводская промышленность, благодаря которой нація не только можетъ достичь высшей степени интеллектуальнаго и соціальнаго развитія и политическаго могущества, но и сдѣлать въ нѣкоторомъ родѣ своими данниками страны жаркаго пояса и страны менѣе культурныя. Страны умѣреннаго пояса призваны слѣдовательно преимущественно предъ всѣми прочими развить до полнаго совершенства національное раздѣленіе труда и пользоваться международнымъ раздѣленіемъ труда для своего обогащенія.

ГЛАВА XIV.

Частная экономія и политическая экономія.

Мы доказали при помощи исторіи, что единство націи является основнымъ условіемъ прочнаго національнаго благосостоянія, и показали, что тамъ, гдѣ частный интересъ подчиненъ интересу національному, и гдѣ цѣлый рядъ поколѣній преслѣдовалъ одну и ту-же цѣль, націи достигли гармоническаго развитія ихъ производительныхъ силъ, и что безъ общаго стремленія къ одной и той же общей цѣли одного и того-же поколѣнія и поколѣній послѣдующихъ, частная промышленность развивается слабо. Далѣе въ предшествующей главѣ, мы постарались выяснить, какимъ образомъ обнаруживаются благодѣтельныя дѣйствія закона ассоціаціи на одной и той-же фабрикѣ и какимъ образомъ совершенно съ тою-же энергіею законъ этотъ вліяетъ на промышленность цѣлой націи. Въ настоящей главѣ мы намѣрены показать, какъ школа замаскировала свое непониманіе національныхъ интересовъ и дѣйствія ассоціаціи національныхъ силъ, смѣшавъ принципы частной экономіи съ принципами національной экономіи.

„То, что оказывается благоразумнымъ въ частной экономіи, говоритъ Адамъ Смитъ, не можетъ быть ни въ какой мѣрѣ безсмыслицею въ экономіи великихъ націй. Всякій человѣкъ, преслѣдуя исключительно свои частные интересы, необходимо трудится также въ интересахъ общества. Очевидно, что всякій человѣкъ, знакомый съ мѣстными обстоятельствами и относящійся внимательно

къ своимъ дѣламъ, можетъ обсудить несравненно лучше всякаго государственнаго человѣка или законодателя, какое наиболѣе выгодное употребленіе можетъ онъ дать своимъ капиталамъ. Государственный человѣкъ, который рѣшился-бы направить частныхъ лицъ въ употребленіи ихъ капиталовъ, не только взялъ-бы на себя наиболѣе безполезную заботу, но онъ присвоилъ-бы себѣ въ отношеніи промышленной предпріимчивости такой авторитетъ, который не могъ-бы быть съ наибольшею опасностью врученъ человѣку, достаточно самонадѣянному, чтобы быть увѣреннымъ въ своихъ способностяхъ исполнить такую задачу".

Отсюда Адамъ Смитъ заключаетъ, что всякія ограниченія международной торговли, устанавливаемыя для поощренія внутренней промышленности, нелѣпы; что каждая нація, точно такъ-же какъ отдѣльный человѣкъ, должна покупать предметы тамъ, гдѣ она ихъ можетъ пріобрѣсть дешевле; что для достиженія высшей ступени національнаго благосостоянія, необходимо лишь слѣдовать принципу laissez faire, laissez passer. Смитъ и Сэй уподобляютъ націю, желающую поощрить свою промышленность посредствомъ ввозныхъ пошлинъ, портному, который вздумалъ-бы самъ себѣ шить сапоги, и сапожнику, который вздумалъ-бы увеличить свое производство посредствомъ установленія входной платы въ свое помѣщеніе. Томасъ Куперъ въ своемъ сочиненіи, направленномъ противъ американской протекціонной системы, доводитъ до крайности послѣднюю мысль, какъ и всѣ другія заблужденія школы *): „Политическая экономія", говоритъ онъ, „почти тоже самое, что и частная экономія всѣхъ индивидуумовъ; *политика* не составляетъ какой либо существенной особенности *политической экономіи;* нелѣпо было-бы думать, что общество есть нѣчто совершенно иное, нежели индивидуумы, изъ которыхъ оно состоитъ. Каждый человѣкъ знаетъ лучше всего, какимъ образомъ онъ долженъ распоряжаться своимъ трудомъ и своими капиталами. Общественное богатство есть ничто иное, какъ накопленное богатство отдѣльныхъ лицъ, и если каждый человѣкъ лучше, чѣмъ кто либо, понимаетъ свои собственные интересы, то богатѣйшимъ народомъ долженъ быть тотъ, въ которомъ каждый человѣкъ предоставленъ собственнымъ своимъ силамъ".

*) Lectures on political Economy by Thomas Cooper, pag. 1, 15, 19, 117.

Американскіе защитники протекціонной системы на этотъ аргументъ, который раньше еще приводился купцами экспортерами въ пользу свободы торговли, возражали, что навигаціонныя постановленія дали сильный толчекъ развитію торговаго мореходства, внѣшней торговли и рыбныхъ промысловъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и что милліоны тратились ежегодно на флотъ исключительно въ видахъ поощренія мореплаванія, что, по теоріи, эти постановленія и эти издержки точно такъ-же должны подлежать осужденію, какъ и протекціонная система.

„Во всякомъ случаѣ", восклицалъ Куперъ, „никакая морская торговля не стоитъ морской войны, пусть купцы сами себѣ покровительствуютъ".

Такимъ образомъ школа, чуравшаяся въ началѣ національности и національныхъ интересовъ, доходитъ до полнаго отрицанія даже существованія того и другого и предоставляетъ индивидуумамъ заботу о защитѣ собственнымъ ихъ силамъ.

Какъ! Развѣ благоразуміе въ частной экономіи составляетъ также благоразуміе въ національной экономіи? Развѣ въ природѣ человѣка заботиться о потребностяхъ будущихъ столѣтій, какъ это свойственно націи и государству? Представьте себѣ основаніе американскаго города: здѣсь всякій, предоставленный самому себѣ, думалъ бы только о собственныхъ нуждахъ и самое большее о своемъ ближайшемъ потомствѣ; люди же, собранные въ общество, заботятся объ удобствахъ и нуждахъ будущихъ самыхъ отдаленныхъ поколѣній, они требуютъ для этой цѣли отъ современнаго поколѣнія лишеній и жертвъ, какихъ ни одинъ разумный человѣкъ не можетъ ожидать отъ отдѣльнаго человѣка. Можетъ ли далѣе отдѣльный человѣкъ при веденіи своихъ частныхъ дѣлъ, имѣть въ виду защиту страны, общественную безопасность и всѣ тѣ тысячи другихъ цѣлей, которыхъ возможно достигнуть лишь общественными средствами? Не нація-ли налагаетъ для достиженія такихъ цѣлей ограниченія на свободу людей? Не требуетъ-ли она даже, чтобы они приносили ей въ жертву часть своихъ доходовъ, часть своего умственнаго и физическаго труда, даже собственную свою жизнь! Сначала нужно, согласно съ воззрѣніями Купера, уничтожить самое представленіе о государствѣ и націи, чтобы допустить такое правило.

Нѣтъ! Что благоразумно въ національной экономіи, можетъ

оказаться нелѣпостью въ частной экономіи и наоборотъ, и по причинѣ очень простой—потому, что портной—не нація, и нація—не портной; потому, что семья есть нѣчто совершенно другое, нежели союзъ милліона семей, и домъ—нѣчто совершенно другое, нежели громадная національная территорія.

Точно такъ-же отдѣльный человѣкъ, хотя бы онъ наилучшимъ образомъ зналъ и понималъ свои собственные интересы, не всегда еще своею свободною дѣятельностію содѣйствуетъ интересамъ общества. Спросимъ тѣхъ, которые сидятъ въ судахъ, не приходится ли имъ часто ссылать на каторгу осужденныхъ ими за избытокъ изобрѣтательности и промышленной дѣятельности. Разбойники, воры, контрабандисты и мошенники отлично знакомы съ мѣстнымъ положеніемъ и личными отношеніями и прилагаютъ неусыпное вниманіе къ своему дѣлу; отсюда однако вовсе еще не слѣдуетъ, что общество находится въ наилучшемъ положеніи тамъ, гдѣ подобные индивидуумы наименѣе стѣснены въ своихъ частныхъ занятіяхъ этими промыслами.

Въ тысячахъ случаевъ государственная власть видитъ себя вынужденною ограничивать частную промышленность. Она воспрещаетъ кораблевладѣльцамъ брать на бортъ на южномъ берегу Африки рабовъ и переправлять ихъ въ Америку. Она издаетъ правила относительно устройства и для установленія на морѣ порядка для того, чтобы пассажиры и матросы не отдавались на жертву алчности и своеволія капитановъ. Недавно еще въ Англіи были предложены правила для кораблестроенія, потому что напали на слѣдъ адскаго договора между страховыми обществами и кораблевладѣльцами, вслѣдствіе котораго тысячи человѣческихъ жизней и милліоны цѣнностей приносились въ жертву корыстолюбію частныхъ лицъ.

Въ Сѣверной Америкѣ содержатели мельницъ, подъ страхомъ штрафа не менѣе 198 фунтовъ, обязаны запаковывать добротную муку въ бочки, и на всѣхъ рынкахъ назначены инспектора, не смотря на то, что ни въ одной странѣ не цѣнятъ такъ индивидуальную свободу, какъ тамъ. Всюду власть стремится къ обезпеченію общества отъ опасности и убытка: такъ въ торговлѣ пищевыми продуктами, лѣкарствами и т. д.

„Но приведенные случаи“, возразитъ намъ школа, „касаются преступнаго нарушенія права собственности и личной безопасно-

сти, а не заслуживающей уваженія торговли полезными предметами, не безвредной и полезной дѣятельности частныхъ лицъ; стѣснять свободу послѣднихъ государственная власть не имѣетъ никакого права". Конечно нѣтъ, пока эта дѣятельность безвредна и полезна; но то, что можетъ быть безвреднымъ и полезнымъ во всемірной торговлѣ, можетъ оказаться вреднымъ и опаснымъ въ торговлѣ національной и наоборотъ. Во время мира, съ точки зрѣнія космополитической, каперство есть промыселъ вредный; однако во время войны правительства ему покровительствуютъ. Предъумышленное убійство человѣка въ мирное время считается преступленіемъ, а во время войны—это обязанность. Торговля порохомъ, свинцомъ и оружіемъ въ мирное время считается позволительною, въ военное же время тотъ, кто отправляетъ эти предметы врагу, наказывается какъ измѣнникъ.

По тѣмъ же основаніямъ государственная власть не только имѣетъ право, но обязана ограничивать и регулировать въ интересахъ нищій безвредныя сами по себѣ торговыя сношенія. Она посредствомъ запрещеній и ввозныхъ пошлинъ не предписываетъ отдѣльнымъ лицамъ, куда они должны употреблять свои производительныя силы и капиталы, какъ то утверждаетъ школа, доказывая софистически свои взгляды; она не говоритъ одному: „ты долженъ употребить свой капиталъ на постройку корабля или на устройство фабрики", а другому: „ты долженъ быть капитаномъ, а ты гражданскимъ инженеромъ"; она предоставляетъ на усмотрѣніе каждаго лица то, куда и какимъ образомъ желаетъ онъ употребить свои капиталы или какому призванію желаетъ посвятить себя. Она говоритъ только: въ интересахъ нашей страны мы сами должны производить такіе-то или такіе-то мануфактурные товары; но такъ какъ при свободной конкурренціи съ другими странами мы никогда не въ состояніи были бы достигнуть этого, то мы ограничили эту конкурренцію настолько, насколько намъ необходимо во первыхъ для того, чтобы тѣмъ изъ насъ, которые употребляютъ свои капиталы на эти новыя отрасли промышленности и посвящаютъ имъ свои умственныя и физическія силы, дать вѣрное ручательство въ томъ, что они не потеряютъ своихъ капиталовъ и не потратятъ напрасно своего труда, во-вторыхъ для того, чтобъ побудить иностранцевъ перенести свои производительныя силы къ намъ". Такимъ образомъ власть вовсе не ограничиваетъ частной

промышленности; напротивъ: она предоставляетъ для личныхъ и естественныхъ силъ, равно для капиталовъ націи, болѣе обширное поле дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не дѣлаетъ чего либо такого, что частные лица понимаютъ и могутъ сдѣлать лучше, чѣмъ она сама; напротивъ, она дѣлаетъ то, что частные лица не могутъ сдѣлать для себя, не смотря на ихъ знаніе.

Утвержденіе школы, что протекціонная система влечетъ за собою незаконное и антиэкономическое вмѣшательство государственной власти въ употребленіе капиталовъ и въ промышленную дѣятельность частныхъ лицъ, не представится ни малѣйшимъ образомъ въ выгодномъ свѣтѣ, если обратить вниманіе на то, что причина такого вмѣшательства заключается въ противодѣйствіи регулированію торговли со стороны *иностранцевъ* и вмѣшательству ихъ въ нашу частную промышленность, и что только съ помощію протекціонной системы можно отстранить вредное вліяніе иностранной торговой политики. Когда англичане исключаютъ нѣмецкіе зерновые продукты съ своего рынка, что они дѣлаютъ, если не то, что принуждаютъ нѣмецкихъ земледѣльцевъ сѣять хлѣба настолько меньше, сколько они могли бы при свободномъ ввозѣ отправить его въ Англію?

Если они облагаютъ нашу шерсть, наши вина, нашъ лѣсъ настолько высокими пошлинами, что отправка этихъ продуктовъ въ Англію совершенно или въ большей части прекращается — не будетъ ли это пропорціональнымъ ограниченіемъ со стороны англійской государственной власти нашихъ отраслей промышленности? Въ подобныхъ случаяхъ, очевидно, *иностраннымъ законодательствомъ* дается *нашимъ* капиталамъ и *нашимъ* производительнымъ силамъ такое направленіе, какого безъ этого они сами по себѣ не приняли-бы. Изъ этого слѣдуетъ, что если мы посредствомъ *собственнаго законодательства* откажемся дать нашей національной промышленности направленіе, соотвѣтствующее *нашимъ* національнымъ интересамъ, то мы не въ состояніи будемъ помѣшать *чужимъ* націямъ направлять нашу національную промышленность соотвѣтственно *ихъ собственнымъ* дѣйствительнымъ или предполагаемымъ интересамъ, или во всякомъ случаѣ такъ, что это окажетъ вредное вліяніе на развитіе нашихъ производительныхъ силъ. Но что благоразумнѣе и выгоднѣе для нашихъ гражданъ: предоставить направлять нашу промышленность иностранному законодательству соотвѣтственно

иностраннымъ національнымъ интересамъ, или-же направлять ее при посредствѣ нашего законодательства соотвѣтственно нашимъ собственнымъ интересамъ? Если нѣмецкій или американскій сельскій хозяинъ ежегодно будетъ принужденъ знакомиться съ англійскими парламентскими актами, для того, чтобы знать, долженъ ли онъ расширить или сократить производство хлѣба или шерсти, то будетъ ли онъ въ этомъ случаѣ чувствовать себя менѣе стѣсненнымъ, чѣмъ тогда, когда собственное законодательство ограничитъ его относительно иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій, но за то обезпечитъ ему для всѣхъ его продуктовъ рынокъ, который никогда не можетъ быть у него отнятъ иностраннымъ законодательствомъ?

Когда школа утверждаетъ, что покровительственныя пошлины предоставляютъ туземнымъ фабрикантамъ и заводчикамъ монополію въ ущербъ потребителямъ, то занимается дурнымъ ябедничествомъ. Ибо всякій человѣкъ въ странѣ можетъ эксплоатировать туземные рынки, обезпеченные для внутренней промышленности, слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о частной монополіи; покровительственныя пошлины устанавливаютъ ту же привиллегію для нашихъ соотечественниковъ сравнительно съ иностранцами, которая тѣмъ законнѣе, что эти послѣдніе пользуются у себя дома подобными-же привиллегіями, и наши соотечественники въ данномъ случаѣ при помощи покровительственныхъ пошлинъ уравниваются съ иностранцами. Этимъ не устанавливается абсолютная привиллегія ни въ пользу производителей, ни въ ущербъ потребителей; если же производители въ началѣ назначаютъ преувеличенныя цѣны, то это объясняется значительнымъ рискомъ и тѣмъ, что имъ приходится возмѣщать потери и жертвы, которыя всегда имѣютъ мѣсто при организаціи всякаго производства. Противъ же несоотвѣтствующаго преувеличенія барышей и противъ опасности, что высокія цѣны укрѣпятся на продолжительное время, потребителей обезпечиваетъ возникающая затѣмъ внутренняя конкурренція, вызывающая всегда пониженіе цѣнъ даже ниже того уровня, которое имѣло мѣсто только при заграничной конкурренціи. Но если земледѣльцы, являющіеся главными потребителями фабрично-заводскихъ издѣлій и продуктовъ, принуждены будутъ платить за нихъ болѣе высокія цѣны, то этотъ ущербъ ихъ будетъ вознаграждаться съ избыткомъ увеличеніемъ спроса на продукты земледѣлія и возвышеніемъ ихъ стоимости.

Школа выдвигаетъ другой софизмъ, которымъ замаскировываетъ смѣшеніе понятій о теоріи цѣнностей и о теоріи производительныхъ силъ, когда выставляетъ положеніе что *національное богатство есть лишь сумма богатствъ всего населенія или всѣхъ гражданъ, и что частный интересъ каждаго изъ нихъ могущественнѣе, нежели всѣ государственныя мѣры, по отношенію къ производству и къ умноженію богатствъ.* Изъ этого положенія школа выводитъ заключеніе, что національная промышленность будетъ находиться въ лучшихъ условіяхъ для своего развитія, если каждому частному лицу предоставлена будетъ полная возможность спокойно заниматься своимъ дѣломъ. Это положеніе можетъ быть принято и безъ тѣхъ выводовъ, которые желаетъ сдѣлать изъ него школа. Ибо дѣло не въ томъ, какъ мы показали въ одной изъ предшествующихъ главъ, чтобы посредствомъ торговыхъ ограниченій непосредственно вызвать увеличеніе *суммы мѣновыхъ цѣнностей* націи, а въ томъ, чтобы вызвать увеличеніе *суммы ея производительныхъ силъ*. Но сумма производительныхъ силъ націи не равняется суммѣ производительныхъ силъ всего населенія, взятаго по отношенію къ каждому жителю отдѣльно; она зависитъ главнымъ образомъ отъ политическаго и соціальнаго положенія націи, и въ частности отъ степени развитія въ ней раздѣленія труда и ассоціаціи этихъ силъ. Мы это достаточно установили въ предшествующей главѣ.

Господствующая школа всюду видитъ лишь отдѣльныхъ лицъ, пользующихся полною свободой, не стѣсненныхъ въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ и удовлетворяющихся тѣмъ, что каждому изъ нихъ дается полная возможность преслѣдовать свои частные интересы согласно его природнымъ склонностямъ. Это очевидно не есть система экономіи націй, а система частной экономіи такихъ человѣческихъ обществъ, какими ихъ можно было бы представить въ томъ случаѣ, если бы не было вмѣшательства государственной власти, войнъ, враждебныхъ чужеземныхъ мѣропріятій въ область торговли. Она нигдѣ не разъясняетъ, какими средствами однѣ современныя намъ націи достигли цвѣтущаго благосостоянія и той степени могущества, которыми онѣ въ настоящее время пользуются, и вслѣдствіе какихъ причинъ другія изъ нихъ лишились той степени благосостоянія и могущества, которыми онѣ пользовались прежде. Школа учитъ только, какимъ

образомъ въ частной промышленности естественныя силы, трудъ и капиталы соединяются для доставленія на рынокъ цѣнныхъ предметовъ и какимъ образомъ онѣ распредѣляются среди народовъ и ими потребляются. Но какія средства необходимы для того, чтобы цѣлая нація могла воспользоваться всѣми находящимися въ ея распоряженіи естественными силами, какъ бѣдныя и слабыя націи могутъ достигнуть благосостоянія и могущества—школа не предусматриваетъ, вслѣдствіе того, что, устраняя совершенно политику, не хочетъ знать частнаго положенія того или другого народа и озабочена лишь преуспѣяніемъ всего человѣческаго рода. Когда вопросъ касается международной торговли, всегда туземный житель противополагается отдѣльному иностранцу, приводятся примѣры лишь изъ частныхъ отношеній купцовъ между собою, о товарахъ говорится лишь вообще (безразлично, состоятъ ли они изъ продуктовъ земледѣлія или фабрикатовъ), для того, чтобы показать, что для націи совершенно безразлично, въ чемъ заключается предметъ вывоза или ввоза, въ золотѣ, сырьѣ или фабрикатахъ, находится-ли количество ихъ въ равновѣсіи или нѣтъ. Если мы, испуганные, напримѣръ, торговыми кризисами, которые въ Сѣверной Америкѣ царятъ какъ мѣстная повальная болѣзнь, обратимся къ теоріи за совѣтомъ, какими средствами отвратить или уменьшить причиняемыя ими опустошенія, то школа оставляетъ насъ безъ всякаго утѣшенія и указанія; мы даже не въ состояніи объяснить это явленіе научнымъ образомъ, потому что мы, подъ страхомъ прослыть обскурантами или невѣжами, не смѣемъ даже произносить слова *торговый балансъ*, хотя это слово раздается постоянно во всѣхъ законодательныхъ собраніяхъ, во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, на всѣхъ биржахъ. Для блага человѣчества мы обязаны вѣрить, что отпускъ и привозъ постоянно уравновѣшиваются сами собой, не смотря на то, что въ оффиціальныхъ отчетахъ мы постоянно читаемъ о томъ, что англійскій національный банкъ приходитъ на помощь естественному порядку вещей, не смотря на существованіе хлѣбнаго билля, который съ трудомъ дозволяетъ сельскимъ хозяевамъ торгующихъ съ Англіею странъ, оплачивать продуктами земледѣлія фабрикаты, потребляемые ими.

Школа не знаетъ различія между націями, достигшими значительной степени экономическаго развитія, и тѣми, которыя нахо-

дятся въ этомъ отношеніи на низшей ступени. Всюду желаетъ она устранить вмѣшательство государственной власти, всюду каждый частный человѣкъ долженъ тѣмъ болѣе имѣть возможности производить, чѣмъ менѣе занимается имъ государственная власть. Въ самомъ дѣлѣ, согласно этой доктринѣ, дикіе народы должны быть самыми производительными и самыми богатыми народами земнаго шара, ибо нигдѣ отдѣльно взятый человѣкъ не предоставленъ болѣе самому себѣ и нигдѣ не чувствуется такъ мало вмѣшательства государственной власти, какъ въ данномъ состояніи.

Статистика и исторія показываютъ, напротивъ, что необходимость вмѣшательства законодательной власти и администраціи сказывалась всегда тѣмъ больше, чѣмъ далѣе развивалось экономическое положеніе націи. Какъ индивидуальная свобода вообще является благомъ лишь до тѣхъ поръ, пока она не становится въ противорѣчіе съ соціальными цѣлями, такъ и частная промышленность можетъ разумно требовать неограниченной дѣятельности лишь до тѣхъ поръ, пока она соотвѣтствуетъ преуспѣянію націи. Но тамъ, гдѣ дѣятельность отдѣльныхъ лицъ не удовлетворяетъ этой цѣли, или гдѣ она можетъ оказаться вредною для націи, тамъ она по справедливости требуетъ поддержки коллективной силы націи, тамъ она въ ея собственныхъ интересахъ должна подчиняться законнымъ ограниченіямъ.

Признавая свободную конкурренцію въ промышленности вѣрнѣйшимъ средствомъ для обезпеченія преуспѣянія всего человѣчества, школа, съ точки зрѣнія, на которую она себя поставила, совершенно права. Разъ признана гипотеза о существованіи всемірной ассоціаціи, всякое ограниченіе частныхъ торговыхъ сношеній между различными странами является неблагоразумнымъ и вреднымъ. Но пока другія націи подчиняютъ коллективные интересы всего человѣчества своимъ національнымъ интересамъ, нѣтъ смысла говорить о свободѣ конкурренціи между людьми, принадлежащими къ различнымъ націямъ. Доказательства школы въ пользу свободной конкурренціи, такимъ образомъ, приложимы пока къ торговымъ сношеніямъ между лицами, принадлежащими къ одной и той же націи. Каждая большая нація должна поэтому стремиться образовать изъ себя одно цѣлое, которое съ другими націями, составляющими такое же цѣлое, входитъ въ сношеніе лишь настолько, насколько это отвѣчаетъ ея собственнымъ соціальнымъ интересамъ.

Но эти соціальные интересы въ высшей степени отличаются отъ частныхъ интересовъ всѣхъ отдѣльныхъ лицъ націи, если разсматривать каждаго изъ нихъ, какъ нѣчто совершенно изолированное, а не какъ членовъ національной ассоціаціи; если, по примѣру Смита и Сэй, видѣть въ отдѣльныхъ лицахъ только производителей и потребителей, а не гражданъ государства или лицъ, принадлежащихъ къ извѣстной націи. Въ такомъ качествѣ эти лица не имѣютъ никакой надобности заботиться объ интересахъ будущихъ поколѣній; они считаютъ нелѣпымъ, какъ намъ это дѣйствительно и доказалъ Куперъ, трудиться для принесенія въ настоящее время извѣстной жертвы на предметъ пріобрѣтенія какихъ-то неизвѣстныхъ еще благъ отдаленнаго будущаго, какъ бы они, впрочемъ, ни были дороги; обезпеченіе національной устойчивости въ будущемъ для нихъ имѣетъ мало цѣны; корабли своихъ купцовъ они предоставляютъ на жертву каждаго смѣлаго пирата; они мало безпокоятся о могуществѣ, чести и славѣ страны; самое большее, если они найдутъ для себя возможнымъ сдѣлать матеріальныя пожертвованія для воспитанія своихъ дѣтей и отдать ихъ для обученія ремеслу, лишь бы только молодые люди черезъ нѣсколько лѣтъ оказались способными сами себѣ заработывать хлѣбъ на свое пропитаніе.

Дѣйствительно, для господствующей теоріи національная экономія и частная экономія настолько имѣютъ одинаковое значеніе, что Ж. Б. Сэй, когда дозволяетъ государству, въ видѣ исключенія, покровительствовать внутренней промышленности, то ставитъ слѣдующее условіе: покровительство это можетъ имѣть мѣсто лишь въ такомъ случаѣ, если можно предполагать, что чрезъ *нѣсколько лѣтъ* эта промышленность достигнетъ самостоятельности, подобно тому какъ мальчика отдаютъ въ обученіе сапожному ремеслу на нѣсколько лѣтъ для того, чтобы онъ настолько усовершенствовался въ своемъ ремеслѣ, что могъ бы обходиться безъ поддержки своихъ родителей.

ГЛАВА XV.

Національность и экономія націй.

Система школы, какъ мы показали въ предшествующихъ главахъ, представляетъ слѣдующіе существенные недостатки: во-первыхъ, безпочвенный *космополитизмъ*, который не признаетъ сущности національнаго и не принимаетъ въ расчетъ національныхъ интересовъ; во-вторыхъ, — бездушный *матеріализмъ*, который всюду преимущественно замѣчаетъ только мѣновыя цѣнности и упускаетъ изъ вида нравственные и политическіе интересы настоящаго и будущаго, а также производительныя силы націи, въ третьихъ,—разрушительные *партикуляризмъ* и *индивидуализмъ*, которые, не понимая природы соціальнаго труда и дѣйствія ассоціаціи производительныхъ силъ въ ея наивысшихъ проявленіяхъ, разсматриваютъ въ сущности лишь частную промышленность въ томъ видѣ, въ какомъ она развивалась бы при свободѣ отношеній въ обществѣ, т. е. во всемъ человѣчествѣ, если бы оно не было разчленено на отдѣльныя націи.

Но между отдѣльнымъ человѣкомъ и человѣчествомъ стоитъ *нація* съ ея особеннымъ языкомъ и литературою, съ ея собственнымъ происхожденіемъ и исторіею, съ ея особенными нравами и обычаями, законами и учрежденіями, съ ея правами на существованіе, на независимость, прогрессъ, вѣчную устойчивость и съ ея обособленною территоріею; образовавшись въ ассоціацію посредствомъ солидарности умственныхъ и матеріальныхъ интересовъ, составляя одно самостоятельное цѣлое, которое признаетъ надъ собою авторитетъ закона, но въ то же время, какъ цѣлое, владѣя еще естественною свободою по отношенію къ другимъ подобнаго рода ассоціаціямъ, нація, при существующемъ міровомъ порядкѣ, не можетъ обезпечить свою самостоятельность и независимость иначе, какъ собственными силами и своими частными средствами. Подобно тому какъ отдѣльный человѣкъ, только благодаря націи и въ нѣдрахъ націи, достигаетъ умственнаго образованія, производительной силы, безопасности и благосостоянія, такъ и цивилизація человѣчества немыслима и невозможна иначе, какъ при посредствѣ цивилизаціи и развитія націи.

Въ настоящее время между націями существуетъ, однако, безконечное разнообразіе; мы видимъ между ними великановъ и карликовъ, существъ нормальныхъ и калѣкъ, націи цивилизованныя, полуцивилизованныя и варварскія. Но тѣмъ не менѣе всѣ націи, какъ и отдѣльные люди, обладаютъ отъ природы инстинктомъ самосохраненія и стремленіемъ къ прогрессу. Задача политики— цивилизовать варварскія націи, сдѣлать малыя — великими и слабыя—сильными, но прежде всего обезпечить ихъ существованіе и устойчивость. Задача политической (національной) экономіи заключается въ *экономическомъ воспитаніи націй* и въ подготовленіи ихъ къ вступленію во всемірное общество будущаго.

Нація въ нормальномъ состояніи обладаетъ собственнымъ языкомъ и литературою, обширною и хорошо округленною территоріею, снабженною разнообразными естественными матеріальными источниками богатствъ и значительнымъ населеніемъ. Земледѣліе, фабрично-заводская промышленность, торговля и мореходство развиты въ ней равномѣрно; искусства и науки, просвѣщеніе и народное образованіе находятся у нея на одинаковой высотѣ съ развитіемъ матеріальнаго производства. Государственное устройство, законы и учрежденія обезпечиваютъ ея гражданамъ высокую степень безопасности и свободы, поддерживаютъ въ ней религіозность, нравственность и благосостояніе, однимъ словомъ цѣль ихъ—преуспѣяніе гражданъ. Она обладаетъ достаточными морскими и сухопутными силами для обезпеченія своей самостоятельности и независимости и для поддержанія своей внѣшней торговли. Ей присуща сила вліять на развитіе отставшихъ отъ нея націй и посредствомъ избытка своего населенія и своихъ умственныхъ и матеріальныхъ капиталовъ основывать колоніи и порождать новыя націи.

Значительная населенность и обширная, снабженная естественными богатствами территорія — вотъ необходимые признаки нормальной національности; они составляютъ основное условіе умственнаго развитія, равно какъ матеріальнаго преуспѣянія и политическаго могущества. Нація съ ограниченнымъ количествомъ населенія и незначительною территоріею, въ особенности если она говоритъ своимъ собственнымъ языкомъ, можетъ владѣть лишь изуродованною литературою, лишь ничтожными учрежденіями для развитія искусствъ и наукъ. Незначительное государство никогда

не будетъ въ силахъ развить на своей территоріи до совершенства различныхъ отраслей труда. Всякое покровительство будетъ вызывать у нея частную монополію. Только посредствомъ союзовъ съ болѣе могущественными націями, жертвуя частію національныхъ выгодъ и чрезмѣрнымъ напряженіемъ силъ, можетъ она еще кое какъ обезпечить свою самостоятельность.

Страна, которая не соприкасается съ морями, которая не имѣетъ ни торговаго, ни военнаго флота, или у которой устья рѣкъ не находятся въ ея власти, въ своей внѣшней торговлѣ стоитъ въ зависимости отъ другихъ націй; она не можетъ ни основать колоній, ни положить начало новымъ націямъ; весь избытокъ населенія, умственныхъ и матеріальныхъ средствъ, отливая въ страны еще не культивированныя, теряется совершенно для ея литературы, цивилизаціи и промышленности въ пользу другихъ націй.

Нація, не округленная морями и горными цѣпями, предоставлена вторженіямъ чужеземцевъ и можетъ лишь съ огромными пожертвованіями установить свою собственную таможенную систему, и то лишь очень несовершеную.

Территоріальные недостатки могутъ быть устранены или посредствомъ наслѣдованій, какъ было въ Англіи и Шотландіи, или покупкою, какъ было въ Флоридѣ и Луизіанѣ, или завоеваніями, какъ это было въ Великобританіи и Ирландіи.

Въ новѣйшее время начали прибѣгать къ четвертому способу, который приводитъ къ той же цѣли и болѣе соотвѣтствуетъ праву и благосостоянію народовъ и государствъ, чѣмъ завоеванія, и не стоитъ въ такой зависимости отъ случайностей, какъ наслѣдованіе, а именно:—къ объединенію интересовъ различныхъ государствъ посредствомъ торговыхъ договоровъ, свободно заключенныхъ. Еще недавно германская нація посредствомъ таможеннаго союза обезпечила себѣ обладаніе важнѣйшими аттрибутами національности. Однако это мѣропріятіе не можетъ считаться совершеннымъ, пока оно не распространится по всему побережью Нѣмецкаго моря отъ устьевъ Рейна и до границъ Польши со включеніемъ *Голландіи* и *Даніи*. Естественнымъ слѣдствіемъ такого союза должно быть вступленіе обѣихъ этихъ странъ въ Германскій союзъ, слѣдовательно присоединеніе къ германской національности, чѣмъ они пріобрѣтутъ то, чего имъ не достаетъ въ настоящее врямя, а именно:

рыбныя ловли и морскія силы, морскую торговлю и колоніи. Тѣмъ болѣе, что оба эти народа принадлежатъ и по своему происхожденію и по существу своему къ нѣмецкой національности. Долги, которые лежатъ бременемъ на этихъ странахъ, суть необходимое слѣдствіе ихъ неестественнаго стремленія къ поддержанію своей самостоятельности, и вполнѣ естественно, что это зло достигнетъ такихъ размѣровъ, когда оно сдѣлается невыносимымъ, и когда включеніе въ лоно болѣе обширной національности имъ самимъ будетъ казаться желательнымъ и необходимымъ.

Бельгія только путемъ федеративнаго объединенія съ націею болѣе обширною можетъ устранить неудобства, проистекающія изъ ограниченности ея территоріи и численности населенія. Въ Сѣверной Америкѣ и Канадѣ тѣмъ болѣе будетъ возрастать населеніе, чѣмъ болѣе будетъ развиваться протекціонная система Соединенныхъ Штатовъ, тѣмъ болѣе онѣ будутъ чувствовать потребность въ сближеніи другъ съ другомъ, и тѣмъ менѣе Англія будетъ въ состояніи воспрепятствовать устройству между ними конфедераціи.

Въ экономическомъ отношеніи напіи должны пройти черезъ слѣдующія стадіи развитія: состояніе первоначальной дикости, пастушеское, земледѣльческое, земледѣльческо-мануфактурное и, наконецъ, земледѣльческо-мануфактурно-коммерческое.

Исторія промышленности націи, и главнымъ образомъ въ Англіи, показываетъ, что переходъ изъ дикаго состоянія въ пастушеское, изъ пастушескаго въ земледѣльческое и изъ земледѣльческаго къ первымъ попыткамъ мануфактурной или фабрично-заводской промышленности и мореплаванія совершается быстрѣе и выгоднѣе всего при посредствѣ свободы торговли съ ушедшими впередъ въ развитіи городами и странами; но что полнаго развитія фабрично-заводской промышленности, значительнаго мореходства и обширной внѣшней торговли возможно достигнуть лишь при вмѣшательствѣ государственной власти.

Чѣмъ менѣе развито земледѣліе и чѣмъ болѣе внѣшняя торговля даетъ случаевъ къ обмѣну земледѣльческихъ продуктовъ и сырья на иностранныя мануфактурныя издѣлія, чѣмъ болѣе при этомъ нація погружена еще въ варварство и нуждается въ абсолютной монархической формѣ правленія и законодательствѣ, тѣмъ болѣе будетъ содѣйствовать ея благосостоянію и цивилизаціи сво-

бодная внѣшняя торговля, т. е. вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ и ввозъ мануфактурныхъ издѣлій.

Чѣмъ болѣе, напротивъ, развиты земледѣліе націи, ея промышленность и вообще ея соціальное и политическое состояніе и гражданственность, тѣмъ менѣе будетъ она въ состояніи извлекать пользы для улучшенія своего общественнаго положенія изъ обмѣна туземныхъ земледѣльческихъ продуктовъ и сырыхъ произведеній на иностранные мануфактурныя издѣлія, тѣмъ болѣе будетъ наносить ей ущерба счастливая конкурренція иностранной, опередившей ее, мануфактурной промышленности.

Только у націй послѣдняго рода, именно у такихъ, которыя владѣютъ всѣми умственными и матеріальными качествами и средствами, необходимыми для созданія своей собственной фабрично-заводской промышленности и для достиженія высшей ступени цивилизаціи и развитія матеріальнаго благосостоянія и политическаго могущества, но которыя встрѣчаютъ препятствія для своихъ успѣховъ въ конкурренціи опередившей ихъ иностранной промышленности, — у такихъ только націй получаютъ свое оправданіе торговыя ограниченія въ цѣляхъ насажденія и покровительства собственной фабрично-заводской промышленности, и торговыя ограниченія у такихъ націй должны имѣть мѣсто лишь до тѣхъ поръ, пока эта промышленность не окрѣпнетъ настолько, что для нея не будетъ страшна иностранная конкурренція, и поэтому въ такомъ лишь размѣрѣ, насколько это необходимо для покровительства этой промышленности при ея возникновеніи.

Протекціонная система станетъ въ противорѣчіе не только съ принципами космополитической экономіи, но и съ правильно понятыми интересами, если она пожелаетъ сразу совершенно устранить иностранную конкурренцію и изолировать покровительствуемую націю отъ другихъ націй. Когда фабрично-заводская промышленность, которой оказывается покровительство, находится еще въ первомъ періодѣ своего развитія, ввозныя пошлины должны быть очень умѣренны, они должны возвышаться постепенно вмѣстѣ съ увеличеніемъ умственныхъ и матеріальныхъ капиталовъ, технической опытности и духа предпріимчивости націи. Съ другой стороны ни въ какомъ случаѣ не требуется, чтобы всѣмъ отраслямъ промышленности оказывалось одинаковое покровительство. Особеннаго покровительства заслуживаютъ только важнѣйшія отрасли,

тѣ, для которыхъ потребны большіе основные и оборотные капиталы, большое количество машинъ, равно какъ и масса техническихъ знаній, ловкости и опытности и большое количество рабочихъ силъ, которыхъ продукты являются предметами первой жизненной необходимости, которыя слѣдовательно будутъ важнѣйшими по отношенію къ ихъ общей цѣнности, равно какъ и съ точки зрѣнія независимости данной страны; таковы напр. шерстяныя, хлопчатобумажныя, полотнянныя фабрики и т. д. Если эти важнѣйшія вѣтви при достаточномъ покровительствѣ получатъ развитіе, то около нихъ станутъ развиваться и другія, менѣе значительныя, даже и при болѣе слабомъ покровительствѣ. У тѣхъ націй, у которыхъ заработная плата высока и населеніе которыхъ не велико еще сравнительно съ протяженіемъ ихъ территоріи, какъ напр. въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, ихъ собственные интересы требуютъ, чтобы оказывалось менѣе покровительства тѣмъ отраслямъ промышленности, которымъ не можетъ дать особенной помощи примѣненіе машинъ, нежели тѣмъ, въ которыхъ машины выполняютъ главную работу, конечно при томъ условіи, если націи, доставляющія имъ предметы первой промышленной потребности, не откажутся свободно допускать къ себѣ ихъ земледѣльческіе продукты.

Школа обнаруживаетъ полное незнакомство съ сущностію національно-экономическихъ отношеній, если она признаетъ, что такія націи посредствомъ обмѣна земледѣльческихъ продуктовъ на мануфактурныя издѣлія точно такъ-же могутъ обезпечить имъ успѣхи гражданственности, благосостояніе и вообще соціальнаго преуспѣянія, какъ и посредствомъ насажденія собственной фабрично-заводской промышленности. Никогда нація исключительно земледѣльческая не въ состояніи будетъ значительно развить свою внутреннюю и внѣшнюю торговлю, свои пути сообщенія и торговое мореходство, равно увеличить свое населеніе въ соотвѣтствіи съ ея благосостояніемъ или достигнуть значительныхъ успѣховъ въ нравственномъ, умственномъ, соціальномъ и политическомъ развитіи; она никогда не достигнетъ высокаго политическаго могущества и не будетъ въ состояніи оказывать вліяніе на цивилизацію и прогрессъ отсталыхъ націй и основывать собственныя колоніи.

Страна чисто земледѣльческая является безконечно менѣе совершенною, чѣмъ страна земледѣльческая и вмѣстѣ съ тѣмъ ману-

фактурная. Первая всегда находится въ большей или меньшей экономической и политической зависимости отъ тѣхъ націй, которыя получаютъ у нея земледѣльческіе продукты въ обмѣнъ на свои фабрично-заводскія издѣлія. Она не можетъ сама опредѣлять объемъ своего производства; она должна ожидать спроса со стороны покупателей изъ другихъ странъ. Эти другія страны, въ одно и то же время земледѣльческія и фабрично-заводскія, сами производятъ огромную массу сырья и пищевыхъ продуктовъ, а потому и требуютъ отъ земледѣльческихъ націй только такое количество, которое необходимо для покрытія ихъ дефицита. Слѣдовательно, чисто земледѣльческія націи стоятъ относительно сбыта предметовъ ихъ производства въ зависимости отъ случайностей бо̀льшаго или меньшаго урожая въ странахъ одновременно земледѣльческихъ и фабрично-заводскихъ; кромѣ того онѣ имѣютъ конкуррентовъ въ прочихъ земледѣльческихъ странахъ; такимъ образомъ ихъ неопредѣленный самъ по себѣ сбытъ становится вслѣдствіе этой конкурренціи еще неопредѣленнѣе,

Наконецъ, онѣ подвержены опасности полнаго перерыва ихъ торговыхъ сношеній съ фабрично-заводскими странами вслѣдствіе войны или торговыхъ мѣропріятій, и тогда онѣ принуждены терпѣть двойной ущербъ: невозможность найти покупателей для своего избытка въ земледѣльческихъ продуктахъ и пріобрѣсти потребные имъ фабрично-заводскія издѣлія. Чисто земледѣльческая нація, какъ мы уже сказали прежде, является подобною человѣку съ *одною* рукою, принужденному опираться на чужую руку, помощь которой однако не во всѣхъ случаяхъ можетъ быть надежною; нація земледѣльческая и вмѣстѣ съ тѣмъ мануфактурная, напротивъ, является подобною человѣку, располагающему обѣими своими собственными руками.

Школа допускаетъ принципіальную ошибку, утверждая, что протекціонная система есть дикая выдумка глубокомысленныхъ политиковъ. Ссылаемся на исторію, которая свидѣтельствуетъ, что покровительственныя мѣропріятія вызывались или естественнымъ стремленіемъ націи къ благосостоянію, независимости и могуществу или являлись результатомъ войны и враждебныхъ торговыхъ мѣропріятій со стороны націй, достигшихъ промышленнаго и торговаго господства.

Идея независимости и могущества возникаетъ вмѣстѣ съ пред-

ставленіемъ о націи. Школа не обратила на это вниманія, такъ какъ она избрала предметомъ своихъ изслѣдованій не экономію различныхъ націй, а экономію общества вообще, иначе говоря, цѣлаго человѣчества. Стоитъ только представить себѣ, что всѣ націи сольются во всемірной федераціи, и взглядъ на независимость и могущество исчезнетъ совершенно. Гарантія самостоятельности каждой націи будетъ зависѣть въ такомъ случаѣ отъ конституціи всемірнаго союза, подобно тому какъ напримѣръ гарантія штатовъ Rhode-Island и Delaware зависитъ отъ союза всѣхъ объединенныхъ свободныхъ Американскихъ Штатовъ. Со времени возникновенія этого союза этимъ незначительнымъ штатамъ не приходитъ и мысли о томъ, чтобы увеличить свое политическое могущество, или считать свою независимость менѣе обезпеченною, чѣмъ независимость самыхъ большихъ штатовъ союза.

Какъ бы ни была разумна такая всемірная федераціи, но былобы нелѣпостію со стороны извѣстной націи, въ ожиданіи великихъ выгодъ такого всемірнаго союза и вѣчнаго мира, если-бы она вздумала регулировать свою національную политику такъ, какъ еслибы эта всемірная федерація уже существовала. Мы спрашиваемъ: не заподозритъ-ли всякій разумный человѣкъ въ безумствѣ то правительство, которое, признавая выгоды и разумность вѣчнаго мира, вздумало-бы распустить свои войска, уничтожить военный флотъ и срыть крѣпости? Въ этомъ случаѣ правительство поступило-бы совершенно такъ, какъ рекомендуетъ народамъ школа, когда она, указывая на выгоды вѣчнаго мира, совѣтуетъ имъ отказаться отъ выгодъ протекціонной системы.

Война оказываетъ разрушительное дѣйствіе на международныя торговыя сношенія. Вслѣдствіе войны земледѣлецъ, живущій въ одной странѣ, силою отдѣляется отъ фабриканта или заводчика, живущаго въ другой странѣ. Но въ то время, какъ фабрикантъ или заводчикъ,—разъ онъ принадлежитъ къ націи могущественной и съ значительнымъ флотомъ, ведущей обширную торговлю,—легко находитъ необходимые ему продукты земледѣлія у сельскихъ хозяевъ своей страны или тѣхъ странъ, которыя для него остаются доступными, житель страны чисто земледѣльческой вслѣдствіе этого перерыва международныхъ торговыхъ сношеній страдаетъ вдвойнѣ. Онъ лишается въ такомъ случаѣ рынковъ сбыта для своихъ земледѣльческихъ продуктовъ, а слѣдовательно и возможности

разсчитаться за тѣ мануфактурныя издѣлія, которыя ему необходимы вслѣдствіе прежнихъ торговыхъ сношеній; онъ одновременно ощущаетъ стѣсненіе какъ въ производствѣ, такъ и въ потребленіи.

Когда стѣсненная войною въ производствѣ и потребленіи земледѣльческая нація сдѣлала уже большіе успѣхи въ цивилизаціи и земледѣльческой культурѣ и владѣетъ уже значительнымъ населеніемъ, то перерывъ торговыхъ сношеній вслѣдствіе войны вызываетъ въ ней возникновеніе фабрикъ и заводовъ. Война въ такомъ случаѣ дѣйствуетъ такъ же, какъ запретительная система. Это заставляетъ націю понять огромную выгоду собственной фабрично-заводской промышленности, она на дѣлѣ убѣждается, что съ перерывомъ торговыхъ сношеній вслѣдствіе войны она больше выиграла, чѣмъ потеряла. Въ ней беретъ перевѣсъ убѣжденіе, что для нея настало время изъ состоянія государства исключительно земледѣльческаго перейти въ состояніе государства земледѣльческо-мануфактурнаго и достичь такимъ образомъ высшей степени благосостоянія, цивилизаціи и могущества. Но когда, послѣ того какъ такая нація сдѣлала уже значительные успѣхи въ открытой ей войною промышленной карьерѣ, снова наступаетъ миръ, и когда обѣ націи желаютъ снова возобновить существующія торговыя отношенія, онѣ невольно чувствуютъ, что за время войны возникли новые интересы, которые могутъ быть совершенно уничтожены возобновленіемъ прежнихъ торговыхъ сношеній. Бывшая земледѣльческая нація чувствуетъ, что, открывая прежній сбытъ своимъ земледѣльческимъ продуктамъ за границу, она должна принести въ жертву интересы своихъ возникшихъ за это время фабрикъ и заводовъ; мануфактурная нація чувствуетъ, что часть возникшаго за время войны земледѣльческаго производства снова уничтожилась-бы при свободѣ ввоза. Та и другая стремятся поэтому къ огражденію этихъ новыхъ интересовъ установленіемъ ввозныхъ таможенныхъ пошлинъ. Вотъ исторія торговой политики за истекшія пятьдесятъ лѣтъ.

Войною вызваны новыя протекціонныя системы, и мы не боимся выразить убѣжденіе, что въ интересахъ мануфактурныхъ державъ втораго и третьяго разряда слѣдовало-бы ихъ удержать и довершить, даже въ томъ случаѣ, если-бы Англія по возстановленіи мира не сдѣлала непростительной ошибки, ограничивъ ввозъ пищевыхъ продуктовъ и сырья, слѣдовательно, оставивъ въ силѣ мо-

тивы протекціонной системы, имѣвшіе значеніе до заключенія мира. Какъ нація, находящаяся въ первобытномъ и варварско-земледѣльческомъ состояніи, можетъ итти впередъ лишь при помощи торговли съ цивилизованными мануфактурными націями, такъ же точно, возвысившись до извѣстной степени культуры, она лишь при помощи своей фабрично-заводской промышленности въ состояніи достигнуть высшей ступени благосостоянія, цивилизаціи и могущества. Война, облегчающая странѣ переходъ ея изъ состоянія земледѣльческаго въ состояніе земледѣльческо-мануфактурное, является такимъ образомъ благодѣяніемъ для націи, подобно тому какъ война Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, несмотря на громадныя жертвы, которыхъ она требовала, стала для будущихъ поколѣній, по истинѣ, благодѣяніемъ. Миръ же, который снова возвращаетъ въ земледѣльческое состояніе націю, призванную къ развитію собственной фабрично-заводской промышленности, станетъ для нея проклятіемъ и будетъ несравненно вреднѣе для нея самой войны.

Къ счастію мануфактурныхъ странъ втораго и третьяго разряда Англія, послѣ возстановленія всеобщаго мира, ограничивъ ввозъ пищевыхъ продуктовъ и сырья, сама положила границы своему основному стремленію монополизировать мануфактурный рынокъ земнаго шара. Во всякомъ случаѣ, если-бы англійскіе сельскіе хозяева, которые въ теченіе войны имѣли въ исключительно своемъ обладаніи внутренніе рынки, были въ началѣ поставлены въ тяжелое положеніе заграничною конкурренціею, то позднѣе, какъ мы обстоятельно покажемъ въ другомъ мѣстѣ, эти ихъ потери были широко возмѣщены тѣмъ, что Англія достигла всемірной мануфактурной монополіи.

Было-бы нелѣпостію со стороны мануфактурныхъ націй втораго и третьяго порядка, въ которыхъ фабрично-заводская промышленность была вызвана къ жизни вслѣдствіе двадцатипятилѣтней войны и настолько упрочилась вслѣдствіе удаленія ихъ земледѣльческихъ продуктовъ съ англійскаго рынка, что имъ достаточно было-бы можетъ быть еще десяти или пятнадцати лѣтъ энергическаго поощренія для того, чтобы вступить въ свободную конкурренцію съ англійскою фабричною промышленностію; было бы нелѣпостію, говоримъ мы, чтобы теперь, послѣ невѣроятныхъ жертвъ цѣлаго полустолѣтія, эти націи вздумали отка-

заться отъ неизмѣримо громадныхъ выгодъ, вытекающихъ изъ ихъ собственной фабрично-заводской промышленности, и перейти съ свойственной земледѣльческо-мануфактурнымъ странамъ высшей ступени культуры, благосостоянія и независимости на низшую ступень зависимыхъ земледѣльческихъ націй, и все это потому только, что Англіи угодно было замѣтить свою ошибку и усмотрѣть предстоящее возвышеніе конкуррирующихъ съ нею странъ.

Предположимъ, что промышленные интересы Англіи пріобрѣтутъ достаточно вліянія для того, чтобы принудить верхнюю палату, всю состоящую изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, и нижнюю палату, состоящую большею частію изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ (country squires), согласиться на уступки относительно ввоза земледѣльческихъ продуктовъ,—кто поручится за то, что по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ новое торійское министерство, при другихъ обстоятельствахъ, снова не издастъ новаго хлѣбнаго билля? *). Кто можетъ поручиться за то, что новая морская война, новая континентальная система не отдѣлитъ сельскихъ хозяевъ континента отъ мануфактуристовъ Великобританіи и континентальныя европейскія націи не поставлены будутъ въ необходимость снова начинать свою карьеру на поприщѣ фабрично-заводскаго дѣла и снова обратить свои лучшія силы на борьбу съ первоначальными затрудненіями—для того, чтобы потомъ все это снова принести въ жертву миру?

Такимъ образомъ школа должна была бы осудить континентальныя націи вѣчно ворочать камень Сизифа—вѣчно во время войны создавать фабрики и заводы для того, чтобы въ мирное время привести ихъ къ раззоренію.

Школа въ состояніи была дойти до такихъ абсурдовъ только потому, что она, не смотря на названіе, которое дала своей наукѣ, совершенно исключила изъ послѣдней политику, совершенно игнорируетъ сущность національности и не отдаетъ себѣ отчета во вліяніи, какое оказываетъ война на торговлю между различными націями.

---

*) Извѣстно, что, благодаря настояніямъ Кобдена, мануфактурные интересы Англіи получили удовлетвореніе въ 1846 г. относительно расширенія ввоза земледѣльческихъ продуктовъ; извѣстно также, что торійское министерство 1852 г. не только не противилось этимъ мѣрамъ, но, напротивъ, торжественно признало ихъ цѣлесообразность. *Прим. К. В. Тр—ва.*

Совершенно другими представляются отношенія земледѣльцевъ съ одной стороны и фабрикантовъ и заводчиковъ съ другой, если тѣ и другіе живутъ въ одной и той же странѣ, слѣдовательно находятся *въ вѣчномъ мирѣ* между собою. Всякое расширеніе или улучшеніе существующей уже фабрики или завода вызываетъ увеличеніе спроса на земледѣльческіе продукты. Этотъ спросъ не является неопредѣленнымъ, не зависитъ ни отъ иностранныхъ торговыхъ мѣропріятій или торговыхъ колебаній, ни отъ чужеземныхъ политическихъ волненій или войнъ, ни отъ иностранныхъ изобрѣтеній или улучшеній, ни отъ урожаевъ въ другихъ странахъ; туземный сельскій хозяинъ не дѣлится съ другими націями; ежегодный спросъ для него опредѣленъ. Каковъ бы ни былъ урожай въ другихъ странахъ, какія бы недоразумѣнія ни возникали въ политическомъ мірѣ, онъ можетъ разсчитывать на сбытъ своихъ продуктовъ и на удовлетвореніе своихъ нуждъ въ заводско-фабричныхъ издѣліяхъ по цѣнамъ подходящимъ и постояннымъ. Съ другой стороны каждое улучшеніе земледѣлія, введеніе каждой новой культуры возбуждаетъ фабрично-заводскую промышленность, потому что всякое увеличеніе земледѣльческаго производства вызываетъ соотвѣтствующее увеличеніе фабрично-заводской промышленности. Такимъ взаимодѣйствіемъ обѣихъ главныхъ вѣтвей промышленности обезпечиваются навсегда успѣхи націи.

Политическое могущество ручается націи не только за увеличеніе ея благосостоянія посредствомъ внѣшней торговли и внѣшнихъ колоній, но оно обезпечиваетъ ей также внутреннее благосостояніе и ея національное существованіе, что безконечно важнѣе, нежели матеріальное богатство. Благодаря своему навигаціонному акту, Англія достигла политическаго могущества, а благодаря политическому могуществу была въ состояніи расширить свое мануфактурное преобладаніе по отношенію ко всѣмъ народамъ. Но Польша была вычеркнута изъ ряда націй, потому что у нея не было сильнаго средняго сословія, которое можетъ быть вызвано къ жизни лишь насажденіемъ внутренней фабрично-заводской промышленности.

Школа не можетъ отрицать, что внутренная торговля націи въ десять разъ больше внѣшней даже въ томъ случаѣ, когда послѣдняя достигла высшей степени своего развитія; но она отсюда не признала нужнымъ вывесть слѣдующее простое заклю-

ченіе: что въ десять разъ полезнѣе эксплоатировать внутренніе рынки, сохранивъ ихъ за собою, нежели искать богатства внѣ, и что достигнуть большаго значенія можетъ внѣшняя торговля той націи, которая довела фабрично-заводскую промышленность до степени высшаго развитія.

Школа оцѣниваетъ значеніе рынка только въ космополитическомъ, но не въ политическомъ отношеніи. Большая часть приморскихъ странъ Европейскаго материка находятся въ естественномъ раіонѣ снабженія издѣліями мануфактурной промышленности Лондона, Ливерпуля или Манчестера, и очень немногіе фабриканты и заводчики другихъ странъ въ состояніи при свободѣ торговли выдерживать въ своихъ приморскихъ городахъ ихъ конкурренцію. Болѣе значительные капиталы, огромный собственный внутренній рынокъ, который даетъ англійскимъ мануфактуристамъ средства для болѣе обширнаго, а слѣдовательно и для болѣе дешеваго производства, лучшіе пріемы въ самомъ производствѣ и, наконецъ, болѣе дешевый фрахтъ при транспортировкахъ моремъ,— все это обезпечиваетъ въ настоящее время англійскимъ фабрикантамъ и заводчикамъ преимущества въ сравненіи съ таковыми же странъ континентальныхъ, которыя только благодаря продолжительному и настойчивому примѣненію протекціонной системы и усовершенствованію внутреннихъ путей сообщенія постепенно будутъ въ состояніи обезпечить за собою туземную промышленность. Но рынокъ приморскихъ странъ для каждой націи имѣетъ огромное значеніе какъ по отношенію къ привозной, такъ и къ отпускной торговлѣ, и нація, приморскій рынокъ которой принадлежитъ болѣе иностранной торговлѣ, чѣмъ ей самой, является раздѣленною какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Да, невозможно представить себѣ болѣе вреднаго для націи экономическаго и политическаго положенія, какъ то, когда ея приморскіе города относятся болѣе сочувственно къ иностраннымъ державамъ, нежели къ собственной странѣ.

Наука не имѣетъ права не признавать природу національныхъ отношеній или не обращать на нее вниманія или извращать ее въ видахъ споспѣшествованія космополитической цѣли. Достигнуть этой цѣли возможно лишь, слѣдуя природѣ этихъ отношеній и стараясь согласно ея законамъ довести отдѣльныя націи до высшей цѣли. Обратите вниманіе на то, какъ мало дало результатовъ

примѣненіе ученія школы на практикѣ. Это не столько вина практиковъ, которыми довольно вѣрно была понята природа національныхъ отношеній, а вина теоріи, которая уклонялась отъ всякаго опыта, передъ которымъ практика должна была прійти въ недоумѣніе.

Помѣшала-ли эта теорія націямъ, какова напр. южно-американская, наперекоръ ихъ естественнымъ потребностямъ, примѣнить у себя протекціонную систему? Помѣшала-ли она распространять ее и на производство пищевыхъ продуктовъ и сырья, которые не нуждаются въ покровительствѣ, такъ какъ оно при всякихъ обстоятельствахъ должно оказывать обоюдно вредное вліяніе, какъ на націю, въ интересахъ которой примѣняютъ это покровительство, такъ и на ту, противъ которой оно вводится? Помѣшала ли эта теорія признавать предметами, заслуживающими покровительства, мануфактурныя издѣлія изощреннаго вкуса, каковы предметы роскоши, хотя совершенно ясно, что таковые могутъ быть предоставлены свободной конкурренціи безъ малѣйшей опасности для благосостоянія націи? Нѣтъ! Теорія не вызвала до сихъ поръ ни одной плодотворной реформы, и не вызоветъ до тѣхъ поръ, пока она будетъ находиться въ противорѣчіи съ сущностью вещей. Она можетъ и должна вызвать великія реформы, но лишь тогда, когда она будетъ опираться на сущность вещей.

Прежде всего она принесетъ огромную пользу всѣмъ націямъ, окажетъ содѣйствіе благосостоянію и успѣхамъ всего человѣчества, если докажетъ, что препятствія, поставляемыя торговлѣ естественными продуктами и сырыми матеріалами, чрезвычайно вредны для тѣхъ самыхъ націй, которыя прибѣгаютъ къ этимъ препятствіямъ, и что протекціонная система имѣетъ законное право на существованіе настолько, насколько она имѣетъ цѣлію *промышленное воспитаніе* націй. Затѣмъ базируя свою фабрично-заводскую промышленность на здравыхъ принципахъ протекціонной системы, она побудитъ тѣ государства, въ которыхъ существуетъ еще запретительная таможенная система, какъ напр. Францію, постепенно отмѣнить ее. Фабриканты и заводчики не будутъ противиться этимъ нововведеніямъ, разъ они убѣдятся, что теоретики, далекіе отъ желанія раззорить ихъ, принимаютъ за основу всякой разумной торговой политики поддержаніе существующихъ фабрикъ и заводовъ и ихъ дальнѣйшее развитіе.

Если теорія покажетъ нѣмцамъ, что они могутъ поощрять свою фабрично - заводскую промышленность лучше всего посредствомъ ввозныхъ пошлинъ, которыя должны послѣдовательно возвышаться и затѣмъ также послѣдовательно понижаться, и что въ извѣстныхъ размѣрахъ, хотя и очень ограниченная иностранная конкурренція при всякихъ обстоятельствахъ полезна для развитія ихъ фабрикъ и заводовъ, то, въ концѣ концовъ, они окажутъ гораздо болѣе услугъ свободѣ торговли, чѣмъ въ томъ случаѣ, если-бы нѣмецкая промышленность была раззорена.

Теорія не должна требовать отъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, чтобы они предоставили свободной иностранной конкурренціи тѣ отрасли фабрично-заводской дѣятельности, которыя получаютъ поддержку въ дешевомъ сырьѣ и пищевыхъ продуктахъ, а также въ силѣ машинъ. Но она не встанетъ также въ противорѣчіе съ самою собой, если будетъ утверждать, что Соединенные Штаты, до тѣхъ поръ пока заработная плата стоитъ у нихъ несравненно выше, нежели въ странахъ съ старой культурой, будутъ дѣйствительно заботиться о развитіи своихъ производительныхъ силъ, цивилизаціи и политическаго могущества, предоставивъ наилегчайшій доступъ въ свои предѣлы тѣмъ иностраннымъ издѣліямъ, въ фабрикаціи которыхъ ручной трудъ составляетъ главное основаніе ихъ стоимости, при непремѣнномъ условіи, что другія страны будутъ доставлять свои земледѣльческіе продукты и сырые матеріалы.

Теорія свободы торговли получитъ тогда доступъ въ Испанію, Португалію и Неаполь, въ Турцію и Египетъ и во всѣ варварскія и полуцивилизованныя и жаркія страны. Въ этихъ странахъ не придетъ никому въ голову нелѣпой мысли стремиться, при настоящей степени ихъ культурнаго развитія, къ созданію собственной фабрично-заводской промышленности посредствомъ протекціонной системы.

Англія откажется тогда отъ убѣжденія, что она призвана монополизировать фабрично-заводскую промышленность всего земнаго шара. Она не будетъ требовать, чтобы Франція, Германія и Сѣверная Америка пожертвовали своими фабриками и заводами для того, чтобы имѣть право поставлять въ Англію земледѣльческіе продукты и сырые матеріалы. Она будетъ признавать законность въ этихъ странахъ протекціонной системы и расширять въ то-же время

у себя болѣе и болѣе свободу торговли, въ виду указаній теоріи, что нація, достигнувшая мануфактурнаго верховенства, не можетъ предохранить своихъ фабрикантовъ и негоціантовъ отъ попятнаго движенія и безпечности, иначе какъ посредствомъ свободнаго ввоза пищевыхъ продуктовъ и сырья и конкурренціи иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій.

Англія будетъ тогда на практикѣ слѣдовать торговой политикѣ совершенно противоположной той, которой она слѣдовала до сихъ поръ. Вмѣсто того, чтобы, какъ было до сихъ поръ, убѣждать другія націи признать принципъ свободы торговли, а у себя примѣнять строжайшую запретительную систему, она откроетъ имъ свой собственный рынокъ, нисколько не озабочиваясь дѣйствующею протекціонною системою въ другихъ странахъ. Она отложитъ свою надежду на возстановленіе свободы торговли до того времени, когда другія націи не будутъ опасаться раззоренія ихъ фабрикъ и заводовъ, проистекающаго отъ свободы конкурренціи.

А пока не наступитъ такой моментъ, тотъ вредъ, который будетъ наносить Англіи протекціонная система другихъ государствъ по вывозу мануфактурныхъ издѣлій всеобщаго потребленія, она будетъ возмѣщать свои потери посредствомъ значительнаго вывоза мануфактурныхъ издѣлій высшей обработки и при помощи открытія, созданія и развитія новыхъ рынковъ для сбыта предметовъ своей издѣльной промышленности.

Она постарается умиротворить Испанію, Востокъ и государства средней и южной Америки и распространить свое вліяніе на всѣ варварскія и полуцивилизованныя страны средней и южной Америки, Азіи и Африки настолько, чтобы у нихъ возникали сильныя и просвѣщенныя правительства, чтобы явились личная и имущественная безопасность, чтобы были проложены дороги и каналы, развились образованіе и просвѣщеніе, нравственность и промышленность и исчезли фанатизмъ, суевѣріе и апатія. Если кромѣ того Англія немедленно, вмѣтѣ съ подобными стремленіями, отмѣнитъ ограниченія ввоза пищевыхъ продуктовъ и сырья, то она невѣроятно расширитъ свой отпускъ мануфактурныхъ издѣлій и съ гораздо лучшими результатами, чѣмъ если она вѣчно будетъ спекулировать на раззореніе континентальныхъ фабрикъ.

Но для того, чтобы это цивилизующее вліяніе Англіи на варварскіе и полуцивилизованные народы не осталось безъ послѣдствій,

дѣйствія Англіи не должны носить исключительнаго характера; она не должна, какъ это было сдѣлано ею наприм. въ Бразиліи, стремиться монополизировать эти рынки посредствомъ особенныхъ торговыхъ привиллегій и устранять съ него другія націи *).

Такая политика будетъ всегда вызывать зависть со стороны другихъ націй и противодѣйствіе ихъ стремленіямъ Англіи. Этою, очевидно, эгоистическою политикою и объясняется то, почему до сихъ поръ было столь незначительно вліяніе цивилизованныхъ державъ на цивилизацію подобныхъ странъ. Англія должна поэтому стараться проводить въ народное право этихъ странъ принципъ равенства въ заключаемыхъ ими торговыхъ трактатахъ съ другими мануфактурными націями. Тогда Англія не только обезпечила-бы своими цивилизаторскими стремленіями поддержку всѣхъ цивилизованныхъ странъ, но она могла-бы, безъ ущерба своимъ торговымъ интересамъ, предоставить и другимъ мануфактурнымъ націямъ стремиться къ подобнаго рода дѣятельности. Превосходство во всѣхъ отрасляхъ промышленности и торговли давало-бы ей всюду возможность воспользоваться наилучшею долею снабженія этихъ рынковъ иностранными издѣліями.

Притязанія англичанъ и ихъ безпрестанныя интриги противъ фабрично-заводской промышленности другихъ націй могли-бы еще имѣть оправданіе, если-бы всемірная промышленная монополія была необходима для благосостоянія Англіи, если бы не было доказано до очевидности, что націи, стремящіяся, рядомъ съ Англіею, къ развитію обширной фабрично-заводской промышленности, отлично могутъ достигнуть своей цѣли и безъ униженія Англіи, что Англія не сдѣлалась бы бѣднѣе потому, что другіе стали бы богаче, и что природа предлагаетъ достаточно средствъ для того, чтобы, и безъ вреда благосостоянію Англіи, могла развиться въ Германіи, Франціи и Сѣверной Америкѣ фабрично-заводская промышленность, равная англійской.

Относительно этого прежде всего нужно замѣтить, что каждая нація, завоевавшая свой внутренній мануфактурный рынокъ, съ теченіемъ времени гораздо больше выигрываетъ въ производствѣ и потребленіи фабрично-заводскихъ издѣлій, нежели теряетъ та нація,

---

*) Эти привиллегіи были отмѣнены въ Бразиліи послѣ того, какъ вышло въ свѣтъ настоящее сочиненіе Листа. *Прим. К. В. Тр—въ.*

вслѣдствіе устраненія ея съ рынка, которая до тѣхъ поръ снабжала первую фабрикатами, ибо нація, принявшаяся за обработывающую промышленность, восполняя свое экономическое развитіе, становится несравненно богаче и населеннѣе, слѣдовательно можетъ уже потреблять несравненно большее количество фабрикатовъ, чѣмъ она могла ихъ привозить при прежней чужеземной зависимости относительно мануфактурныхъ издѣлій.

Что-же касается однако вывоза фабрично-заводскихъ издѣлій, то въ этомъ отношеніи *страны умѣреннаго пояса*, которыя самою природою предназначены преимущественно къ развитію фабрично-заводскаго дѣла, должны находить сбытъ своимъ издѣліямъ главнымъ образомъ въ странѣ жаркаго пояса, которая снабжаетъ ихъ колоніальными товарами въ замѣнъ мануфактурныхъ. Но потребленіе мануфактурныхъ издѣлій въ странахъ жаркаго пояса обусловливается съ одной стороны ихъ способностью производить въ избыткѣ тѣ продукты, которые свойственны ихъ климату, съ другой стороны тѣмъ спросомъ, который предъявляется странами умѣреннаго пояса на ихъ продукты.

Если очевидно, что съ теченіемъ времени страны жаркаго пояса въ состояніи будутъ производить въ пять — десять разъ больше сахару, рису, кофе, хлопка и т. д., чѣмъ до сихъ поръ, и что потребленіе странъ умѣреннаго пояса можетъ увеличиться въ такой же пропорціи, то это уже доказываетъ, что страны умѣреннаго пояса въ состояніи будутъ увеличить сумму цѣнности вывоза мануфактурныхъ издѣлій въ страны жаркаго пояса также въ пять —десять разъ.

Возможность для континентальныхъ націй увеличить потребленіе въ указанной выше пропорціи доказывается увеличеніемъ потребленія въ Англіи колоніальныхъ продуктовъ за послѣднія 50 лѣтъ, причемъ нужно еще имѣть въ виду то, что увеличеніе этого потребленія было-бы еще значительнѣе при отсутствіи высокихъ ввозныхъ пошлинъ.

За послѣднія пять лѣтъ Голландія на Суматрѣ и Явѣ, Англія въ Остъ-Индіи представили неопровержимыя доказательства относительно способности увеличить производство жаркаго пояса. Англія съ 1835 по 1839 гг. свой ввозъ сахара изъ Остъ-Индіи увеличила въ четыре раза; ввозъ кофе увеличился еще въ большей пропорціи, равно привозъ оттуда хлопка также сильно

возрастаетъ. Словомъ, послѣднія англійскія газеты (отъ февраля 1840 г.) съ торжествомъ заявляютъ, что производительная способность Остъ-Индіи относительно этихъ продуктовъ неистощима, и что не далеко то время, когда Англія по привозу этихъ продуктовъ сдѣлается независимою отъ Америки и Вестъ-Индіи.— Голландія съ другой стороны начинаетъ уже тяготиться наплывомъ къ себѣ колоніальныхъ товаровъ и старается отыскать для ихъ сбыта новые рынки; при этомъ нужно обратить вниманіе на то, что Сѣверная Америка продолжаетъ расширять свое хлопчатобумажное производство, что въ Техасѣ создается государство, которое несомнѣнно должно покорить всю Мексику *) и сдѣлать изъ этой плодородной страны то-же, что теперь представляютъ южные штаты сѣверо-американскаго союза. Пусть примутъ во вниманіе, что порядокъ и законы, трудолюбіе и умственное развитіе распространятся мало по малу въ южно-американскихъ государствахъ отъ Панамы до мыса Горна, затѣмъ на всю Африку и Азію, и повсюду увеличатъ производство и избытокъ продуктовъ, и тогда не трудно будетъ понять, что здѣсь открывается поле для сбыта мануфактурныхъ издѣлій не для *одной* націи.

Если вычислить площадь тѣхъ странъ, которыя до сихъ поръ доставляли колоніальныя произведенія, и сравнить ее со всею площадью, которую природа одарила способностью для такого производства, то окажется, что до настоящаго времени эксплоатировалась едва лишь пятнадцатая часть странъ, способныхъ къ такому производству.

Какимъ-же образомъ могла-бы Англія присвоить исключительно себѣ снабженіе мануфактурными издѣліями всѣхъ странъ, доставляющихъ колоніальные товары, когда привозъ ихъ изъ одной только Остъ-Индіи можетъ вполнѣ удовлетворить ея потребности въ продуктахъ жаркаго пояса? Какъ можетъ она надѣяться на сбытъ мануфактурныхъ издѣлій въ тѣ страны, отъ которыхъ она не въ состояніи получить въ обмѣнъ ихъ колоніальныхъ продуктовъ? Какимъ образомъ далѣе можетъ возродиться огромный спросъ

*) Извѣстно, что Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, послѣ присоединенія Техаса, завладѣли частію Мексики, а именно Калифорніею, гдѣ эксплоатація золотыхъ пріисковъ подвинула устройство сообщенія между двумя океанами чрезъ перешеекъ, а вслѣдствіе того и цивилизацію въ западную сторону американскаго материка. *Прим. К. В. Тр—ва.*

на колоніальные продукты на европейскомъ материкѣ, если материкъ этотъ по своему фабрично - заводскому производству не въ состояніи оплачивать и потреблять эти продукты?

Итакъ ясно, что стѣсненіе фабричнаго производства на континентѣ можетъ конечно задержать промышленный подъемъ континентальныхъ странъ, но ни какимъ образомъ не можетъ содѣйствовать благосостоянію Англіи.

Ясно далѣе, что какъ въ настоящее время, такъ и долго еще страны жаркаго пояса будутъ доставлять достаточныя основы для обмѣна продуктовъ, потребныхъ для странъ, призванныхъ къ фабрично-заводской промышленности.

Ясно, наконецъ, что всемірная мануфактурная монополія въ томъ видѣ, въ какомъ она выразилась-бы въ настоящее время вслѣдствіе свободнаго допущенія англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій на рынки европейскаго материка и Сѣверной Америки, ни въ какомъ случаѣ не будетъ полезнѣе для благосостоянія человѣчества, чѣмъ протекціонная система, которая стремится къ развитію *фабрично-заводскихъ силъ всего умѣреннаго пояса* въ пользу развитія *земледѣлія во всемъ жаркомъ поясѣ.*

То обстоятельство, что Англія опередила прочія страны въ мануфактурахъ, мореплаваніи и торговлѣ, не должно страшить другія націи, призванныя условіями своей территоріи, своимъ національнымъ могуществомъ и способностями къ развитію фабрично-заводской промышленности, и отклонять отъ вступленія въ соперничество съ страною, которая пріобрѣла мануфактурное верховенство. Фабрики и заводы, торговля и мореплаваніе имѣютъ будущность, которое превзойдетъ настоящее настолько, насколько настоящее превосходитъ прошедшее. Нужно лишь имѣть достаточно мужества, чтобы вѣрить въ великую національную будущность и съ этою надеждою итти впередъ. Но прежде всего нужно обладать настолько національнымъ разумомъ, чтобы теперь - же посадить и оградить защитою дерево, которое будетъ приносить богатые плоды будущимъ поколѣніямъ. И прежде всего націи нужно завоевать для себя свои отечественные рынки, по крайней мѣрѣ для предметовъ всеобщаго потребленія, и постараться получать продукты жаркаго пояса непосредственно изъ тѣхъ странъ въ обмѣнъ на наши фабрично-заводскія издѣлія. Такова задача, которую обязанъ разрѣшить германскій торговый союзъ, если германская нація

не желаетъ остаться далеко позади не только Франціи и Сѣверной Америки, но даже и Россіи.

ГЛАВА XVI.

Народная и государственная экономія, политическая и національная экономія.

Все, что имѣетъ отношеніе къ понятію о матеріальныхъ средствахъ правительства, о потребленіи этихъ средствъ и управленіи ими, или *государственная финансовая экономія* ни въ какомъ случаѣ не должна быть смѣшиваема съ установленіями, регламентами, законами и обстоятельствами, которыми обусловливается и распредѣляется экономія гражданъ, т. е. *народная экономія* *).

Необходимость этого различенія приложима одинаково ко всѣмъ государственнымъ ассоціаціямъ, будутъ-ли онѣ цѣлою націею или только составною частью націи, будутъ-ли малы онѣ или велики.

Въ государствѣ федеративномъ, помимо того, государственная фанансовая экономія распадается на финансовую экономію каждаго отдѣльнаго государства и на финансовую экономію союза.

Народная экономія становится *національною экономіею* въ томъ случаѣ, когда государство или федерація обнимаетъ цѣлую націю,

---

*) Слово «*экономія*» (Oekonomie) происходитъ отъ двухъ греческихъ словъ *oicos*—домъ, и *nomos*—законъ, или *nemo*—я управляю. Эпитетъ «политическая», который имѣютъ обыкновеніе прилагать къ наукѣ, происходитъ также отъ слова греческаго *polis*, городъ или государство, ибо въ древнихъ республикахъ Греціи и Рима, государство, организмъ націи, обнималъ собою лишь городъ, жители или граждане котораго одни только пользовались политическими правами и правомъ прямого и непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла общественныя Такимъ образомъ фраза: «*политическая экономія*», въ ея прямомъ и этимологическомъ смыслѣ, значитъ законъ или управленіе народнымъ или государственнымъ домостроительствомъ или домохозяйствомъ. Но такъ какъ это является предметами государственнаго права, а не экономической науки, поэтому названіе, которое даютъ этой наукѣ, нисколько не соотвѣтствуетъ ей, тогда какъ наименованіе ея просто «экономіей», имѣющей задачею изслѣдовать законы хозяйственной жизни общества, было-бы, казалось, всего разумнѣе, такъ какъ экономическія явленія осуществляются не только въ сферахъ національныхъ и государственныхъ, но и въ частныхъ сельскихъ, городскихъ и земскихъ, равно и въ міровыхъ отношеніяхъ, и совершенно своеобразно, какъ это доказываетъ Фрид. Листъ. *Прим. К. В. Тр—ва.*

которая по количеству населенія, территоріи, политическимъ учрежденіямъ, цивилизаціи, богатству и могуществу призвана къ самостоятельности и представляетъ націю, способную пріобрѣсть устойчивость и политическое значеніе.

Въ данномъ случаѣ народная экономія и національная экономія будутъ равнозначущи. Вмѣстѣ съ государственною финансовою экономіею онѣ образуютъ политическую экономію націи.

Напротивъ въ государствахъ, которыхъ населеніе и территорія представляетъ собою *составную часть націи* или національной территоріи, не образующей одного цѣлаго съ другими частями ни вслѣдствіе непосредственной съ ними связи, ни по причинѣ федеративнаго съ ними сліянія, рѣчь можетъ быть о народной экономіи только въ противоположность частной или государственно-финансовой экономіи. Въ этой незаконченной организаціи цѣли и потребности великой національности не могутъ быть приняты въ соображеніе; въ особенности-же народная экономія не можетъ быть регулирована съ цѣлью образованія совершенной въ себѣ самой націи, равно въ видахъ обезпеченія ея самостоятельности, могущества и продолжительности ея существованія.

Здѣсь слѣдовательно политика должна быть исключена изъ экономіи; здѣсь нужно принимать въ расчетъ лишь естественные законы соціальной экономіи вообще, какъ она выразилась-бы, еслибы нигдѣ не существовало ни могущественной и компактной національности, ни національной экономіи.

Съ этой точки зрѣнія развивалась въ Германіи та наука, которую называли прежде государственнымъ хозяйствомъ (Staatswirthschaft), потомъ національною экономіею (National-Oekonomie), потомъ политическою экономіею (Politische-Oekonomie), наконецъ народнымъ хозяйствомъ (Volkswirthschaft), при чемъ здѣсь не была выяснена основная ошибка этой системы.

Понятіе и сущность національной экономіи не могли быть уяснены, такъ какъ не существуетъ экономической объединенной націи, и такъ какъ частному и опредѣленному понятію *націи* приписывается общее и неопредѣленное понятіе *общества* — понятіе, которое одинаково приложимо ко всему человѣчеству, или къ не большой странѣ, или къ отдѣльному городу, какъ и къ націи.

ГЛАВА XVII.

Фабрично-заводская промышленность и личныя, соціальныя и политическія національныя производительныя силы.

При первобытномъ земледѣліи господствуетъ упадокъ духа, физическая неповоротливость, упорство въ устарѣвшихъ воззрѣніяхъ, привычкахъ, обычаяхъ и пристрастіи къ старымъ методамъ, недостатокъ образованія, благосостоянія и свободы. Стремленіе къ постоянному увеличенію умственныхъ и матеріальныхъ благъ, соревнованіе и любовь къ свободѣ характеризуютъ, напротивъ, страны промышленныя и коммерческія.

Это различіе объясняется частію несходствомъ образа жизни и воспитанія того и другаго населенія, частію существеннымъ различіемъ ихъ занятій и потребныхъ для того вспомогательныхъ средствъ. Земледѣльцы живутъ разсѣянные по всему пространству страны и, будучи отдалены другъ отъ друга, поддерживаютъ между собою незначительныя умственныя и матеріальныя сношенія.

Одинъ дѣлаетъ почти то-же самое, что дѣлаетъ и другой; одинъ производитъ обыкновенно то-же, что производитъ и другой. Избытокъ продуктовъ и потребности у всѣхъ почти совершенно одинаковы, каждый самъ и лучшій потребитель собственныхъ продуктовъ; здѣсь такимъ образомъ мало поводовъ къ умственнымъ сношеніямъ и матеріальнымъ коммерческимъ оборотамъ. Сельскій хозяинъ имѣетъ дѣло болѣе съ неодушевленною природою, чѣмъ съ человѣкомъ. Вслѣдствіе привычки собирать по истеченіи долгаго времени жатву тамъ, гдѣ онъ посѣялъ, и предоставлять результаты своихъ усилій на волю Провидѣнія, у него умѣренность, терпѣніе и смиреніе, равно безпечность и лѣнь становятся второю натурою Дѣятельность его въ области земледѣлія, удаляя его отъ общенія съ людьми, сама по себѣ не требуетъ обыкновенно отъ него значительнаго напряженія ни умственнаго, ни физическаго. Онъ учится, напримѣръ, въ кругу той семьи, въ которой онъ родился, и ему почти не приходитъ въ голову, что можно иначе и лучше работать. Съ колыбели до могилы вращается онъ въ одномъ и томъ же ограниченномъ кругу людей и отношеній. Ему рѣдко удается видѣть примѣры выдающагося благосостоянія, достигнутаго чрез-

вычайными умственными физическими успѣхами. Обладаніе собственностію и нищета при первобытномъ земледѣліи переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и почти всѣ, вызываемыя соревнованіемъ, силы спятъ мертвымъ сномъ.

Жизнь въ сферахъ фабрично-заводской дѣятельности существенно отличается отъ земледѣльческой. Она, посредствомъ общенія труда, привлекаетъ людей другъ къ другу, и здѣсь они живутъ только въ обществѣ и благодаря обществу, только при постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ и благодаря этимъ сношеніямъ. Всѣ потребности въ пищевыхъ продуктахъ и сырьѣ пріобрѣтаются покупкою, и лишь самая незначительная часть ихъ произведеній служитъ имъ для собственнаго потребленія. Благосостояніе сельскаго хозяина стоитъ въ зависимости отъ природы, тогда какъ благосостояніе и самое существованіе мануфактуриста зависитъ главнымъ образомъ отъ коммерческихъ сношеній. Въ то время какъ земледѣлецъ не знаетъ даже своихъ потребителей и мало заботится относительно сбыта своихъ продуктовъ, самое существованіе фабриканта или заводчика зависитъ отъ его кліентовъ. Цѣны на сырье, на пищевые продукты, на ручной трудъ, на издѣлія, равно курсъ денегъ, измѣняются безпрерывно; фабрикантъ и заводчикъ никогда не могутъ знать съ точностію, какой будетъ размѣръ его доходовъ. Благопріятныя естественныя условія и обыкновенный трудъ не обезпечиваютъ еще ему, подобно сельскому хозяину, существованія и благосостоянія, и то и другое обусловливается его предусмотрительностію и дѣятельностію. Онъ долженъ стремиться къ пріобрѣтенію избытка для того, чтобы быть обезпеченнымъ въ самомъ необходимомъ, долженъ стремиться къ обогащенію себя, чтобы не впасть въ бѣдность. Если онъ идетъ впередъ нѣсколько быстрѣе, чѣмъ другіе, успѣхъ его обезпеченъ, если онъ идетъ медленнѣе, онъ раззорится навѣрное. Ему необходимо постоянно покупать и продавать, обмѣнивать и торговать. Всюду онъ долженъ сталкиваться съ разными людьми, съ измѣняющимися отношеніями, съ законами и распоряженіями мѣстныхъ властей; онъ, сравнительно съ земледѣльцемъ, имѣетъ въ сто разъ больше случаевъ развивать свои умственныя способности. Чтобы вести свое дѣло, онъ долженъ имѣть знакомство съ иностранцами и съ чужими странами. Чтобы поставить на ноги свое дѣло, онъ долженъ употребить чрезвычайныя усилія. Въ то время какъ зем-

ледѣлецъ имѣетъ дѣло лишь съ своими сосѣдями, сношенія фабриканта или заводчика распространяются на цѣлыя страны и части свѣта. Желаніе пріобрѣсть и поддержать къ себѣ довѣріе своихъ согражданъ и безконечная конкурренція, которая грозитъ его существованію и благосостоянію, постоянно побуждаютъ его къ неустанной дѣятельности и обезпечиваютъ непрерывный успѣхъ Тысячи примѣровъ доказываютъ ему, что при необычайномъ напряженіи и усиліяхъ можно изъ самаго ничтожнаго состоянія возвыситься до первыхъ слоевъ общества, и что напротивъ, вслѣдствіе рутины и безпечности, можно упасть съ высшей соціальной. ступени на самую низшую. Этотъ порядокъ вещей порождаетъ у заводчика и фабриканта энергію, которой никогда не замѣчается въ земледѣльческомъ классѣ.

Если разсматривать совокупность фабрично-заводской дѣятельности, то прежде всего остановитъ на себѣ вниманіе то обстоятельство, что она развиваетъ и требуетъ несравненно болѣе разнообразныхъ и высшихъ способностей и талантовъ, чѣмъ дѣятельность земледѣльческая.

Адамъ Смитъ, дѣйствительно, и здѣсь высказалъ одно изъ тѣхъ парадоксальныхъ положеній, которыя онъ, по замѣчанію его біографа Dudald Stewart, такъ любилъ, а именно, онъ утверждалъ, что земледѣліе требуетъ больше искусства, нежели промышленность. Не останавливаясь на изслѣдованіи того, что требуетъ болѣе искусства, часовыхъ дѣлъ мастерство или веденіе сельскаго хозяйства, мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что всѣ занятія въ сельскомъ хозяйствѣ одного и того же рода, между тѣмъ какъ фабрично-заводская промышленность представляетъ безконечное разнообразіе. Не слѣдуетъ забывать, что при указанномъ сравненіи слѣдуетъ принимать во вниманіе земледѣліе въ его первобытномъ состояніи, а не то высшее его состояніе, въ какомъ оно является подъ вліяніемъ фабрично-заводской промышлености. Хотя положеніе англійскихъ сельскихъ хозяевъ и представляется Адаму Смиту гораздо болѣе благороднымъ, чѣмъ положеніе англійскихъ фабрикантовъ, но онъ въ данномъ случаѣ упустилъ изъ вида, что это положеніе англійскихъ сельскихъ хозяевъ обусловлено вліяніемъ фабрично-заводской промышленности и торговли.

Очевидно, для земледѣлія необходимы личныя способности одного и того же рода, и именно такія, въ которыхъ склонность къ

порядку соединяется съ физическою силою и настойчивостью въ исполненіи тяжелыхъ работъ, между тѣмъ какъ фабрично-заводская дѣятельность требуетъ безконечнаго разнообразія умственныхъ способностей, талантовъ и опытности. Запросъ на это разнообразіе способностей въ мануфактурныхъ государствахъ даетъ возможность каждому легко находить занятіе, соотвѣтствующее его дарованію, призванію, между тѣмъ какъ въ земледѣльческихъ государствахъ выборъ самый ограниченный. Въ первыхъ государствахъ умственныя дарованія цѣнятся несравненно болѣе, чѣмъ во вторыхъ, гдѣ обыкновенно способности человѣка измѣряются его физическою силою. Въ государствахъ мануфактурныхъ трудъ людей слабыхъ физически, даже уродовъ, не рѣдко имѣетъ несравнено болѣе цѣны, чѣмъ въ государствахъ земледѣльческихъ трудъ самаго сильнаго человѣка. Всякая, даже самая незначительная сила, какова сила дѣтей и женщинъ, калѣкъ и *стариковъ*, находитъ въ странѣ мануфактурной занятіе и примѣненіе.

Фабрично-заводская промышленность—чадо науки и искусства, и она же поддерживаетъ и питаетъ ихъ. Обратите вниманіе на то, какъ мало нуждается первобытное земледѣліе въ наукахъ и искусствахъ, какъ мало чувствуетъ оно потребности въ нихъ при устройствѣ грубыхъ земледѣльческихъ орудій, при помощи которыхъ обработывается земля. Правда, первое, что даетъ возможность человѣку посвятить себя наукамъ и искусствамъ — это земледѣліе, благодаря земельной рентѣ, которая обезпечиваетъ человѣка, но при отсутствіи фабрично-заводской промышленности науки и искусства остаются удѣломъ кастъ, и ихъ благодѣтельное вліяніе на массы едва замѣтно. Въ мануфактурныхъ государствахъ промышленность массъ освѣщается наукою, а науки въ свою очередь, также какъ и искусства, вкушаютъ плоды отъ промышленности массъ. Не много найдется фабрично-заводскихъ предпріятій, которыя бы не соприкасались съ физикою, механикою, химіею, математикою или съ искусствомъ рисованія и т. д. Нѣтъ прогресса, нѣтъ открытій и изобрѣтеній въ области этихъ наукъ, которыя не улучшали бы или не измѣняли бы сотенъ производствъ и способовъ производства. Поэтому въ мануфактурномъ государствѣ искусства и науки необходимо становятся популярными. Необходимость просвѣщенія и распространенія знаній посредствомъ книгъ и публичныхъ лекцій въ массахъ, призванныхъ примѣнять резуль-

таты научныхъ изслѣдованій, побуждаетъ и спеціалистовъ посвящать себя преподаванію и писательской дѣятельности. Конкурренція такихъ спеціалистовъ, при значительномъ спросѣ на ихъ произведенія, вызываетъ раздѣленіе и комбинацію научной дѣятельности, что оказываетъ благодѣтельное вліяніе не только на развитіе наукъ, но и на усовершенствованіе изящныхъ искусствъ и промышленной техники. Результаты такого усовершенствованія скоро начинаютъ распространяться и на земледѣліе. Нигдѣ вы не найдете болѣе совершенныхъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій, нигдѣ земледѣліе не ведется съ такимъ пониманіемъ дѣла, какъ въ странахъ съ цвѣтущею фабрично-заводскою промышленностію. Подъ ея вліяніемъ земледѣліе возвышается на степень промысла, искусства, науки.

Науки въ связи съ искусствомъ въ промышленности вызвали къ жизни ту великую физическую силу, которая для современныхъ намъ обществъ замѣняетъ вдесятеро работу рабовъ древности и которая призвана оказывать неизмѣримо огромное вліяніе на положеніе массъ, на цивилизацію варварскихъ странъ, на колонизацію странъ незаселенныхъ и на могущество націй старой культуры,— это *силу машинъ*.

Для мануфактурной націи представляется въ сто разъ больше случаевъ воспользоваться силою машинъ, чѣмъ для націи земледѣльческой. Калѣка, управляя паровою машиною, можетъ во сто разъ больше выполнить работы, нежели самый сильный человѣкъ только своими руками.

Сила машинъ въ соединеніи съ усовершенствованными путями сообщенія новѣйшаго времени даетъ мануфактурному государству неизмѣримое превосходство надъ государствомъ исключительно земледѣльческимъ. Вполнѣ очевидно, что каналы, желѣзныя дороги и пароходство бываютъ обязаны своимъ существованіемъ мануфактурной силѣ, и что только благодаря послѣдней они могутъ распространиться по всему пространству территоріи. Въ государствѣ исключительно земледѣльческомъ, гдѣ каждый производитъ большую часть тѣхъ предметовъ, въ которыхъ онъ самъ нуждается, и самъ потребляетъ большую часть своихъ продуктовъ, гдѣ существуютъ лишь самыя незначительныя личныя сношенія и взаимные обмѣны матеріальныхъ богатствъ, не можетъ появиться настолько значительнаго передвиженія людей и товаровъ, чтобы могли оку-

паться издержки на устройство и содержаніе подобныхъ машинъ.

Новыя изобрѣтенія и усовершенствованія мало цѣнятся въ государствахъ исключительно земледѣльческихъ. Тѣ, которые посвящаютъ себя этому дѣлу, становятся обыкновенно жертвою своихъ изслѣдованій и стремленій; между тѣмъ какъ въ государствѣ мануфактурномъ никакой путь не ведетъ столь быстро къ обогащенію и къ извѣстности, какъ путь изобрѣтеній и открытій. Такъ, въ мануфактурномъ государствѣ геній цѣнится выше и больше вознаграждается, чѣмъ талантъ, талантъ выше, нежели физическая сила. Въ государствѣ земледѣльческомъ напротивъ, за исключеніемъ государственной службы, обратное отношеніе является почти правиломъ.

Но фабрично-заводская промышленность, содѣйствуя развитію умственныхъ силъ націи, оказываетъ не менѣе сильное вліяніе и на развитіе физической рабочей силы, такъ какъ она привлекаетъ рабочихъ полезностію ихъ труда и поощреніемъ, возбуждая въ нихъ стремленія работать всѣми ихъ силами и пользоваться каждымъ случаемъ для проявленія этихъ силъ. Неоспоримъ тотъ фактъ, что въ цвѣтущихъ мануфактурныхъ государствахъ рабочій, независимо отъ той помощи, какую оказываютъ ему машины и усовершенствованныя орудія, въ состояніи за день выполнить несравненно больше работы, нежели въ странахъ исключительно земледѣльческихъ.

Уже то обстоятельство, что въ мануфактурныхъ государствахъ время цѣнится несравненно дороже, чѣмъ въ земледѣльческихъ, свидѣтельствуетъ, что трудъ получаетъ болѣе высокое значеніе именно въ государствахъ мануфактурныхъ. Степень цивилизаціи народа и цѣнность рабочей силы самымъ лучшимъ образомъ опредѣляется тѣмъ, какъ цѣнится тамъ время. Дикарь лѣниво цѣлый день лежитъ въ своей хижинѣ. Какъ можетъ придавать цѣну времени пастухъ, когда оно служитъ для него бременемъ, которое возможно нести потому лишь, что есть свирѣль и сонъ. Съ какой стати будетъ беречь время рабъ, крѣпостной крестьянинъ, слуга, когда для нихъ работа—наказаніе, а праздность—ихъ барышъ? Къ признанію цѣны времени приводитъ народы прежде всего мануфактурная промышленность. Тогда выигрышъ во времени становится выигрышемъ въ прибыли, потеря времени—потерею прибыли. Стремленіе фабриканта или заводчика возвысить, насколько

возможно, цѣну времени сообщается и земледѣльцу. Вслѣдствіе увеличенія, подъ вліяніемъ фабрикъ и заводовъ, спроса на сельскохозяйственные продукты, возвышается доходность имѣній и цѣнность земли; въ сельскохозяйственное дѣло затрачиваются капиталы болѣе значительные, потребленіе увеличивается; приходится извлекать изъ земли больше продуктовъ, чтобы оправдать возвысившуюся доходность земли и проценты на затраченный капиталъ и притти на встрѣчу возрастающему спросу на сельскохозяйственныя произведенія. Является возможность возвысить заработную плату, но за то требуется отъ рабочихъ больше труда. Рабочій начинаетъ чувствовать, что въ своей физической силѣ и умѣніи примѣнить ее на дѣлѣ онъ владѣетъ средствомъ для улучшенія своего положенія. Онъ начинаетъ понимать, почему англичанинъ говоритъ: время—деньги.

При той изолированности, въ какой живетъ земледѣлецъ, и при ограниченности своего умственнаго развитія, онъ мало способенъ оказывать содѣйствіе общей цивилизаціи или признать важность политическихъ установленій, и еще менѣе—принимать дѣятельное участіе въ общественномъ управленіи и въ судѣ или защищать свою свободу и свое право. Вслѣдствіе этого онъ большею частію находится въ зависимости отъ землевладѣльца. Всюду націи чисто земледѣльческія находились или въ рабствѣ или подъ гнетомъ деспотовъ, феодаловъ или теократіи. Уже одно только обладаніе землею даетъ помѣщику или духовенству надъ массою сельскаго населенія власть, отъ которой послѣднее никакъ не можетъ избавиться само по себѣ.

Повсюду, подъ вліяніемъ сильной привычки, иго, наложенное властію или суевѣріемъ, или господствомъ духовенства, проникаетъ въ плоть и кровь народовъ чисто земледѣльческихъ, такъ что въ послѣдствіи оно отражается на нихъ такъ сильно, что они начинаютъ представлять его своею составною частію и необходимымъ условіемъ ихъ существованія.

Напротивъ, законъ раздѣленія операцій труда и ассоціаціи производительныхъ силъ съ непреодолимою силою влечетъ фабрикантовъ и заводчиковъ другъ къ другу. Столкновеніе мнѣній воспламеняетъ умъ, какъ треніе въ мірѣ физическомъ вызываетъ искру. Умственное треніе (обмѣнъ мыслей) происходитъ тамъ, гдѣ есть общежитіе, гдѣ возникаютъ учащенныя дѣловыя, ученыя, со-

ціальныя, гражданскія и политическія сношенія, гдѣ происходитъ значительный обмѣнъ матеріальныхъ благъ и идей. Но чѣмъ болѣе людей живутъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, чѣмъ болѣе каждый изъ нихъ въ своихъ промыслахъ нуждается въ содѣйствіи всѣхъ, чѣмъ болѣе промышленность каждаго требуетъ знаній, осмотрительности, образованія, тѣмъ менѣе съ дѣятельностію всѣхъ ихъ и съ ихъ стремленіемъ къ благосостоянію мирится своеволіе, беззаконіе, притѣсненіе и взяточничество, тѣмъ совершеннѣе гражданскія установленія, тѣмъ выше степень свободы, тѣмъ болѣе представляется случаевъ образовать самого себя или содѣйствовать образованію другихъ. Поэтому вездѣ и во всѣ времена источникомъ свободы и цивилизаціи были города: въ древности—въ Греціи и Италіи, въ средніе вѣка—въ Италіи, Германіи, Бельгіи и Голландіи, позднѣе—въ Англіи, въ новѣйшее время—въ Сѣверной Америкѣ и во Франціи. Но города бываютъ двухъ родовъ, изъ которыхъ одни мы называемъ производящими, другіе—потребляющими. Есть города, которые переработываютъ сырые матеріалы въ мануфактурныя издѣлія, оплачивая ими за потребные имъ пищевые продукты, доставляемые изъ деревень. Это—мануфактурные города, производящіе. Чѣмъ болѣе они преуспѣваютъ, тѣмъ болѣе развивается земледѣліе страны, и чѣмъ болѣе земледѣліе пріобрѣтаетъ силъ, тѣмъ больше разростаются мануфактурные города. Но есть также города, въ которыхъ живутъ тѣ, кто потребляетъ земельную ренту. Во всѣхъ болѣе или менѣе цивилизованныхъ странахъ большая часть національныхъ доходовъ потребляется въ городахъ въ видѣ получаемой земельной ренты. Но было бы несправедливо вообще утверждать, что такое потребленіе вредитъ производству, или что оно ей не полезно. Возможность обезпечить себѣ посредствомъ земельной ренты независимое существованіе служитъ лучшимъ побужденіемъ къ бережливости, къ обращенію сбереженій на обработку земли и на улучшеніе земледѣлія. Далѣе, рантье, побуждаемый желаніемъ выдѣлиться между своими согражданами, благодаря своему воспитанію и независимости положенія, содѣйствуетъ цивилизаціи, дѣятельности общественныхъ учрежденій, государственной администраціи, наукамъ и искусствамъ. Съ другой стороны, степень того вліянія, которое оказываетъ такимъ образомъ земельная рента на промышленность, благосостояніе и цивилизацію націи,

всегда находится въ зависимости отъ достигнутой ею степени свободы. Это стремленіе быть полезнымъ обществу свободною дѣятельностію и выдѣлиться въ средѣ своихъ согражданъ развивается лишь въ тѣхъ странахъ, гдѣ такая дѣятельность вызываетъ общественную признательность, общее уваженіе и даетъ почетное положеніе, но никакъ не въ тѣхъ странахъ, гдѣ всякое стремленіе занять выдающееся и независимое положеніе вызываетъ подозрительность со стороны власти. Въ такихъ странахъ землевладѣлецъ сначала будетъ предаваться роскоши или праздности и такимъ образомъ отнесется съ презрѣніемъ къ полезной дѣятельности, будетъ наносить вредъ нравственности, и скомпрометируетъ самый принципъ производительныхъ силъ страны. Если такой землевладѣлецъ, въ качествѣ до извѣстной степени потребителя издѣлій мануфактурной промышленности въ городахъ, поощряетъ фабрики и заводы, то всетаки такой ростъ ихъ нельзя считать нормальнымъ, этотъ ростъ дастъ лишь пустоцвѣтъ и нездоровые плоды; такіе фабрики и заводы мало окажутъ содѣйствія цивилизаціи, благосостоянію и свободѣ націи. Здоровая мануфактурная промышленность вообще обусловливаетъ свободу и цивилизацію, и можно также сказать, что, благодаря ей, земельная рента изъ фонда праздности, роскоши и безнравственности становится фондомъ умственной производительности, что слѣдовательно, благодаря ей, города исключительно потребляющіе дѣлаются городами производительными. Другою питательною вѣтвію потребляющихъ городовъ является служилый людъ и вообще государственная администрація. Это потребленіе также можетъ придать городу видъ благосостоянія, но будетъ ли такое потребленіе полезнымъ или вреднымъ для производительной силы націи, для ея благосостоянія и ея учрежденій, зависитъ исключительно отъ того, хорошее или дурное вліяніе служебная дѣятельность этихъ потребителей производитъ на эти силы.

Этимъ объясняется то, почему въ государствахъ исключительно земледѣльческихъ могутъ быть большіе города, которые, не смотря на то, что въ нихъ живутъ богатые люди, и не взирая на разнообразіе сосредоченныхъ въ нихъ богатыхъ промысловъ, оказываютъ лишь очень незначительное вліяніе на цивилизацію, свободу и производительность націи. Тамъ промышленные классы необходимо должны раздѣлять взгляды своихъ кліентовъ; они являются какъ-

бы прислугою земельныхъ собственниковъ и служилаго класса. Рядомъ съ огромною роскошью такихъ городовъ среди сельскаго населенія бросается въ глаза бѣдность, нужда, ограниченность ума и раболѣпство. Благодѣтельное вліяніе фабрично - заводской промышленности на цивилизацію, улучшеніе общественныхъ установленій и на свободу націи вообще проявляется лишь въ томъ случаѣ, когда въ странѣ возникаетъ такая промышленность, которая, будучи независима отъ землевладѣльцевъ и служилаго сословія, работаетъ для массы сельскаго населенія или для отпуска своихъ издѣлій за границу, предъявляя спросъ на большое количество земледѣльческихъ продуктовъ этого населенія для переработки ихъ или для собственнаго потребленія. Чѣмъ болѣе укрѣпляется такая здоровая фабрично - заводская промышленность, тѣмъ болѣе она будетъ привлекать на свою сторону тѣ производства, которыя были вызваны вышеуказанными потребителями, наравнѣ съ рантье и служилыми классами; и тѣмъ болѣе будутъ совершенствоваться въ интересахъ общественныхъ государственныя учрежденія.

Представьте себѣ большой городъ, въ которомъ масса независимыхъ друзей свободы, образованныхъ и богатыхъ, въ которомъ купцы имѣютъ тѣ-же интересы и тоже положеніе, въ которомъ рантье чувствуютъ себя принужденными заручиться уваженіемъ общества, въ которомъ государственные чиновники подчинены контролю общественнаго мнѣнія, гдѣ ученые и художники работаютъ для высшаго общества и этимъ пріобрѣтаютъ себѣ средства къ существованію; представьте себѣ всю эту массу умственныхъ и матеріальныхъ средствъ, соединенныхъ на столь тѣсномъ пространствѣ; замѣтьте, какъ тѣсно связана эта масса силъ закономъ раздѣленія операцій труда и ассоціаціей производительныхъ силъ; подумайте о томъ, съ какою быстротою должны давать себя чувствовать каждое улучшеніе, каждый успѣхъ въ общественныхъ учрежденіяхъ и въ экономическомъ и соціальномъ положеніи, такъ-же какъ и всякій шагъ назадъ и всякое посягательство на общественные интересы; подумайте, какъ легко эта масса, живущая въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, можетъ соединиться для общей цѣли и мѣропріятій и какимъ множествомъ средствъ сейчасъ-же можетъ она воспользоваться для этой цѣли; обратите вниманіе, какая тѣсная связь существуетъ между такимъ могущественнымъ, просвѣщеннымъ и привязаннымъ къ свободѣ обществомъ и между другими подобнаго

рода обществами той-же страны; взвѣсьте все это и вы легко поймете, что въ сравненіи съ городами, вся сила которыхъ, какъ мы это показали, зиждется на благосостояніи фабрикъ и заводовъ и связанной съ ними торговли, — дѣятельность сельскаго населенія, разбросаннаго по всей территоріи страны, можетъ оказывать лишь слабое воздѣйствіе на сохраненіе и улучшеніе общественнаго строя.

Преобладающее вліяніе городовъ на политическій и гражданскій строй народа, далеко не вредящее сельскому населенію, доставляетъ послѣднему неисчислимыя выгоды.

Собственный интересъ городовъ заставляетъ ихъ сдѣлать земледѣльческое населеніе участниками въ ихъ свободѣ, развитіи и благосостояніи, такъ какъ чѣмъ больше сумма этихъ интеллектуальныхъ благъ въ средѣ сельскаго населенія, тѣмъ больше сумма пищевыхъ продуктовъ и сырья, которыми оно снабжаетъ города, тѣмъ болѣе сумма фабрикатовъ, которые оно покупаетъ въ городахъ, а слѣдовательно тѣмъ болѣе и благосостояніе городовъ.

Сельское населеніе заимствуетъ у городовъ энергію, просвѣщеніе, свободу и мѣстныя учрежденія; города же обезпечиваютъ себѣ обладаніе свободою и городскими учрежденіями, дѣлая сельское населеніе участникомъ этихъ пріобрѣтеній. Земледѣліе, которое прежде питало лишь господъ и рабовъ, теперь даетъ обществу самыхъ независимыхъ и энергичныхъ поборниковъ его свободы. При такихъ условіяхъ и въ сельскомъ хозяйствѣ можетъ проявиться всякая сила. Работникъ можетъ возвыситься до положенія арендатора, а этотъ послѣдній до положенія земельнаго собственника. Капиталы и пути сообщенія, вызываемые и устанавливаемые фабрично-заводскою промышленностію, оказываютъ благотворное вліяніе на сельскую культуру. Исчезаютъ крѣпостное право, феодальный порядокъ, равно какъ и всѣ узаконенія, стѣсняющія трудъ и свободу. Землевладѣлецъ извлекаетъ тогда въ сто разъ болѣе доходовъ изъ своего лѣса, чѣмъ изъ своей охоты. Тѣ, которые прежде, вслѣдствіе незначительности дохода отъ барщины, едва были въ состояніи вести грубую деревенскую жизнь, которыхъ единственное удовольствіе заключалось въ обладаніи лошадьми и собаками и въ охотѣ, которые, поэтому, стремились преслѣдовать всякое стѣсненіе подобной жизни, какъ посягательство на ихъ помѣщичье величіе,—въ настоящее время, вслѣдствіе увеличенія ихъ доходовъ и выгодъ свободнаго труда, получили возможность про-

живать часть года въ городахъ. Здѣсь зрѣлища и музыка, искусство и чтеніе смягчаютъ нравы. Здѣсь, въ общеніи съ художниками и учеными, они научаются почитать умъ и талантъ, изъ Немвродовъ дѣлаются образованными людьми.

Взглядъ на трудолюбивое общество, въ которомъ каждый стремиться къ улучшенію собственнаго положенія, возбуждаетъ въ нихъ также стремленіе къ совершенствованію. Они пускаются въ погоню за образованіемъ и идеями вмѣсто того, чтобы гонять оленей и зайцевъ. Возвращаясь въ помѣстье и служа хорошимъ примѣромъ для среднихъ и мелкихъ сельскихъ хозяевъ, они пріобрѣтаютъ уваженіе, вмѣсто прежняго проклятія.

Чѣмъ болѣе процвѣтаютъ фабрично-заводская промышленность и земледѣліе, тѣмъ свободнѣе становится человѣческій умъ, тѣмъ болѣе мѣста для духа терпимости, и тѣмъ скорѣе истинная нравственность и религіозность смѣняютъ ограниченіе свободы совѣсти. Вездѣ промышленность являлась защитницею терпимости, всюду сдѣлала священника учителемъ народа и ученымъ; всюду національный языкъ и литература, изящныя искусства и гражданскія учрежденія развивались и совершенствовались рядомъ съ развитіемъ фабрикъ, заводовъ и торговли.

Съ развитіемъ фабрично-заводской промышленности, нація становится способною завязать торговлю съ менѣе развитыми націями, увеличить торговое мореходство, основать морское могущество и обратить избытокъ населенія, чрезъ основаніе колоній, на дальнѣйшее увеличеніе національнаго благосостоянія и могущества.

Сравнительная статистика насъ учитъ, что страна, владѣющая достаточною и плодородною территоріею, на которой полно и равномѣрно развиваются фабрично-заводская промышленность и сельское хозяйство, можетъ прокормить въ два и три раза большее населеніе и обезпечить ему несравненно большее благосостояніе, чѣмъ страна исключительно земледѣльческая. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ умственныя силы націи, государственные доходы, матеріальныя и моральныя средства защиты и гарантія національной независимости—увеличиваются въ одинаковой пропорціи, благодаря процвѣтанію фабрично-заводской промышленности.

Въ то время, когда техника и механика оказываютъ такое огромное вліяніе на веденіе войны, когда всѣ военныя операціи находятся въ такой зависимости отъ состоянія государственнаго

казначейства, когда защита страны болѣе или менѣе обезпечена, смотря по тому, богата или бѣдна масса населенія, развита она или ограничена, энергична или погружена въ апатію, смотря по тому, склоняются ли ея симпатіи исключительно къ отечеству или частію къ чужбинѣ, смотря по тому, какое количество военныхъ силъ она можетъ выставить,—въ такое время, болѣе чѣмъ когда либо, значеніе фабрично-заводской промышленности должно оцѣниваться съ политической точки зрѣнія.

ГЛАВА XVIII.

Фабрично-заводская промышленность и естественныя производительныя силы націи.

Чѣмъ болѣе совершенствуется отдѣльный человѣкъ или общество, тѣмъ болѣе они получаютъ возможности пользоваться для своихъ цѣлей находящимися въ ихъ распоряженіи естественными силами, тѣмъ болѣе расширяется сфера ихъ дѣятельности.

Звѣроловъ не пользуется и тысячною долею, пастухъ—и сотою долею тѣхъ средствъ, какія находятся въ окружающей его природѣ. Моря и чужеземные климаты и страны не предоставляютъ въ его распоряженіе ни продуктовъ потребленія, ни орудій производства, ни возбуждающихъ средствъ къ дѣятельности, или по меньшей мѣрѣ онъ пользуется всѣмъ этимъ лишь въ очень незначительной степени.

При первобытномъ земледѣльческомъ состояніи огромное количество естественныхъ силъ лежитъ непроизводительно; человѣкъ въ своихъ сношеніяхъ ограниченъ лишь ближайшимъ сосѣдствомъ. Вода и вѣтеръ, какъ двигательныя силы, не эксплоатируются; минералы и различные виды почвы, которымъ фабрично-заводская промышленность умѣетъ придать такую цѣнность, лежатъ мертвымъ капиталомъ; топливо расхищается или, какъ напр. торфяныя болота, считается препятствіемъ для культуры; камень, песокъ, изветь, какъ матеріалы строительные, находятъ лишь ничтожное примѣненіе; рѣки, вмѣсто того чтобы служить путями сообщенія и оплодотворять сосѣднія поля, опустошаютъ страну; жаркій поясъ и море доставляютъ земледѣльческой странѣ лишь незначительное количество своихъ продуктовъ.

Даже важнѣйшая изъ производительныхъ естественныхъ силъ, производительная способность почвы, и та, не встрѣчая поддержки въ фабрично-заводской промышленности, можетъ проявляться лишь въ ничтожной степени.

Въ государствѣ чисто земледѣльческомъ каждая область принуждена производить все для удовлетворенія своихъ потребностей, такъ какъ она не въ состояніи ни сбывать въ большомъ количествѣ своего избытка въ другія области, ни покупать избытка другихъ областей для пополненія своего недостатка. Какъ бы страна ни была плодородна, какъ бы ни была она способна къ культурѣ масличныхъ и красильныхъ растеній или кормовыхъ травъ, она должна заботиться о насажденіи лѣсовъ, такъ какъ подвозъ топлива изъ далекихъ горныхъ мѣстностей по неустроеннымъ дорогамъ обходится слишкомъ дорого. Въ странѣ, которая при культурѣ винограда и огородныхъ растеній могла бы втрое или вчетверо возвысить свою доходность, обращаются къ воздѣлыванію хлѣба и кормовыхъ травъ. Тотъ, кто могъ бы съ особенною выгодою посвятить себя исключительно скотоводству, долженъ также и откармливать скотъ; и кто съ особенною выгодою могъ бы заняться откармливаніемъ скота, принужденъ заниматься также и скотоводствомъ. Какъ бы ни было выгодно примѣнять минеральное удобреніе (гипсъ, известь, мергель) или употреблять, какъ горючій матеріалъ, торфъ, каменный уголь и т. д. вмѣсто дерева, и заняться расчисткою лѣсовъ, отсутствіе путей сообщенія будетъ преградою для вывоза этихъ матеріаловъ изъ узкаго раіона ихъ потребленія. Какъ бы велики могли быть выгоды отъ луговъ въ долинахъ, если бы къ нимъ была примѣнена обширная ирригаціонная система,—а тутъ разливы рѣкъ отрываютъ и уносятъ плодородную почву.

Съ возникновеніемъ въ странѣ фабрично-заводской промышленности пролагаются грунтовыя дороги и шоссе, строятся желѣзныя дороги, роются каналы, на рѣкахъ возникаетъ судоходство, организуются пароходныя линіи. Теперь не только тѣ продукты, которые были излишними для страны земледѣльческой, начинаютъ быть источникомъ доходовъ, не только необходимая для нихъ рабочая сила призывается къ дѣятельности, и сельское населеніе получаетъ возможность извлекать больше прежняго выгодъ изъ находящихся въ его распоряженіи естественныхъ богатствъ,

но и всѣ минералы, всѣ металлы, которые лежали до сихъ поръ непроизводительно въ землѣ, находятъ примѣненіе и получаютъ цѣнность. Предметы, которые раньше перевозились лишь за нѣсколько миль, какъ-то: соль, каменный уголь, камень, мраморъ, сланецъ, гипсъ, известь, лѣсные матеріалы и т. д., могутъ теперь распредѣляться по всему пространству государства. Подобные предметы, не представлявшіе прежде никакой цѣнности, могутъ пріобрѣсти по отношенію къ національному производству такое значеніе, которое далеко превзойдетъ значеніе всей прежней доходности отъ земледѣлія. Теперь всякій падающій кубическій дюймъ воды исполняетъ свою работу, дерево и горючіе матеріалы, для которыхъ раньше не умѣли найти никакого примѣненія, теперь въ промышленной странѣ получаютъ цѣну даже въ отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ.

Возникновеніе фабрично-заводской промышленности создаетъ спросъ на массу пищевыхъ продуктовъ и всякаго сырья, для добыванія которыхъ могутъ быть воздѣланы поля извѣстныхъ мѣстностей съ несравненно большею выгодою, чѣмъ для производства хлѣбнаго зерна, обыкновенно главнаго предмета производства страны чисто земледѣльческой. Возникающій спросъ на молоко, масло и мясо требуетъ болѣе производительнаго пользованія тѣми пространствами, которыя прежде были простыми пастбищами, вызываетъ уничтоженіе залежей и устройство ирригаціонныхъ сооруженій Спросъ на плоды и овощи превращаетъ поля въ огороды и плодовые сады.

Потеря, которую несетъ государство исключительно земледѣльческое, не пользуясь этими естественными производительными силами, будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе въ немъ благопріятныхъ условій для фабрично-заводской промышленности и чѣмъ болѣе его территорія изобилуетъ тѣми сырыми матеріалами, которые потребны главнымъ образомъ для фабрикантовъ и заводчиковъ; эта потеря особенно значительна поэтому для странъ гористыхъ и холмистыхъ, въ которыхъ не можетъ развиться въ обширномъ размѣрѣ земледѣліе, но которыя изобилуютъ силою воды, минералами, деревомъ, камнемъ—матеріалами, столь необходимыми для фабрично-заводской промышленности, — матеріалами, которые даютъ землевладѣльцу возможность посредствомъ доставки этихъ предметовъ итти на встрѣчу потребности въ нихъ для фабрикъ и заводовъ.

Страны умѣреннаго пояса почти исключительно одарены благопріятными условіями для развитія фабрично-заводской промышленности. Умѣренная температура воздуха несравненно болѣе жары содѣйствуетъ развитію и напряженію силъ. Суровость зимы, которая поверхностному наблюдателю кажется неблагосклонностію природы, какъ нельзя болѣе содѣйствуетъ напряженной дѣятельности и пріучаетъ къ предусмотрительности, порядку и бережливости. Человѣкъ, которому земля въ теченіе шести мѣсяцевъ не даетъ никакихъ плодовъ, и которому однако нужны значительные запасы продовольствія для себя и для скота во время зимняго времени, равно теплая одежда для защиты отъ холода, не можетъ не быть трудолюбивѣе и бережливѣе того, которому нужна защита только отъ дождя и у котораго плоды зрѣютъ подъ бокомъ въ теченіе цѣлаго года. Нужда вызываетъ трудолюбіе, бережливость, любовь къ порядку и предусмотрительяность, и вслѣдствіе привычки и воспитанія все это становится для человѣка второю натурою. Трудъ и бережливость идутъ рука объ руку съ нравственностью, какъ съ апатіею и расточительностію—безнравственность, а то и другое становится источникомъ либо силы, либо слабости.

Но нація чисто земледѣльческая, живущая въ умѣренномъ поясѣ, оставляетъ, вслѣдствіе того, безъ употребленія огромную часть своихъ естественныхъ источниковъ богатства.

Школа, которая, при изслѣдованіи вліянія климата на производство богатствъ, не различаетъ земледѣліе отъ фабрично-заводской промышленности по отношенію къ выгодамъ или къ неудобствамъ протекціонной системы, впадаетъ въ тяжкія заблужденія, раскрыть которыя мы считаемъ здѣсь необходимымъ, хотя это и было уже сдѣлано нами въ общихъ чертахъ прежде.

Чтобы доказать, что стремленіе къ производству всѣхъ продуктовъ въ одной и той же странѣ не имѣетъ смысла, господствующая школа ставитъ вопросъ: было ли бы благоразумно, если бы Англія и Шотландія вздумали заняться винодѣліемъ въ теплицахъ? Вино, конечно, было бы получено, но оно было бы болѣе дурнаго качества и стоило бы несравненно дороже того, которое Англія и Шотландія пріобрѣтаетъ въ обмѣнъ на свои фабричныя издѣлія. Для тѣхъ, кто не желаетъ или не можетъ глубже вникнуть въ сущность вещей, такой аргументъ неотразимъ, и ему-то школа обязана тою популярностію, которою она пользуется по

крайней мѣрѣ въ средѣ значительной части французскихъ винодѣловъ и фабрикантовъ шелка, и въ средѣ сѣверо-американскихъ владѣльцевъ хлопчато-бумажныхъ плантацій и коммерсантовъ, ведущихъ торговлю хлопкомъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи аргументъ этотъ оказывается фальшивымъ въ самомъ корнѣ, такъ какъ ограниченія торговыхъ сношеній оказываютъ на земледѣліе совершенно не то вліяніе, какъ на фабрично-заводскую промышленность.

Посмотримъ сначала, какое вліяніе оказываютъ они на земледѣліе.

Если Франція запретитъ ввозъ къ себѣ скота и хлѣба изъ Германіи, то каковъ будетъ результатъ этой мѣры? Прежде всего въ такомъ случаѣ Германія будетъ лишена возможности покупать французскія вина. Франція такимъ образомъ настолько меньше будетъ извлекать выгодъ изъ своихъ земельныхъ участковъ, пригодныхъ къ воздѣлыванію винограда, насколько она своими запретительными мѣрами стѣснитъ вывозъ своего вина. Точно также спросъ на мѣстные сельскіе продукты, необходимые для потребностей лицъ, спеціально занятыхъ обработкой виноградниковъ, уменьшится вслѣдствіе уменьшенія ихъ числа. Все, что было сказано по поводу производства вина, вполнѣ приложимо и къ выдѣлкѣ масла. Значитъ Франція потеряетъ гораздо болѣе во всѣхъ другихъ отрасляхъ сельской промышленности, чѣмъ выиграетъ въ одной, поощряя запретительными мѣрами развитіе скотоводства, т. е. такія отрасли сельской промышленности, которыя, неразвиваясь въ странѣ непосредственно сами по себѣ, тѣмъ самымъ обнаруживаютъ свою искусственную культуру и невыгодность въ данной мѣстности.

Итакъ, вотъ что выйдетъ, если разсматривать Францію и Германію, какъ двѣ страны исключительно земледѣльческія, и если предположить, что Германія въ свою очередь не обратится къ запретительнымъ мѣрамъ. Но такая политика окажется еще вреднѣе, если принять въ соображеніе, что Германія, повинуясь непреодолимой силѣ ея собственныхъ интересовъ, тоже обратится къ подобнымъ мѣрамъ, если предположить, что Франція есть страна не только земледѣльческая но и мануфактурная. Тогда Германія обложитъ высокими пошлинами не только вина, но и всѣ тѣ земледѣльческіе продукты Франціи, которые она или сама можетъ производить, или безъ которыхъ можетъ, болѣе или менѣе, обой-

тись, или же, наконецъ, которые она можетъ получить изъ другихъ странъ; кромѣ того она строго ограничитъ ввозъ тѣхъ издѣлій фабрично-заводской промышленности, которые въ настоящее время она не въ состояніи производить сама съ выгодою для себя, но можетъ получить ихъ изъ какой либо другой страны, кромѣ Франціи. Такимъ образомъ ущербъ, который навлекла на себя Франція, обратясь къ репрессивнымъ мѣрамъ, будетъ въ два или три раза значительнѣе тѣхъ выгодъ, которыя онѣ ей принесли.

Очевидно, что культурой винограда, оливковаго дерева и фабрично-заводской промышленностью можетъ заниматься во Франціи лишь то число людей, которымъ для прокорма и работы будетъ достаточно пищевыхъ продуктовъ и сырья, произведенныхъ самой Франціей или же ввезенныхъ ею изъ-за границы.

Такимъ образомъ мы видѣли, что ограничительныя таможенныя мѣры не усиливаютъ земледѣлія, а только переносятъ его изъ одной части страны въ другую.

Если бы предоставили свободное движеніе торговлѣ продуктами, соперничающими между собою, то ввозъ этихъ продуктовъ, а слѣдовательно вывозъ вина, масла и издѣлій мануфактурной промышленности постоянно бы увеличивался, и въ то-же время населеніе постоянно было бы занято воздѣлываніемъ вина, масла и производствомъ предметовъ мануфактурной промышленности, благодаря съ одной стороны тому, что оно получало бы въ постоянно возрастающей пропорціи пищевые продукты и сырье, а съ другой— потому, что увеличивался бы спросъ на его произведенія. Приростъ населенія вызвалъ бы болѣе значительный спросъ на пищевые продукты и сырье, которые не привозятся изъ за границы, такъ какъ это невыгодно, а производятся земледѣльческимъ населеніемъ страны, составляя какъ бы естественную монополію. Слѣдовательно, земледѣльческая страна реализировала бы гораздо больше барышей. Спросъ на земледѣльческіе продукты, для добыванія которыхъ почва Франціи особенно пригодна, превысилъ бы, подъ знаменемъ свободы, спросъ, искусственно созданный запретительными мѣрами.

Одинъ земледѣлецъ не потерялъ бы того, что другой выигралъ, земледѣліе страны въ его цѣломъ было бы въ выигрышѣ, а еще болѣе фабрично-заводская промышленность.

Такимъ образомъ мѣры ограниченія не только не увеличили

земледѣльческое могущество страны, но напротивъ уменьшили его, и она, кромѣ того уничтожила то фабрично-заводское могущество, которое развивалось, вслѣдствіе одновременнаго увеличенія земледѣлія въ странѣ и ввоза пищевыхъ продуктовъ и сырья изъ-за границы. Этими мѣрами достигли только возвышенія цѣнъ въ пользу земледѣльцевъ данной мѣстности, но во вредъ другимъ и въ особенности во вредъ совокупнымъ производительнымъ силамъ обѣихъ странъ.

Непригодность этихъ мѣръ въ торговлѣ земледѣльческими продуктами еще яснѣе въ Англіи, чѣмъ во Франціи.

Правда, что хлѣбные законы вызвали усиленную обработку неплодородной земли на обширномъ пространствѣ, но это еще вопросъ—остались ли бы эти земли необработанными безъ помощи хлѣбныхъ законовъ.

Чѣмъ болѣе Англія ввозила бы шерсти, строеваго лѣса, скота и хлѣба, и чѣмъ болѣе она высылала бы на рынокъ предметовъ фабричнаго производства, тѣмъ болѣе увеличилось бы благосостояніе ея рабочихъ классовъ. И очень можетъ быть, что Англія удвоила бы такимъ образомъ число своихъ рабочихъ. Каждый изъ нихъ въ частности пользовался бы лучшимъ помѣщеніемъ, скорѣе могъ бы разбить себѣ садикъ для собственнаго отдыха и нуждъ хозяйства и могъ бы кормить себя и свою семью гораздо лучше и сытнѣе. Очевидно, что такой сильный приростъ рабочаго населенія, увеличеніе его благосостоянія и продуктовъ первой необходимости, вызвали бы громадный спросъ на тѣ предметы первой необходимости, производство которыхъ является природной монополіей данной страны; и болѣе чѣмъ вѣроятно, что, при такой системѣ дѣйствій, неплодородныхъ земель обрабатывалось бы вдвое, втрое больше, чѣмъ это дѣлалось бы при противоестественныхъ мѣрахъ ограниченій. Легко убѣдиться въ этомъ, обративъ вниманіе на земельное хозяйство въ окрестностяхъ каждаго большаго города. Какъ бы велико ни было количество выписываемыхъ этимъ городомъ продуктовъ издалека, вы на разстояніи больше чѣмъ мили не найдете хотя бы куска необрабатываемой земли, какъ бы онъ ни былъ неплодороденъ. Пусть будетъ тамъ воспрещенъ ввозъ зерновыхъ хлѣбовъ изъ отдаленныхъ мѣстностей и этой мѣрой достигнутъ только уменьшенія народонаселенія, его промышленности и благосостоянія и заставятъ окрестныхъ землевладѣльцевъ приняться за менѣе выгодныя занятія.

Отсюда ясно, что мы совершенно согласны съ господствующей теоріей. Школа совершенно права, поддерживая положеніе, что самая широкая свобода торговли земледѣльческими произведеніями во всякомъ случаѣ приноситъ выгоды какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и государству вообще. Правда, производство страны можетъ быть усилено запретительными мѣрами, но, проистекающія отсюда выгоды только кажущіяся—небольше. Такимъ способомъ, говоритъ школа, даютъ лишь менѣе выгодное направленіе труду и капиталу. Но фабрично-заводская промышленность подчиняется другимъ законамъ, чего школа, къ несчастью, не замѣтила.

Если, съ одной стороны, система ограниченій, приложенная къ ввозу земледѣльческихъ произведеній, вредитъ, какъ мы это видѣли, употребленію богатствъ и естественныхъ силъ страны, то съ другой стороны приложенная къ ввозу предметовъ фабрично-заводской промышленности въ страну населенную, достаточно образованную и уже окрѣпшую, она призываетъ къ жизни и дѣятельности массу естественныхъ силъ, которыя въ странѣ чисто земледѣльческой остаются всегда въ бездѣйствіи. Если система ограниченій по ввозу земледѣльческихъ продуктовъ останавливаетъ развитіе производительныхъ силъ страны не только въ фабрично заводской промышленности, но еще и въ земледѣліи, то фабрично-заводская промышленность, созданная въ странѣ съ помощію ограниченія ввоза фабрично-заводскихъ издѣлій, оживляетъ сельскую промышленность совсѣмъ иначе, чѣмъ самая дѣятельная внѣшняя торговля. Если ввозъ земледѣльческихъ продуктовъ ставитъ иностранца въ зависимость отъ насъ и отнимаетъ у него средство самому заниматься этимъ производствомъ, то мы сами, благодаря ввозу продуктовъ фабрично-заводской промышленности, становимся въ такую-же зависимость отъ него и такимъ образомъ лишаемъ себя средствъ сдѣлаться фабрикантами.

Если ввозъ пищевыхъ продуктовъ и сырья лишаетъ иностранца занятія и возможности прокормиться, то ввозъ фабрикатовъ въ нашу страну останавливаетъ въ одинаковой степени приростъ населенія и лишаетъ его работы. Если ввозъ пищевыхъ продуктовъ и сырья распространяетъ вліяніе нашей страны на цѣлый свѣтъ и даетъ намъ возможность войти въ торговыя сношенія со всѣми народами, то ввозъ фабрикатовъ ставитъ насъ въ зависимость отъ болѣе развитой въ фабрично-заводскомъ отношеніи страны, которая можетъ

тогда обходиться съ нами, какъ пожелаетъ, точно такъ-же, какъ это дѣлаетъ Англія съ Португаліей.

Однимъ словомъ исторія и статистика подтверждаютъ справедливость правила, формулированнаго министрами Георга I: что народы тѣмъ богаче и могущественнѣе, чѣмъ болѣе вывозятъ продуктовъ фабрично-заводской промышленности и ввозятъ пищевыхъ продуктовъ и сырья. Можно установить, какъ правило, что цѣлые народы погибли изъ-за того только, что вывозили пищевые продукты и сырье, а ввозили исключительно продукты фабрично-заводской промышленности.

Монтескье, который лучше чѣмъ кто либо до и послѣ него понималъ уроки, которые исторія человѣчества даетъ законодателямъ и государственнымъ людямъ, прекрасно сознавалъ эту истину, не взирая на то, что въ его время политическая экономія далеко не подвинулась такъ впередъ, чтобы ясно выразить основы этой истины.

Въ противность химерической системѣ физіократовъ, онъ доказывалъ, что Польша была-бы гораздо счастливѣе, если-бы совершенно отказалась отъ внѣшней торговли, т. е. если-бы создала у себя фабрично-заводскую промышленность, обработывала свое сырье и потребляла свои пищевые продукты.

Польша только благодаря развитію фабрично - заводской промышленности, при посредствѣ свободныхъ городовъ, могла-бы достичь сильной внутренней организаціи, имѣть національную промышленность, свободу и богатство, могла-бы сохранить свою независимость и поддерживать свой политическій перевѣсъ надъ сосѣдними менѣе развитыми народами. Вмѣсто того, чтобы ввозить издѣлія фабрично-заводской промышленности, она (какъ Англія въ то время, когда она находилась въ аналогичномъ положеніи) должна была-бы ввозить изъ-за границы капиталы и фабрикантовъ. Но дворянство ея предпочитало отпускать заграницу бѣдные плоды труда своихъ крѣпостныхъ и одѣваться въ болѣе дешевыя и красивыя заграничныя одежды. Теперь его потомство могло-бы отвѣтить на вопросъ: нужно-ли совѣтовать націи покупать иностранные фабрикаты въ то время, когда ея собственныя фабрики еще не достаточно окрѣпли для того, чтобы соперничать съ другими государствами въ цѣнѣ и качествѣ произведеній. Пусть дворянство другихъ націй вспомнитъ свое прошлое каждый разъ, когда ему придетъ въ голову возвратиться къ прежнему феодальному порядку;

пусть оно въ такомъ случаѣ обратитъ вниманіе на англійское дворянство, чтобы понять, какую цѣну для крупнаго земледѣлія представляетъ окрѣпшая фабрично-заводская промышленность, гражданская свобода и богатство городовъ.

Не углубляясь въ изслѣдованіе вопроса о томъ, были ли въ состояніи выборные короли Польши ввести торговую систему, подобную той, какую исподоволь установили наслѣдственные короли Англіи, позволимъ себѣ предположить, что они это выполнили; не ясно ли, что такая система принесла бы польской національности богатые плоды? Благодаря большимъ и промышленнымъ городамъ, королевство стало бы наслѣдственнымъ, дворянству удобнѣе было бы принять участіе въ законодательствѣ въ верхней палатѣ и освободить своихъ крѣпостныхъ; земледѣліе развилось бы такъ-же, какъ въ Англіи, польское дворянство было бы теперь богато и почетно, и Польша была бы достаточно могущественна, хотя можетъ быть и не въ такой степени, какъ Англія, для того, чтобы распространить свое вліяніе на отсталые народы востока. Лишенная фабрично-заводской промышленности, она распалась на части. Сама собой она не стала промышленной страной и не могла бы стать таковою, потому что ея силы были бы постоянно парализуемы опередившими ее въ развитіи націями. Безъ протекціонной системы и подъ вліяніемъ свободной торговли съ болѣе культурными народами, предположивъ, что она сохранила бы свою самостоятельность до нашихъ дней, она могла бы дойти лишь до захирѣвшаго земледѣлія, не стала бы богатой и могущественной, и не пріобрѣла бы никакого политическаго вліянія.

Тотъ фактъ, что фабрично-заводская промышленность превращаетъ въ производительные капиталы массу естественныхъ силъ и богатствъ, въ значительной степени объясняетъ, почему протекціонныя мѣры вліяютъ такъ могущественно на увеличеніе народнаго богатства. Проистекающее отсюда благосостояніе — вовсе не химера, каковою являются послѣдствія ограничительныхъ мѣръ, примѣненныхъ къ земледѣлію,—а чистая дѣйствительность. И по преимуществу земледѣльческій народъ, съ того времени, когда онъ обращается къ промышленности, вызываетъ къ жизни до тѣхъ поръ мертвыя силы и придаетъ цѣнность тѣмъ естественнымъ богатствамъ, которыя были совершенно обезцѣнены.

***

Давно извѣстно изъ наблюденій, что человѣкъ и даже животное совершенствуется физически и умственно посредствомъ скрещиванія расъ и мало по малу вырождается, благодаря постоянному совершенію браковъ въ тѣсномъ кругу семействъ, точно такъ-же какъ вырождается зерно, которымъ засѣваютъ одинъ и тотъ же участокъ земли.

Этотъ же законъ объясняетъ намъ, почему во многихъ, но малочисленныхъ дикихъ или полудикихъ племенахъ Азіи и Африки мужчины выбираютъ себѣ женъ изъ чужаго племени. Точно также прекраснымъ подтвержденіемъ этого закона, мнѣ кажется, служитъ опытъ олигарховъ въ маленькихъ муниципальныхъ республикахъ, гдѣ, совершая браки всегда между собою, они почти на глазахъ вымираютъ или вырождаются.

Нельзя отрицать, что отъ соединенія двухъ различныхъ расъ, почти безъ исключенія, потомство выходитъ крѣпкимъ и красивымъ; это замѣчаніе равно относится къ скрещиванію бѣлой и черной расъ въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи. Мнѣ кажется, что по той же причинѣ народы, происшедшіе отъ частаго, такъ сказать, освѣженія всей націи подобными скрещиваніями, превосходятъ другія націи силой ума и характера, крѣпостью и красотою тѣла *).

---

*) По свидѣтельству Шардена, Гебры — чистые потомки древнихъ персовъ— безобразны, некрасивы и мѣшковаты, какъ всѣ народы монгольскаго происхожденія, въ то время какъ высшіе классы персидскаго общества, которые уже нѣсколько столѣтій вступаютъ въ браки съ грузинками и черкешенками, отличаются силой и красотой. Докторъ Пригаръ замѣчаетъ, что чистые кельты сѣверной Шотландіи далеко уступаютъ по изяществу тѣла и силѣ жителямъ южной Шотландіи, потомкамъ кельтовъ и саксовъ. Палласъ замѣчаетъ то-же, говоря о потомкахъ, происшедшихъ отъ смѣшенія русскихъ съ татарами, сравнивая ихъ съ чистымъ потомствомъ обѣихъ народностей. Азара увѣряетъ, что дѣти, происходящіе отъ браковъ испанцевъ съ коренными жителями Парагвая, гораздо красивѣе и сильнѣе своей родни по восходящей линіи обоихъ народовъ. Польза отъ скрещиванія родовъ сказывается не только при смѣшеніи двухъ различныхъ народовъ, но и въ смѣшеніи племенъ одной и той же націи. Такъ, негры-креолы стоятъ гораздо выше и по уму и по кросотѣ тѣла, чѣмъ чистокровные негры, пріѣзжающіе въ Америку изъ Африки.

Если этотъ законъ есть законъ природы, то имъ объяснятся отчасти необыкновенная быстрота развитія городовъ въ средніе вѣка, сказавшаяся почти вслѣдъ за ихъ основаніемъ, а также энергія и сила американцевъ.

Отсюда, кажется, мы въ правѣ заключить, что люди вовсе не должны быть неизбѣжно такъ тяжелы на подъемъ, мѣшковаты и умственно лѣнивы, какъ тѣ, которые живутъ подъ режимомъ тяжелаго хлѣбопашества въ маленькихъ селахъ, гдѣ ограниченное число семей въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ заключало браки только между собою, гдѣ, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, не появлялось ни одного новатора, гдѣ никому не приходило въ голову измѣнить свои одежды, ввести новое орудіе обработки или воспитать въ себѣ новыя идеи; гдѣ верхъ искусства заключается не въ развитіи своихъ умственныхъ и физическихъ силъ для достиженія возможно большихъ благъ, а въ способности вынести какъ можно больше лишеній.

Этотъ порядокъ измѣнился въ пользу улучшенія человѣческаго рода въ цѣлой странѣ, благодаря развитію фабрично-заводской промышленности. Громадная часть прироста земледѣльческаго населенія обращается къ этой промышленности, и земледѣльцы различныхъ мѣстностей соединяются брачными узами между собою и съ фабричнымъ людомъ; такимъ образомъ моральная, интеллектуальная и физическая апатія населенія останавливается въ своемъ развитіи. Устанавливаемыя фабрично-заводскою промышленностію и проистекающею изъ нея торговлей сношенія между различными странами и мѣстностями вливаютъ новую кровь въ цѣлую націю, въ каждую общину и семью.

Фабрично-заводская промышленность оказываетъ не меньшее вліяніе на улучшеніе породы домашнихъ животныхъ. Вездѣ, гдѣ процвѣтали фабрики шерстяныхъ матерій, порода овецъ быстро и значительно улучшалась. Также землевладѣлецъ позаботится объ улучшеніи породы рогатаго скота тамъ, гдѣ масса лицъ, занятыхъ фабричнымъ производствомъ, требуетъ большаго количества хорошаго мяса. Настоятельный спросъ на чистокровныхъ лошадей непремѣнно вызоветъ заботы объ улучшеніи конской породы.

Выродившіяся въ селахъ, благодаря недостатку скрещиванія, породы домашнихъ животныхъ, бывшія совсѣмъ подъ стать своимъ глупымъ хозяевамъ, при такихъ условіяхъ исчезаютъ безслѣдно.

Производительныя силы народовъ уже многимъ обязаны ввозу иностранныхъ животныхъ, связанному съ улучшеніемъ мѣстныхъ породъ, но еще больше слѣдуетъ потратить трудовъ на это дѣло. Извѣстно, что шелковичные черви и все шелковое производство въ

Европѣ произошли изъ нѣсколькихъ яичекъ, привезенныхъ въ Константинополь въ царствованіе Константина греческими монахами изъ Китая, гдѣ вывозъ шелковичныхъ червей былъ строго воспрещенъ. Блистательной шерстяной мануфактурой Франція обязана ввозу тибетскихъ козъ. Приходится лишь пожалѣть о томъ, что при ввозѣ животныхъ изъ разныхъ странъ и при улучшеніи мѣстныхъ породъ имѣлось въ виду главнымъ образомъ удовлетвореніе потребностямъ роскоши, а не развитіе благосостоянія массы. Путешественники увѣряютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Азіи есть особая порода рогатаго скота, у которой необыкновенная сила соединяется съ быстротою бѣга, такъ что она съ успѣхомъ могла бы замѣнить лошадь для ѣзды и работы. Какую бы громадную пользу имѣли мелкіе землевладѣльцы, если бы это животное было ввезено въ Европу! Во сколько разъ увеличилась бы масса продовольствія, производительныя силы и вообще благосостояніе рабочаго класса!

Улучшенія и натурализація растительнаго царства въ странѣ увеличиваетъ гораздо болѣе производительныя силы народа, чѣмъ улучшеніе и натурализація животныхъ. Разница, при сравненіи примитивныхъ растеній въ томъ видѣ, какъ онѣ являются на лонѣ природы, съ тѣми ихъ видами, которые прошли культуру, бросается въ глаза. Какъ мало хлѣбныя зерна, плоды, овощи и маслянистыя растенія первоначальнаго вида походятъ какъ по внѣшности, такъ и по качеству на виды ихъ, облагороженные культурою! Сколько они доставляли источниковъ для питанія, сколько удобствъ, сколько случаевъ полезному примѣненію производотва ихъ! Картофель, рѣпа, искусственные луга, обработанные съ помощью удобренія и земледѣльческихъ орудій удесятирили результаты хлѣбопашества сравнительно съ тѣми, которые получаютъ еще теперь азіатскіе народы.

Наука уже много поработала надъ изысканіемъ новыхъ растеній и надъ улучшеніемъ ихъ, но, въ интересахъ экономіи, правительства посвятили до сихъ поръ этому дѣлу далеко не столько вниманія, сколько оно заслуживаетъ. Еще не такъ давно, говорятъ, открыли въ Сѣв. Америкѣ особый сортъ травы, которая можетъ дать на наихудшей почвѣ гораздо большій доходъ, чѣмъ лучшія, до сихъ поръ извѣстныя, кормовыя травы на самой хорошей. Очень можетъ быть, что въ Америкѣ, Африкѣ, Азіи и Австраліи существуетъ масса

неизвѣстныхъ еще наукѣ травъ, которыя, переложенныя и улучшенныя на европейской почвѣ, могли бы принести громадную пользу благосостоянію жителей умѣреннаго пояса.

Очевидно, что всѣ старанія улучшить и натурализовать различные виды растительнаго царства и царства животныхъ, всѣ открытія въ этомъ направленіи, а также всѣ другіе успѣхи и изобрѣтенія клонятся главнымъ образомъ къ пользѣ государствъ умѣреннаго климата вообще и промышленныхъ странъ въ частности.

ГЛАВА XIX.

Фабрично-заводская промышленность и инструментальныя силы или матеріальные капиталы страны.

Нація черпаетъ свою производительную энергію изъ умственныхъ и физическихъ силъ отдѣльныхъ лицъ, или изъ соціальнаго положенія и учрежденій гражданскихъ и политическихъ, или изъ находящихся въ ихъ распоряженіи естественныхъ богатствъ, или, наконецъ, изъ тѣхъ орудій, которыми они располагаютъ, и которыя являются сами по себѣ вещественными результатами предыдущихъ умственныхъ и физическихъ усилій, т. е. матеріальнымъ капиталомъ земледѣльческимъ, мануфактурнымъ и коммерческимъ.

Въ двухъ предыдущихъ главахъ мы трактовали о вліяніи фабрично-заводской промышленности на три первые источника производительныхъ силъ страны; настоящая же глава и слѣдующая посвящены вліянію этихъ источниковъ на производительныя силы.

То, что мы разумѣемъ подъ терминомъ *инструментальная сила*, школа называетъ *капиталомъ*.

Совершенно безразлично, какимъ словомъ обозначается извѣстный предметъ, но при научномъ изложеніи необходимо, чтобъ избранный терминъ означалъ всегда одно и тоже понятіе, ни больше, ни меньше.

Всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о разныхъ видахъ одного и того же предмета, различеніе является необходимымъ. Такъ, школа

подъ словомъ „*капиталъ*“ разумѣетъ не только матеріальныя, но умственныя и соціальныя средства производства. Такимъ образомъ очевидно, что вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ о капиталѣ, необходимо нужно присовокуплять, о какомъ капиталѣ говорится: о матеріальномъ капиталѣ, матеріальныхъ орудіяхъ производства, или объ умственномъ капиталѣ, нравственныхъ и физическихъ силахъ, будутъ ли онѣ личными или будутъ почерпаться отдѣльными лицами изъ соціальнаго, гражданскаго или политическаго положенія. Пренебреженіе этимъ различіемъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно должно имѣть мѣсто, необходимо приведетъ или къ ложному выводу, или послужитъ прикрытію неправильной системы доказательствъ. Впрочемъ, такъ какъ мы задались цѣлію не столько выработать новую терминологію, сколько указать на тѣ ошибки, которыя произошли отъ ея неудовлетворительности, то и мы сохранимъ терминъ *капиталъ*, но строго будемъ различать понятія капиталовъ: умственнаго и матеріальнаго, матеріальнаго земледѣльческаго, промышленнаго и коммерческаго, частнаго и національнаго.

Адамъ Смитъ, съ помощію неопредѣленнаго термина *капиталъ*, приводитъ противъ протекціонной системы слѣдующее доказательство, которое до сихъ поръ удерживается всѣми его учениками:

„Страна дѣйствительно можетъ, при помощи такихъ (таможенныхъ) мѣропріятій, развить ту или другую отрасль мануфактурной промышленности скорѣе, нежели безъ этихъ мѣропріятій, и чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени, эта отрасль будетъ производиться въ странѣ также дешево и даже дешевле, чѣмъ за-границею. Но если національная промышленность, благодаря этимъ мѣропріятіямъ, и могла бы раньше вступить на тотъ путь, на который она безъ ихъ помощи вступила бы позднѣе, то отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы промышленность во всемъ ея объемѣ или доходы общества могли увеличиваться благодаря такимъ мѣропріятіямъ. *Промышленность общества можетъ увеличиваться лишь по мѣрѣ увеличенія его капитала, а этотъ капиталъ можетъ увеличиваться только по мѣрѣ постепенныхъ сбереженій доходовъ общества.* Но такъ какъ непосредственнымъ результатомъ протекціонной системы является уменьшеніе общественныхъ сбереженій, то несомнѣнно, что то, что уменьшаетъ сбереженія общества, безъ сомнѣнія не можетъ увеличить его капитала быстрѣе того, какъ бы онъ уве-

личился самъ по себѣ, если бы оставили капиталъ и промышленность искать ихъ естественное назначеніе" *).

Въ подтвержденіе этого соображенія основатель школы приводитъ уже знакомый намъ изъ предыдущей главы примѣръ—на сколько было бы безсмысленно, если бы Шотландія вздумала заниматься винодѣліемъ.

Въ той же главѣ онъ говоритъ, что *ежегодный доходъ* общества есть ничто иное какъ *мѣновая цѣнность* того, что въ теченіе года производитъ національная промышленность.

Этотъ аргументъ является главнымъ доказательствомъ школы противъ протекціонной системы. Къ этому школа присовокупляетъ, что, благодаря протекціоннымъ мѣрамъ, фабрики и заводы могутъ достичь цвѣтущаго положенія и могутъ по дешевизнѣ производства сравняться съ заграничными и даже превзойти ихъ; но она утверждаетъ, что непосредственнымъ результатомъ этихъ мѣропріятій является уменьшеніе доходовъ общества (мѣновой цѣнности тѣхъ предметовъ, которые ежегодно производитъ національная промышленность). Такимъ образомъ общество будто бы ослабляетъ свою способность къ пріобрѣтенію капиталовъ, такъ какъ капиталъ образуютъ сбереженія, которыя нація дѣлаетъ изъ своихъ ежегодныхъ доходовъ; но развитіе національной промышленности обусловливается будто бы количествомъ *капиталовъ* и можетъ увеличиваться соразмѣрно съ послѣдними. Итакъ, общество, благодаря этимъ мѣрамъ, ослабляетъ свои промышленныя силы, развивая промышленность, которая возникла бы естественнымъ путемъ, если бы она была предоставлена собственнымъ своимъ силамъ.

Прежде всего противъ такихъ разсужденій нужно замѣтить, что Адамъ Смитъ принимаетъ здѣсь слово *капиталъ* въ томъ же значеніи, въ какомъ его обыкновенно принимаютъ рантье и купцы при веденіи своихъ книгъ и подведеніи балансовъ, т. е. въ значеніи общей суммы изъ мѣновыхъ цѣнностей въ противоположность получающимся съ этихъ цѣнностей доходамъ. Онъ забылъ, что онъ самъ въ своемъ опредѣленіи капитала разумѣетъ подъ этимъ терминомъ умственныя и физическія способности производителей.

Онъ ошибочно утверждаетъ, что доходы націи обусловливаются

*) Богатство народовъ. Кн. IV, гл. II.

исключительно суммою ея матеріальныхъ капиталовъ; однако въ его собственномъ сочиненіи имѣется масса доказательствъ того, что эти доходы обусловливаются главнымъ образомъ ея умственными и физическими силами и ея соціальнымъ и политическимъ прогрессомъ (въ особенности же полнымъ раздѣленіемъ труда и ассоціаціею національныхъ производительныхъ силъ) и что, если протекціонныя мѣры вызываютъ временную потерю матеріальныхъ богатствъ, то эта потеря во сто кратъ вознаграждается производительными силами и способностію къ пріобрѣтенію мѣновыхъ цѣнностей; слѣдовательно эта потеря является лишь воспроизводительною затратою націи.

Онъ забываетъ, что способность цѣлой націи къ извлеченію матеріальныхъ капиталовъ заключается главнымъ образомъ въ искусствѣ превращать остающіяся непроизводительными естественныя силы въ матеріальные капиталы и въ цѣнныя и производительныя орудія, и что у націи чисто земледѣльческой покоится непроизводительно и въ бездѣйствіи масса естественныхъ силъ, которымъ можетъ сообщить жизнь лишь фабрично-заводская промышленность. Онъ не обращаетъ вниманія на вліяніе фабрично-заводской промышленности на внѣшнюю и внутреннюю торговлю, на цивилизацію и могущество націи и на поддержаніе ея независимости, а равно какъ и на вытекающую отсюда способность къ пріобрѣтенію матеріальныхъ богатствъ.

Не принимаетъ онъ также во вниманіе напримѣръ то, какую массу капиталовъ англичане получили благодаря своимъ колоніямъ. (Мартинъ исчисляетъ всю сумму свыше $2^1/_2$ милліард. фун. ст.) Онъ, который въ одномъ мѣстѣ съ такою ясностію доказываетъ, что капиталы, употребленные на международную торговлю, не должны быть разсматриваемы какъ собственность націи въ частности до тѣхъ поръ, пока они не будутъ такъ сказать, вложены въ родную землю, совершенно упускаетъ изъ виду, что такое помѣщеніе капиталовъ можетъ имѣть мѣсто только при помощи покровительства, оказываемаго туземнымъ фабрикамъ и заводамъ. Онъ не принимаетъ въ соображеніе того, что находящаяся на высокой степени развитія при помощи покровительства фабрично-заводская промышленность является приманкою, привлекающею въ эту страну иноземные капиталы, какъ умственные, такъ и матеріальные.

Онъ ошибочно утверждаетъ, что фабрично-заводская промыш-

ленность поднялась бы сама собою, естественнымъ путемъ, тогда какъ правительство каждой страны проявляетъ здѣсь свое вмѣшательство, искусственно измѣняя направленіе этого естественнаго пути въ частныхъ интересахъ этой промышленности.

Этотъ аргументъ, покоящійся на двусмысленности, и потому совершенно ложный въ основаніи, онъ подкрѣпляетъ не менѣе ложнымъ примѣромъ, говоря, что желаніе создать промышленность искусственнымъ путемъ было бы такъ-же безсмысленно, какъ желаніе такимъ же образомъ производить вино въ Шотландіи.

Процессъ образованія капиталовъ въ націи онъ приписываетъ операціямъ рантье, доходы котораго стоятъ въ зависимости отъ цѣнности его матеріальныхъ капиталовъ, и который не можетъ увеличить послѣдніе иначе, какъ прибавивъ къ нимъ свои сбереженія.

Говоря это, онъ не соображаетъ, что теорія сбереженій, годная для какой нибудь купеческой конторы, примѣненная въ странѣ, привела бы націю къ бѣдности, варварству, немощи и распаденію.

Тамъ, гдѣ всякій, ради сбереженій, лишаетъ себя всего насколько это возможно, тамъ не можетъ быть стимула къ производству. Тамъ, гдѣ всякій стремится къ накопленію мѣновыхъ цѣнностей, необходимая для производства умственная сила исчезаетъ. Состоящая изъ такихъ сумасшедшихъ скупцовъ нація отказалась бы отъ защиты отечества, чтобы только избѣжать издержекъ войны; и когда все ея состояніе сдѣлалось бы добычею непріятеля, тогда только она поняла бы, что національныя богатства пріобрѣтаются совсѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ богатства рантье.

Самъ рантье, какъ глава семьи, долженъ слѣдовать совсѣмъ иной теоріи, чѣмъ конторская теорія матеріальныхъ мѣновыхъ цѣнностей, которую я только что изложилъ. Онъ долженъ—и это самое меньшее—истратить на образованіе своихъ наслѣдниковъ то количество мѣновыхъ цѣнностей, какое необходимо для подготовки ихъ къ управленію оставляемой имъ собственностію.

Образованіе національныхъ капиталовъ происходитъ вовсе не посредствомъ только сбереженій, какъ это бываетъ у рантье, а посредствомъ вообще взаимодѣйствія производительныхъ силъ между умственнымъ и матеріальнымъ національнымъ капиталомъ и между капиталами земледѣльческимъ, мануфактурнымъ и коммерческимъ.

Увеличеніе матеріальныхъ капиталовъ націи зависитъ отъ увеличенія ея умственнаго капитала и обратно.

Созданіе матеріальныхъ земледѣльческихъ капиталовъ стоитъ въ зависимости отъ созданія матеріальныхъ капиталовъ фабрично-заводской промышленности и обратно.

Матеріальные коммерческіе капиталы являются вездѣ, такъ сказать, посредниками между этими двумя капиталами, или въ качествѣ ихъ помощниковъ.

Въ примитивномъ состояніи человѣка, въ его охотничьей и пастушеской жизни, природа снабжаетъ его почти всѣмъ необходимымъ, и капиталъ не играетъ почти никакой роли. Внѣшняя торговля увеличиваетъ капиталъ, но, вызывая употребленіе огнестрѣльнаго оружія, пороха и свинца, она совершенно уничтожаетъ производительность природы. Теорія сбереженій не была-бы годна для охотника; при этой теоріи ему пришлось-бы или погибнуть, или быть пастухомъ.

Въ пастушеской жизни матеріальный капиталъ выростаетъ быстро, но пропорціонально количеству корма для скота, который можетъ дать природа. Но увеличеніе населенія слѣдуетъ непосредственно за увеличеніемъ скота и средствъ продовольствія. Съ одной стороны скотъ и пажити распредѣляются на все болѣе мелкія части, а съ другой внѣшняя торговля усиливаетъ потребленіе. Проповѣдывать теорію сбереженій народу, занимающемуся скотоводствомъ, было-бы совершенно безполезно; онъ долженъ былъ-бы или жить въ нищетѣ, или перейти къ земледѣлію.

Земледѣльческому народу, благодаря употребленію въ дѣло массы мертвыхъ силъ природы, открывается широкое, хотя конечно ограниченное поле дѣятельности.

Земледѣлецъ можетъ получить пищевые продукты для собственнаго потребленія и сверхъ того можетъ улучшать производительность своихъ полей и увеличивать стада. Но вездѣ увеличеніе пищевыхъ продуктовъ сопровождается непремѣннымъ приростомъ населенія. Матеріальные капиталы, особенно земля и скотъ, по мѣрѣ увеличенія плодородности перваго и численности втораго, распредѣляются между большимъ количествомъ населенія. Но такъ какъ земельная площадь не можетъ быть увеличена трудомъ, и данный участокъ земли не можетъ обработываться такъ, какъ того требуетъ его особенность, благодаря недостатку путей сообщенія, которые, какъ мы это видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ, за отсутствіемъ торговыхъ сношеній всегда въ дурномъ состояніи;

и такъ какъ народъ чисто земледѣльческій въ большинствѣ случаевъ нуждается въ тѣхъ орудіяхъ производства, въ тѣхъ знаніяхъ, стимулахъ, энергіи и соціальномъ развитіи, которыми награждаетъ общество фабрично-заводская промышленность и проистекающая изъ нея торговля,—то народъ чисто земледѣльческій скоро доходитъ до того положенія, когда увеличеніе матеріально-земледѣльческаго капитала уже не въ состояніи итти наравнѣ съ приростомъ населенія и, слѣдовательно, когда бѣдность населенія растетъ день отъ дня, хотя коллективный національный капиталъ не перестаетъ увеличиваться. При такомъ порядкѣ вещей, самая продуктивная сила націи—*человѣкъ*, будучи не въ состояніи вести въ странѣ маломальски сносное существованіе, переселяется за границу. И странѣ вовсе неутѣшительно то, что школа разсматриваетъ человѣка какъ коллективный капиталъ, такъ какъ выселеніе жителей за границу повлечетъ за собою не притокъ, а непроизводительную убыль вещественныхъ цѣнностей въ видѣ движимости, денегъ и т. п.

Понятно, что при томъ порядкѣ вещей, когда раздѣленіе національнаго труда недостаточно развито, ни трудъ, ни сбереженія не могутъ увеличить матеріальнаго капитала или матеріально обогатить населеніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что земледѣльческая страна рѣдко не ведетъ внѣшней торговли, а внѣшняя торговля, въ отношеніи увеличенія капитала, до извѣстной степени замѣняетъ туземную фабрично-заводскую промышленность, завязывая отношенія между чужеземными мануфактуристами и туземными земледѣльцами. Но эти сношенія далеко недостаточны, во первыхъ потому, что относятся только до спеціальныхъ продуктовъ и не простираются далѣе морскаго берега и судоходныхъ рѣкъ; во вторыхъ потому, что они во всякомъ случаѣ неправильны и часто прекращаются и войной, и колебаніями торговли, и таможенными пошлинами и, наконецъ, обильными урожаями или значительнымъ ввозомъ изъ другой страны.

Матеріальный капиталъ земледѣльца увеличивается быстро, правильно и безконечно только тогда, когда въ земледѣльческой странѣ возникаетъ во всеоружіи фабрично-заводская промышленность.

Самая большая часть матеріальнаго капитала націи вложена въ землю. Въ каждой странѣ цѣнность земельной собственности, сельской и городской недвижимости, мастерскихъ, фабрикъ, водяныхъ сооруженій, копей и т. д. составляетъ отъ *двухъ третей и*

до девяти десятыхъ всѣхъ національныхъ богатствъ; значитъ въ принципѣ надо предположить, что все то, что увеличиваетъ или уменьшаетъ цѣнность земельной собственности, также увеличиваетъ или уменьшаетъ силу матеріальныхъ капиталовъ націи. Такимъ образомъ мы видимъ, что цѣнность различныхъ земельныхъ участковъ одинаково плодородныхъ, несравненно больше въ сосѣдствѣ города, чѣмъ въ отдаленной мѣстности, вблизи большаго города, чѣмъ маленькаго, и въ странѣ съ развитой фабрично-заводской промышленностью, чѣмъ въ странѣ земледѣльческой.

Съ другой стороны мы замѣчаемъ, что цѣнность жилыхъ зданій или фабрикъ, а также пустопорожнихъ мѣстъ въ городѣ, годныхъ подъ постройки, падаетъ или поднимается вообще въ зависимости отъ расширенія или сокращенія сношеній города съ деревней или отъ матеріальнаго благосостоянія или бѣдности земледѣльческаго населенія. Слѣдовательно, увеличеніе земледѣльческаго капитала зависитъ отъ увеличенія мануфактурнаго и обратно.

Но при переходѣ отъ состоянія чисто земледѣльческаго къ состоянію фабрично-заводской промышленности это обоюдное вліяніе оказывается гораздо сильнѣе со стороны фабрично-заводской промышленности, чѣмъ со стороны земледѣлія; ибо такъ-же, какъ при переходѣ отъ охотничьяго промысла къ скотоводству ростъ капитала происходитъ главнымъ образомъ отъ быстраго увеличенія стадъ скота и при переходѣ отъ скотоводства къ земледѣлію зависитъ главнымъ образомъ отъ быстраго пріобрѣтенія новыхъ плодородныхъ земель и излишка пищевыхъ продуктовъ; точно такъ-же при переходѣ отъ чистаго земледѣльческаго хозяйства къ фабрично-заводской промышленности матеріальный капиталъ увеличивается, благодаря употребленнымъ въ дѣло цѣнностямъ и силамъ, такъ какъ значительное количество естественныхъ и умственныхъ силъ, до тѣхъ поръ бывшихъ безполезными, обращены такимъ образомъ въ матеріальные и интеллектуальные капиталы. Созданная въ странѣ фабрично-заводская промышленность, вовсе не мѣшающая матеріальнымъ сбереженіямъ, даетъ возможность націи выгодно помѣщать сбереженія отъ земледѣлія и является даже стимуломъ къ такимъ сбереженіямъ. Въ законодательныхъ собраніяхъ Сѣверной Америки часто было говорено о томъ, что хлѣбъ, благодаря отсутствію сбыта, гніетъ на корню, такъ какъ не стоитъ издержекъ, сопряженныхъ съ жатвою. Говорятъ, что

Венгрію, такъ сказать, преслѣдуютъ обильные урожаи, между тѣмъ какъ продукты фабрично-заводской промышленности стоятъ тамъ въ три или четыре раза дороже, чѣмъ въ Англіи. Сама Германія въ своемъ прошломъ можетъ отыскать подобный примѣръ. Значитъ излишекъ сельскихъ произведеній въ странахъ чисто земледѣльческихъ еще не составляетъ матеріальнаго капитала; и только съ помощію фабрично-заводской промышленности, собранный въ магазинахъ, онъ становится коммерческимъ капиталомъ, а съ помощію продажи фабрично-заводскому населенію становится капиталомъ мануфактурнымъ.

То, что въ рукахъ земледѣльцевъ было бы безполезнымъ запасомъ, становится производительнымъ капиталомъ въ рукахъ фабрикантовъ и заводчиковъ и наоборотъ.

Производство рождаетъ потребленіе, а потребленіе возбуждаетъ производство.

Страна чисто земледѣльческая въ отношеніи потребленія зависитъ отъ положенія другихъ странъ, и если это положеніе ей неблагопріятно, то вызванное потребленіемъ производство уничтожается. Но у націи, обладающей на своей территоріи и фабрично-заводскою промышленностію и земледѣліемъ, взаимодѣйствіе между производствомъ и потребленіемъ не перестаетъ существовать, и такимъ образомъ возрастаніе производства происходитъ съ обѣихъ сторонъ, какъ и увеличеніе капиталовъ.

Въ націи земледѣльческой и одновременно мануфактурной, гораздо болѣе богатой, по вышеизложеннымъ причинамъ, вещественными капиталами, чѣмъ нація чисто земледѣльческая, бросается въ глаза то, что проценты за пользованіе капиталомъ невелики, предприниматели могутъ имѣть въ своемъ распоряженіи болѣе значительные капиталы и на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Отсюда—преимущество въ борьбѣ съ новыми фабриками земледѣльческой націи, отсюда—постоянный наплывъ издѣлій изъ мануфактурной страны въ земледѣльческую, отсюда—постоянная задолженность земледѣльческой націи мануфактурнымъ и постоянное колебаніе на ея рынкахъ цѣнъ на пищевые продукты, фабрикаты и денежной валюты, которое останавливаетъ накопленіе вещественныхъ капиталовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приноситъ вредъ ея нравственному развитію и внутренней экономіи.

Школа различаетъ капиталъ основной отъ оборотнаго и, какъ

это ни странно, разумѣетъ подъ первымъ множество предметовъ, находящихся въ обращеніи, не дѣлая изъ этого различія никакого практическаго примѣненія. Она умалчиваетъ о единственномъ случаѣ, гдѣ это различіе могло бы быть полезнымъ. Такъ вещественный капиталъ, какъ и умственный, въ большей части связанъ съ земледѣліемъ, или съ фабрично-заводской промышленностью, или съ торговлею, или съ какой либо отраслью одной изъ этихъ трехъ промышленностей, часто же онъ прикрѣпленъ просто къ извѣстнымъ мѣстностямъ.

Безъ сомнѣнія срубленныя фруктовыя деревья имѣютъ совсѣмъ иную цѣнность для фабриканта, выдѣлывающаго изъ нихъ деревянныя издѣлія, чѣмъ для земледѣльца, который собираетъ съ нихъ плоды. Масса убитыхъ овецъ, какъ это часто встрѣчается въ Германіи и Сѣверной Америкѣ, уже не имѣютъ той цѣнности, какою обладаютъ овцы, какъ источники добычи шерсти. Виноградники имѣютъ свою цѣну, но если ихъ превратить въ пашни, то они ее потеряютъ. Деревянныя суда, какъ средство перевозки, имѣютъ гораздо большую цѣнность, чѣмъ какъ лѣсной строительный или горючій матеріалъ. Къ чему служили бы фабрики, водяная сила, машины, если бы ниточное производство погибло? Точно также, люди обыкновенно бываютъ въ потерѣ отъ перемѣщеній большей части ихъ производительныхъ силъ, насколько послѣднія состоятъ изъ пріобрѣтенныхъ опыта, привычекъ и талантовъ. Школа всѣмъ этимъ предметамъ и качествамъ даетъ общее названіе капитала и, въ силу этой терминологіи, переноситъ ихъ по своему усмотрѣнію изъ одной отрасли труда въ другую. Такъ Сэй совѣтуетъ англичанамъ посвятить земледѣлію капиталъ, вложенный въ фабрично-заводскую промышленность. Онъ не объяснилъ, какимъ образомъ могло бы совершиться подобное чудо, но и до сихъ поръ эта тайна была неизвѣстна государственнымъ людямъ Англіи.

Очевидно Сэй смѣшалъ здѣсь понятія частнаго и національнаго капиталовъ. Одинъ фабрикантъ или торговецъ можетъ изъять свои капиталы изъ фабрично-заводскаго дѣла или торговли, продавши фабрики или корабли и купивъ за вырученную отсюда сумму земельную собственность; но цѣлый народъ не можетъ совершить подобнй операціи, не потерявъ значительной части своихъ вещественныхъ и интеллектуальныхъ капиталовъ. Причина, по

которой школа затемнила то, что было такъ ясно, очень проста. Стоитъ назвать вещи ихъ настоящими именами, и тогда будетъ совершенно понятно, что перемѣщеніе производительныхъ силъ изъ одной отрасли труда въ другую вызываетъ затрудненія, которыя, далеко не поддерживая свободы торговли, часто даютъ основанія въ пользу протекціонной системы.

ГЛАВА XX.

Фабрично-заводская промышленность и земледѣльческіе интересы.

Если бы мѣропріятія въ духѣ протекціонизма, для поддержанія туземной фабрично-заводской промышленности, клонились къ ущербу потребителей мануфактурныхъ издѣлій и единственно къ обогащенію фабрикантовъ и заводчиковъ, то этотъ ущербъ отразился бы преимущественно на интересахъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ—многочисленнаго класса потребителей этихъ издѣлій. Но можно доказать, что возникновеніе фабрично-заводской промышленности является для этого самаго класса болѣе выгоднымъ, нежели для самихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, такъ какъ фабрики и заводы создаютъ спросъ на болѣе разнообразные сельскіе продукты и на большее количество ихъ, увеличивая ихъ мѣновую цѣнность и позволяя сельскимъ хозяевамъ извлекать больше пользы изъ ихъ земли и труда земледѣльца. Результатомъ этого является повышеніе земельной ренты, доходности и заработной платы, а увеличеніе ренты и капиталовъ вызываетъ увеличеніе мѣновой цѣнности земли и труда. Мѣновая цѣнность земельной собственности есть ничто иное, какъ капитализація земельной ренты; она обусловливается съ одной стороны количествомъ и цѣнностью ренты, съ другой же вообще количествомъ умственныхъ и матеріальныхъ капиталовъ, которыми располагаетъ нація.

Каждое индивидуальное и соціальное усовершенствованіе, всякое развитіе производительеыхъ силъ страны вообще, но особенно возникновеніе фабрично-заводской промышленности увеличиваютъ ренту въ количественномъ отношеніи, между тѣмъ какъ она въ долевомъ отношеніи уменьшается. Въ земледѣльческой странѣ, мало

образованной и мало населенной, напримѣръ въ Польшѣ, рента достигаетъ половины или третьей части валоваго дохода; въ странѣ же образованной, населенной и богатой, какъ напримѣръ, въ Англіи, она достигаетъ только четвертой или пятой части. При всемъ томъ итогъ самой малой части безконечно значительнѣе, чѣмъ итогъ указанной большей части, въ особенности въ деньгахъ и еще болѣе въ фабрично-заводскихъ издѣліяхъ, потому что пятая часть 25 четвериковъ образуетъ въ Англіи средній валовой доходъ съ пшеницы, составляющій 5 четвериковъ, а *третья* часть 9 четвериковъ образуетъ средній валовой доходъ пшеницы въ Польшѣ и составляетъ только 3 четверика; потому даже эти 5 четвериковъ въ Англіи стоятъ въ среднемъ 25—30 шиллинговъ *), а указанные 3 четверика въ Польшѣ самое большее стоятъ 8—9 шиллинговъ; потому, наконецъ, что фабрично-заводскія издѣлія въ Англіи самое меньшее вдвое дешевле, чѣмъ въ Польшѣ, а слѣдовательно англійскій землевладѣлецъ можетъ на свои 30 шиллинговъ земельной ренты купить 10 аршинъ сукна, между тѣмъ какъ польскій на свои 10 шиллинговъ земельной ренты купитъ только 2 аршина, а отсюда слѣдуетъ, что англійскій землевладѣлецъ при $^1/_5$ части валоваго дохода втрое лучше поставленъ въ качествѣ собственника, пользующагося рентою, и въ 5 разъ лучше какъ потребитель фабрично-заводскихъ издѣлій, чѣмъ польскій землевладѣлецъ при $^1/_3$ части валоваго дохода. Что касается фермеровъ и рабочихъ-землевладѣльцевъ, то ихъ положеніе гораздо лучше въ Англіи, чѣмъ въ Польшѣ, даже какъ потребителей фабрично-заводскихъ издѣлій. Дѣйствительно, при сборѣ въ 25 четвериковъ въ Англіи остается 20 четвериковъ на сѣмена, обработку, заработную плату и чистый доходъ; слѣдовательно, если взять на эти два послѣдніе элемента половину, или 10 четвериковъ, то средняя стоимость этой половины будетъ равняться 60 шиллингамъ или 20 аршинамъ сукна (по 3 шилл. аршинъ); между тѣмъ въ Польшѣ, при сборѣ въ 9 четвериковъ, только 6 четвериковъ идетъ на сѣмена, обработку, заработную плату и чистый доходъ, и если взять на чистый доходъ и заработную плату также половину, или 3 четверика, то средняя стоимость этой части будетъ равняться 10—12 шиллингамъ или $2^1/_2$ аршинамъ сукна.

*) Шиллингъ=1 франку 25 сант.=$31^1/_4$ коп.

Рента является главнымъ средствомъ для помѣщенія вещественныхъ капиталовъ. Ея цѣнность регулируется, слѣдовательно, массой находящихся въ странѣ капиталовъ и отношеніемъ предложенія къ спросу. Избытокъ капиталовъ, которые соединяетъ внѣшняя и внутренняя торговля въ странѣ мануфактурной, низкій процентъ на свободный капиталъ и то обстоятельство, что, въ націи мануфактурной и коммерческой, большое число лицъ обогащается, отыскивая постоянно способы помѣщенія своего избытка отъ вещественнаго капитала въ сельское хозяйство, поднимая въ такой странѣ цѣну того-же количества земельной ренты несравненно выше, чѣмъ въ странѣ исключительно земледѣльческой. Въ Польшѣ земельная рента цѣнится въ 10—20 разъ, а въ Англіи въ 30—40 разъ выше ея суммы.

Насколько денежная цѣнность земельной ренты въ мануфактурной и коммерческой странѣ выше, чѣмъ въ земледѣльческой, настолько и денежная цѣнность земель выше въ первой, чѣмъ во второй. Въ Англіи при одинаковой естественной плодородности цѣнность земель въ 10—20 разъ выше, чѣмъ въ Польшѣ.

Уже Ад. Смитъ въ концѣ 9-й главы своей книги указываетъ на вліяніе фабрично-заводской промышленности на ренту, а слѣдовательно на мѣновую цѣнность земли, но лишь вскользь и не достаточно освѣщая громадное значеніе фабрично-заводской промышленности въ этомъ отношеніи. Онъ различаетъ тамъ тѣ причины, которыя оказываютъ *прямое* вліяніе на увеличеніе ренты, каково, напримѣръ, улучшеніе земельныхъ участковъ, увеличеніе скота какъ по количеству, такъ и по мѣновой цѣнности, — отъ тѣхъ, которыя оказываютъ на эту ренту *косвенное* вліяніе, куда онъ относитъ фабрично-заводскую промышленность. Такимъ образомъ *фабрично-заводская промышленность*, которая является *основной причиной увеличенія ренты*, такъ-же какъ и земельной цѣнности, поставлена имъ на задній планъ, такъ что она едва замѣтна, между тѣмъ какъ улучшеніе земельныхъ участковъ и увеличеніе скота, которыя въ большинствѣ случаевъ вызываются фабрично-заводскою промышленностію и возникающею отсюда торговлей, имъ предпочитаются или по крайней мѣрѣ имъ прот ивопоставляются, какъ главныя причины. Ад. Смитъ и его ученики далеко не поняли ближайшимъ образомъ зваченія фабричнозаводской промышленности въ этомъ отношеніи.

Мы уже замѣтили, что подъ вліяніемъ фабрично-заводской промышленности и связанной съ нею торговли, при одинаковой естественной плодородности, цѣнность англійскихъ земель въ 10 или 20 разъ выше цѣнности польскихъ. Если мы теперь сравнимъ общій итогъ фабрично-заводскаго производства и капитала Англіи съ общимъ итогомъ ея производства и капитала, то найдемъ, что наибольшая часть богатства націи заключается главнымъ образомъ въ цѣнности ея земельной собственности.

Макъ Кэнъ рисуетъ слѣдующую картину національнаго богатства и доходовъ Англіи:

I. Національный капиталъ.

	ФУНТ. СТЕРЛ.	
1) Капиталъ, вложенный въ земледѣліе, земельныя пространства, рудники и рыбные промыслы .	2.604.000.000	
Оборотный капиталъ въ скотоводствѣ, орудіяхъ производства, въ запасахъ продуктовъ и деньгахъ	655.000.000	
Движимость земледѣльцевъ	52.000.000	
		3.311.000.000
Итого	3.311.000.000	
2) Капиталъ въ фабрикахъ или заводахъ и въ торговлѣ, мануфактуры и внутренняя торговля мануфактурными издѣліями	178.500.000	
Торговля колоніальными товарами	11.000.000	
Внѣшняя торговля мануфактурными издѣліями .	16.500.000	
	206.000.000	
Приростъ съ 1835 года, въ которомъ былъ произведенъ этотъ расчетъ	12.000.000	
		218.000.000
	218.000.000	
Затѣмъ въ городскихъ зданіяхъ всякаго рода и въ фабричныхъ зданіяхъ.	605.000.000	
Въ кораблихъ	33.500.000	
Въ мостахъ, каналахъ и желѣзныхъ дорогахъ .	118.000.000	
Въ лошадяхъ, не находящихся въ земледѣльческой работѣ	20.000.000	
		776.500.000
	776.500.000	
Общая сумма національнаго капитала, за исключеніемъ капиталовъ въ колоніяхъ, внѣшнихъ займахъ и государственныхъ долгахъ		4.305.500.000

II. Валовой національный доходъ.

	фунт. стерл.
1) Сельское хозяйство, рудники и рыбные промыслы	589 000,000
2) Фабрично-заводская промышленность	259.500.000
Итогъ	898.500.000

Изъ этого обзора видно:

1) Что цѣнность всѣхъ земель, находящихся подъ земледѣльческой обработкой, составляетъ 26/45 всего англійскаго національнаго капитала и приблизительно въ 12 разъ больше цѣнности общей суммы капиталовъ, находящихся въ фабрично-заводской промышленности и торговлѣ.

2) Что общая сумма находящихся въ земледѣліи капиталовъ составляетъ болѣе 3/4 англійскаго національнаго капитала.

3) Что цѣнность общей суммы недвижимой собственности Англіи, а именно:

Земельные участки и т. д.	2.604.000.000	фунт. стерл.
Строенія городскія и фабрично-заводскія зданія	605.000.000	„ „
Каналы и желѣзныя дороги	118.000.000	„ „
Итого . . .	3.327.000.000	фунт. стерл.

составляютъ болѣе 3/4 того-же капитала.

4) Что фабрично-заводскій и торговый капиталы, съ включеніемъ кораблей, не превышаютъ въ цѣломъ 241 милл. 500 тыс., слѣдовательно составляютъ приблизительно только 1/18 англійскаго національнаго богатства.

5) Что общая сумма англійскаго земледѣльческаго капитала, составляющаго 3.311.000.000, даетъ валовой доходъ въ 539.000.000, что приблизительно составляетъ 16%, между тѣмъ какъ фабрично-заводскій и торговый капиталъ, равный 218 милліонамъ, даетъ ежегодный валовой доходъ въ 259 милл. 500 тыс., т. е. приноситъ 120%.

Нужно прежде всего обратить вниманіе на то, что фабрично-заводскій капиталъ въ 218 милліоновъ, съ ежегоднымъ доходомъ въ 259½ милл., является главной причиной того, что англійскій земледѣльческій капиталъ могъ достигнуть невѣроятной цифры въ

3.311 милл., съ ежегоднымъ доходомъ въ суммѣ 539 милл. Далѣе, большая часть земледѣльческаго капитала выражается въ цѣнности земельныхъ пространствъ и скота.

Фабрично-заводская промышленность, удвоивши и утроивши населеніе страны, доставила средства для огромной внѣшней торговли, для пріобрѣтенія и эксплоатаціи массы колоній и для огромнаго торговаго флота, увеличила въ той-же пропорціи спросъ на пищевые продукты и сырье, обезпечила за земледѣльцами охоту и средства къ удовлетворенію увеличившагося спроса, возвысила мѣновую цѣнность ихъ продуктовъ и оказала также вліяніе на пропорціональное увеличиваніе количества и мѣновой цѣнности земельной ренты, а слѣдовательно и на цѣнность земли. Уничтожьте эти 218 милл. фабрично-заводскаго и торговаго капитала и вы увидите исчезнувшими не только 259½ милл. получаемаго отсюда дохода, но и наибольшую часть 3.311 милл. земледѣльческаго капитала, а слѣдовательно и 539 милл., которые дастъ этотъ послѣдній капиталъ.

Англійская національная мануфактурная промышленность не только уменьшится на 259½ милл. (сумма ея фабрично-заводскаго производства), но мѣновая цѣнность земли дойдетъ до той ступени, на какой она находится въ Польшѣ, т. е. опустится до 1/10 или 1/20 части ея теперешней стоимости.

Отсюда слѣдуетъ, что весь капиталъ, помѣщенный земледѣльческою націею въ фабрично-заводскую промышленность въ десять разъ возвышаетъ цѣнность земли. Опытъ и статистика всюду подтверждаютъ это заключеніе. Мы видѣли, что съ возникновеніемъ фабрично-заводской промышленности всюду быстро возвышается цѣнность земель и скота. Сравните эту цѣнность во Франціи (1789 и 1840), въ Сѣверной Америкѣ (1820 и 1830) или въ Германіи (1830 и 1840), т. е. цѣнность земли и скота при слабомъ и высокомъ развитіи фабрично-заводской промышленности, и вы всюду найдете подтвержденіе нашего вывода.

Причина этого явленія лежитъ въ увеличеніи національныхъ производительныхъ силъ, которое само зависитъ отъ раціональнаго раздѣленія труда и отъ болѣе энергической ассоціаціи національныхъ силъ, а также отъ лучшаго употребленія умственныхъ и естественныхъ силъ, которыми располагаетъ страна и, наконецъ, отъ внѣшней торговли.

Здѣсь имѣютъ мѣсто тѣ-же самыя причины и слѣдствія, какія

были нами отмѣчены при улучшеніи путей сообщенія, которые не только сами по себѣ даютъ доходъ и такимъ образомъ даютъ возможность погашать затраченные на нихъ капиталы, но кромѣ того въ высшей степени содѣйствуютъ преуспѣянію фабрично-заводской промышленности и земледѣлія, и тѣмъ самымъ съ теченіемъ времени возвышаютъ цѣнность сосѣдней земельной собственности вдесятеро сравнительно съ тѣми вещественными капиталами, которые на нихъ затрачены. Земледѣлецъ въ сравненіи съ предпринимателемъ, затрачивающимъ капиталъ на подобныя предпріятія, имѣетъ то преимущество, что удесятеренный доходъ на его капиталъ во всякомъ случаѣ обезпеченъ, и что онъ реализуетъ этотъ доходъ безъ всякой со своей стороны жертвы, между тѣмъ какъ предприниматель рискуетъ всѣмъ своимъ капиталомъ. Въ такомъ-же точно выгодномъ положеніи находится земледѣлецъ и сравнительно съ предпринимателями, затрачивающими капиталы на устройство новыхъ фабрикъ.

Но если такъ значительно это вліяніе фабрично-заводской промышленности на земледѣльческое производство, земельную ренту, и цѣнность земельной собственности, если это вліяніе оказывается столь выгоднымъ для всѣхъ заинтересованныхъ въ земледѣліи, то какъ-же можно утверждать, что протекціонныя ввозныя пошлины оказываютъ покровительство фабрично-заводской промышленности за счетъ земледѣльцевъ?

Матеріальное благосостояніе замледѣльцевъ, какъ и всѣхъ частныхъ лицъ обусловливается главнымъ образомъ избыткомъ ихъ производства сравнительно съ потребленіемъ. Такимъ образомъ для него имѣютъ менѣе значенія дешевыя цѣны на фабрично-заводскія издѣлія, нежели существованіе большаго спроса на разнообразные продукты земледѣлія и ихъ высокая мѣновая цѣнность. Итакъ, если результатомъ протекціонныхъ ввозныхъ пошлинъ является то, что земледѣлецъ выигрываетъ отъ расширенія рынковъ сбыта гораздо болѣе, нежели теряетъ отъ повышенія цѣнъ на необходимыя для него мануфактурныя издѣлія, то не можетъ быть и рѣчи о жертвѣ съ его стороны въ пользу фабрикантовъ. Этотъ результатъ получается у всѣхъ націй, призванныхъ къ развитію собственной фабрично-заводской промышленности и съ особенною ясностію проявляется у нихъ уже въ первомъ періодѣ возникновенія промышленности, такъ какъ въ это время большинство капиталовъ,

вложенныхъ въ новыя промышленныя предпріятія, употребляется на постройку жилыхъ помѣщеній, фабричныхъ зданій, водяныхъ сооруженій и т. д.—затраты, которыя по большей части выгодны для земледѣльцевъ. Но если уже съ самаго начала выгоды, проистекающія отъ увеличенія сбыта и возвышенія цѣнъ на продукты, широко возмѣщаютъ ущербы отъ возвышенія цѣнъ на фабричныя издѣлія, то такой порядокъ вещей, уже самъ по себѣ благопріятный для сельскихъ хозяевъ, все болѣе и болѣе долженъ развиваться въ ихъ пользу, такъ какъ съ теченіемъ времени процвѣтаніе фабричнаго производства все болѣе и болѣе вліяетъ на возвышеніе цѣнъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и на пониженіе фабрично-заводскихъ издѣлій.

Затѣмъ, благосостояніе земледѣльца и въ частности землевладѣльца зависитъ отъ того, чтобы цѣнность находящагося въ его распоряженіи средства, а именно его земельной собственности, по меньшей мѣрѣ оставалась въ одномъ и томъ же положеніи. И это является главнѣйшимъ условіемъ не только его благосостоянія, но часто и всего его экономическаго существованія. Такъ не рѣдко случается, что годовое производство земледѣльца превышаетъ его потребленіе, и тѣмъ не менѣе онъ раззоряется. Это бываетъ въ томъ случаѣ, если его земельная собственность обременена долгами, а кредитъ пошатнулся, если съ одной стороны спросъ денегъ превышаетъ предложеніе, а съ другой — предложеніе земель на продажу превышаетъ спросъ на нихъ. Въ такихъ случаяхъ является общее востребованіе уплатъ по денежнымъ ссудамъ и общее предложеніе земель на продажу, что влечетъ за собою обезцѣненіе земельной собственности, и громадное число самыхъ предпріимчивыхъ, способныхъ и бережливыхъ сельскихъ хозяевъ раззоряется,— не потому, чтобы ихъ потребленіе превышало ихъ производство, но потому, что и орудіе производства, т. е. земельная собственность, по не завасящимъ отъ ихъ воли обстоятельствамъ, потеряла въ ихъ рукахъ значительную часть своей цѣнности; потому затѣмъ, что ихъ кредитъ пошатнулся, и потому, наконецъ, что сумма лежащихъ на ихъ земельной собственности долговъ не находится болѣе въ соотвѣтствіи съ денежною цѣнностію ихъ имущества, которая упала вслѣдствіе общаго обезцѣненія земельной собственности. Подобные кризисы въ Германіи и Сѣверной Америкѣ случались не одинъ разъ въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія, и такимъ

образомъ большая часть нѣмецкаго дворянства теряла свое имущество и свои имѣнія, не сознавая того, что этимъ раззореніемъ оно обязано политикѣ своихъ англійскихъ собратовъ—этимъ задавшимся прекрасными цѣлями торіямъ.

Совершенно иное положеніе земледѣльца или землевладѣльца въ странѣ, гдѣ развивается свободно фабрично-заводская промышленность. Въ такой странѣ, въ то время какъ плодородіе земли возростаетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ цѣнности ея продуктовъ, онъ пользуется выгодой не только отъ излишка цѣнности его производства, превышающаго его потребленіе какъ собственника, но и отъ того, что капиталъ его возрастаетъ пропорціонально росту земельной ренты. Его имущество удвоивается и утроивается въ мѣновыхъ цѣнностяхъ, и этимъ онъ обязанъ не тому, что онъ болѣе трудится, улучшаетъ производительность полей и становится болѣе бережливымъ, а возникновенію фабрично-заводской промышленности. При этихъ условіяхъ у него являются и средства и желаніе удвоить усилія, улучшить производительность своихъ полей, умножить разведеніе скота, быть болѣе бережливымъ, потребляя между тѣмъ гораздо болѣе, чѣмъ прежде. Разъ цѣнность его имѣнія возростаетъ, то увеличивается его кредитъ, а вмѣстѣ съ нимъ и способность пріобрѣтенія вещественныхъ капиталовъ, необходимыхъ для сельскохозяйственныхъ улучшеній.

Смитъ обходитъ молчаніемъ это вліяніе, которое испытываетъ мѣновая цѣнность земли. Что касается Сэя, то онъ полагаетъ, что вопросъ о мѣновой цѣнности земель не важенъ, такъ какъ на ихъ производительность не вліяетъ повышеніе или паденіе ихъ цѣны. Печально слышать, когда писатель, котораго нѣмецкіе переводчики называютъ учителемъ народа, высказываетъ столь ошибочное въ основаніи своемъ мнѣніе въ вопросѣ столь глубоко интересномъ для народнаго благосостоянія. Мы, напротивъ, настаиваемъ на томъ, что лучшимъ и наиважнѣйшимъ мѣриломъ національнаго благосостоянія является именно повышеніе или пониженіе мѣновой цѣнности земли, и что всякія колебанія и кризисы въ этомъ вопросѣ должны быть причислены къ самымъ печальнымъ язвамъ, которыя только могутъ обременять страну *).

*) Русское землевладѣніе показало на опытѣ, что цѣнность земельной собственности дѣйствительно увеличивается или уменьшается, смотря по тому, увеличивается или уменьшается народное благосостояніе. *Прим. К. В. Тр—ва*

Школа, благодаря своей привязанности къ теоріи свободы торговли—свободы въ томъ смыслѣ, въ какомъ ей хотѣлось это понимать, была введена въ этомъ вопросѣ въ заблужденіе, потому что нигдѣ колебанія мѣновой цѣнности земли и кризисы не бываютъ сильнѣе, чѣмъ у народовъ земледѣльческихъ, которые ведутъ свободную торговлю съ богатыми и могущественными мануфактурными націями.

Внѣшняя торговля также, правда, вліяетъ на увеличеніе ренты и цѣнности земли, но это вліяніе безконечно слабѣе, менѣе однообразно и менѣе постоянно, чѣмъ вліяніе, которое имѣютъ на увеличеніе ренты и цѣнности земли фабрично-заводская промышленность страны, постоянное увеличеніе ея производства и мѣна ея издѣлій на продукты туземнаго земледѣлія.

Внѣшняя торговля могущественно вліяетъ на возвышеніе ренты, а также и на цѣнность земли, пока нація обладаетъ еще на обширныхъ пространствахъ необработанными или слабо обработанными землями, пока она производитъ необходимые предметы оптоваго торга, которые мануфактурными націями болѣе ея богатыми принимаются въ обмѣнъ за мануфактурныя издѣлія, если только эти предметы не представляютъ затрудненія при перевозкѣ, пока существуетъ на эти предметы продолжительный спросъ, пока этотъ спросъ способенъ увеличиваться пропорціонально возрастанію производительныхъ силъ земледѣльческой націи и пока онъ не прерывается ни войной, ни иностранными торговыми ограничительными мѣрами. Но разъ не достаетъ одного изъ этихъ условій, или какое либо изъ нихъ прекращается, указанное вліяніе внѣшней торговли или пріостанавливается или даже часто вызываетъ значительное и продолжительное ретроградное движеніе.

Особенно вредно отзывается въ этомъ отношеніи колебаніе заграничнаго спроса, въ томъ случаѣ, когда, вслѣдствіе войны, неурожая, недостатка въ заграничномъ привозѣ или вслѣдствіе другихъ подобныхъ обстоятельствъ у мануфактурной націи является потребность въ большомъ количествѣ пищевыхъ продуктовъ и сырья вообще, или въ иныхъ предметахъ оптоваго торга въ частности, и когда, затѣмъ, вслѣдствіе заключенія мира, хорошаго урожая, увеличившагося ввоза изъ другихъ странъ, или вслѣдствіе законодательныхъ мѣръ этотъ спросъ въ значительной степени снова прекращается. Если это вліяніе продолжается только корот-

кое время, то земледѣльческая страна можетъ извлечь изъ этого нѣкоторую пользу; но если оно продолжается въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ или въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, то оно начинаетъ регулировать всѣ отношенія земледѣльческой націи и веденіе частныхъ хозяйствъ. Производитель привыкаетъ къ потребленію, и тѣ удовольствія, которыя при другихъ обстоятельствахъ онъ оттолкнулъ-бы какъ роскошь, становятся для него настоятельною потребностью. Увеличеніе дохода и цѣнности его земельной собственности позволяютъ ему приступить къ улучшенію обработки земель, предпринимать постройки и дѣлать пріобрѣтенія, чего онъ безъ этого никогда бы не сдѣлалъ. Покупки и продажи, арендные догоры и займы заключаются имъ пропорціонально увеличенію земельной ренты и цѣнности земли. И само государство не остановится предувеличеніемъ въ расходахъ пропорціонально увеличенію благосостоянія частныхъ лицъ. Но если такой спросъ внезапно прекращается, то это нарушаетъ равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, между упавшею въ цѣнѣ недвижимою собственностью и долговыми обязательствами, залогомъ которыхъ она является и сумма которыхъ не уменьшается, между денежною арендною платою и денежною доходностію земли, между государственными доходами и расходами, а результатами всего этого являются банкротства, затрудненія, упадокъ энергіи и нація начинаетъ отставать въ экономическомъ, равно какъ въ нравственномъ и политическомъ развитіи. Такимъ образомъ земледѣльческое благосостояніе, какъ организмъ подъ вліяніемъ опіума и крѣпкихъ напитковъ, возбужается лишь на одинъ моментъ и ослабляется на цѣлую жизнь—это Франклинова молнія, блестяще освѣщающая предметы на мгновеніе съ тѣмъ, чтобы потомъ погрузить ихъ въ непроглядную тьму ночи.

Преходящее благосостояніе земледѣлія—зло гораздо худшее, чѣмъ неизмѣнная и постоянная бѣдность. Для того, чтобы благосостояніе стало дѣйствительнымъ счастіемъ для отдѣльныхъ лицъ и націй, оно должно быть продолжительнымъ. Но оно будетъ продолжительнымъ только тогда, когда создается шагъ за шагомъ и когда въ самой странѣ заключается гарантія этого роста и этой продолжительности. Низкая мѣновая цѣнность несравненно лучше, чѣмъ ея колебанія; и только прогрессивное и постоянное повышеніе этой цѣнности обезпечиваетъ странѣ продолжительность благосостоянія, а гарантія прочнаго и постояннаго роста для націй

развитыхъ заключается въ созданіи собственной фабрично-заводской промышленности.

Какъ мало еще распространены истинныя воззрѣнія на вліяніе туземной фабрично-заводской промышленности на ренту и на цѣнность земли сравнительно съ вліяніемъ на то и другое внѣшней торговли, съ особенною ясностію можно видѣть изъ того, что собственники виноградниковъ во Франціи все еще считаютъ себя обиженными протекціонной системой, и въ надеждѣ на повышеніе своей ренты, требуютъ возможно большей свободы торговли съ Англіею.

Отчетъ доктора Беринга о торговыхъ сношеніяхъ Англіи и Франціи, имѣющій предметомъ разъясненіе выгодъ, которыя могла бы извлечь Франція отъ увеличенія ввоза англійскихъ фабричныхъ издѣлій и возникающаго отсюда увеличенія вывоза французскихъ винъ, заключаетъ въ себѣ самыя убѣдительныя данныя противъ аргументаціи автора.

Чтобы показать, насколько можетъ увеличиться отпускъ французскихъ винъ въ Англію при свободѣ торговли, д-ръ Берингъ сравниваетъ ввозъ французскихъ винъ въ Нидерланды (2.515.193 галлона 1829) съ ежегоднымъ ввозомъ изъ Англіи (431.509 гал.).

Но предположимъ, хотя это болѣе, чѣмъ невѣроятно, что отпускъ французскихъ винъ не встрѣчаетъ въ Англіи препятствій въ укоренившемся тамъ пристрастіи къ спиртнымъ напиткамъ, портеру и крѣпкимъ и дешевымъ винамъ Португаліи, Испаніи, Сициліи, Тенерифа, Мадеры и мыса Доброй Надежды; предположимъ, что Англія увеличитъ потребленіе французскихъ винъ въ томъ же размѣрѣ, какъ и Нидерланды, въ такомъ случаѣ, конечно, потребленіе французскихъ винъ, соотвѣтственно населенію, могло бы достигнуть 5 или 6 милліоновъ галлоновъ, т. е. могло бы превысить обычное потребленіе въ десять—пятнадцать разъ, и на поверхностный взглядъ это принесло бы Франціи и французскимъ виноделамъ огромные выгоды.

Но если взглянуть на дѣло глубже, то результатъ будетъ совсѣмъ другой. При возможнѣйшей свободѣ торговли—не говоримъ при полной, хотя принципъ и аргументація доктора Беринга это и допускаетъ—едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что англичане завоевали бы большую часть французскаго мануфактурнаго рынка въ пользу своихъ фабричныхъ издѣлій (въ особенности что

касается шерстянаго, хлопчатобумажнаго, льнянаго, желѣзнаго и фарфороваго производствъ). По самому умѣренному расчету можно допустить, что при сокращеніи французской фабрично-заводской промышленности населеніе городовъ уменьшилось бы на милліонъ и что на милліонъ меньше людей занято было бы въ деревняхъ для поставки въ города пищевыхъ продуктовъ и сырья. Докторъ Берингъ въ настоящее время самъ высчитываетъ потребленіе сельскаго населенія во Франціи въ $16^1/_2$ галлоновъ на душу, а для городскихъ жителей вдвое—по 33 голл. на душу. Поэтому вызванное свободою торговли уменьшеніе фабрично-заводской промышленности въ странѣ имѣло бы результатомъ сокращеніе внутренняго потребленія вина на 50.000.000 галлоновъ, между тѣмъ какъ вывозъ увеличился бы лишь на 5—6 милліоновъ. Тяжело отозвалась бы на французскихъ винодѣлахъ операція, благодаря которой потеря на спросѣ страны была бы вдесятеро чувствительнѣе, чѣмъ проблематичный выигрышъ на спросѣ заграничномъ.

Однимъ словомъ, что въ данномъ случаѣ испытывается на винѣ, то же самое будетъ и съ мясомъ, хлѣбомъ и вообще пищевыми продуктами и съ сырьемъ; въ большой странѣ, призванной къ развитію собственной фабрично-заводской промышленности, фабричное производство создаетъ въ десять—двадцать разъ большій спросъ на земледѣльческіе продукты умѣреннаго пояса и слѣдовательно въ десять—двадцать разъ сильнѣе вліяетъ на возвышеніе ренты и мѣновую цѣнность земельныхъ участковъ, нежели самый цвѣтущій вывозъ этихъ самыхъ продуктовъ. Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ въ этомъ случаѣ является высота ренты и мѣновой цѣнности земельныхъ участковъ вблизи большихъ городовъ въ сравненіи съ положеніемъ того и другого въ отдаленныхъ провинціяхъ, хотя бы послѣднія и были связаны со столицею путями сообщенія и торговыми сношеніями.

Теорія ренты можетъ быть разсматриваема или съ точки зрѣнія цѣнностей, или съ точки зрѣнія *производительныхъ силъ;* затѣмъ ее можно разсматривать и со стороны частныхъ интересовъ, напримѣръ, со стороны отношеній между землевладѣльцами, арендаторами и рабочими, или главнымъ образомъ, со стороны отношеній общественныхъ и національныхъ. Школа подходила къ этой теоріи большею частію только съ точки зрѣнія частной экономіи. Насколько намъ извѣстно, она, напримѣръ, нигдѣ не выясняетъ, какимъ обра-

зомъ тѣмъ съ большею выгодою расходуется земельная рента, чѣмъ ближе она къ мѣсту производства, какимъ-же однако образомъ въ разныхъ государствахъ рента обыкновенно расходуется тамъ, гдѣ живетъ глава государства, напримѣръ, въ абсолютныхъ монархіяхъ въ столицахъ, удаленныхъ отъ того мѣста, откуда она получается, а слѣдовательно съ наименьшею выгодою для земледѣлія, для общеполезныхъ промысловъ и для развитія умственныхъ силъ страны. Тамъ, гдѣ дворянство, владѣющее поземельною собственностію, не пользуется никакими правами, ни политическимъ вліяніемъ, кромѣ права служить при дворѣ и занимать какую либо должность, и гдѣ всѣ общественныя силы сконцентрированы въ столицѣ, тамъ въ средѣ земельныхъ собственниковъ сказывается стремленіе къ этому центру, такъ какъ нигдѣ иначе они не въ состояніи удовлетворить своему самолюбію и съ удовольствіемъ прожить доходы съ своихъ земель; а чѣмъ большее число ихъ привыкло жить въ столицѣ, тѣмъ менѣе замѣчается общественности въ провинціальной жизни и тѣмъ менѣе она даетъ прихотливыхъ удовольствій для души и тѣла, а чѣмъ болѣе провинція отталкиваетъ дворянство, тѣмъ болѣе его влечетъ столица. Такимъ образомъ провинція теряетъ почти всѣ тѣ средства прогресса, которыя доставляетъ ей расходованіе земельной ренты; въ частности—тѣ фабрики и умственныя силы, которыя поддерживаются рентою,—отнимаются столицею. Эта послѣдняя достигаетъ, безъ сомнѣнія, блеска, такъ какъ она соединяетъ въ себѣ всѣ таланты и большую часть производства для удовлетворенія требованій роскоши. Провинція же лишается тѣхъ умственныхъ силъ, матеріальныхъ средствъ и въ частности тѣхъ промысловъ, которые наталкиваютъ землевладѣльца на сельскохозяйственныя улучшенія и даютъ возможность осуществить ихъ. Этимъ большею частію объясняется, почему во Франціи, главнымъ образомъ при неограниченной монархіи, рядомъ съ столицею, которая превосходила и умственными силами и блескомъ всѣ города европейскаго континента, земледѣліе дѣлало лишь слабые успѣхи и въ провинціи сказывался недостатокъ въ умственномъ развитіи и въ обще-полезныхъ отрасляхъ промышленности. Но по мѣрѣ того, какъ дворянство, владѣющее земельною собственностію, пріобрѣтаетъ независимость по отношенію ко двору и вліяніе на законодательство и администрацію, по мѣрѣ того, какъ представительная система и административная организація распространяютъ на города

и провинцію право самоуправленія и участія въ законодательствѣ и въ администраціи страны, по мѣрѣ того, какъ такимъ образомъ является возможность заслужить уваженіе и получить вліяніе въ провинціи и благодаря провинціи; тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ дворянство и образованный зажиточный средній классъ остаются на тѣхъ мѣстахъ, откуда они извлекаютъ доходы, и расходованіе земельной ренты оказываетъ вліяніе на развитіе умственныхъ силъ и соціальный строй, на успѣхи сельскаго хозяйства и на развитіе въ провинціи отраслей промышленности, полезныхъ для большинства.

Подтвержденіемъ этого взгляда можетъ служить экономическое положеніе Англіи. Англійскій землевладѣлецъ живетъ большею частію года въ своихъ имѣніяхъ, различнымъ образомъ способствуетъ развитію сельскаго хозяйства: непосредственно тѣмъ, что, живя въ имѣніи, удѣляетъ извѣстную часть своего дохода или на улучшеніе культуры своихъ собственныхъ земель, или на улучшеніе культуры земельныхъ участковъ своихъ арендаторовъ; посредственно тѣмъ, что своимъ потребленіемъ онъ поддерживаетъ фабрики, находящіяся въ его сосѣдствѣ и мѣстную умственную работу. Этимъ далѣе можно отчасти объяснить, почему въ Германіи и Швейцаріи, не смотря на недостатокъ большихъ городовъ, широко развитыхъ путей сообщенія и національныхъ установленій, сельское хозяйство и вообщее культура находятся на лучшей степени развитія, чѣмъ во Франціи.

Однако Адамъ Смитъ и его школа въ этомъ вопросѣ впали въ самую крупную ошибку, на которую мы уже указывали, но которую здѣсь необходимо разъяснить подробнѣе. А именно, Адамъ Смитъ недостаточно ясно понялъ и недостачно разъяснилъ вліяніе фабрично-заводской промышленности на увеличеніе ренты, мѣновой цѣнности земли и сельскохозяйственнаго капитала и не выяснилъ его въ полномъ объемѣ, онъ напротивъ поставилъ значеніе земледѣлія выше фабрично-заводской промышленности, такъ что выходитъ, какъ будто земледѣліе несравненно важнѣе для страны, какъ будто проистекающее отсюда благосостояніе гораздо устойчивѣе, чѣмъ фабрично-заводская промышленность и благосостояніе, зависящее отъ послѣдней. Въ этомъ случаѣ Смитъ является лишь продолжателемъ физіократовъ, хотя и съ нѣкоторымъ измѣненіемъ ихъ ошибочныхъ воззрѣній. Очевидно онъ былъ вве-

денъ въ заблужденіе—какъ мы показали на основаніи статистическихъ данныхъ относительно Англіи — тѣмъ обстоятельствомъ, что въ странѣ, богатой фабриками и заводами вещественный земледѣльческій капиталъ въ десять—двадцать разъ значительнѣе фабрично-заводскаго, и тѣмъ, что ежегодное земледѣльческое производство по цѣнности значительно превосходитъ общій капиталъ *фабрично-заводской промышленности*. Очень можетъ быть, что тотъ же самый фактъ привелъ и школу физіократовъ къ преувеличенію значенія земледѣлія сравнительно съ фабрично-заводскою промышленностію. Поверхностное изученіе дѣйствительно даетъ поводъ думать, что земледѣліе создаетъ въ девять разъ болѣе богатствъ, а потому въ десять разъ болѣе заслуживаетъ вниманія и вдесятеро важнѣе, чѣмъ фабрично-заводская промышленность. Но это только такъ кажется. Если мы будемъ доискиваться причинъ земледѣльческаго благосостоянія, то найдемъ, что важнѣйшая изъ нихъ обусловливается фабрично-заводскою промышленностію. Это тѣ 218 милліоновъ фунт. стерл. фабрично-заводскаго капитала, который большею частію создалъ земледѣльческій капиталъ въ 3.311 милліоновъ. Въ данномъ случаѣ онъ дѣйствовалъ совершенно такъ же, какъ пути сообщенія: такъ же, какъ издержки по проведенію канала, которыя возвышаютъ цѣнность расположенныхъ въ его районѣ земель. Положимъ, что каналъ перестаетъ служить средствомъ сообщенія, а воду его будутъ употреблять на орошеніе луговъ, то есть на кажущееся увеличеніе земледѣльческаго капитала, земельной ренты и т. д., положимъ даже, что вслѣдствіе этого цѣнность луговъ возрастетъ на нѣсколько милліоновъ, всетаки это полезное повидимому для земледѣлія измѣненіе вдесятеро уменьшитъ общую цѣнность лежащихъ въ раіонѣ канала земель.

Съ этой точки зрѣнія то обстоятельство, что фабрично-заводскій капиталъ страны сравнительно гораздо меньше земледѣльческаго, приводитъ къ совсѣмъ инымъ заключеніямъ чѣмъ тѣ, которыя сдѣлала господствующая и предшествующая ей школа. Выходитъ, что поддержаніе и увеличеніе фабрично-заводской промышленности для самихъ земледѣльцевъ тѣмъ важнѣе, что сравнительно съ земледѣліемъ эта промышленность требуетъ гораздо меньшаго основнаго и оборотнаго капиталовъ. Поэтому для земледѣльцевъ, и въ особенности для пользующихся земельною рентою и для помѣщиковъ, должно быть ясно, что они въ собственныхъ своихъ ин-

тересахъ должны создавать и поддерживать въ странѣ фабрично-заводскую промышленность, хотя бы, ассигновавъ на это дѣло необходимый капиталъ, они и не получили никакой прямой выгоды, точно такъ же въ ихъ собственныхъ интересахъ они должны заботиться о проведеніи каналовъ, о постройкѣ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, хотя бы опять таки и отъ этихъ сооруженій они не получали прямаго дохода. Справедливость нашего воззрѣнія будетъ внѣ всякаго сомнѣнія, если мы обратимъ вниманіе на особенно необходимыя и полезныя для земледѣлія производства, каково напр. мукомольное. Сравните цѣнность земельной собственности и ренты въ мѣстности, гдѣ земледѣльцы не имѣютъ по близости мельницъ, съ цѣнностію земли въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется на лицо мукомольное производство, и вы должны будете признать, что уже одно это производство оказываетъ сильное вліяніе на то и другое, что тамъ при одинаковой естественной плодородности общая стоимость земельной собственности не только вдвое, но даже въ десять—двадцать разъ болѣе выигрываетъ въ цѣнѣ сравнительно съ затратами на устройство мельницъ, и что землевладѣльцы получили бы выгоды отъ устройства мельницы даже въ такомъ случаѣ, если бы, построивши ее на общія средства, они подарили ее мельнику. Это дѣйствительно сплошь и рядомъ бываетъ въ Сѣверной Америкѣ: тамъ, когда у отдѣльнаго лица не хватаетъ необходимаго капитала для окончанія на свои средства такихъ работъ, ближайшій землевладѣлецъ охотно приходитъ на помощь, доставляя рабочія руки, лошадей, строевой лѣсъ и т. д. То же самое наблюдалось и въ странахъ древней культуры, хотя и въ нѣсколько иной формѣ; въ этомъ безъ сомнѣнія нужно искать причину происхожденія многихъ привиллегій на помѣщичьи мельницы.

Все, что сказано о мукомольномъ производствѣ, вполнѣ приложимо и къ лѣснопиленнымъ заводамъ, маслобойнямъ, кирпичнымъ заводамъ, такъ же какъ и къ кузнечному производству: всюду легко доказать, что рента и цѣнность земли постоянно возвышаются пропорціонально близости земель къ этимъ заводамъ и пропорціонально тому, насколько находятся эти заводы въ близкомъ или отдаленномъ взаимодѣйствіи съ земледѣліемъ.

Почему-же не могло быть того-же самаго съ мануфактурными производствами шерстянымъ, льнянымъ, пеньковымъ, бумажнымъ и

хлопчато-бумажнымъ, почему не могло-бы быть того-же самаго и вообще со всѣми фабрично-заводскими производствами? Не видимъ-ли мы, что рента и цѣнность земли вездѣ увеличивается пропорціонально близости земельной собственности къ городу,, пропорціонально населенности послѣдняго и развитію въ немъ фабрично-заводской промышленности. Если мы въ этихъ незначительныхъ округахъ вычислили съ одной стороны стоимость земельной собственности и вложеннаго въ нее капитала, съ другой—цѣнность капитала, вложеннаго на устройство фабрикъ и заводовъ, то, сравнивъ то и другое, найдемъ, что вездѣ первый капиталъ по меньшей мѣрѣ въ десять разъ значительнѣе втораго. Безразсудно было-бы заключать изъ этого, что для націи гораздо выгоднѣе помѣщать свои матеріальные капиталы въ земледѣліе, чѣмъ въ фабрично-заводскую промышленность, и что земледѣліе само по себѣ гораздо болѣе благопріятно и для увеличенія капиталовъ, чѣмъ фабрично-заводская промышленность. Ростъ матеріальнаго земледѣльческаго капитала обусловливается ростомъ матеріальнаго фабрично-заводскаго капитала, и націи, не признающія этой истины, какъ-бы ни были у нихъ благопріятны естественныя условія для развитія земледѣлія, не только не будутъ итти впередъ, но отстанутъ въ пріобрѣтеніи богатствъ, въ увеличеніи населенія, въ развитіи цивилизаціи и могущества.

Между тѣмъ нерѣдко, какъ мы видимъ, землевладѣльцы считаютъ мѣропріятія, клонящіяся къ развитію фабрично-заводской промышленности въ странѣ, за привиллегіи, которыя служатъ къ обогащенію только фабрикантовъ и бремя которыхъ приходится выносить исключительно имъ. Они, которые на первыхъ ступеняхъ развитія такъ хорошо понимаютъ значительныя выгоды, которыя они получатъ отъ возникновенія по близости производствъ: мукомольнаго, лѣсопильнаго и кузнечнаго, что не останавливаются предъ большими жертвами для ихъ созданія, при дальнѣйшемъ развитіи культуры перестаютъ понимать, какія громадныя выгоды все земледѣліе страны извлекаетъ изъ туземной и вполнѣ развитой фабрично-заводской промышленности и насколько выгодно для нихъ самихъ рѣшиться на извѣстныя жертвы, безъ которыхъ эта цѣль не можетъ быть достигнута. Это происходитъ отъ того, что только въ немногихъ и очень развитыхъ странахъ землевладѣльцы бываютъ способны къ широкой оцѣнкѣ своего положенія, большею-же частію они способны понимать лишь ближайшія свои выгоды.

Не нужно только забывать, что господствующая теорія съ своей стороны въ значительной степени способствовала развитію въ средѣ землевладѣльцевъ неправильнаго взгляда на этотъ вопросъ. Смитъ и Сэй позаботились съ одной стороны представить эгоистичнымъ стремленіемъ фабрикантовъ къ установленію протекціонныхъ мѣръ, съ другой стороны превознести благородство и безкорыстіе землевладѣльцевъ, которые далеки были отъ того, чтобы требовать такихъ-же мѣръ въ свою пользу. Подумаешь, что вниманіе землевладѣльцевъ было такимъ образомъ направлено къ этой добродѣтели безкорыстія, которое ставили имъ въ такую заслугу, и что они были побуждаемы отказаться отъ этого безкорыстія.

Такъ въ большинствѣ значительнѣйшихъ мануфактурныхъ странъ они не менѣе фабрикантовъ въ послѣдніе время просили и достигали примѣненія протекціонныхъ мѣръ, хотя (какъ мы это уже указывали прежде) и съ огромнымъ для себя вредомъ. Прежде, когда землевладѣльцы приносили жертвы для насажденія въ странѣ фабрично-заводской промышленности, они поступали такъ-же, какъ поступаетъ земледѣлецъ въ пустынной мѣстности, жертвуя своими средствами для устройства по близости мельницы или кузницы. Если тѣмъ не менѣе нынѣ землевладѣльцы требуютъ покровительства для земледѣлія, то это похоже на то, какъ если бы земледѣлецъ, о которомъ мы сейчасъ упоминали, помогавшій построить мельницу, сталъ просить мельника помочь ему въ обработкѣ его поля. Безспорно такая просьба не имѣла бы смысла. Земледѣліе можетъ процвѣтать, рента и цѣнность земли увеличиваться лишь пропорціонально преуспѣянію фабрично-заводской промышленности и торговли, а мануфактуры не могутъ процвѣтать тамъ, гдѣ затрудненъ привозъ сырья и пищевыхъ продуктовъ. Это вездѣ прекрасно понимали фабриканты и заводчики. Если, однако, землевладѣльцы, въ большинствѣ значительныхъ государствъ, достигли осуществленія протекціонныхъ мѣръ, то это зависѣло отъ двухъ причинъ. Въ государствахъ съ представительнымъ образомъ правленія, гдѣ вліяніе землевладѣльцевъ на законодательство является преобладающимъ, фабриканты не рѣшались противиться ихъ безумнымъ требованіямъ изъ опасенія, что землевладѣльцы встанутъ на сторону принципа свободы торговли; и поэтому они предпочли войти съ земледѣльцами въ компромиссъ.

Затѣмъ школа внушаетъ землевладѣльцамъ, что также безсмыс-

ленно было бы искусственно насаждать фабрично-заводскую промышленность, какъ было бы безсмысленно въ холодномъ климатѣ заниматься винодѣліемъ въ теплицахъ; что фабрично-заводская промышленность возникаетъ сама по себѣ естественнымъ путемъ, что земледѣліе даетъ гораздо болѣе возможности, чѣмъ фабрично-заводская промышленность, увеличить капиталъ; что національный капиталъ не можетъ быть увеличенъ искусственными мѣрами, что законодательство и государственныя мѣропріятія могутъ дать фабрично-заводской промышленности только такое направленіе, которое будетъ менѣе благопріятно для увеличенія богатства. Наконецъ, такъ какъ нельзя было обойти молчаніемъ вліяніе фабрично-заводской промышленности на земледѣліе, то школа пыталась представить это вліяніе, насколько возможно, незначительнымъ и неопредѣленнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, замѣчала школа, что фабрично-заводская промышленность вліяетъ на земледѣліе, и все, что вредно ей, вредно также и земледѣлію; слѣдовательно она вліяетъ на увеличеніе земельной ренты, но лишь *косвенно*. Непосредственно на ренту оказываютъ вліяніе: увеличеніе населенія и количества скота, сельско-хозяйственныя улучшенія, усовершенствованіе путей сообщенія и т. д. Это различіе между *прямымъ* и *косвеннымъ* вліяніемъ напоминаетъ собою другіе случаи, гдѣ школа дѣлаетъ подобное же различіе, какъ напр. по поводу умственной производительности, и здѣсь умѣстно будетъ привести сравненіе, которымъ мы уже пользовались; здѣсь дѣло обстоитъ такъ-же, какъ и съ древеснымъ плодомъ, который, по мнѣнію, школы не является непосредственнымъ произведеніемъ, разъ онъ ростетъ на стеблѣ, который является плодомъ вѣтви, вѣтвь—плодомъ ствола, а стволъ—плодомъ корня, который и будетъ уже непосредственнымъ плодомъ почвы. Развѣ не было бы софизмомъ признать, что населеніе, скотоводство, пути сообщенія и т. д. являются прямыми причинами возвышенія ренты, а фабрично-заводскую промышленность—косвенною причиною, когда достаточно взглянуть на промышленную страну, чтобы убѣдиться, что сама фабрично-заводская промышленность является главнѣйшею причиною увеличенія населенія, количества скота, путей сообщенія и т. д.? Логично-ли и послѣдовательно-ли приравнивать слѣдствія къ ихъ причинамъ, т. е. къ фабрично-заводской промышленности, даже выставлять первыя главною

причиною, а фабрично-заводскую промышленность причиною косвенною и подчиненною, какъ бы нѣчто добавочное? Что же могло привести такой проницательный умъ, какимъ былъ Адамъ Смитъ, къ такимъ превратнымъ сужденіямъ, идущимъ въ разрѣзъ съ сущностію вещей, какъ не желаніе оставить въ тѣни фабрично-заводскую промышленность и ея вліяніе на благосостояніе и могущество націи вообще и на увеличеніе ренты и земляной цѣнности въ частности? И для чего иначе было бы нужно все это, если не для того, чтобы избѣжать объясненій, которыя громко говорили бы въ пользу протекціонной системы?

Вообще школа со временъ Адама Смита была несчастлива въ своихъ изысканіяхъ по вопросу о сущности ренты. Рикардо, а послѣ него Милль, Макъ Куллохъ и другіе, держатся того мнѣнія, что рента служитъ выраженіемъ естественной плодородности земельныхъ участковъ. Первый на этой идеѣ построилъ цѣлую систему. Если бы онъ побывалъ въ Канадѣ, то онъ въ каждой долинѣ, на каждомъ холмѣ могъ бы произвести наблюденія, которыя убѣдили бы его, что его теорія построена на пескѣ. Но такъ какъ онъ имѣлъ передъ глазами только Англію, то и впалъ въ ошибку, думая, что англійскіе поля и луга, дающіе въ настоящее время такую прекрасную арендную плату вслѣдствіе по видимому естественной плодородности, были во всѣ времена тѣми же самыми полями и лугами. Первоначальное естественное плодородіе земѣльныхъ пространствъ на самомъ дѣлѣ настолько незначительно и даетъ пользующемуся ими такъ мало избытка въ продуктахъ, что земельная рента едва ли даже заслуживаетъ названія таковой. Въ своемъ первобытномъ состояніи цѣлая Канада, населенная ислючительно звѣроловами, съ трудомъ могла бы обезпечить отъ продажи мяса и кожъ доходъ, достаточный для уплаты жалованія одного лишь профессора политической экономіи въ Оксфордѣ. Естественная производительная способность почвы на островѣ Мальтѣ заключается въ камняхъ, которые едва ли могли бы обезпечить ренту. Если прослѣдить движеніе цѣлой націи по пути цивилизаціи и ея переходъ изъ охотничьяго состоянія въ пастушеское, изъ этого послѣдняго въ земледѣльческое и т. д., то легко, напротивъ, можно будетъ убѣдиться, что вездѣ рента первоначально не имѣла никакого значенія и что она возростала всюду вмѣстѣ съ успѣхами культуры, увеличеніемъ населенія и

развитіемъ умственныхъ и матеріальныхъ капиталовъ. Если сравнить чисто земледѣльческую націю съ націею земледѣльческо-мануфактурно-комерческою, то окажется, что въ послѣдней живетъ арендною платою въ двадцать разъ больше людей, чѣмъ въ первой. По статистикѣ Великобританіи Маршаля, въ Англіи и Шотландіи, напр. въ 1831 г., было населенія 16.537.398 человѣкъ, изъ которыхъ 1.116.398 жили рентою. Въ Польшѣ на такомъ же точно пространствѣ земли едва ли можно найти двадцатую часть этого числа. Переходя къ частностямъ и изслѣдуя причины, которыми обусловливается рента каждаго отдѣльнаго земельнаго участка, мы замѣтимъ, что она является результатомъ способности къ производству, которая обусловливается не естественными причинами, а создана трудомъ и умственными и матеріальными капиталами, прямо или косвенно затраченными на нее, и вообще соціальнымъ прогрессомъ общества. Правда, мы видимъ, что и тѣ земли, которыхъ не касалась рука человѣческая, даютъ ренту, таковы напр. каменоломни, песчаники, пастбища; но эта рента не болѣе какъ слѣдствіе усиленія окружающей ихъ культуры, капитала и населенія. Съ другой стороны мы видимъ, что самую большую ренту даютъ тѣ земли, естественная производительность которыхъ сведена къ нулю и вся польза которыхъ заключается лишь въ томъ, что люди на нихъ ѣдятъ, пьютъ, сидятъ, спятъ или ходятъ, работаютъ или веселятся, учатъ или учатся, словомъ земли, находящіяся подъ постройками.

Принципъ ренты—это польза, которую земля обезпечиваетъ тѣмъ, въ исключительномъ распоряженіи которыхъ она находится, размѣръ же этой пользы опредѣляется суммою умственныхъ и матеріальныхъ капиталовъ, которыми обладаетъ общество вообще, а также тѣми средствами, которыя находятся въ распоряженіи частныхъ лицъ, спеціальными качествами почвы и затраченными на нее прежде капиталами,—все это даетъ возможность всякому законное право извлекать отсюда матеріальныя цѣности или удовлетворять свои умственныя и матеріальныя потребности или вкусы.

Рента — это процентъ съ капитала, опредѣляемаго фондомъ натуральнымъ, или капитализованный натуральный фондъ. Территорія той націи, которая пришла къ капитализаціи натуральнаго, служащаго для земледѣлія, фонда, и то лишь несовершен-

нымъ способомъ, который дозволяетъ степень ея цивилизаціи, приноситъ безъ сравненія менѣе ренты, чѣмъ территорія націи, которая соединяетъ у себя земледѣльческую и фабрично-заводскую промышленность. Собственники перваго рода ренты живутъ большею частію въ той странѣ, которая доставляетъ имъ произведенія фабрично-заводскй промышленности. Но когда нація, земледѣліе и народонаселеніе которой получили значительное развитіе, основываетъ у себя фабрики и заводы, тогда она совершаетъ капитализацію, какъ это мы уже показали въ одной изъ предшествующихъ главъ, не только естественныхъ силъ въ частности, полезныхъ для фабрично-заводской промышленности и остававшихся до сихъ поръ въ бездѣйствіи, но также и большей части мануфактурныхъ силъ, служащихъ подспрьемъ для земледѣлія. Такимъ образомъ увеличеніе этихъ рентъ въ странѣ безконечно превосходитъ проценты съ матеріальныхъ капиталовъ, необходимыхъ для созданія фабрично-заводской промышленности.

ГЛАВА XXI.

Фабрично-заводская промышленность и торговля.

До сихъ поръ мы говорили только объ отношеніяхъ между земледѣліемъ и фабрично-заводскою промышленностію, потому что эти отношенія являются существеннѣйшими элементами національнаго производства, и потому, что, не имѣя предварительно яснаго представленія объ ихъ взаимодѣйствіи, трудно было-бы какъ слѣдуетъ понять особенныя функціи и роль торговли. Нѣтъ сомнѣнія, что торговля также производительна, какъ утверждаетъ школа, но проявленіе ея совсѣмъ иное, чѣмъ въ земледѣліи и въ фабрично-заводской промышленности. Эти послѣднія снабжаютъ рынки товарами; торговля-же является лишь *посредницею* въ обмѣнѣ товаровъ между земледѣльцами и мануфактуристами, между производителями и потребителями.

Отсюда слѣдуетъ, что торговля должна регулироваться соотвѣтственно интересамъ и нуждамъ земледѣлія и фабрично-заводской промышленности, но не земледѣліе и мануфактурная промышленность должны слѣдить за интересами и нуждами торговли.

Но школа поняла это послѣднее положеніе какъ разъ въ обратномъ смыслѣ, принявъ девизомъ выраженіе стараго Гурнэ: *laissez faire, laissez passer*—выраженіе, которое столько-же на руку грабителямъ, плутамъ и бездѣльникамъ, какъ и купцамъ, и уже по одному этому достаточно подозрительно. Это извращеніе понятія, жертвующее интересами фабрично-заводской промышленности и земледѣлія, при абсолютной свободѣ дѣйствій въ пользу притязаній торговли, является естественнымъ послѣдствіемъ той теоріи, которая обращаетъ вниманіе только на цѣнность и никогда на производительныя силы и которая смотритъ на весь свѣтъ какъ *на одну и нераздѣльную республику купцовъ*. Школа не замѣчаетъ, что купецъ можетъ достигать своихъ цѣлей, заключающихся въ пріобрѣтеніи цѣнностей путемъ обмѣна, даже въ ущербъ земледѣльцевъ и мануфактуристовъ, на перекоръ производительнымъ силамъ и не щадя независимости и самостоятельности націи. Ему безразлично, да и характеръ его операцій и его стремленій не позволяетъ ему заботиться о томъ, какое вліяніе оказываютъ ввозимые или вывозимые имъ товары на нравственность, благосостояніе и могущество страны. Онъ ввозитъ какъ яды, такъ и лѣкарства. Онъ доводитъ до изнуренія цѣлыя націи, ввозя опіумъ и водку. Доставляетъ-ли онъ, посредствомъ законнаго ввоза или контрабанды, сотнямъ, тысячамъ людей занятія и средства къ жизни, доводитъ ли онъ ихъ до нищеты, ему совершенно безразлично, лишь-бы только ему реализовать барышъ. Попытаются-ли его голодные соотечественники эмигрировать, убѣгая отъ нищеты, которую терпятъ въ своемъ отечествѣ, онъ и изъ этого извлечетъ мѣновыя цѣнности, перевозя ихъ въ далекія страны. Во время войны онъ снабжаетъ непріятеля оружіемъ и провіантомъ. Если-бы было возможно, онъ продалъ-бы за границу все, до пахатныхъ полей и луговъ всключительно, и получивъ деньги за послѣдній кусокъ земли, онъ самъ сѣлъ-бы на свой корабль и экспортировалъ-бы самого себя.

Такимъ образомъ ясно, что интересъ коммерсантовъ и интересы торговли цѣлой націи—вещи настолько различныя, какъ небо и земля. Въ этомъ смыслѣ еще Монтескье сказалъ: „То, что стѣсняетъ купца, то не стѣсняетъ вслѣдствіе того торговли, и нигдѣ законы такъ мало мѣшаютъ ей, какъ въ государствахъ порабощенныхъ“ *).

*) Ср. «Esprit des lois», кн. XX, гл. XII. Мы даемъ точный переводъ съ французскаго, этихъ словъ Монтескье; между тѣмъ какъ Фр. Листъ, это мѣсто

Торговля возникаетъ изъ фабрично-заводской промышленности и земледѣлія и ни одна нація въ наши дни не можетъ развить во внушительныхъ размѣрахъ торговли внутренней и внѣшней, если она не двинула у себя до высокой степени совершенства эти главныя отрасли производства. Въ прежнее время были во всякомъ случаѣ отдѣльные города или союзы городовъ, которые были въ состояніи вести обширную посредническую торговлю съ помощію иностранныхъ фабрикантовъ и земледѣльцевъ; но съ возникновеніемъ великихъ земледѣльческихъ мануфактурныхъ и коммерческихъ государствъ исчезла возможность даже думать объ осуществленіи посреднической торговли въ томъ видѣ, въ какомъ ее вела Ганза. Во всякомъ случаѣ эта торговля настолько ненадежна по своей сущности, что едва заслуживаетъ даже разсмотрѣнія на ряду съ тою, которая зиждется на собственномъ производствѣ страны.

Самыми важными предметами внутренней торговли являются слѣдующіе: пищевые продукты, соль, топливо, строительные матеріалы, ткани, сельско - хозяйственныя и фабричныя орудія и инструменты и сырые продукты земледѣлія и горнаго дѣла, которые составляютъ предметы первой потребности для фабрикъ и заводовъ. Эта внутренняя торговля въ странѣ съ развитою въ высшей степени фабрично-заводскою промышленностію несравненно значительнѣе, чѣмъ въ странѣ чисто земледѣльческой. Въ послѣдней земледѣлецъ большею частію принужденъ ограничивать свое потребленіе лишь собственнымъ производствомъ. За недостаткомъ большаго спроса на разнообразные продукты и за недостаткомъ въ путяхъ сообщенія онъ вынужденъ производить всѣ предметы потребности, какова-бы ни была производительная сила, присущая его землѣ; за недостаткомъ средствъ обмѣна онъ принужденъ самъ производить фабричные издѣлія ему необходимыя.

Топливо, строительные матеріалы, пищевые продукты и горныя произведенія, при недостаткѣ удобныхъ путей сообщенія, располагаютъ самымъ ограниченнымъ рынкомъ и не могутъ быть потому перевозимы на далекія разстоянія. При ограниченности рынка и спроса на пищевые продукты нѣтъ побужденія къ сбереженіямъ и

очевидно, заимствовалъ изъ перевода ихъ на нѣмецкомъ языкѣ и далеко не точнаго. *Прим. К. В. Тр—ва.*

накопленію капиталовъ. Поэтому у націй чисто земледѣльческихъ капиталъ, посвященный внутренней торговлѣ, сводится почти къ нулю; поэтому всѣ предметы производства, особенно чувствительные къ перемѣнамъ погоды, испытываютъ сильное колебаніе въ цѣнѣ; поэтому чѣмъ исключительнѣе нація отдается земледѣлію, тѣмъ болѣе ей грозитъ опасность дороговизны и голода.

Вслѣдствіе и по мѣрѣ развитія внутренней фабрично-заводской промышленности, а также вызванныхъ ею улучшеній путей сообщенія и увеличенія населенія возникаетъ внутренняя торговля. При этихъ условіяхъ она дѣлается настолько значительною, что превосходитъ внутреннею торговлю націй чисто-земледѣльческихъ въ 10—20 разъ и самую цвѣтущую внѣшнюю торговлю въ 5—10 разъ.

Достаточно сравнить внутреннюю торговлю Англіи съ таковою-же въ Польшѣ или Испаніи, чтобы найти подтвержденіе этого наблюденія.

Внѣшняя торговля земледѣльческихъ странъ умѣреннаго пояса, разъ она ограничивается пищевыми продуктами и сырьемъ, не можетъ развиться до значительныхъ размѣровъ по слѣдующимъ причинамъ:

Во 1-хъ потому, что земледѣльческая нація имѣетъ сбытъ только въ ограниченномъ количествѣ въ мануфактурныя страны, которыя сами занимаются земледѣліемъ, которыя, благодаря собственнымъ фабрикамъ и заводамъ и обширной торговлѣ, занимаются имъ съ большимъ искусствомъ, чѣмъ націи чисто земледѣльческія: поэтому такой сбытъ никогда не можетъ быть ни вѣрнымъ, ни постояннымъ. Торговля продуктами земледѣлія постоянно является предметомъ особенно сильной спекуляціи, выгоды отъ которой, большею частію, приходятся на долю купцовъ-спекулянтовъ, но не на долю земледѣльцевъ и производительныхъ силъ земледѣльческой націи.

Во 2-хъ потому, что обмѣнъ продуктовъ земледѣлія на мануфактурныя заграничныя издѣлія часто прерывается заграничными мѣропріятіями въ видѣ торговыхъ ограниченій и войною.

Въ 3-хъ потому, что этой торговлей заинтересованы только приморскія и прирѣчныя мѣстности, а не внутреннія области страны, т. е. не самая большая часть національной территоріи.

Въ 4-хъ, наконецъ, потому, что нація мануфактурная можетъ

получать, сообразно съ своими интересами, пищевые продукты и сырье изъ другихъ странъ и изъ вновь основанныхъ колоній.

Такъ, отпускъ нѣмецкой шерсти въ Англію ограниченъ привозомъ шерсти изъ Австраліи; отпускъ въ Англію французскихъ и нѣмецкихъ винъ—привозомъ изъ Испаніи, Португаліи, Сициліи, съ испанскихъ и португальскихъ острововъ и съ мыса Доброй Надежды; отпускъ лѣса изъ Пруссіи—привозомъ его изъ Канады.

Даже составились уже компаніи для снабженія Англіи въ большей части остъ-индскимъ хлопкомъ. Если Англіи удастся возстановить древній торговый путь, если окрѣпнетъ новый штатъ Техасъ, если цивилизація сдѣлаетъ успѣхи въ Сиріи и Египтѣ, въ Мексикѣ и южно-американскихъ государствахъ, то и сѣверо-американскіе владѣльцы хлопчато-бумажныхъ плантацій поймутъ, что внутреннимъ рынкомъ обезпечивается самый вѣрный, постоянный и продолжительный сбытъ.

Въ умѣренномъ климатѣ наибольшая часть внѣшней торговли возрастаетъ изъ внутренней фабрично-заводской промышленности и только посредствомъ фабрично-заводской промышленности укрѣпляется и развивается.

Только та нація, которая производитъ всѣ предметы фабрично-заводской промышленности по самымъ низкимъ цѣнамъ, можетъ завязать торговыя сношенія съ народами всѣхъ поясовъ и всѣхъ ступеней культуры; только она одна можетъ удовлетворить всѣмъ ихъ потребностямъ, а за недостаткомъ послѣднихъ вызвать новыя, принимая въ обмѣнъ сырье и пищевые продукты всякаго рода.

Только такая нація можетъ нагрузить корабли массой такихъ различныхъ издѣлій, въ которыхъ нуждается страна, отдаленная и лишенная своей собственной фабрично-заводской промышленности. Только когда издержки перевозки оплачены транспортомъ, можно брать обратный грузъ предметовъ меньшей цѣнности.

Ввозъ въ страны умѣреннаго пояса состоитъ главнымъ образомъ изъ произведеній жаркаго пояса, каковы напримѣръ: сахаръ, кофе, хлопокъ, табакъ, чай, красильныя вещества, какао, пряности, словомъ изъ предметовъ извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ колоніальныхъ товаровъ. Громадная масса этихъ продуктовъ обмѣнивается на предметы фабрично-заводской промышленности.

Особенный прогрессъ фабрично-заводской промышленности въ

странахъ умѣреннаго пояса и успѣшные шаги по пути цивилизаціи жаркаго пояса объясняются именно этимъ обмѣномъ. При помощи этого обмѣна распространяется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ раздѣленіе труда и ассоціація производительныхъ силъ такъ, что и въ древнемъ мірѣ не было ничего подобнаго этому порядку вещей, созданному англичанами и голландцами.

До открытія морскаго пути чрезъ мысъ Доброй Надежды, Востокъ былъ далеко впереди Европы въ выработкѣ издѣлій фабрично-заводской промышленности. Исключая драгоцѣнныхъ металловъ, незначительнаго количества сукна, полотна, оружія, мелочныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій и нѣкоторыхъ предметовъ роскоши, европейскіе товары не находили сбыта на Востокѣ. Благодаря сухопутному транспорту обратный караванъ былъ такъ-же дорогъ, какъ и грузъ отправленія. Что же касается отпуска продуктовъ земледѣлія и издѣлій фабрично-заводской промышленности, даже если они производятся въ избыткѣ въ Европѣ, то объ этомъ отпускѣ въ обмѣнъ на издѣлія Востока, какъ-то: шелковыя и бумажныя матеріи, сахаръ и пряности, не могло быть и рѣчи. Чтобы поэтому ни писали о важности торговли съ Востокомъ въ то время, все же ее нужно понимать лишь относительно. Она была важна лишь для своего времени, но незначительна въ сравненіи съ тѣмъ, что она представляетъ изъ себя нынѣ.

Значительнѣе стала торговля продуктами жаркаго пояса съ тѣхъ поръ, какъ Европа получила изъ Америки громадное количество благородныхъ металловъ, и съ тѣхъ поръ какъ она открыла прямое сообщеніе съ Востокомъ черезъ мысъ Доброй Надежды. Тѣмъ не менѣе она не могла развиться до большихъ размѣровъ до тѣхъ поръ, пока предложеніе мануфактурныхъ издѣлій съ Востока превышало ихъ спросъ.

Своимъ современнымъ значеніемъ эта торговля обязана европейской колонизаціи Восточной и Западной Индіи, Сѣверной и Южной Америкѣ, разведенію сахарнаго тростника, кофейнаго дерева, растеній, изъ которыхъ добывается хлопокъ, рисъ, индиго и т. п., порабощенію и переселенію негровъ въ Америку и Западную Индію, счастливой конкурренціи европейцевъ съ остъ-индскими фабрикантами и главнымъ образомъ расширенію голландскаго и англійскаго господства въ разныхъ частяхъ свѣта, такъ какъ эти націи, въ противоположность испанцамъ и португальцамъ, въ об-

мѣнѣ мануфактурныхъ товаровъ на колоніальные искали и нашли больше выгодъ, чѣмъ въ вымогательствѣ.

Въ настоящее время этою торговлею занята значительнѣйшая часть огромнаго торговаго флота Европы и торговаго фабрично-заводскаго капитала, посвященнаго внѣшнимъ торговымъ сношеніямъ; и всѣ сотни милліоновъ, которые, въ видѣ колоніальныхъ товаровъ, направляются изъ странъ жаркаго пояса въ страны пояса умѣреннаго, обмѣниваются, за немногими исключеніями, на *мануфактурныя изділія*.

Обмѣнъ колоніальныхъ произведеній на мануфактурныя издѣлія въ высшей степени содѣйствуетъ развитію производительныхъ силъ въ странахъ умѣреннаго пояса.

Эти колоніальные товары, какъ напр. сахаръ, кофе, чай, табакъ, служатъ, съ одной стороны, средствами возбуждающими для земледѣлія и для фабрично-заводской промышленности, съ другой же являются средствами питанія; производство мануфактурныхъ издѣлій, необходимыхъ для обмѣна на колоніальные товары, даетъ занятіе гораздо большему числу рабочихъ рукъ; фабричныя и заводскія предпріятія могутъ развиться еще до гораздо большихъ размѣровъ и, слѣдовательно, будутъ приносить еще больше выгодъ; эта торговля даетъ работу массѣ кораблей, моряковъ и купцовъ; благодаря же приросту населенія, вызываемому этимъ разнообразіемъ причинъ, спросъ на туземные сельскіе продукты увеличивается до громадныхъ размѣровъ.

Вслѣдствіе взаимодѣйствія между фабрично-заводскою промышленностію умѣреннаго пояса и производствомъ жаркаго пояса, англичане потребляютъ въ среднемъ въ 2—3 раза болѣе, чѣмъ французы, въ 3—4 раза болѣе, чѣмъ нѣмцы, въ 5—10 разъ болѣе, чѣмъ поляки.

Насколько способно еще развиться колоніальное производство, можно судить по приблизительному расчету площади, находящейся въ настоящее время подъ культурою колоніальныхъ продуктовъ, составляющихъ предметъ современной торговли.

Признавъ, что современное потребленіе хлопка достигаетъ 10.000.000 центнеровъ и средній сборъ съ акра (40.000 □ футовъ) равняется 8 центнерамъ, найдемъ, что для этого производства нужна площадь не болѣе 1.250.000 акровъ земли.

Если мы примемъ количество обращающагося на рынкѣ сахара

въ 14.000.000 центнеровъ, а сборъ съ одного акра въ 10 центнеровъ, то все это производство потребуетъ не болѣе 1.500.000 акровъ земли.

Если мы примемъ для культуры прочихъ продуктовъ (кофе, рисъ, индиго, пряности и т. д.) такое же пространство, какое мы приняли для двухъ главнѣйшихъ продуктовъ, то культура всего количества колоніальныхъ произведеній, вращающихся въ настоящее время на рынкѣ, потребуетъ площади не болѣе 7—8 милліоновъ акровъ—то есть такого пространства, которое, вѣроятно, не составляетъ и пятнадцатой части площади, находящейся въ настоящее время подъ обработкою.

Прекрасное доказательство того, что это производство можетъ быть развито до невѣроятныхъ размѣровъ, дали намъ англичане въ Восточной Индіи, французы— на Антильскихъ островахъ и голландцы—на Явѣ и Суматрѣ.

Такъ Англія учетверила ввозъ хлопка изъ Восточной Индіи, и англійскія газеты смѣло утверждаютъ, что если Англіи удастся овладѣть старымъ торговымъ путемъ въ Восточную Индію, то по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ эта послѣдняя будетъ въ состояніи удовлетворять всѣмъ необходимымъ потребностямъ Англіи въ колоніальныхъ товарахъ. Если принять въ соображеніе громадную площадь англо-остъиндской территоріи, ея плодородіе и дешевизну рабочихъ рукъ въ этой странѣ, то эти надежды не будутъ казаться преувеличенными.

Въ то время, какъ Англія будетъ эксплоатировать Восточную Индію, развитіе голландской культуры на островахъ пойдетъ своимъ чередомъ, распаденіе Турецкой имперіи дастъ возможность культурѣ развиться въ большей части Африки, а также въ западной и центральной Азіи, жители Техаса распространятъ сѣверо-американскую культуру на всю Мексику, въ Южной Америкѣ разовьются благоустроенные государства и будутъ способствовать эксплоатаціи земли, плодородіе которой не имѣетъ границъ.

Производя такимъ образомъ гораздо большее количество колоніальныхъ товаровъ, чѣмъ до сихъ поръ, страны жаркаго пояса будутъ въ состояніи покупать у странъ умѣреннаго пояса гораздо болѣе мануфактурныхъ издѣлій, и это увеличеніе сбыта мануфактурныхъ издѣлій дастъ послѣднимъ странамъ возможность потреблять несравненно большее количество колоніальныхъ товаровъ.

Вслѣдствіе развитія производства и увеличенія средствъ обмѣна, мѣновая торговля между земледѣльцами жаркаго пояса и фабрикантами пояса умѣреннаго, иначе огромная міровая торговля, будетъ увеличиваться въ будущемъ несравненно быстрѣе, чѣмъ въ теченіе прошедшаго столѣтія.

Такое развитіе въ настоящее время обширной міровой торговли, которое можетъ еще болѣе увеличиться въ будущемъ, зависитъ частію отъ замѣчательныхъ успѣховъ фабрично-заводской промышленности, частію отъ усовершенствованія водяныхъ и сухопутныхъ путей сообщенія, частію, наконецъ, отъ великихъ событій въ области всемірной политики.

Благодаря машинамъ и новымъ изобрѣтеніямъ, несовершенное производство Востока было почти уничтожено къ выгодѣ европейской мануфактурной промышленности, и эта послѣдняя получила возможность доставлять въ страны жаркаго пояса массу своихъ издѣлій по низкимъ цѣнамъ, давая имъ возможность развить свои производительныя силы.

Вслѣдствіе усовершенствованія путей сообщенія страны жаркаго пояса встали въ несравненно болѣе близкія отношенія со странами пояса умѣреннаго, ихъ торговыя сношенія безконечно выиграли отъ уменьшенія опасности, отъ сокращенія времени и пониженія фрахтовъ, а также и отъ большей правильности; но онѣ выиграютъ еще больше, когда повсюду разовьется пароходство и когда желѣзнодорожная сѣть покроетъ внутреннюю Азію, Африку и Южную Америку.

Вслѣдствіе отпаденія Южной Америки отъ Испаніи и Португаліи и вслѣдствіе распаденія Турецкой имперіи, масса земель окажется пригодной для общаго пользованія. Эти плодороднѣйшія въ мірѣ земли ждутъ съ нетерпѣніемъ, когда образованные народы въ мирномъ согласіи направятъ ихъ по пути безопасности и порядка, цивилизаціи и благосостоянія, онѣ ничего не требуютъ больше, какъ ввоза къ себѣ мануфактурныхъ издѣлій въ обмѣнъ на произведенія своего климата.

Какъ видите, здѣсь для всѣхъ странъ Европы и Сѣверной Америки, призванныхъ къ развитію фабрично-заводской промышленности, достаточно земель, чтобы довести эту промышленность до цвѣтущаго состоянія, увеличить потребленіе продуктовъ жаркаго пояса и въ той же пропорціи расширить прямыя сношенія со странами этого пояса.

ГЛАВА XXII.

Фабрично-заводская промышленность, торговое мореходство, морскія силы и колонизація.

Фабрично-заводская промышленность, базированная на обширной внутренней и внѣшней торговлѣ, является вмѣстѣ съ тѣмъ существеннымъ условіемъ для развитія значительнаго мореходства. Такъ какъ обширная внутренняя торговля служитъ для снабженія фабрикантовъ топливомъ и строительными матеріалами, сырьемъ и пищевыми продуктами, то каботажъ и рѣчное судоходство въ странѣ чисто земледѣльческой не можетъ преуспѣвать. Каботажъ же является школою и разсадникомъ матросовъ, капитановъ и школою кораблестроенія; поэтому въ странахъ земледѣльческихъ не достаетъ главнѣйшаго элемента, обусловливающаго обширное мореходство.

Международная торговля, какъ мы это показали въ предыдущей главѣ, выражается главнымъ образомъ обмѣномъ мануфактурныхъ издѣлій на сырье и естественныя произведенія, а въ частности на произведенія жаркаго пояса. Земледѣльческія страны умѣреннаго пояса могутъ предлагать странамъ жаркаго пояса только то, что эти послѣднія производятъ сами, или то, въ чемъ они не нуждаются, каковы: сырье и пищевые продукты; поэтому не можетъ быть и рѣчи о прямыхъ торговыхъ сношеніяхъ, а слѣдовательно и о мореходствѣ между странами земледѣльческими и странами жаркаго пояса. Потребленіе колоніальныхъ продуктовъ земледѣльческихъ странъ должно ограничиваться тѣмъ количествомъ какое онѣ могутъ пріобрѣсти у странъ мануфактурныхъ и торговыхъ въ обмѣнъ на свои продукты земледѣлія и сырье; слѣдовательно онѣ принуждены получать эти предметы изъ вторыхъ рукъ.

Въ сношеніяхъ между земледѣльческою націею и націею мануфактурною и торговою, на долю послѣдней всегда выпадаетъ наибольшая часть стоимости морскаго транспорта, если бы послѣдняя даже и не захватила львиной доли при посредствѣ законовъ мореходства.

Помимо внутренней и международной торговли значительное число кораблей бываетъ занято морскими рыбными промыслами;

однако вообще для земледѣльческой страны почти или совсѣмъ чужда эта отрасль промышленности по той причинѣ, что въ ней не можетъ явиться большаго спроса на произведенія моря, и что мануфактурныя страны въ интересахъ развитія собственныхъ морскихъ силъ имѣютъ обыкновеніе сохранять свои рынки для собственныхъ рыбопромышленниковъ.

Флотъ вербуетъ своихъ штурмановъ и матросовъ съ частныхъ торговыхъ судовъ, и опытъ показалъ, что нельзя создать хорошихъ матросовъ такимъ же путемъ, какъ солдатъ для арміи, и что, напротивъ, ихъ воспитываетъ каботажная практика, международное мореходство и большіе рыбные промыслы. Морскія силы націи всюду поэтому развиваются пропорціонально указаннымъ морскимъ промысламъ, а слѣдовательно онѣ ничтожны въ странѣ исключительно земледѣльческой.

Вѣнцомъ развитія фабрично-заводской промышленности, возникающей отсюда внутренней и внѣшней торговли, значительнаго каботажа, значительнаго дальняго мореплаванія и рыбныхъ промысловъ, словомъ вообще морскаго могущества являются *колоніи*.

Метрополія снабжаетъ колоніи издѣліями фабрично-заводской промышленности, взамѣнъ которыхъ ѣолучаетъ отъ нихъ излишекъ продуктовъ земледѣлія и сырья; эта торговля оживляетъ фабрично-заводскую промышленность метрополіи, увеличиваетъ ея населеніе и спросъ на продукты собственнаго земледѣлія, и содѣйствуетъ развитію торговаго мореходства и морскихъ силъ. Ощущающійся въ метрополіи избытокъ въ населеніи, капиталахъ и духѣ предпріимчивости находитъ благодѣтельный для страны отливъ; эти потери широко возмѣщаются ей, такъ какъ значительная часть лицъ, составившихъ себѣ состояніе въ колоніи, приноситъ съ собою обратно въ метрополію свои капиталы или по крайней мѣрѣ проживаетъ въ ней свои двходы.

Земледѣльческія націи, не располагая средствами къ основанію колоній, не имѣютъ также достаточно силъ ни эксплоатировать ихъ, ни удержать за собою. Того, въ чемъ колоніи ощущаютъ недостатокъ, онѣ не могутъ имъ предложить, а тѣмъ, что онѣ въ состояніи имъ сбывать, колоніи обладаютъ сами.

Обмѣнъ издѣлій фабрично-заводской промышленности на продукты земли является главнымъ условіемъ современной колоніальной торговли. Поэтому Сѣверо-Американскіе Штаты отложились отъ

Англіи, лишь только почувствовали потребность и силы создать собственную фабрично-заводскую промышленность и заняться мореходствомъ и торговлею съ тропическими странами; также отложится и Канада, какъ скоро она достигнетъ той же степени развитія; со временемъ поэтому и въ австралійскихъ странахъ умѣреннаго пояса возникнутъ независимыя земледѣльческо-мануфактурно-коммерческія государства.

Но этотъ обмѣнъ между странами умѣреннаго и жаркаго посовъ никогда не прекратится, такъ какъ онъ обусловливается естественнымъ порядкомъ вещей. Поэтому и Остъ-Индія, благодаря Англіи, была лишена собственной фабрично-заводской промышленности и своей независимости, поэтому - же и всѣ жаркія страны Азіи и Африки мало по-малу подпадутъ подъ власть мануфактурныхъ и коммерческихъ націй умѣреннаго пояса, по той - же причинѣ и острова, лежащіе въ жаркомъ поясѣ, съ трудомъ освободятся отъ колоніальной зависимости, въ которой они теперь находятся, поэтому, наконецъ, и южно-американскія государства всегда будутъ въ нѣкоторой зависимости отъ мануфактурныхъ и коммерческихъ націй.

Своими обширными колоніями Англія обязана единственно мануфактурному преобладанію. Если и другія европейскія націи желаютъ принять участіе въ выгодномъ дѣлѣ просвѣщенія дикихъ странъ и цивилизаціи народовъ варварскихъ или возвратившихся къ варварству націй старой культуры, то онѣ должны начать съ развитія собственной фабрично-заводской промышленности, торговаго мореходства и морскихъ силъ. И если онѣ въ своемъ стремленіи встрѣтятъ препятствіе со стороны націи, пріобрѣвшей верховенство въ мануфактурной промышленности, въ торговлѣ и мореплаваніи, то единственныя средства для устраненія этихъ незаконныхъ препятствій они найдутъ въ соединеніи между собою ихъ производительныхъ силъ.

ГЛАВА XXXIII.

Фабрично-заводская промышленность и орудія денежнаго обращенія.

Если опытъ истекшаго двадцатипятилѣтія отчасти доказалъ справедливость принциповъ господствующей теоріи, выставленныхъ

ею противъ положеній такъ называемой меркантильной системы относительно циркуляціи благородныхъ металловъ и торговаго баланса, то съ другой стороны онъ освѣтилъ и слабыя стороны этой теоріи по данному вопросу.

Опытъ не разъ, и въ особенности въ Россіи и Сѣверной Америкѣ, доказалъ, что у земледѣльческихъ народовъ, мануфактурный рынокъ которыхъ предоставленъ свободной конкурренціи націй, достигшихъ высшей степени мануфактурнаго развитія, цѣнность ввозимыхъ издѣлій мануфактурной промышленности часто превышаетъ невѣроятнымъ образомъ цѣнность вывозимаго сырья и что иногда вслѣдствіе этого происходитъ внезапно необыкновенный отливъ благородныхъ металловъ, что влечетъ за собою экономическое потрясеніе, въ особенности тогда, когда внутреннія хозяйственныя отношенія основываются преимущественно на бумажныхъ орудіяхъ денежнаго обращенія, вызывающихъ большіе кризисы.

Теорія утверждаетъ, что драгоцѣнные металлы пріобрѣтаются такъ-же, какъ и всякіе другіе товары, что въ сущности безразлично, много или мало находится этихъ металловъ въ обращеніи, такъ какъ съ уменьшеніемъ или увеличеніемъ ихъ количества равномѣрно удешевляются или дорожаютъ всѣ предметы и продукты, что разница вексельнаго курса оказываетъ такое-же дѣйствіе, какъ и премія на большой вывозъ товаровъ изъ той страны, въ пользу которыхъ эта разница время отъ времени устанавливается: и что слѣдовательно денежное обращеніе и равновѣсіе между ввозомъ и вывозомъ, равно какъ и всѣ другія экономическія отношенія страны, наилучшимъ и вѣрнѣйшимъ образомъ регулируются естественнымъ путемъ.

Эти соображенія совершенно справедливы по отношенію къ внутренней торговлѣ; они также приложимы къ сношеніямъ между двумя городами, между городомъ и деревней, между двумя провинціями (одного и того-же государства), равно какъ между двумя государствами одной конфедераціи. Жалокъ былъ-бы тотъ экономистъ, который полагалъ-бы, что равновѣсіе взаимнаго ввоза и вывоза между различными штатами американской федераціи или государствами германскаго союза, или между Англіей, Шотландіей и Ирландіей можетъ быть регулируемо правительственными мѣрами и законами лучше, чѣмъ естественнымъ путемъ. Предположите, что такой союзъ существуетъ между всѣми государствами земли, и эти

соображенія теоріи окажутся вполнѣ согласными съ природою вещей. Но мы станемъ въ прямое противорѣчіе съ опытомъ, если предположимъ, что при современныхъ міровыхъ отношеніяхъ существуетъ такой порядокъ вещей въ международной торговлѣ.

Ввозъ и вывозъ независимыхъ странъ въ настоящее время обусловливается не тѣмъ, что теорія разумѣетъ подъ естественнымъ путемъ, а большею частію коммерческою политикою націи и ея могуществомъ, ея вліяніемъ на международныя отношенія, на другіе страны и народы, колоніальными владѣніями, внутренними кредитными учрежденіями и, наконецъ, войною и миромъ. Здѣсь, слѣдовательно, наблюдаются отношенія совсѣмъ иного рода, нежели между обществами, соединенными между собою политическими, законодательными и административными связями и потому находящимися въ вѣчномъ мирѣ и полномъ единеніи интересовъ.

Остановимся напр. на отношеніяхъ между Англіей и Сѣверной Америкой: если Англія отъ времени до времени наводняетъ сѣверо-американскій рынокъ мануфактурными издѣліями, если англійскій банкъ, посредствомъ возвышенія или пониженія своего дисконта, облегчаетъ или стѣсняетъ степень чрезвычайнаго развитія экспорта изъ Сѣверной Америки, равно и кредитъ въ этой странѣ; если американскій рынокъ вслѣдствіе того оказывается переполненнымъ настолько мануфактурными издѣліями, что англійскіе товары въ Сѣверной Америкѣ продаются дешевле, чѣмъ въ Англіи, и иногда даже ниже стоимости производства; если, такимъ образомъ, Сѣверная Америка находится въ безпрерывной задолженности относительно Англіи и имѣетъ вексельный курсъ противъ себя, то, очевидно, что такое прискорбное положеніе легко улучшится само собою при неограниченной свободѣ торговли. Сѣверная Америка производитъ табакъ, строевой лѣсъ, хлѣбъ и пищевые продукты всякаго рода несравненно дешевле, чѣмъ Англія. Чѣмъ больше направляется въ Сѣверную Америку англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, тѣмъ болѣе средствъ и побудительныхъ причинъ является у американскаго плантатора для производства подобныхъ цѣнностей; тѣмъ болѣе у него побудительныхъ причинъ къ пріобрѣтенію средствъ для выполненія принятыхъ на себя обязательствъ; чѣмъ болѣе вексельный курсъ на Англію не выгоденъ для Америки, тѣмъ болѣе поощряется вывозъ американскихъ земледѣльческихъ

продуктовъ, тѣмъ успѣшнѣе конкурренція американскаго земледѣльца съ англійскимъ на англійскомъ хлѣбномъ рынкѣ.

Вслѣдствіе такого вывоза вексельный курсъ быстро возвысится до своего уровня; онъ уже ни разу не подвергнется значительному колебанію, такъ какъ предусмотрительность и увѣренность американцевъ въ томъ, что долгъ, накопившійся въ теченіе года за значительный ввозъ мануфактурныхъ издѣлій, будетъ покрытъ въ будущемъ году при помощи увеличенія производства и усиленнаго вывоза, приведетъ къ полюбовной сдѣлкѣ.

Въ такомъ положеніи были бы дѣла въ томъ случаѣ, если бы торговыя сношенія англійскихъ мануфактуристовъ и американскихъ сельскихъ хозяевъ встрѣчали не болѣе препятствій, чѣмъ существуетъ между англійскими мануфактуристами и ирландскими землевладѣльцами. Но дѣло обстоитъ не такъ и не можетъ такъ обстоять, когда Англія облагаетъ американскій табакъ ввозною пошлиною отъ пятисотъ до тысячи процентовъ съ его цѣны, когда она своимъ тарифомъ дѣлаетъ невозможнымъ ввозъ американскаго строеваго лѣса и допускаетъ ввозъ пищевыхъ продуктовъ изъ Америки только во время дороговизны. При такомъ порядкѣ вещей земледѣльческое производство Америки не можетъ быть въ равновѣсіи съ потребленіемъ англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій; долгъ, накопившійся за эти мануфактурныя издѣлія, не можетъ быть покрытъ земледѣльческими продуктами; американскій вывозъ въ Англію стѣсненъ узкими рамками, между тѣмъ какъ англійскій вывозъ въ Сѣверную Америку не ограниченъ; поэтому вексельный курсъ между обѣими странами не можетъ возстановиться на своемъ уровнѣ и американскій долгъ Англіи не можетъ быть погашенъ иначе, какъ драгоцѣнными металлами.

Но эти уплаты металлическими деньгами, подкапывая въ корнѣ американскую бумажно-денежную систему, вызываютъ паденіе кредита американскихъ банковъ, а слѣдовательно и общую революцію въ цѣнахъ на земельную собственность и на товары, находящіеся въ торговомъ оборотѣ, однимъ словомъ тѣ общія пертурбаціи въ цѣнахъ и кредитѣ, которыми потрясается національная экономія, и которыя, какъ мы видѣли, ложились бременемъ на Соединенные Штаты Сѣверной Америки каждый разъ, какъ только они не прибѣгали къ государственнымъ мѣрамъ на предметъ возстановленія равновѣсія между ввозомъ и вывозомъ.

Нельзя считать особенно утѣшительнымъ для сѣверо-американцевъ то, что вслѣдствіе банкротствъ и уменьшенія потребленія взаимный ввозъ и вывозъ обѣихъ націй въ послѣдствіи оказался въ сносномъ положеніи. Ибо разстройство и потрясенія въ торговлѣ и кредитѣ, а также уменьшеніе потребленія—наносятъ производительнымъ силамъ, благостоянію отдѣльныхъ лицъ и общественному порядку такіе удары, отъ которыхъ нескоро оправляются, и если они часто повторяются, то влекутъ за собой гибельныя послѣдствія, которыя не могутъ не быть продолжительными.

Еще менѣе можетъ успокоить сѣверо-американцевъ теорія, утверждающая, что безразлично, большое или малое количество драгоцѣнныхъ металловъ находится въ обращеніи, что продукты обмѣниваются только на продукты; что для отдѣльнаго лица безразлично, при помощи большаго или малаго количества металлическихъ денегъ совершается этотъ обмѣнъ. Несомнѣнно, что для производителя или собственника безразлично, стоитъ ли предметъ его производства или имущественная собственность 100 сантимовъ или 100 франковъ при томъ условіи, если онъ на 100 сантимовъ можетъ удовлетворить своимъ потребностямъ и доставить себѣ столько же удовольствія, какъ и на 100 франковъ. Но низкія или высокія цѣны безразличны только въ томъ случаѣ, когда онѣ долго остаются въ одномъ и томъ же положеніи.

Но если колебанія цѣнъ часты и сильны, то вызывается разстройство въ частной и общественной экономіи. Кто купилъ сырье при существованіи высокихъ цѣнъ, тотъ не можетъ, продавая по низкимъ цѣнамъ фабрикаты, реализовать ту сумму звонкою монетою, которую онъ заплатилъ за сырье. Кто купилъ землю по высокой цѣнѣ и остался должникомъ въ части покупной суммы, тотъ дѣлается несостоятельнымъ и даже утрачиваетъ свою собственность, такъ какъ вслѣдствіе паденія цѣнъ стоимость имѣнія быть можетъ не достигаетъ размѣра полученной ссуды. Кто при высокихъ цѣнахъ заключилъ арендный договоръ, тотъ вслѣдствіе паденія цѣнъ разоряется или по крайней мѣрѣ теряетъ способность къ выполненію принятыхъ на себя обязательствъ. Чѣмъ больше повышеніе и пониженіе цѣнъ, чѣмъ чаще колебанія, тѣмъ гибельнѣе ихъ вліяніе на экономическое положеніе страны и въ частности на кредитъ. Но нигдѣ невыгодныя послѣдствія необыкновеннаго прилива или отлива благородныхъ металловъ не сказываются съ такою

ясностію, какъ въ странахъ, которыя по своимъ потребностямъ въ фабрично - заводскихъ издѣліяхъ и по сбыту своихъ земледѣльческихъ продуктовъ находятся въ полной зависимости отъ чужемцевъ, и торговля которыхъ основана большею частію на бумажныхъ деньгахъ.

Извѣстно, что количество орудій денежнаго обращенія или банковыхъ билетовъ, которые страна можетъ выпустить и сохранить въ обращеніи, регулируется количествомъ имѣющихся въ странѣ звонкихъ денегъ. Каждый банкъ будетъ стремиться къ увеличенію или уменьшенію количества выпуска бумажныхъ орудій денежнаго обращенія и къ расширенію или сокращенію своихъ операцій въ соотвѣтствіи съ количествомъ имѣющагося у него въ кассахъ количества благородныхъ металловъ. Если банкъ обильно снабженъ звонкою монетою, ему принадлежащею или поступившею къ нему посредствомъ вкладовъ, то онъ откроетъ болѣе широкій кредитъ и такимъ образомъ дастъ возможность своимъ должникамъ расширить и ихъ операціи по ссудамъ; отсюда является увеличеніе потребленія и возвышеніе цѣнъ, а въ частности и увеличеніе цѣнности земельной собственности. Если-же, напротивъ, изъ банка замѣчается отливъ благородныхъ металловъ въ чувствительныхъ размѣрахъ, то онъ ограничиваетъ кредитъ и принуждаетъ тѣмъ къ сжатію кредита и потребленія своихъ должниковъ и должниковъ этихъ послѣднихъ и т. д. до тѣхъ, которые обыкновенно покупаютъ ввозимые мануфактурные издѣлія въ кредитъ. Поэтому въ такихъ странахъ, вслѣдствіе необыкновеннаго отлива звонкой монеты, порождается потрясеніе всей системы кредита, является пертурбація въ торговлѣ фабрично - заводскими издѣліями и продуктами земледѣлія, и въ особенности въ цѣнности на звонкія деньги всей земельной собственности.

Причину послѣдняго и прежнихъ торговыхъ кризисовъ въ Америкѣ хотѣли видѣть въ банковой организаціи и въ бумажно-денежномъ обращеніи. Вѣрно то, что банки этому содѣйствовали указаннымъ выше способомъ, но главная причина этихъ кризисовъ лежитъ въ томъ, что, со времени принятія компромиссъ-билля или договорнаго акта на мировую сдѣлку, цѣнность ввезенныхъ изъ Англіи мануфактурныхъ издѣлій далеко превысила цѣнность вывезенныхъ изъ Америки земледѣльческихъ продуктовъ, и что вслѣдствіе этого Соединенные Штаты сдѣлались должниками Англіи

на нѣсколько сотъ милліоновъ, которые Штаты не могли покрыть ввозомъ своихъ продуктовъ. Что кризисы зависятъ отъ несоразмѣрнаго ввоза, доказывается тѣмъ, что они возникали всякій разъ, какъ только съ возстановленіемъ мира или вслѣдствіе уменьшенія таможенныхъ пошлинъ необыкновено увеличивался ввозъ въ Америку мануфактурныхъ издѣлій, и тѣмъ, что эти кризисы никогда не имѣли мѣста, пока таможеннымъ тарифомъ поддерживалось равновѣсіе между ввозомъ мануфактурныхъ издѣлій и вывозомъ земледѣльческихъ продуктовъ.

Причину этихъ кризисовъ думали объяснить затратами крупныхъ капиталовъ, большею частью занятыхъ въ Англіи, на проведеніе каналовъ и постройку желѣзныхъ дорогъ. На самомъ же дѣлѣ эти займы только затягивали кризисы на нѣсколько лѣтъ и дѣлали ихъ болѣе тягостными, но сами по себѣ они были вызваны отсутствіемъ равновѣсія между ввозомъ и вывозомъ; безъ этого обстоятельства эти займы не были бы и не могли бы быть заключены.

Такъ какъ Сѣверная Америка, вслѣдствіе большого ввоза мануфактурныхъ издѣлій, задолжала Англіи крупную сумму, которая могла быть уплачена не земледѣльческими продуктами, а только драгоцѣнными металлами, то англичанамъ легко было (въ виду выгодной для нихъ неустойчивости вексельнаго курса и размѣра процентовъ) заставить заплатить эту сумму акціями американскихъ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и банковъ или облигаціями американскихъ государственныхъ займовъ.

Чѣмъ болѣе ввозъ мануфактурныхъ издѣлій превышалъ вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ, тѣмъ болѣе возрасталъ въ Англіи спросъ на эти процентныя бумаги, тѣмъ болѣе въ Соединенныхъ Штатахъ усиливалось стремленіе къ общественнымъ предпріятіямъ. Съ другой стороны, по мѣрѣ того какъ въ Сѣверной Америкѣ помѣщали болѣе капиталовъ въ подобныя предпріятія, увеличивался и спросъ на англійскіе мануфактурные издѣлія, а вмѣстѣ съ нимъ возрастало и несоотвѣтствіе между ввозомъ и вывозомъ.

Если, съ одной стороны, ввозу англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій содѣйствовалъ кредитъ, оказываемый американскими банками, то съ другой—англійскій банкъ игралъ имъ въ руку какъ собственнымъ кредитомъ, такъ и минимальною нормою своего дис-

конта. Изъ оффиціальныхъ отчетовъ комитета торговли и мануфактуръ въ Англіи видно, что вслѣдствіе этихъ дисконтовъ англійскій банкъ уменшилъ свою металлическую наличность съ 8 на 2 милліона фунтовъ стерлинговъ. Такимъ образомъ онъ ослаблялъ къ выгодѣ англійскихъ фабрикантовъ дѣйствіе американской протекціонной системы, а съ другой стороны облегчалъ и поощрялъ помѣщеніе американскихъ акцій и облигацій государственныхъ займовъ въ Англіи. Ибо пока въ Англіи можно было найти деньги за три процента, американскіе предприниматели и посредники по заключенію займовъ, предлагавшіе шесть процентовъ, не могли не найти въ Англіи недостатка въ лицахъ, желающихъ купить эти акціи и облигаціи.

Такое положеніе дѣлъ, приведшее американскія фабрики къ послѣдовательному упадку, обнаружило, однако-же, что большое благосостояніе было лишь кажущимся, ибо американскіе земледѣльцы находили въ рабочихъ, занятыхъ общественными работами и оплачиваемыхъ англійскими капиталами, источникъ сбыта большей части избытка сельскихъ продуктовъ, которую при свободѣ торговлѣ они отправили бы въ Англію, а при системѣ покровительства туземнымъ фабрикамъ продали бы фабричному населенію. Однако при разъединеніи національныхъ интересовъ такое противоестественное положеніе не могло продолжаться, и переломъ долженъ былъ тѣмъ гибельнѣе отразиться на Сѣверной Америкѣ, чѣмъ далѣе онъ отсрочивался. Это положеніе сходно съ положеніемъ должника, котораго кредиторъ, съ помощію возобновляемыхъ кредитовъ, можетъ долго поддерживать, но несостоятельность котораго тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дольше онъ былъ въ состояніи продолжать свои раззорительныя операціи, благодаря поддержкѣ кредитора.

Крахъ американскихъ банковъ былъ вызванъ необыкновеннымъ отливомъ изъ Англіи за границу благородныхъ металловъ, который въ свою очередь обусловливался недостаточностію урожаевъ и континентальною протекціонною системою. Мы говоримъ: континентальною протекціонною системою потому, что если бы англичанамъ были открыты европейскіе рынки, то они покрыли бы большую часть чрезвычайныхъ закупокъ хлѣба чрезвычайнымъ отпускомъ мануфактурныхъ издѣлій, и ихъ звонкая монета—въ томъ случаѣ, если бы она отвлечена была на континентъ—очень скоро, вслѣдствіе огромнаго вывоза англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, снова вернулась бы въ

Англію. Въ такомъ случаѣ безъ сомнѣнія континентальныя фабрики пали бы жертвою англо-американскихъ торговыхъ операцій.

Но при такомъ положеніи дѣла англійскій банкъ могъ выйти изъ затрудненія не иначе, какъ ограничивъ свой кредитъ и возвысивъ дисконтъ. Вслѣдствіе этой мѣры въ Англіи не только сократился спросъ на акціи и государственныя облигаціи Соединенныхъ Штатовъ, но даже послѣдовалъ наплывъ на рынокъ и тѣхъ бумагъ, которыя были въ обращеніи. Этимъ у Соединенныхъ Штатовъ не только отнималось средство для покрытія ихъ текущаго дефицита новымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ, но и весь долгъ, накопившійся вслѣдствіе продажи въ Англію въ теченіе многихъ лѣтъ акцій и облигацій американскихъ государственныхъ займовъ, былъ на самомъ дѣлѣ потребованъ обратно. Тогда оказалось, что обращавшаяся въ Америкѣ звонкая монета была въ дѣйствительности собственностію Англіи Болѣе того: оказалось, что англичане могли по своему желанію располагать тою наличностію, обладаніе которою составляло основу банковой и кредитной системы Соединенныхъ Штатовъ. И если бы они пожелали, то вся эта система рухнула бы, какъ карточный домикъ, а съ нею разсыпался бы и фундаментъ, на которомъ покоилась цѣнность земельной собственности, а слѣдовательно и экономическое существованіе громаднаго числа частныхъ лицъ.

Американскіе банки пытались отвратить крахъ, прекративъ размѣнъ билетовъ на звонкую монету, и это было единственнымъ средствомъ нѣсколько его ослабить; съ одной стороны банки пытались выиграть время, чтобы уменьшать долгъ Соединенныхъ Штатовъ новыми урожаями хлопка и такимъ образомъ мало по малу погашать его; съ другой прекращеніемъ кредита они надѣялись уменьшить ввозъ мануфактурныхъ издѣлій изъ Англіи и срѣзать его на будущее время съ собственнымъ вывозомъ.

Очень сомнительно однако, чтобы вывозъ хлопка могъ достичь тѣхъ размѣровъ, какихъ достигъ ввозъ мануфактурныхъ издѣлій. Дѣйствительно уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ производство этого продукта постоянно превышаетъ потребленіе, такъ что цѣна на этотъ продуктъ болѣе и болѣе падаетъ. Присоедините къ этому, что хлопчато-бумажное производство съ одной стороны встрѣтило сильную конкурренцію со стороны льнянаго производства, доведеннаго въ наши дни съ помощію машинъ до высокой степени совер-

шенства, съ другой стороны оно должно было конкуррировать съ хлопчато-бумажнымъ же производствомъ въ Техасѣ, Египтѣ, Бразиліи и Остъ-индіи. Во всякомъ случаѣ нужно обратить вниманіе на то, что вывозъ хлопка изъ Сѣверной Америки не представляетъ выгодъ для тѣхъ штатовъ, которые болѣе всего потребляютъ англійскія мануфактурныя издѣлія.

Этимъ штатамъ, и именно тѣмъ, которые получаютъ средства для пріобрѣтенія мануфактурныхъ издѣлій, благодаря земледѣлію и скотоводству, грозитъ въ настоящее время кризисъ совсѣмъ иного рода. Американское фабричное производство было подавлено ввозомъ англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій. Весь приростъ населенія и капитала устремился, вслѣдствіе этого, на новыя мѣста на Востокѣ. Всякое новое поселеніе увеличиваетъ сначала спросъ на земледѣльческіе продукты, но по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ оно само даетъ значительный избытокъ. Въ настоящее время эти поселенія достигли уже указаннаго положенія.

Западные штаты въ ближайшемъ будущемъ будутъ отправлять по вновь устроеннымъ каналамъ и желѣзнодорожнымъ путямъ невѣроятный избытокъ продуктовъ земледѣлія въ восточные штаты, между тѣмъ какъ въ этихъ послѣднихъ, вслѣдствіе упадка фабричной промышленности подъ вліяніемъ иностранной конкурренціи, число потребителей уменьшилось и должно постоянно уменьшаться. Это необходимо должно вызвать обезцѣненіе земледѣльческихъ продуктовъ и земельной собственности, и если союзъ не поспѣшитъ принять мѣръ (*) для устраненія тѣхъ источниковъ, откуда берутъ свое начало указанные выше денежные кризисы, то общее банкротство земледѣльцевъ въ земледѣльческихъ штатахъ станетъ неизбѣжнымъ.

Изъ выясненныхъ здѣсь коммерческихъ отношеній между Англіей и Сѣверной Америкой можно вывести слѣдующія заключенія:

1) страна, стоящая гораздо ниже Англіи по количеству капиталовъ и по развитію фабрично-заводской промышленности, не можетъ предоставить широкій ввозъ къ себѣ англійскихъ фабричныхъ издѣлій, не рискуя сдѣлаться постояннымъ дебиторомъ, поставить

(*) Эти мѣры были приняты со времени появленія въ свѣтъ сочиненія Фр. Листа о національной системѣ политической экономіи.

Прим. К. В. Тр—ва.

себя въ зависимость отъ ея кредитныхъ учрежденій и впасть въ круговоротъ земледѣльческихъ, мануфактурныхъ и коммерческихъ кризисовъ;

2) англійскій банкъ своими операціями былъ въ состояніи понижать цѣны англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій на подчиненномъ его вліянію американскомъ рынкѣ въ пользу англійскихъ и въ ущербъ американскихъ фабрикъ;

3) англійскій національный банкъ своими операціями достигъ того, что американцы въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ потребляли цѣнности въ формѣ ввозныхъ товаровъ въ размѣрѣ большемъ, чѣмъ могли заплатить своими земледѣльческими продуктами, и что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ американцы покрывали свой дефицитъ выпускомъ въ Англію акцій и облигацій американскихъ государственныхъ займовъ;

4) при такихъ обстоятельствахъ американцы пользовались для внутренней торговли и банковыхъ операцій звонкою монетою, большую часть которой англійскій банкъ могъ потребовать, когда ему было угодно;

5) рыночныя колебанія денегъ при всякихъ обстоятельствахъ производятъ самое пагубное вліяніе на экономическую жизнь націй, въ особенности тамъ, гдѣ бумажно-денежное обращеніе обезпечивается ограниченнымъ количествомъ драгоцѣнныхъ металловъ;

6) эти колебанія на денежномъ рынкѣ и происходящіе отсюда кризисы не могутъ быть предупреждены и потому солидная кредитная система можетъ быть прочною только при условіи равновѣсія между ввозомъ и вывозомъ;

7) *это равновѣсіе устанавливается тѣмъ труднѣе, чѣмъ свободнѣе допускается конкурренція иностранныхъ мануфактуръ съ туземными, и чѣмъ болѣе стѣсненъ вывозъ земледѣльческихъ произведеній страны иностранными таможенными мѣропріятіями; наконецъ, это равновѣсіе будетъ тѣмъ устойчивѣе, чѣмъ менѣе страна будетъ въ зависимости отъ другихъ націй въ удовлетвореніи своихъ потребностей въ мануфактурныхъ издѣліяхъ и въ сбытѣ своихъ земледѣльческихъ продуктовъ.*

Эти уроки подтверждаются и опытомъ Россіи.

Всѣ помнятъ, какимъ судорожнымъ колебаніямъ подвергался государственный кредитъ въ Русской имперіи, пока русскій рынокъ былъ открытъ для обильнаго притока англійскихъ мануфактур-

ныхъ издѣлій, со времени-же введенія таможеннаго тарифа 1821 года въ Россіи не встрѣчалось ничего подобнаго.

Очевидно, господствующая теорія впала въ крайность, противоположную ошибкамъ такъ называемой меркантильной системы. Во всякомъ случаѣ ошибочно было думать, что богатство народовъ заключается только въ благородныхъ металлахъ; что нація можетъ обогащаться только въ томъ случаѣ, если она вывозитъ товаровъ больше, чѣмъ ввозитъ, такъ что равновѣсіе въ торговомъ балансѣ можно было достигнуть лишь ввозомъ благородныхъ металловъ. Но несправедливо также, когда господствующая теорія присовременныхъ міровыхъ отношеніяхъ утверждаетъ, что дѣло не въ томъ, много или мало обращается въ странѣ благородныхъ металловъ, что скорѣе слѣдовало-бы поощрять ихъ вывозъ, чѣмъ ввозъ и т. д. Это разсужденіе было-бы справедливо лишь въ томъ случаѣ, если-бы всѣ націи и страны были объединены въ одномъ федеративномъ союзѣ; если-бы не устанавливалось никакихъ таможенныхъ ограниченій для вывоза нашихъ земледѣльческихъ продуктовъ въ тѣ страны, мануфактурныя издѣлія которыхъ мы можемъ оплачивать только этими продуктами; если-бы непостоянство войны и мира и т. д. не причиняло никакихъ колебаній въ производствѣ и потребленіи, въ цѣнахъ и въ денежномъ обращеніи; если-бы обширныя кредитныя учрежденія не пытались распространять свое вліяніе на другія страны въ интересахъ той націи, которой они принадлежатъ. Но пока существуетъ разобщенность національныхъ интересовъ, государственная осторожность каждой великой націи требуетъ предупрежденія, посредствомъ таможенныхъ пошлинъ, тѣхъ колебаній въ монетной системѣ и пертурбацій въ цѣнахъ, которыя разрушаютъ всю ея внутреннюю экономическую жизнь, а этой цѣли можно достигнуть не иначе, какъ установленіемъ прочнаго равновѣсія между фабрично-заводскимъ и земледѣльческимъ производствами страны, между ввозомъ и вывозомъ.

Господствующая теорія, очевидно, въ области международной торговли не сдѣлала должнаго различія между *обладаніемъ* благородными металлами и *способностію обладать* таковыми. Уже въ частныхъ сношеніяхъ необходимость этого различія сказывается съ полною очевидностію. Никто не хочетъ хранить денегъ, всякій старается отдѣлаться отъ нихъ, но всякій стремится къ

тому, чтобы имѣть возможность обладать во всякое время необходимою для него суммою.

Равнодушіе къ обладанію деньгами всюду пропорціонально богатству. Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ менѣе стремится онъ къ храненію денегъ, онъ обезпечиваетъ себя только тѣмъ, чтобы во всякое время имѣть возможность воспользоваться деньгами, находящимися въ чужихъ кассахъ; напротивъ, чѣмъ человѣкъ бѣднѣе, чѣмъ онъ обладаетъ меньшей возможностію доставать деньги, находящіяся въ чужихъ рукахъ, тѣмъ старательнѣе долженъ онъ заботиться о томъ, чтобы имѣть въ непосредственномъ обладаніи денежные резервы. Тоже самое имѣетъ мѣсто и съ націями боботатыми и бѣдными промышленностію. Если Англія, вообще, мало безпокоится о количествѣ слитковъ золота и серебра, которые уходятъ за границу, то она отлично знаетъ, что усиленный отливъ благородныхъ металловъ имѣетъ послѣдствіемъ съ одной стороны повышеніе у нея цѣнъ этихъ металловъ и дисконта, съ другой стороны пониженіе цѣнъ на мануфактурныя издѣлія; вслѣдствіе такого пониженія этихъ цѣнъ усиливается вывозъ предметовъ сказанныхъ издѣлій или реализація иностранныхъ акцій и облигацій государственныхъ займовъ, и золото и серебро быстро снова въ нужномъ для нея количествѣ къ ней вернется. Англія— это богатый банкиръ, который, не имѣя мѣднаго гроша въ карманѣ, можетъ получить какую угодно сумму отъ своихъ близкихъ или отдаленныхъ должниковъ. Но если необыкновенный отливъ звонкой монеты является у націй исключительно земледѣльческихъ, то ихъ положеніе далеко не такъ благопріятно, потому что ихъ средства для пріобрѣтенія необходимой для нихъ денежной металлической наличности ограничены не только вслѣдствіе незначительной мѣновой цѣнности ихъ земледѣльческихъ продуктовъ, но также и по причинѣ препятствій, которыя создаются иностранными законодательствами относительно ввоза ихъ продуктовъ въ эти страны. Онѣ походятъ на бѣднаго человѣка, который въ случаѣ нужды не можетъ достать необходимаго ему количества денегъ, т. е. онъ не можетъ своего должника — богатаго человѣка заставить произвести ему уплату, такъ какъ послѣдній имѣетъ право востребованія съ него долга; а когда богатый окажется въ затруднительномъ положеніи, то онъ взыщетъ свой долгъ съ бѣднаго, слѣдовательно бѣдный не можетъ

считать своею собственностью то, что дѣйствительно находится въ его рукахъ.

— *Способность обладать* необходимою во всякое время суммою звонкихъ денегъ для внутренней торговли нація пріобрѣтается главнымъ образомъ посредствомъ обладанія или производства товаровъ и цѣнностей, мѣновая сила которыхъ наиболѣе приближается къ благороднымъ металламъ.

При обсужденіи вопросовъ международной торговли школа также мало обращаетъ вниманія на степень различія мѣновой силы разныхъ предметовъ, равно и на способность обладать драгоцѣнными металлами.

Если мы будемъ наблюдать въ этомъ отношеніи различныя цѣнности, обращающіяся въ торговлѣ, то замѣтимъ, что многія изъ нихъ настолько прикрѣплены, что онѣ могутъ быть реализованы лишь въ данномъ мѣстѣ, при чемъ и самая продажа ихъ сопряжена съ большими издержками и трудностями. Онѣ составляютъ болѣе трехъ четвертей народнаго богатства, это—недвижимая собственность и связанныя съ нею орудія производства. Какъ бы ни была велика земельная собственность отдѣльнаго лица, онъ не можетъ послать въ городъ своихъ полей и луговъ для пріобрѣтенія денегъ или товаровъ. Конечно, онъ можетъ заложить ихъ, но для этого ему нужно найти заимодавца, и чѣмъ болѣе онъ удаляется отъ своей недвижимой собственности, тѣмъ менѣе вѣроятности для удовлетворенія его потребности.

Послѣ цѣнностей, связанныхъ съ мѣстомъ, самою незначительною мѣновою силою въ международной торговлѣ обладаютъ земледѣльческіе продукты, за исключеніемъ колоніальныхъ товаровъ и небольшаго количества цѣнныхъ предметовъ. Наибольшая часть этихъ цѣнностей, каковы: строительные матеріалы и топливо, зерновые хлѣба, плоды и скотъ, находятъ сбытъ лишь въ ближайшихъ мѣстностяхъ, и когда онѣ въ большомъ избыткѣ, то для нихъ требуются скады или магазины, чтобы имѣть возможность ихъ реализовать. При отправленіи подобныхъ продуктовъ за границу ихъ сбытъ опять ограничивается лишь нѣсколькими промышленными и торговыми націями, да и у этихъ націй онъ сплошь и рядомъ обусловливается ввозными пошлинами и результатами собственныхъ урожаевъ. Внутренніе штаты Сѣверной Америки хотя бы и были переполнены скотомъ и земледѣльческими продуктами, тѣмъ не

менѣе не были бы въ состояніи посредствомъ вывоза избытка получить значительныхъ суммъ благородныхъ металловъ изъ Южной Америки, Англіи или европейскаго континента. Безъ всякаго сравненія бо́льшею мѣновою силою обладаютъ цѣнные мануфактурныя издѣлія общаго потребленія.

Они находятъ обыкновенно сбытъ на всѣ открытые рынки міра, а во время сильныхъ кризисовъ, когда падаютъ цѣны, даже на тѣ рынки, гдѣ покровительственныя пошлины были разсчитаны лишь на обычный порядокъ вещей. Мѣновая сила этихъ цѣнностей, очевидно, наиболѣе приближается къ мѣновой силѣ благородныхъ металловъ, и опытъ Англіи показываетъ, что при монетныхъ кризисахъ, вызываемыхъ неурожаями, усиленный вывозъ мануфактурныхъ издѣлій, а также акцій и облигацій государственныхъ займовъ, быстро снова возстановляетъ равновѣсіе. Послѣдніе, т. е. иностранныя акціи и облигаціи государственныхъ займовъ, обладаніе которыми является очевидно результатомъ благопріятнаго торговаго баланса, вызваннаго вывозомъ мануфактурныхъ издѣлій, служатъ въ рукахъ промышленной націи векселями, приносящими земледѣльческой націи проценты,—векселями, которые при необыкновенной нуждѣ этой націи въ благородныхъ металлахъ могутъ быть проданы, хотя и съ потерею для отдѣльныхъ лицъ (подобно продажѣ фабричныхъ издѣлій во время монетнаго кризиса), но съ громадною выгодою для поддержанія національно-экономическаго состоянія промышленной страны.

Хотя школа относилась съ пренебреженіемъ къ доктринѣ о торговомъ балансѣ, но изложенныя нами выше наблюденія позволяютъ намъ высказать здѣсь мнѣніе, что между великими и независимыми націями существуетъ нѣчто въ родѣ торговаго баланса; что для великихъ націй было бы опасно долгое время испытывать невыгоды этого баланса и что значительный и продолжительный отливъ драгоцѣнныхъ металловъ всегда долженъ сопровождаться значительнымъ разстройствомъ кредитной системы и колебаніемъ цѣнъ внутри страны. Мы далеки отъ того, чтобы защищать доктрину о торговомъ балансѣ въ томъ видѣ, какъ его понимала такъ называемая меркантильная система, и не раздѣляемъ убѣжденія, что нація должна всѣми способами предупреждать отливъ благородныхъ металловъ, или что ей необходимо строго считаться съ каждою націею въ отдѣльности, или что въ торговыхъ сноше-

ніяхъ между великими націями нужно останавливаться на разницѣ въ нѣсколько милліоновъ между вывозомъ и ввозомъ. Что̀ мы отрицаемъ, такъ это только то, что великая и независимая нація, какъ это утверждаетъ Адамъ Смитъ въ концѣ главы, посвященной этому вопросу, можетъ „ежегодно ввозить значительно большее количество цѣнностей въ видѣ земледѣльческихъ продуктовъ и мануфактурныхъ издѣлій, чѣмъ вывозить ихъ, равно допустить, какъ имѣющееся въ ея распоряженіи количество благородныхъ металловъ можетъ уменьшаться съ года на годъ, и что она можетъ замѣнить металлическое денежное обращеніе во внутреннихъ оборотахъ бумажнымъ, наконецъ, что такая нація можетъ увеличивать постоянно свои займы у другой націи, и, рядомъ съ возрастаніемъ государственнаго долга, въ то же время съ года на годъ увеличивать свое благосостояніе“.

Это именно положеніе, выраженное Адамомъ Смитомъ и поддержанное его школой, мы объявляемъ сто разъ опровергнутымъ опытомъ, противорѣчащимъ здравому пониманію природы вещей, наконецъ, *абсурднымъ*—позволимъ себѣ возвратить Адаму Смиту это его энергичное выраженіе.

Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ не о странахъ которыя сами съ выгодою добываютъ благородные металлы, и гдѣ слѣдовательно вывозъ этихъ металловъ носитъ такой-же характеръ, какъ вывозъ мануфактурныхъ издѣлій. Точно также мы не говоримъ о разницѣ въ торговомъ балансѣ, которая необходимо должна существовать, когда нація таксируетъ какъ ввозимые, такъ и вывозимые предметы по тѣмъ цѣнамъ, какія существуютъ въ ея собственныхъ приморскихъ городахъ. Ясно и неоспоримо, что въ такомъ случаѣ у каждой націи сумма ввоза должна превышать вывозъ на всю сумму ея торговой прибыли, а это обстоятельство говоритъ всегда въ ея пользу. Еще менѣе склонны мы оспаривать тѣ исключительные случаи, когда превышенія вывоза оказываются скорѣе убыточными, чѣмъ прибыльными, какъ напр. при потерѣ цѣнностей вслѣдствіе кораблекрушеній. Школа ловко воспользовалась призрачною вѣрностію конторскаго исчисленія и сравненія цѣнности вывоза и ввоза, чтобы отвести намъ глаза отъ той убыточности, происходящей отъ дѣйствительнаго, постояннаго и громаднаго несоотвѣтствія между ввозомъ и вывозомъ великой и независимой націи, которая выражается въ невѣроятныхъ цифрахъ,

какъ напр. во Франціи въ 1786—1789 годахъ, въ Россіи въ 1820—1821 и въ Сѣверной Америкѣ послѣ билля о компромиссѣ.

Наконецъ—и это главнымъ образомъ необходимо замѣтить—мы не желаемъ говорить ни о колоніяхъ, ни о странахъ, которыя не имѣютъ самостоятельности, ни о незначительныхъ изолированныхъ государствахъ, ни объ отдѣльныхъ свободныхъ городахъ, но лишь о цѣлыхъ великихъ и независимыхъ націяхъ, которыя имѣютъ свою независимую торговую систему, національную земледѣльческо-мануфактурную систему, національную систему денежнаго обращенія и банковаго кредита.

Очевидно отъ природы самихъ *колоній* зависитъ то, что ихъ вывозъ можетъ значительно и постоянно превышать ввозъ, хотя это и не даетъ еще права заключать объ увеличеніи или уменьшеніи ихъ благосостоянія. Благосостояніе колоніи всегда увеличивается въ соотвѣтствіи съ *общею суммою* съ года на годъ развивающагося ввоза и вывоза. Если вывозъ изъ нихъ колоніальныхъ товаровъ значителенъ и постоянно превышаетъ ввозъ мануфактурныхъ издѣлій, то главная причина этого лежитъ въ томъ, что земельные собственники колоній живутъ въ метрополіи и получаютъ свою ренту или въ видѣ колоніальныхъ товаровъ, или въ деньгахъ, вырученныхъ отъ ихъ продажи. Если, напротивъ, вывозъ фабрикатовъ въ колонію превышаетъ ввозъ колоніальныхъ товаровъ, то это можетъ обусловливаться тѣмъ, что ежегодный притокъ въ колонію громадной массы капиталовъ вызывается эмиграціею и займами. Такой порядокъ вещей въ высшей степени благопріятенъ для колоніи. Онъ можетъ длиться въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, и при такомъ порядкѣ торговые кризисы или рѣдки или невозможны, потому что колоніямъ не угрожаютъ ни война, ни враждебныя торговыя мѣропріятія, ни операціи національнаго банка метрополіи, потому что у нихъ нѣтъ собственной и независимой торговой, кредитной и промышленной системы, а между тѣмъ онѣ пользуются постояннымъ покровительствомъ и поддержкою кредитныхъ учрежденій и законовъ метрополіи.

Подобныя отношенія существовали съ пользою цѣлые вѣка между Сѣверной Америкой и Англіей, существуютъ и въ наше время между Англіей и Канадой и вѣроятно просуществуютъ еще столѣтія между Англіей и Австраліей.

Но эти отношенія измѣняются въ корнѣ съ того момента, когда

колонія вступаетъ на путь независимой націи со всѣми притязаніями на аттрибуты великой и самостоятельной національности и стремится создать собственное могущество и собственную политику, собственную торговую и кредитную систему. Теперь бывшая колонія издаетъ законы въ видахъ особеннаго покровительства своему торговому мореходству и военному флоту, она устанавливаетъ таможенную систему въ пользу внутренней промышленности, учреждаетъ національный банкъ и т. д., изъ чего слѣдуетъ, что она чувствуетъ уже себя призванною перейти отъ колоніальной зависимости къ самостоятельности, благодаря своимъ умственнымъ, физическимъ и экономическимъ вспомогательнымъ средствамъ, и стать мануфактурною и коммерческою націею. Метрополія же, напротивъ, съ своей стороны препятствуетъ развитію мореходства торговли и земледѣлія своей бывшей колоніи и посредствомъ своихъ кредитныхъ учрежденій стремится къ поддержанію исключительно своихъ національно-экономическихъ интересовъ.

Этимъ именно примѣромъ сѣверо-американскихъ колоній до ихъ войны за несависимость Адамъ Смитъ хотѣлъ доказать указанный выше свой въ высшей степени парадоксальный тезисъ, что страна можетъ пользоваться постоянно возрастающимъ благосостояніемъ, увеличивая свой вывозъ золота и серебра, ограничивая металлическое денежное обращеніе, расширяя бумажное денежное обращеніе и увеличивая свой долгъ другой націи. Адамъ Смитъ поостерегся указать на примѣръ двухъ давно уже независимо стоящихъ другъ отъ друга націй, соперничающихъ между собою въ мореходствѣ, торговлѣ, мануфактурной промышленности и земледѣліи; для доказательства своего положенія онъ указываетъ намъ лишь на отношенія колоніи къ ея метрополіи. Если-бы онъ дожилъ до нашихъ дней и теперь писалъ свою книгу, то, конечно, не рѣшился - бы сослаться на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ теперь этотъ примѣръ доказалъ - бы совершенно противоположное тому, что Адамъ Смитъ хотѣлъ доказать.

При такого рода обстоятельствахъ — можно-ли возражать противъ этого?—для Соединеныхъ Штатовъ было-бы несравненно выгоднѣе стать снова въ колоніальныя отношенія къ Англіи. На это мы отвѣтимъ: да! если только Сѣверная Америка не умѣетъ воспользоваться своею національною независимостью для созданія національной промышленности, самостоятельной и независимой отъ

внѣшнихъ вліяній системы торговли и кредита. Развѣ не ясно, что если-бы эти колоніи не отдѣлились отъ метрополіи, то не былъ-бы проведенъ англійскій хлѣбный билль, Англія никогда не обложила-бы чрезмѣрною пошлиною американскій табакъ, массы строеваго лѣса безпрепятственно направлялись - бы изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Англію, Англія, будучи далека отъ мысли поощрять воздѣлываніе хлопка въ другихъ странахъ, постаралась-бы создать и сохранить монополію этого производства за сѣверо-американцами; вмѣстѣ съ тѣмъ и торговые кризисы, которые съ начала нынѣшняго столѣтія угнетали Сѣверную Америку, не имѣли - бы мѣста. Да! если Соединенные Штаты не хотятъ или не могутъ заниматься фабричнымъ производствомъ, выработать устойчивую систему кредита, достичь морскаго могущества, тогда жители Бостона напрасно выбросили чай въ море, тогда безполезны всѣ ихъ декларацiи въ пользу независимости и будущаго національнаго величія, въ такомъ случаѣ самое лучшее, что они могли сдѣлать— это вернуться какъ можно скорѣе въ колоніальную зависимость отъ Англіи. Тогда Англія будетъ имъ покровительствовать вмѣсто того, чтобы стѣснять, она раззоритъ конкуррентовъ Сѣверной Америки по культурѣ хлопка и зерновыхъ хлѣбовъ, вмѣсто того, чтобы создавать со всею энергіею для нея новыхъ конкуррентовъ. Англійскій національный банкъ откроетъ въ Сѣверной Америкѣ филіальное отдѣленіе, англійское правительство будетъ поощрять эмиграцію и отливъ капиталовъ въ Сѣверную Америку и, совершенно уничтожая американское фабричное производство и поощряя вывозъ американскаго сырья и земледѣльческихъ продуктовъ въ Англію, съ отеческою заботливостью будетъ предупреждать возвратъ торговыхъ кризисовъ и поддерживать постоянное равновѣсіе между ввозомъ и вывозомъ колоніи. Однимъ словомъ, американскіе рабовладѣльцы и плантаторы хлопка дождутся тогда осуществленія своихъ лучшихъ грезъ.

И дѣйствительно, подобныя отношенія больше удовлетворяютъ патріотизму, интересамъ и нуждамъ плантаторовъ, чѣмъ національная самостоятельность и величіе Соединительныхъ Штатовъ. Только при первыхъ порывахъ къ свободѣ и независимости мечтали они о промышленной самостоятельности. Но скоро они остыли и уже цѣлую четверть вѣка страшитъ ихъ промышленное благосостояніе центральныхъ и западныхъ штатовъ, они пытаются доказать въ

конгрессѣ, что благосостояніе Америки обусловливается промышленнымъ господствомъ Англіи надъ Соединительными Штатами. Что же это значитъ, какъ не то, что Сѣверная Америка сдѣлалась бы богаче и счастливѣе, ставши снова англійскою колоніею?

Вообще намъ кажется, что защитники свободной торговли въ томъ, что касается денежныхъ кризисовъ и торговаго баланса, а также фабрично-заводской промышленности, поступили бы гораздо послѣдовательнѣе, если бы совершенно откровенно посовѣтовали всѣмъ націямъ стать въ подчиненныя отношенія къ Англіи и такимъ образомъ воспользоваться всѣми выгодами англійскихъ колоній. Это подчиненное положеніе было бы очевидно несравненно благопріятнѣе для ихъ экономическаго положенія, чѣмъ двусмысленность положенія тѣхъ націй, которыя, не создавъ собственной системы мануфактурной промышленности, торговли и кредита, домогаются тѣмъ не менѣе независимости по отношенію къ Англіи. Развѣ не очевидно, сколько выиграла бы Португалія, если бы со времени заключенія Метуэнскаго трактата она управлялась англійскимъ вице-королемъ, если бы Англія пересадила свое законодательство и національный духъ въ Португалію и если бы приняла эту страну подъ свое покровительство, какъ это она сдѣлала съ Остъ-Индіею? Развѣ не очевидно, какъ выгоденъ былъ бы подобный режимъ для Германіи—даже для всего Европейскаго континента?

Остъ-Индія, правда, раззорила въ пользу Англіи свою фабрично-заводскую промышленность, но развѣ она не выиграла безконечно въ своемъ земледѣліи и вывозѣ земледѣльческихъ продуктовъ? Развѣ не прекратились войны между ея магараджами? развѣ не чувствуютъ себя счастливыми остъ-индскіе князья и короли? развѣ они не сохранили своихъ огромныхъ частныхъ доходовъ? развѣ они не вполнѣ освободились отъ тяжелыхъ заботъ управленія страной?

Впрочемъ, достойно примѣчанія, хотя бы въ томъ родѣ, въ какомъ имѣетъ силу у Адама Смита подтвержденіе положеній парадоксами, что этотъ знаменитый писатель не смотря на всѣ свои аргументы противъ существованія торговаго баланса, тѣмъ не менѣе признаетъ нѣчто, что онъ называетъ балансомъ между потребленіемъ и производствомъ націй, но что при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается ничѣмъ инымъ, какъ

нашимъ *дѣйствительнымъ* торговымъ балансомъ. Нація, вывозъ и ввозъ которой находится въ достаточномъ равновѣсіи, можетъ быть увѣрена, что она (что касается ея національной торговли) не будетъ потреблять цѣнностей значительно больше, чѣмъ производитъ; между тѣмъ какъ нація, которая въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, какъ напримѣръ въ послѣднее время Сѣверная Америка, ввозитъ иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій гораздо больше, чѣмъ вывозитъ цѣнностей собственнаго земледѣльческаго производства, можетъ быть увѣрена, что по отношенію къ международной торговлѣ она потребляетъ значительно большее количество иностранныхъ цѣнностей, чѣмъ производитъ туземныхъ. На что же другое, какъ не на это, указывали кризисы во Франціи (въ 1788—1789), въ Россіи (въ 1820—1821) и Сѣверной Америкѣ (въ 1833)?

Въ заключеніе этой главы мы позволимъ себѣ предложить нѣсколько вопросовъ тѣмъ, которые относятъ все ученіе о торговомъ балансѣ къ области устарѣвшихъ сказокъ:

Почему это постоянно неблагопріятный балансъ въ тѣхъ странахъ, къ невыгодѣ которыхъ онъ клонится (за исключеніемъ колоній), всегда и безъ исключенія сопровождался торговыми кризисами, колебаніями цѣнъ, финансовыми затрудненіями и общею несостоятельностію какъ кредитныхъ учрежденій, такъ и отдѣльныхъ коммерсантовъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, а равно и земледѣльцевъ?

Почему это въ тѣхъ странахъ, которымъ балансъ рѣшительно благопріятствовалъ, постоянно наблюдались явленія противоположнаго характера, и почему торговые кризисы въ странахъ, съ которыми эти націи находились въ коммерческой связи, оказывали на нихъ лишь быстро проходящее невыгодное вліяніе?

Почему это, съ тѣхъ поръ какъ Россія сама удовлетворяетъ большую часть своихъ потребностей въ предметахъ фабрично-заводскаго производства, торговый балансъ рѣшительно и настойчиво клонится въ ея пользу? Почему съ тѣхъ поръ не слышно объ экономическихъ потрясеніяхъ въ Россіи, и почему благосостояніе этой Имперіи увеличивается съ года на годъ *)?

---

*) Въ данномъ случаѣ Фр. Листъ говоритъ о времени управленія русскими финансами графа Канкрина,—о томъ времени, которое даже и наши фритредеры, послѣдователи ученій Ад. Смита, называютъ «золотымъ вѣкомъ русскихъ финансовъ». *Прим. К. В. Тр—ва.*

Почему это въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ подобными причинами были вызваны подобныя же слѣдствія?

Почему въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ при огромномъ ввозѣ фабричныхъ издѣлій, послѣдовавшемъ за проведеніемъ компромиссъ-билля, торговый балансъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ былъ такъ замѣчательно для нихъ неблагопріятенъ, и почему это явленіе сопровождалось такими громадными продолжительными потрясеніями внутренней національной экономической жизни? Почему въ настоящее время, какъ мы видимъ, Соединенные Штаты до того переполнены сырьемъ всякаго рода (каковы хлопокъ, табакъ, скотъ, зерновые хлѣба и т. д.), что цѣны на него всюду упали до половины, и почему однако эти Соединенные Штаты не находятъ возможности возстановить равновѣсіе между ввозомъ и вывозомъ, покрыть свой долгъ Англіи и возстановить на прочныхъ основаніяхъ свою систему кредита?

Если не существуетъ торговаго баланса, если не придаютъ значенія тому, благопріятенъ онъ или неблагопріятенъ для насъ, если безразлично, великъ или незначителенъ отливъ драгоцѣнныхъ металловъ за границу, то почему Англія при неурожаяхъ (единственный случай, когда балансъ ей не благопріятствуетъ) начинаетъ съ безпокойствомъ и содраганіемъ сравнивать вывозъ съ ввозомъ? Почему тогда Англія считаетъ каждый унцъ ввозимаго или вывозимаго золота или серебра, и почему ея національный банкъ съ такимъ безпокойствомъ старается воспрепятствовать вывозу благородныхъ металловъ и содѣйствовать ввозу? Почему, спрашиваемъ мы, если торговый балансъ является только exploded fallacy (позорная ложь), зачѣмъ въ такое время нельзя указать ни одной англійской газеты, которая не говорила бы объ этомъ, какъ самомъ важномъ для страны предметѣ?

Почему въ Сѣверной Америкѣ тѣ самые люди, которые до проведенія компромисъ-билля считали торговый балансъ за exploded fallacy, со времени проведенія этого билля не перестаютъ говорить объ этомъ exploded fallacy, какъ о предметѣ самомъ важномъ для страны?

Если сама природа вещей постоянно доставляетъ каждой странѣ потребное ей количество благородныхъ металловъ, то почему англійскій банкъ пытается склонить эту природу вещей въ свою пользу ограниченіемъ кредита и повышеніемъ дисконта, и почему

американскіе банки отъ времени до времени видятъ себя вынужденными прекратить платежи звонкою монетою до тѣхъ поръ, пока ввозъ и вывозъ не достигнутъ извѣстнаго равновѣсія?

ГЛАВА XXIV.

Фабрично-заводская промышленность и принципъ самосохраненія и прогресса.

Если мы будемъ изслѣдовать прогрессъ отдѣльныхъ отраслей промышленности съ начала ихъ возникновенія, то найдемъ, что онѣ мало по малу овладѣвали улучшенными способами обработки, машинами, зданіями, выгодами производства, опытомъ, ловкостью и всѣми тѣми знаніями и отношеніями, которыя обезпечиваютъ имъ наивыгоднѣйшую доставку сырья и наивыгоднѣйшія условія сбыта ихъ продуктовъ.

Мы убѣждены, что обыкновенно несравненно легче усовершенствовать уже начатое предпріятіе и его расширить, чѣмъ создать новое. Мы всюду видимъ, что старыя предпріятія, надъ которыми работаютъ нѣсколько поколѣній, даютъ больше выгодъ, чѣмъ новыя. Мы замѣчаемъ, что тѣмъ труднѣе пустить въ ходъ новое предпріятіе, чѣмъ менѣе имѣется въ странѣ подобныхъ отраслей производства, потому что здѣсь предприниматель, мастеръ, рабочій должны учиться вести новое дѣло, или быть выписываемы изъ-за границы; при этомъ не имѣется еще достаточнаго понятія о тѣхъ результатахъ, которыхъ можетъ достигнуть предпріятіе, чтобы капиталисты могли быть увѣрены въ его успѣхѣ. Если мы сравнимъ положеніе отдѣльныхъ отраслей промышленности въ одной и той же странѣ въ различные періоды, то найдемъ повсюду, что онѣ, если только не было особенныхъ причинъ, вліявшихъ на нихъ разрушительно, достигали отъ поколѣнія къ поколѣнію значительнаго прогресса не только относительно дешевыхъ цѣнъ, но и относительно качества и количества продуктовъ. Съ другой стороны мы замѣчаемъ, что подъ вліяніемъ внѣшнихъ разрушительныхъ причинъ, каковы война, раззореніе страны и т. д., или подъ давленіемъ деспотическихъ и фанатическихъ государственныхъ или финансовыхъ мѣръ, какова напримѣръ отмѣна Нантскаго эдикта, цѣлыя

націи отодвигались назадъ на цѣлыя столѣтія въ ихъ промышленности вообще или, въ частности, въ отдѣльныхъ ея отрасляхъ и были опережаемы другими націями, которыя раньше были далеко позади ихъ.

Однимъ словомъ бросается въ глаза то, что въ промышленности, какъ и во всѣхъ другихъ человѣческихъ дѣлахъ, основою обширной дѣятельности является тотъ естественный законъ, который имѣетъ много общаго съ естественнымъ закономъ раздѣленія операцій труда и ассоціаціи производительныхъ силъ, — закономъ, сущность котораго состоитъ въ томъ, что нѣсколько слѣдующихъ одно за другимъ поколѣній подобнымъ же образомъ комбинируютъ, такъ сказать, свои силы для достиженія одной и той же цѣли и нѣкоторымъ образомъ раздѣляютъ между собой усилія, которыя для этого требуются. Въ силу этого самаго принципа наслѣдственная монархія была несравненно благопріятнѣе для поддержанія и укрѣпленій національности, чѣмъ избирательная монархія съ ея неустойчивостію царствующихъ династій.

Отчасти этотъ естественный законъ гарантируетъ громадные успѣхи въ промышленности, торговлѣ и мореплаваніи тѣмъ народамъ, которые съ давнихъ поръ живутъ подъ режимомъ правильно понятой конституціонной формы правленія. Только этимъ естественнымъ закономъ объясняется отчасти вліяніе письменности и книгопечатанія на успѣхи человѣчества. Только письменность создала болѣе совершенные, чѣмъ устное преданіе, способы для передачи человѣческихъ знаній и опытовъ отъ одного поколѣнія къ другому. Безъ сомнѣнія сознанію этого естественнаго закона нужно приписать отчасти возникновеніе у народовъ древности кастоваго устройства и установленіе въ Египтѣ закона, по которому сынъ долженъ былъ продолжать промыселъ отца; до изобрѣтенія и всеобщаго распространенія письма, такіе институты могли казаться необходимыми для поддержанія и дальнѣйшаго развитія искусствъ и промысловъ.

Цеховое устройство или корпораціи получили начало также отчасти подъ вліяніемъ такого воззрѣнія.

Сохраненіемъ и дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ искусствъ и наукъ, и передачею ихъ отъ одного поколѣнія другому мы обязаны въ значительной степени древнимъ кастамъ жрецовъ, монастырямъ и университетамъ.

Какого могущества, какого вліянія достигли духовные и рыцарскіе ордена и папскій престолъ вслѣдствіе того, что въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ преслѣдовалась одна и та же цѣль, что послѣдующее поколѣніе постоянно продолжало развивать дѣло, унаслѣдованное имъ отъ предыдущаго поколѣнія!

Еще очевиднѣе будетъ такая важность этого принципа, если обратить вниманіе на вещественныя сооруженія.

Отдѣльные города, монастыри и корпораціи воздвигали сооруженія, стоимость которыхъ, можетъ быть, превосходила стоимость всей ихъ нынѣшней собственности. Средства для этого они могли собрать только благодаря тому, что цѣлый рядъ поколѣній жертвовалъ своими сбереженіями для одной и той же великой цѣли.

Обратите вниманіе на систему каналовъ и шлюзъ Голландіи: она является результатомъ сбереженій и усилій многихъ поколѣній. Только цѣлому ряду поколѣній подъ силу созданіе общей національной системы путей сообщенія, общей системы укрѣпленій и защиты.

Государственная кредитная система является однимъ изъ прекраснѣйшихъ созданій новѣйшей администраціи и благословеніемъ для націй, поскольку она даетъ возможность современному поколѣнію распредѣлять на многія поколѣнія издержки тѣхъ сооруженій и предпріятій, въ которыхъ заинтересовано все будущее націи и которыя обезпечиваютъ ея существованіе, развитіе, величіе, могущество и пріумноженіе производительныхъ силъ; но эта же система является проклятіемъ, когда къ ней прибѣгаютъ для безполезнаго національнаго потребленія и этимъ не только не содѣйствуютъ успѣхамъ будущихъ поколѣній, но отнимаютъ у нихъ средства для разныхъ національныхъ предпріятій, или когда тяжесть уплаты процентовъ по національному долгу падаетъ на предметы потребленія рабочаго класса, вмѣсто того, чтобы ложиться тяжестью на доходы имущихъ классовъ.

Государственные долги — это вексель современнаго поколѣнія, выданный для уплаты будущимъ. Эти займы могутъ быть заключаемы исключительно въ интересахъ современнаго поколѣнія, или въ интересахъ будущихъ поколѣній, или въ общихъ интересахъ тѣхъ и другихъ. И только въ первомъ случаѣ они должны быть признаны средствомъ предосудительнымъ. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда имѣется въ виду поддержаніе и развитіе націо-

нальности, они принадлежатъ къ послѣдней категоріи постольку, поскольку потребныя для этого средства превышаютъ силы современнаго поколѣнія.

Никакія издержки современныхъ поколѣній не направляются столь рѣшительно и несомнѣнно къ значительной выгодѣ будущихъ поколѣній, какъ издержки на усовершенствованіе путей сообщенія, такъ какъ вообще подобныя сооруженія не только увеличиваютъ въ размѣрахъ необычайныхъ и въ постоянно возрастающей прогрессіи производительныя силы будущихъ поколѣній, но съ теченіемъ времени погашаютъ капиталъ на нихъ затраченный и даже приносятъ дивидендъ.

Современное поколѣніе не только имѣетъ такое же право возлагать на будущія поколѣнія погашеніе затраченнаго на подобныя предпріятія капитала вмѣстѣ съ процентами, пока они даютъ на этотъ предметъ доходъ, но оно отнеслось бы несправедливо къ самому себѣ и дѣйствовало бы вопреки истиннымъ законамъ національной экономіи, если бы приняло на себя всю тяжесть или значительную часть этого бремени.

Возвращаясь къ нашимъ изслѣдованіямъ о крупныхъ отрасляхъ промышленности, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, замѣтимъ, что даже въ земледѣліи безпрерывность работы имѣетъ большое значеніе, хотя эта работа и несравненно менѣе подвержена перерывамъ, чѣмъ въ фабрично-заводской промышленности, и что въ земледѣліи эти перерывы несравненно менѣе гибельны, и ихъ невыгодныя послѣдствія гораздо скорѣе и легче устраняются, чѣмъ въ фабрично-заводской проомышленности.

Какія бы тяжелыя потрясенія ни испытывало земледѣліе, собственныя потребности и собственное потребленіе земледѣльцевъ, общее распространеніе необходимыхъ для земледѣлія знаній и способностей, наконецъ, простота пріемовъ и сельско-хозяйственныхъ орудій недозволятъ земледѣлію притти въ совершенный упадокъ.

Даже послѣ опустошеній войны оно быстро возстановляется. Ни непріятель, ни иностранная конкурренція не въ состояніи отнять у земледѣлія его главнаго орудія—почвы, и нужны усилія цѣлаго ряда поколѣній, чтобы обратить плодоносныя поля въ пустыни или отнять у жителей средства къ занятію земледѣліемъ.

Наоборотъ, что касается фабрично-заводской промышленности, то самые легкіе и краткіе перерывы парализуютъ ее, а продолжительные

убиваютъ. Чѣмъ болѣе данная фабрикація требуетъ искусства и ловкости, чѣмъ значительнѣе сумма необходимыхъ для нея капиталовъ, и чѣмъ тѣснѣе затраченные капиталы связаны съ отдѣльной отраслью промышленности, тѣмъ гибельнѣе перерывъ. Машины и орудія превращаются въ негодное желѣзо и въ дрова, зданія—въ развалины, а рабочіе и техники эмигрируютъ или обращаются для заработковъ къ земледѣлію.

Такимъ образомъ въ короткое время исчезаетъ весь комплектъ силъ и предметовъ, который могъ образоваться только вслѣдствіе усилій и стараній нѣсколькихъ поколѣній.

Какъ при возрастаніи и преуспѣяніи фабрично-заводской промышленности одна отрасль вызываетъ другую, поддерживаетъ ее, двигаетъ впередъ и доводитъ до процвѣтанія, такъ, при упадкѣ мануфактурной промышленности, паденіе одной отрасли всегда является предвозвѣстникомъ паденія нѣсколькихъ другихъ и въ концѣ концовъ главныхъ элементовъ мануфактурной силы.

Убѣжденіе въ могущественномъ значеніи безпрерывности работъ и въ непоправимости ущерба, происходящаго отъ перерыва, и создало идею таможеннаго покровительства фабрично-заводской промышленности, а вовсе не страхъ и не эгоистическія требованія привиллегій со стороны фабрикантовъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда таможенное покровительство не въ состояніи помочь,—напримѣръ, когда фабрики страдаютъ отъ недостатка сбыта за границу, когда правительство не въ состояніи предупредить остановки въ производствѣ,—мы видимъ часто, что фабриканты продолжаютъ работать въ чистый убытокъ себѣ. Въ ожиданіи лучшаго времени они хотятъ избѣжать непоправимаго вреда отъ прекращенія работъ.

При свободной конкурренціи, для того чтобы заставить соперниковъ прекратить работы, нерѣдко фабриканты и заводчики продаютъ свои издѣлія по пониженнымъ цѣнамъ и чаще всего въ убытокъ себѣ. Они хотятъ не только предохранить себя отъ перерыва работъ, но и принудить къ этому другихъ въ надеждѣ вознаградить себя въ будущемъ возвышенными цѣнами за понесенные убытки.

Во всякомъ случаѣ стремленіе къ монополіи лежитъ въ природѣ фабрично-заводской промышленности; но это обстоятельство однако говоритъ не противъ, а за протекціонную систему, такъ

какъ въ границахъ внутренняго рынка это стремленіе содѣйствуетъ пониженію цѣнъ и успѣхамъ промышленности и національнаго благосостоянія, между тѣмъ какъ если оно съ особенной силой дѣйствуетъ на внутреннюю промышленность извнѣ, результатомъ его является перерывъ въ работахъ и упадокъ фабрикъ и заводовъ.

То обстоятельство, что фабрично-заводское производство, особенно съ тѣхъ поръ какъ оно получило такую необыкновенную поддержку въ машинахъ, не знаетъ границъ кромѣ тѣхъ, которыя ставятъ ей капиталъ и сбытъ,—позволяетъ націи, которая заняла первое мѣсто, благодаря непрерывности работъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, благодаря накопленію громадныхъ капиталовъ, обширной торговлѣ, господству на денежномъ рынкѣ при посредствѣ обширныхъ кредитныхъ установленій (которыя обладаютъ силою понижать цѣны фабричныхъ издѣлій и побуждать фабрикантовъ къ ихъ вывозу) — это обстоятельство позволяетъ націи, повторяемъ мы, объявить всѣмъ другимъ странамъ войну на жизнь и смерть.

При такихъ обстоятельствахъ совершенно невозможно, чтобы у другихъ націй, благодаря успѣхамъ земледѣлія, вслѣдствіе „естественнаго порядка вещей“, какъ выражается Адамъ Смитъ, возникло разнообразное фабрично-заводское производство, или чтобъ могли удержаться тѣ отрасли производства, которыя возникли подъ вліяніемъ вызванныхъ войною торговыхъ перерывовъ „естественнымъ путемъ“.

Такія націи находятся въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится ребенокъ или юноша, который, вступивъ въ борьбу съ взрослымъ, съ трудомъ можетъ выдерживать борьбу и даже оказывать сопротивленіе.

Фабрики націи, достигшей торговаго и промышленнаго верховенства (Англія), имѣютъ тысячи преимуществъ предъ только что зарождающимися или недоразвитыми фабриками другихъ націй.

Къ этимъ преимуществамъ принадлежатъ напримѣръ: массы опытныхъ и знающихъ рабочихъ и, притомъ, за дешевую цѣну, лучшіе техники, самыя совершенныя и дешевыя машины, огромныя выгоды при покупкѣ и продажѣ, въ особенности же дешевизна доставки сырыхъ матеріаловъ и отправки фабрикатовъ, обширный кредитъ фабрикантовъ въ банковыхъ учрежденіяхъ за ничтожный процентъ; опытъ, орудія, зданія, складочныя мѣста, сношенія, все

то, что можетъ быть собрано и организовано усиліями нѣсколькихъ поколѣній; обширный внутренній рынокъ и, что тоже самое, столь же обширный колоніальный рынокъ, слѣдовательно увѣренность при различныхъ обстоятельствахъ, вывезти съ громадною выгодою отъ себя массу фабрично-заводскихъ издѣлій; наконецъ, гарантія устойчивости и достаточности средствъ на цѣлые годы для обезпеченія будущаго въ случаѣ, если понадобится покорить иностранный рынокъ.

Разсматривая одно за другимъ эти преимущества, нельзя не признать, что при такомъ могуществѣ безразсудно было-бы возлагать надежды на естественный порядокъ вещей при свободной конкурренціи, когда приходится воспитывать рабочихъ и техниковъ, когда машинное производство и пути сообщенія только въ зародышѣ, когда для фабриканта не обезпеченъ внутренній рынокъ, не говоря уже о невозможности большаго сбыта за границу, когда фабрикантъ въ лучшемъ случаѣ считаетъ себя счастливымъ найти кредитъ въ предѣлахъ насущной потребности, когда ни одного дня нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что вслѣдствіе торговыхъ кризисовъ и банковскихъ операцій Англіи внутренній рынокъ не будетъ наводненъ массою иностранныхъ фабричныхъ издѣлій по такимъ цѣнамъ, которыя едва въ состояніи оплатить стоимость сырья и которыя такимъ образомъ могутъ остановить развитіе фабрично-заводскаго дѣла на нѣсколько лѣтъ.

Напрасно такія націи обрекли бы себя на вѣчное подчиненіе англійскому мануфактурному верховенству и удовлетворились скромною ролью поставщиковъ Англіи тѣхъ предметовъ, которыхъ она сама не можетъ производить, или которыхъ не можетъ получить изъ другого мѣста. И въ этомъ униженіи себя они не нашли бы спасенія.

Къ чему послужило, напримѣръ, сѣверо-американцамъ то, что они пожертвовали для снабженія хлопкомъ Англіи благосостояніемъ прекраснѣйшихъ и образованнѣйшихъ штатовъ, штатами свободнаго труда и даже быть можетъ ихъ будущимъ національнымъ величіемъ. Препятствовали ли они такимъ образомъ Англіи получать этотъ матеріалъ изъ другихъ странъ свѣта? Напрасно нѣмцы задались-бы цѣлью выписывать для своего потребленія, взамѣнъ высокихъ сортовъ своей шерсти, англійскіе фабрикаты, едва ли-бы они этимъ воспрепятствовали Австраліи наводнить всю Европу высшими сортами шерсти.

Это подчиненное положеніе покажется еще болѣе печальнымъ, если принять въ соображеніе, что эти націи вслѣдствіе войны лишаются сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средствъ для покупки заграничныхъ фабричныхъ издѣлій.

Тогда всякія соображенія и экономическія системы теряютъ смыслъ и на сцену выступаетъ принципъ самосохраненія, самозащиты, который заставляетъ націи обратиться къ собственной переработкѣ земледѣльческихъ продуктовъ и обходиться безъ иностранныхъ фабричныхъ издѣлій. При такомъ положеніи дѣла нечего разсуждать, съ какими издержками связана запретительная система, вызванная войной?

Какъ бы ни были велики усилія и жертвы, понесенныя земледѣльческою націею для созданія въ теченіе войны фабрикъ и заводовъ, возобновляющаяся съ заключеніемъ мира конкуренція со стороны первой мануфактурной силы—сотретъ съ лица земли это зданіе, созданное нуждой. Однимъ словомъ, эта постоянная борьба созиданія и разрушенія, благосостоянія и бѣдствія—участь тѣхъ націй, которыя не стремятся обезпечить себѣ выгоды непрерывности работы изъ поколѣнія въ поколѣніе посредствомъ осуществленія національнаго раздѣленія операцій труда и ассоціаціи производительныхъ силъ.

ГЛАВА XXV.

Мануфактурная промышленность и средства, возбуждающія производство и потребленіе.

Въ обществѣ производить называютъ не только то, что производитъ продукты въ собственномъ смыслѣ или вызываетъ дѣятельность производительной силы, но и то, что возбуждаетъ производство и потребленіе или создаетъ производительныя силы.

Художникъ своими твореніями дѣйствуетъ облагораживающимъ образомъ на человѣческую душу и на производительныя силы общества, но такъ какъ наслажденіе искусствомъ предполагаетъ обладаніе тѣми матеріальными предметами, которыми это наслажденіе оплачивается, то слѣдовательно художникъ возбуждаетъ матеріальную производительность и побуждаетъ къ бережливости.

Книги и журналы, распространяя просвѣщеніе, вліяютъ на

умственное и матеріальное производство, но ихъ пріобрѣтеніе стоитъ денегъ, а потому и удовольствіе, которое они доставляютъ, является стимуломъ матеріальнаго производства.

Воспитаніе юнаго поколѣнія облагораживаетъ общество; но какъ много усилій приходится дѣлать родителямъ для пріобрѣтенія средствъ, необходимыхъ для того, чтобы дать дѣтямъ хорошее воспитаніе!

Какая масса моральныхъ и физическихъ усилій требуется въ расчетѣ быть принятымъ въ среду лучшаго общества!

Можно жить въ хижинѣ такъ же хорошо, какъ и въ городѣ, можно на ничтожную сумму денегъ защитить себя отъ холода и дождя такъ же хорошо, какъ и самыми красивыми и элегантными одеждами. Золотыя и серебряныя украшенія и домашняя утварь нисколько не удобнѣе стальныхъ и оловянныхъ. Но порядочность, связанная съ обладаніемъ этими предметами, вызываетъ умственныя и физическія усилія и возбуждаетъ стремленіе къ порядку и сбереженіямъ, и этому возбуждающему средству общество обязано значительною частью своей производительной способности.

Даже рантье, всѣ занятія котораго ограничиваются полученіемъ, сохраненіемъ и истребленіемъ своихъ доходовъ, оказываетъ разнообразное вліяніе на моральное и физическое производство. Во-первыхъ тѣмъ, что своимъ потребленіемъ поддерживаетъ искусства, науки и изящную промышленность, далѣе тѣмъ, что онъ, такъ сказать, исполняетъ функціи сохраненія и увеличенія матеріальнаго и общественнаго капитала, наконецъ, тѣмъ, что роскошью своей жизни возбуждаетъ соревнованіе въ прочихъ классахъ общества. Какъ цѣлая школа выдачею наградъ возбуждаетъ усилія учениковъ, хотя эти награды выпадаютъ на долю лишь немногихъ, такъ и богатство съ сопровождающею его пышностью возбуждаетъ все общество въ цѣломъ его составѣ. Естественно, что такое вліяніе исчезаетъ тамъ, гдѣ избытокъ матеріальныхъ средствъ является плодомъ узурпаціи, вымогательства или обмана, равно какъ и тамъ, гдѣ невозможно его пріобрѣсти и пользоваться его плодами на глазахъ общества.

Фабрично-заводская промышленность снабжаетъ насъ или орудіями производства, или средствами для удовлетворенія нашихъ потребностей, или предметами роскоши. Обыкновенно эти два послѣднія свойства смѣшиваются.

Вездѣ различные классы общества различаются какъ по жилищу, обстановкѣ, одеждѣ, такъ и по роскоши и качеству экипажей, числу и выправкѣ ихъ прислуги. На низшихъ ступеняхъ развитія фабрично-заводской промышленности это различіе слабо, другими словами — въ это время всѣ одинаково дурно живутъ, одинаково дурно одѣты, и духъ соревнованія совсѣмъ не существуетъ. Соревнованіе раждается и возрастаетъ по мѣрѣ развитія промысловъ. Въ странахъ, гдѣ процвѣтаютъ фабрики, всякій и живетъ и одѣвается хорошо, какъ бы ни различались по качеству потребляемыя мануфактурныя издѣлія. Никто, если только онъ чувствуетъ еще въ себѣ силы для работы, не захочетъ казаться нуждающимся. Мануфактурныя издѣлія содѣйствуютъ слѣдовательно соціальной производительности общества тѣми возбуждающими средствами, какихъ не можетъ доставить земледѣліе со всѣмъ его домашнимъ грубымъ производствомъ, сырьемъ и пищевыми продуктами.

Правда, существуетъ значительное различіе между пищевыми продуктами, и это является побудительнымъ средствомъ для каждаго имѣть хорошій столъ. Но публично не ѣдятъ, и потому совершенно справедливо говоритъ нѣмецкая поговорка: man sieht mir auf den Kragen, nicht auf den Magen *). Кто привыкъ съ дѣтства къ грубой пищѣ, у того рѣдко является желаніе имѣть лучшую. Гдѣ потребленіе ограничивается скуднымъ сосѣднимъ производствомъ, тамъ потребленіе пищевыхъ продуктовъ имѣетъ тѣсныя границы. Эти границы расширяются въ странахъ умѣреннаго пояса только привозомъ продуктовъ жаркаго пояса. Но въ одной изъ предыдущихъ главъ мы видѣли, что нельзя получить массы этихъ продуктовъ, достаточной для населенія цѣлой страны, иначе, какъ посредствомъ внѣшней торговли мануфактурными издѣліями.

Очевидно, колоніальные продукты, если только они не являются сырьемъ для обрабатывающей промышленности, служатъ скорѣе возбуждающими средствами, чѣмъ предметами питанія. Никто не станетъ оспаривать, что ячменный кофе безъ сахара такъ-же питателенъ, какъ и мокка съ сахаромъ.

Предположимъ, что эти продукты обладаютъ нѣкоторою питательностью, то и въ этомъ отношеніи они такъ мало имѣютъ зна-

*) Смотрятъ на мой воротникъ, а не на желудокъ.

ченія, что они могутъ служить самое большее — суррогатами туземныхъ предметовъ питанія. Что касается пряностей и табака, то эти продукты являются исключительно средствами возбуждающими, т. е. ихъ дѣйствіе полезно для общества лишь настолько, насколько они увеличиваютъ удовольствіе массы населенія и возбуждаютъ въ ней умственную и физическую работу.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, между тѣми, которые живутъ жалованіемъ и рентою, господствуютъ очень ошибочныя представленія о томъ, что они называютъ роскошью низшихъ классовъ: удивляются тому, что рабочіе пьютъ кофе съ сахаромъ, и превозносятъ то время, когда они довольствовались одною овсянкой; сожалѣютъ, что крестьянинъ смѣнилъ свою бѣдную и однообразную серпянку на сукно; боятся того, что вскорѣ нельзя будетъ отличить барыни отъ горничной; прославляютъ строгое различіе одеждъ прежнихъ временъ. Но если сравнить труды рабочаго въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ питается и одѣтъ какъ богатый, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ довольствуется грубою пищею и одеждою, то окажется, что въ первомъ случаѣ увеличеніе удовольствій рабочаго произошло безъ ущерба общему благосостоянію и только увеличило производительныя силы общества. Въ первомъ случаѣ ежедневная потребность рабочаго вдвое и втрое больше, чѣмъ въ послѣднемъ. Строгое различіе одеждъ по классамъ и ограниченіе роскоши уничтожили соревнованіе большей части общества и содѣйствовали только развитію лѣности и рутины.

Нужно создать, безъ сомнѣнія, продукты прежде, чѣмъ потреблять, такъ что по общему правилу производство должно необходимо предшествовать потребленію. Въ народномъ и національномъ хозяйствѣ, напротивъ, потребленіе часто предшествуетъ производству. Мануфактурныя націи, поддерживаемыя большими капиталами и менѣе ограниченныя въ производствѣ, чѣмъ націи чисто земледѣльческія, открываютъ этимъ послѣднимъ кредитъ подъ залогъ будущихъ урожаевъ; эти-то послѣднія и потребляютъ прежде, чѣмъ производятъ — они медленны въ производствѣ, потому что спѣшили потреблять. Тоже явленіе происходитъ въ гораздо большихъ размѣрахъ между городомъ и деревней: чѣмъ ближе фабрикантъ къ земледѣльцу, тѣмъ болѣе у него средствъ возбудить и удовлетворить потребленіе земледѣльца, тѣмъ болѣе послѣдній возбуждается къ производству.

Къ числу самыхъ важныхъ побудительныхъ средствъ относятся тѣ, которыя встрѣчаются въ гражданской и политической организаціи: когда невозможно трудомъ и богатствомъ возвыситься изъ низшаго класса общества въ высшій; когда собственникъ долженъ бояться показывать свое богатство или публично имъ пользоваться, изъ опасенія, что его права собственности будутъ нарушены, или что онъ будетъ обвиненъ въ надменности и неприличіи; когда низшему классу отказываютъ въ общественномъ уваженіи, въ участіи въ управленіи, законодательствѣ и судѣ; когда замѣчательные труды по земледѣлію, мануфактурной промышленности и торговлѣ не даютъ права на общественное уваженіе и соціальное отличіе,— тогда не существуетъ самыхъ важныхъ стимуловъ какъ потребленія, такъ и производтсва.

Всякій законъ, всякій общественный институтъ вліяетъ на усиленіе или ослабленіе производства или потребленія, равно какъ и производительныхъ свойствъ.

Учрежденіе патентовъ на привеллегіи является побужденіемъ для соисканія награды духу изобрѣтенія. Надежда на награду возбуждаетъ силы духа и направляетъ ихъ на промышленныя усовершенствованія. Онѣ ставятъ изобрѣтателя въ обществѣ на почетное мѣсто и разрушаютъ свойственное необразованнымъ народамъ вредное пристрастіе къ старымъ привычкамъ и методамъ. Онѣ доставляютъ тому, кто одаренъ только духомъ изобрѣтенія, также и необходимыя для этого матеріальныя средства, въ то время какъ желаніе получить долю ожидаемыхъ выгодъ побуждаетъ и капиталистовъ поддерживать изобрѣтателя.

Протекціонныя пошлины дѣйствуютъ, какъ побудительное средство, на всѣ тѣ отрасли фабрично-заводской промышленности страны, которыя за границей развиты больше, чѣмъ внутри страны, но для развитія которыхъ въ странѣ существуютъ благопріятныя условія. Онѣ даютъ премію—предпринимателю и рабочему, заставляя ихъ пріобрѣтать знаніе и искусство, равно туземному и иностранному капиталисту, давая ему на нѣкоторое время возможность помѣстить свой капиталъ на особенно выгодныхъ условіяхъ.

ГЛАВА XXVI.

Таможни, какъ главное средство для насажденія и упроченія внутренней фабрично-заводской промышленности.

Обсужденіе тѣхъ средствъ поощренія внутренней фабрично-заводской промышленности, дѣйствительность и примѣнимость которыхъ никѣмъ не оспаривается, не входитъ въ нашу задачу, Сюда относятся, напр., учебныя заведенія, и въ особенности техническія школы, выставки, раздачи премій, усовершенствованіе путей сообщенія, привиллегіи на изобрѣтенія и т. д., вообще всѣ тѣ законы и институты, которые содѣйствуютъ развитію промышленности, облегчаютъ и регулируютъ внѣшнюю и внутреннюю торговлю. Мы намѣрены здѣсь говорить только о таможенныхъ узаконеніяхъ, какъ средствѣ промышленнаго воспитанія.

Соотвѣтственно нашей системѣ только въ видѣ исключенія можетъ быть рѣчь о *запрещеніяхъ вывоза* и вывозныхъ пошлинахъ; во всѣхъ странахъ ввозъ сырья долженъ облагаться лишь въ фискальныхъ цѣляхъ и никогда—въ видахъ покровительства земледѣлію страны; въ мануфактурныхъ государствахъ предметами обложенія фискальными пошлинами являются главнымъ образомъ предметы роскоши жаркаго пояса, но не продукты первой необходимости, каковы напр. зерновые хлѣба, скотъ и т. д.; страны жаркаго пояса, страны, обладающія ограниченною территоріею, страны недостаточно еще населенныя, или такія, которыя стоятъ еще на невысокой степени цивилизаціи и соціальнаго и политическаго развитія, облагаютъ ввозною пошлиною мануфактурныя издѣлія лишь въ фискальныхъ цѣляхъ.

Но фискальныя пошлины всякаго рода должны быть настолько умѣренны, чтобы не стѣснять чувствительно ввоза и потребленія, такъ какъ иначе онѣ не только ослабятъ производительныя свойства страны, но и не достигнутъ своей финансовой цѣли.

Покровительственныя мѣры оправдаются только цѣлями содѣйствія и упроченія внутренней фабрично-заводской промышленности, и только у тѣхъ націй, которыя обладаютъ обширною и округленною территоріею, значительнымъ населеніемъ, значительными естественными источниками богатствъ, развитымъ земле-

дѣліемъ, стоятъ на высокой степени цивилизаціи и политическаго развитія, что ставитъ ихъ въ ряду первыхъ земледѣльческихъ и одновременно мануфактурныхъ и коммерческихъ націй, великихъ морскихъ и континентальныхъ державъ.

Покровительство выражается или въ формѣ полнаго запрещенія ввоза извѣстныхъ фабрично-заводскихъ издѣлій, или въ видѣ высокихъ ввозныхъ пошлинъ, которыя вполнѣ или почти равняются запрещенію, или, наконецъ, въ видѣ умѣренныхъ ввозныхъ пошлинъ. Ни одинъ изъ этихъ видовъ покровительства не можетъ быть признанъ абсолютно хорошимъ или дурнымъ, и только данное положеніе націи и состояніе ея промышленности опредѣляютъ, какой изъ этихъ видовъ покровительства можетъ быть пригоденъ.

Большое вліяніе на выборъ вида покровительства имѣетъ война, такъ какъ она создаетъ вынужденную запретительную систему. Во время войны между воюющими сторонами прекращается обмѣнъ, и каждая страна, каково бы ни было ея экономическое положеніе, должна искать удовлетворенія своихъ потребностей въ себѣ самой. Тогда въ странѣ, менѣе развитой въ мануфактурномъ отношеніи, фабрично-заводская промышленность, а въ болѣе развитой—земледѣліе достигаютъ необыкновеннаго преуспѣянія, и даже до такой степени, что если бы военное положеніе длилось въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, то менѣе развитая въ промышленномъ отношеніи страна сочла бы благоразумнымъ и по заключеніи мира продолжить на нѣкоторое время созданную войною запретительную систему по отношенію къ тѣмъ отраслямъ промышленности, которыя еще не въ состояніи выдержать свободной конкурренціи съ болѣе развитою въ мануфактурномъ отношеніи націею.

Въ такомъ положеніи находились Франція и Германія по заключеніи общаго мира. Если бы Франція въ 1815 году допустила свободную конкурренцію Англіи, такъ же какъ Германія, Россія и Соединительные Штаты, то испытала бы общую съ этими странами участь,—большая часть ея фабрикъ, возникшихъ въ теченіе войны, погибла бы; тогда нечего было бы и думать объ успѣхахъ, которые она сдѣлала съ того времени во всѣхъ отрасляхъ фабрично-заводской промышленности, въ усовершенствованіи путей сообщенія, внѣшней торговлѣ, въ пароходствѣ, рѣчномъ судоходствѣ и мореплаваніи, въ увеличеніи цѣнности земли (которая, къ стати сказать, за это время во Франціи удвоилась) и,

наконецъ, въ увеличеніи населенія и государственныхъ доходовъ. До того времени французскія фабрики находились еще въ дѣтствѣ, каналовъ въ странѣ было очень мало, рудники мало еще были разработаны, а вслѣдствіе политическихъ волненій и войны не могло явиться ни значительныхъ капиталовъ, ни достаточныхъ техническихъ знаній, ни опытныхъ рабочихъ, ни духа промышленности и предпріимчивости, нація была заинтересована войной болѣе, чѣмъ искусствами и миромъ; небольшое количество капиталовъ, которое можно было скопить въ теченіе войны, помѣщалось по преимуществу въ упавшее земледѣліе. И только теперь Франція замѣтила, какіе успѣхи сдѣлала Англія во время войны; только теперь она могла получить изъ Англіи машины, техниковъ, рабочихъ, капиталы, и позаимствоваться у нея духомъ предпріимчивости; тогда исключительное положеніе внутренняго рынка возбудило всѣ силы и вызвало эксплоатацію всѣхъ естественныхъ источниковъ. Результаты этого экономическаго уединенія у всѣхъ передъ глазами, и только слѣпой космополитизмъ можетъ ихъ отрицать, только онъ можетъ увѣрять, что подъ режимомъ свободной конкурренціи Франція сдѣлала бы бо́льшіе успѣхи. Опытъ Германіи, Соединенныхъ Штатовъ и Россіи въ особенности неопровержимо доказалъ противное.

Если мы думаемъ, что запретительная система была такъ полезна для Франціи съ 1815 года, то мы при этомъ вовсе не желаемъ ни защищать ея недостатковъ и злоупотребленій, ни доказывать, что полезно и необходимо держаться ея постоянно. Ошибка заключалась въ томъ, что Франція обложила ввозными пошлинами сырье и земледѣльческіе продукты (желѣзо, каменный уголь, шерсть, хлѣбъ, скотъ); было бы также новою ошибкою, если бы Франція, послѣ того какъ ея фабрично-заводская промышленность достаточно окрѣпла, не перешла мало по малу къ умѣренной протекціонной системѣ, если бы она не старалась возбудить соревнованіе своихъ фабрикантовъ, допуская ограниченную конкурренцію.

Что касается покровительственныхъ ввозныхъ пошлинъ, то здѣсь главнымъ образомъ нужно различать, можетъ ли нація перейти изъ состоянія свободной конкурренціи къ протекціонной системѣ, или отъ запретительной системы къ системѣ умѣреннаго покровительства: въ первомъ случаѣ пошлины должны быть низки вначалѣ и потомъ мало по малу возвышаться, во второмъ — онѣ

сначала должны быть очень высокими и потомъ незамѣтно уменьшаться.

Нація, пошлины которой не оказываютъ достаточнаго покровительства, но которая чувствуетъ себя призванною къ широкому развитію фабрично-заводской промышленности, должна прежде всего думать о развитіи тѣхъ фабрикъ и заводовъ, которыя вырабатываютъ издѣлія общаго потребленія. Общая стоимость такихъ издѣлій несравненно выше, чѣмъ общая стоимость гораздо болѣе дорогихъ фабричныхъ предметовъ роскоши. Такое производство поэтому приводитъ въ движеніе огромную массу естественныхъ силъ, умственныхъ и личныхъ, а такъ какъ оно требуетъ большихъ капиталовъ, то вызываетъ значительныя сбереженія и привлекаетъ изъ-за границы капиталы и различнаго рода силы. Вслѣдствіе этого, вмѣстѣ съ развитіемъ, оно оказываетъ могущественное вліяніе на увеличеніе населенія, на процвѣтаніе земледѣлія и въ особенности на расширеніе внѣшней торговли, по той причинѣ, что менѣе культурныя страны требуютъ прежде всего фабричныя издѣлія общаго потребленія, и потому, что, главнымъ образомъ благодаря производству этихъ предметовъ, страны умѣреннаго пояса получаютъ возможность завязать прямыя торговыя сношенія съ странами жаркаго пояса. Страна, напр., которая ввозитъ хлопчато-бумажную пряжу и хлопчато-бумажныя ткани, не можетъ вести прямыхъ торговыхъ сношеній съ Египтомъ, Луизіаной или Бразиліей, такъ какъ не можетъ поставлять въ эти страны пряжи, ни покупать у нихъ хлопка въ сырьѣ. Далѣе эти предметы, при значительности ихъ общей стоимости, служатъ къ тому, чтобы нація могла обезпечить себя сноснымъ равновѣсіемъ между вывозомъ и ввозомъ, чтобы сократить или доставить странѣ необходимое для нея количество металлическихъ денежныхъ орудій обращенія. Затѣмъ, главнымъ образомъ благодаря созданію и сохраненію этихъ важныхъ отраслей промышленности, нація завоевываетъ себѣ и сохраняетъ промышленную независимость, такъ какъ перерывы торговыхъ сношеній, вызванные войною, имѣютъ мало значенія, если они препятствуютъ только ввозу дорогихъ предметовъ роскоши, напротивъ ими обусловливаются страшныя бѣдствія, когда они связаны съ недостаткомъ и дороговизной обыкновенныхъ мануфактурныхъ издѣлій и съ прекращеніемъ широкаго сбыта земледѣльческихъ продуктовъ. Наконецъ, относительно этихъ предметовъ го-

раздо легче, чѣмъ относительно предметовъ роскоши, предупреждать обходъ пошлинъ посредствомъ контрабанды или посредствомъ намѣреннаго объявленія слишкомъ низкой стоимости привозныхъ товаровъ.

Фабрики и заводы походятъ на растенія медленно растущія; такія таможенныя мѣры, которыя сразу прерываютъ установившіяся ранѣе торговыя отношенія, вредятъ странѣ, въ промышленныхъ интересахъ которой были предприняты.

Ввозныя пошлины должны возвышаться по мѣрѣ увеличенія въ странѣ или притока въ нее изъ-за границы капиталовъ, по мѣрѣ увеличенія промышленной опытности, духа предпріимчивости и способности страны въ обработкѣ того сырья, которое страна раньше вывозила. Особенно полезно установить заранѣе нормы прогрессивнаго возвышенія ввозныхъ пошлинъ, чтобы тѣмъ самымъ дать опредѣленную премію капиталистамъ, техникимъ и рабочимъ, формирующимся или въ самой странѣ, или-же привлекаемымъ изъ-за границы.

Необходимо держать эти размѣры пошлинъ безъ измѣненія и не понижать ихъ преждевременно, потому что уже одинъ страхъ за нарушеніе обязательства уничтожилъ-бы въ значительной степени дѣйствія преміи.

Теорія не можетъ отвѣтить на вопросъ, насколько должны быть повышены ввозныя пошлины при переходѣ отъ свободной конкурренціи къ проотекціонной системѣ, или насколько онѣ должны быть понижены при переходѣ отъ запретительной системы къ системѣ умѣреннаго покровительства. Это повышеніе или пониженіе пошлинъ не можетъ быть опредѣлено заранѣе; все зависитъ отъ обстоятельствъ и тѣхъ торговыхъ отношеній, какія существуютъ между страной, наименѣе развитой, и страной, опередившей ее въ развитіи. Соединенные Штаты, напримѣръ, должны принять во вниманіе условія сбыта хлопка и шерсти, отправляемыхъ ими на англійскіе рынки, условія сбыта произведеній земледѣлія и продуктовъ рыболовства, направляемыхъ ими въ англійскія колоніи, точно также ими должна быть принята во вниманіе высота ихъ заработной платы. Съ другой стороны они не могутъ не принять въ соображеніе, что для нихъ существуетъ благопріятное обстоятельство въ томъ, что они могутъ разсчитывать, болѣе чѣмъ всякая другая страна, на притокъ капиталовъ, техниковъ, предпринимателей и рабочихъ изъ Англіи.

Вообще необходимо признать, что извѣстная отрасль фабричной промышленности не можетъ развиться въ странѣ на первыхъ порахъ ея зарожденія при покровительствѣ отъ 40 до 60 процентовъ и не можетъ быть потомъ поддерживаема при покровительствѣ отъ 20 до 30 процентовъ за недостаткомъ существенныхъ условій фабрично-заводской промышленности.

Причины этой промышленной слабости могутъ быть болѣе или менѣе легко устранены. Къ легко устранимымъ причинамъ относятся: недостаточность путей сообщенія, отсутствіе техническихъ знаній, опытности и духа промышленной предпріимчивости; къ наименѣе легко устранимымъ относятся: недостатокъ трудолюбія, просвѣщенія, нравственности и честности въ народѣ, низкая степень земледѣлія, а слѣдовательно недостатокъ въ матеріальныхъ капиталахъ, и болѣе всего неудовлетворительныя государственныя учрежденія, отсутствіе свободы и правовой гарантіи, наконецъ, дурно округленная территорія, препятствующая подавленію контрабанды.

Только напослѣдокъ и только самаго незначительнаго покровительства заслуживаютъ тѣ отрасли промышленности, которыя занимаются фабрикаціей предметовъ роскоши, потому что требуютъ высокихъ техническихъ знаній, потому что количество предметовъ роскоши сравнительно съ общимъ производствомъ страны представляетъ лишь незначительную цѣнность, потому что эти предметы могутъ быть безъ затрудненій пріобрѣтаемы за границею въ обмѣнъ на земледѣльческіе продукты, на сырье или фабричныя издѣлія общаго потребленія, потому что остановка ввоза во время войны не влечетъ за собою никакихъ чувствительныхъ потрясеній и, наконецъ, потому, что нѣтъ ничего легче, какъ избѣгать посредствомъ контрабанды уплаты высокихъ таможенныхъ пошлинъ на предметы роскоши.

Тѣ націи, которыя еще не далеко ушли по пути техники и фабрикаціи машинъ, не должны бы вовсе облагать пошлиной ввозъ сложныхъ машинъ, а если и облагать, то самою незначительною, до тѣхъ поръ пока не будутъ въ состояніи сравняться въ этомъ отношеніи съ опередившей ихъ націей. Машино-строительные заводы являются въ нѣкоторомъ родѣ фабриками фабрикъ, и всякая ввозная пошлина на заграничныя машины является помѣхой для развитія мануфактурныхъ силъ страны. Но такъ какъ необходимо,— вслѣдствіе ихъ широкаго вліянія на всю мануфактурную силу страны

въ ея цѣломъ,—чтобы нація не зависѣла отъ превратностей войны въ отношеніи своего снабженія заграничными машинами, то развитіе этой отрасли промышленности въ странѣ заслуживаетъ особеннаго, прямаго покровительства со стороны государственной власти въ тѣхъ случаяхъ, когда она не въ состояніи выдерживать иностранной конкурренціи при умѣренныхъ ввозныхъ пошлинахъ.

Государство должно по крайней мѣрѣ поощрять и поддерживать свои машино-строительные заводы въ такой мѣрѣ, чтобы во время войны они могли удовлетворять самымъ настоятельнымъ нуждамъ, а затѣмъ въ случаѣ продолжительнаго перерыва служить образцомъ для новыхъ подобныхъ заводовъ.

Вопросъ о *возвратныхъ пошлинахъ* по нашей системѣ можетъ быть возбужденъ лишь въ томъ случаѣ, когда ввозимые изъ за границы полуфабрикаты, какъ напримѣръ, хлопчато-бумажная пряжа, облагаются значительною покровительственною пошлиною въ тѣхъ видахъ, чтобы страна достигла мало по малу возможности производить ихъ на собственыхъ фабрикахъ и заводахъ. Нельзя допускать *премій*, какъ постояннаго средства для покровительства и поддержки собственной фабрично-заводской промышленности при ея конкурренціи съ страною, опередившею ее въ своемъ значеніи на третьихъ рынкахъ потребленія. Еще менѣе можно допуститъ ихъ, какъ средство захватитъ въ руки снабженіе тѣхъ націй, которыя уже сдѣлали нѣкоторые успѣхи въ фабрично-заводской промышленности. Иногда, впрочемъ, онѣ могутъ быть оправданы въ видѣ временнаго поощренія, напримѣръ, когда заснувшій въ націи духъ предпріимчивости требуетъ только толчка и поддержки на первыхъ порахъ, чтобы возникла могущественная и крѣпкая промышленность, способная сбывать свои издѣлія въ большомъ количествѣ въ страны, лишенныя собственныхъ мануфактуръ. Но это еще вопросъ: не лучше ли государству, даже въ такихъ случаяхъ, ассигновать предпринимателямъ безпроцентную ссуду и даровать имъ извѣстныя льготы, или же вызвать образованіе компаній, снабдивъ ихъ нѣкоторою частію необходимаго для нихъ акціонернаго капитала и оставивъ за частными акціонерами преимущество въ полученіи на ихъ капиталъ процентовъ. Какъ примѣры этого приведемъ: торговыя и мореходныя предпріятія на предметъ сношеній съ отдаленными странами, съ которыми отдѣльныя лица не могли завязать этихъ сношеній, учрежденіе пароходныхъ рейсовъ на далекія окраины, основаніе новыхъ колоній и т. д.

ГЛАВА XXVII.

Таможни и господствующая экономическая школа.

Господствующая экономическая школа не дѣлаетъ различія, относительно вліянія протекціонной системы, между производствомъ земледѣльческимъ и производствомъ мануфактурномъ; она несправедлива, когда ссылается на вредное вліяніе протекціонной системы на земледѣлье, какъ на доказательство того, что она вызываетъ тѣже послѣдствія и въ фабрично-заводской промышленности.

Школа не дѣлаетъ различія, относительно насажденія мануфактурной промышленности, между тѣми націями, которыя не имѣютъ необходимыхъ для этого условій, и тѣми, которыя призваны къ развитію фабрично-заводской промышленности по условіямъ ихъ территоріи, благодаря совершенному развитію земледѣлія, по ихъ цивилизаціи и настоятельной потребности въ обезпеченіи ихъ будущаго благосостоянія, ихъ независимости и могущества.

Школѣ неизвѣстно, что при неограниченной конкурренціи съ націею, сдѣлавшею огромные успѣхи въ мануфактурной промышленности, нація, отставшая отъ нея, хотя бы она обладала уже всѣми необходимыми для этого условіями, никогда не можетъ безъ протекціонной системы развить вполнѣ свою мануфактурную силу и достичь полной національной независимости.

Она не хочетъ принять во вниманіе въ данномъ случаѣ вліяніе войны; она въ особенности не замѣтила того, что война создаетъ вынужденную запретительную систему, и что таможенная запретительная система есть ничто другое, какъ необходимое продолженіе этой мѣры, созданной войною.

Она указываетъ на благодѣянія свободы внутренней торговли и желаетъ этимъ воспользоваться для доказательства того, что націи только благодаря абсолютной свободѣ международныхъ торговыхъ сношеній въ состояніи достичь высшаго благосостоянія и могущества, хотя исторія всюду доказываетъ совершенно противное.

Она утверждаетъ, что мѣры покровительства обезпечиваютъ туземнымъ фабрикантамъ монополію и ведутъ къ ихъ равнодушію, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ внутренняя конкурренція во всѣхъ странахъ вызываетъ между ними соревнованіе.

Она желаетъ насъ убѣдить въ томъ, что протекціонная система оказываетъ покровительство фабрикантамъ и заводчикамъ за счетъ земледѣльцевъ, между тѣмъ какъ можно доказать, что земледѣліе отъ развитія внутренней фабрично-заводской промышленности пріобрѣтаетъ неизмѣримыя выгоды, въ сравненіи съ которыми жертвы, выпадающія на долю земледѣлія вслѣдствіе протекціонной системы, совершенно ничтожны.

Главное основаніе противъ покровительственныхъ пошлинъ школа желаетъ видѣть въ издержкахъ на таможенную администрацію и въ томъ вредѣ, который происходитъ отъ контрабанды. Отрицать этого вреда невозможно; но можно ли принимать его въ расчетъ, когда дѣло касается мѣръ, имѣющихъ такое огромное вліяніе на существованіе, могущество и благосостояніе націи? Можетъ ли тотъ вредъ, который происходилъ отъ содержанія постоянныхъ армій и войнъ, служить основаніемъ для того, чтобы нація отказалась отъ собственной защиты?

Когда утверждаютъ, что ввозныя пошлины, превышающія страховую премію контрабандной торговли, служатъ лишь къ поддержанію этой незаконной торговли и не оказываютъ покровительства внутреннимъ мануфактурамъ, то это можетъ имѣть значеніе лишь по отношенію къ дурной таможенной администраціи, недостаточно округленной и незначительной территоріи, только по отношенію къ пограничному потребленію и къ высокимъ пошлинамъ на предметы роскоши незначительнаго объема. Опытъ всѣхъ странъ, напротивъ, показываетъ, что при хорошо организованной таможенной администраціи, при расчетливо назначенныхъ таможенныхъ тарифахъ, въ большихъ, хорошо округленныхъ государствахъ—контрабандная торговля не создаетъ значительныхъ препятствій къ достиженію цѣли протекціонной системы. Но, что касается издержекъ на таможенную администрацію, то значительная часть ихъ покрывается финансовыми пошлинами, а школа не настаиваетъ на томъ, чтобы эти послѣднія пошлины не имѣли мѣста у великихъ націй.

Наконецъ школа не отвергаетъ всякое таможенно покровительство.

Адамомъ Смитомъ въ трехъ случахъ допускается таможенное покровительство внутренней промышленности: во первыхъ, какъ *мѣра возмездія* (реторсія), въ томъ случаѣ, когда другая нація стѣсняетъ нашъ вывозъ, и когда есть надежда, что наши репрес-

саліи принудять ее къ отмѣнѣ ограниченій; во вторыхъ *для національной защиты*, когда страна при свободной конкурренціи не можетъ сама производить необходимыхъ для этой цѣли мануфактурныхъ издѣлій; въ третьихъ, *какъ способъ уравненія*, когда иностранные продукты облагаются меньшими налогами, чѣмъ туземные.

Сэй отвергаетъ покровительство во всѣхъ этихъ случаяхъ, но онъ допускаетъ его въ четвертомъ случаѣ, именно—когда есть основаніе полагать, что какая либо вѣтвь промышленности чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлается настолько прибыльною, что не потребуетъ болѣе покровительства.

Итакъ, именно Адамъ Смитъ желаетъ ввести въ торговую политику принципъ *реторсій*, принципъ, который можетъ вызвать самыя безсмысленныя и гибельныя мѣры, въ особенности когда репрессаліи, какъ того желаетъ Смитъ, должны подлежать отмѣнѣ, какъ только другая нація соглашается на отмѣны установленныхъ ею ограниченій. Предположимъ, что Германія прибѣгла бы къ репрессаліямъ противъ Англіи за ограниченіе ввоза въ Англію изъ Германіи хлѣба и лѣса, посредствомъ воспрещенія доступа къ себѣ англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, и такимъ образомъ искусственно посредствомъ этихъ репрессалій вызвала бы къ жизни свою фабрично-заводскую силу: неужели Германія должна снова допустить раззореніе своего промышленнаго зданія, сооруженіе котораго стоило такихъ жертвъ, потому только, что Англіи угодно было бы снова открыть свои границы для доступа нѣмецкаго хлѣба и лѣса? Какая безсмыслица! Германія сдѣлала бы въ десять разъ лучше, если бы она спокойно перенесла всѣ ограничительныя мѣры со стороны Англіи и позаботилась бы воспрепятствовать развитію тѣхъ мануфактурныхъ силъ, которыя возникли безъ таможеннаго покровительства, исключительно въ силу запрещенія ввоза въ Англію, вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать ихъ оживленію.

Принципъ реторсій цѣлесообразенъ и примѣнимъ лишь настолько, насколько онъ соотвѣтствуетъ принципу *промышленнаго воспитанія націи*, и когда въ примѣненіи онъ служитъ вспомогательнымъ средствомъ для этой цѣли.

Да! дѣйствія націй благоразумны и полезны, если эти націи на устанавливаемыя Англіею ограниченія ввоза ихъ земледѣльческихъ продуктовъ отвѣчаютъ ограниченіемъ ввоза къ себѣ англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, но *только тогда, когда націи призваны*

къ насажденію собственной фабрично-заводской промышленности и могутъ утвердить ее навсегда.

Вторымъ исключеніемъ Адамъ Смитъ на самомъ дѣлѣ оправдываетъ необходимость покровительства не только тѣмъ мануфактурамъ, которыми удовлетворяются военныя потребности, каковы, напримѣръ, оружейные и пороховые заводы, но и всю покровительственную систему въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ; ибо эта система, создавая свойственную націи фабрично-заводскую промышленность, вліяетъ на увеличеніе ея населенія, ея матеріальныхъ богатствъ, механической силы, ея самостоятельности и всѣхъ умственныхъ силъ, а поэтому и на увеличеніе средствъ національной обороны въ несравненно большей степени, чѣмъ покровительство однимъ только оружейнымъ и пороховымъ заводамъ.

То-же самое нужно сказать и о третьемъ исключеніи. Если налоги, которыми обложены предметы нашего производства, даютъ основаніе къ обложенію таможенными пошлинами менѣе отягощенныхъ налогами заграничныхъ продуктовъ, то почему же другіе убытки, которые терпитъ наше мануфактурное производство сравнительно съ иностраннымъ, не даютъ основанія къ защитѣ внутренней промышленности отъ вліянія раззорительной иностранной конкурренціи?

Ж. Б. Сэй хорошо понималъ непослѣдовательность этихъ исключеній, однако и прибавленное имъ исключеніе не лучше. Ибо у націи, которая по своимъ естественнымъ условіямъ и развитію призвана къ насажденію фабрично-заводской промышленности, почти всѣ отрасли промышленности должны сдѣлать ее прибыльными подъ вліяніемъ настойчиваго и сильнаго покровительства, и смѣшно въ самомъ дѣлѣ предоставлять націи, для усовершенствованія какой либо важной отрасли промышленности или цѣлой группы отраслей, лишь *нѣсколько* лѣтъ, подобно какому нибудь мальчику, котораго отдаютъ въ ученіе къ сапожнику на нѣсколько лѣтъ, чтобы онъ затѣмъ самъ сдѣлался сапожникомъ.

Въ своихъ постоянныхъ восторженныхъ рѣчахъ о неизмѣримыхъ выгодахъ абсолютной свободы торговли и о невыгодахъ покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ, школа обыкновенно ссылается на примѣры нѣкоторыхъ народовъ: Швейцарія можетъ доказать, что промышленность можетъ развиться и безъ таможеннаго покровительства, и что абсолютная свобода международной

торговли является самымъ вѣрнымъ основаніемъ національнаго благосостоянія. Въ судьбѣ Испаніи хотятъ показать всѣмъ націямъ, которые ищутъ помощи и спасенія въ протекціонной системѣ, страшный примѣръ гибельныхъ послѣдствій такой системы. Примѣромъ Англіи, столь пригодной, какъ мы это показали въ одной изъ предыдущихъ главъ, для того, чтобы быть предметомъ подражанія и соревнованія для всѣхъ тѣхъ націй, которыя призваны къ развитію собственной фабрично-заводской промышленности, примѣромъ этой Англіи наши теоретики пользуются только для подтвержденія своего положенія, что способность къ фабрично-заводскому производству, есть даръ природы, которымъ одарены исключительно извѣстныя страны,—такова, напримѣръ, способность къ производству бургундскихъ винъ,—и что Англія преимущественно предъ всѣми странами земли получила назначеніе къ развитію мануфактуръ, фабрикъ и обширной торговли. Разсмотримъ указанные примѣры нѣсколько ближе.

Что касается *Швейцаріи*, то прежде всего нужно замѣтить, что это не нація, по крайней мѣрѣ не нормальная или великая нація, а только конгломератъ муниципалитетовъ.

Она лишена морскихъ береговъ, заключена между двумя великими націями, и потому у нея совершенно отсутствуетъ стремленіе къ развитію собственнаго мореходства и непосредственныхъ торговыхъ сношеній со странами жаркаго пояса, она не можетъ и помышлять о морскомъ могуществѣ, объ основаніи или пріобрѣтеніи колоній. Основаніе своего настоящаго благосостоянія, во всякомъ случаѣ очень умѣреннаго, положено Швейцаріею въ то время, когда она принадлежала еще Германской имперіи. Съ того времени ее достаточно щадила война; капиталы ея могли увеличиваться изъ поколѣнія въ поколѣніе, тѣмъ болѣе, что ея муниципальныя правительства не требовали отъ нея почти никакихъ налоговъ. Въ то время какъ остальная Европа въ послѣдніе вѣка переживала бури, вызванныя деспотизмомъ, религіознымъ фанатизмомъ, войнами и революціями, Щвейцарія являлась убѣжищемъ для всѣхъ, кто хотѣлъ спасти свои капиталы и таланты, и такимъ образомъ она пріобрѣтала значительныя средства извнѣ. Германія никогда не закрывала строго своихъ границъ для Швейцаріи, и потому большая часть мануфактурныхъ продуктовъ послѣдней имѣла сбытъ въ Германію. Ея промышленность наконецъ ни-

когда не была національною, обнимающею предметы общаго потребленія, она вырабатывала большею частію предметы роскоши, которые легко провозить контрабандным путемъ не только въ сосѣднія, но и въ отдаленныя страны. Далѣе, положеніе Швейцаріи особенно благопріятно и какъ бы привиллегировано для посредничества въ торговлѣ. Уже одна возможность легко знакомиться съ языками, законами, институтами и отношеніями трехъ сосѣднихъ націй, должна была обезпечить для швейцарцевъ особенныя преимущества какъ для посредничества въ торговлѣ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Гражданская и религіозная свобода и распространенность просвѣщенія вызывали бодрость и духъ предпріимчивости, а недостаточность земледѣлія и естественныхъ источниковъ побуждали швейцарцевъ къ эмиграціи въ другія страны, гдѣ они военною службою, торговлею, промыслами всякаго рода составляли себѣ состояніе для того, чтобы перевести его въ свое отечество. Если при этихъ особенныхъ обстоятельствахъ скоплялись матеріальные и умственные капиталы для созданія собственныхъ отраслей промышленности, для производства предметовъ роскоши, если такая промышленность могла существовать безъ покровительственныхъ пошлинъ посредствомъ сбыта за границу, то отсюда нельзя еще заключать, что великія націи, поставленныя въ совершенно иныя условія, могутъ слѣдовать такой же политикѣ. Въ *ничтожности налоговъ Швейцарія имѣетъ преимущество*, которое великая нація можетъ пріобрѣсть только тогда, когда, какъ Швейцарія, распадется на муниципалитеты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предоставитъ свою національность полной возможности чужеземнаго нападенія.

Что *Испанія* поступала безсмысленно, запрещая вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ въ то время, когда она сама занималась ихъ добычею въ избыткѣ, согласится всякій разумный человѣкъ. Ошибочно было бы однако приписывать упадокъ промышленности и національнаго благосостоянія Испаніи тѣмъ затрудненіямъ, которыя она создавала для ввоза мануфактурныхъ товаровъ. Если бы Испанія не изгнала мавровъ и евреевъ и никогда не имѣла инквизиціи, если бы Карлъ V призналъ религіозную свободу, если бы священники и монахи занялись народнымъ образованіемъ, и ихъ несмѣтныя богатства были секуляризованы или по крайней мѣрѣ уменьшены до размѣра, который обусловливается необхо-

димостью, если бы было преобразовано феодальное устройство аристократіи, а монархія была бы ограничена, если бы, однимъ словомъ, развитіе Испаніи, вслѣдствіе политическихъ реформъ, получило то-же направленіе, какое оно получило въ Англіи, и если бы тотъ же самый духъ пробудился въ колоніяхъ,—то запретительныя и покровительственныя мѣры въ Испаніи привели бы къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ онѣ привели въ Англіи, тѣмъ болѣе, что во время Карла V Испанія была впереди Англіи и Франціи во всѣхъ отношеніяхъ и уступала только Нидерландамъ, промышленный и торговый геній которыхъ, посредствомъ таможеннаго покровительства, могъ быть привлеченъ въ Испанію, конечно въ томъ случаѣ, если бы испанское государственное устройство содѣйствовало эмиграціи изъ-за границы талантливыхъ людей и капиталовъ, вмѣсто того, чтобы выталкивать ихъ за границу.

Какимъ обстоятельствамъ обязана своимъ мануфактурнымъ и торговымъ верховенствомъ Англія, мы уже показали выше (гл. V).

Свобода мысли и свобода гражданская, государственное устройство и превосходство политическихъ установленій—вотъ что главнымъ образомъ дало возможность англійской торговой политикѣ разработать естественныя богатства страны и развить производительныя силы націи. Но кто рѣшится оспаривать у другихъ націй способность возвыситься до такой же степени свободы? Кто рѣшится утверждать, что природа отказала другимъ націямъ въ естественныхъ условіяхъ, необходимыхъ для развитія мануфактуръ?

Въ послѣднемъ случаѣ часто указывали на громадныя богатства въ Англіи каменнаго угля и желѣза, какъ на доказательство того, что призваніе Англіи заключается преимущественно въ развитіи фабрично-заводскаго производства. Что въ этомъ отношеніи природа съ особенною благосклонностію одарила Англію, вполнѣ вѣрно: однако на это можно замѣтить, что относительно этихъ матеріаловъ природа и къ другимъ націямъ не была мачихою, что большею частію лишь недостатокъ хорошихъ путей сообщенія препятствуетъ этимъ націямъ эксплоатировать свои богатства, что другія націи владѣютъ нетронутою еще силою воды, которая дешевле силы пара, что, въ случаѣ необходимости, недостатокъ въ каменномъ углѣ можетъ быть замѣненъ другими горючими матеріалами, что многія страны обладаютъ неисчерпаемыми средствами для производства желѣза, и что сырье можно пріобрѣтать путемъ обмѣна.

Въ заключеніе нѣсколько словъ *о торговыхъ трактатахъ* для взаимной отмѣны таможенныхъ концессій. Школа отвергаетъ такіе трактаты, какъ ненужные и вредные, мы же въ нихъ видимъ самое дѣйствительное средство для постепеннаго смягченія взаимныхъ торговыхъ стѣсненій и для постепеннаго перехода націй къ свободѣ международной торговли. Тѣ результаты, которые видѣлъ міръ отъ подобныхъ трактатовъ, правда не могутъ особенно ободрить. Въ предыдущихъ главахъ мы показали, какія опустошенія произвелъ Метуэнскій трактатъ въ Португаліи и Эденскій во Франціи. Въ этихъ печальныхъ результатахъ отъ взаимнаго облегченія таможенныхъ пошлинъ нужно, повидимому, искать главное основаніе того отвращенія, которое питаетъ къ торговымъ трактатамъ школа. Очевидно ихъ принципъ абсолютной свободы торговли встрѣчаетъ опроверженіе въ самой дѣйствительности, такъ какъ, согласно этому принципу, всякій договоръ долженъ быть благодѣтельнымъ для обѣихъ націй и не можетъ вызывать раззоренія одной націи и обезпечивать неизмѣримыя выгоды для другой. Если мы изслѣдуемъ причины такого различнаго вліянія, то найдемъ, что Португалія и Франція, вслѣдствіе этихъ трактатовъ, отказывались отъ тѣхъ успѣховъ, которые онѣ уже сдѣлали въ мануфактурной промышленности и отъ тѣхъ, которые онѣ могли сдѣлать въ будущемъ,—въ пользу Англіи—для того, чтобы этимъ путемъ увеличить вывозъ своихъ земледѣльческихъ продуктовъ въ Англію; что тѣмъ не менѣе обѣ эти націи вслѣдствіе заключенныхъ трактатовъ съ высшей ступени культуры опустились на низшую. Но отсюда слѣдуетъ только, что нація поступаетъ безсмысленно, если она, заключая торговый договоръ, приноситъ въ жертву иностранной конкурренціи свою фабрично-заводскую промышленность и обязуется навсегда остаться на низшей степени земледѣлія; но отсюда вовсе нельзя заключать, что вредны и негодны и тѣ трактаты, которые содѣйствуютъ взаимному обмѣну земледѣльческихъ продуктовъ и сырья или взаимному обмѣну мануфактурныхъ издѣлій.

Выше мы доказали, что свобода торговли земледѣльческими продуктами и сырьемъ полезна для всѣхъ націй на всѣхъ ступеняхъ культуры, изъ чего слѣдуетъ, что всякій торговый трактатъ, которымъ смягчаются или отмѣняются стѣсненія и ограниченія такой торговли, долженъ оказать благодѣтельное вліяніе на обѣ договаривающіяся націи; такимъ былъ бы напримѣръ трактатъ

между Франціей и Англіей для содѣйствія взаимному обмѣну винъ и водки на невыдѣланное желѣзо и каменный уголь; или трактатъ между Франціей и Англіей для содѣйствія взаимному обмѣну винъ, масла и сушеныхъ плодовъ на зерновые хлѣба, шерсть и скотъ.

Согласно приведеннымъ нами прежде соображеніямъ, покровительство лишь настолько полезно для благосостоянія націи, насколько оно соотвѣтствуетъ ея промышленному развитію; что всякое преувеличеніе въ покровительствѣ вредно; что націи лишь постепенно могутъ достичь полнаго развитія своей фабрично-заводской промышленности. Поэтому двѣ націи, стоящія на различныхъ ступеняхъ промышленнаго воспитанія со взаимною выгодою могутъ посредствомъ трактатовъ допускать взаимную отмѣну пошлинъ на тѣ или другіе предметы.

Такъ нація менѣе развитая, если она еще не въ состояніи съ выгодою для себя производить мануфактурныхъ издѣлій высшей обработки, каковы напр. хлопчатобумажные и шелковые товары, можетъ тѣмъ не менѣе удовлетворять потребности опередившей ея націи въ мануфактурныхъ издѣліяхъ общаго потребленія.

Еще болѣе должны быть допустимы и полезны подобные договоры между націями, которыя находятся приблизительно на одной и той же ступени промышленнаго развитія, и между которыми слѣдовательно конкурренція не можетъ дѣйствовать слишкомъ сильно или разрушительно, или обезпечить монополію одной изъ сторонъ, но, какъ во внутренней торговлѣ, можетъ лишь возбуждать взаимное соревнованіе и содѣйствовать совершенствованію и уменьшенію цѣнъ. Въ такомъ положеніи находится большинство континентальныхъ державъ. Франція, Австрія и германскій таможенный союзъ, напр., могутъ ожидать лишь благодѣтельныхъ результатовъ отъ установленія умѣренныхъ пошлинъ, точно также и взаимная отмѣна пошлинъ между этими странами и Россіею привела бы къ обоюднымъ выгодамъ. Чего нужно бояться въ настоящее время, такъ это только преобладанія Англіи.

Съ этой точки зрѣнія оказывается, что верховенство Великобританіи въ мануфактурной промышленности, въ торговлѣ, въ мореплаваніи и въ колоніальныхъ владѣніяхъ является въ настоящее время главнымъ препятствіемъ къ сближенію націй между собою, хотя нужно признать, что Англія, стремясь къ этому преобладанію, невѣроятно увеличила производительныя силы человѣчества и продолжаетъ ихъ увеличивать.

Книга третья.

СИСТЕМЫ.

ГЛАВА XXVIII.

Италіанскіе экономисты.

Италія какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ политической экономіи опередила всѣ современныя націи. Графъ Пеккіо опубликовалъ весьма добросовѣстно написанную имъ исторію этой отрасли италіанской литературы; единственнымъ недостаткомъ этого труда является то, что онъ слишкомъ рабски вѣренъ господствующей теоріи и то, что онъ недостаточно выясняетъ главнѣйшія причины паденія промышленности въ Италіи, а именно: недостатокъ національнаго единства среди великихъ національностей, соединенныхъ силою наслѣдственной монархіи; затѣмъ господство теократіи и упадокъ гражданской свободы въ республикахъ и городахъ. При болѣе глубокомъ знакомствѣ съ этими причинами отъ автора не ускользнула бы такъ легко настоящая тенденція „Государя“ Маккіавели и онъ не ограничился бы упоминаніемъ лишь вскользь объ этомъ писателѣ.

Замѣтка Пеккіо, что въ одномъ изъ писемъ къ своему другу Гичардини (1525 г.) Маккіавели предлагаетъ соединеніе всѣхъ италіанскихъ государствъ противъ иностранцевъ, и что это письмо, попавши въ руки папы Климента VII, сильно повліяло на основаніе Святой Лиги въ 1526 году, — эта замѣтка привела насъ къ мысли, что та-же идея воодушевляла и самаго „Государя“. Прочитавъ

эту книгу, мы прежде всего нашли подтвержденіе нашего предположенія. Очевидно, что „Государь“ (il Principe), сочиненный въ 1513 году, имѣлъ цѣлью заставить Медичисовъ проникнуться этой идеей, убѣдить ихъ, что ихъ домъ призванъ къ объединснію всей Италіи подъ одною властію и указать имъ средства для достиженія этой цѣли *).

Заглавіе и внѣшняя форма изложенія этого труда, трактующія, казалось бы, объ абсолютной власти вообще, были выбраны авторомъ безъ сомнѣнія изъ осторожности. О наслѣдственныхъ государяхъ и ихъ правленіи говорится въ этой книгѣ лишь мимоходомъ. Авторъ имѣетъ въ виду только италіанскаго узурпатора. Княжества должны быть подчинены, династіи низложены, феодальное дворянство свергнуто, свобода республикъ уничтожена.

Небесная добродѣтель и адская хитрость, осторожность и смѣлость, доблесть и коварство, счастье и случай—все это узурпаторъ долженъ пустить въ ходъ, чтобы попробовать основать имперію въ Италіи. Затѣмъ ему сообщается секретъ, сила котораго была достаточно испытана въ трехъ послѣдовавшихъ вѣкахъ, это созданіе національной арміи, которой новая дисциплина, новое вооруженіе и новая тактика обезпечатъ побѣды **).

Если-бы общность аргументаціи автора и оставляла нѣкоторыя сомнѣнія въ его цѣли, то послѣдняя глава сочиненія разсѣяла-бы ихъ совершенно. Въ ней онъ прямо заявляетъ, что главнѣйшими причинами всѣхъ бѣдствій Италіи являются иностранныя вторженія и внутреннее раздробленіе, что на домъ Медичисовъ, въ рукахъ котораго находились Тоскана и Папская Область, Провидѣніе возложило исполненіе великаго дѣла; что наступило благопріятное время для нововведеній, что новый Моисей долженъ воспрянуть, чтобы освободить свой народъ отъ рабства въ Египтѣ,

---

*) Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Германію, въ то время какъ печатался настоящій трудъ, авторъ имѣлъ возможность убѣдиться, что доктора Ранке и Гервинусъ держатся того же взгляда на «Государя».

*) Все, что Макіавели писалъ до и послѣ «Государя», указываетъ, что онъ держался этихъ намѣченныхъ плановъ. Если это не такъ, то чѣмъ же объяснить, что онъ—ученый, посланникъ, должное лицо, никогда не бывши военнымъ,—такъ занялся военнымъ искусствомъ, что написанное имъ сочиненіе по этому вопросу привело въ восторгъ современныхъ ему военныхъ дѣятелей?

наконецъ, что ничто не даетъ такъ много авторитетности и славы „Государю“, какъ великія предпріятія *).

На то, что въ другихъ главахъ общая мысль сочиненія должна быть читаема между строкъ, указываетъ самый языкъ девятой главы, гдѣ авторъ говоритъ о Папской Области. Онъ съ ироніей замѣчаетъ, что духовенство имѣетъ земли и не воздѣлываетъ ихъ, что оно имѣетъ владѣльческія права и не защищаетъ ихъ, что на ихъ земляхъ, самыхъ счастливыхъ изъ всѣхъ, постоянно покоится благословеніе Провидѣнія и что было бы крайнею дерзостію объ нихъ сужденіе имѣть.

Очевидно, что такимъ образомъ онъ хотѣлъ, не компрометтируя себя, дать понять, что смѣлый, предпріимчивый человѣкъ, въ особенности Мидичисъ, которому папа былъ родственникомъ, не встрѣтилъ бы большихъ затрудненій въ осуществленіи проводимой Маккіавели идеи.

Но какъ согласить съ республиканскими взглядами Маккіавели тѣ совѣты, касающіеся республикъ, которые онъ даетъ своему узурпатору?

Если этотъ ярый республиканецъ, этотъ великій мыслитель и литераторъ, этотъ мученикъ патріотизма совѣтуетъ будущему узурпатору вырвать съ корнемъ свободу республикъ, то не говоритъ ли въ немъ одно только желаніе заслужить милости государя, которому посвящена эта книга, не преслѣдуетъ ли онъ свои личныя выгоды?

Нельзя отрицать того, что Маккіавели, въ то время какъ онъ писалъ свою книгу о „Государѣ“, сильно нуждался въ матеріальныхъ средствахъ, что онъ безпокоился за свое будуще, что страстно желалъ получить какую либо должность и надѣялся на помощь со стороны Медичисовъ. Письмо его отъ 10 октября 1515 года, адресованное изъ его бѣднаго деревенскаго убѣжища другу Веттори, въ Флоренцію, подтверждаетъ это вполнѣ.

---

*) Фридрихъ Великій въ своемъ «Anti-Machiavel» высказываетъ взглядъ на «Государя» (il Prïncipe), какъ на чисто теоретическій трактатъ о правахъ и обязанностяхъ государей вообще. Нужно замѣтить, что, опровергая Маккіавели шагъ за шагомъ, онъ на упоминаетъ о 28-й и послѣдней главѣ подъ заглавіемъ: «*Воззваніе къ Италіи для освобожденія отъ иностранцевъ*», и что онъ вставляетъ главу вовсе не принадлежащую Маккіавели подъ заглавіемъ: «*О различныхъ родахъ торговли и законныхъ причинахъ для объявленія войны*».

Однако это письмо даетъ серьезныя основанія предполагать, что онъ искалъ не только расположенія Медичисовъ, преслѣдовалъ не только исключительно личныя цѣли, но что имѣлъ въ виду и выполненіе плана узурпаціи, плана, который вовсе не противорѣчилъ его республиканскимъ и патріотическимъ чувствамъ, хотя, съ точки зрѣнія нравственныхъ идеаловъ нашей эпохи, этотъ планъ и долженъ быть отвергнутъ, какъ нечестивый. Его труды и дипломатическая переписка показываютъ, что онъ въ совершенствѣ былъ знакомъ съ исторіей всѣхъ государствъ.

Человѣкъ, который такъ глубоко проникалъ въ прошлое человѣчества, съ такою ясностью понималъ настоящее, долженъ былъ также ясно и далеко глядѣть въ будущее.

Человѣкъ, который въ самомъ началѣ шестнадцатаго вѣка понималъ необходимость національной арміи, долженъ былъ также признать, что время небольшихъ республикъ прошло, что пришелъ періодъ великихъ монархій, что національность, при порядкѣ вещей того времени, не могла возродиться безъ помощи узурпаціи и быть сохранена иначе какъ съ помощію деспотизма, что олигархіи, въ рукахъ которыхъ находились итальянскія республики, являлись самымъ большимъ препятствіемъ для *національнаго объединенія*, что поэтому ихъ надо было уничтожить, что благодаря объединенію національностей возродилась бы національная свобода. Очевидно Макіавели хотѣлось пожертвовать такъ сказать изношенной свободой нѣсколькихъ городовъ, которую онъ бросалъ деспотизму какъ добычу, въ надеждѣ, что съ его помощью можно будетъ достичь національнаго объединенія и тѣмъ обезпечить будущимъ поколѣніямъ свободу въ другой, болѣе величественной формѣ.

Первый спеціально политико-экономическій трудъ въ Италіи принадлежитъ перу неаполитанскаго писателя *Антоніо Серра: „О средствахъ привлеченія „въ королевства“ золота и серебра“*.

Сэй и Мак-Куллохъ кажется прочитали только заглавіе этой книги; и тотъ и другой съ пренебреженіемъ отстраняютъ ее, замѣчая, что рѣчь въ ней идетъ только о деньгахъ, и что авторъ ошибается, считая богатствомъ только благородные металлы. Но если бы они больше почитали и изучили эту книгу, то извлекли бы, можетъ быть, болѣе полезныхъ уроковъ. Хотя *Антоніо Серра* и грѣшитъ тѣмъ, что видитъ признаки богатства въ обиліи золота

и серебра, тѣмъ не менѣе взгляды его на происхожденіе богатства довольно вѣрны. Онъ, правда, ставитъ на первый планъ рудники, какъ прямые источники золота и серебра, тѣмъ не менѣе отдаетъ полную справедливость и косвеннымъ средствамъ, благодаря которымъ пріобрѣтаются благородные металлы. Главными источниками національнаго богатства являются, по его мнѣнію, земледѣліе, фабрично-заводская промышленность и торговля. Плодородіе земли есть извѣстный источникъ благосостоянія, но фабрично-заводская промышленность является еще болѣе обильнымъ источникомъ благосостоянія по разнымъ причинамъ, а въ особенности благодаря обширной торговлѣ, которой она является основаніемъ.

Плодовитость этихъ источниковъ зависитъ отъ способности самого населенія, напр., отъ трудолюбія, дѣятельности, предпріимчивости, бережливости, и отъ обстоятельствъ естественныхъ и мѣстныхъ, напримѣръ, отъ мѣстоположенія города благопріятнаго для морской торговли. Сверхъ этихъ причинъ Антоніо Серра отмѣчаетъ еще форму правленія, общественный распорядокъ, гражданскую свободу, политическія гарантіи и устойчивость законодательства. „Страна, говоритъ онъ, не можетъ благоденствовать, если каждый новый князь будетъ издавать новые законы; можетъ быть благодаря этому Область Святаго Отца находится не въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, какъ тѣ, въ которыхъ правленіе и законодательство устойчивѣе. Посмотрите, какъ въ Венеціи сильно вліяетъ на общественное благосостояніе одинъ и тотъ-же режимъ, неизмѣняющійся въ теченіе столѣтій“. Такова сущность политико-экономической системы, которая хотя и имѣетъ предметомъ (какъ это можетъ показаться) только вопросъ о пріобрѣтеніи благородныхъ металловъ, однако отличается въ общемъ естественнымъ и здравымъ смысломъ. Очевидно, что трудъ Ж. Б. Сэй — развивающій впрочемъ такія экономическія идеи, о которыхъ Антоніо Серра не имѣлъ никакого представленія—стоитъ гораздо ниже сочиненія Серра по главнѣйшимъ вопросамъ, а именно по правильной оцѣнкѣ политическаго режима по отношенію къ богатству народовъ. Если бы Сэй изучилъ книгу Серра вмѣсто того, чтобы откладывать ее въ сторону, то безъ сомнѣнія онъ не заявилъ бы на первой же страницѣ своего „*Трактата по политической экономіи*“, что политической экономіи нечего заниматься государственнымъ устройствомъ страны, что при всякихъ формахъ правленія націи обогаща-

лись и раззорялись, что важно только, чтобы страна была хорошо управляема.

Мы далеки отъ мысли защищать *абсолютное* превосходство одной формы правленія передъ другими. Достаточно бросить взглядъ на государства Южной Америки, чтобы убѣдиться въ томъ, что демократическій режимъ у тѣхъ народовъ, которые политически еще незрѣлы, можетъ значительно отодвинуть ихъ назадъ на пути государственнаго благосостоянія. Достаточно взглянуть на Россію, чтобы понять, что народы, находящіеся еще на сравнительно низшей ступени культуры, могутъ достичь при абсолютно-монархическомъ режимѣ самыхъ славныхъ матеріальныхъ результатовъ. Но это нисколько не говоритъ въ пользу того, что націи обогащались будто бы при всякой формѣ правленія, т. е. достигали высшей степени благосостоянія. Напротивъ, исторія учитъ, что эта степень государственнаго благосостоянія, отмѣченная процвѣтаніемъ фабрично-заводской промышленности и торговли, можетъ быть достигнута только тѣми странами, политическое устройство которыхъ — будетъ ли оно называться республикой или монархіей — вполнѣ гарантируетъ гражданамъ свободу личности и неприкосновенность собственности, администраціи — дѣятельность и энергію въ преслѣдованіи соціальныхъ интересовъ съ настойчивостію въ этихъ стремленіяхъ.

На высокой ступени цивилизаціи гораздо важнѣе *постоянное* и однообразное хорошее правленіе, чѣмъ хорошее правленіе въ теченіе *нѣкотораго времени* для того, чтобы новое правленіе не разрушило того блага, которое было создано предшествовавшимъ, чтобы за такимъ тридцатилѣтнимъ правленіемъ, каковымъ было правленіе Кольбера, не слѣдовало отмѣны Нантскаго эдикта, чтобы въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ держались одной системы и преслѣдовали одну и ту же цѣль.

Административную устойчивость, о которой совершенно справедливо говоритъ Антоніо Серра, обезпечиваетъ то государственное устройство, гдѣ существуетъ представительство народныхъ интересовъ, а не абсолютное правленіе при господствѣ администраціи, которая мѣняется вмѣстѣ съ главою монархіи. Впрочемъ на извѣстныхъ ступеняхъ культуры абсолютное монархическое правленіе можетъ быть гораздо благопріятнѣе, да и обыкновенно дѣйствительно болѣе способствуетъ умственнымъ и физическимъ успѣхамъ

страны, чѣмъ правленіе конституціонное. Это—времена, когда существуютъ крѣпостничество и суевѣрія, или національное раздробленіе и сословныя привиллегіи; потому что при конституціонномъ государственномъ устройствѣ обезпечивалась бы продолжительность не только національныхъ интересовъ, но также и господствующихъ злоупотребленій; тогда какъ уничтоженіе этихъ злоупотребленій находится въ интересахъ и въ природѣ абсолютно-монархическаго правленія, и явится монархъ великой энергіи и великой мудрости, который подвинетъ развитіе націи на нѣсколько вѣковъ впередъ и откроетъ народу новую безконечную эру независимости и прогресса.

Такимъ образомъ Ж. Б. Сэй только при помощи общихъ мѣстъ, которыя заключаютъ въ себѣ лишь относительную правду, желалъ отдѣлить свою доктрину отъ политики. Безъ сомнѣнія для всякаго государства важно прежде всего хорошее правительство, но пригодность эта зависитъ отъ формы правленія, а самой лучшей формой правленія очевидно будетъ та, которая болѣе всего отвѣчаетъ умственному и матеріальному строю народа и интересамъ его будущаго. Націи развивались при всякихъ формахъ правленія, но достигали высокой степени экономическаго развитія только при той формѣ, которая обезпечивала въ должной мѣрѣ свободу и могущество, устойчивость законодательства и политики и хорошія государственныя учрежденія.

Антоніо Серра разсматриваетъ и видитъ природу вещей такою, какова она на самомъ дѣлѣ, а не сквозь призму предвзятой системы или единственнаго принципа, который онъ желалъ бы оправдать и установить. Онъ сравниваетъ положеніе различныхъ государствъ въ Италіи и находитъ наибольшія матеріальныя богатства въ тѣхъ, гдѣ существуетъ самая дѣятельная торговля, наиболѣе развитая фабрично-заводская промышленность, а послѣднюю тамъ, гдѣ существуетъ гражданская свобода.

Сужденія *Беккаріа* уже носятъ на себѣ слѣды вліянія ложныхъ положеній школы физіократовъ. Этотъ писатель открылъ, правда, до Адама Смита или одновременно съ нимъ принципъ раздѣленія труда или, можетъ быть, нашелъ его у Аристотеля; такъ или иначе, но онъ развиваетъ этотъ принципъ гораздо далѣе Адама Смита, ибо не ограничиваетъ его, какъ этотъ послѣдній, раздѣленіемъ занятій одной фабрики, но показываетъ, что распредѣленіе членовъ

общества по разнымъ отраслямъ промышленности порождаетъ общественное благосостояніе. Тѣмъ не менѣе онъ колеблется утверждать, вслѣдъ за физіократами, что фабриканты и заводчики представляютъ классъ производительный.

Но самыми узкими взглядами являются взгляды великаго публициста *Филанджіери*. Пропитанный ложными идеями космополитизма, онъ думаетъ, что Англія торговыми ограниченіями дала премію контрабандѣ и уменьшила свою торговлю.

Верри, будучи администраторомъ, не могъ такъ сильно ошибаться по этому вопросу; онъ допускаетъ, что необходимо покровительствовать туземной промышленности въ ея борьбѣ съ иностранной конкурренціей, но онъ не понялъ или не могъ понять, что отъ одной только торговой политикѣ зависитъ величіе и единство націи.

ГЛАВА XXIX.

Промышленная система,

(ошибочно названная школой меркантильною).

Въ то время, когда образовались великія національности, благодаря обединенію народовъ, совершенному наслѣдственною монархіей посредствомъ централизаціи государственной власти, торговля и мореходство, а съ тѣмъ вмѣстѣ богатство и морское могущество въ большинствѣ случаевъ находились, какъ мы это уже показали, въ рукахъ городскихъ самоуправленій или федерацій такихъ учрежденій. Но, по мѣрѣ того, какъ развивались городскія самоуправленія этихъ объединенныхъ національностей, все болѣе и болѣе стало выясняться сознаніе необходимости вводить въ странѣ эти существенные источники могущества и богатства.

Королевская власть, чувствуя, что эти элементы не могутъ пустить корней и развиться иначе, какъ на почвѣ городскаго самоуправленія, покровительствовала свободѣ городскаго управленія и цеховому праву, въ которыхъ кромѣ того находила поддержку противъ феодальной аристократіи, дорожившей своей независимостью и относившейся враждебно къ національному единству. Но это средство оказалось недостаточнымъ; во-первыхъ потому, что преимущества, которыми пользовались частныя лица въ *свободныхъ*

городахъ и республикахъ, были гораздо значительнѣе тѣхъ, которыя монархическая власть могла дать городамъ съ ихъ самоуправленіемъ; во-вторыхъ потому, что подъ режимомъ свободной конкурренціи трудно и даже невозможно странѣ, всегда занимающейся преимущественно земледѣліемъ, лишить фабрично-заводской промышленности, торговли и мореплаванія тѣ страны, которыя занимались этимъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ; наконецъ, на лонѣ великихъ монархій феодальныя учрежденія ставили преграды развитію земледѣлія, а съ нимъ, слѣдовательно, и развитію фабрично-заводской промышленности. Такой-то естественный порядокъ вещей и заставилъ великія монархіи ограничить ввозъ мануфактурныхъ товаровъ, заграничную торговлю и мореплаваніе и покровительствовать туземной фабричной-заводской промышленности, собственной торговлѣ и мореплаванію.

Тогда какъ до тѣхъ поръ таможенныя пошлины были устанавливаемы главнымъ образомъ на вывозимое сырье, теперь онѣ упали главнымъ образомъ на ввозимыя мануфактурныя издѣлія. Проистекавшія отъ такого образа дѣйствій выгоды побудили купцовъ, моряковъ, фабрикантовъ изъ болѣе развитыхъ городовъ и странъ перейти съ своими капиталами въ великія монархіи, гдѣ они стали возбуждать духъ предпріимчивости въ туземцахъ. Съ возникновеніемъ промышленности быстро возникла и развилась и національная свобода. Феодальная аристократія увидѣла необходимость въ своихъ же собственныхъ интересахъ поступиться правами въ пользу промышленнаго и торговаго населенія такъ-же, какъ и въ пользу сельскаго. Отсюда—успѣхи земледѣлія, благопріятно отозвавшіеся съ своей стороны на двухъ другихъ факторахъ національнаго богатства. Мы показали, какъ Англія, съ помощью этой системы и реформаціи, росла вѣкъ за вѣкомъ, благодаря развитію производительныхъ силъ, свободѣ и могуществу. Мы показали также, съ какими успѣхами Франція подражала одно время этой системѣ, и какъ эта система погибла за отсутствіемъ реформы феодальныхъ учрежденій, клерикализма и абсолютной монархіи. Мы доказали, что польская національность погибла, потому что избирательная монархія не имѣла достаточно ни вліянія, ни устойчивости, чтобы поднять духъ могущественной буржуазіи и преобразовать феодальную аристократію.

Подъ вліяніемъ этой политики на мѣсто торговыхъ и промышленныхъ городовъ, на мѣсто земледѣльческой провинціи, съ которой

первые часто не находились ни въ какой политической связи, встала нація, какъ нѣчто полное и цѣлое; нація, въ которой съ одной стороны существовавшія между монархіей, феодальной аристократіей и буржуазіей разногласія разрѣшились въ общее созвучіе, съ другой же стороны между земледѣліемъ, фабрично-заводской промышленностью и торговлей завязались болѣе тѣсныя отношенія. Этотъ соціальный строй былъ безконечно совершеннѣе предшествовавшаго, такъ какъ фабрично-заводская промышленность, стѣсненная до тѣхъ поръ узкими границами городскихъ республикъ, разлилась по всей обширной территоріи; всѣ, какіе только были, источники были предоставлены въ ея распоряженіе; раздѣленіе труда и ассоціація производительныхъ силъ въ различныхъ отрасляхъ фабрично-заводской промышленности, какъ и въ земледѣліи практиковались въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ; между многочисленнымъ классомъ земледѣльцевъ, между фабрикантами и купцами обнаружилась въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ болѣе крѣпкая связь, и такимъ образомъ, съ заключеніемъ, такъ сказать, мира между ними, взаимодѣйствіе земледѣлія и фабрично-заводской промышленности было вполнѣ обезпечено, наконецъ земледѣльцы были допущены къ пользованію тѣми выгодами, которыя сопровождаютъ промышленность и торговлю. Страна въ одно и тоже время земледѣльческая, промышленная и коммерческая есть какъ бы городъ, разросшійся въ цѣлую провинцію, или село, возвысившееся до понятія города. Въ то время какъ подъ покровительствомъ этой ассоціаціи силъ расширялась матеріальная производительность, не могло быть недостатка и въ развитіи умственныхъ силъ, въ усовершенствованіи политическихъ учрежденій, въ общественныхъ доходахъ, средствахъ государственной обороны и увеличеніи населенія. Поэтому-то нація, которая первая вполнѣ осуществитъ идею одновременно земледѣльческаго, мануфактурнаго и коммерческаго государства, въ настоящее время во всѣхъ отношеніяхъ станетъ во главѣ другихъ націй.

Система промышленности сначала не была изложена письменно и вовсе не была плодомъ фантазіи писателей, а просто прилагалась къ жизни—до Стеарта, который описалъ ее почти въ томъ видѣ, въ какомъ она практиковалась въ Англіи, точно также какъ Антоніо Серра взялъ элементы своей собственной системы изъ исторіи Венеціи. Книга Стеарта въ сущности не можетъ быть названа

трудомъ научнымъ. Большую часть ея занимаетъ изложеніе вопросовъ о деньгахъ, банкахъ, бумажномъ обращеніи, торговыхъ кризисахъ, торговомъ балансѣ и населеніи; разсужденія Стеарта по этимъ вопросамъ по многимъ причинамъ поучительны и въ наше время, но изложены неумѣло и непослѣдовательно—одна и та-же мысль повторяется десять разъ; другіе политико-экономическіе вопросы разобраны или поверхностно, или просто опущены; поверхностно обслѣдованы вопросы о производительныхъ силахъ и элементахъ цѣнности, вездѣ передъ глазами автора только опытъ и положеніе Англіи. Однимъ словомъ въ этой книгѣ всѣ достоинства и недостатки англійской практики и практики Кольбера.

Преимущества системы промышленности въ сравненіи съ другими предшествовавшими ей системами заключаются въ томъ:

1) что она понимаетъ важность и вліяніе фабрично-заводской промышленности на земледѣліе, торговлю и мареходство страны, и откровенно признаетъ это;

2) что вообще она выбираетъ вѣрнѣйшее средство, благодаря которому нація, готовая къ тому, достигаетъ развитія мануфактурной промышленности *);

3) что точкой ея отправленія служитъ идея національности и что, разсматривая націи какъ единство, вездѣ имѣетъ въ виду національные интересы.

Недостатки этой системы въ томъ:

1) что она вообще не даетъ яснаго представленія о *промышленномъ воспитаніи націи* и условіяхъ его примѣненія;

2) что тѣмъ самымъ у народовъ, живущихъ въ неблагопріятныхъ для развитія промышленности условіяхъ, и у слишкомъ незначительныхъ или отсталыхъ по развитію государствъ вызываетъ подражаніе дурно понятой протекціонной системѣ;

3) что за счетъ земледѣлія расширяетъ покровительство выработкѣ сырыхъ продуктовъ, хотя земледѣліе достаточно покрови-

*) Стеартъ говоритъ, кн. I, гл. XXIX: in order to promote industry a statesman must *act*, as well as *permit*, and protect. Could ever the woolen manufacture have been introduced into France from the consideration of the great advantage England had drawn from it, if the King had not undertaken the support of it, by granting many privileges to the undertakers and by laying strict prohibitions on all foreign cloths? Is there any other way of establishing a new manufacture anywhere?

тельствуется естественнымъ путемъ противъ заграничной конкурренціи.

4) что вопреки всякой справедливости и за счетъ земледѣлія, затрудняя вывозъ сырья, благопріятствуетъ фабрично-заводской промышленности;

5) что не учитъ націю, достигшую мануфактурнаго и коммерческаго верховенства, открыть свой рынокъ свободной конкурренціи, чтобы такимъ образомъ предохранить фабрикантовъ и купцовъ отъ безпечности и лѣности;

6) что, преслѣдуя исключительно политическую цѣль, упускаетъ изъ вида, не признаетъ космополитическихъ отношеній націй между собою и цѣль всего человѣчества, и такимъ образомъ совѣтуетъ правительству обратиться къ запрещенію тамъ, гдѣ достаточно было бы покровительства, или установить запретительныя пошлины тамъ, гдѣ были бы умѣстнѣе умѣренныя;

7) наконецъ, эта система грѣшитъ въ томъ отношеніи, что, совершенно забывая о космополитическомъ принципѣ, не видитъ въ будущемъ единеніи всѣхъ народовъ, въ установленіи вѣчнаго мира и въ общей свободѣ торговли той цѣли, къ которой должны стремиться всѣ народы и къ которой они все болѣе и болѣе приближаются.

Современныя школы несправедливо упрекали эту систему въ томъ, что она не признавала иныхъ богатствъ, кромѣ благородныхъ металловъ, хотя бы они и были такимъ же товаромъ, какъ и всякій другой, и въ томъ, что она выставила правило: какъ можно больше продавать другимъ народамъ, покупая у нихъ какъ можно меньше.

Что касается перваго упрека, то нельзя сказать, чтобы министерство Кольбера и англійское правительство со времени Георга придавали такое важное значеніе ввозу благородныхъ металловъ. Поднять фабрично-заводскую промышленность, мореходство и внѣшнюю торговлю страны—таковъ былъ планъ ихъ торговой политики, политики не безъ недостатковъ, но которая въ общемъ достигла значительныхъ результатовъ. Мы же видѣли, что, со времени заключенія Метуэнскаго трактата (1703 г.), Англія ежегодно вывозила въ Остъ-Индію массу благородныхъ металловъ, вовсе не считая за зло этотъ вывозъ.

Когда министры Георга I запретили въ 1721 году ввозъ хлоп-

чато-бумажныхъ и шелковыхъ тканей изъ Индіи, то объясняли это запрещеніе вовсе не тѣмъ, что нація должна стараться какъ можно больше продавать иностранцамъ и какъ можно меньше покупать у нихъ,—этотъ абсурдъ былъ прибавленъ къ системѣ промышленности одною позднѣйшею школой—они объявили только то, что нація можетъ достичь могущества и богатства, *вывозя произведенія своихъ фабрикъ и ввозя сырье и пищевые продукты.* До сихъ поръ Англія слѣдовала этому правилу и, благодаря ему, достигла богатства и могущества. Это правило есть единственно вѣрное государственное правило для націи старой культуры, которая довела земледѣліе до высокой степени развитія.

ГЛАВА XXX.

Школа физіократовъ или система земледѣлія.

Если-бы удалась великая попытка Кольбера, если-бы отмѣна Нантскаго эдикта, пышность двора и страсть къ славѣ Людовика IV, развратъ и расточительность его преемника не затоптали посѣянныхъ Кольберомъ сѣмянъ, если-бы поэтому во Франціи образовался классъ богатыхъ фабрикантовъ и купцовъ, если-бы, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, церковныя земли перешли въ руки буржуазіи и такимъ образомъ возникла вторая сильная нижняя палата, подъ вліяніемъ которой произошла бы реформа въ феодальной аристократіи, то система физіократовъ быть можетъ не появилась бы на свѣтъ. Очевидно эта система была вызвана именно бѣдственнымъ экономическимъ положеніемъ Франціи и была разсчитана только на это государство.

Въ то время большая часть земель во Франціи находилась въ рукахъ духовенства и дворянства. Обработывавшіе ихъ поселяне влачили жизнь въ рабствѣ и личной зависимости, подъ гнетомъ суевѣрія, невѣжества, лѣности и нищенства. Тѣ, въ рукахъ которыхъ находились орудія производства, не имѣли ни достаточно знаній, ни желанія заняться сельскимъ хозяйствомъ, тѣмъ болѣе, что съ головой погрузились въ водоворотъ безсмысленныхъ наслажденій; тѣ-же, что стояли за плугомъ, были лишены какъ умственныхъ, такъ и матеріальныхъ источниковъ для сельско-хозяйственныхъ улучшеній.

Тяжесть феодальнаго строя, подъ которою изнемогало земледѣліе, увеличивалась требованіями ненасытной монархіи, предъявлявшимися къ производителямъ, требованіями, которымъ тѣмъ труднѣе было удовлетворить, что дворянство и духовенство было свободно отъ налоговъ. При такихъ условіяхъ самыя важныя отрасли промышленности, т. е. тѣ, которыя покоятся на земледѣльческомъ производствѣ страны и на потребленіи народной массы, не могли процвѣтать; могли же процвѣтать только тѣ отрасли промышленности, которыя снабжали привиллегированные классы предметами роскоши. Внѣшняя торговля была ограниченная, вслѣдствіе безсилія матеріальныхъ производителей къ потребленію огромнаго количества продуктовъ жаркаго пояса, которыя оплачивались излишкомъ туземнаго производства; внутренняя торговля была задушена внутренними таможнями.

При такомъ положеніи вещей весьма естественно, что мыслители, отыскивая причины царствовавшихъ бѣдствій, пришли къ заключенію, что страна не можетъ благоденствовать, пока не будутъ разбиты цѣпи, которыми было сковано земледѣліе, пока не заинтересуются имъ землевладѣльцы и капиталисты, пака сельскіе жители будутъ находиться подъ гнетомъ личной зависимости, суевѣрія, лѣности и невѣжества, пока не будутъ уменьшены и равномѣрно распредѣлены налоги, пока существуютъ внутреннія таможни и пока не станетъ процвѣтать внѣшняя торговля.

Но эти мыслители были врагами монарха и его придворнаго штата, любимцами и друзьями дворянства и духовенства; и такъ какъ они не хотѣли открыто объявить войну ни абсолютной власти, ни дворянству съ духовенствомъ, то имъ ничего не оставалось болѣе сдѣлать, какъ облечь планъ своей реформы мракомъ глубокомысленной системы такъ-же, какъ до и послѣ нихъ идеи политическихъ и религіозныхъ реформъ облекались покрываломъ философскихъ системъ. Какъ французскіе современные имъ философы, которые среди всеобщаго разложенія Франціи искали утѣшенія на широкомъ поприщѣ филантропіи и космополитизма, въ родѣ раззорившагося отца семейства, въ отчаяніи отправляющагося искать развлеченій въ сосѣднемъ кабачкѣ, такъ и физіократы пристрастились къ космополитическому принципу свободы торговли, какъ къ панацеѣ, могущей излечить всѣ государственные недуги. Поймавъ въ пространствѣ эту идею, они стали копать въ глубинѣ... и нашли

въ „revenu net“ земли вполнѣ соотвѣтствовавшій ихъ представленіямъ фундаментъ.

Тогда было приступлено къ построенію системы: „только одна земля даетъ чистый доходъ, слѣдовательно земледѣліе — единственный источникъ богатствъ“. Таково положеніе физіократовъ, изъ котораго вытекали важныя слѣдствія. Во-первыхъ, должно было рухнуть все зданіе феодализма—и это въ интересахъ самихъ же земельныхъ собственниковъ, во-вторыхъ, всѣ налоги должны были пасть на землю, какъ на источникъ всякаго богатства, и такимъ образомъ должна была пасть льгота, которою пользовались дворяне и духовенство; наконецъ, фабриканты, какъ и производительный классъ населенія, не должны были платить налога, но и не заслуживали государственнаго покровительства, а поэтому уничтожены таможни.

Однимъ словомъ обратились къ самымъ безсмысленнымъ аргументамъ и доводамъ, чтобы только доказать тѣ великія истины, которыя рѣшили вывести на свѣтъ.

О націи, степени ея развитія, и ея положеніи по отношенію къ другимъ народамъ не могло быть и рѣчи; „Encyclopédie méthodique“ учитъ, что — *„счастіе отдѣльнаго человѣка зависитъ отъ счастія всего человѣчества“*. Поэтому болѣе не должно было быть ни націй, ни войнъ, ни заграничныхъ торговыхъ ограниченій; исторія и опытъ или не принимаются въ расчетъ, или обезображиваются.

Большое достоинство этой системы видѣли въ томъ, что она являлась будто бы опроверженіемъ системы Кольбера, будто она была выдвинута на благо землевладѣльцевъ, противъ привиллегій, которыми пользовались фабриканты; на самомъ же дѣлѣ нанесенный ею ударъ пришелся какъ разъ землевладѣльцамъ. На бѣднаго Кольбера одного возложили всю тяжесть отвѣтственности за печальное положеніе земледѣлія во Франціи, хотя всякій долженъ былъ знать, что фабрично-заводская промышленность возникла и развилась во Франціи только благодаря Кельберу, хотя простой здравый смыслъ говоритъ, что эта промышленность есть главное средство, вызывающее процвѣтаніе земледѣлія и торговли.

Отмѣна Нантскаго эдикта, легкомысленныя войны Людовика XIV и расточительность Людовика XV — все это было совершенно забыто.

Кенэ въ своихъ сочиненіяхъ воспроизвелъ и опровергъ одно за другимъ всѣ возраженія, какія встрѣтила его система; приходится только удивляться тому, сколько здраваго смысла онъ вложилъ въ уста своихъ противниковъ и мистической глупости—въ свои собственныя возраженія. Тѣмъ не менѣе весь этотъ абсурдъ прослылъ мудростію среди современниковъ реформатора, потому что тенденція этой системы отвѣчала условіямъ, въ которыхъ тогда находилась Франція, а также космополитическому направленію восемнадцатаго вѣка.

ГЛАВА XXXI.

Система мѣновыхъ цѣнностей,

(ошибочно называемая школою системою промышленною).

Адамъ Смитъ.

Доктрина Адама Смита о національныхъ и международныхъ отношеніяхъ есть лишь продолженіе системъ физіократовъ. Подобно послѣднимъ она не знаетъ національности, почти совершенно исключаетъ политику и правительство, предполагая существующимъ вѣчный міръ и всемірный союзъ, она не признаетъ значенія національной фабрично-заводской промышленности и средствъ къ ея развитію, требуя абсолютной свободы торговли.

Адамъ Смитъ, слѣдуя по пути, проложенному физіократами, впалъ въ тѣ же капитальныя ошибки, такъ какъ смотрѣлъ на абсолютную свободу международной торговли, какъ на требованіе разума и не старался изслѣдовать историческое развитіе этой идеи.

Dugald-Stewerd, даровитый біографъ Адама Смита, сообщаетъ, что послѣдній за 21 годъ до обнародованія своего сочиненія (1776), именно въ 1755 году, въ одномъ литературномъ обществѣ произнесъ слѣдующія слова, давшія ему первенство въ провозглашеніи идеи абсолютной свободы торговли: „Человѣкъ съ точки зрѣнія государственныхъ людей и прожектеровъ обыкновенно разсматривается какъ въ нѣкоторомъ родѣ матеріалъ для политическаго ремесла. Эти составители проектовъ лишь мѣшаютъ естественному процессу въ человѣческой дѣятельности, между тѣмъ какъ доста-

точно предоставить ее самой себѣ и дать ей свободу, чтобы она сама достигла конечной цѣли. Для того, чтобы государство могло возвыситься съ низшей ступени варварства на высшую ступень богатства, необходимы лишь *миръ*, умѣренные налоги и правовой порядокъ; все остальное достигается естественнымъ порядкомъ вещей. Всѣ правительства, которыя становятся противъ этого естественнаго теченія, которые желаютъ дать другое направленіе капиталамъ или задержать общественный прогрессъ, возстаютъ противъ природы и, чтобы поддержать себя, прибѣгаютъ къ угнетенію и къ тиранніи".

Эта мысль послужила исходною точкою для Адама Смита, и всѣ его позднѣйшія работы не имѣли иной цѣли, какъ ее установить и дать ей научное освѣщеніе. Она и знакомство съ Кенэ, Тюрго и прочими корифеями школы физіократовъ, съ которыми Адамъ Смитъ встрѣтился во время путешествія во Францію въ 1765 году, еще болѣе укрѣпили его въ этомъ воззрѣніи.

Очевидно Адамъ Смитъ видѣлъ въ идеѣ свободы торговли тотъ базисъ, на которомъ онъ долженъ положить основаніе своей литературной славѣ. Вполнѣ естественно поэтому, если онъ въ своемъ трудѣ пытался удалять и оспаривать все, что противорѣчило этой идеѣ, что онъ смотрѣлъ на себя какъ на *защитника абсолютной свободы торговли* и въ этомъ духѣ думалъ и писалъ.

Можно ли было, въ виду такого предвзятаго воззрѣнія, ожидать, что Адамъ Смитъ будетъ относиться къ вещамъ и людямъ, исторіи и статистикѣ, политическимъ мѣропріятіямъ и ихъ творцамъ иначе, какъ не съ той точки зрѣнія, насколько они согласны или стоятъ въ противорѣчіи съ его идеею?

Въ вышеприведенныхъ словахъ Dugald-Stewerd'a заключается, какъ бы въ зернѣ, вся система Адама Смита. Государственная власть ничего не должна дѣлать, какъ только оказывать справедливость и заботиться о возможномъ уменьшеніи налоговъ. Государственные люди, пытающіеся насаждать фабрично-заводскую промышленность, развивать мореплаваніе, содѣйствовать внѣшней торговлѣ, покровительствовать ей при помощи морскихъ силъ, основывать и пріобрѣтать колоніи, такіе люди, по его мнѣнію, только прожектеры, задерживающіе общественный прогрессъ. Для него не существуетъ національности, а только общество, т. е собраніе людей, живущихъ вмѣстѣ. Отдѣльныя личности сами

лучше всего знаютъ, какая отрасль промышленности для нихъ наиболѣе выгодна, и сами лучше всего съумѣютъ избрать средство для упроченія своего благосостоянія. Это полное упраздненіе національности и государственной власти, это возведеніе индивидуальности на степень первоисточника всякой творческой силы представляется правдоподобнымъ только потому, что онъ главнымъ предметомъ изслѣдованія поставилъ не производительную силу, но продуктъ, матеріальное богатство, или вѣрнѣе только ту цѣнность, какую имѣютъ предметы при обмѣнѣ. Необходимо, чтобы матеріализмъ слѣдовалъ за индивидуализмомъ, чтобы заслонить массу силъ, которыя почерпаются людьми изъ національности, національнаго единства и національной ассоціаціи производительныхъ силъ. Необходимо было свести національную экономію на простую *теорію цѣнностей*, такъ какъ только индивидуумы создаютъ цѣнности и такъ какъ государство, неспособное создавать цѣнностей, должно ограничить свою дѣятельность только возбужденіемъ, покровительствомъ и содѣйствіемъ производительнымъ силамъ индивидуумовъ. Съ этой точки зрѣнія сущность политической экономіи выражается слѣдующимъ образомъ: богатство есть обладаніе мѣновыми цѣнностями. Мѣновыя цѣнности создаются индивидуальнымъ трудомъ въ связи съ естественными силами и капиталами. Посредствомъ раздѣленія труда ихъ производительность увеличивается. Капиталы образуются при помощи сбереженій вслѣдствіе того, что производство превышаетъ потребленіе. Чѣмъ больше сумма капиталовъ, тѣмъ больше раздѣленіе труда, а слѣдовательно и производительная способность. Частный интересъ—лучшее побудительное средство къ труду и бережливости. Высшая мудрость государственной власти заключается въ томъ, чтобы не создавать препятствій частной дѣятельности и заботиться лишь объ огражденіи правъ каждаго. Безсмысленно поэтому правительственными мѣрами принуждать подданныхъ самихъ производить то, что они могутъ купить дешевле за границей.

Такая послѣдовательная система, анализирующая богатство въ его составныхъ частяхъ, раскрывающая съ такою ясностію процессъ производства богатствъ, разъясняющая повидимому такъ основательно заблужденія предшествующихъ школъ, необходимо должна была быть принята за неимѣніемъ другихъ. Но, по существу дѣла, это ничто иное, какъ система *частной экономіи*

всѣхъ индивидумовъ страны или всего человѣчества, какимъ оно было бы, если бы не существовало ни отдѣльныхъ государствъ, ни націй, ни національныхъ интересовъ, ни особыхъ государственныхъ устройствъ и культуръ, ни войнъ, ни національныхъ стремленій; это ничто другое, какъ теорія цѣнностей, конторская или *купеческая теорія*, а не ученіе о томъ, какимъ образомъ возбудить, увеличить, поддержать и обезпечить производительныя силы націи въ выгодахъ ея цивилизаціи, благосостоянія, могущества, устойчивости и независимости.

Эта система разсматриваетъ все съ точки зрѣнія купца. Цѣнность вещей для нея богатство, она желаетъ выигрывать только цѣнности. Развитіе производительныхъ силъ она предоставляетъ случаю, природѣ и Господу Богу; одно только государство ничего не должно дѣлать для этого, только политика не имѣетъ права вмѣшиваться въ работу накопленія цѣнностей. Она желаетъ покупать товары тамъ, гдѣ ихъ можно купить дешевле всего; что ввозъ раззоряетъ туземныя фабрики, это ничего не значитъ. Если другія націи устанавливаютъ вывозныя преміи на ихъ мануфактурные товары—тѣмъ лучше, ихъ можно будетъ покупать еще дешевле. Только то для нея производительно, что производитъ мѣновыя цѣнности. Она отлично понимаетъ въ деталяхъ выгоды раздѣленія труда, но не обращаетъ вниманія на результаты раздѣленія труда въ національномъ масштабѣ. Только посредствомъ частной бережливости увеличиваетъ она капиталы и только по мѣрѣ такого возрастанія капиталовъ можетъ она расширять свою дѣятельность; увеличенію производительныхъ силъ вслѣдствіе возникновенія фабрикъ и заводовъ внутри страны и возникающихъ отсюда внѣшней торговли и національнаго могущества — она не придаетъ никакой цѣны. Что станется съ націею въ будущемъ, для нея совершенно безразлично, если только отдѣльныя личности пріобрѣтаютъ мѣновыя цѣнности. Ей извѣстна лишь земельная рента, но не цѣнность земельныхъ участковъ; она не замѣчаетъ, что наибольшая часть богатства націи заключается въ цѣнности ея земельныхъ пространствъ и недвижимой собственности. Ее совершенно не занимаютъ ни вліяніе внѣшней торговли на цѣнность и стоимость земли, ни происходящія отсюда разстройства и бѣдствія. Однимъ словомъ, это—въ самомъ тѣсномъ и строгомъ смыслѣ *меркантильная система*, и непонятно, какъ могли придать это названіе си-

стемѣ Кольбера, которая по своей сущности была промышленною системою, такъ какъ Кольберъ, не обращая вниманія на пріобрѣтеніе или потерю въ мѣновыхъ цѣнностяхъ въ данный моментъ, имѣлъ въ виду лишь насажденіе національной промышленности, созданіе національной торговли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы вовсе не желаемъ отрицать великихъ заслугъ Адама Смита. Онъ первый приложилъ съ успѣхомъ къ политической экономіи *аналитическій методъ*. При помощи этого метода и необыкновенной проницательности, онъ освѣтилъ важнѣйшіе отдѣлы науки, которые до него покрыты были непроницаемымъ мракомъ. До Адама Смита была только практика; благодаря его работамъ стало возможно основаніе науки политической экономіи, и онъ собралъ для этого массу матеріала, больше, чѣмъ всѣ его предшественники и послѣдователи.

Но въ тѣхъ же особенностяхъ его ума, которымъ мы обязаны такимъ замѣчательнымъ анализомъ различныхъ отдѣловъ политической экономіи, нужно искать объясненіе и того, что Адамъ Смитъ не разсматривалъ общества въ его цѣломъ, что онъ не былъ въ состояніи связать частности въ одно гармоническое цѣлое, что онъ пренебрегъ національностію въ пользу индивидуума, что онъ, сосредоточившись на изученіи свободной дѣятельности индивидуумовъ, упустилъ изъ вида цѣли цѣлой націи. Онъ, такъ ясно понимавшій выгоды раздѣленія труда на одной фабрикѣ, не замѣчаетъ, что тотъ же самый принципъ точно также приложимъ къ цѣлымъ провинціямъ, къ цѣлымъ націямъ.

Наше сужденіе вполнѣ согласно съ тѣмъ, что говоритъ объ Адамѣ Смитѣ Dugald Stewerd. Адамъ Смитъ былъ способенъ оцѣнивать отдѣльныя черты характера и даже поражалъ при этомъ своею необыкновенною проницательностію, но когда онъ переходилъ къ оцѣнкѣ цѣльнаго характера или цѣльной книги, односторонность и превратность его сужденій бросалась въ глаза. Онъ не умѣлъ вѣрно опредѣлить даже характеры тѣхъ лицъ, съ которыми онъ былъ долгое время связанъ узами самой интимной дружбы. „Портретъ, говоритъ его біографъ, всегда отличался живостью, выразительностью и имѣлъ сильное сходство съ оригиналомъ, если смотрѣть на него съ извѣстной точки зрѣнія, но онъ никогда не былъ вѣрнымъ и точнымъ воспроизведеніемъ во всемъ объемѣ и во всѣхъ отношеніяхъ“.

ГЛАВА XXXIII.

(Продолженіе).

Жанъ Баптистъ Сэй и его школа.

Этотъ писатель вообще стремился лишь къ тому, чтобы привесть въ систему собранные въ безпорядкѣ Адамомъ Смитомъ матеріалы, освѣтить ихъ и популяризовать, что ему и удалось сдѣлать, такъ какъ онъ былъ одаренъ способностью систематизаціи и популяризаціи. Ничего новаго и оригинальнаго въ его сочиненіяхъ нѣтъ, исключая того, что онъ признаетъ производительнымъ умственный трудъ, что отвергалъ Адамъ Смитъ. Но это воззрѣніе, вѣрное съ точки зрѣнія производительныхъ силъ, стоитъ въ противорѣчіи съ теоріею цѣнности, и очевидно здѣсь Смитъ послѣдовательнѣе, чѣмъ Сэй. Работающіе умомъ непосредственно не производятъ мѣновыхъ цѣнностей, они скорѣе уменьшаютъ своимъ потребленіемъ сумму доходовъ и сбереженій, слѣдовательно матеріальныхъ богатствъ. Точно также и то основаніе, по которому Сэй приписываетъ производительность умственному труду, а именно, что этотъ трудъ вознаграждается мѣновыми цѣнностями,—не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ эти цѣнности были уже созданы прежде, чѣмъ попасть въ руки людей, занятыхъ умственнымъ трудомъ; эти цѣнности мѣняютъ лишь владѣльца, количество ихъ отъ этого обмѣна не увеличивается. Посвятившіе себя умственному труду могутъ быть названы производителями только тогда, когда національное богатство видятъ въ производительныхъ силахъ, а не въ мѣновыхъ цѣнностяхъ. Въ этомъ случаѣ Сэй по отношенію къ Адаму Смиту находился въ томъ же положеніи, въ какомъ находился Адамъ Смитъ по отношенію къ физіократамъ. Чтобы приписать производительность промышленникамъ, Адамъ Смитъ долженъ былъ расширить понятіе богатства, точно также и Сэй не имѣлъ другого выбора, какъ только или признать, согласно А. Смиту, безсмысленное положеніе, что умственный трудъ не производителенъ, или расширить понятіе національнаго богатства, какъ это сдѣлалъ Адамъ Смитъ по отношенію къ физіократамъ, т. е. ввести въ это понятіе производительныя силы и сказать: національное богатство состоитъ не въ обладаніи мѣновыми цѣн-

ностями, но въ обладаніи производительными силами, подобно тому какъ богатство рыбопромышленника заключается не въ обладаніи рыбою, а въ умѣніи и въ средстрахъ для постояннаго удовлетворенія своей потребности въ рыбѣ.

Достойно замѣчанія и, насколько мы знаемъ, не всѣмъ извѣстно то, что у Ж. Б. Сэй былъ братъ, который, благодаря своему здравому уму, отлично понималъ ошибочность теоріи цѣнности, и что самъ Ж. Б. Сэй вслѣдствіе сомнѣній брата выразилъ сомнѣніе въ правильности своего собственнаго ученія.

Луи Сэй изъ Нанта полагалъ, что въ политической экономіи установилась терминологія , неправильное пользованіе которыою обусловливало ошибки, и что его собственный братъ не свободенъ отъ упрека въ этомъ отношеніи *). По его мнѣнію богатство націй состоитъ не въ матеріальныхъ имуществахъ и не въ ихъ мѣновой цѣнности, а въ *способности постоянно производить эти имущества*. Теорія мѣновыхъ цѣнностей Адама Смита и Сэй разсматриваетъ богатство исключительно съ ограниченной точки зрѣнія купца, а потому эта-то система, желавшая реформировать такъ называемую систему меркантилизма, и *есть не что иное, какъ въ тѣсномъ смыслѣ слова меркантильная система* *).

На эти сомнѣнія и возраженія Ж. Б. Сэй отвѣчалъ брату, что „его (Ж. Баптиста) метода (метода?!), т. е. теорія мѣновыхъ цѣнностей, во всякомъ случаѣ не есть наилучшая, но что трудность заключается въ томъ, чтобы найти лучшую“ *).

Какъ? найти лучшую? Но развѣ его братъ Луи Сэй не нашелъ лучшую? Нѣтъ! Трудность заключалась очевидно въ томъ, что у него не доставало остроумія, чтобы понять и развить выраженную лишь въ общихъ чертахъ идею брата, или-же въ томъ, что не хо-

*) Louis Say, Etudes sur la richesse des nations. Préface, pag IV.

*) Вотъ собственныя слова Луи Сэй'я, стр. 10: «La richesse ne consiste pas dans les choses, qui satisfont nos besoins ou nos goûts, mais dans le pouvoir d'en jouir annuellement». Далѣе, стр. 14 — 15: «le faux système mercantile fondé sur la richesse en métaux précieux, a été remplacé par un autre fondé sur la richisse en valeurs venales ou échageables, qui consiste à n'évaluer ce qui compose la richesse d'une nation que comme le fait un marchand».—Примѣч. къ стр. 14: l'ecole moderne que refute le système mercantil, a elle-même crée un système qui lui même doix être appelé le système mercantil.

*) Ibid. p. 36. Слова Ж. Б. Сэй'я: que cette méthode etait loin d'être bonne, mais que la difficul é était d'en trouver une meilleur.

тѣлъ разрушать школу уже основанную и проповѣдывать совершенно противоположное доктринѣ, которая доставила извѣстность.

Собственно Сэй'ю въ его сочиненіяхъ принадлежитъ лишь форма системы, а именно опредѣленіе политической экономіи, какъ науки о томъ, какимъ образомъ *матеріальныя богатства производятся, распредѣляются и потребляются.* Благодаря только этому раздѣленію и проведенію этой системы въ дѣйствіе удалось Сэй'ю составить себѣ имя и основать школу. И ничего нѣтъ удивительнаго: такъ у него было все ясно, такъ съумѣлъ Сэй ясно и понятно представить процессы производства и обрисовать дѣйствующія здѣсь индивидуальныя силы, съ такою очевидностью выразилъ онъ въ своей ограниченной сферѣ принципъ раздѣленія труда, такъ наглядно освѣтилъ онъ торговлю отдѣльныхъ индивидуумовъ. Онъ былъ понятенъ всякому гончару, всякому содержателю лавки, и понятенъ былъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе онъ сообщалъ имъ новаго и неизвѣстнаго. Что у гончара руки и ловкость (трудъ) должны находиться въ связи съ глиною (естественный продуктъ), и что посредствомъ гончарнаго круга, обжигательной печи, топлива и т. д. (капиталъ) создаются горшки (цѣнные продукты, мѣновыя цѣнности), все это еще прежде извѣстно было во всякомъ порядочномъ гончарномъ производствѣ, только не умѣли всего этого выразить научнымъ языкомъ и такимъ образомъ обобщить. Немного было и до Сэй'я такихъ содержателей лавокъ или магазиновъ, которые бы не знали, что при обмѣнѣ обѣ стороны получаютъ барышъ, что тотъ, кто отправляетъ за границу товара на 1.000 талеровъ, а получаетъ за него товара на 1.500 талеровъ, получаетъ прибыли 500 талеровъ. Извѣстно было и прежде, что трудъ обогащаетъ, а лѣность доводитъ до нищенства, что частное стремленіе къ обогащенію больше всего побуждаетъ къ дѣятельности, и что для того, чтобы имѣть цыплятъ, не нужно ѣсть яицъ. Не знали, правда, того, что все это и есть *политическая* экономія, и очень были довольны, что такъ легко проникнуть глубочайшія тайны науки, и при этомъ освободиться отъ ненавистныхъ пошлинъ, которыя заставляютъ насъ переплачивать за любимые предметы нашего потребленія, и кромѣ того еще достигнуть вѣчнаго мира, всемірнаго братства, тысячелѣтняго царства. Нечего также удивляться, что въ ряду почитателей Смита и Сэя было такъ много ученыхъ и государственныхъ людей, потому что принципъ *laissez faire* и

laisser passer требовали усилій ума лишь отъ тѣхъ, которые первые объявили его и установили, слѣдующимъ-же за ними писателямъ оставалось лишь воспроизводить тѣже соображенія, разукрашивать ихъ и разъяснять; и у кого же не появится желанія и и не окажется способности для того, чтобы сдѣлаться великимъ государственнымъ человѣкомъ, если для этого достаточно лишь сѣсть и скрестить руки?

Особенность системы та, что достаточно усвоить ея основы, или затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ главъ, съ полнымъ довѣріемъ слѣдовать за авторомъ, для того, чтобы совершенно потерять голову. Такимъ образомъ прежде всего мы заявляемъ г-ну Жану Баптисту Сэй'ю, что политическая экономія не есть наука, которая учитъ только, какимъ збразомъ мѣновыя цѣнности производятся индивидуумами, распредѣляются между ними и потребляются ими; объявляемъ ему, что помимо этого государственный дѣятель желаетъ и долженъ знать, какъ возбуждаются производительныя силы цѣлой націи, какъ онѣ увеличиваются, что имъ оказываетъ содѣйствіе, отчего онѣ слабѣютъ, замираютъ и совершенно исчезаютъ, какъ при помощи національныхъ производительныхъ силъ лучше всего и цѣлесообразнѣе разработать національные естественные источники, чтобы создать національное существованіе, національное благосостояніе, культуру и обезпечить націи будущее.

Эта система отъ одной крайности, что государство можетъ и должно регулировать все, перешло въ другую крайность, что государство ничего не можетъ и не должно дѣлать, что индивидуумъ—все, государство-же—ничто. Мнѣніе г-на Сэя о всемогуществѣ индивидуумовъ и безсиліи государства доходитъ до смѣшнаго. Не имѣя возможности обойти молчаніемъ дѣятельность Кольбера для промышленнаго воспитанія Франціи, онъ восклицаетъ: „трудно было ожидать отъ *частныхъ лицъ* такой мудрости!“

Если мы отъ системы обратимся къ автору, то увидимъ въ немъ человѣка, который, не имѣя обширныхъ историческихъ знаній, не изучивъ основательно ни государственныхъ наукъ, ни государственнаго управленія, лишенный политическаго и философскаго взгляда, только съ одною заимствованною у другого идеею въ головѣ, роется въ исторіи, политикѣ, статистикѣ, въ коммерческихъ и промышленныхъ отношеніяхъ съ тѣмъ, чтобы найти тамъ нѣсколько свидѣтельствъ и фактовъ, которые могли бы быть ему полезны и

которыми бы онъ могъ воспользоваться по своему желанію. Прочтите его разсужденія о навигаціомномъ актѣ, Метуэнскомъ договорѣ, о системѣ Кольбера, объ Эденскомъ трактатѣ и т. д., и вы найдете тамъ подтвержденіе только что сказаннаго. Прослѣдить исторію торговли и промышленности націй ему и въ голову не приходило. Онъ признаетъ, что націи обогащались и пріобрѣтали могущество при таможенномъ покровительствѣ, но по его мнѣнію это произошло *не вслѣдствіе* покровительства, *а помимо его*, и хочетъ, чтобы мы ему въ этомъ на слово повѣрили. Голландцы, утверждаетъ онъ, вслѣдствіе того, что Филиппъ II закрылъ для нихъ португальскіе порты, принуждены были завязать прямыя сношенія съ Остъ-Индіею: какъ будто это запрещеніе было обусловлено покровительственной системой и какъ будто голландцы и безъ этого запрещенія не нашли бы прямой дороги въ Остъ-Индію. Со статистикой и политикой Сэй живетъ еще въ меньшей дружбѣ, потому, безъ сомнѣнія, что та и другая создаютъ очень неудобные факты, „которые такъ часто возстаютъ противъ его системы“, и потому что онъ въ нихъ ничего не понимаетъ. Онъ постоянно предупреждаетъ противъ заблужденія, къ которому ведутъ статистическія данныя, и напоминаетъ, что политика не имѣетъ ничего общаго съ политической экономіей, а это похоже на то, какъ если бы при разсматриваніи оловянной тарелки не обращали вниманія на металлъ.

Сначала купецъ, потомъ фабрикантъ, затѣмъ неудачный политикъ, Сэй обращается къ политической экономіи, какъ обращаются къ новому предпріятію, когда старое не идетъ. По его собственному признанію *онъ сначала былъ въ сомнѣніи, къ какой системѣ ему примкнуть, къ системѣ ли такъ называемаго меркантилизма или къ системѣ свободной торговли.* Изъ ненависти къ континентальной системѣ, разорившей его собственную фабрику, къ основателю этой системы, изгнавшему его изъ трибунала, онъ рѣшился принять сторону абсолютной свободы торговли.

Слово свобода, въ какомъ бы сочетаніи его ни произносили, уже 50 лѣтъ производитъ во Франціи волшебное дѣйствіе. Кромѣ того Сэй и во время имперіи и во время реставраціи принадлежалъ къ оппозиціи и постоянно проповѣдывалъ бережливость. Такимъ образомъ его сочиненія пріобрѣли популярность не благодаря ихъ содержанію, а по причинамъ совершенно другимъ. Какимъ образамъ безъ этого его популярность пережила бы паденіе

Наполеона въ то время, когда примѣненіе его системы безъ сомнѣнія раззорило бы французскія фабрики? Это упорство въ космополитическомъ принципѣ при такихъ обстоятельствахъ показываетъ, каковъ былъ политическій взглядъ у этого человѣка. Насколько онъ зналъ свѣтъ, доказываетъ его неизмѣнная вѣра въ космополитическую тенденцію Каннинга и Гускиссона. Для его славы не доставало лишь того, чтобы Людовигъ XVIII или Карлъ X поручили ему министерства торговли и финансовъ. Тогда бы безъ сомнѣнія его имя было занесено на страницы исторіи рядомъ съ именемъ Кольбера: Кольбера—какъ основателя національной промышленности, Сэй'я—какъ ея разрушителя. Никогда писатель съ такими ничтожными средствами не производилъ такого страшнаго научнаго террора, какъ Ж. Б. Сэй; самое ничтожное сомнѣніе въ непреложности его ученія клеймилось именемъ обскурантизма, и даже такіе люди, какъ Шапталь, боялись анаѳемы отъ этого политико-экономическаго папы. Сочиненіе Шапталя о французской промышленности съ начала до конца есть ничто иное, какъ изложеніе результатовъ французской протекціонной системы; онъ говоритъ выразительно, онъ открыто заявляетъ, что при современныхъ міровыхъ отношеніяхъ все спасеніе Франціи заключается въ протекціонной системѣ. Не смотря на это, Шапталь, въ противорѣчіе со всѣмъ направленіемъ своего сочиненія, пытается въ хвалебной рѣчи свободѣ торговли заслужить прощеніе въ своей ереси отъ школы Сэя. Сэй подражалъ папству даже до индекса (росписи запрещенныхъ книгъ). Хотя онъ не запрещалъ еритическихъ книгъ поименно; но онъ былъ еще строже, онъ запрещалъ все, какъ нееретическое, такъ и еретическое. Онъ предостерегалъ занимающееся политическою экономіею юношество отъ чтенія слишкомъ многихъ сочиненій, чтобы ни попасть на ложный путь; они должны читать немного книгъ, но хорошихъ, т. е другими словами: „вы должны читать меня и Адама Смита, и никого другого". Чтобы однако въ средѣ юношества не возникло излишняго увлеченія отцомъ школы, объ этомъ позаботился его преемникъ и истолкователь; такъ, по Сэй'ю, сочиненіе Адама Смита полно неясностей, ошибокъ и противорѣчій, и онъ ясно даетъ понять, что у него у одного только можно научиться, „какъ читать Адама Смита".

Однако въ то самое время, когда Сэй находился на высотѣ

своей славы, возстали молодые еретики, которые такъ дѣйствительно и такъ смѣло начали нападать на главные основы его системы, что Сэй предпочелъ частнымъ образомъ наставить ихъ на истинный путь и такимъ образомъ избѣгъ публичнаго диспута. Самымъ сильнымъ и геніальнымъ изъ нихъ былъ тогда и въ настоящее время министръ Дюшатель (Tanneguy Duchâtel). «Selon vous, mon cher critique, говорилъ Сэй Дюшателю въ одномъ частномъ письмѣ, il ne reste plus dans mon économie politique que des actions sans motifs, des faits sans explication, une chaîne de rapports dont les extrémités manquent et dont les anneaux les plus importants sont brisés. Je partage donc l'infortune d'Adam Smith dont un de nos critiques a dit qu'il avait retrograder l'économie politique" *).

Въ припискѣ къ этому письму онъ очень наивно замѣчаетъ: „Dans le second article que vous annoncez, il est bien inutile de revenir sur cette polémique, par laquelle nous pouvions bien ennuyer le public".

Теперь школа Смита и Сэй'я распались во Франціи, и наслѣдіемъ деспотизма строгой и бездушной теоріи мѣновыхъ цѣнностей явилась революція и анархія, которой не могли пріостановить ни Росси, ни Бланки. Сенъ-симонисты и фурьеристы, съ замѣчательными талантами во главѣ, вмѣсто того, чтобы произвесть реформу въ старомъ ученіи, отбросили его совсѣмъ въ сторону, и построили утопическія системы. Только въ послѣднее время даровитѣйшіе изъ нихъ попытались поставить свое ученіе въ связь съ предшествовавшею школою и естественнымъ порядкомъ вещей. Отъ этихъ трудовъ, въ особенности же отъ трудовъ талантливаго Мишеля Шевалье, можно ожидать многаго. Все, что вѣрно въ этихъ новыхъ системахъ, можетъ быть объяснено принципомъ ассоціаціи и гармоніи производительныхъ силъ. Отраженіе индивидуальной свободы и самостоятельности является ихъ слабою стороною; у нихъ индивидуумъ совершенно поглощается обществомъ, въ полную противоположность съ теоріею мѣновыхъ цѣнностей, по которой индивидуумъ — все, а государство — ничто. Очень можетъ быть, что міръ стремится къ тому положенію, о которомъ эти секты мечтаютъ, или которое предчувствуютъ; однако, я думаю,

*) Say. Cours complète d'économie politique pratique VII, p. 378.

пройдутъ еще вѣка прежде, чѣмъ оно осуществится. Ни одному смертному не дано измѣрить на цѣлые вѣка успѣхи человѣчества въ изобрѣтеніяхъ и въ соціальномъ строѣ. Даже духъ Платона не въ состояніи былъ предчувствовать, что черезъ тысячелѣтія рабовъ общества будутъ фабриковать изъ желѣза, стали и мѣди, даже умъ Цицерона не въ состояніи былъ предвидѣть, что печать въ состояніи будетъ распространить представительную систему на цѣлыя государства, быть можетъ даже на цѣлый свѣтъ, на весь родъ человѣческій. Если тѣмъ не менѣе отдѣльнымъ великимъ умамъ было дано предчувствовать осуществленіе извѣстнаго прогресса за цѣлыя тысячелѣтія, какъ напр. Христосъ предчувствовалъ освобожденіе рабовъ, то каждому вѣку выпадаютъ свои задачи. Задачи нашего столѣтія заключаются, повидимому, не въ томъ, чтобы раздробить человѣчество на фурьеровскія фаланстеріи для возможнаго уравненія индивидуумовъ въ ихъ умственныхъ и физическихъ удовольствіяхъ,—а въ томъ, чтобы содѣйствовать преуспѣянію производительной силы, умственной культуры, политическаго режима и могущества всѣхъ національностей, и посредствомъ достиженія наивозможнаго равенства подготовить ихъ къ всемірному союзу. Такъ, предположимъ даже, что фаланстеріи достигнутъ своей ближайшей цѣли, которую ставятъ себѣ ихъ защитники, — какимъ образомъ будутъ онѣ оказывать вліяніе на могущество и самостоятельность націи? И не подвергнется ли такая раздробленная на фаланстеріи нація опасности быть завоеванною другими менѣе развитыми націями, оставшимися въ прежнемъ состояніи, и не будетъ ли опасности, что всѣ скороспѣлыя творенія такой націи будутъ поглощены вмѣстѣ съ нею.

Въ настоящее время теорія мѣновыхъ цѣнностей впала въ такое безпомощное состояніе, что она почти исключительно занята изысканіями о сущности ренты, такъ что *Рикардо* въ своей „principal of political economy“ принужденъ былъ сказать слѣдующее: „опредѣлить законы, по которымъ доходъ съ земли распредѣляется между земледѣльцемъ, арендаторомъ и рабочимъ,—вотъ главная задача политической экономіи“.

Въ то время, какъ одни гордо заявляютъ, что наука достигла совершенства и что къ ней ничего существеннаго невозможно прибавить, напротивъ, другіе, оцѣнивая трактаты по политической экономіи съ философской или съ практической точки

зрѣнія, утверждаютъ, что политической экономіи нѣтъ совсѣмъ, что такую науку нужно еще создать; что до сихъ поръ была только астрологія, но что возможно и желательно, чтобы изъ этой астрологіи выработалась астрономія.

Въ заключеніе, чтобы насъ не поняли ошибочно, мы должны напомнить, что наша критика Ж. Б. Сэйя, равно какъ и его предшественниковъ и послѣдователей, касается лишь національныхъ и международныхъ отношеній и что мы оставляемъ въ покоѣ ихъ значеніе по отношенію къ разработкѣ подчиненныхъ доктринъ.

Ясно, что идеи и дедукціи извѣстнаго автора, касающіяся отдѣльныхъ частей науки, могутъ быть замѣчательными, и въ то же время основаніе его системы можетъ быть вполнѣ ошибочно.

Книга четвертая.

ПОЛИТИКА.

ГЛАВА XXXIII.

Островное господство и континентальныя государства.— Сѣверная Америка и Франція.

Во всѣ времена существовали отдѣльные города или страны, превосходившіе другіе развитіемъ своей фабрично-заводской промышленности, торговли и мореходства, но такого господства, какое имѣетъ мѣсто въ наше время, міръ еще не видалъ. Во всѣ времена и у всѣхъ государствъ замѣтна была тенденція къ верховенству, но еще ни одно изъ нихъ не построило на такомъ широкомъ фундаментѣ зданіе своего могущества. Какимъ жалкимъ намъ представляется честолюбіе тѣхъ государствъ, которыя стремились создать свое мировое господство исключительно силою оружія, въ сравненіи съ величайшей попыткой Англіи превратить всю свою территорію въ громадный мануфактурный и коммерческій городъ, въ громадный портъ и стать среди другихъ государствъ тѣмъ же, чѣмъ является большой городъ по отношенію къ деревнѣ: очагомъ наукъ и искусствъ, центромъ великой торговли и богатства, торговаго мореходства и военнаго могущества, космополитическимъ пунктомъ, снабжающимъ фабрикатами всѣ народы и требующимъ у каждой страны, въ обмѣнъ на свои фабричныя издѣлія, ея сырье и пищевые продукты,—стать скадочнымъ мѣстомъ громадныхъ капиталовъ, всемірнымъ банки-

ромъ, располагающимъ оборотными средствами кредита всего міра и, благодаря заключеннымъ у нея другими странами займамъ, взимающимъ съ этихъ даниковъ свои проценты!

Будемъ однако справедливы къ этой державѣ и ея честолюбію. Міръ не только не былъ остановленъ Англіей на пути своего прогресса, но получилъ сильный толчекъ отъ нея.

Для всѣхъ народовъ Англія служила примѣромъ во внѣшней и внутренней политикѣ, въ великихъ изобрѣтеніяхъ и большихъ предпріятіяхъ, въ развитіи полезныхъ искусствъ и усовершенствованіи путей сообщенія, въ открытіи и разработкѣ еще не тронутыхъ земель и особенно въ эксплоатаціи естестенныхъ богатствъ жаркаго пояса и въ цивилизаціи варварскихъ или возвратившихся къ варварскому состоянію народовъ. Кто знаетъ, насколько затянулось бы развитіе міра, если бы не существовало Англіи! И неизвѣстно, насколько міръ ушелъ бы назадъ на пути самоусовершенствованія, если бы Англія перестала существовать. Поэтому мы съ радостію смотримъ на быстрый прогрессъ этой націи и приносимъ ей наши пожеланія всякихъ благъ на всѣ времена. Но, можемъ ли мы пожелать ей основать всемірную имперію на развалинахъ другихъ національностей? Только безпочвенный космополитизмъ или узкій меркантильный умъ могъ бы отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ. Въ предыдущихъ главахъ мы показали, къ какимъ послѣдствіямъ привело бы такое обезличиваніе національностей, и показали, что цивилизація человѣчества можетъ быть результатомъ только поднятія разныхъ народовъ на одну стенень культуры, богатства и могущества, что путь, по которому Англія дошла изъ варварскаго невѣжества до современнаго величія, открытъ одинаково для всѣхъ націй, и что многія изъ нихъ призваны нынѣ итти по ея стопамъ.

Государственный планъ, съ помощью котораго Англія достигла современнаго состоянія, можетъ быть выраженъ вкратцѣ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

— всегда предпочитать ввозъ производительныхъ силъ ввозу товаровъ *);

*) Производство даже шерсти въ Англіи обязано своимъ существованіемъ отчасти этому правилу. Эдуардъ IV, по особенному соизволенію испанскаго правительства, вывезъ 3.000 штукъ овецъ изъ Испаніи, страны, гдѣ ихъ вывозъ былъ воспрещенъ, и распредѣлилъ ихъ по округамъ, запретилъ убивать

— заботливо поддерживать и покровительствовать развитію производительныхъ силъ;

— ввозить только сырье и земледѣльческіе продукты и вывозить только издѣлія фабрично-заводской промышленности;

— употреблять излишекъ производительныхъ силъ на основаніе колоній и покореніе варварскихъ народовъ;

— оставить исключительно за митрополіей право снабженія колоній и подчиненныхъ территорій издѣліями фабрично-заводской промышленности и взамѣнъ того получать отъ нихъ предпочтительно ихъ сырье и особенно колоніальные продукты;

— сохранить за собой каботажъ и морское сообщеніе между метрополіей и колоніями, поощрять съ помощью премій морской рыболовный промыселъ и завоевать самую, по возможности, большую часть международнаго мореходства;

— стать такимъ образомъ первой морской державой, съ помощью этого верховенства расширить внѣшнюю торговлю и постоянно увеличивать колоніальныя владѣнія;

— допускать свободу колоніальной торговли и мореходства лишь постольку, поскольку они могутъ приносить болѣе выгодъ, чѣмъ потерь;

— не заключать трактатовъ, касающихся мореходства, на принципѣ взаимности иначе, какъ когда выгода на сторонѣ Англіи, и тѣмъ самымъ воспрепятствовать иностраннымъ державамъ устанавливать морскія ограниченія, клонящіяся къ выгодѣ послѣднихъ;

— не дѣлать независимымъ націямъ никакихъ уступокъ, не касающихся ввоза въ Англію земледѣльческихъ продуктовъ, и то съ непремѣннымъ условіемъ открыть на одинаковыхъ правахъ сбытъ въ эти страны англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій;

— тамъ, гдѣ нельзя было бы добиться этихъ уступокъ путемъ заключенія трактата, тамъ достичь той же цѣли путемъ контрабандной торговли;

— предпринимать войны и заключать союзы исключительно въ

и стричь ихъ въ теченіе семи лѣтъ (Essai sur le commerce d'Angleterre, tome I page 379). Когда цѣль этого мѣропріятія была достигнута, Англія отвѣтила либерализму испанскаго правительства запрещеніемъ ввоза испанской шерсти Прекрасные результаты этого запрещенія, какъ бы оно ни было беззаконно нельзя отрицать, также какъ и результаты запрещенія ввоза шерсти при Карлѣ II въ 1672 и 1674 годахъ.

интересахъ развитія фабрично-заводской промышленности и торговли, мореходства и колоній; извлекать такимъ образомъ выгоды какъ изъ враговъ, такъ и изъ друзей; изъ первыхъ, разстраивая ихъ морскую торговлю, изъ вторыхъ, раззоряя ихъ фабрично-заводскую промышленность субсидіями, платимыми въ формѣ мануфактурныхъ издѣлій.

Нѣкогда всѣ эти правила были открыто провозглашены всѣми министрами и членами парламента. Министры Георга I откровенно заявили въ 1721 году по поводу запрещенія наложеннаго на ввозъ фабричныхъ издѣлій Остъ-Индіи, что нація можетъ обогатиться и достигнуть могущества только ввозя сырье и вывозя издѣлія фабрично-заводской промышленности. Еще во времена лорда Чатама и лорда Норта не боялись заявить полнымъ голосомъ парламента, что не слѣдуетъ позволять Сѣверной Америкѣ сфабриковать хотя бы одну подкову.

Со времени Адама Смита къ вышеперечисленнымъ правиламъ было прибавлено еще одно, а именно: *умѣть съ помощію космополитическихъ образовъ выраженія и аргументовъ, измышленныхъ Адамомъ Смитомъ, такъ замаскировать настоящую политику Англіи, чтобы иностранныя державы не могли ей подражать.*

Вульгарное правило благоразумія: оттолкнуть лѣстницу, по которой долѣзъ до величія, чтобъ другому неповадно было пользоваться ею. Въ этомъ весь секретъ космополитической доктрины Адама Смита и космополитическихъ тенденцій его современника Вильяма Питта, а также всѣхъ его преемниковъ по государственному управленію Великобританіи. Конечно, самое лучшее, что можетъ сдѣлать нація, достигшая, благодаря протекціоннымъ таможеннымъ пошлинамъ и морскимъ ограниченіямъ, совершенства въ своей фабрично-заводской промышленности и морской торговлѣ до того, что ей нечего бояться конкурренціи какой либо страны— самое лучшее сдѣлать одно: отбросить какъ можно дальше отъ себя средства, благодаря которымъ она достигла величія, проповѣдывать другимъ народамъ о всѣхъ выгодахъ конкурренціи и громогласно выражать раскаяніе въ томъ, что до сихъ поръ Англія шла-де путемъ заблужденій и слишкомъ поздно пришла къ уразумѣнію истины.

Вильямъ Питтъ первый изъ государственныхъ людей Англіи понялъ, какое употребленіе можно сдѣлать изъ космополитической

теоріи Адама Смита, и не даромъ всегда имѣлъ при себѣ экземпляръ „Богатства народовъ“. Его рѣчь, произнесенная въ 1786 году по адресу не парламента или страны, а по адресу неспособныхъ и неопытныхъ государственныхъ людей Франціи, рѣчь, расчитанная съ намѣреніемъ подготовить ихъ къ Эденскому трактату, является верхомъ совершенства діалектики à la Смитъ. Франція, по его словамъ, была призвана самой природой къ сельскому хозяйству и винодѣлію, также какъ Англія къ занятію фабрично-заводской промышленности; эти двѣ націи были по отношенію другъ къ другу какъ *два крупныхъ негоціанта*, работающіе въ разныхъ отрасляхъ производства и обогащающіе другъ друга обмѣномъ своихъ товаровъ *). И во всей рѣчи ни одного слова о старомъ правилѣ, выработанномъ въ Англіи, что во внѣшней торговлѣ нація не можетъ достигнуть высшей мѣры богатства и могущества иначе, какъ посредствомъ обмѣна своихъ мануфактурныхъ издѣлій на земледѣльческіе продукты и сырье. Съ тѣхъ поръ это правило осталось государственной тайной Англіи; о немъ перестали говорить вслухъ, но съ тѣмъ большимъ рвеніемъ стали проводить въ жизнь.

Впрочемъ, если бы Англія со времени Питта на самомъ дѣлѣ отказалась отъ протекціонной системы, какъ отъ совершенно безполезной опоры, то она была бы болѣе великою, чѣмъ теперь; она была бы гораздо ближе къ преслѣдуемой ею цѣли, къ монополіи въ фабрично-заводской промышленности во всемъ мірѣ. Очевидно, что лучшимъ моментомъ для достиженія этой цѣли

*) «Франція, говорилъ Питтъ, имѣетъ преимущества передъ Англіей въ своемъ климатѣ и другихъ дарахъ природы, она ее превосходитъ въ производствѣ сырыхъ продуктовъ, Англія же беретъ верхъ надъ нею своими издѣліями фабрично-заводской промышленности. Вина, спирты, масла и уксусъ Франціи, въ особенности два первые предмета, представляютъ такую важность, такую цѣнность, что ваши естественныя богатства не могутъ съ ними сравниться (?), съ другой стороны ни для кого не тайна, что Англія имѣетъ монополію нѣкоторыхъ отраслей фабричнаго производства и въ другихъ настолько сильна, что не опасается соперничества Франціи. Въ этомъ то и лежитъ условіе и естественное основаніе выгодныхъ отношеній между обѣими державами. Каждая изъ этихъ странъ, обладая достаточнымъ количествомъ собственныхъ необходимыхъ предметовъ оптоваго торга, имѣетъ еще и то, въ чемъ нуждается другая страна, эти двѣ націи по отношенію другъ къ другу какъ *два крупныхъ негоціанта*, работающіе въ разныхъ отрасляхъ производства и обогащающіе другъ друга обмѣномъ своихъ товаровъ».

былъ моментъ возстановленія общаго мира. Возбужденная континентальной системой злоба дала толчокъ космополитической теоріи у всѣхъ народовъ континента. Россія, вся Сѣверная Европа, Германія, Пиринейскій полуостровъ, Соединенные Штаты, всѣ эти страны были бы счастливы обмѣниваться своими продуктами земледѣлія и сырьемъ на англійскія мануфактурныя издѣлія. Можетъ быть и сама Франція дошла бы до отмѣны своихъ запрещеній съ помощью необходимыхъ уступокъ въ пользу ея винодѣлія и шелковаго производства. Словомъ, тогда наступилъ бы такой моментъ, „когда со стороны Англіи, по выраженію Пристлея о навигаціонномъ актѣ, было бы также умно уничтожить протекціонную систему, какъ умно было обратиться къ ней раньше".

Если бы Англія измѣнила свою политику въ такомъ направленіи, то весь избытокъ сырья и земледѣльческихъ продуктовъ обоихъ континентовъ направился бы къ ней широкимъ потокомъ, весь свѣтъ одѣлся бы англійскими тканями и все способствовало бы ея обогащенію и могуществу.

Въ нашъ вѣкъ не такъ легко пришло бы въ голову Американцамъ и Русскимъ обратиться къ протекціонной системѣ, а Нѣмцамъ основать таможенный союзъ. Не такъ легко рѣшились бы пожертвовать выгодами настоящаго надеждамъ на отдаленное будущее.

Но не суждено деревьямъ вырости до небесъ. Лордъ Castlereargh передалъ торговую политику Англіи въ руки земельной аристократіи, и эта аристократія зарѣзала курицу съ золотыми яйцами. Если бы она допустила англійскихъ фаабрикантовъ продолжать свое царствованіе на всѣхъ рынкахъ и Великобританіи играть во всемъ свѣтѣ роль, какая выпадаетъ на долю мануфактурнаго города по отношенію къ деревнѣ, то вся почва острова покрылась бы домами и фабриками или ушла бы подъ парки, огороды, фруктовые сады, или подъ молочное хозяйство и помѣщенія для боенъ или для культуры растеній нужныхъ для промышленныхъ цѣлей, словомъ подъ всѣ тѣ культуры, которыя могутъ практиковаться только въ окрестностяхъ большихъ городовъ. Эти различныя культуры оказались бы гораздо болѣе выгодными для англійскаго земледѣлія, чѣмъ культура зерновыхъ хлѣбовъ, и съ тѣхъ поръ онѣ увеличили бы доходы аристократіи, болѣе, чѣмъ это сдѣлало бы запрещеніе ввоза ино-

странныхъ хлѣбовъ. Но эта аристократія, озабоченная единственно интересами даннаго момента, предпочла, съ помощью законовъ о зерновыхъ хлѣбахъ, сохранить свою арендную плату на той высотѣ, которой она достигла, благодаря прекращенію ввоза иностранныхъ хлѣбовъ и сырья во время войны, и такимъ образомъ принудила націи континента искать благосостоянія по другому пути, т. е. заставила ихъ перейти отъ свободнаго обмѣна своихъ земледѣльческихъ продуктовъ на англійскія мануфактурныя издѣлія къ учрежденію собственныхъ фабрикъ и заводовъ. Такимъ образомъ запретительные законы Англіи оказали точно такое же дѣйствіе, какъ и континентальная система Наполеона, только нѣсколько медленнѣе. Когда Каннингъ и Гускиссонъ достигли власти, земельная аристократія уже слишкомъ вкусила отъ запрещеннаго плода, чтобы позволить убѣдить себя въ необходимости проститься съ своими привиллегіями. Этимъ государственнымъ людямъ, такъ же какъ и теперешнимъ англійскимъ министрамъ, предстояло разрѣшить неразрѣшимую задачу. Они должны были убѣдить націи континента въ преимуществахъ свободной торговли и въ то же время на пользу аристократіи сохранить неприкосновеннымъ ограниченія ввоза иностранныхъ земледѣльческихъ продуктовъ; слѣдовательно имъ невозможно было отвѣчать надеждамъ защитниковъ свободной торговли обоихъ континентовъ. Среди этого потопа филантропическихъ и космополитическихъ фразъ, наполнявшихъ общія пререканія по поводу торговыхъ системъ, имъ не казалось непослѣдовательнымъ поддерживать свою аргументацію о протекціонной системѣ каждый разъ, когда возникалъ вопросъ объ измѣненіи англійскаго тарифа.

Гускиссонъ уменьшилъ таможенныя пошлины на многіе предметы и никогда не упускалъ случая обратить вниманіе на то, что туземныя фабрики пользуются еще достаточнымъ покровительствомъ даже при болѣе слабомъ тарифѣ. Въ этомъ онъ слѣдовалъ системѣ, принятой администраціей голландскихъ плотинъ: гдѣ уровень воды достигаетъ значительной высоты, тамъ эта мудрая администрація строитъ высокую плотину и наоборотъ. Такимъ образомъ столь торжественно возвѣщенная реформа торговой системы въ Англіи превратилась просто въ экономическое жонглерство. Какъ бы въ доказательство либерализма Англіи былъ изданъ законъ объ уменьшеніи пошлины на шелковыя матеріи, настоящей причиной кото

раго былъ вовсе не либерализмъ, а то, что Англія хотѣла просто на-просто въ интересахъ своихъ финансовъ, безъ ущерба для своихъ фабрикъ, остановить широко развившуюся контрабандую торговлю этимъ предметомъ и вполнѣ достигла своей цѣли. Но если дозволено приводить, какъ примѣръ либерализма, покровительственную пошлину отъ 50 до 70 проц. (которую несутъ еще теперь въ Англіи заграничныя шелковыя матеріи, включая сюда и добавочную пошлину), то въ этомъ отношеніи большая часть націй была бы скорѣе впереди, чѣмъ позади Англіи.

Такъ какъ доводы Каннинга и Гускиссона имѣли цѣлью произвести впечатлѣніе на Францію и Сѣверную Америку, то не безъ-интересно будетъ напомнить, какое фіаско потерпѣли они въ той и другой странѣ

Въ это время, какъ и въ 1786 г., англичане имѣли во Франціи еще значительную партію среди теоретиковъ и либераловъ. Соблазненная великой идеей свободы торговли и поверхностной аргументаціей Сэйя въ борьбѣ съ ненавистнымъ правительствомъ, поддерживаемая приморскими городами, винодѣлами и фабрикантами шелковыхъ издѣлій, либеральная партія горячо проповѣдывала, какъ и въ 1786 году, расширеніе торговли съ Англіей, какъ единственное средство развить благосостояніе страны.

Какихъ бы упрековъ ни заслуживала реставрація, тѣмъ не меменѣе нельзя не признать, что она принесла Франціи такую услугу, которую не будетъ отрицать потомство: она не увлеклась ни происками Англіи, ни либеральностію крикуновъ, взывавшихъ о торговой политикѣ; и это такъ безпокоило Каннинга, что онъ самъ поѣхалъ въ Парижъ, чтобы убѣдить г. де-Виллеля въ достоинствахъ своихъ мѣропріятій и побудить его подражать этой системѣ. Но де-Виллель былъ слишкомъ практическимъ человѣкомъ, чтобы не понять этой хитрости, и онъ, говорятъ, отвѣтилъ Каннингу: „Если Англія, при сильномъ развитіи своей фабрично-заводской промышленности, допускаетъ теперь заграничную конкурренцію въ большихъ, чѣмъ прежде размѣрахъ, то, конечно, потому, что такая торговая политика согласна съ ея интересами; но во Франціи въ настоящее время слѣдуетъ держаться другого образа дѣйствій и оказывать необходимое покровительство ея фабрикамъ, развитіе которыхъ еще не окрѣпло; когда иностранная конкурренція будетъ полезна французской промышленности, тогда онъ, де-Виллель, не преминетъ воспользоваться примѣромъ Каннинга“.

Взбѣшенный этимъ отказомъ, Каннингъ, по возвращеніи въ Англію, хвастался при полномъ собраніи Парламента, что вмѣшательствомъ въ Испанію онъ привязалъ мельничный жерновъ на шею французскому правительству, — что указываетъ на то, что космополитическій духъ и европейскій либерализмъ Каннинга вовсе не были такъ серьезны, какъ это показали простодушные либералы континента, ибо какъ бы могъ Каннингъ предоставить либеральное государственное устройство Испаніи французскому вмѣшательству съ единственной цѣлью привязать камень на шею привительству Франціи, если бы онъ хотя мало-мальски интересовался причинами либерализма на континентѣ? Истина же въ томъ, что Каннингъ былъ англичаниномъ въ полномъ смыслѣ слова и что онъ допускалъ филантропическія и космополитическія идеи лишь постольку поскольку онѣ могли служить ему для упроченія и расширенія торговаго и промышленнаго господства Англіи или прельщенія соперничающихъ съ ней націй.

Впрочемъ, де-Виллелю не нужно было быть слишкомъ проницательнымъ, чтобы замѣтить подставляемую ему Каннингомъ ловушку. Опытъ сосѣдней Германіи, которая, со времени уничтоженія континентальной системы, въ развитіи своей промышленности шла все назадъ, этотъ опытъ служилъ ему краснорѣчивымъ доказательствомъ настоящей цѣны принципа свободы торговли въ томъ видѣ, какъ его понимала Англія. Кромѣ того Франція чувствовала себя слишкомъ хорошо съ принятой ею системой въ 1815 году, чтобы соблазниться и оставить, какъ собака въ баснѣ, добычу ради тѣни. Люди наиболѣе свѣдущіе въ фабрично-заводской промышленности, каковы Шапталь и Шарль Дюпэнъ высказались самымъ положительнымъ образомъ о результатахъ этой системы.

Сочиненіе Шапталя о французской промышленности — ничто иное, какъ защита торговой политики Франціи, и картина ея результатовъ въ цѣломъ и въ частностяхъ. Тенденція этого труда ясна изъ приводимаго здѣсь отрывка *).

„Итакъ вмѣсто того, чтобы блуждать въ лабиринтѣ метафизическихъ абстракцій, постараемся сохранить и усовершенствовать то, что устроено. Хорошее таможенное законодательство есть истинная охрана земледѣлія и фабрично-заводской промышленности; оно

*) De l'industrie française, tome II, page 417.

повышаетъ или понижаетъ ввозныя пошлины, смотря по обстоятельствамъ и потребностямъ; оно возмѣщаетъ убытки, какіе могутъ понести наши фабрики или въ высокой цѣнѣ рабочихъ рукъ, или въ топливѣ; запрещеніями ввоза оно покровительствуетъ новымъ отраслямъ, съ тѣмъ, чтобы предоставить эти новыя производства борьбѣ съ иностранной конкурренціей только тогда, когда онѣ пройдутъ всѣ степени по пути къ совершенству; оно старается обезпечить промышленную независимость Франціи и обогащаетъ націю ея трудомъ, который, какъ я не разъ уже говорилъ, есть главный источникъ богатствъ".

Шарль Дюпенъ въ своемъ сочиненіи о производительныхъ силахъ Франціи и объ успѣхахъ французской промышленности съ 1814 по 1827 годъ такъ прекрасно описалъ результаты торговой политики, которой держалась Франція со времени реврaвраціи, что одинъ французскій министръ не могъ рѣшиться, за всю цѣну чудесъ новаго Метуэнскаго трактата, пожертвовать полувѣковымъ такъ дорого стоившимъ созданіемъ, столь богатымъ по результатамъ и полнымъ прекрасныхъ надеждъ.

Американскій тарифъ 1828 г. былъ необходимымъ и естественнымъ слѣдствіемъ англійской торговой системы, отстранявшей лѣсной товаръ, зерновые хлѣба, муку и другіе сырые продукты Сѣверной Америки и не допускавшей ничего, кромѣ ея хлопка въ обмѣнъ на англійскія фабричныя издѣлія.

Такимъ образомъ торговля въ Англіи поощряла только земледѣльческій трудъ американскихъ невольниковъ; наиболѣе свободные, просвѣщенные и могущественные штаты Союза не могли прогрессировать въ матеріальномъ отношеніи и были принуждены направлять въ пустыни запада ежегодный излишекъ прироста населенія и капитала.

Гускиссонъ очень хорошо зналъ, въ какомъ положеніи находилось дѣло; извѣстно, что англійскій посланникъ въ Вашингтонѣ не разъ предупреждалъ его о послѣдствіяхъ, какія должна была повлечь за собой торговая политика Англіи.

Если бы Гускиссонъ былъ дѣйствительно такимъ, какимъ его считали за границей, то онъ, конечно, воспользовался бы счастливымъ случаемъ, который представляло обнародованіе американскаго

тарифа, чтобы дать понять англійской аристократіи безсмысленность хлѣбныхъ законовъ и необходимость ихъ отмѣны.

Что же сдѣлалъ Гускиссонъ? Онъ взбѣсился на американцевъ (или по крайней мѣрѣ притворился взбѣшеннымъ) и въ сердцахъ обратился къ увѣреніямъ, фальшивость которыхъ была понятна ссѣмъ плантаторамъ, и къ угрозамъ, которыя только дѣлали его вмѣшнымъ. Гускиссонъ увѣрялъ, что англійскій вывозъ въ Америку едва достигаетъ шестой части всего вывоза Англіи, въ то время какъ американскій вывозъ въ Англію составляетъ половину всего вывоза изъ Америки. Этимъ онъ хотѣлъ доказать, что Соединенные Штаты зависѣли отъ Англіи больше, чѣмъ она отъ нихъ, и что Англія гораздо меньше Америки могла бояться перерыва торговли вслѣдствіе войны, неправильныхъ сообщеній и т. д. Если взглянуть только на точныя цифры ввезенныхъ и вывезенныхъ цѣнностей, то слова Гускиссона могутъ показаться справедливыми, но если вникнуть въ сущность обоюднаго вывоза, то становится непонятнымъ, какъ могъ Гускиссонъ обратиться къ аргументу, доказывающему совершенно обратное тому, что онъ хотѣлъ установить. Вывозъ Америки въ Англію состоитъ цѣликомъ или въ большей части изъ сырыхъ продуктовъ, цѣнность которыхъ Англія удесятеряетъ, безъ которыхъ обойтись она не можетъ и получить которые откуда либо кромѣ Америки (по крайней мѣрѣ въ достаточномъ количествѣ) тоже не можетъ; весь же англійскій вывозъ состоитъ изъ предметовъ, которые Америка или сама производитъ или покупаетъ въ другихъ странахъ.

Такимъ образомъ, если разсматривать послѣдствія прекращенія торговли между этими странами съ точки зрѣнія теоріи цѣнностей, то онѣ покажутся совсѣмъ не благопріятными для Соединенныхъ Штатовъ, съ точки же зрѣнія теоріи производительныхъ силъ Англія должна понести громадный ущербъ. Дѣйствительно, двѣ трети англійскихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ были бы доведены до прекращенія работъ и раззоренія, и Англія какъ по мановенію волшебнаго жезла потеряла бы промышленность, ежегодная производительность которой значительно превышаетъ общую стоимость ея вывоза. Послѣдствія такой потери для спокойствія, богатства, кредита, торговли и могущества Англіи безчисленны. Къ какимъ же послѣдствіямъ для Соединенныхъ Штатовъ привело бы прекращеніе торговли? Вынужденные заняться фабрикаціей предметовъ,

которые они до тѣхъ поръ получали изъ Англіи, Соединенные Штаты въ короткій срокъ выиграли бы то, что потеряла Великобританія.

Нѣтъ сомнѣнія, что борьба на жизнь и на смерть возгорѣлась бы между Англіей и Америкой, какъ нѣкогда это было между Англіей и Голландіей послѣ навигаціоннаго акта, и эта борьба привела бы можетъ быть къ тому же результату, къ какому привела война, театромъ которой служилъ Ламаншъ.

Не время и не мѣсто говорить о длинномъ рядѣ послѣдствій соперничества, которое, какъ намъ кажется, рано или поздно, но силою вещей разрѣшится. Достаточно одного предыдущаго, чтобы понять, насколько неоснователенъ и опасенъ образъ мыслей Гускиссона, насколько неосторожно поступила Англія, заставивъ Соединенные Штаты (изданіемъ своихъ хлѣбныхъ законовъ) заняться фабрично-заводскою промышленностію и какъ-бы умно поступилъ Гускиссонъ, еслибы, вмѣсто того, чтобы играть въ гибельную игру съ своими легкомысленными аргументами, приложилъ все свое стараніе къ устраненію причинъ, вызвавшихъ американскій тарифъ 1828 года.

Чтобы доказать Соединеннымъ Штатамъ всю выгодность для нихъ американской торговли съ Англіей, Гускиссонъ указывалъ на необыкновенное увеличеніе вывоза ихъ хлопка; но американцы понимали, какъ надо смотрѣть на этотъ новый аргументъ. Дѣйствительно, уже болѣе десяти лѣтъ производство хлопка въ Сѣверной Америкѣ изъ года въ годъ до того превышало потребленіе, что цѣны на хлопокъ упали почти пропорціонально увеличенію вывоза; такъ: выручивъ въ 1816 году за 80 милліоновъ фунтовъ хлопка 24 милліона долларовъ, въ 1826 году американцы за 204 милліона фунтовъ выручили только 25 милліоновъ долларовъ.

Наконецъ, Гускиссонъ грозилъ американцамъ организаціей черезъ Канаду обширной контрабанды. Правда, что при настоящемъ положеніи вещей это средство является самымъ большимъ препятствіемъ для протекціонной системы въ Соединенныхъ Штатахъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Что американцы должны повергнуть къ стопамъ британскаго правительства свой таможенный тарифъ и покорно ожидать, какія мѣры благоугодно будетъ этому правительству предпринимать ежегодно относительно ихъ промышленности? Какое безуміе! Выйдетъ только то, что американцы овла-

дѣютъ и соединятся съ Канадой или по крайней мѣрѣ помогутъ ей освободиться, когда эта контрабанда станетъ невыносимой. Ну развѣ это не верхъ безумія, когда нація, достигшая промышленнаго и торговаго господства, противодѣйствуетъ земледѣльческому народу, связанному съ нею узами общей крови, языка и интересовъ, сдѣлаться мануфактурнымъ народомъ, когда заставляетъ его слѣдовать своимъ насильственнымъ внушеніямъ и принуждаетъ его способствовать освобожденію ему принадлежащихъ колоній?

По смерти Гускиссона во главѣ управленія торговыми дѣлами Англіи всталъ Пулеттъ Томпсонъ, который продолжалъ вести политику своего знаменитаго предшественника. Но во всякомъ случаѣ, что касается Сѣверной Америки, у него оставалось уже немного дѣла, такъ какъ тамъ и безъ вмѣшательства Англіи вліяніе плантаторовъ хлопка и интриги демократической партіи вызвали уже въ 1832 году то, что было названо компромиссъ-биллемъ, который сдѣлалъ англичанамъ всѣ уступки, какія только они могли пожелать, но безъ эквивалента для американцевъ со стороны Англіи, хотя этотъ билль и исправилъ преувеличенія и недостатки предыдущаго тарифа, хотя и оставилъ нѣкоторую долю покровительства фабрикамъ бумажныхъ и шерстяныхъ издѣлій. Съ тѣхъ поръ англійскій вывозъ въ Америку невѣроятно увеличился и до такой степени превысилъ американскій вывозъ, что во власти Англіи было привлечь къ себѣ во всякое время то количество благородныхъ металловъ изъ Америки, какое ей будетъ угодно, и вызывать такимъ образомъ въ Соединенныхъ Штатахъ торговые кризисы каждый разъ, какъ она сама будетъ испытывать денежное затрудненіе.

Но что всего удивительнѣе, такъ это то, что авторомъ компромиссъ-билля былъ самый ярый защитникъ и знатокъ интересовъ американской фабрично-заводской промышленности—Генрихъ Клэ. Благоденствіе фабрикантовъ при тарифѣ 1828 года такъ сильно возбудило ревность плантаторовъ хлопка, что Южные Штаты грозили отпасть отъ союза въ томъ случаѣ, если тарифъ 1828 года не будетъ измѣненъ. Преданное демократической партіи федеральное правительство по частнымъ и избирательнымъ причинамъ встало на сторону южныхъ плантаторовъ и съумѣло присоединить демократовъ-земледѣльцевъ центральныхъ и западныхъ штатовъ. У этихъ послѣднихъ повышеніе цѣнъ, имѣвшее мѣсто главнымъ образомъ благодаря процвѣтанію промышленности страны, прове-

денію массы каналовъ и проложенію желѣзнодорожныхъ путей, охладило прежнюю симпатію къ фабрично-промышленнымъ интересамъ; впрочемъ, они могли опасаться, что южные штаты въ своей оппозиціи доведутъ дѣло до дѣйствительнаго распаденія Союза и до междоусобной войны; кромѣ того въ интересахъ демократическихъ партій центральныхъ и западныхъ штатовъ было сохранить симпатіи демократической партіи южныхъ штатовъ. По всѣмъ этимъ причинамъ общественное мнѣніе было такъ сильно расположено въ пользу свободы торговли съ Англіей, что можно было опасаться за судьбу промышленныхъ интересовъ всей страны, предоставленныхъ англійской конкурренціи. При такихъ обстоятельствахъ компромиссъ-билль Генриха Клэ являлся единственнымъ средствомъ сохранить хотя отчасти протекціонную систему. Часть американской промышленности, именно фабрикація изящныхъ и дорогихъ предметовъ, была открыта иностранной конкурренціи въ видахъ сохраненія другой—производства предметовъ дешевыхъ и общаго потребленія.

Тѣмъ не менѣе все говорило въ пользу того, что въ теченіе ближайшихъ лѣтъ протекціонная система снова возстановитъ утраченное положеніе Соединенныхъ Штатовъ и даже сдѣлаетъ новые успѣхи. Какія бы усилія ни употребляли англичане, чтобъ уменьшить или смягчить торговые кризисы въ Соединенныхъ Штатахъ, какое бы количество капиталовъ ни переводили къ нимъ въ видѣ ли покупки государственныхъ бумагъ или займовъ, или въ видѣ эмигрированія въ Америку, все-таки же всѣми этими способами они не могутъ возстановить постоянно возрастающаго недостатка въ равновѣсіи между цѣнностью ввоза и вывоза; грозные, все болѣе и болѣе тяжкіе кризисы будутъ постоянно имѣть мѣсто, и американцы, открывши наконецъ причины этого зла, прибѣгнутъ къ собственнымъ средствамъ для его искорененія.

Значитъ въ природѣ вещей, чтобы число партизановъ протекціонной системы увеличивалось, а число лицъ, держащихся системы свободы торговли, уменьшалось.

До сихъ поръ увеличивающійся спросъ на пищевые продукты, вызванный прежнимъ благосостояніемъ фабрично-заводской промышленности, исполненіемъ большихъ общественныхъ работъ, значительнымъ расширеніемъ производства хлопка—и отчасти плохими урожаями, поддерживалъ высокія цѣны на земледѣльче-

скіе продукты, но можно съ большой вѣроятностью предсказать, что въ недалекомъ будущемъ эти цѣны упадутъ ниже средней настолько, насколько онѣ стали выше ея. Со времени компромиссъ-билля избытокъ американскихъ капиталовъ направлялся по большей части въ земледѣліе и въ настоящее время начинаетъ давать результаты. Такъ, съ увеличеніемъ производства земледѣльческихъ продуктовъ, внѣшній спросъ на нихъ страшно уменьшился; *во первыхъ* потому, что общественныя работы производятся не въ прежнемъ объемѣ, *во вторыхъ*, потому что заграничная конкурренція останавливаетъ развитіе фабричнаго населенія, наконецъ *въ третьихъ* потому, что производство хлопка настолько превысило потребленіе, что плантаторы были принуждены сами производить пищевые продукты, которые раньше покупали въ центральныхъ и западныхъ штатахъ. Кромѣ того, если будутъ обильные урожаи, то центральные и западные штаты окажутся заваленными своими продуктами точно такъ-же, какъ это было до тарифа 1828 года. Такъ какъ одна и та-же причина имѣетъ одно и то-же слѣдствіе, то земледѣльцы центральныхъ и западныхъ штатовъ опять должны будутъ притти къ заключенію, что только увеличеніе фабрично-заводскаго населенія страны можетъ увеличить спросъ на земледѣльческіе продукты, а что увеличеніе этого населенія есть результатъ только протекціонной системы. Въ то время какъ партія поборниковъ протекціонной системы будетъ такимъ образомъ выигрывать въ числѣ и вліяніи, опозиціонная партія будетъ уменьшаться въ той же пропорціи по той причинѣ, что плантаторы хлопка, при обратномъ порядкѣ вещей, должны будутъ признать, что ихъ же собственный интересъ лежитъ въ увеличеніи фабрично-заводскаго населенія и зависящаго отъ него спроса на земледѣльческіе продукты и сырье.

Если бы плантаторы хлопка и демократическая партія Соединенныхъ Штатовъ, какъ мы это показали, сами поработали съ усиленнымъ рвеніемъ на пользу торговыхъ интересовъ Англіи, то Пулетту Томпсону не представилось бы случая развернуть свои дипломатическія способности.

Во Франціи дѣло было иначе. Тамъ настойчиво держались запретительной системы. Правда, что мнѣнія многихъ теоретиковъ, должностныхъ лицъ и депутатовъ склонялись въ пользу расширенія торговыхъ сношеній между Франціей и Англіей; существовавшая

связь между этими странами сдѣлала это мнѣніе довольно популярнымъ, но всѣ расходились въ выборѣ средствъ для достиженія этой цѣли, и ни у кого не было яснаго взгляда на этотъ предметъ. Казалось очевиднымъ и безспорнымъ, что возвышеніе пошлинъ на пищевые продукты и сырье, такъ-же какъ исключеніе англійскаго каменнаго угля и чугуна, причиняли большой ущербъ французской промышленности, и что усиленный вывозъ вина, спирта и шелковыхъ тканей былъ бы весьма выгоденъ для Франціи.

Впрочемъ по адресу неудобствъ запретительной системы ограничивались больше неопредѣленными рѣчами. Однако, когда іюльское цравительство нашло главную поддержку въ разбогатѣвшей и въ большей части заинтересованной въ большихъ промышленныхъ предпріятіяхъ буржуазіи, тогда казалось неблагоразумнымъ приступить къ измѣненіямъ въ этой системѣ по крайней мѣрѣ тотчасъ же.

Тогда-то г. Пулеттъ Томпсонъ намѣтилъ планъ кампаніи который дѣлаетъ честь тонкости его дипломатическихъ способностей. Онъ послалъ во Францію ученаго, который былъ хорошо знакомъ съ торговлей, промышленностію и торговой политикой этой страны, извѣстнаго либеральностію своихъ взглядовъ доктора Беринга.

Берингъ объѣхалъ всю Францію и Швейцарію съ цѣлью на мѣстѣ добыть матеріалы, которые могли бы служить аргументами въ пользу принципа свободы торговли и противъ запретительной системы. Это порученіе онъ исполнилъ съ умѣніемъ и ловкостію, которыя его характеризуютъ. Прежде всего онъ ярко освѣтилъ выгоды свободнаго обмѣна между странами каменнымъ углемъ и чугуномъ, винами и спиртомъ. Въ опубликованномъ имъ докладѣ его аргументація касается только этихъ предметовъ, что же касается другихъ отраслей промышленности, то онъ ограничивается въ этомъ отношеніи только приведеніемъ статистическихъ данныхъ, не пытаясь объяснить, какимъ образомъ свободная торговля съ Англіей могла бы способствовать ихъ развитію и не дѣлаетъ на ихъ счетъ никакихъ предложеній. Поступая такимъ образомъ, онъ сообразовался съ инструкціей, составленной г. Пулеттъ Томпсономъ съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла и напечатанной во главѣ доклада. Въ этой инструкціи г. Томпсонъ высказываетъ самые либеральные взгляды и необыкновенную заботливость къ промышленымъ инте-

ресамъ Франціи, считая невѣроятнымъ въ этомъ отношеніи достиженіе большихъ результатовъ отъ начатыхъ переговоровъ. Эта инструкція была разсчитана съ цѣлью успокоить Францію относительно англійскихъ намѣреній на интересы ея бумажной и шерстяной промышленности. По словамъ Томпсона было-бы глупо со стороны Англіи требовать большихъ уступокъ; за то онъ намекаетъ, что больше шансовъ на успѣхъ было бы въ отношеніи предметовъ „*меньшей важности*“. Эти предметы меньшей важности не поименованы въ инструкціи, но опытъ Франціи подсказалъ ей, что̀ нужно разумѣть подъ этимъ терминомъ: во время составленія этой инструкціи Англія нуждалась въ открытіи французскаго рынка для сбыта своей льняной пряжи и льняныхъ тканей.

Французское правительство, тронутое такими представленіями англійскаго кабинета и его агентовъ, желая сдѣлать Англіи уступку маловажную и къ тому же выгодную для самой Франціи, уменьшало пошлину на льняную пряжу и льняныя ткани до такой низкой степени, что она уже не могла поддерживать эту отрасль французскаго производства въ ея борьбѣ съ англійскимъ, дошедшимъ до совершенства; ввозъ этихъ предметовъ во Францію изъ Англіи невѣроятно увеличился и въ 1838 году дошелъ до 38 милліоновъ франковъ, а Франція, надъ которою Англія одержала верхъ, рисковала вполнѣ потерять, къ ущербу для своего земледѣлія и всего сельскаго населенія, ту отрасль промышленности, производительность которой доходила до цифры въ нѣсколько сотъ милліоновъ, рисковала ее потерять, если только увеличеніемъ пошлины не поставила бы преграды англійской конкурренціи.

Ясно, что г. Пулеттъ Томпсонъ обошелъ Францію, потому что предвидѣлъ, какіе громадные успѣхи въ ближайшемъ будущемъ сдѣлаетъ съ 1834 года англійское льняное производство съ примѣненіемъ усовершенствованныхъ пріемовъ фабрикаціи и потому что разсчитывалъ на несовершенство французскаго льнянаго производства. Теперь авторы уменьшенія пошлинъ хотятъ увѣрить, будто это уменьшеніе было сдѣлано ими въ видахъ уступки бельгійскому производству; но оправдываютъ ли они тѣмъ свое незнаніе успѣховъ англійскаго производства и недостатки своей предусмотрительности?

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, по крайней мѣрѣ то, что Франція, рискуя принести въ жертву Англіи большую часть своего

льнянаго производства, должна снова прибѣгнуть къ покровительственнымъ мѣрамъ, и что первый же въ наше время опытъ расширенія свободы торговли между Англіей и Франціей далъ неизгладимое доказательство британской ловкости и французской неопытности,—это новый Метуэнскій трактатъ и второй Эденскій.

Но что же сдѣлалъ г. Пулетъ Томпсонъ, когда услышалъ жалобы французскихъ фабрикантовъ и увидѣлъ, что французское правительство намѣревалось исправить сдѣланную ошибку? Онъ сдѣлалъ то же, что Гускиссонъ до него, т. е. пригрозилъ запрещеніемъ ввоза французскихъ винъ и шелковыхъ матерій. Таковъ англійскій космополитизмъ! Франція должна была пожертвовать тысячелѣтнимъ производствомъ, тѣсно связаннымъ съ существованіемъ хозяйства всѣхъ классовъ народа и въ частности съ земледѣліемъ, продукты котораго составляютъ предметы первой необходимости всѣхъ классовъ, а цѣнность которыхъ достигаетъ 300—400 милліоновъ, и все это для того, чтобы купить себѣ привиллегію продажи французскихъ винъ и шелковыхъ тканей въ Англію на сумму только въ нѣсколько милліоновъ болѣе чѣмъ прежде. Но кромѣ несоразмѣрности этой потери съ выгодой, стоитъ только представить себѣ, къ какимъ результатамъ пришла бы Франція въ томъ случаѣ, когда, благодаря войнѣ, прекратились бы ея торговыя сношенія съ Англіей, если бы она не могла больше сбывать въ Англію излишекъ въ своихъ винахъ и шелковыхъ издѣліяхъ и въ тоже время нуждалась въ такомъ необходимомъ предметѣ, какъ полотно.

Сообразивши все это, придется притти къ заключенію, что вопросъ полотнянаго производства не есть только вопросъ матеріальнаго благосостоянія, но, какъ и во всѣхъ связанныхъ съ промышленностью странахъ, есть вопросъ національной независимости и могущества.

Духъ изобрѣтенія, въ приложеніи къ усовершенствованію ткацкаго дѣла, точно задался цѣлію указать націямъ на природу фабрично-заводской промышленности, на ея отношенія къ земледѣлію, на ея вліяніе на государственную независимость и могущество и на ошибки теоріи. Извѣстно положеніе школы, что каждая отдѣльная нація обладаетъ въ различныхъ отрасляхъ труда особыми преимуществами, природнымъ дарованіемъ или результатами образованія, которые уравниваются подъ вліяніемъ свободы торговли.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы доказали, что это положеніе вѣрно только по отношенію къ земледѣлію, гдѣ производительность зависитъ въ большей части отъ климата и плодородія почвы, но оно неприложимо къ фабрично - заводской промышленности, къ которой имѣютъ одинаковое призваніе всѣ народы умѣреннаго пояса, если только матеріальныя, умственныя, политическія и соціальныя условія на ихъ сторонѣ. Современная Англія является блестящимъ доказательствомъ нашего положенія. Если кто изъ народовъ и былъ призванъ къ ткацкому дѣлу опытомъ, настойчивыми усиліями и плодородіемъ почвы, то это конечно нѣмцы, бельгійцы, голландцы и жители сѣверной Франціи. Уже тысячу лѣтъ эта отрасль промышленности находится въ ихъ рукахъ. Напротивъ, въ Англіи эта отрасль была такъ мало развита до половины послѣдняго столѣтія, что англичане должны были большую часть потребляемаго ими полотна привозить изъ-за границы. Никогда, безъ посредства установленныхъ въ это время покровительственныхъ пошлинъ, эта отрасль промышленности страны не могла бы снабжать въ достаточной мѣрѣ англійскій рынокъ и рынки британскихъ колоній; это подтверждается и заявленіемъ въ парламентѣ лордовъ Кастлериджа и Ливерпуля, что безъ покровительства англійское производство не могло бы выдержать конкурренціи нѣмецкаго полотна. Теперь же мы видимъ, что англичане, которые всегда были худшими фабрикантами полотна во всей Европѣ, стремятся, благодаря своимъ изобрѣтеніямъ, захватить въ свои руки монополію этого производства и снабжать Европу полотняными издѣліями точно такъ-же, какъ они въ теченіе пятидесяти лѣтъ наводняли Индію бумажными тканями, они, которые въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ не въ состояніи были поддерживать своего рынка въ борьбѣ съ заграничной конкурренціей.

Въ данный моментъ во Франціи заняты разрѣшеніемъ вопроса, какимъ образомъ могло случиться, что Англіи въ послѣднее время сдѣлала такіе быстрые успѣхи въ ткацкомъ дѣлѣ въ то время, какъ Наполеонъ объявленіемъ значительной преміи первый вызвалъ изобрѣтеніе льняно-прядильной машины, а французскіе техники и механики занялись этимъ вопросомъ раньше своихъ англійскихъ соперниковъ? Задаются вопросомъ, кто имѣетъ больше способностей къ механикѣ, французы или англичане, словомъ, даютъ всякія объясненія, кромѣ вѣрнаго. Дѣйствительно, нѣтъ основанія при-

писывать англичанамъ больше способностей къ занятію механикой, какъ и вообще [большую смышленость въ мануфактурномъ дѣлѣ, чѣмъ нѣмцамъ или французамъ. До Эдуарда III англичане были самыми большими лѣнтяями и бездѣльниками въ Европѣ; въ то время имъ не пришло бы въ голову сравнивать себя въ способностяхъ къ механикѣ и смѣтливости въ фабрично-заводскомъ дѣлѣ съ итальянцами, бельгійцами или нѣмцами; но съ тѣхъ поръ правительство дало имъ образованіе и мало по малу они дошли до возможности поспорить въ этомъ отношеніи съ своими иностранными учителями. Если въ теченіе двадцати послѣднихъ лѣтъ англичане умѣли лучше другихъ народовъ, и въ частности французовъ, строить прядильныя машины, то это потому, что, во-первыхъ, они лучше были знакомы съ механикой, во-вторыхъ, что они также лучше знали бумагопрядильное и ткацкое искусство, имѣющее много общаго съ обработкой льна, въ третьихъ, что ихъ торговая политика дала имъ больше капиталовъ, чѣмъ имѣла Франція, въ четвертыхъ, что та же политика открыла при льняныхъ издѣліяхъ болѣе широкій внутренній рынокъ и, наконецъ, въ пятыхъ, что ихъ покровительственныя пошлины при такихъ обстоятельствахъ способствовали возбужденію духа изобрѣтенія въ странѣ, заставляли его преслѣдовать цѣль усовершенствованія этой отрасли промышленности и давали бо́льшія средства для выполненія этой задачи.

Раньше мы объяснили, что въ фабрично-заводской промышленности всѣ отдѣльныя отрасли тѣсно связаны между собою, что усовершенствованіе одной подготовляетъ и поощряетъ усовершенствованіе всѣхъ другихъ, что нельзя пренебрегать одной безъ того, чтобы это не отразилось на другихъ, что однимъ словомъ, фабрично-заводская промышленность страны составляетъ одно нераздѣльное цѣлое; и это подтверждаютъ новѣйшіе успѣхи Англіи въ ткацкомъ дѣлѣ.

ГЛАВА XXXIV.

Островное господство и германскій торговый союзъ.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ Германія собственнымъ опытомъ узнала, что значитъ въ наше время большая страна безъ хорошей торговой политики и чего съ такой политикой она мо-

жетъ достигнуть. Она была, какъ выразился Франклинъ о штатѣ Нью-Джерсей, бочкой, начатой и сцѣженной сосѣдями.

Англія, недовольствуясь тѣмъ, что раззорила большую часть германскихъ фабрикъ, и тѣмъ, что снабжала Германію бумажными и шерстяными издѣліями, а также колоніальными продуктами, не принимала ни ея хлѣба, ни лѣса, ни даже, одно время, ея шерсти. Въ Германіи Англія нашла въ десять разъ большій сбытъ для своихъ фабричныхъ издѣлій, чѣмъ въ своей пресловутой Остъ-Индской имперіи, и не смотря на то, эти островные монополисты отказывали бѣднымъ нѣмцамъ въ томъ, въ чемъ не отказывали подвластнымъ индусамъ, а именно въ возможности платить за ихъ фабричныя издѣлія своими земледѣльческими продуктами. Тщетно унижались нѣмцы передъ англичанами, исполняя роль ихъ водовозовъ и дровосѣковъ, ихъ третировали хуже, чѣмъ это дѣлаютъ съ порабощеннымъ народомъ. Народы, какъ и отдѣльныя лица: кто позволяетъ одному только дурно обращаться съ собою, того скоро и всѣ станутъ презирать, тотъ кончитъ тѣмъ, что станетъ дѣтской игрушкой. Франція, продающая въ Германію на огромныя суммы вино, масло, шелковыя матеріи и разныя модныя вещи ограничила ввозъ къ себѣ ея скота, хлѣба и полотна. Да это еще что! Маленькая приморская, нѣкогда нѣмецкая и населенная нѣмцами провинція, окрѣпшая и разбогатѣвшая, благодаря Германіи, безъ которой не могла-бы существовать, и та съ помощью отвратительнаго крючкотворства закрывала въ теченіе почти цѣлаго поколѣнія прекраснѣйшую изъ германскихъ рѣкъ. И послѣ этого верхомъ насмѣшекъ съ цѣлой сотни каѳедръ явились проповѣди о томъ, что націи могутъ достигнуть богатства и могущества только съ помощью всемірной свободы торговли.

Такъ вотъ къ чему пришла Германія. Въ какомъ-же положеніи она теперь? Въ десятилѣтній періодъ времени она на цѣлое столѣтіе двинулась впередъ въ благосостояніи и промышленности, въ познаніи самой себя и могуществѣ. Почему-же это? Уничтоженіе внутреннихъ заставъ, разлучавшихъ нѣмцевъ между собою, было прекрасной мѣрой, но эта мѣра принесла - бы печальные плоды, если-бы промышленность страны была по прежнему предоставлена иностранной конкурренціи. Это чудо было дѣломъ главнымъ образомъ тарифа Союза, покровительствовавшаго фабричнымъ издѣліямъ общаго потребленія.

Будемъ откровенны — докторъ Берингъ вполнѣ это установилъ *)—что союзный германскій тарифъ не былъ чисто фискальнаго характера, какъ-то утверждали; онъ не остановился на 10—15 процентахъ, какъ это думалъ Гускиссонъ, а опредѣлилъ ввозный тарифъ на фабричныя издѣлія общаго потребленія отъ 20 до 60%. Какое же дѣйствіе оказали эти покровительственныя пошлины? Платятъ-ли потребители за нѣмецкія фабричныя издѣлія на 20, 60% болѣе, чѣмъ платили раньше за иностранныя? или нѣмецкія фабричныя издѣлія хуже иностранныхъ? Нисколько. Докторъ Берингъ самъ подверждаетъ, что издѣлія тѣхъ отраслей фабрично-заводской промышленности, которыя пользуются покровительствомъ высокаго тарифа, лучше и дешевле иностранныхъ. Значитъ это чудо въ Германіи, — чего школа не знаетъ и не хочетъ знать— явилось слѣдствіемъ внутренней конкурренціи и покровительства отъ подавляющаго дѣйствія внѣшней. Значитъ ложно увѣреніе школы, что покровительство поднимаетъ цѣны туземныхъ издѣлій на высоту покровительственной пошлины. Оно можетъ повлечь за собой повышеніе цѣнъ лишь на короткое время, но потомъ въ каждой странѣ, призванной къ фабрично-заводской промышленности, внутренняя конкурренція вскорѣ спуститъ цѣны ниже того уровня, на какомъ онѣ стояли-бы при безпрепятственномъ ввозѣ.

Можетъ быть земледѣліе пострадало отъ этихъ высокихъ пошлинъ? Нимало; оно выиграло, и въ десять разъ выиграло, отъ этой мѣры въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Спросъ на земледѣльческіе продукты увеличился, а съ нимъ поднялись и цѣны. Нужно замѣтить, что вездѣ, подъ вліяніемъ фабрично-заводской промышленности, земельная собственность поднялась въ цѣнѣ на 50, 100% вездѣ повысилась заработная плата, вездѣ были проложены или проектированы новые пути сообщенія.

Такіе блестящіе результаты могутъ только поощрять къ дальнѣйшему движенію по тому же пути; такъ многія государства союза, двинувшіяся по этому направленію, не достигли еще успѣховъ, потому что другія государства ожидаютъ своего спасенія, какъ кажется, отъ уничтоженія въ Англіи пошлинъ на хлѣбъ и лѣсъ, и потому что вліятельныя лица, какъ говорятъ, все еще вѣ-

*) Докладъ лорду Пальмерстону о германскомъ союзномъ тарифѣ Джона Беринга. Берлинъ 1840 г.

рятъ въ космополитическую систему и не хотятъ дать вѣры ихъ опыту. Докладъ доктора Беринга содержитъ весьма важныя данныя какъ по этому вопросу, такъ и по вопросу о положеніи союзнаго тарифа и тактикѣ англійскаго правительства. Разсмотримъ же этотъ документъ.

Прежде всего возстановимъ факты, предшествовавшіе составленію этого доклада. Г. Лабушеръ, президентъ торговаго совѣта при Мельбургскомъ кабинетѣ, послалъ доктора Беринга въ Германію съ той же цѣлью, какъ и г. Пулеттъ Томпсонъ въ 1834 году, отправлявшій его во Францію. Дѣло заключалось въ томъ, чтобы съ помощью уступокъ въ пользу нѣмецкихъ хлѣбовъ и лѣса, заставить нѣмцевъ открыть свой рынокъ для сбыта англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, точно такъ-же какъ было поступлено во Франціи съ помощью уступокъ въ пользу ея винъ и спирта; но обѣ миссіи различались въ томъ, что планъ уступокъ Франціи не встрѣчалъ оппозиціи въ Англіи, а планъ уступокъ Германіи наоборотъ. Слѣдовательно направленіе обоихъ докладовъ должно было быть различно, докладъ о торговыхъ сношеніяхъ между Англіей и Франціей былъ написанъ по адресу послѣдней.

Нужно было сказать французамъ, что Кольберъ съ своей протекціонной системой не сдѣлалъ ничего хорошаго, нужно было увѣрить ихъ, что Эденскій трактатъ былъ очень выгоденъ для Франціи, и что континентальная система, а также практиковавшаяся еще запретительная система, для нея гибельны. Однимъ словомъ здѣсь нужно было держаться теоріи Адама Смита и открыто обсудить результатъ протекціонной системы.

Составить же второй докладъ было не такъ легко; онъ одновременно долженъ былъ отнестись какъ къ англійскимъ собственникамъ, такъ и къ германскимъ правительствамъ. Первымъ нужно было сказать: „Вотъ нація, которая съ помощью покровительственныхъ пошлинъ уже достигла громадныхъ успѣховъ въ промышленности и которая, владѣя всѣми необходимыми средствами, готовится рѣшительно овладѣть внутреннимъ рынкомъ въ полномъ его составѣ и соперничать съ Англіей на иностранныхъ рынкахъ; это проклятое дѣло, дѣло вашихъ рукъ, торіи верхней палаты и джентельмены нижней палаты; это результатъ вашихъ безсмысленныхъ хлѣбныхъ законовъ; ими вы понизили цѣну на пищевые продукты, сырье и рабочую силу въ Германіи, и ими же германскія фабрики были

обставлены лучшими условіями, чѣмъ англійскія. Поспѣшите же, съумасброды, уничтожить эти законы и тѣмъ принести нѣмцамъ двойной, тройной ущербъ; во-первыхъ, отъ этого послѣдуетъ въ Германіи повышеніе, а въ Англіи пониженіе цѣнъ на пищевые продукты, сырье и рабочую силу; во-вторыхъ, вывозъ немѣцкихъ хлѣбовъ въ Англію облегчить вывозъ англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій въ Германію, въ третьихъ, нѣмецкій таможенный союзъ готовъ уменьшить пошлину на бумажныя и шерстяныя ткани въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ это сдѣлаетъ Англія на нѣмецкія хлѣба и лѣсъ. Такимъ образомъ мы,—мы англичане,—не упустимъ случая опять раззорить нѣмецкія фабрики. Но нужно торопиться. Промышленные интересы съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ въ союзѣ все больше и больше вліянія, и если вы будете медлить, то отмѣна вашего хлѣбнаго закона уже будетъ безполезна; еще немного и чаша вѣсовъ перетянетъ въ пользу Германіи. Скоро нѣмецкія фабрики создадутъ такой громадный спросъ на земледѣльческіе продукты, что у Германіи не хватитъ хлѣба для продажи на заграничные рынки. Какія тогда уступки вы будете въ состояніи предложить ей, чтобы она сама наложила руку на свои собственныя фабрики, чтобы воспрепятствовать ей самой заниматься льнопрядильнымъ и бумагопрядильнымъ дѣломъ и оспаривать у васъ во всѣхъ странахъ вашихъ иностранныхъ кліентовъ?“

Вотъ что авторъ доклада долженъ былъ дать понять земельнымъ собственникамъ парламента. Политическій режимъ въ Великобританіи не допускаетъ секретныхъ канцелярскихъ донесеній; поэтому докладъ доктора Беринга долженъ былъ быть гласнымъ, а слѣдовательно дойти въ полномъ переводѣ или въ видѣ выдержекъ до свѣдѣнія нѣмцевъ. Значитъ автору въ этомъ докладѣ нужно было воздержаться отъ всего того, что могло бы пролить свѣтъ на дѣйствительные интересы Германіи. Всякій аргументъ по адресу парламента нужно было смягчить антидотомъ къ пользу германскаго правительства; нужно было проводить мысль, что покровительственныя пошлины въ Германіи дали ложное направленіе массѣ капиталовъ; что онѣ приносятъ ущербъ земледѣльческимъ интересамъ; что эти интересы должны были быть направлены къ иностраннымъ рынкамъ, что земледѣліе есть первая отрасль нѣмецкой промышленности, такъ какъ ею занималось три четверти всего населенія, что, такимъ образомъ, говорить о покро-

вительствѣ производителямъ, значило бы насмѣхаться; что благосостояніе самой фабрично-заводской промышленности возможно только при помощи заграничной конкурренціи; что общественное мнѣніе Германіи стоитъ за свободу торговли, что свѣтъ просвѣщенія слишкомъ широко разлился въ ней, чтобы голоса, требовавшіе высокихъ ввозныхъ пошлинъ, могли быть услышаны; что самыя просвѣщенныя лица страны были за уменьшеніе пошлинъ на бумажно-шерстяныя ткани *„въ томъ случаѣ, если Англія уменьшитъ пошлины на нѣмецкіе хлѣба и лѣсъ“*.

Однимъ словомъ въ этомъ докладѣ двѣ различныя и противоположныя другъ другу тенденціи. Которая изъ нихъ вѣрна? та-ли, которая по адресу парламента, или та, что по адресу германскаго правительства? Трудно возражать на представляемыя докторомъ Беринговъ соображенія съ цѣлью убѣдить парламентъ понизить ввозныя пошлины на зерновые хлѣба и лѣсъ, соображенія, опирающіяся на статистическія данныя, точныя вычисленія и свидѣтельства; всѣ же доводы, имѣющіе цѣлью отклонить германское правительство отъ протекціонной системы, сводятся къ простымъ убѣжденіямъ.

Остановимся на тѣхъ доводахъ доктора Беринга, которыми онъ доказываетъ парламенту, что, въ случаѣ если не будутъ остановлены успѣхи Германіи, держащейся протекціонной системы, германскій рынокъ былъ бы безвозвратно потерянъ для англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій.

Нѣмецкій народъ, говоритъ онъ, отличается умѣренностью, бережливостью, прилежаніемъ, умомъ и образованіемъ. Прекрасныя школы по разнымъ спеціальностямъ распространили техническія знанія по всей странѣ. Искусство рисованія въ ней развито гораздо больше, чѣмъ въ Англіи. Значительный ежегодный приростъ населенія, а также количество скота, и особенно овецъ, свидѣтельствуютъ о громадныхъ успѣхахъ въ земледѣліи (здѣсь докторъ Берингъ не упоминаетъ о капитальнѣйшемъ фактѣ, а именно о возвышеніи цѣнъ на земельную собственность и на земледѣльческіе продукты). Въ промышленныхъ округахъ заработная плата поднялась на 30%; страна изобилуетъ неупотребленными въ дѣло водопадами — самой дешевой двигательной силой. Эксплоатація рудниковъ достигла такого цвѣтущаго состоянія, какого никогда

не достигала раньше *). Съ 1832 года до 1837 Германія достигла замѣчательнѣйшихъ успѣховъ по всѣмъ отраслямъ промышленности, пользовавшимся покровительствомъ, особенно въ производствѣ предметовъ общаго потребленія, шерстяныхъ издѣлій и бумажныхъ тканей, ввозъ которыхъ изъ Англіи совершенно прекратился. Тѣмъ не менѣе по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, заслуживающимъ, какъ ему кажется, довѣрія, докторъ Берингъ сознается: „что цѣны на прусскія ткани значительно ниже цѣнъ на англійскія; что извѣстныя краски, безъ сомнѣнія, не могутъ сравниться съ красками лучшихъ англійскихъ красиленъ, но что другія безукоризненны и превосходны; что въ пряденіи, тканіи и всѣхъ процедурахъ переработки Германія идетъ вполнѣ рядомъ съ Великобританіей, что она обнаруживаетъ только замѣтную недостаточность выдѣлки, но что эти несовершенства ея промышленности со временемъ исчезнутъ".

Весьма понятно, что такія данныя могутъ привести парламентъ къ уничтоженію англійскихъ хлѣбныхъ законовъ, которые до сихъ поръ являлись въ видѣ покровительственной мѣры по отношенію къ Германіи; но что мы совершенно отказываемся понять, такъ это то, какъ можно было надѣяться такимъ докладомъ убѣдить союзное нѣмецкое правительство оставить систему, которой Германія обязана такими огромными успѣхами.

Докторъ Берингъ увѣряетъ насъ, что фабрично-заводская промышленность въ Германіи пользуется покровительствомъ за счетъ ея земледѣлія; но можемъ ли мы дать вѣру его словамъ, когда видимъ, что вездѣ, и притомъ въ значительной степени, увеличиваются: спросъ на земледѣльческіе продукты, цѣны на нихъ, высота заработной платы, рента и цѣнность земельной собственности, и что земледѣліе пріобрѣтаетъ при этомъ мануфактурныя издѣлія совсѣмъ не дороже прежняго?

Докторъ Берингъ заявляетъ, что въ Германіи на одного фабричнаго приходится три земледѣльца, но этимъ онъ доказываетъ намъ только то, что фабрично-заводское населеніе несоразмѣрно съ земледѣльческимъ, и что для возстановленія этого равновѣсія су-

*) Здѣсь авторъ приводитъ цѣлую страницу цифровыхъ данныхъ, подкрѣпляющихъ его соображенія, но утратившихъ интересъ для настоящаго времени. *Прим. К. В. Тр—ва.*

ществуетъ одно только средство, это — возвысить таможенныя пошлины на издѣлія тѣхъ отраслей промышленности, которыя теперь еще производятся въ Англіи для нѣмецкаго рынка ея фабричными рабочими, потребляющими англійскіе земледѣльческіе продукты вмѣсто нѣмецкихъ.

Докторъ Беринг̀ъ полагаетъ, что нѣмецкое земледѣліе можетъ направлять свои воззрѣнія на иностранные рынки лишь постольку, поскольку оно желаетъ увеличить сбытъ своихъ продуктовъ за границу, но что не только примѣръ Англіи учитъ, что увеличеніе спроса на земледѣльческіе продукты обусловливается процвѣтаніемъ туземной фабрично-заводской промышленности, но и въ докладѣ самого доктора Беринга имѣется намекъ на это обстоятельство, именно тамъ, гдѣ онъ высказываетъ опасеніе, что Германія не будетъ имѣть ни хлѣба, ни лѣса для заграничнаго сбыта въ томъ случаѣ, если Англія замедлитъ еще на нѣсколько лѣтъ отмѣной хлѣбныхъ законовъ.

Докторъ Беринг̀ъ правъ, утверждая, что земледѣльческіе интересы сохранили преобладающее значеніе въ Германіи; но эти интересы, именно потому, что они являются преобладающими, должны, какъ мы это показали въ предъидущихъ главахъ, дѣйствовать посредствомъ развитія фабрично-заводскаго интереса и установить полное равновѣсіе, *такъ какъ благосостояніе земледѣлія покоится на* **равно**вѣсіи *съ фабрично-заводскимъ промышленнымъ интересомъ, а не на собственномъ* **пере**вѣсѣ.

Но авторъ доклада, по нашему мнѣнію, совершенно ошибается, утверждая, что нѣмецкіе мануфактурные интересы сами по себѣ вызываютъ иностранную конкурренцію на нѣмецкихъ рынкахъ по той причинѣ, что, какъ только фабрики и заводы будутъ въ состояніи снабжать свою страну, она непремѣнно встрѣтитъ за границей, сбывая туда избытокъ своего производства, туже самую конкурренцію, которую будетъ въ состояніи выдержать только при условіи дешевизны своихъ издѣлій; но дешевизна эта противорѣчитъ сущности протекціонной системы, имѣющей цѣлію только обезпечить фабрикантамъ высокія цѣны. Въ этомъ разсужденіи столько же ошибокъ и фальши, сколько словъ. Докторъ Беринг̀ъ не станетъ отрицать, что фабрикантъ можетъ продавать свои издѣлія тѣмъ дешевле, чѣмъ больше онъ ихъ производитъ; и что, слѣдовательно, промышленность, являющаяся полнымъ хозяиномъ рынка въ своей странѣ, тѣмъ легче можетъ вырабатывать дешевые издѣ-

лія для вывоза за границу. Доказательство тому онъ можетъ найти въ имъ же изданныхъ таблицахъ объ успѣхахъ фабрично-заводской промышленности въ Германіи; дѣйствительно, ея вывозъ за границу увеличивался по мѣрѣ того, какъ она овладѣвала собственнымъ національнымъ рынкомъ. Недавній опытъ Германіи и старый Англіи указываютъ на то, что протекціонная система вовсе не непремѣнно влечетъ за собой высокія цѣны на мануфактурныя издѣлія.

Наконецъ, германская промышленность еще далека отъ способности вполнѣ удовлетворять требованіямъ собственнаго національнаго рынка. Для этого ей прежде всего нужно вырабатывать 13.000 центнеровъ бумажныхъ тканей, 18.000 центн. шерстяныхъ тканей и 500.000 центн. бумажной и шерстяной пряжи, которые въ настоящее время ввозятся изъ Англіи. Разъ, что это будетъ достигнуто, Германія станетъ ввозить болѣе полу-милліона центнеровъ хлопка и въ этомъ отношеніи въ такой же мѣрѣ увеличитъ свои прямыя сношенія со странами жаркаго пояса, оплачивая большую часть, если не весь получаемый хлопокъ, *издѣліями своихъ мануфактуръ*.

Заявленіе доклада, что общественное мнѣніе Германіи на сторонѣ свободы торговли, должно быть исправлено въ томъ смыслѣ, что, со времени учрежденія торговаго союза, въ Германіи стали лучше понимать, что значитъ въ Англіи терминъ „свобода торговли“, такъ какъ съ того времени, какъ говоритъ самъ докторъ Берингъ, „идеи германской націи перешли изъ области надеждъ и фантазій къ сферѣ положительныхъ и матеріальныхъ интересовъ“. Онъ совершенно правъ, что просвѣщеніе развилось по всей Германіи, и поэтому-то тамъ перестали гоняться за космополитическими бреднями, поэтому-то тамъ стараются до всего додуматься сами, довѣряютъ собственному разуму, личному опыту и смыслу больше, чѣмъ одностороннимъ системамъ, опровергаемымъ ежедневнымъ опытомъ; поэтому-то начинаютъ понимать, почему Бюрке откровенно сказалъ Адаму Смиту, что „нація должна быть управляема не сообразно космополитическимъ системамъ, а сообразно глубокому пониманію своихъ интересовъ“; поэтому-то въ Германіи не довѣряются тѣмъ совѣтчикамъ, которые одними и тѣми же устами то обдаютъ холодомъ, то жаромъ; знаютъ настоящую цѣну услугамъ своихъ соперниковъ по промышленности и каждый разъ, какъ Англія обращается съ какимъ либо предложеніемъ къ Германіи, вспоминаютъ извѣстное изреченіе по поводу приношеній Данаидъ-

По всѣмъ этимъ причинамъ можно сомнѣваться, чтобы государственные люди, пользующіеся вліяніемъ въ Германіи, могли серьезно подавать автору доклада надежду, что страна откажется отъ своей протекціонной системы въ силу одной несчастной уступки Англіи, благодаря которой она могла бы вывозить изъ нея немного больше хлѣба и лѣса. Во всякомъ случаѣ общественное мнѣніе задумалось бы поставить такихъ государственныхъ людей въ ряды *здравомыслящихъ*. Чтобы получить этотъ эпитетъ въ Германіи въ настоящее время, мало твердить выученныя наизустъ банальныя фразы и извѣстные аргументы космополитической школы; теперь отъ государственнаго человѣка требуется знакомство съ силами и потребностями страны, требуется, чтобы, не занимаясь всякими школьными системами, онъ приложилъ всѣ свои силы къ развитію первыхъ и удовлетворенію вторыхъ. Безконечное незнаніе этихъ силъ и потребностей обнаружилъ бы тотъ, кто не зналъ бы, сколько громадныхъ трудовъ нужно было потратить, чтобы поставить промышленность страны на ту точку, на которой она стоитъ въ Германіи, кто не могъ бы предвидѣть ея блестящаго будущаго; кто не оправдалъ бы довѣрія нѣмецкихъ промышленниковъ къ мудрости своего правительства и тѣмъ нанесъ бы ударъ національному духу предпріимчивости; кто не могъ бы понять, сколь высокое положеніе занимаетъ промышленная нація въ сравненіи съ скромнымъ положеніемъ націи, занимающейся только вывозомъ своего хлѣба и лѣса; кто не понималъ бы, насколько непроченъ заграничный рынокъ для сбыта этихъ продуктовъ даже въ обыкновенное время, какъ легко сдѣланныя въ ихъ пользу уступки могутъ быть отмѣнены и какія потрясенія повлекъ бы за собою перерывъ этой торговли, причиненный войной или ограничительными мѣрами; кто, наконецъ, изъ опыта другихъ великихъ государствъ не способенъ былъ бы видѣть, до какой степени существованіе, независимость и могущество націи зависятъ отъ обладанія мануфактурной промышленностью, развитой во всѣхъ своихъ отрасляхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нужно имѣть слишкомъ слабое понятіе о національномъ духѣ и единствѣ Германіи, возникшемъ съ 1830 года, чтобъ думать вмѣстѣ съ авторомъ доклада, что политика союза приметъ во вниманіе частные прусскіе интересы по той причинѣ, что пруссаки составляютъ двѣ трети населенія, что интересы Пруссіи требуютъ вывоза въ Англію ея лѣса и хлѣбовъ, что капиталъ

ея мануфактурной промышленности незначителенъ, что, слѣдовательно, Пруссія воспротивится всякой помѣхѣ ввоза иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій, и что на это уже рѣшились всѣ директоры департаментовъ въ министерствахъ.

Тѣмъ не менѣе въ началѣ доклада читаемъ:

„Нѣмецкій торговый союзъ есть воплощеніе столь распространенной въ странѣ идеи національности, и если управленіе его будетъ хорошо, то онъ повлечетъ за собою сліяніе всѣхъ нѣмецкихъ интересовъ въ одинъ. Его благодѣтельное вліяніе сдѣлало его популярнымъ—это первый шагъ къ германскому единству. Обобщеніемъ интересовъ въ вопросахъ торговыхъ онъ проложилъ путь политическому единству и широкимъ, могущественнымъ національнымъ элементомъ смѣнилъ узкіе взгляды, суевѣрія и устарѣлыя привычки". Какъ согласить эти полныя истины замѣчанія съ мнѣніемъ, будто Пруссія принесла независимость и будущее величіе страны въ жертву узкимъ соображеніямъ частнаго интереса, интереса, плохо понимаемаго и во всякомъ случаѣ временнаго, будто она не поняла, что значеніе Германіи поднимается или падаетъ, смотря по тому, вѣрна она своей торговой политикѣ или нѣтъ, точно также какъ и сама Пруссія возвеличивается и падаетъ вмѣстѣ съ Германіею? Какъ согласить увѣреніе, что директоры департаментовъ въ министерствахъ въ Пруссіи воспротивятся протекціонной системѣ, съ тѣмъ фактомъ, что повышеніе пошлинъ на бумажно-шерстяныя ткани получило свое начало въ Пруссіи?

Эти противорѣчія и написанная докторомъ блестящая картина положенія саксонской промышленности даютъ поводъ думать, что авторомъ руководило желаніе возбудить ревность Пруссіи.

Какъ бы то ни было, но очень странно то, что докторъ Берингъ приписалъ такую важность частнымъ взглядамъ директоровъ департаментовъ; онъ, англійскій публицистъ, знакомый съ могуществомъ общественнаго мнѣнія и долженствовавшій знать, что въ наше время личные взгляды директоровъ департаментовъ даже въ неконстуціонныхъ государствахъ имѣютъ очень мало вѣса, когда идутъ въ разрѣзъ съ этимъ общественнымъ мнѣніемъ, матеріальными интересами страны, и когда ихъ тенденція ретроградна и противунаціональна. Впрочемъ, онъ это прекрасно понимаетъ, признаваясь на 98-й страницѣ, что прусское правительство, точно такъ же какъ и англійское, по вопросу объ отмѣнѣ хлѣб-

ныхъ законовъ въ Англіи убѣдилось на опытѣ, что мнѣніе должностныхъ лицъ не вездѣ можетъ имѣть перевѣсъ; что къ тому же приходилось взвѣсить вопросъ о допущеніи нѣмецкихъ хлѣбовъ и лѣса на англійскій рынокъ даже безъ предварительныхъ уступокъ германскаго союза съ тѣмъ, чтобы открыть путь англійскимъ мануфактурнымъ издѣліямъ на нѣмецкіе рынки. Вотъ этотъ образъ мыслей совершенно правиленъ. Докторъ Берингъ понимаетъ, что хлѣбные законы Англіи возвеличили германскую фабрично-заводскую промышленность, что безъ нихъ эта промышленность не такъ скоро бы развилась, что ихъ отмѣна можетъ не только остановить ея дальнѣйшіе успѣхи, но и довести до поступательнаго движенія въ предположеніи, по крайней мѣрѣ, что таможенное законодательство Германіи осталось бы безъ измѣненій. А жаль, что англичане лѣтъ двадцать тому назадъ не знали истины этого положенія! Теперь же, послѣ того какъ англійское законодательство само отдѣлило нѣмецкое земледѣліе отъ британскихъ мануфактуръ, Германію, которая въ теченіи двадцати лѣтъ цѣною громадныхъ жертвъ шла по пути промышленнаго прогресса, можно было бы назвать слѣпою, если бы она позволила, отмѣною англійскихъ законовъ, отвлечь себя отъ преслѣдованія великой національной цѣли.

Да, мы вполнѣ убѣждены, что Германія, въ этомъ случаѣ, должна бы настолько поднять покровительственныя пошлины, чтобы возмѣстить выгоду, какую англійскія фабрики получили бы за счетъ нѣмецкихъ отъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Еще долго Германія должна будетъ держаться той политики по отношенію къ Англіи, какой держится мануфактурная, но еще не совсѣмъ развитая нація, которая употребляетъ всю свою энергію, чтобы догнать опередившую ее страну. Всякая другая политика привела бы нѣмецкую національность къ гибели. Если англичане нуждаются въ хлѣбѣ или лѣсѣ, то пусть они и получаютъ то и другое или изъ Германіи, или изъ другой какой либо страны; Германія же будетъ неменьше заботиться о сохраненіи уже достигнутыхъ и о достиженіи новыхъ промышленныхъ успѣховъ. Если же англичане и слышать не захотятъ о нѣмецкомъ хлѣбѣ и лѣсѣ—тѣмъ лучше: отъ этого только скорѣе разовьются въ Германіи промышленность, торговое мореходство и внѣшняя торговля, быстрѣе усовершенствуется система внутреннихъ путей сообщенія, и нѣмецкая національность встанетъ еще болѣе мощно на своемъ естественномъ осно-

ваніи. Можетъ быть въ Пруссіи цѣны на хлѣбъ и лѣсъ ея прибалтійскихъ провинцій поднимутся въ этомъ случаѣ не такъ скоро, какъ если бы этимъ продуктамъ былъ немедленно открытъ британскій рынокъ;—но усовершенствованіе внутреннихъ путей сообщенія и спросъ на земледѣльческіе продукты, созданный туземною фабрично-заводскою промышленностію, довольно скоро увеличатъ сбытъ продуктовъ этихъ провинцій внутри самой Германіи, и всякій прогрессъ, основанный на внутреннемъ сбытѣ ихъ продуктовъ, будетъ навсегда для нихъ обезпеченъ, и онѣ не будутъ блуждать, какъ это было до сихъ поръ, по десятилѣтнимъ періодамъ между нуждой и благоденствіемъ.

Что же касается могущества Пруссіи, то, слѣдуя такой политикѣ, она выиграетъ въ силѣ вліянія на внутреннюю Германію въ сто разъ больше, чѣмъ она временно наверстывала бы въ цѣнѣ отпускныхъ продуктовъ своихъ балтійскихъ провинцій или, лучше сказать, ссудила-бы будущему.

Очевидно, что съ помощью этого доклада англійское министерство добивается допущенія въ Германію англійскихъ бумажныхъ и шерстяныхъ тканей посредствомъ уничтоженія или уменьшенія, или видоизмѣненія таможенныхъ временныхъ пошлинъ съ вѣса товаровъ, или посредствомъ пониженія тарифа, или же допущеніемъ на англійскій рынокъ нѣмецкихъ хлѣбовъ и лѣса; и такимъ образомъ была бы сдѣлана первая брешь въ протекціонной системѣ Германіи. Предметы общаго потребленія, какъ мы это уже показали въ одной изъ предыдущихъ главъ, являются самыми важными; они составляютъ основаніе національной промышленности. При пошлинѣ въ 10% ad valorem (съ цѣны), каковую желаетъ Англія, и при преднамѣренномъ объявленіи слишкомъ низкой стоимости предметовъ ввоза (въ чемъ Англія весьма опытна) большая часть германской промышленности была бы отдана въ жертву англійской конкурренціи, особенно во время тѣхъ торговыхъ кризисовъ, когда англійскіе фабриканты должны по какой бы то ни было цѣнѣ отдѣлаться отъ своихъ товаровъ. Значитъ нѣтъ никакого преувеличенія, когда утверждаютъ, что предложенія Англіи клонятся ни больше ни меньше какъ только къ уничтоженію нѣмецкой протекціонной системы, съ тѣмъ, чтобы низвести Германію на степень англійской земледѣльческой колоніи. Именно съ этою цѣлію Пруссіи особенно поставляютъ на видъ ту выгоду,

какую получило бы ея земледѣліе отъ пониженія цѣнъ въ Англіи на ея хлѣба и лѣсъ, съ этою же цѣлію подчеркиваютъ незначительность ея промышленныхъ интересовъ; съ этою же мыслію Пруссіи предлагаютъ уменьшеніе питейнаго налога. Чтобы не обидѣть другія государства Германіи, обѣщаютъ уменьшить на 5% пошлины на издѣлія нюренбергской мануфактуры, на дѣтскія игрушки, на о-де-колонь и другія бездѣлушки—все-же для маленькихъ государствъ это—удовольствіе, а стоитъ дешево.

Такимъ образомъ, согласно докладу, желаютъ убѣдить германскія правительства, какъ было бы выгодно для нихъ, если бы Англія вырабатывала для Германіи хлопчато-бумажную и льняную пряжу. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что политика союза, поддерживавшая сначала печатаніе, а затѣмъ тканіе и вывозъ среднихъ и тонкихъ сортовъ пряжи, была самою вѣрною. Изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, что она всегда и вѣчно будетъ таковою. Таможенное законодательство должно развиваться параллельно съ національною промышленностію, если оно должно исполнять свое назначеніе. Было уже упомянуто, что прядильныя искусства, помимо ихъ самостоятельной важности, приносятъ еще неизмѣримыя выгоды потому, что они даютъ возможность завязать прямыя сношенія съ странами жаркаго пояса, что они оказываютъ огромное вліяніе на наше мореходство и на нашъ вывозъ мануфактурныхъ товаровъ, и что они болѣе, чѣмъ какая либо другая отрасль производства, оказываютъ помощь нашимъ машиннымъ фабрикамъ. Такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что Германія для развитія этой обширной и выгодной промышленности не встрѣчаетъ препятствій ни въ недостаткѣ водяной силы и дѣльныхъ рабочихъ, ни въ недостаткѣ матеріальныхъ капиталовъ или умственнаго развитія, то нельзя понять, почему мы не должны были мало по малу оказывать покровительство такого рода прядильному искусству, чтобы черезъ 5—10 лѣтъ сдѣлаться въ силахъ самимъ удовлетворять свои потребности въ пряжѣ. Какъ бы ни превозносили выгоды отъ вывоза зерновыхъ хлѣбовъ и лѣса, эти выгоды никогда не сравняются съ тѣми, которыя мы должны получить отъ пряжи. Мы не задумываемся даже предъ предположеніемъ, что вычисленіе вызваннаго бумагопрядильными мануфактурами потребленія земледѣльческихъ и лѣсныхъ продуктовъ неопровержимо доказываетъ, что эта отрасль промышленности однимъ только землевладѣльцамъ должна дать

гораздо больше выгодъ, чѣмъ доставитъ имъ и можетъ доставить внѣшній рынокъ.

Докторъ Берингъ сомнѣвается, чтобы Ганноверъ, Брауншвейгъ, оба Менкленбурга, Ольденьургъ и ганзейскіе города присоединились къ союзу, если послѣдній не умѣритъ рѣшительно своихъ ввозныхъ пошлинъ. Но о подобномъ средствѣ въ данномъ случаѣ и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ это было бы гораздо хуже того зла, которому желаютъ помочь. Наша вѣра въ будущее Германіи во всякомъ случаѣ не настолько слаба, какъ у автора отчета. Подобно тому какъ іюльская революція оказала благотворное вліяніе на германскій торговый союзъ, первое же міровое событіе уничтожитъ всѣ ничтожныя сомнѣнія, которыя до сихъ поръ мѣшали этимъ мелкимъ государствамъ признать высшія требованія нѣмецкой національности. Какое значеніе имѣетъ торговое объединеніе и насколько оно, не говоря уже о матеріальныхъ интересахъ, полезно для нѣмецкихъ правительствъ, показалъ недавній еще и замѣчательный опытъ, когда во Франціи была заявлена претензія на Рейнскую границу.

Съ каждымъ днемъ правительства и народы Германіи должны все болѣе укрѣпляться въ томъ убѣжденіи, что національное единство—это та скала, на которую должно опираться зданіе ихъ благосостоянія, уваженія, могущества, ихъ настоящаго обезпеченія и существованія и будущаго величія. Съ каждымъ днемъ отпаденіе маленькихъ прибрежныхъ государствъ отъ торговаго союза будетъ все болѣе представляться не только для объединенныхъ государствъ, но и для нихъ самихъ чѣмъ-то въ родѣ національнаго скандала, который такъ или иначе нужно устранить. Также, при ближайшемъ разсмотрѣніи, будетъ ясно, что матеріальныя выгоды отъ присоединенія къ союзу этихъ государствъ несравненно больше тѣхъ жертвъ, которыхъ онъ отъ нихъ требуетъ. Чѣмъ болѣе будутъ развиваться фабрично-заводская промышленность, внутренніе пути сообщенія, мореходство и внѣшняя торговля Германіи, какъ они могутъ и должны развиться соотвѣтственно естественнымъ національнымъ источникамъ и благодаря разумной торговой политикѣ, тѣмъ болѣе у нихъ будетъ пробуждаться желаніе принять непосредственное участіе въ этихъ выгодахъ, тѣмъ болѣе будутъ они отвыкать отъ преступной привычки ожиданія всякаго спасенія изъ-за границы.

Что касается Ганзейскихъ городовъ, то духъ независимости,

одушевляющій приходскіе округа Гамбурга, не разрушаетъ нашихъ надеждъ. Въ этихъ городахъ, по собственному свидѣтельству автора доклада, есть не мало людей, которые понимаютъ, что Гамбургъ, Бременъ и Любекъ для нѣмецкой національности являются и должны быть тѣмъ же, чѣмъ является Лондонъ и Ливерпуль для англичанъ, Ньюйоркъ, Бостонъ и Филадельфія для Американцевъ,—людей, которые понимаютъ, что торговый союзъ можетъ обезпечить для всемірной торговли такія выгоды, которыя далеко превзойдутъ невыгодность подчиненія общимъ союзнымъ постановленіямъ, что наконецъ благосостояніе безъ гарантіи его прочности есть не больше какъ призракъ.

Кто изъ благоразумныхъ жителей этихъ портовыхъ городовъ въ соотоянiи будетъ искренно радоваться, смотря на постоянное увеличеніе количества ихъ тоннъ, на постоянное расширеніе ихъ, торговыхъ сношеній, если только подумать о томъ, что два фрегата, выйдя отъ Гельголанда и остановившись при устьяхъ Велера и Эльбы, въ состояніи въ теченіе 24 часовъ разрушитъ работу четверти столѣтія? Союзъ же будетъ гарантировать имъ благосостояніе и успѣхи отчасти своимъ флотомъ, отчасти самымъ объединеніемъ. Онъ будетъ покровительствовать ихъ рыбнымъ ловлямъ, будетъ содѣйствовать ихъ мореходству, а посредствомъ хорошей организаціи консульской службы и посредствомъ трактатовъ, онъ будетъ упрочивать и расширять ихъ торговыя сношенія во всѣхъ странахъ свѣта и со всѣми портами. Отчасти при ихъ посредствѣ онъ будетъ основывать колоніи, и его колоніальная торговля будетъ въ рукахъ этихъ городовъ. Федерація съ 35 милліонами жителей (таково будетъ по меньшей мѣрѣ число жителей, когда союзъ будетъ полнымъ), съ ежегоднымъ среднимъ приростомъ населенія въ 1½ процента, легко можетъ ежегодно высылать отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ изъ тѣхъ образованныхъ, развитыхъ людей, которыми переполнены провинціи и которые всегда гатовы искать счастія въ отдаленныхъ странахъ, всюду пускать корни и водворяться, гдѣ только дикая страна отличается плодородіемъ,—такая федерація самою природою призвана занять первое мѣсто въ ряду странъ, посвящающихъ себя колонизаціи и распространенію культуры.

Чувство необходимости въ такой законченности таможеннаго союза настолько уже стало общимъ въ Германіи, что составитель доклада принужденъ былъ замѣтить: „расширеніе морскихъ бере-

говъ, увеличеніе количества портовъ, расширеніе мореходства, союзный флагъ, военный и торговый флоты—вотъ чего желаютъ приверженцы торговаго союза, но союзъ мало можетъ разсчитывать взять верхъ надъ постоянно увеличивающеюся эскадрою Россіи, надъ торговымъ флотомъ Голландіи и ганзейскихъ городовъ". Взять верха надъ ними, конечно, не можетъ, но тѣмъ сильнѣе будетъ онъ *съ ними* и *благодаря имъ*. Естественное стремленіе всякой власти, это раздѣлять, чтобы господствовать. Выяснивъ, какъ было бы безсмысленно, если бы приморскія государства присоединились къ союзу, авторъ отчета отдѣляетъ навсегда большія гавани отъ германскаго національнаго тѣла, и въ тоже время говоритъ намъ объ Альтонскихъ магазинахъ, которые должны представлять опасность для магазиновъ Гамбурга, какъ будто такое громадное торговое государство не въ состояніи найти средствъ для того, чтобы заставить Альтонскіе магазины работать въ свою пользу. Мы не будемъ слѣдить за остроумною системою доказательствъ автора, и замѣтимъ только, что эта система, если примѣнить ее къ Англіи, будетъ доказывать, что благосостояніе Лондона и Ливерпуля увеличится въ невѣроятной степени, если они отдѣлятся отъ англійскаго государственнаго тѣла. Чѣмъ вѣетъ отъ этой системы доказательствъ, говоритъ очень ясно отчетъ англійскаго консула въ Роттердамѣ: „Въ торговыхъ интересахъ Великобританіи, говоритъ г-нъ Александръ Феррье въ концѣ своего отчета, представляется въ высшей степени важнымъ не пренебрегать никакимъ средствомъ для того, чтобы помѣшать названнымъ государствамъ, а также Бельгіи вступить въ таможенный союзъ, по причинамъ слишкомъ яснымъ для того, чтобы ихъ нужно было здѣсь указывать". Что г. Феррье и д-ръ Берингъ говорятъ такимъ образомъ, и что англійскіе министры поступаютъ такъ, какъ тѣ говорятъ, кто можетъ претендовать на это? Въ нихъ говоритъ и чрезъ нихъ дѣйствуетъ англійскій національный инстинктъ. Но ожидать спасенія для Германіи отъ предложеній, идущихъ изъ подобныхъ источниковъ, это уже прямо значитъ перейти всякую мѣру національной снисходительности.

„Чтобы ни случилось, добавляетъ къ вышеприведеннымъ словамъ г. Феррье, на *Голландію* всегда нужно смотрѣть какъ на главнаго посредника въ сношеніяхъ южной Германіи съ другими странами". Подъ *другими странами* Феррье очевидно, разумѣетъ

Англію, очевидно онъ желаетъ сказать: Если англійское мануфактурное господство потеряетъ свои *нѣмецкія предмостныя прикрытія* (deutschen Brückenköpfe, têtes de pont) къ Нѣмецкому и Балтійскому морямъ, то у нея останется по крайней мѣрѣ другое еще большее *предмостное прикрытіе*—Голландія—для того, чтобы снабжать южную Германію мануфактурными и колоніальными товарами. Но мы, съ нашей національной точки зрѣнія, говоримъ и утверждаемъ слѣдующее: Голландія, по ея географическому положенію, по ея торговымъ и промышленнымъ отношеніямъ, по происхожденію и языку жителей—провинція нѣмецкая, отдѣлившаяся отъ Германіи во времена нѣмецкихъ національныхъ раздоровъ, и если она не возсоединится съ германскимъ союзомъ, то Германія будетъ походить на домъ, двери котораго принадлежатъ другому лицу. Голландія настолько же принадлежитъ Германіи, насколько Бретань и Нормандія принадлежатъ Франціи, и пока Голландія желаетъ создать изъ себя собственное самостоятельное государство, до тѣхъ поръ для Германіи настолько же мало надежды достигнуть самостоятельности и могущества, настолько было бы невозможно достигнуть этого Франціи, если-бы указанныя провинціи оставались въ рукахъ англичанъ. Если торговое значеніе Голландіи упало, то виною этому незначительность этой страны. И впредь Голландія должна будетъ все падать, не смотря на процвѣтаніе ея колоній, потому что страна эта слишкомъ ничтожна для того, чтобы выносить огромныя издержки на поддержаніе значительныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ.

Вслѣдствіе стремленія къ поддержанію своей національности, Голландія, не смотря на благосостояніе колоній, все болѣе и болѣе будетъ затягиваться въ долги. Хотя она и остается страною независимою отъ Англіи, тѣмъ не менѣе она своею кажущеюся независимостію только усиливаетъ верховенство Англіи. Въ этомъ заключается та тайная причина, почему Англія на Вѣнскомъ конгрессѣ взяла подъ свою защиту возстановленіе мнимой голландской независимости. Англія поступаетъ съ Голландіей совершенно такъ-же, какъ съ ганзейскими городами. Для Англіи Голландія только щитоносецъ англійскаго флота; включенная въ Германію, она станетъ во главѣ германскихъ морскихъ силъ. Въ своемъ настоящемъ положеніи Голландія далеко не такъ хорошо можетъ эксплоатировать свои колоніальныя владѣнія, какъ если-бы она

являлась составною частью германскаго союза, уже потому только, что у нея недостаточно необходимыхъ для колонизаціи средствъ, людей и умственныхъ силъ. Помимо того эксплоатація ея колоній такъ, какъ она производилась до сихъ поръ, обусловливалась или добродушіемъ нѣмцевъ или-же незнаніемъ ихъ собственныхъ національныхъ торговыхъ интересовъ; ибо въ то время, какъ всѣ другія націи являются рынкомъ для своихъ колоній и подчиненныхъ странъ, Голландія для сбыта избытка своихъ колоніальныхъ товаровъ имѣетъ только германскій рынокъ. Но какъ скоро нѣмцы поймутъ, что снабжающіе ихъ колоніальными товарами должны согласиться брать по преимуществу отъ нихъ мануфактурныя издѣлія, то для нихъ ясно будетъ также и то, что отъ Германіи зависитъ принудить Голландію присоединиться къ таможенному союзу. Такое объединеніе было-бы въ высшей степени выгодно для обѣихъ странъ. Германія доставила-бы Голландіи средства не только для лучшей, чѣмъ до сихъ поръ, эксплоатаціи колоній, но и для основанія и пріобрѣтенія новыхъ. Германія стала-бы оказывать преимущественное покровительство голландскому и ганзейскому мореходству и предоставляла-бы на германскомъ рынкѣ голландскимъ колоніальнымъ продуктамъ привиллегированное обращеніе. Голландія и ганзейскіе города вывозили-бы преимущественно предметы германскаго фабричнаго производства и излишекъ своихъ капиталовъ обращали-бы по преимуществу на фабрики и земледѣліе внутренней Германіи.

Голландія, утратившая свое величіе, какъ торговая держава, потому что, будучи лишь отрывкомъ націи, хотѣла быть цѣлою націею; потому что она искала выгодъ въ подавленіи и ослабленіи производительныхъ силъ Германіи, вмѣсто того, чтобы основать свое величіе на благосостояніи расположенныхъ за нею странъ, вмѣстѣ съ которыми прибережныя государства упрочиваются или падаютъ; потому что она пыталась достигнуть величія не въ союзѣ съ нѣмецкою націею, а отдѣлившись отъ нея, — эта Голландія можетъ достигнуть своего прежняго процвѣтанія только при посредствѣ германскаго союза и въ тѣсномъ единеніи съ нимъ. Только благодаря этому союзу можетъ основаться земледѣльческо-промышленно-коммерческая нація первой величины.

Докторъ Берингъ въ своемъ очеркѣ ввоза и вывоза сопоставляетъ германскій торговый союзъ съ ганзейскими городами, съ

Голландіей и Бельгіей и изъ этого сопоставленія выводитъ, насколько эти страны находятся въ зависимости отъ англійской мануфактурной промышленности, и какъ много могутъ выиграть ихъ производительныя силы, благодаря объединенію. Такъ, онъ вычисляетъ ввозъ въ эти страны изъ Англіи въ 19.842.121 фунтовъ стерлинговъ по оффиціальной стоимости и въ 8.550.347 ф. стерл. по стоимости объявленной; вывозъ - же этихъ странъ въ Англію напротивъ, только въ 4.804.491 ф. стерл., считая, какъ само собой понятно, въ этомъ числѣ значительное количество явскаго кофе, сыра, масла и т. д., которыя Англія получаетъ изъ Голландіи. Эти суммы настолько-же поучительны, какъ и цѣлые томы книгъ. Мы очень благодарны доктору Берингу за это сближеніе, дай Богъ чтобы оно указывало на близкое сближеніе политическое!

ГЛАВА XXXV.

Континентальная политика.

Высшею цѣлію политики, основанной на разумѣ и опытѣ, какъ мы уже выяснили во второй книгѣ нашего сочиненія, является объединеніе націй подъ режимомъ закона,—цѣль, которая можетъ быть достигнута только посредствомъ возможнаго уравненія значительнѣйшихъ націй земли въ культурѣ, благосостояніи, промышленности и могуществѣ, при помощи замѣны существующихъ между ними антипатій и столкновеній симпатіями и полнымъ согласіемъ. Но разрѣшеніе этой задачи есть дѣло очень отдаленнаго будущаго.

Въ настоящее время націи, вслѣдствіе различныхъ причинъ, раздѣлены между собою и удалены другъ отъ друга. Въ числѣ первыхъ причинъ являются территоріальные споры. Политическое раздѣленіе европейскихъ націй не соотвѣтствуетъ природѣ вещей. Даже съ теоретической стороны до сихъ поръ еще не выяснены главныя основанія для территоріальнаго раздѣленія. Одни, не обращая вниманія ни на языкъ, ни на торговлю, ни на происхожденіе и т. д., желаютъ округленія территоріи смотря по потребностямъ столицы такимъ образомъ, чтобы столица была центромъ территоріи и была защищена отъ внѣшняго нападенія: они признаютъ границами рѣки. Другіе, и какъ кажется съ большимъ правомъ,

утверждаютъ, что морскіе берега, горы, языкъ, происхожденіе будутъ лучшими границами, чѣмъ рѣки. Есть и такія націи, которыя не владѣютъ тѣми устьями рѣкъ, и морскими берегами, которые имъ необходимы для развитія ихъ внѣшнихъ сношеній и морскихъ силъ.

Если бы каждая нація владѣла территоріею, потребною для ея внутренняго развитія и для утвержденія ея политической, промышленной и коммерческой независимости, то каждый захватъ излишка территоріи противорѣчилъ бы здравой политикѣ, такъ какъ неестественное увеличеніе страны вызываетъ соперничество со стороны потерпѣвшихъ націй, а слѣдовательно тѣ жертвы, которыя приходится понести націи для удержанія за собою такихъ захваченныхъ провинцій, несравненно больше тѣхъ выгодъ, которыя связаны съ ихъ обладаніемъ. Но о раціональномъ раздѣленій территорій въ настоящее время невозможно и думать, такъ какъ въ этомъ вопросѣ скрещиваются разнообразные интересы совершенно другого рода. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что хорошо округленная территорія является одною изъ насущнѣйшихъ потребностей націи, что стремленіе къ такой территоріи законно, что даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть оправдана этою цѣлію война.

Дальнѣйшими причинами антипатіи, существующей между націями, въ настоящее время являются: различіе интересовъ по отношенію къ фабрично-заводской промышленности, торговлѣ, мореходству, морскимъ силамъ и колоніальнымъ владѣніямъ, различіе въ степени культуры, въ религіи и въ политическомъ устройствѣ. Всѣ эти интересы переплетаются разнообразнымъ образомъ съ отношеніями династій и державъ.

Причины антипатій суть въ тоже время и причины симпатій. Менѣе сильныя симпатизируютъ слишкомъ сильнымъ, угнетенныя—завоевателямъ, континентальныя державы—морскому владычеству, страны бѣдныя промышленностію и торговлею — тѣмъ, которыя стремятся къ промышленной и торговой монополіи, страны цивилизованныя—менѣе цивилизованнымъ, страны монархическія—странамъ вполнѣ или отчасти демократическимъ.

Націи добиваются удовлетворенія своихъ интересовъ и своихъ симпатій, посредствомъ союзовъ между ними, противъ интересовъ и стремленій противоположнаго характера. Но такъ какъ эти интересы и стремленія перекрещиваются различнымъ образомъ, то и союзы не бываютъ постоянными. Тѣ націи, которыя сегодня яв-

ляются друзьями, завтра могутъ стать врагами, и наоборотъ,—смотря по тому, выдвигаются ли на первый планъ тотъ интересъ или тотъ принципъ, который отталкиваетъ эти націи другъ отъ друга или привлекаютъ ихъ другъ къ другу.

Политика давно уже почувствовала, что уравненіе націй составляетъ ея конечную цѣль. То, что называютъ *поддержаніемъ европейскаго равновѣсія*, давно уже есть ничто иное, какъ стремленіе націй менѣе сильныхъ поставить преграду для захватовъ націй болѣе сильныхъ. Однако политика нерѣдко сливала свою ближайшую цѣль съ отдаленною и наоборотъ.

Ближайшая задача политики состоитъ во всякое время въ томъ, чтобы понять, какіе изъ различныхъ интересовъ особенно важны и требуютъ немедленнаго разрѣшенія, и стараться, чтобы всѣ другіе вопросы, до тѣхъ поръ пока не будетъ достигнуто равновѣсіе, отсрочить и отодвинуть на задній планъ.

Когда династическіе, монархическіе и аристократическіе интересы Европы, оставляя въ сторонѣ всѣ другіе вопросы могущества и торговли, соединились противъ революціонныхъ стремленій 1789 г., эта политика была правильною.

Такою же она была, когда имперія на мѣсто революціонныхъ стремленій выдвинула завоевательныя.

Наполеонъ посредствомъ континентальной системы создалъ континентальную коалицію противъ англійскаго морскаго и торговаго преобладанія; но для того, чтобы достигнуть этого, онъ долженъ былъ уничтожить въ континентальныхъ націяхъ боязнь быть завоеванными Франціей. Онъ потерпѣлъ неудачу потому, что континентальное преобладаніе Франціи для этихъ націй было страшнѣе, чѣмъ невыгоды, происходящія отъ морскаго преобладанія.

Съ паденіемъ имперіи великая коалиція потеряла смыслъ. Съ этого времени континентальнымъ державамъ не угрожаютъ болѣе ни революціонныя, ни завоевательныя стремленія Франціи, напротивъ за время борьбы противъ революціи и завоевательныхъ стремленій неизмѣримо возросло преобладаніе Англіи въ промышленности, мореходствѣ, торговлѣ, колоніальныхъ владѣніяхъ и морскомъ могуществѣ. Теперь въ интересахъ континентальныхъ державъ необходимъ былъ союзъ съ Франціей противъ этого торговаго и морскаго преобладанія. Но страхъ передъ кожею мертваго льва мѣшалъ континентальнымъ державамъ видѣть полнаго силъ лео-

парда, который сражался въ ихъ рядахъ. Священный союзъ былъ политическою ошибкою.

За эту ошибку поплатились іюльскою революціею. Священный союзъ безъ всякой нужды вызвалъ противника, котораго не было, или который по крайней мѣрѣ не скоро бы снова появился. Къ счастью для континентальныхъ державъ іюльской династіи Франціи удалось успокоить революціонный духъ. Франція заключила союзъ съ Англіей въ интересахъ іюльской династіи для упроченія конституціонной монархіи; Англія заключила его въ интересахъ поддержанія своего коммерческаго преобладанія.

Франко-англійскій союзъ пересталъ существовать, какъ только іюльская династія и конституціонная монархія почувствовали подъ собою почву, тогда напротивъ снова выступили на первый планъ интересы Франціи относительно морскихъ силъ и коммерческаго мореходства, торговли, промышленности и внѣшнихъ владѣній. Въ данномъ случаѣ интересы Франціи очевидно тождественны съ интересами другихъ континентальныхъ державъ, и возникновеніе континентальной коалиціи противъ морскаго преобладанія Англіи будетъ въ порядкѣ вещей, если только іюльской династіи удастся достигнуть во Франціи полнаго единомыслія между различными органими государственнаго управленія, отодвинуть на задній планъ выдвинутые революціонными стремленіями территоріальные вопросы и разувѣрить вполнѣ континентальныя державы въ революціонныхъ и завоевательныхъ стремленіяхъ Франціи.

Главнымъ препятствіемъ для объединенія Европейскаго континента служатъ въ настоящее время то, что центръ его не выполняетъ той роли, которая налагается на него его естественнымъ положеніемъ. Вмѣсто того, чобы служить посредникомъ между востокомъ и западомъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся территоріальныхъ раздѣленій, конституціи, національной независимости и могущества, къ чему онъ призывается своимъ географическимъ положеніемъ, федеративнымъ устройствомъ, исключающимъ въ другихъ націяхъ всякій страхъ предъ его завоевательными замыслами, далѣе его религіозною терпимостью, космополитическими стремленіями, наконецъ, заложенными въ немъ элементами цивилизаціи и могущества,—не смотря на все указанное, центръ этотъ въ настоящее время служитъ лишь яблокомъ раздора между востокомъ и западомъ, при чемъ и тотъ и другой надѣются привлечь на свою

сторону эту срединную державу, которую ослабляетъ недостатокъ національнаго единства и которая отличается непостоянствомъ, склоняясь то въ одну, то въ другую сторону. А если бы Германія, вмѣстѣ съ примыкающими къ ней приморскими городами, съ Голландіей, Бельгіей и Швейцаріей, составила одинъ сильный торговый и политическій союзъ, если бы это мощное національное тѣло соединило въ себѣ, насколько это возможно, существующіе манархическіе, династическіе и аристократическіе интересы съ установленіями представительной системы, то эта Германія могла бы на долго обезпечить миръ для европейскаго континента и вмѣстѣ съ тѣмъ образовать ядро прочнаго континентальнаго союза.

Очевидно, что Англія далеко превосходитъ другія морскія державы если не количествомъ кораблей, то своею морскою опытностію, и что слѣдовательно другія державы должны соединиться между собою, чтобы составить ей противовѣсъ. Отсюда слѣдуетъ, что каждая подобная нація заинтересована въ поддержаніи и развитіи морскихъ силъ всѣхъ другихъ менѣе сильныхъ на морѣ націй, а слѣдовательно также и въ томъ, чтобы отрывки націй, которые до сихъ поръ были раздѣлены и потому совершенно не владѣли или владѣли очень незначительными морскими силами, составили изъ себя одну соединенную морскую державу. Упадокъ морскаго могущества Россіи является потеряю для Франціи и Сѣверной Америки по отношенію къ Англіи, и на оборотъ. Всѣ онѣ выиграютъ, если Германія, Голландія и Бельгія составятъ одну соединенную морскую силу; ибо, раздѣленныя между собой, онѣ являются лишь прислужницами англійскаго преобладанія на морѣ, объединившись же онѣ будутъ въ силахъ создать оппозицію противъ этого англійскаго преобладанія.

Ни одна изъ этихъ державъ не имѣетъ торговаго флота, который превышалъ бы потребности ея собственной внѣшней торговли; точно также и промышленная сила каждой изъ нихъ не превышаетъ значительно силъ другихъ націй, а потому для нихъ и нѣтъ никакихъ основаній страшиться взаимной конкурренціи. Напротивъ, ихъ общій интересъ заключается въ томъ, чтобы защититься отъ *разрушительной* конкурренціи Англіи, всѣ онѣ должны стремиться къ тому, чтобы занявшую преобладающее положеніе промышленную силу Англіи лишить главныхъ предмостныхъ прикрытій (Голландія, Бельгія и Ганзейскіе города), при по-

средствѣ которыхъ Англія господствуетъ на континентальныхъ рынкахъ.

Такъ какъ продукты жаркаго пояса обмѣниваются главнымъ образомъ на издѣлія фабрикъ и заводовъ пояса умѣреннаго, такъ какъ, поэтому, потребленіе продуктовъ перваго рода обусловливается сбытомъ мануфактурныхъ издѣлій, и такъ какъ, слѣдовательно, каждая нація должна стремиться къ тому, чтобы завязать непосредственныя сношенія съ странами жаркаго пояса, то ни одна нація не въ состояніи будетъ удержать за собою преобладающаго значенія въ колоніальномъ владѣніи, если всѣ мануфактурныя націи второго вида поймутъ свои интересы и будутъ дѣйствовать согласно съ ними. Если бы напр. Англія достигла того, къ чему она стремится, а именно, если бы Остъ-Индія оказалась въ силахъ удовлетворить всѣ потребности Англіи въ колоніальныхъ товарахъ, то Англія могла бы развить торговыя сношенія съ Вестъ-Индіей лишь настолько, насколько имѣла бы возможности сбывать въ другія страны тѣ колоніальные товары, какіе она получала бы изъ Вестъ-Индіи въ обмѣнъ на предметы своего фабричнаго производства. Если же она не будетъ имѣть сбыта этихъ товаровъ въ другія страны, то ея вестъ-индскія владѣнія будутъ для нея безполезны; для нея въ такомъ случаѣ не оставалось бы другого выбора, какъ предоставить Вестъ-Индіи независимость или дозволить ей свободу торговли съ другими мануфактурными націями. Отсюда слѣдуетъ, что такая политика должна соотвѣтствовать, интересамъ всѣхъ незначительныхъ по морскимъ силамъ державъ, и что всѣ онѣ должны оказывать другъ другу взаимную помощь; отсюда слѣдуетъ, что ни одна изъ этихъ націй не потерпитъ ущерба отъ присоединенія Голландіи къ германскому торговому союзу и отъ тѣснаго сближенія Германіи съ голландскими колоніями.

Со времени эмансипаціи испанскихъ и португальскихъ колоній въ Южной Америкѣ и Вестъ-Индіи не представляется уже настоятельной необходимости для мануфактурныхъ націй пріобрѣтать собственныя колоніи для того, чтобы имѣть возможность непосредственно обмѣнивать товары мануфактурные на колоніальные. Такъ какъ рынокъ этихъ освободившихся тропическихъ странъ свободенъ, то каждая мануфактурная нація, которая въ состояніи выдержать конкурренцію на этихъ свободныхъ рынкахъ, можетъ войти съ этими

странами въ непосредственныя торговыя сношенія. Но эти свободныя тропическія страны тогда только будутъ въ состояніи производить значительное количество колоніальныхъ продуктовъ и потреблять большое количество мануфактурныхъ издѣлій, когда тамъ будутъ господствовать довольство и нравственность, спокойствіе и миръ, правовой порядокъ и религіозная терпимость. Всѣ болѣе слабые націи, въ особенности тѣ, у которыхъ нѣтъ или есть лишь незначительныя колоніи, заинтересованы въ томъ, чтобы общими силами подготовить такой порядокъ вещей. Для страны, завоевавшей торговое преобладаніе, этотъ порядокъ вещей не можетъ имѣть такой важности, такъ какъ она достаточно обезпечена колоніальными товарами на закрытыхъ и зависящихъ отъ нея рынкахъ Восточной и Западной Индій, или по крайней мѣрѣ можетъ надѣяться на это. Съ этой же точки зрѣнія можно отчасти разсматривать и въ высшей степени важный рабовладѣльческій вопросъ. Мы очень хорошо понимаемъ, что въ стремленіи Англіи къ освобожденію рабовъ было много человѣколюбія и чувства справедливости, и что такое стремленіе дѣлаетъ большую честь характеру англійской націи; тѣмъ не менѣе, разсматривая ближайшіе результаты принятыхъ Англіею въ этомъ отношеніи мѣръ, мы не можемъ отдалить отъ себя мысль, что въ данномъ случаѣ играли не малую роль политика и торговый интересъ. Результаты эти слѣдующіе: 1) вслѣдствіе внезапнаго освобожденія рабовъ, вслѣдствіе быстраго перехода ихъ изъ состоянія почти скотскаго подчиненія и безпечности на высшую ступень индивидуальной самостоятельности— производство колоніальныхъ продуктовъ должно было необыкновенно ослабѣть и свестись въ концѣ концовъ почти къ нулю, какъ неопровержимо доказываетъ примѣръ Ст. Доминго, гдѣ съ изгнаніемъ французовъ и испанцевъ производительность падала съ года на годъ и продолжаетъ падать постоянно; 2) освобожденные негры стараются постоянно возвышать заработную плату, ограничивая при этомъ свой трудъ лишь добываніемъ предметовъ первой необходимости, а это конечно воспитываетъ въ нихъ только лѣность; 3) Англія, напротивъ, въ Остъ-Индіи владѣетъ всѣми средствами для снабженія колоніальными товарами всего свѣта. Извѣстно, что индусы, столь трудолюбивые и искусные, отличаются уже вслѣдствіе ихъ религіозныхъ правилъ, запрещающихъ имъ употребленіе мяса, замѣчательною умѣренностію въ пищѣ и дру-

гихъ своихъ потребностяхъ. Прибавьте къ этому недостатокъ у туземцевъ капитала, замѣчательное плодородіе почвы, строгость кастоваго устройства и сильную конкурренцію при предложеніи труда. Резулататомъ всего этого является то, что заработная плата въ Остъ-Индіи несравненно ниже, чѣмъ въ Вестъ-Индіи и Южной Америкѣ, — производится ли въ послѣднихъ странахъ обработка земли при посредствѣ свободныхъ негровъ или рабовъ; что слѣдовательно производительность Индіи,—послѣ того какъ она получила свободу торговли и въ ней разумное административное устройство взяло верхъ,—должна увеличиваться въ невѣроятной прогрессіи и недалеко то время, когда Англія не только будетъ удовлетворять изъ Остъ-Индіи всѣ свои нужды въ колоніальныхъ продуктахъ, но будетъ въ состояніи еще вывозить значительное количество этихъ продуктовъ въ другія страны. Отсюда слѣдуетъ, что Англія, уменьшая производительность Вестъ-Индіи и Южной Америки, куда и другія націи везутъ свои мануфактурныя издѣлія, не можетъ потерпѣть ущерба, а напротивъ можетъ выиграть, если получитъ перевѣсъ колоніальное производство въ Остъ-Индіи, рынокъ которой снабжается мануфактурными издѣліями исключительно изъ Англіи. Наконецъ 4) утверждаютъ, что Англія, освобождая рабовъ, хотѣла поднять мечъ надъ головою сѣверо-американскихъ рабовладѣльческихъ штатовъ, что Соединеннымъ Штатамъ тѣмъ болѣе грозила опасность, чѣмъ шире распространялась эмансипація, и чѣмъ болѣе у сѣверо-американскихъ негровъ росло стремленіе къ самостоятельной свободной дѣятельности.

При ближайшемъ разсмотрѣніи филантропическій опытъ съ результатами столь сомнительными для тѣхъ именно, въ интересахъ которыхъ онъ былъ произведенъ, долженъ быть совершенно невыгоденъ для тѣхъ націй, которымъ приходится вести торговлю съ Южной Америкой и Вестъ-Индіей, и не безъ основанія могли онѣ ставить вопросъ: внезапный переходъ изъ состоянія рабства къ свободѣ не былъ ли для самихъ рабовъ болѣе невыгоденъ, чѣмъ поддержаніе прежняго порядка вещей? Не было ли необходимо цѣлаго ряда поколѣній для того, чтобы пріучить къ свободѣ и бережливости негровъ, привыкшихъ почти къ скотскому подчиненію? Не лучше-ли бы было достигнуть освобожденія рабовъ посредствомъ введенія сначала умѣреннаго крѣпостнаго права, которое обезпечивало бы крѣпостному извѣстныя права на землю, которую онъ

обработываетъ, и опредѣленную часть плодовъ его труда, а земле-владѣльцу напротивъ представляло бы достаточныя права для того, чтобы онъ имѣлъ возможность пріучить крѣпостнаго къ трудолюбію и порядку? Состояніе послѣдняго рода не было-ли бы желательнѣе, чѣмъ состояніе несчастныхъ, пьяныхъ, лѣнивыхъ, развратныхъ, нищенскихъ ордъ такъ называемыхъ свободныхъ негровъ, въ сравненіи съ которыми ирландская нищета, въ самой гнусной ея формѣ, можно сказать, пользуется благосостояніемъ и культурою?

Если бы насъ вздумали увѣрить, что стремленіе англичанъ принудить все живущее на землѣ пользоваться тою степенью свободы, какой достигли они сами, настолько сильно и неограниченно, что невозможно винить ихъ за то, если они забываютъ, что природа не дѣлаетъ скачковъ, то мы могли бы предложить вопросъ: не гораздо ли несчастнѣе и ужаснѣе положеніе низшихъ кастъ индусовъ, чѣмъ положеніе американскихъ негровъ? Почему это филантропія Англіи никогда не касается этихъ несчастнѣйшихъ изъ смертныхъ? Почему это англійское законодательство никогда не беретъ ихъ подъ свое покровительство? Почему это Англія изъ этого несчастнаго состоянія людей извлекала лишь пользу для собственнаго обогащенія, нисколько не заботясь объ облегченіи этого положенія?

Англо-остъ-индская политика приводитъ насъ къ Восточному вопросу. Если мы отъ политики дня отдѣлимъ все, что въ настоящее время имѣетъ отношеніе къ территоріальнымъ столкновеніямъ, что касается династическихъ, монархическихъ, аристократическихъ, религіозныхъ интересовъ и отношеній между державами, то не можемъ не признать, что у континентальныхъ державъ въ Восточномъ вопросѣ есть много общихъ національно-экономическихъ интересовъ. Съ какимъ бы успѣхомъ въ данный моментъ ни удалось державамъ отодвинуть этотъ вопросъ на задній планъ, онъ всегда съ новою силою выдвинется снова впередъ. Всѣми мыслящими людьми давно уже рѣшено, что такая нація, какъ турецкая, постоянно изнуренная въ ея моральномъ, соціальномъ и политическомъ основаніи, похожа на трупъ, который хотя и можетъ еще нѣкоторое время при поддержкѣ живыхъ держаться прямо, тѣмъ не менѣе начинаетъ уже разлагаться. Съ персами тоже самое, что съ турками, съ китайцами, съ индусами и со всѣми другими народами Азіи. Всюду, гдѣ разлагающаяся культура Азіи входитъ

въ соприкосновеніе съ свѣжею атмосферою Европы, она распадается на атомы, и Европа рано или поздно будетъ поставлена въ необходимость забрать въ свою опеку всю Азію, какъ забрала Англія Остъ-Индію. Въ этомъ полномъ хаосѣ земель и народовъ нѣтъ ни одной національности, которая бы была способна къ устойчивости и возрожденію и стоила того. Полное распаденіе азіатскихъ національностей представляется по этому неизбѣжнымъ и возрожденіе Азіи можетъ совершиться лишь тогда, когда вольется туда струя европейской жизненной силы, когда постепенно будетъ распространяться тамъ христіанство, европейскіе нравы и порядокъ, когда начнется европейская эмиграція, и Азія будетъ жить подъ опекою европейскихъ правительствъ.

Если мы задумаемся надъ тѣмъ, какимъ путемъ могло бы совершиться такое возрожденіе, то насъ прежде всего поразитъ то обстоятельство, что Востокъ въ большей его части изобильно снабженъ отъ природы естественными источниками, и потому могъ бы доставлять промышленнымъ націямъ Европы огромное количество сырья и пищевыхъ продуктовъ, въ особенности же продуктовъ жаркаго пояса, а съ другой стороны открыть огромные рынки для мануфактурныхъ произведеній промышленныхъ странъ. Въ этомъ нужно видѣть повидимому указаніе самой природы на то, что это возрожденіе, какъ и вообще культура варварскихъ народовъ, должно совершиться при свободномъ обмѣнѣ земледѣльческихъ продуктовъ на мануфактурныя издѣлія. Въ виду этого европейскія націи должны бы были твердо держаться того принципа, что ни одна изъ нихъ не должна пользоваться особенными торговыми преимуществами въ какой бы то ни было части Азіи, и что ни одна изъ нихъ ни коимъ образомъ не должна быть въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ другія. Расширеніе такой торговли должно бы было пойти особенно успѣшно, если бы главные торговые пункты Востока были *свободными городами*, европейское населеніе которыхъ получило бы право самоуправленія за извѣстное ежегодное вознагражденіе въ пользу туземныхъ правителей. При этихъ послѣднихъ назначались бы, по примѣру англо-остъиндской политики, европейскіе агенты, къ совѣтамъ которыхъ должны бы были прибѣгать туземныя правительства относительно всего, что касалось бы общественной безопасности, порядка и цивилизаціи.

Всѣ континентальныя державы заинтересованы въ томъ, чтобы

оба пути изъ Средиземнаго моря въ Красное море и въ Персидскій заливъ не попали въ исключительное распоряженіе Англіи и не оставались бы неприступными въ рукахъ азіатскаго варварства. Очевидно, что передача наблюденія надъ этими путями Австріи была бы лучшею гарантіею для всѣхъ европейскихъ націй.

Затѣмъ всѣ континентальныя націи вмѣстѣ съ Соединенными Штатами заинтересованы въ томъ, чтобы превозмогъ принципъ, что «флагъ покрываетъ грузъ», равно и доктрина, что и нейтральныя державы должны уважать не одну только дѣйствительную блокаду того или другого порта, но, по одному только заявленію, и блокаду противъ всего морскаго побережья.

Наконецъ, казалось бы, право занятія дикихъ и необитаемыхъ странъ должно быть пересмотрѣно въ общихъ интересахъ континентальныхъ державъ.

Въ наши дни кажется смѣшнымъ то, что нѣкогда Папа рѣшался дарить острова и цѣлыя части свѣта, даже больше—дѣлить однимъ почеркомъ пера земной глобусъ на двѣ части и отдавать одну часть одному, другую—другому. Но неужели разумнѣе признавать право собственности на цѣлую часть свѣта за кѣмъ либо только потому, что онъ первый воткнулъ тамъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько шестовъ съ шелковыми тряпками на нихъ. Что относительно острововъ небольшого протяженія уважаются права того, кто ихъ открылъ, можетъ быть признано справедливымъ, но когда дѣло идетъ объ островахъ, равныхъ по пространству великой европейской державѣ, какова Новая Зеландія, или о цѣломъ континентѣ, который своимъ объемомъ превосходитъ Европу, какова Австралія, то права исключительной собственности здѣсь должны пріобрѣтаться только колонизаціею страны, и при томъ лишь на ту территорію, которая дѣйствительно колонизована; и непонятно, почему нѣмцы и французы не могли бы имѣть права основывать свои колоніи въ этихъ частяхъ свѣта въ пунктахъ болѣе или менѣе удаленныхъ отъ учрежденій, созданныхъ англичанами.

Если мы остановимъ наше вниманіе на тѣхъ чрезвычайныхъ интересахъ, которыя общи для континентальныхъ странъ въ ихъ борьбѣ съ первою морскою державой, то должны будемъ признать, что для этихъ націй особенно необходимо *единство*, и ничто такъ не гибельно для нихъ, какъ континентальная война. Исторія истекшаго столѣтія доказываетъ, что всякая война континентальныхъ

державъ между собою служила только къ развитію промышленности, богатства, мореходства, колоніальныхъ владѣній и могущества Англіи.

Нельзя отрицать того, что въ континентальной системѣ Наполеона былъ положенъ въ основаніе вѣрный взглядъ на потребности и интересы континентальныхъ державъ, хотя и нужно признать, что Наполеонъ хотѣлъ осуществить эту идею въ ущербъ независимости и интересамъ прочихъ европейскихъ державъ.

Континентальная система Наполеона страдаетъ тремя существенными недостатками: во-первыхъ, Наполеонъ на мѣсто англійскаго морскаго верховенства хотѣлъ поставить континентальное французское преобладаніе; вмѣсто того, чтобы основнымъ началомъ признать развитіе и уравненіе прочихъ континентальныхъ націй, система эта имѣла въ виду униженіе, разрушеніе или распаденіе другихъ національностей континента въ пользу Франціи. Затѣмъ онъ закрывалъ Францію для другихъ государствъ, между тѣмъ какъ для нея была необходима свободная конкурренція въ этихъ странахъ. Наконецъ, эта система разрывала почти совершенно торговыя сношенія между промышленными странами континента и странами жаркаго пояса,— она принуждала искусственно замѣнять продукты этого жаркаго пояса.

Но что идеи континентальной системы постоянно возрождаются, что необходимость проведенія въ жизнь этихъ идей дѣлается тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ сильнѣе возрастаетъ преобладаніе Англіи въ промышленности, богатствѣ и могуществѣ,— это теперь уже ясно и будетъ выясняться все больше и больше. Но не менѣе очевидно также и то, что объединеніе континентальныхъ державъ тогда только приведетъ къ извѣстнымъ результатамъ, когда Франція съумѣетъ избѣжать ошибокъ Наполеона.

Безсмысленно со стороны Франціи поднимать по отношенію къ Германіи, вопреки справедливости и природѣ вещей, пограничные вопросы, вслѣдствіе чего другія континентальныя націи вынуждены сближаться съ Англіей.

Безсмысленно, когда та же Франція смотритъ на Средиземное море, какъ на свое внутреннее море, и претендуетъ на исключительное вліяніе въ Левантѣ и въ Южной Америкѣ.

Цѣлесообразная континентальная система можетъ возникнуть лишь изъ свободнаго объединенія континентальныхъ державъ и

только въ такомъ случаѣ принесетъ плоды, когда будетъ стремиться предоставить одинаковыя выгоды всѣмъ. Ибо этимъ только путемъ, и никакимъ другимъ, морскія державы второго порядка могутъ, не прибѣгая къ оружію, заставить Англію уважать всѣ справедливыя требованія менѣе сильныхъ государствъ. Только посредствомъ подобнаго объединенія континентальныя мануфактурныя страны могутъ сохранить свою связь съ странами жаркаго пояса и утвердить и обезпечить свои интересы на Востокѣ и Западѣ.

Во всякомъ случаѣ тяжело показалось бы жаднымъ до преобладанія бриттамъ увидѣть такимъ образомъ, какъ континентальныя націи развиваютъ свою промышленную силу посредствомъ взаимныхъ торговыхъ облегченій и договоровъ, какъ онѣ усиливаютъ свои торговые и военные флоты, какъ онѣ повсюду, въ цивилизаціи и колонизаціи варварскихъ и дикихъ странъ и въ торговлѣ съ странами жаркаго пояса, получаютъ опредѣленную ими самою природою долю; одинъ взглядъ на будущее можетъ разувѣрить ихъ въ воображаемыхъ убыткахъ.

Тѣ же самыя причины, какія подняли Великобританію на ея теперешнюю высоту, поднимутъ—вѣроятно въ теченіе будущаго же столѣтія—объединенную Америку на такую степень промышленности, богатства и могущества, которая настолько же будетъ выше той степени, на которой находится Англія, насколько современная намъ Англія превосходитъ маленькую Голландію.

По естественному порядку вещей Сѣверная Америка въ теченіе этого времени увеличитъ свое населеніе до сотенъ милліоновъ жителей, она распространитъ на всю среднюю и Южную Америку свое народонаселеніе, свои институты, свою культуру, свой геній, какъ она уже сдѣлала это въ новѣйшее время съ пограничными мексиканскими провинціями, федеральная связь объединитъ всѣ эти неизмѣримыя страны, народонаселеніе въ нѣсколько сотъ милліоновъ употребитъ въ свою пользу континентъ, протяженіе и естественныя богатства котораго безконечно превосходятъ Европу, морскія силы Новаго Свѣта превзойдутъ морскія силы Британіи настолько же, насколько американскіе берега и рѣчные бассейны по своему развитію и обширности превосходятъ берега и рѣки Великобританіи.

Такимъ образомъ, не въ очень отдаленномъ будущемъ, естественная необходимость, которая въ настоящее время принуждаетъ

французовъ и нѣмцевъ основать континентальный союзъ противъ англійскаго преобладанія, заставитъ англичанъ стремиться къ европейской коалиціи противъ преобладанія Америки. Тогда Великобританія въ верховенствѣ объединенныхъ державъ Европы должна будетъ искать и найдетъ защиту, обезпеченіе и силу противъ американскаго преобладанія и вознагражденіе за утраченное ею верховенство.

Англія очень хорошо сдѣлаетъ, если во время рѣшится на самоотреченіе, если своевременными уступками она пріобрѣтетъ дружбу европейскихъ континентальныхъ державъ, если она заблаговременно свыкнется съ мыслію быть первою между равными.

ГЛАВА XXXVI.

Торговая политика Германскаго таможеннаго союза.

Если какая либо нація предназначена къ развитію національной фабрично-заводской промышленности, такъ это нѣмецкая. Къ этому ее призываетъ то высокое положеніе, которое обезпечено за нею науками и искусствами, литературою и воспитаніемъ, государственнымъ управленіемъ и общеполезными учрежденіями, ея нравственностію и религіозностію, ея трудолюбіемъ и бережливостію, настойчивостію и выдержкою въ дѣлахъ, равно какъ духомъ изобрѣтенія, значительнымъ и крѣпкимъ населеніемъ, обширностію и естественными условіями территоріи, очень развитымъ земледѣліемъ и естественными физическими, соціальными и умственными средствами.

Если какая либо нація можетъ ожидать отъ усвоенной ею протекціонной системы богатыхъ плодовъ своихъ туземныхъ мануфактуръ, для расширенія внѣшней торговли и мореплаванія, для усовершенствованія внутреннихъ путей сообщенія, для процвѣтанія земледѣлія, для укрѣпленія ея независимости и увеличенія ея внѣшняго могущества,—такъ это нѣмецкая.

Мы не опасаемся утверждать, что на развитіи германской протекціонной системы покоится существованіе, независимость и будущность нѣмецкой національности. Національный духъ пускаетъ корни только на почвѣ общаго благосостоянія, и только здѣсь даетъ прекрасный расцвѣтъ и богатые плоды; только изъ единства

матеріальныхъ интересовъ возникаетъ единство моральное, и только изъ того и другого—національная мощь. Какую цѣну могутъ имѣть всѣ наши усилія, если мы будемъ правителями или управляемыми, будемъ дворянами или мѣщанами, учеными или невѣждами, военными или штатскими, промышленниками, земледѣльцами или купцами безъ *національности* и безъ *гарантіи за устойчивость нашей національности*!

Но нѣмецкая протекціонная система плохо будетъ выполнять свою задачу, пока Германія не будетъ сама заниматься, при помощи механическихъ приспособленій, производствомъ хлопчатобумажной и льняной пряжи, пока она не будетъ вывозить сама необходимыхъ для нея колоніальныхъ товаровъ непосредственно изъ странъ жаркаго пояса, обмѣнивая ихъ на издѣлія своихъ фабрикъ, пока она не будетъ производить эту торговлю на собственныхъ корабляхъ, пока не въ состояніи будетъ оказывать защиту своему флагу, пока она не будетъ владѣть законченною системою каналовъ, рѣчныхъ и желѣзнодорожныхъ путей сообщенія, пока германскій таможенный союзъ не захватитъ всѣ германскія приморскія государства, Голландію и Бельгію. Мы обстоятельно обсуждали уже эти вопросы въ различныхъ частяхъ нашего сочиненія и поэтому намъ остается здѣсь ихъ лишь резюмировать.

Если мы ввозимъ необработанный хлопокъ изъ Египта, изъ Бразиліи и Сѣверной Америки, то оплачиваемъ ихъ нашими собственными мануфактурными издѣліями; если же, напротивъ, ввозимъ хлопчато-бумажную пряжу изъ Англіи, то намъ приходится разсчитываться за нее сырьемъ или пищевыми продуктами, между тѣмъ какъ для насъ гораздо выгоднѣе самимъ обработывать и потреблять ихъ; или же мы платимъ за нихъ наличными деньгами, которыя мы пріобрѣтаемъ въ другихъ мѣстахъ и на которыя намъ было бы полезнѣе покупать иностранное сырье для собственной переработки или колоніальные продукты для собственнаго потребленія.

Точно также развитіе машинной выработки льняной пряжи даетъ намъ средства не только къ увеличенію внутренняго потребленія полотна и къ усовершенствованію нашего земледѣлія, но и къ широкому развитію нашей торговли съ тропическими странами.

Что касается обѣихъ только что названныхъ отраслей промышленности, равно какъ и шерстянаго производства, то въ виду нетронутой еще у насъ водяной силы, вслѣдствіе дешевизны пище-

выхъ продуктовъ и низкой заработной платы мы поставлены въ такія благопріятныя условія, какихъ не имѣетъ никакая другая нація. Чего намъ не достаетъ, такъ это единственно и исключительно гарантіи для нашихъ капиталистовъ противъ потери своихъ капиталовъ, и для техниковъ — противъ нищеты. Для того, чтобы обезпечить такую гарантію, достаточно было бы умѣренной протекціонной пошлины, которая въ теченіе пяти слѣдующихъ лѣтъ могла бы возвыситься до 25%, продержаться на этой высотѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и затѣмъ понизиться до 15 или до 20%. Все, что защитники теоріи цѣнностей могутъ привести противъ примѣненія подобной мѣры, нами уже опровергнуто. Напротивъ въ защиту такой мѣры можно еще указать на то, что эти огромныя отрасли промышленности доставляютъ средства для устройства машинныхъ заводовъ, для воспитанія сословія дѣльныхъ теоретическихъ и практическихъ техниковъ.

Въ колоніальной торговлѣ Германія, какъ Франція и Англія, должна принять за основное правило давать предпочтеніе тѣмъ тропическимъ странамъ, которыя берутъ отъ насъ мануфактурные издѣлія, однимъ словомъ *мы должны покупать у тѣхъ, кто покупаетъ у насъ*. Таково положеніе у насъ для нашихъ сношеній съ Вестъ-Индіей и Сѣверною и Южною Америкой.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ Голландіей, которая доставляетъ намъ невѣроятную массу колоніальныхъ продуктовъ, а въ обмѣнъ за нихъ принимаетъ лишь самое незначительное количество нашихъ фабрично-заводскихъ издѣлій.

Не смотря на это, Голландія въ Германіи находитъ сбытъ для наибольшей части своихъ колоніальныхъ продуктовъ, такъ какъ Англія и Франція наибольшую часть потребныхъ имъ колоніальныхъ продуктовъ получаютъ изъ собственныхъ колоній или изъ зависящихъ отъ нихъ странъ, гдѣ онѣ нераздѣльно владѣютъ мануфактурнымъ рынкомъ, и слѣдовательно допускаютъ къ себѣ лишь самое незначительное количество голландскихъ колоніальныхъ продуктовъ.

Голландія не отличается значительною фабрично-заводскою промышленностію, а, напротивъ, производитъ массу колоніальныхъ продуктовъ, и это послѣднее производство за послѣднее время чрезвычайно возросло и можетъ еще возрости въ невѣроятной степени. Голландія однако поступаетъ несправедливо относительно

Германіи и не понимаетъ хорошо собственныхъ своихъ интересовъ, такъ какъ, сбывая наибольшую часть своихъ колоніальныхъ продуктовъ въ Германію, она напротивъ хочетъ покупать мануфактурные издѣлія тамъ, гдѣ ей больше нравится. Это для Голландіи близорукая политика, преслѣдующая лишь кажущіяся выгоды; потому что, если бы Голландія предпочитала какъ у себя, такъ и въ своихъ колоніяхъ потребленіе нѣмецкихъ мануфактурныхъ издѣлій, то спросъ Германіи на голландскіе колоніальные продукты сталъ бы возрастать въ такой же пропорціи, въ какой увеличивался бы сбытъ нѣмецкихъ мануфактурныхъ издѣлій въ Голландію; или другими словами: Германія была бы въ состояніи покупать колоніальныхъ продуктовъ настолько больше, насколько больше продастъ она мануфактурныхъ издѣлій въ Голландію; Голландія тѣмъ болѣе могла бы сбывать колоніальныхъ продуктовъ въ Германію, чѣмъ болѣе покупаетъ она мануфактурныхъ издѣлій въ Германіи. Эти нормальныя взаимныя отношенія только нарушаются Голландіею, когда она продаетъ колоніальные продукты въ Германію, а необходимые ей предметы фабрично-заводскаго издѣлія покупаетъ въ Англіи, между тѣмъ какъ Англія, каковъ бы ни былъ сбытъ ея мануфактурныхъ издѣлій въ Голландію, все-таки наибольшую часть потребныхъ ей колоніальныхъ продуктовъ получаетъ изъ своихъ собственныхъ колоній или изъ подчиненныхъ ей странъ.

Интересы Германіи требуютъ, чтобы она добилась отъ Голландіи дифференціальнаго таможеннаго тарифа въ пользу своихъ мануфактурныхъ издѣлій, что обезпечитъ исключительно для нея снабженіе мануфактурными издѣліями рынковъ Голландіи и ея колоній; или же—въ случаѣ сопротивленія—чтобы она сама установила дифференціальный тарифъ на ввозимыя колоніальные товары въ пользу продуктовъ центральной и Южной Америки и свободныхъ рынковъ Вестъ-Индіи.

Эта послѣдняя мѣра является также самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ присоединенію Голландіи къ германскому таможенному союзу.

При современномъ положеніи дѣла, Германія не имѣетъ никакого основанія приносить свои заводы свекловичнаго сахара въ жертву торговлѣ съ Голландіею. Ибо только въ томъ случаѣ, если Германія можетъ платить за этотъ продуктъ своими собственными

мануфактурными издѣліями, будетъ для нея болѣе выгоднымъ пріобрѣтать этотъ продуктъ путемъ обмѣна на продукты изъ тропическихъ странъ, вмѣсто того, чтобы вырабатывать его у себя.

Въ настоящее время поэтому Германія прежде всего должна позаботиться о расширеніи своей торговли съ Сѣверной, центральной и Южной Америкой и съ свободными рынками Вестъ-Индіи. Въ этомъ случаѣ можно предложить кромѣ вышеуказанныхъ мѣръ еще слѣдующія: установленіе правильнаго пароходнаго сообщенія между нѣмецкими приморскими городами и главными портами тѣхъ странъ, поощреніе эмиграціи въ эти страны, укрѣпленіе и развитіе дружественныхъ отношеній между ними и таможеннымъ союзомъ и главнымъ образомъ поощреніе культуры этихъ странъ.

Опытъ новѣйшаго времени достаточно показалъ, какимъ сильнымъ двигателемъ является въ обширной торговлѣ правильное пароходное сообщеніе. Франція и Бельгія идутъ уже въ этомъ отношеніи по стопамъ Англіи, хорошо понимая, что каждая нація, отставшая въ устройствѣ такого совершеннаго способа сообщенія, будетъ дѣлать попятные шаги и въ своей внѣшней торговлѣ. Сознали это уже и нѣмецкіе приморскіе города; въ Бременѣ основалась уже акціонерная компанія для постройки двухъ или трехъ пароходовъ для сообщенія съ Сѣверной Америкой. Но очевидно этого еще недостаточно. Торговые интересы Германіи требуютъ правильнаго пароходнаго сообщенія не только съ Сѣверной Америкой, т. е. съ Нью-Іоркомъ, Бостономъ, Чарльстоуномъ и Новымъ Орлеаномъ, но и съ Кубою, Ст. Доминго, центральною и Южною Америкою. Относительно этихъ пароходныхъ сообщеній Германія не должна уступать другимъ націямъ. Конечно нельзя не признать, что потребныя для этой цѣли средства превосходятъ духъ предпріимчивости, а быть можетъ и силы нѣмецкихъ приморскихъ городовъ, и мы склонны думать, что выполненіе этой задачи возможно лишь при посредствѣ богатой денежной помощи со стороны государствъ таможеннаго союза. Надежды на такую денежную помощь, равно какъ и на дифференціальный тарифъ въ пользу нѣмецкаго торговаго флота, должны бы были послужить для этихъ приморскихъ городовъ сильнымъ побужденіемъ для присоединенія къ торговому союзу. Если обратить вниманіе на то, насколько вслѣдствіе такихъ мѣръ разовьется вывозъ мануфактурныхъ издѣлій и ввозъ колоніальныхъ продуктовъ, а слѣдовательно возвысится и тамо-

женный доходъ союзныхъ городовъ, то нельзя будетъ не признать, что самые широкія издержки для этой цѣли будутъ казаться лишь производительно вложеннымъ капиталамъ, который можетъ принесть богатые процонты.

Увеличеніе средствъ сообщенія Германіи съ выше названными странами стало бы побуждать нѣмцевъ къ эмиграціи и поселенію въ этихъ странахъ, чѣмъ было бы заложено основаніе будущаго развитія торговли съ ними. Съ этою цѣлію союзные города должны бы были учредить консульства и дипломатическія агенства для облегченія указанныхъ нѣмецкихъ поселеній и предпріятій и главнымъ образомъ помогать этимъ странамъ всѣми разумными способами въ упроченіи ихъ правительствъ и въ усовершенствованіи ихъ культурнаго состоянія. Мы совершенно не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые думаютъ, что страны жаркаго пояса Америки представляютъ менѣе выгодъ для нѣмецкой колонизаціи чѣмъ страны умѣреннаго климата Сѣверной Америки. Хотя мы—сознаемся въ этомъ—и предубѣждены въ пользу этой послѣдней страны и всего менѣе расположены и желаемъ отрицать то, что единичный нѣмецкій эмигрантъ, владѣющій собственнымъ капиталомъ, можетъ обезпечить себѣ прочное будущее въ западной части Соединенныхъ Штатовъ, тѣмъ не менѣе мы должны въ данномъ случаѣ признать, что съ *національной* точки зрѣнія нѣмецкая эмиграція въ центральную и Южную Америку, если только она хорошо организована и предпринимается въ широкихъ размѣрахъ, обѣщаетъ гораздо больше выгодъ, чѣмъ эмиграція въ Сѣверную Америку. Какая польза для Германіи отъ того, что нѣмецкіе переселенцы отлично устраиваются въ Соединенныхъ Штатахъ, если они сами навсегда теряются для нѣмецкой національности, и если Германія можетъ ожидать лишь самыхъ ничтожныхъ плодовъ отъ ихъ производительности? Если думаютъ, что у живущихъ въ Соединенныхъ Штатахъ нѣмцевъ сохраняется родной языкъ, и что со временемъ тамъ могутъ образоваться чисто нѣмецкіе штаты, то это не больше, какъ мечты. Мы сами когда-то мечтали такимъ образомъ, но послѣ десятилѣтнихъ наблюденій на мѣстѣ отказались отъ подобныхъ иллюзій. Ассимиляція по отношенію къ языку, литературѣ, администраціи и законодательству составляетъ отличительную особенность каждой націи, и больше всего сѣверо-аме-

риканской, и хорошо, что это такъ. Сколько ни живетъ нѣмцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ, нельзя указать ни на одного изъ нихъ, правнуки котораго не предпочитали бы англійскаго языка нѣмецкому, и это совершенно естественно, такъ англійскій языкъ является языкомъ образованныхъ людей, языкомъ литературы, законодательства, администраціи, суда, языкомъ торговыхъ и соціальныхъ сношеній. Нѣмцы въ Соединенныхъ Штатахъ не могутъ быть и не будутъ ничѣмъ инымъ, какъ только гугенотами въ Германіи и французами въ Луизіанѣ. Они естественно сольются и должны будутъ слиться съ господствующимъ населеніемъ, одни нѣсколько ранѣе, другіе нѣсколько позднѣе, смотря потому, болѣе или менѣе тѣсно живутъ они тамъ между собой.

Еще менѣе можно разсчитывать на оживленныя сношенія между Германіей и нѣмецкими эмирантами въ западныхъ штатахъ Сѣверной Америки. Первый поселенецъ всегда принужденъ производить большую часть необходимаго ему платья и домашней утвари, и вызванныя нуждою привычки большею частію сохраняются до втораго и третьяго поколѣнія. Прибавьте къ этому, что Соединенные Штаты съ особенною энергіею отдаются фабрично-заводской промышленности и все болѣе и болѣе стремятся къ тому, чтобы обезпечить внутренній мануфактурный рынокъ за своею собственною промышленностію.

Наконецъ, мы этимъ самымъ ни въ какомъ случаѣ не желаемъ сказать, что американскій мануфактурный рынокъ не заслуживаетъ особеннаго вниманія Германіи и не представляетъ для нея особенной важности. Напримѣръ: по нашему мнѣнію этотъ рынокъ является однимъ изъ самыхъ значительныхъ для нѣкоторыхъ предметовъ роскоши и для легко перевозимыхъ фабрикатовъ, главную часть цѣны которыхъ составляетъ заработная плата, и этотъ рынокъ относительно указанныхъ предметовъ будетъ съ года на годъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Что мы утверждаемъ, такъ это только слѣдующее: тѣ нѣмцы, которые переселяются въ западные штаты Сѣверной Америки, не оказываютъ значительнаго вліянія на увеличеніе спроса издѣлій нѣмецкой фабрично-заводской промышленности и въ этомъ отношеніи эмиграція въ центральную и Южную Америку заслуживаетъ несравненно большаго покровительства и гораздо больше нуждается въ такомъ покровительствѣ.

Послѣднія страны, со включеніемъ Техаса, предназначены преимущественно къ производству колоніальныхъ товаровъ; онѣ ни-

когда не въ состояніи сдѣлать большихъ успѣховъ въ фабрично-заводской промышленности. Здѣсь можно завоевать цѣлый новый и богатый мануфактурный рынокъ; тотъ, кто установилъ здѣсь крѣпкія связи, можетъ удержать ихъ за собой навсегда. Эти страны, лишенныя нравственной силы, необходимой для достиженія высшей степени культуры, для созданія и упроченія хорошо организованныхъ правительствъ, все болѣе и болѣе будутъ убѣждаться въ томъ, что они должны воспользоваться помощію извнѣ, а именно посредствомъ эмиграціи. Англичанъ и французовъ здѣсь ненавидятъ за ихъ наглость и изъ зависти къ ихъ національной независимости, нѣмцевъ же любятъ по причинамъ противоположнымъ. Поэтому государства таможеннаго союза должны обратить особенное вниманіе на эти страны.

Здѣсь необходимо было бы учрежденіе хорошихъ нѣмецкихъ консульствъ и посольствъ, которыя должны сообщаться между собою. Было бы нужно поощрять молодыхъ натуралистовъ къ посѣщенію этихъ странъ и требовать отъ нихъ безпристрастныхъ отчетовъ, понуждать молодыхъ купцовъ знакомиться съ этими странами, посылать туда молодыхъ врачей для практики. Необходимо было бы вызывать къ жизни, поддерживать дѣйствительнымъ участіемъ въ акціонерныхъ паяхъ и оказывать особенное покровительство, во-первыхъ, компаніямъ, которыя основываются въ нѣмецкихъ приморскихъ городахъ, чтобы онѣ скупали обширныя пространства земель въ тѣхъ странахъ, заселяли ихъ нѣмецкими колонистами,—во-вторыхъ, торговымъ и мореходнымъ обществамъ, которыя ставятъ себѣ цѣлію открытіе новыхъ рынковъ въ этихъ странахъ для нѣмецкихъ мануфактурныхъ издѣлій и учрежденіе пароходныхъ линій,—горнопромышленнымъ обществамъ, которыя имѣютъ въ виду примѣнить нѣмецкое искусство и трудолюбіе къ разработкѣ огромныхъ минеральныхъ богатствъ въ тѣхъ странахъ. Всѣми возможными способами государства союза должны были бы стараться пріобрѣсти расположеніе туземныхъ народовъ и даже правительствъ и чрезъ нихъ стремиться къ развитію общественной безопасности, путей сообщенія и общественнаго порядка вообще; даже нечего было бы страшиться, если бы для сближенія съ этими правительствами пришлось имъ оказать помощь присылкою военныхъ силъ.

Такой политики слѣдовало бы держаться по отношенію къ

Востоку, европейской Турціи и государствамъ по нижнему теченію Дуная. Для Германіи въ высшей степени важно, чтобы въ этихъ странахъ господствовали безопасность и порядокъ, и эмиграція, направившаяся въ эту сторону, легче всякой другой для выполненія каждому индивидууму и выгоднѣе всякой другой для націи. Для жителя верхняго Дуная требуется въ пятеро менѣе денегъ и времени для переселенія въ Молдавію, Валахію, въ Сербію или на юго-восточные берега Чернаго моря, чѣмъ для переселенія на берега озера Эріо Но то, что влечетъ болѣе въ Америку, такъ это высшая степень господствующей тамъ свободы, безопасности и порядка. Но при современномъ намъ положеніи Турціи для германскихъ государствъ въ союзѣ съ Австріею не было бы невозможно вліять на улучшеніе соціальнаго строя этихъ странъ, такимъ образомъ, чтобы уничтожить предубѣжденіе противъ нихъ у нѣмецкаго колониста, въ особенности же если сами правительства стали бы основывать колонизаціонныя компаніи, принимать въ нихъ участіе и оказывать имъ постоянное и особенное покровительство.

Тѣмъ не менѣе ясно, что подобнаго рода поселенія могли-бы оказать особенно выгодное вліяніе на развитіе промышленности союзныхъ государствъ только въ такомъ случаѣ, если не будетъ встрѣчать препятствій обмѣнъ нѣмецкихъ произведеній фабрично-заводской промышленности на земледѣльческіе продукты колонистовъ, и если этотъ обмѣнъ будетъ поддержанъ удешевленными средствами перевозки. Поэтому государства союза заинтересованы въ томъ, чтобы Австрія сколько возможно облегчала транзитную перевозку товаровъ къ Дунаю, и чтобы пароходство по этой рѣкѣ получило сильное развитіе, чтобы слѣдовательно въ началѣ ему оказано было энергичное покровительство со стороны правительства.

Наконецъ ничего нельзя такъ желать, какъ того, чтобы позднѣе, наша промышленность союзныхъ государствъ получила большее развитіе и приблизилась къ промышленности австрійской, чтобы таможенный союзъ и Австрія заключили договоръ о взаимныхъ облегченіяхъ для ихъ мануфактурныхъ издѣлій.

Послѣ заключенія подобнаго договора какъ для Австріи, такъ и для союзныхъ государствъ было бы одинаково выгодно эксплоатировать турецкія провинціи въ пользу собственной промышленности и внѣшней торговли.

Въ ожиданіи вступленія въ таможенный союзъ нѣмецкихъ при-

морскихъ городовъ и Голландіи было бы желательно, чтобы Пруссія теперь приступила къ созданію германскаго торговаго флага и положила начало будущему германскому флоту, и сдѣлала бы попытку основать нѣмецкія колоніи въ *Австраліи* или въ *Новой Зеландіи* или на другихъ островахъ пятой части свѣта.

Средства для подобныхъ попытокъ, а равно и для тѣхъ поощреній и предпріятій, которыя были нами предложены, могутъ быть изысканы изъ того-же источника, которымъ воспользовалась Англія и Франція для поддержанія своей внѣшней торговли и колонизаціи и для поддержанія своихъ могущественныхъ флотовъ,— источникъ этотъ—обложеніе пошлиною ввозимыхъ колоніальныхъ продуктовъ. Союзныя государства могли бы достигнуть единства, порядка и энергіи этими мѣрами союза, если бы довѣрили руководство въ этомъ дѣлѣ *Пруссіи* относительно Сѣвера и заокеанскихъ сношеній и *Баваріи* относительно сношенія по Дунаю и съ Востокомъ. Возвышеніе ввозныхъ таможенныхъ пошлинъ на 10% на мануфактурные и колоніальные товары предоставило бы въ распоряженіе союза по полтора милліоновъ ежегодно. Такъ какъ вслѣдствіе постояннаго увеличенія вывоза мануфактурныхъ издѣлій съ увѣренностію можно ожидать, что съ теченіемъ времени потребленіе колоніальныхъ продуктовъ въ государствахъ союза увеличится вдвое и даже втрое противъ современнаго намъ потребленія, а слѣдовательно въ такой же пропорціи возростетъ и таможенный доходъ, то союзъ имѣлъ бы возможность позаботиться и объ удовлетвореніи упомянутыхъ потребностей, если бы рѣшили, что помимо увеличенія пошлинъ на 10%, еще извѣстная *часть всего будущаго прироста таможенныхъ доходовъ* предоставлялось бы въ распоряженіе Прусскаго правительства, чтобы эти суммы употреблялись для достиженія указанной цѣли.

Что касается устройства системы германскихъ путей сообщенія, и въ частности германскихъ желѣзныхъ дорогъ, то мы отсылаемъ читателя къ нашему сочиненію, которое спеціально посвящено этому вопросу. Громадныя улучшенія въ этомъ отношеніи оплатятъ сами себя, а все, что потребуется для выполненія этого дѣла отъ правительствъ, можетъ быть выражено въ одномъ словѣ,— слово это—*энергія*.

КОНЕЦЪ.

2/5 40p

KS6317